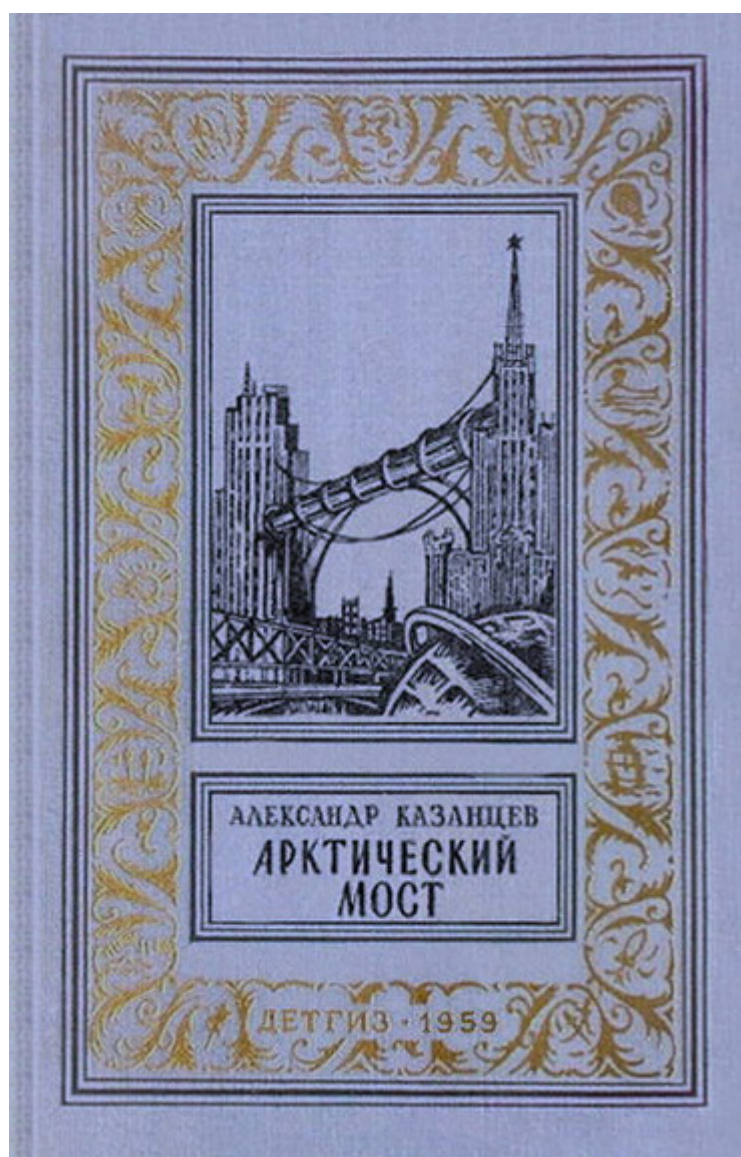
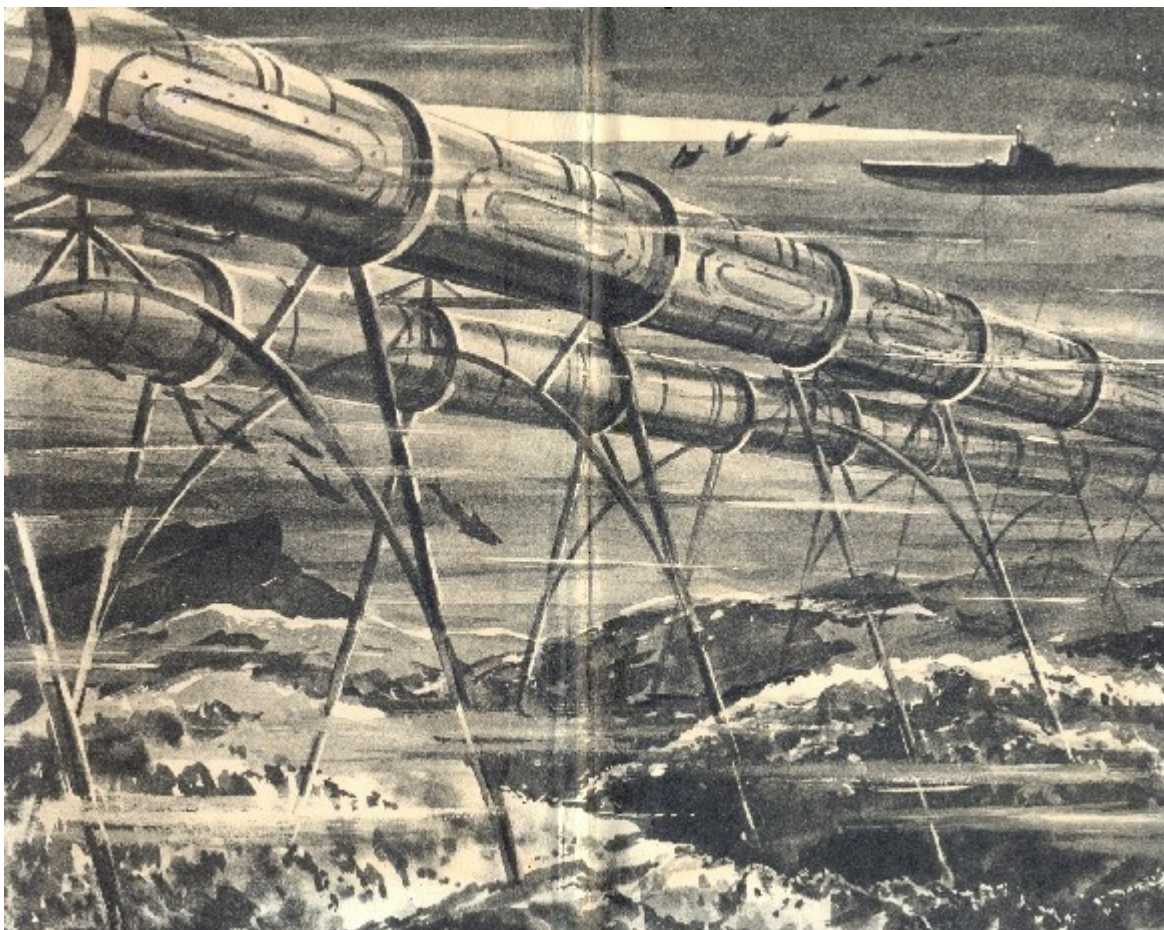

Александр Петрович Казанцев
Арктический мост

Северный мост – 3

**Александр Казанцев
АРКТИЧЕСКИЙ МОСТ**

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Рисунки
Г. МАКАРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1959

Предисловие

Инженерный проект «моста дружбы» существует. Когда-то я сделал его, веря, что людям разных стран, различных политических систем понадобится быстрое и надежное межконтинентальное сообщение. И пусть сейчас кое-кто и хмурится при всяком упоминании о мирной жизни, о тесном общении разноязычных ученых и инженеров, артистов и художников, студентов и рабочих – простых людей всего мира. Придет время, и взаимное тяготение народов сметет выдуманные «стальные» или «железные» занавесы, и тогда потребуются межконтинентальные самолеты только для пассажиров, а не для бомб, понадобятся лишь океанские экспрессы, а не авианосцы, нужен будет и Арктический мост! Это будет! За это борются все народы, ненавидящие войну. Но я больше не мог ждать, я опередил жизнь и начал строить Арктический мост... пока вместе со своими героями. С ними терпел я неудачи, изобретал, боролся, любил... А потом за своих героев, строителей мечты, выслушивал я горькие упреки и грозные обвинения. Ведь не все верили в мечту. Но я остался верен ей, верен идеям сближения материков и всеобщего технического прогресса. Пусть же читатель поверит, как и я, что будут существовать на Земле условия, когда мы с ним спустимся подо льды Ледовитого океана, в подводный док строительства «моста дружбы».

Автор

Пролог

Глава первая ЛЕД И МЕТАЛЛ

Генерал сорвал с аппарата телефонную трубку:

– Семнадцатый мне. Я – Веков. Ну как? Держитесь? Понимаю, отлично понимаю, что вам нужно. Так держать. Останавливаться запрещаю! У меня все.

Черные лохматые брови генерала сошлись. Он стукнул рукой по рычагу аппарата и снова заговорил властным, энергичным голосом:

– Штаб мне. Кто? Докладывайте. Вы понимаете, что это значит? Равносильно прорыву фашистского танкового корпуса! Насколько понизился уровень? Катастрофа! Кто за это ответит? Где Корнев? Все едет?..

Генерал бросил трубку и встал из-за стола.

Он неожиданно оказался низенького роста. Военной выправки у него не было, но лицо с тяжеловатыми чертами было сурово, темные глаза жгли, движения – порывисты и решительны.

Раздался характерный звонок. Генерал резко повернулся к столу.

Прямой провод – Москва!

Он присел к столу и осторожно снял с крайнего аппарата трубку.

– Я – генерал-майор Веков, – четко сказал он. – Слушаю, товарищ нарком. К сожалению, сводка неутешительна. Стоим на краю катастрофы. Мороз – против нас. Уровень понижается. Понимаю, отлично понимаю... потеря сотен танков и пушек, десятков тысяч снарядов. Все понимаю, товарищ нарком. Меры будут приняты. Слушаю. Есть. Будет исполнено. Жду толкового человека, главного механика. Тотчас позвоню вам.

Генерал задумчиво положил трубку, тяжело вздохнул и на мгновение опустил голову на руки, но тотчас вздрогнул, как от выстрела, и сорвал трубку внутреннего телефона:

– Начальника транспорта мне. Кто это? Я – Веков. Где поезд? Когда же он придет, черт возьми? Остановите движение по всей дороге, гоните состав молнией. Там – мой главный

механик. Выполняйте.

Генерал резко застучал рычагом аппарата:

– Штаб мне. Я – Веков. Как у вас? Понижается? Что ж вы сидите и только регистрируете уровень воды? Пасуете перед стихией? А потеря танков и пушек?.. Какой же вы, к черту, чрезвычайный штаб? Стоило создавать его, чтобы сидеть у проруби да воду мерить! Мысль нужна, новые идеи, действие, борьба! Почувствовать надо, что вы на фронте...

Генерал бросил трубку и бессильно откинулся на спинку кресла. Уголки губ опустились, веки полузакрылись. Усилием воли он отогнал минутную слабость, встал, прошелся по кабинету.

Поезд, которого так ждал генерал Веков, приближался к Светлорецку. В тяжелый год Великой Отечественной войны, во вторую ее зиму, в этом поезде ехал молодой еще инженер Степан Корнев со своим двенадцатилетним братишкой Андрюшей.

Завод, на котором Корнев работал в Ленинграде после окончания Политехнического института, был эвакуирован на Урал и вошел в состав Светлорецкого металлургического комбината, директором которого был недавно произведенный в генералы Веков. Родители Степана вместе с Андрюшей остались в Ленинграде. Отец, старый путиловский рабочий, погиб, защищая родной город. Мать, перенеся все ужасы блокады, все-таки спасла сына. По льду Ладожского озера он с группой детей был переправлен на Большую землю. Степану она написала, наказывая быть Андрюше за отца, сама же умерла в Ленинграде от истощения. Только спустя год удалось Степану Григорьевичу Корневу найти брата и съездить за ним в Акмолинск.

Теперь они ехали в Светлорецк по узкоколейке, которую еще до революции из экономии построили концессионеры вместо широкой колеи.

В замерзшем окошке вагончика Андрюша горячим дыханием протаял глазок и с замиранием сердца смотрел на округлые, первые в его жизни горы со снежной проседью лесов, на тяжелые, опушенные белым мехом лапы подступающих к поезду елей, на скованную льдом речку, похожую на занесенное шоссе, вьющееся рядом с колеей.

Но больше всего занимал Андрюшу его старший брат Степан, которого он так давно не видел. Крупный, несколько грузный для своих лет, чуть скуластый, как и Андрюша, но с тяжеловатой нижней частью лица, с густыми, властно сведенными бровями, уверенный, немногословный, он олицетворял для Андрюши силу, ум, благородство... Если бы не присущая старшему брату сдержанность, Андрюша так и сидел бы рядом с ним и держался за его большую жесткую руку. Но мальчик боялся выдать себя и наблюдал за братом исподтишка с любопытством и гордостью.

Еще бы! Ведь Степана, несмотря на его молодость, назначили главным механиком огромного металлургического комбината. Прежний главный механик, старый уральский практик, стал заместителем Степана, и Андрюша понимал, как трудно приходится брату.

Вот и сейчас, в поезде, он говорил с техником, ездившим за запасными частями к доменным воздуходувкам. Степан приказал ему еще сегодня ночью доставить части в цех. Он сам будет присутствовать при их смене. И это после долгой и трудной дороги!..

Перед самым Светлорецком поезд вошел в туннель. Стало темно, шум колес усилился и отдавался в ушах. Андрюша припал к своему глазку, но ничего не видел. Свет в вагончике не включали. Степан чиркнул зажигалкой, и все стало незнакомым вокруг. Андрюше показалось, что он совсем в другом поезде мчится по непостижимо длинному туннелю, который ведет... Куда он ведет? Степан говорил с соседом об американцах, которые никак не открывают второй фронт. Может быть, туннель как раз и ведет к американцам, и они по нему что-нибудь посылают, по дружбе... И поезд мчится по туннелю, как пуля в стволе винтовки...

И в тот же миг стало светло, снова рядом оказалась замерзшая речка, а впереди расстилалось снежное поле, – как потом узнал Андрюша, пруд, – а за ним виднелись высокие заводские трубы.

С вокзала на квартиру Степана поехали на лошади, в кошевке. Улицы были тихие и белые. Впереди вырисовывались уже близкие трубы завода и доменные печи. В морозное небо из них вырывались огненные факелы, что-то там рычало, шумело, скрежетало – непонятное, таинственное... Ведь Андрюша никогда не бывал на заводе. И в этом царстве машин, огромных, быстрых, могучих, в царстве металла, грохота, огня и движения, Степан был главным механиком, царем машин, хозяином всего оборудования. Вот бы стать таким, как Степан!..

– Щеки-то отморозил, – сердито сказал Степан.

Приказав вознице остановиться, он протянул руку к сугробу за снегом и стал оттирать брату щеки.

Андрюше было больно, но он стыдился в этом признаться.

– Во мороз! – заметил возница. – Гляди, перемерзнет Светлая до самого дна.

Степану еще не отвели заводской квартиры, он жил за перегородкой у рабочего-такелажника Денисюка, которого очень ценил за необыкновенную изобретательность во всем, что касалось поднятия тяжестей.

Алексей Денисович Денисюк был уже немолод. Он хромал на правую ногу, отдаленную еще в молодости сорвавшейся балкой. Желтые концы его пшеничных усов упрямо торчали вперед.

Он сам открыл дверь приехавшим:

– Здоровеньки булы, Степан Григорьевич! Жинка зараз самовар поставит, да с морозца лучше бы горилки...

Едва Степан и Андрюша вошли в комнату за перегородкой, а Денисюк внес чемоданы, зазвонил телефон. Оказывается, директор завода узнал, что главный механик уже приехал.

– Пока вы устраиваете свои семейные дела, – раздраженно говорил он в трубку, у нас завод без воды остался, доменные печи останавливаются! Вы понимаете, что повлечет за собой остановка завода? Прошу немедленно явиться ко мне.

Озабоченный Степан велел Андрюше ложиться спать и позвал Денисюка пойти вместе с ним на плотину, посмотреть уровень воды в пруду.

Андрюша стал умолять брата взять его с собой. Хоть бы на плотину посмотреть, около завода постоять, побыть вместе со Степаном... Тот не стал спорить: пусть идет парень, в конце концов ему следует привыкать к заводской обстановке.

Короток зимний день. На улице успело потемнеть, в окошках зажглись огоньки. Шли вдоль заборов. Два раза Андрюша попадал в сугроб, пока не пригляделся. Стало как будто еще холоднее, и Андрюша тер рукавицей нос и щеки, стараясь не отставать от Степана и Денисюка, который, несмотря на хромоту, шел удивительно быстро.

Около плотины стояла маленькая будочка: за нею простирался лед пруда. Фонари плотины и освещенные окна домов цепочкой очерчивали берег, а на противоположном берегу огоньки едва различались.

В будочке было тоже холодно, но не чувствовалось ветра. Степан и Денисюк рассматривали крашеную планку с делениями и качали головой.

Андрюша мысленно повторил фразу Степана, что уровень воды в пруду понижается катастрофически. Тело его напряглось, словно он готовился к прыжку или удару. Всем существом своим он ощущал катастрофу. Андрюша не понимал, чем она вызвана, но расспрашивать брата ему не хотелось, и он только незаметно дотронулся до его полушубка.

– Вот так, – задумчиво сказал Степан. Кажется, Алексей Денисыч, это единственное в мире, чего тебе не поднять...

– Воду-то? – переспросил Денисюк и сдвинул шапку с затылка на лоб. – Це дило треба разжуваты.

– Где-то вверху лед на реке до самого дна дошел, вода там поверху идет, намерзает.

– Так разумию: приподнять лед треба.

– Эх, Денисюк, Денисюк! Целое ледяное русло не поднимешь.

– Это так, – согласился Денисюк и вздохнул.

Степан пошел к директору, а Денисюк повел Андрюшу спать.

Мальчик решился расспросить своего нового знакомого, которого он называл мысленно запорожским казаком. Прихрамывая, тот шел рядом и объяснял:

– То ж тут устройство немудреное, уральское. От старого заводика осталось. А теперь тут вон яка махина дивная! Краше, чем у нас на Украине у Донбассе или Кривом Роге. А вода тут как идет? В пруде накаплиется. Для того на плотине уровень воды держат, как треба... На завод вода течет по громадной трубе, вроде туннеля. Ее потом насосами на домны и мартены качают, для охлаждения. А без охлаждения никак невозможно, бо производство металлургическое.

– Что же теперь будет? – допытывался Андрюша.

– То не добре, Андрей Григорьевич. Воды не станет – домны останавливай. А долго простоят – козел будет.

– А что такое козел?

– То ж когда металл у печи застынет. Домну тогда рушить треба. Денисюка кликнут: подымай, друже, глыбу металла, до ямы вырытой передвигай – и зараз у землю. Так и похоронят козла. Бают, немало таких «самородков» в уральской земле зарыто. И брешут, будто бывало, что и инженера зараз хоронили. Стрелялись. То не добре. В дидово время было...

– Нет! – протестующе воскликнул Андрюша. – Степан не будет! И вот увидите, он не даст домнам остановиться.

– Як же не дать? – вздохнул Денисюк. – Як ее подынешь, воду-то бисову? Зараз не зацепишь...

Директор Веков распекал главного механика. Он считал это своим долгом воспитателя молодых кадров, долгом командира важнейшего фронтового участка:

– И я воюю, и вы должны чувствовать, что воюете! Остановка завода это поражение крупнейшего воинского соединения, а не просто производственная неполадка. Разговаривать нам с вами в трибунале придется! Понижается не только уровень воды в пруду, которым вы ведаете, товарищ главный механик, а понижается соответственно выпуск танков, пушек, снарядов из нашего металла.

Степан мрачно стоял перед маленьким чернявым человеком в военной форме и молча выслушивал горькие слова. Рядом с директором сидел главный инженер, седой, рыхлый, больной. Как начальник штаба, созданного в связи с чрезвычайным положением, он встал с постели и по требованию директора явился на завод.

Директор Веков прошел школу первых пятилеток, всю жизнь работал неистово, был замечен самим Серго Орджоникидзе, никогда не жалел себя, да и никого, кто работал вместе с ним. Он считал, что на работе следует гореть... Ну, а если горишь – так и сгораешь... На своего главного механика он давно имел зуб за постоянный срыв им же самым названных сроков ремонта машин и прокатных станов. Молодой инженер Корнев всегда старался назначить срок самый короткий, не жалел себя, чтобы в него уложиться, но... часто краснел перед бушующим директором.

– Вы на фронте, товарищи инженеры! – внушительно сказал Веков и даже ударил по столу кулаком. – Придумывайте, изобретайте, чувствуйте себя саперами, черт возьми!.. Там, на передовой, каждому из вас пришлось бы быть сапером!

Главный инженер, держась за сердце, сказал:

– Взрывать надо, Николай Сергеевич, уж коли о саперах вспомнили.

– Возьметесь? – взглянул на Корнева директор.

– Взорву, – решительно сказал Корнев.

– Ну, смотрите, товарищ главный механик... если домны остановятся, не взыщите.

– Не остановятся, – спокойно ответил Корнев, чувствуя, как внутри у него все холодеет. Он знал, что домны не должны остановиться, но он никогда прежде не руководил взрывными работами.

– Выполняйте, – приказал директор.

– Есть выполнять, – по-военному повторил Корнев и, резко повернувшись, вышел из кабинета.

Веков посмотрел ему вслед, переглянулся с главным инженером, похлопал себя по золотому погону и сказал:

– Двойную тяжесть, Борис Александрович, я ощущаю, как эполеты эти надел. Каждую секунду должен чувствовать себя не только инженером, как прежде, не просто директором, а командующим важным участком фронта... А тут не только с людьми, а еще со стихией воевать приходится, да еще кадры воспитывай... А ведь у меня не запасный батальон!

– Да... смена нужна, – вставил главный инженер.

– Завод не должен встать, не должен! – вскочил директор. – Не для того меня генералом у вас сделали, чтобы мы с вами сводку о таком поражении сообщили.

– Но что же делать?

– Бороться, взрывать, выдумывать, черт возьми! В этом Корневе что-то есть... В бою ему, пожалуй, полк бы дали...

– Вы ему и так уже дали больше полка.

– Дал! Но если он сорвется... – не договорив, директор снял с вешалки шинель и, надевая ее на ходу, пошел в цеха.

Глава вторая ТРУБА

Степан начал воспитание младшего брага в тяжелые для себя дни. Он решил прививать ему нужные черты характера и любовь к технике с практических дел. Зимние каникулы позволили ему взять Андриюшу с собой на взрывные работы.

Андриюша был счастлив и серьезен.

По узкоколейке ехали на ручной дрезине. Андриюша вместе с рабочими качал приводной рычаг, а Степан сосредоточенно думал. Въехали в удивительно узкое устье туннеля, совсем непохожего на московское метро, а скорее напоминавшего ствол пушки. Андрею казалось достаточным протянуть руку, чтобы коснуться стенок. В ушах шумело, ветер бил в лицо, словно дрезина неслась по туннелю с невероятной быстротой.

Внезапно появился свет. Пришлось сощурить глаза. Солнце, небо, снег – все сверкало.

Поворот – и железная дорога вышла к реке.

С насыпи были видны ледяные наплывы, еще не занесенные снегом. Вода, которой не было прохода по дну, поднималась по трещинам и разливалась поверх льда, тут же замерзая.

Степан сказал, что это – наледи.

Со льда на берег взбежал офицер в полушубке, молодой, сероглазый, и взял под козырек:

– Саперы тридцать девятого запасного саперного батальона производят подрывные работы! – отрапортовал он главному механику.

Это была помощь, которую оказывала армия заводу.

Степан поздоровался с офицером за руку.

Андриюша спустился на лед к причудливому натеку, который напоминал школьную карту морского берега с заливами и бухтами.

Ему сразу пришло в голову, что он – морской путешественник, открывший новые земли. И он стал давать названия заливам и бухтам. Ледяная корка была тонкой и сразу затрещала у него под ногами. Степан строго закричал на него. Пришлось вернуться.

Пошли осматривать место взрывов.

Во льду зияли огромные воронки с конусообразными ребристыми краями. Битый лед сверкал гранями, местами вспыхивали крохотные радуги. Хрустели льдинки.

Андриюша заглянул в одну воронку и увидел песок. Это было дно.

Раздался свисток.

– Сейчас будут взрывать, товарищ главный механик, – сказал молодой офицер. –

Пройдемте в укрытие.

Степан взял Андриюшу за руку и направился следом за офицером к береговой скале. Лицо его было спокойно, но Андриюша чувствовал, как нервно сжимается его рука.

Скала закрыла место взрыва.

Андриюша не отпускал руки Степана, напряженно глядя на верхушку скалы. Ему хотелось заткнуть пальцами уши, но он стеснялся это сделать. И вдруг в небо совершенно беззвучно взвился огненный столб с черным облаком вверху. Только потом грянул взрыв.

Андриюша даже присел, потянув за собой Степана. Сверху сыпались осколки льда. Пошли смотреть воронку.

Ожидаемых результатов новый взрыв не дал.

Степан кусал губы. Стало ясно, что взорвать лед перемерзшей реки не удастся.

Не останавливая взрывных работ, Степан вместе с Андриейшей поехал на завод.

Дрезина довезла их до вокзала. Дальше Степан решил идти пешком через пруд.

Он шел в глубоком раздумье по протоптанной в снегу тропинке. Андриюша, боясь помешать брату, плелся поодаль. На пруду было ветрено, и мороз хватал Андриюшу то за нос,

то за щеки.

Недалеко от плотины на льду толпились рабочие. Андрюша узнал среди них Денисюка. Степан подошел к ним.

Андрюшу поразило, что лед был двух уровней. Огромная трещина расколола пруд, и береговая часть ледяного покрова оказалась выше остальной, осевшей вместе с понижающейся водой.

Когда рабочие расступились, Андрюша заметил под образовавшимся ледяным сводом трубу. Прежде она проходила в глубине пруда и по ней текла вода на завод. Теперь осевший лед оказался ниже и она была суха.

Рабочие скалывали лед над трубой, чтобы он не повредил ее.

Степан остановился и, наклонив крепкую шею, о чем-то задумался. Андрею казалось, что брат что-то изобретает, и он задерживал дыхание, словно мог этим помочь ему...

– Знаешь, Андрюша, – сказал Степан, – кажется, я нашел...

Сердце у Андрюши застучало.

– Что нашел? – почти беззвучно спросил он.

– Нашел, как спасти завод. Видишь ли, я вспомнил, что у нас на силовой станции бездействует огромный насос...

– Подожди, – прервал взволнованный Андрюша, – не говори! Я сам...

– Что сам? – удивился Степан.

– Я должен сам придумать, что ты придумал, – сдавленным голосом проговорил Андрюша.

Тот на миг только взглянул на брата. Может быть, Степан в этот момент и увидел бы в характере брата нечто новое, но он был слишком поглощен заботой о заводе, пришедшей ему в голову спасительной идеей. К тому же он увидел, что по льду пруда впереди нескольких человек шагал низенький военный в высокой генеральской папаше.

Андрюша напряженно смотрел вслед брату, направившемуся к директору завода.

Маленький генерал внимательно выслушал Степана.

– Поставить сюда насос из силовой? – переспросил он.

– Да, товарищ генерал! Воды в пруду достаточно. Насос будет выкачивать ее и гнать на завод по этой трубе. – Корнев показал на зияющее надо льдом отверстие трубы.

– Какой вам нужен срок?

– Дня два – три, – ответил главный механик.

– Слушайте, вы, главный механик, – повысил голос директор, – неужели мне нужно разъяснять вам, что значит простой металлургического завода в наши дни? О таком длительном сроке не может быть и речи. Считайте себя на фронте...

– В любую минуту готов туда пойти! – вспыхнул Степан.

Генерал пристально посмотрел на него:

– Будете там, где нужнее... Срок: два дня!

– Но... – попытался возразить Степан.

– У меня доменные печи стоят! – почти закричал директор и сразу понизил голос почти до шепота. – А если козел? Вы понимаете? Каждый час к прямому проводу требует Москва!..

– Есть, в два дня, – сказал Степан.

На льду началась неистовая работа. Заколачивали в дно пруда сваи, подвозили бревна.

Плотники делали сруб, электрики тянули с завода линию электропередачи. Денисюк возглавлял доставку знаменитого насоса, который стоял, как уже знал Андрюша, в подвальном помещении силовой станции.

Андрюша боялся пропустить момент, когда привезут насос, но уже наступила ночь, а его все не везли.

Степан, увидев Андрюшу в такой поздний час на пруду, прогнал его домой спать, но тот не послушался. Сначала он спрятался за бревнами, а потом, улучив момент, залез в трубу, в ту самую, по которой текла прежде вода на завод и которая теперь была суха.

Чтобы не быть замеченным, Андрюша заполз в трубу подальше. Она была большая,

почти как тот туннель, по которому они недавно ехали. Можно было свободно сидеть. Через светлое устье Андрияша видел копошащихся на льду людей, а его в темноте трубы заметить было нельзя.

До Андрияши доносились голоса рабочих, очевидно сделавших перекур. Говорили, как и Степан в поезде, об американцах, которые никак не открывают второй фронт, а вместо этого шлют нам свиную тушенку.

Утомленный впечатлениями дня, волнениями за Степана, Андрияша свернулся клубочком и незаметно заснул в своем убежище.

Во сне труба казалась ему туннелем, снаружи вокруг нее была вода, а сверху – лед пруда... и почему-то по трубе американцы что-то посылали...

Разбудил его грохот, гулко отдававшийся в металлических стенках. Андрияша проворно выполз на лед.

Тарахтел огромный трактор.

Место работ было ярко освещено электрическими фонарями. Электрики успели дать свет.

По пруду на огромных, сколоченных из бревен санях везли гигантский насос: округлую громаду металла с зияющими отверстиями для присоединения патрубков.

Андрияша побежал к трактору. Рядом с санями шел Денисюк и кричал на трактор, как на лошадь:

– Гей, гей! Не хромай, налегай! Спать не будемо!

Один из инженеров докладывал Степану:

– Нужны чугунные патрубки. Из готовых не подберешь, по размеру не подходят... Придется отливать новые, обрабатывать... Это займет несколько дней.

– Слушайте, вы, инженер, – жестко сказал Степан: – считайте, что мы на фронте. Если бы мы с вами сорвали наступление, нас бы расстреляли...

– Да, но... – опешил инженер.

– Возьмем готовые патрубки. Чтобы подошли к насосу, поставим свинцовые прокладки. Подгоним по месту.

– Свинцовые? – поразился инженер. Конечно, будет скорее, но...

– Выполняйте, – распорядился Степан.

Прошло два дня. На льду пруда выросла деревянная будка. В Андрияшину трубу уже нельзя было залезть: к ней через патрубок был присоединен огромный насос, скрытый в будке. Там же, на одной с ним оси, стоял мощный электромотор. Однако воды все еще не было. Насос никак не хотел засасывать воду. Очевидно, как предположил Степан, в приемный трубопровод, опущенный в пруд, попадал воздух.

Степан не спал двое суток, не давая отдыхать ни Денисюку, ни другим рабочим и инженерам. Все падали с ног, но на Степана не жаловались.

Андрияша тоже почти не покидал места работ.

У Степана лицо стало серым, глаза ввалились, голос охрип, но по-прежнему был жестким.

Директор вызвал к себе Степана и разнес его за срыв срока.

Степан вернулся от него мрачным и безжалостным. Он не давал никому даже закурить, требовал предельного напряжения сил.

Почти сутки понадобилось, чтобы пригнать свинцовые прокладки к патрубкам, чтобы оградить всасывающий трубопровод от попадания воздуха.

На Степана было страшно смотреть. Денисюка увезли на подводе.

И наконец насос пошел.

Андрияша в это время стоял около будки. Услышав в ней крики, он припал ухом к трубе. Металл жег его холодом, но он не замечал этого, он слышал только, как бурлит, клокочет хлынувшая в трубу вода...

Андрияша был счастлив. Это сделал его Степан!

На лед пришел генерал и благодарил главного механика, хлопал его по плечу, смеялся,

потом взял под руку и повел на завод. Оглянувшись, он увидел Андриюшу и поманил к себе.

– Здравствуй, молодой человек, – сказал он. – Благодаря твоему брату доменные печи пошли. Сейчас будет первый выпуск чугуна. Пойдем посмотрим.

Андриюша потерял дар речи.

Он прошел через проходную вместе с директором и Степаном. Охрана почтительно пропустила их. Андриюша изо всех сил старался показать, что ничуть не удивлен.

Но на заводе его все не только удивляло, а ошеломляло: и паровозики-кукушки, с пронзительным свистом толкавшие огромные ковши на колесах, и ажурные мостовые краны над головой, предупреждающе звонившие колоколом, и скиповый подъемник с вагонеткой, которая сама собой ползла в гору, и запах гари, дыма, жженой земли и еще чего-то, и, наконец, – люди, ловкие, бесстрашные и умелые, в широкополых шляпах с приделанными к полям темными очками.

На литейном дворе доменного цеха в земле были сделаны канавки, в которых должен был застывать чушками чугун. Здесь-то и пахло горелой землей. Рабочие в светлых комбинезонах что-то делали около желоба.

И вдруг двор осветился. Посыпались искры, и ослепительно яркая жидкость потекла из пробитого отверстия. Люди отскочили, прикрываясь рукавицами.

Маленький генерал, который ростом был чуть выше Андриюши, обнял его за плечи и стал шутить, смеяться, что-то говорить... Андриюша понял, как любит директор свой завод, доменную печь, расплавленный металл.

По литейному двору торопливо шел полный седой человек. Сняв меховую шапку-ушанку, он издали махал ею директору.

Андриюша узнал главного инженера.

Главный инженер совсем запыхался. Подойдя к директору, он с трудом произнес:

– Насос отказал, Николай Сергеевич. Я приказал остановить доменные печи.

– Как встал?! – крикнул генерал.

Степан побледнел. Андриюша испугался за него. Ведь он после трех бессонных ночей едва держался на ногах.

– Конечно, эти свинцовые прокладки мигом растрясло, как и следовало ожидать. Они деформировались, и теперь воздух проникает в трубу, – сердито говорил главный инженер.

Генерал повернулся к Степану:

– Еще раз сорвать водоснабжение завода я вам не позволю! Идите! Быть там, пока насос не пойдет!

Степан повернулся и зашагал прочь.

Андриюша не знал, что ему делать.

Генерал ласково взял его за руку:

– Я тебя провожу. Эх, мальчик мой, ведь это же металл, металл, которого ждут наши солдаты на фронте...

В голосе его была такая горечь, что Андриюша сам готов был рассердиться на Степана за то, что насос у него остановился.

Глава третья ПРИЗНАНИЕ

Прошла зима, вскрылась речка Светлая, сошел с пруда ледяной покров, поднялся уровень внешних вод, а около плотины так и осталась стоять деревянная будка с насосом, вырुчившим завод зимой.

Ранним утром, выйдя с завода, Степан прошел мимо будки и с особым чувством посмотрел на нее. Сколько суток проведено здесь! Говорят, материнское чувство крепнет во время бессонных ночей у детской кроватки.

У Степана было почти материнское чувство к насосу, который он все-таки пустил зимой. Да и ко всему заводу – тоже. Вот и сейчас он шел с завода после двадцати восьми

часов, проведенных в доменном цехе, где ремонтировали механизм подъема конусов. Степан Григорьевич считал долгом главного механика быть там. Несмотря на угар, он не уходил и не позволял уходить до окончания ремонта всем, кто был вместе с ним. К утру домна пошла.

Возвращаясь домой, Степан думал о насосе, о домне, о людях, которым подавал пример своей неистовой работой, об Андрюше, его ведь следует воспитать в этом же духе, сделать инженером... «Наверное, он еще не ушел в школу».

Он действительно еще застал Андрюшу дома, обрадовался, растрепал ему волосы и велел как следует позавтракать. Но сам есть не стал. Болела голова.

Открыв окно, Степан смотрел, как братишка перебегает улицу. Собственно, это была не улица, даже и не просека в лесу, а просто нетронутый сосновый лес с приютившимися под сенью старых сосен маленькими, доверчивыми елочками.

Степан с наслаждением вдыхал лесной воздух.

Живешь одним заводом и не замечаешь, как проходит весна. Оказывается, на березках уже листва... И сколько оттенков зелени, если сравнивать сосны и ели, березы и траву... Хорошо бы пойти в лес с ружьем, не думать о колошниках и мартенах... Поспать бы на мху... или выкупаться в Светлой... Впрочем, конечно, купаться еще рано.

Может быть, действительно пойти в лес и там выспаться? Позвонить об этом заместителю? Со времени перемерзания Светлой и установки насоса на пруду, после десяти дней и десяти ночей, которые провел Степан без сна на льду, старый механик стал относиться к своему молодому начальнику много лучше. Да, десять суток без сна!.. Трое суток до первого пуска воды по трубе... и еще семь суток после объявленного Степану выговора за срыв срока и остановку насоса, который он сам же и надумал установить...

Пришлось отлить и обработать новые патрубки...

И все-таки завод пошел!..

Теперь Степан стал другим – давал сроки «с запасом», а потому больше их не срывал.

Зазвонил телефон. Степан снял трубку.

Говорил директор Веков. Он требовал, чтобы Корнев немедленно явился к нему.

Не в привычке Векова справляться, спал ли главный механик... и не в правилах Корнева напоминать об этом.

Превозмогая головную боль, Степан Григорьевич пошел в заводоуправление.

Веков ждал его.

– Ну, главный механик, славный механик, – встретил он его, выходя из-за стола и идя навстречу. – Кто старое помянет – тому глаз вон! За выговор «насосный» зла не имеешь?

– Не имею, товарищ генерал, – сухо ответил Корнев.

Директор усмехнулся:

– Ну, давай руку, поздравляю. С правительственной наградой. С орденом Красной Звезды, которым наградила тебя Москва за пуск завода зимой... наградила по моему представлению.

– Орден? – удивился Степан.

– Да, брат! И выговор и орден – за одно и то же. В этом, так сказать, диалектика... Сумей понять. Выговор тебя кое-чему научил. Орден – тому признание.

– Признание?

– Да, Корнев, признание. Садись. Разговор серьезный.

Маленький генерал вернулся на свое место за столом и уселся в вертящееся кресло. Степан сел на жесткий стул. В кабинете директора стояли только жесткие стулья с высокими неудобными спинками, как на железнодорожном вокзале.

– Признание, – продолжал директор, – и в первую очередь мое признание. Я приказал заготовить тебе документы. Поедешь в Москву.

– В Москву? А как же завод?

– Это хорошо, что ты не представляешь себе завода без себя... и себя без завода. Вижу – мое ученье. Все же поедешь в Москву получать орден. И явишься к нашему наркому. Только что с ним о тебе говорил по прямому проводу.

– Обо мне с наркомом? – настороженно спросил Степан.

– Да, Степан Григорьевич, о вас. Наш главный инженер, как вы знаете, безнадежно болен. Едва ли в строй вернется. Вот нарком и хочет с вами, товарищ Корнев, познакомиться. По моему совету, конечно... – Перейдя со Степаном на «вы», директор подчеркнул особое значение того, что он сказал.

Степан понял все и почувствовал, как жар приливает к лицу.

– Разве я могу быть главным инженером такого комбината! – воскликнул он.

– Ну, не главным инженером, – поправил его директор, – а исполняющим обязанности главного инженера, а там посмотрим. Вот так. – И он впился острыми, близко поставленными глазами в зардевшееся лицо молодого инженера. – Мне показалось, что ты научился со мной работать, – снова перешел директор на короткую ногу со Степаном. – Себя, да и других не жалеть. Не рисковать. Чувствовать, что важно. Стену не ломать, а обходить. Запретов не нарушать. Держать помощников в неослабном напряжении. Знать, что работа – цель жизни. Все мы – для нее! Ты это понял. Хвалю!

– Николай Сергеевич! Спасибо! – срывающимся голосом выговорил Степан.

– В военное время выдвигаются быстро, – поучал генерал. – В другие годы тебе бы долго пришлось выбиваться. А сейчас, получив признание, знай: первое дело – дисциплина, производственная и финансовая. Помните, товарищ будущий главный инженер, о бухгалтере. Он и первый помощник вам, он же и «недремлющее око государства» одновременно! До сих пор вы были только инженером, а предстоит вам стать руководителем. Многое понять придется.

– Пойму! – Степан неожиданно встал с жесткого стула.

В позе его было что-то торжественное.

Директор тоже поднялся.

– Когда ехать? – спросил Степан.

– Сегодня.

– Но ведь пассажирский поезд уже ушел.

– Для тебя к товарному экспрессу прицепят служебный вагон. К наркому едешь! Пассажирский поезд ты еще перед Прудовкой обгонишь. Кстати, проследи за быстрым продвижением военных грузов.

– Понятно.

– Иди, готовься к отъезду. Имей в виду: на тебя курс держу, потому что на молодежь у меня ставка. Ночь-то спал?

– Не спал.

– В пути выпишься.

– Есть выпастись в пути! – весело ответил Степан и почти выбежал из кабинета.

Он ликовал. Да, ликовал! Получить в его годы, с его небольшим инженерным стажем такое высокое назначение, стать главным инженером крупного комбината с рудниками, металлургическим заводом и машиностроительными цехами – это неслыханная победа!

Степан забыл об усталости, он даже насвистывал что-то, хотя отличался редким отсутствием музыкальности.

Идти сразу домой было нельзя, пришлось заглянуть на завод, чтобы передать заместителю дела «на время отъезда» – ведь говорить о возможном назначении на пост главного инженера недопустимо!

Степан вернулся домой почти одновременно с Андрюшей и, как только тот показался, объявил ему о своем отъезде.

– В Москву? – удивился Андрюша. – Зачем?

Степан пожал плечами:

– Я не могу сказать тебе всего. Сейчас война, ты должен сам понимать... Но кое-что скажу. Получу в Москве орден, которым меня наградили.

Андрюша даже подпрыгнул:

– Орден? Ленина? За что?

Степан рассмеялся:

– Нет. Красной Звезды. За установку насоса.

– Так ведь тебе же за это выговор объявили!..

– Выговор – за опоздание. А за пуск завода – орден. Такова диалектика, дорогой мой братец Андрюша, – и Степан взъерошил волосы у него на голове. Достань из-под кровати чемодан.

Андрюша сначала торжественно пожал брату руку, а потом бросился исполнять приказание. Никогда еще мальчик не был так горд, как в этот момент, стоя на четвереньках перед кроватью и вытаскивая из-под нее пыльный чемодан. Степан – орденосец! Там, в Москве, одобрили его идею, оценили, что он не спал десять суток и пустил завод! Значит, из Москвы виднее!

– Подожди, – вдруг вскрикнул Андрюша и сел на пол, смотря снизу вверх на брата. – А как же бак?

– Бак? – нахмурился Степан Григорьевич.

Нефтяной бак, на котором еще не стерлись буквы «Нобель», стоял, примыкая к новому школьному зданию. Огромный, наполовину врытый в землю, он занимал часть предполагаемой спортивной площадки. Андрюша от имени пионерской организации школы, он был председателем совета отряда, приставал к брату, настаивая, чтобы он как главный механик завода-шефа распорядился убрать бак. Степан обещал это сделать, хотя и говорил, что поднять бак очень трудно и дорого. Но он все-таки обещал. И вот теперь он уезжает, а в школе скоро начнется спортивный сезон...

– Бак? – повторил Степан отворачиваясь. – Видишь ли... положение несколько изменилось. Ты не знаешь, что такое финансовая дисциплина. Я не могу оплатить работы, связанные с подъемом бака, ибо подобные расходы нигде не предусмотрены.

Андрюша не верил ушам:

– Но ведь ты обещал!

Степан поморщился:

– Я не могу послать рабочих за пределы завода. Подобное распоряжение повредило бы делу... и мне... И вообще это недопустимо. На месте главного инженера я бы этого не позволил.

Андрюша вскочил, тонкий, бледный, со взъерошенными волосами. Глаза его сверкали, на скулах выступили красные пятна:

– Ты не можешь так говорить! Что подумают ребята и директор, которым я от твоего имени обещал!

Степан усмехнулся:

– Что ж... очевидно, ты поторопился, ибо...

– Что – ибо? – почти плачущим голосом закричал Андрюша. – Ибо мой брат не умеет держать слово!

– Ну, как ты не понимаешь? – не обращая внимания на Андрюшину резкость, мягко сказал Степан. – Обстоятельства изменились. Не всегда возможно поступать опрометчиво. Расходы, деньги... А что я скажу бухгалтеру.

– Сын главного бухгалтера завода у нас в школе учится, – наивно сказал Андрюша.

– Какой он еще ребенок! Я начал его любовно воспитывать, а он на меня смотрит гневными глазами! В кого это ты такой огнеопасный? Не беда, постоит еще перед школой ваш бак. Горючего в нем давно нет. Вот кончится война, предусмотрим специальные расходы на ваш дурацкий бак, тогда...

– А мы не будем ждать! Не будем! – топнул ногой Андрюша. – У нас ребят много... Тысяча! Алексея Денисовича Денисюка попросим, он нам скажет как... Все возьмемся, так вытащим!.. И пусть тебе будет стыдно.

– Ну и дурак! Тысяча ребят! Это тебе не сказка про репку. Даже если Жучка в штаны тебе вцепится – не поможет! Здесь не просто люди нужны, а деньги, ибо потребуется построить целое сооружение... козлы такие здоровенные, к которым тали и подъемные

блоки можно привесить... Иначе бак не вынешь.

– Нет, вынем, – твердил Андрюша.

На шум из-за перегородки вышел хозяин квартиры Денисюк. Сощурившись, теребя свисающий ус, он озорно посмотрел на Андрюшу:

– То ж кочет! Кочеток! Чи правда чи нет, Денисюка тут поминали?

– Да вот, – пренебрежительно махнул Степан рукой, – с твоей помощью школьники хотят нефтяной бак вытащить.

– То ж можно, – неожиданно заверил Денисюк.

– Пустой разговор, Алексей Денисович, сказал Степан, укладывая вещи в чемодан. – Тут ты ничем не поможешь. Сейчас время военное. Денег у завода нет строить целое сооружение, чтобы проклятый бак вынуть. Пусть стоит пока.

– Нет, не пусть стоит! – перебил Андрюша.

– Когда ты научишься вежливости? – повысил голос Степан.

Алексей Денисович погрозил Андрюше пальцем и пригладил у него на голове озорной хохолок.

– Раз грошей немає, так и не треба никаких грошей, – сказал он.

– Без затрат не сделаешь, – буркнул Степан.

– Можно и без грошей, – упрямо повторял Денисюк и подмигнул Андрюше. Про тот бак я еще от моего хлопца, от Дениски слышал. Зараз бак выну.

– Так ведь нет же ни людей, ни средств! – раздраженно отмахнулся Степан.

– Да я ж так разумию: не треба ни рабочих, ни талей. Я бак так вытащу. Один.

– Нет у меня сейчас времени для шуток.

– Та я ж без шуток, Степан Григорьевич. Один выну.

Андрюша, полуоткрыв рот, смотрел на Денисюка. Степан с раздражением снова махнул рукой. Потом все-таки спросил:

– А как вынимать станешь?

– Так то ж вам виднее, Степан Григорьевич, – лукаво сощурился Денисюк. – Вы инженер, вам и решать, как вынимать, раз Денисюку не поверили. А он вынет.

– Некогда мне спорить, – сказал Степан. – Вон лошадь за мной прислали. Андрей, поедешь меня провожать?

– Не поеду, – опустил голову, сказал Андрюша, потом поднял глаза на Денисюка. – А вы взаправду бак один вынете?

Тот рассмеялся:

– Тильки ты ж мне и поможешь, заодно с Дениской.

– Да мы всей школой, Алексей Денисович! Я уже говорил...

– То неможно. Один я буду подымать. Вы с Дениской мне трошки поможете. Тильки втроем будемо.

– Зачем ты ребенка дразнишь, Алексей Денисыч? – сердито сказал Степан и с силой захлопнул чемодан.

– То ж вы дразните, Степан Григорьевич, то не я. Вы насос на пруду поставили – то добре! А мы вам бак зараз вынем без всяких средств – и то добре!

И Денисюк вышел из комнаты.

Степан хмуро посмотрел ему вслед.

– Поглядим, – решительно сказал он и распорядился: – Андрей, снеси чемодан в пролетку. Я позвоню директору, попрощаюсь.

Андрюша взялся за чемодан и сердито поволок его на улицу. Лицо его было напряженным, сосредоточенным, как у брата, когда тот шел по пруду к будущему месту установки насоса. Андрюша тоже пытался решить непостижимую для него задачу: как это можно вынуть бак из земли без людей и приспособлений?

Глава четвертая БАК

По всему светлорецкому заводу прошла молва о том, что старый Денисюк с двумя парнишками взялся вынуть из земли нефтяной бак. Никто не мог понять, как ухитрится он это сделать.

Андрюша, взволнованный и гордый предстоящим участием в поднятии бака, тщетно ломал голову, но отгадать замысел Денисюка не мог. Дениска тоже ничего не знал об идее отца.

– И не пытай, – сказал он Андрюше. – Батьку знаю, не скажет.

А Денисюк молчал. Только рано утром, когда поднял ребят, чтобы идти с лопатами к баку, сказал:

– Я так разумию, Андрей: догадаешься, как бак поднять – чоловіком станешь.

Андрюша промолчал. Но одно дело – решить быть таким же изобретательным, как Денисюк, – другое разгадать замысел старого такелажника, который в прошлом был и матросом и сапером.

Начатая у бака работа показалась Андрюше, который ждал всяких чудес, скучной. Пришлось окапывать глубоко врытый в землю бак. Конечно, не окопаешь – не вынешь!..

Денисюк после ремонта домны взял отгул. Завтра было воскресенье. Дениска отпросился из ремесленного училища. Андрюша получил разрешение от директора школы пропустить субботние уроки. К выходному дню предстояло закончить все подготовительные работы.

Школьники вызвались помочь, но Денисюк отказался. Хитро посмеиваясь, изредка поплеывая на руки, он с побрякиванием выбрасывал землю лопату за лопатой, постепенно окапывая весь бак.

К обеду бак окопали, но до дна было еще далеко.

Неожиданно пришел генерал Веков.

– Ты что задумал, товарищ Денисюк? – спросил он, осмотрев место работ.

Андрюша, искоса поглядывая на директора, продолжал выбрасывать землю.

Денисюк выбрался из канавы, отер рукавом пот со лба, поздоровался с генералом за руку и оперся о лопату:

– Бак вынимаем, Николай Сергеевич.

– Вот что, товарищ Денисюк. Не годится такая кустарщина. Я пришлю с завода людей с таями и блоками. Подводы привезут бревна для козел. Надо делать по-настоящему. Школа – наша подшефная.

– Никак невозможно, товарищ генерал. Бак тильки мы одни подымать будемо.

– Что за чепуха? Почему одни?

– Об заклад ударили, Николай Сергеевич, – сказал Денисюк и выразительно подмигнул, – с некоторыми инженерами... Дозвольте заклад выиграть, – и он указал на канаву.

– Ага, понятно, – сказал Веков, словно догадавшись. – Ну, добре, добре!

По-хозяйски обойдя бак, он не спеша пошел к ожидавшей его пролетке.

Денисюк посмотрел ему вслед, подмигнул Андрюше и взялся за лопату.

Дениска, широкоплечий, крепкий, признанный силач среди мальчишек, работал весело и, казалось, ни о чем не думал. Скоро жена Денисюка, тетя Оксана, принесла всем троим поесть. Когда они обедали, из школы выбежала шумная гурьба мальчишек. Они остановились и молча смотрели, открыв рты, как обедают трое героев дня. Никто не понимал, как будут поднимать бак.

К вечеру канава вокруг бака стала глубокой, как траншея. Старый Денисюк приказал подкапываться под дно бака...

Под дно! Андрюша просиял. Под дно!.. Так вот зачем нужно дно! И Андрюша сразу понял все... Как же он раньше не мог догадаться!.. Только так и можно поднять бак без всяких усилий! Ох, и голова же у старого Денисюка!

Мальчики продолжали яростно подкапываться под бак.

Андрюша шепотом сказал Дениске о своем предположении. Тот удивленно посмотрел на него:

– Да что ты! Ай да батька!

Андрюше стало немного обидно. Дениска похвалил не его за догадку, а отца. Но в следующий миг Андрюша уже возмущался собой. Он только догадался, а старый Денисюк придумал. Даже Степан не мог придумать, а Денисюк придумал! А если он, Андрюша, догадался, когда увидел, что под дно подкапываются, это значит, что и он когда-нибудь станет изобретателем... Только он больше никому не скажет о том, что догадался, пусть не подумают, что он хвастается...

К вечеру, совсем измученные, Денисюк и два юных помощника пошли спать.

Андрюша даже не смог раздеться, он упал на кровать и мгновенно заснул.

И тотчас, как ему показалось, его кто-то стал будить. Андрюша думал, что это Дениска требует, чтобы он разделся, и решил ни за что не просыпаться. Но чьи-то сильные руки подняли его с кровати и поставили на пол.

Андрюша открыл глаза. За окнами, в лесу было еще сумрачно. Чуть светало. Денисюк улыбался Андрюше.

– Пишлы! – скомандовал он.

Денисюк торопился прорыть траншею до двух часов дня, когда кончится на заводе первая смена и рабочие пойдут домой. Конечно, кое-кто завернет к школе. Старый такелажник в душе считал себя артистом и готовил «представление».

Школьники тоже явились, и все с лопатами. Денисюк прикинул оставшийся объем работы и велел им делать из выкинутой снизу земли метровый вал вокруг всего бака, чтобы тот оказался как бы в земляной чаше.

К назначенному времени около школы собралось много народу. И как бы случайно туда заехал директор.

Все шептались, ничего не понимая. Близ окруженного земляным валом бака не было видно никаких подъемных приспособлений. Правда, одна лебедка была, но далеко в стороне. От нее к баку шел трос, которым Денисюк, приставив лестницу, еще в самом начале работы зацепил за имевшееся на самом верху бака ушко.

– Ну как, Архимед? – весело окликнул Денисюка генерал. – Дай тебе точку опоры и ты перевернешь мир?

– То можно, – в тон ему отозвался Денисюк. – Бак повернем, а мир еще в октябре семнадцатого повернули...

– Это верно, – согласился генерал.

Выполняя приказание Денисюка, Андрюша с Дениской тянули от школы пожарный рукав. Собственно, тянул один только Андрюша, Дениска остался у пожарного крана.

Неожиданно громким басом Денисюк рывкнул:

– А ну, давай, хлопцы, давай, як на пожар!

Андрюша встал на земляной вал и направил из брандспойта струю воды вниз, в траншею.

– Что это он? Размыть канаву, что ли, хочет? – слышались голоса из толпы.

Дениска разматывал второй рукав.

Скоро канава стала наполняться сначала в две, а потом в четыре струи.

Денисюк скромненько, отошел в сторону и принялся сворачивать козью ножку. Генерал предложил ему папиросу, но тот отказался.

Только теперь в толпе начали понимать, что задумал старый Денисюк. Кто-то в восхищении цокал языком. Денисюк не оборачивался, только в узких глазах его играли огоньки.

Андрюша задыхался от гордости. В глубине души он гордился и самим собой. Он все-таки догадался!.. Может быть, он тоже станет изобретателем? Металл, конечно, тяжелее воды, но... Ведь это Архимед заметил, лежа в ванне, что тело в воде становится легче настолько, сколько весит вытесненная им вода. А если пустой бак погрузить в воду, так он

вытеснит столько воды, что она куда больше будет весить, чем железо бака... Вот и получается, что железо можно сделать плавучим, если оно имеет форму бака, корабля или даже трубы, когда у нее концы закрыты...

Толпа гудела. Вода наполняла траншею, и огромный нефтяной бак всплывал, как судно в шлюзе. Он поднимался у всех на глазах, вырастая из-под земли.

Школьники кричали «ура». Генерал жал Денисюку руку. Андрюша сиял, а Дениска в общей суматохе закурил.

Бак поднимался вместе с уровнем воды в канаве. Как и всякое судно, он имел осадку, приблизительно около метра. Теперь становилось понятным, зачем сделан вокруг бака метровый вал. Земляная чаша нужна была для того, чтобы вода, наполнив ее, поднялась выше земли на метр и дно всплывшего бака оказалось бы вровень с землей, даже чуть выше. Вода немного просачивалась через земляные стенки чаши, но уровень ее неизменно повышался. Бак продолжал всплывать, он казался теперь непостижимо огромным. Ребята, глядя на него, запрокидывали головы.

Денисюк палкой определял, где находится дно бака, поднялось ли оно над землей.

– Добре! – крикнул он. – Гей, хлопцы, Дениска, Андрюшка! Дуй до лебедки! Натягай трос.

Дениска с Андрюшей стремглав кинулись к лебедке и стали крутить ручки. Трос натянулся. Бак поплыл в сторону лебедки. Толпа оживилась. Бак заметно двигался от одного края чаши к другому.

– Добре! – крикнул Денисюк.

Взяв лопату, он подошел к земляному валу там, где бак придвинулся к нему вплотную:

– Зараз наш бак на мель сядет, – пообещал он.

В толпе уже поняли, что он задумал. Несколько рабочих взяли у школьников лопаты, чтобы помочь Денисюку прорыть земляной вал. По мере того, как они уменьшали толщину вала, вода просачивалась все сильнее и, наконец, хлынула из чаши потоком.

Бак стал оседать. Трос натянулся.

Краем бак стоял на твердой земле. Натянутый канат держал его за ушко на весу.

Вода вытекала из земляной чаши. Бак больше не плавал на воде.

Двое рабочих сменили ребят у лебедки. Денисюк командовал. Трос укорачивался, бак стал заметно накреняться, как бочка, когда ее наклоняют, чтобы опорожнить.

Толпа ревела. Добровольцы быстро раскидали часть земляного вала, на который валился теперь бак. Еще несколько минут – и под натяжением троса бак настолько накренился, что центр его тяжести прошел над – ребром, которым бак опирался на землю, и бак сам собой опрокинулся, повалившись выпуклой стороной на землю.

Толпа с громкими криками кинулась к баку и, толкая его, покатила прочь от школы, как гигантское колесо. Денисюк едва успел освободить трос, зацепленный за ушко.

Генерал подошел к Денисюку:

– Велик заклад был?

– Да ни, не велик, – отозвался тот. – Нашла коса на камень. Инженерная коса на рабочий камень.

– С кем поспорил? – допытывался директор.

– Да тут с одним... – усмехнулся Денисюк.

Генерал понял, что ничего от него не добьется.

– Каков заклад, не знаю, – сказал он, – а премию от себя назначу.

– То добре! – расплылся Денисюк.

Толпа, откатив бак, вернулась. Решили качать Денисюка.

Под громкие крики его стали подбрасывать высоко в воздух. Он взлетал, и руки его нелепо болтались, словно принадлежали не ему. Когда Денисюка отпустили, генерал усадил его в пролетку и помчал на своем знаменитом рысаке на край города, где жил старый такелажник. Уезжая, директор распорядился прислать к школе помпу, чтобы откачать воду из ямы, оставшейся от бака. Потом ее засыплют землей. Здесь будет спортплощадка.

Андрюша и Дениска пошли к пруду. Вода в нем была еще ледяная, но они все-таки купались.

Андрюша лег под скалой на солнцепеке. От пруда пахло рыбой, из леса несло смолой. Закрытые веки казались прозрачными, по лицу разливалось ласковое тепло, все тело приятно болело. Надвигался сон, глубокий, мягкий, теплый.

Говорят, что после усталости снов не видишь. Андрюша не мог бы сказать, что видел сон. Это не был сон с видениями и событиями. Может быть, это мысль продолжала работать и во сне... Он видел бак почти наяву или думал о нем... Но плавучий бак почему-то походил на знакомую ему с зимних дней трубу, которая тянется в глубине пруда и напоминает туннель, если в нее забраться...

Андрюша проснулся отдохнувшим и, главное, с таким чувством, будто он сделал какое-то важное открытие. Он сел и оглянулся. Солнце садилось, и тень от горы протянулась до половины пруда. Казалось, что в пруду две воды одна темная, другая – светлая.

Рядом, раскинув руки, спал Дениска, крупный для своих лет парень, с квадратным лицом и светлыми, коротко остриженными волосами.

Андрюша задумался. «А что, если это вовсе не пруд, а море?.. А на другом, темном берегу – Америка! Американцы ведь интересные люди. Вот если бы еще они не задерживали открытие второго фронта! Построить бы мост на ту сторону пруда... К американцам, что ли? А вот здорово было бы, если бы к ним мост можно было построить! Надо инженером стать... и научиться изобретать, как Степан и Денисюк... Денисюк сначала был матросом, плавал по морям. Значит, и мне тоже надо стать матросом, поплавать по морям... И потом учиться на инженера!..»

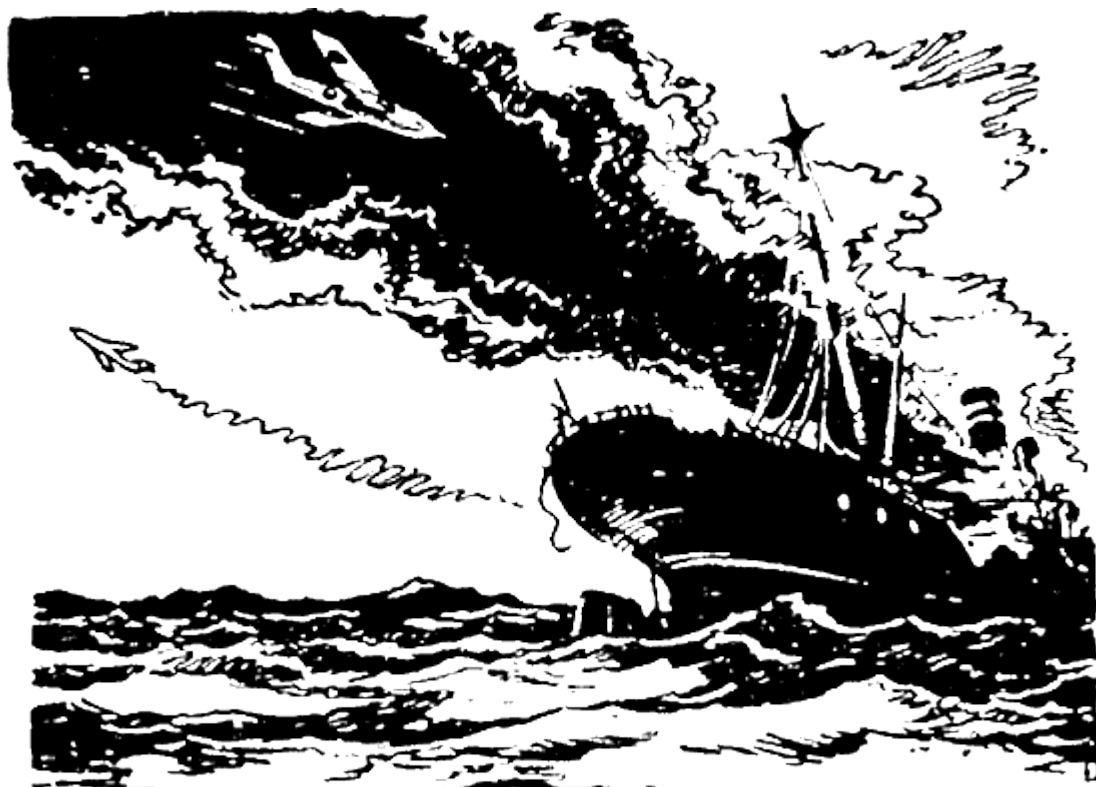
Андрюша окончательно проснулся, вскочил, расправил плечи, глубоко вдохнул воздух. Хотелось крикнуть во всю силу легких, хотелось сделать что-нибудь необыкновенное, сдвинуть эту скалу, что ли!.. Хотелось жить, что-то придумывать, открывать!.. Новая сила рвалась из него, и он крикнул звонко, весело, задорно, крикнул, чтобы услышали его на том берегу, чтобы отозвался его голос в горах.

И эхо ответило ему сотнями голосов, ликующим гулом гор.

Андрюша, пораженный, взволнованный, слушал разбуженные им раскаты.

Часть первая БРАТЬЯ

Глава первая ПОЛУНДРА!

Аня стояла на палубе и смотрела в море.

Тонкая, легкая, в развевающемся платье, с отлетевшими назад косами, она четко вырисовывалась на влажно-синей искрящейся глади.

Девушка кого-то ждала, счастливо улыбаясь, смотрела вдаль и не видела ничего. Вернее, она видела морг, но совсем другим, не южно-ленивым, пышным и ярким, как сейчас, а хмурым, мрачным, холодным, с сизыми валами, с которых ледяной ветер срывал не то пену, не то снег, бросая в лицо колючие иглы.

Но тот непогожий арктический день с рваными тучами в свинцовом небе, то озлобленное, беспокойное море, непроходимо разделившее берега Берингова пролива, запомнились Ане. Ведь тогда произошел очень важный разговор с матросом Андреем. Оба они долго и молча смотрели на серый горизонт, и Андрей сказал:

– А там, совсем близко – Америка.

– Холодно, – поежилась Аня.

Он накинул ей на плечи свою куртку и не позволил снять.

– Вот таким холодом и разделены берега, – сказал он, и они опять долго молчали.

У Ани замерзла рука, которой она держалась за металлические поручни, и Андрей дыханием согревал ей пальцы. Он перебирал их по одному:

– Какие тонкие...

– Уже согрелись, – смутилась Аня, осторожно высвобождая руку.

– Да я на них надышаться не могу! – вдруг признался Андрей.

Аня улыбалась, и ей казалось, что нет никакого холода в мире, что всем всюду так же

тепло и радостно, как и ей сейчас, и все должны быть так же счастливы, как и они с Андреем.

Потом – частые встречи на юге... не всегда случайные... Тихие минуты молчания, когда все так понятно, или разговоры «о жизни», в которой все только кажется понятным, или, наконец, – всегда этим кончалось, – любимая мечта...

Мечта поплавать, прежде чем посвятить себя технике, привела Андрея после школы на корабль. Мечта о большом мире помогла Ане уговорить отца, старого капитана «Дежнева» Ивана Семеновича Седых, прозванного Полярным Медведем, взять дочь в свой последний рейс. Седой Медведь получал на суше важный пост и прощался с морем. Понял свою единственную дочь Иван Семенович, для которой был он и за отца и за мать, и взял ее, десятиклассницу, с собой на «Дежнева». Прошли они Северным морским путем вдоль сибирских берегов, побывали и на острове Диксон, и в бухте Тихой. Повидала девушка и незаходящее солнце, скрывающееся за тучами, и косые столбы снежных зарядов, налетающих на корабль молниеносной пургой; насмотрелась она и на ледяные поля с разводящими, на острогранные торосы изумрудного, бирюзового, а порой и золотистого цвета, на озерца воды среди глазурного наста – аквамаариновые ила совсем синие; махала Аня рукой ленивым тюленям, равнодушным к пароходным гудкам, любовалась белой медведицей с медвежонком, удиравшими через льдины с легкостью серн и через полынью – с ловкостью дельфинов. На все нагляделась Аня и обо всем хотелось вспомнить вместе с Андреем.

А там, за шапкой арктических льдов – недоступная Америка, куда не заглянешь и одним глазком, Америка и близкая и далекая, отделенная ледяным пространством и холодом полярных вьюг. И даже когда были ее берега совсем рядом – в Беринговом проливе рукой подать! – сизые валы и колючий ветер все так же разделяли две половины света.

Так и не посмотрели они Америку, но американцев им увидеть привелось...

Во Владивостоке не закончился, как предполагалось, рейс «Дежнева», не пошел он обратно тем же Северным морским путем в Архангельск. Были тогда тревожные дни войны в Корее. И получил «Дежнев» задание пройти в Шанхай через кольцо незаконно объявленной американцами блокады, вывезти на родину советских граждан, доставить их в бухту Находка.

И вот теперь «Дежнев» шел снова на север, обогнув Корейский полуостров, охваченный огнем. Дул теплый южный ветер, Аня стояла в легком платице на палубе, когда подошел к ней, наконец, ее Андрей, невысокий, худощавый паренек, крутолобый, чуть скуластый, с плотно сжатыми губами и беспокойными карими глазами.

Война была совсем близко, но (так уж устроены девичьи сердца!) не это страшило Аню. Тревожила лишь близкая разлука с Андреем. Школьнице нужно вернуться к началу занятий – последний год! – Андрею же еще плавать и плавать в Арктике...

Но сейчас они вместе. Море сверкает спокойное, тихое, радостное...

Вдруг, один за другим, докатились издали взрывы, а над горизонтом всплыла темная тучка, клубясь и расплываясь.

– Торпеда, – решил Андрей, хотя никогда до этого взрыва торпед не видел.

Аня вцепилась в его рукав.

От черной тучки отделились три черточки и полетели над морем.

Они стали увеличиваться в размерах.

– Самолеты! – шепнул Андрюша.

Самолеты беззвучно шли на «Дежнева». Аня невольно оглянулась на советский флаг, развевавшийся за кормой, словно ища в нем защиту.

Страшнее всего казалось то, что самолеты приближались совершенно бесшумно, они будто подкрадывались, неслышные, почти невидимые. Они летели над самой водой, так по крайней мере казалось Ане. Один из них повернул прямо на советский корабль, резко снизился и мгновенной тенью пронесся почти над самыми мачтами.

И тут грохот обрушился на Аню, загромыхало каменным обвалом, будто впрямь с неба срывались глыбы, прыгали, сшибались, крушили все...

Раскаты обвала замирали вдали, превращаясь в рокот, и, наконец, в злобное урчанье. Реактивный самолет с непостижимой быстротой становился снова черточкой на горизонте. Другие самолеты исчезли раньше. Аня даже не заметила когда.

И тут на палубе показался длинный и нескладный радист Иван Гурьянович, всегда красневший перед Аней.

Бледный, испуганный, он бросился к ней:

– Где капитан?

– Я найду папу... Что сказать?

– Сигнал бедствия... пароход корейский торпедирован.

Андрей уже бежал по палубе к указанному по тревоге месту.

Аня взлетела по трапу. На мостике был только вахтенный штурман. Ей хотелось от имени отца крикнуть: «Курс зюйд-вест!», но сдержалась. Иван Семенович такого самоуправства даже дочери не спустил бы.

Аня перебежала мостик и бросилась снова вниз. И сразу же наткнулась на капитана, который поднимался по другому трапу.

– Папа... люди тонут... надо... – начала было Аня.

– Сам знаю, – рявкнул старик Седых. – Штурман! Курс зюйд-вест! В машину – самый полный. Полундра! Готовить шлюпки! Геть с мостика! – последнее относилось к дочери.

Аня ни жива ни мертва скатилась на палубу. Там она, притаившись за переборкой, наблюдала, как матросы снимают с шлюпок брезенты, бросают на скамейки пробковые

пояса и спасательные круги.

«Дежнев» еще застал корейский пароход на поверхности. Вернее говоря, только его высоко поднятую корму с облезлым рулем и поблескивающим на солнце винтом. Очевидно, в трюме скопился воздух и не давал кораблю затонуть окончательно.

Андрей старательно греб в паре со своим корабельным другом, Васей. Аня смотрела им вслед. Ее в шлюпку не взяли, как она ни просилась.

Для того чтобы видеть торчащую из воды корму, Андрею приходилось оборачиваться через плечо, Аню же он видел все время. Она перегнулась через реллинги и всматривалась в море.

Волны были округлыми и казались небольшими. Однако черные точки, головы людей, держащихся на воде, заметно поднимались и опускались. Шлюпки тоже то взлетали, становясь силуэтами на эмали неба, или проваливались, полуприкрытые валом.

Советские моряки на передних шлюпках подбирали из воды людей.

Шлюпка Андрея шла одной из последних. Но даже с нее различить Аню было нельзя: «Дежнев» развернулся. Зато на торчавшей из воды корме тонущего корабля Андрей увидел одинокую фигуру. «Неужели корейский капитан?»

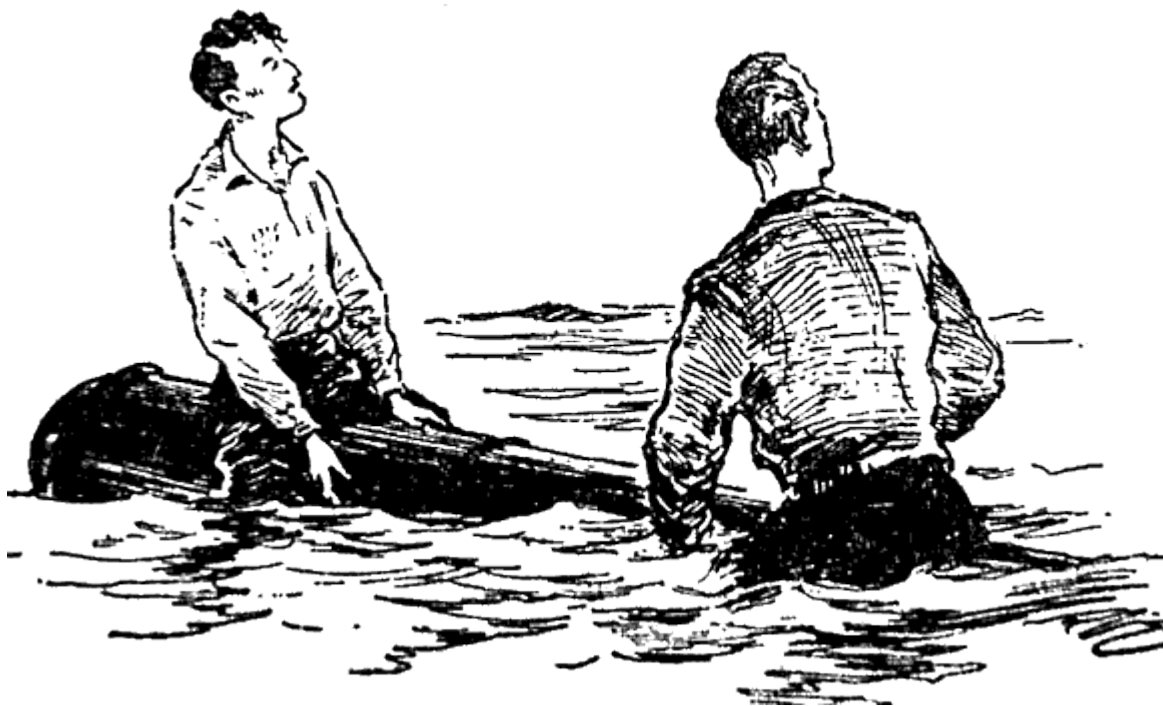
– Люди под правым бортом! – крикнул рулевой.

Андрей – он сидел на левом борту – вытянул шею.

– Сушить весла! – послышалась команда.

Андрей видел, как с поднятого Васиного весла капает вода. А за этим веслом, то поднимаясь, то опускаясь, по пояс высывались из воды два человека.

Они все время были на одном расстоянии один от другого, будто сидели на разных концах бревна.

С шлюпки бросили пробковые пояса.

Андрей совсем близко от себя увидел слипшиеся волосы и ястребиный профиль человека, поднявшего из воды руку.

– Зачем пробками швыряешься? – с сильным кавказским акцентом крикнул пловец. – Веревку бросай, давай скорей веревку!

Вася встал и бросил линь. Человек поймал его на лету и опустил в воду по плечи. Около него тотчас всплыла длинная труба, на которой он, очевидно, сидел верхом. На противоположном ее конце все еще держался другой человек. Ему бросил линь Андрей,

Через минуту обоих спасенных вытащили в шлюпку.

– Трубу жалко бросать! – говорил, поблескивая антрацитовыми глазами, кавказец. – Замечательная труба оказалась, хорошо плавает, герметическая... Прямо не труба, а символ дружбы: обоим оказалась полезной – и советскому человеку, и американцу. Пожалуйста, знакомься. Мистер Герберт Кандербль. Мы с ним в воде познакомились. Это – инженер. Был в Сеуле... решил выбираться домой через Север и Советский Союз... Ну, а я выбирался туда же из Пхеньяна. Сурен Авакян. Тоже инженер, только советский... Хочешь мой мокрый заграничный паспорт? Эх, какую хорошую электростанцию бомбы погубили... Ай-яй-яй!..

Американец стоял в шлюпке, спокойный, независимый, скрестив руки на груди. Андрею бросилась в глаза его развитая челюсть неестественно длинного лица.

– Тфеньк-ю! – кивнул он Андрею.

Андрей понял, что американец благодарит его. Но мистер Кандербль не ограничился благодарностью, он снял с пальца перстень с крупным брильянтом и протянул его советскому матросу. Андрей растерянно замотал головой. Американец быстро и неразборчиво заговорил.

– Слушай, это совсем не простое кольцо, – переводил Авакян. Понимаешь, искусственный алмаз. Говорит, сам сделал.

И все же Андрей не решился взять. Он почему-то вспомнил недавний налет. Те ведь тоже были американцами. А этот, высокий с крупной челюстью, чувствовал себя здесь, как на прогулке, хлопал матросов по спинам и все время говорил:

– О'кэй!

Из воды вытащили двух перепуганных до бесчувствия женщин.

– Братишки! Опять заходит, гад! Гляньте! – крикнул Вася.

Американец оглянулся, но не туда, куда указывал матрос, а на него самого. Такой уж был дивный голос у Васи. А если бы американец слышал, как Вася поет! Какой баритон!..

Над водой, совсем низко, летел невесть откуда взявшийся самолет. Он стрелял из пулеметов по шлюпкам.

Андрей с Васей переглянулись, не веря глазам.

Авакян крикнул:

– Ложись! – и потащил книзу американца.

Снова рухнул с неба обвал. Грохочущие звуки падали на хрупкую шлюпку, как раздробленные утесы...

Вскоре рев смолк вдали.

Матросы и пассажиры шлюпки поднимали головы, провожая взглядом удаляющийся самолет. Не сделает ли он еще захода?

Не поднялись только Вася с Андреем. Оба лежали окровавленные, привалившись к разным бортам.

– Ай-яй-яй!.. Какое дело – сокрушенно щелкал языком Авакян.

Американец достал из кармана промокший, но безукоризненно чистый платок, решив, видимо, делать Андрею перевязку.

– Мертвый ведь, – сказал один из матросов.

До американца дошел не столько смысл, сколько тон сказанного. Он резко повернулся и покачал головой. Тут его взгляд остановился на одном из спасенных, которого, очевидно, имел в виду матрос. Человек лежал лицом книзу. Его черные жесткие волосы слиплись от крови. Американец повернулся к Андрею.

Шлюпка подходила к «Дежневу». Сверху спустили не веревочный штормтрап, а парадный – лестницу со ступеньками и перилами, чтобы удобнее было поднять раненых.

Кандербль сам взял на руки советского матроса, на окровавленный мизинец которого он все-таки надел свой перстень с искусственным алмазом. Авакян старался помочь ему нести Андрея, но только мешал этому.

Испуганная, бледная, Аня тщетно вглядывалась в лица моряков, пытаясь отыскать Андрея. И вдруг она увидела его, окровавленного, на руках у незнакомого человека с

нерусским длинным лицом. Глаза ее наполнились слезами. Она пошла впереди Кандербля, указывая дорогу в лазарет...

Южное ленивое море катило округлые валы – отзвук не утихшего где-то шторма. Воздух в трюме торпедированного парохода, видимо, нашел выход, и подсохшая корма его теперь быстро погружалась. Скоро она скрылась под водой. Через все море к солнцу пролегла золотисто-чешуйчатая дорожка.

Глава вторая ПОСЛЕДНЯЯ ИСКРА

Андрея и Васю, состояние которых казалось безнадежным, поместили в отдельную каюту, корабельный «изолятор».

Две узкие койки, тяжелая металлическая дверь, чуть наклоненная стенка с круглым иллюминатором, запах моря, свежей масляной краски и лекарств... И рядом – тихая,

скорбная Аня, добровольная сиделка.

Андрей первое время все беспокоился о Васе, слыша, как хрипело и клокотало у него в простреленном горле. Повернуться, посмотреть на друга Андрей не мог, – перебит был позвоночник...

Андрей все понимал. Он знал, что Вася умирает. Все знал и о себе... Это у монголов была такая жестокая, страшная казнь: человеку переламывали хребет и бросали его. Он долго и мучительно умирал. К нему могли прийти друзья и родные. Они лишь рыдали над ним, но не могли спасти...

Аня не уходила даже ночью. Андрей через полуоткрытые веки наблюдал за ней. Милый, бесконечно дорогой профиль... А кончик косы, выбившийся из-под белой косынки и попавший ей в руки, совсем размок. Верно, она думает, что им незаметнее, чем платком, вытирать уголки глаз.

Умиравший в какой-то момент становится мудрее окружающих. Врачи с ученым видом еще выписывают рецепты, медсестры старательно делают уже ненужные уколы, сиделка то поправит подушку, то сбегает за льдом или лекарством... А умирающий понимает все...

Андрей смотрел на Аню долгим, пристальным взглядом. Он словно старался запомнить ее, уходя...

Андрей понимал все. Он познавал предсмертную мудрость, он уже почти мог отдалиться от мира, спокойно созерцать его со стороны. Но вдруг, затмевая все – и боль, и отчаяние, и мудрость старца, – откуда-то из глубины накатывалась на него неистовая жажда жизни. Жить, жить! Во что бы то ни стало жить! Вот она, Аня, близкая, нежная!.. В ней – светлая жизнь с надеждами, мечтами... Ведь они мечтали совершить что-то необыкновенное!.. И неужели теперь ничего не будет сделано? Ничего не останется?.. Стены каюты сдвинутся еще теснее... совсем сдавят... потолок опустится к самым глазам... а глаза закроются... И Андрей усилием воли приоткрывал веки, видел дорогой профиль, пушок на щеке, видел жизнь и не хотел, не мог отказаться от нее!

Полный черных провалов и ярких пятен, надвигался бред. Последние впечатления, отрывки сцен, неясные мысли и образы странно перемешивались в обожженном жаром мозгу...

Напрасно Аня то и дело поправляла мешочек со льдом у Андрея на лбу. Мозг его пылал, губы запеклись. Аня наклонялась к ним, улавливала едва слышные слова. Но что она могла понять в мгновенных вспышках затуманенного сознания!..

Андрей шептал. Аня почему-то старалась запомнить, что он шептал. Запомнить она еще могла, но понять!..

– Холод... холод... – повторял он, и Аня прикрывала его тремя одеялами, хотя озноба у него не было. – Холод между берегами, продолжал он, и Аня вспоминала их разговор об Америке. И вдруг он явственно произнес: Америка... – Потом он, должно быть, переживал последнюю драму в море. Он твердил: – Бак, плавающий бак... нет, плавающая труба... длинная, очень длинная труба... На одном конце советский человек, на другом американец... Труба, как туннель...

Он впадал в забытие, замолкал на час, потом начинал метаться и опять бредил плавающей трубой. И вдруг вспомнил самолет.

– Обгоняет звук... Вот это скорость! – отчетливо говорил он с закрытыми глазами. – И это в воздухе... А воздуха нет... Дышать нечем... Аня дрожащей рукой тянулась к кислородной подушке, а он отталкивал шланг. Не будет сопротивления воздуха, – неожиданно говорил он. – Из трубы ведь можно воздух удалить... Тогда скорость еще больше...

И Андрей обжигающей рукой сжимал занемевшие Анины пальцы и все шептал, шептал:

– Не нужно холода... ведь на обоих концах трубы были люди... Кольцо хотел подарить... А труба была под водой... И пусть будет под водой... как в пруду... не мешает

кораблям, льдам... ничему не помешает!.. Будет длинная, длинная... На одном конце Америка, на другом – Советский Союз...

Аня ничего не понимала. Конечно, и Андрей не давал себе отчета в том, что говорил. Но в его воспаленном мозгу происходила титаническая работа: воспоминания детства, впечатления дня, проблемы современности и мечты о будущем – все это смешалось, взаимодействуя, как в неведомой химической реакции, слилось, породив что-то новое, никогда не существовавшее...

Во всякой болезни кризис наступает, кризис проходит. А после кризиса...

Аня поняла, что кризис у Андрея миновал.

Он больше не бредил, был в полном сознании, но каким-то отсутствующим взглядом смотрел в угол каюты и ничем не интересовался. Его новое состояние было еще ужаснее бреда.

Вася умер.

Аня накрыла его с головой простыней. Он лежал на койке, утонув в матрасе, какой-то странно плоский.

Аня боялась мертвеца, но еще больше она боялась оставить с ним Андрюшу. И, дрожа от ужаса, она продолжала сидеть, не шла к врачу...

Андрей не мог не знать, что Васи не стало.

Не хлюпало больше в Васином горле. Часы на Аниной руке тикали, но не заглушали ударов ее сердца.

Андрей, конечно, все знал о Васе...

Но его теперь ничто не интересовало. Его уже не было с Аней. Она, наконец, поняла это и решилась на самое последнее, жестокое средство... Она хотела хоть чем-нибудь воздействовать на Андрея, хоть на миг возбудить в нем интерес к действительности.

– Ведь Вася умер...

Андрей не отвечал, равнодушный, спокойный.

Аня наклонилась к нему близко, словно не веря своим глазам, и повторила:

– Ты слышишь? Васи нет... умер он... Неужели же ты...

– Знаю, – только и сказал Андрей.

Это произнес уже не Андрей. Это сказал кто-то другой, чужой, далекий. Аня не выдержала и в слезах выбежала из каюты. Она долго рыдала на груди у судового врача Елены Антоновны Барулиной.

Васю унесли. Андрей безучастно наблюдал, как возились два знакомых ему матроса, как болталась у Васи худая татуированная рука, когда его неловко вытаскивали в коридор, чтобы там положить на носилки.

Васину койку откинули к стене. В каюте стало просторно и пусто.

Пересилив себя, Аня вернулась к Андрею и снова не узнала его. Она решила быть около него до конца.

...Два дня Андрей молчал, ни разу не позвал Аню.

Аня не понимала, откуда у нее берутся силы. Она боялась уснуть, пропустить малейшее Андрюшино движение.

На третий день после смерти Васи, когда Аня дремала на своей табуретке, Андрей вдруг позвал ее:

– Аня!

Девушка подумала, что ей послышалось, но на всякий случай нагнулась к больному:

– Андрюша, милый, ты звал меня?

Андрей помолчал, потом сказал:

– Да нет... уже не надо.

– Почему? Ну, скажи, что ты хотел...

Андрей молчал.

– Что-нибудь важное?

Умирающий кивнул головой.

Аня стала на колени, наклонилась, ощутив виском худую щеку Андрея.

– Говори.

– Понимаешь, я теперь не о себе... не о нас... я о других думаю...

Ане было больно это слышать, но, нежно припав к Андрею, она боялась шевельнуться. И верно, что-то живительное было в ее женском прикосновении. Андрей заговорил более связно:

– Особенно теперь жаль уходить, Аня. Я ведь такое придумал...

– Что? Что ты придумал? Ну скажи. Об Америке? О плавающей трубе? – с чисто женской находчивостью стала выпытывать Аня.

– Разве ты уже знаешь?

– Нет, я еще ничего не знаю, но я должна знать, Андрюша, милый...

Андрей криво усмехнулся:

– Да, вы, люди, должны это знать.

У Ани похолодели кончики пальцев. Андрей вдруг оживился и стал говорить. Он говорил, конечно, путано, ему только казалось, что он все логично объясняет. Но любящей

Ане нужны были только намеки, ей меньше всего нужна была логика. Между нею и Андреем вдруг установилось непостижимое общение мыслей. Она, далекая от техники, сразу осознала во всем величии грандиозную идею ее Андрюши, который перед смертью мечтал о дружбе людей...

И вдруг, словно от поднесенного факела, у Ани вспыхнула ее собственная идея. Как в фокусе, собрались ее непрестанные мысли о спасении Андрея и зажглись ярким, новым светом.

– Ты... ты... будешь жить. Ты сильный, говорила она, сжимая его худые руки, – ты должен осуществить свой замысел.

– Кто-нибудь другой... Ведь надо много продумать.

– Нет! Не другой! Только ты! Ты можешь разработать все, ты будешь это делать! Сейчас же... вот здесь...

– Ну что ты! В постели?

– Ну, конечно же!

...И снова Аня рыдала на груди у Елены Антоновны.

– Девочка ты моя, – гладила ее русые волосы Барулина, милая и грузная женщина. – Ну, как же я могу такое разрешить? Умиравшему – и вдруг работать!..

– Вы ничего не понимаете, Елена Антоновна... Простите, пожалуйста, что я так сказала. Нет, вы просто не видели, как он преобразился, все это мне рассказывая. Это его последняя искра. Ее нужно раздуть... Вот увидите, он будет работать, думать... у него появится снова желание жить.

– Ты просто сумасшедшая, Аня. Тебе нужно отдохнуть. Я пожалею Ивану Семеновичу.

– А я ему уже передала. Он сказал, что это бред...

– Ну, вот видишь...

– Нет, это он про Андрюшу сказал... то есть про его замысел. Нет, просто ему трудно представить все. Ведь он, как никто другой, знает, сколько времени нужно плыть между континентами... А тут – поезда пролетают расстояние между СССР и Америкой за полтора – два часа... Вы только подумайте, Елена Антоновна.

– Но вот Иван Семенович – он ведь не только моряк, он и знающий инженер – если он говорит...

– Так и он говорит, что Андрюше нужна зацепка за жизнь... А тут такая идея! Разве ради нее не стоит вернуться в жизнь?

Елена Антоновна улыбалась.

– Психотерапия... – начинала сдаваться она. – Ну что же, пусть думает, ведь ему никто не запрещает думать.

– Так ведь не только думать. Чертить надо...

– Нет, девочка! Лечить прежде всего нужно тебя. Человек в гипсе лежит, повернуться не может...

– Я все устрою... вы только позвольте... Его все время не было с нами... со мной... А когда он рассказывал, то был живой... Вы понимаете? Живой! И он оживет, если сделает проект. Я прилажу над его койкой чертежную доску. Вот так... – И Аня стала проводить в воздухе рукой какие-то линии.

Елена Антоновна слушала уже без улыбки.

Андрей с волнением ждал Аню. Он все время смотрел на дверь. И вдруг дверь открылась, и в ней показалась сияющая Аня с фанерным щитом для объявлений, который самочинно сняла в коридоре.

Андрей ничего не сказал. Только закрыл глаза и улыбнулся. Впервые улыбнулся за время болезни.

У Ани все было продумано. Она примостила самодельную чертежную доску над Андреем так, что он мог чертить, лежа на спине. На щите вместо бумаги она булавками приколола чистой стороной санитарный плакат.

Андрей был неузнаваем. Он даже дал Ане несколько советов. Спросил, нельзя ли достать на корабле кое-какие книги. Потом спросил, здесь ли еще кавказец-инженер и американец.

Аня отточила карандаш, дала его Андрею.

Наступила торжественная минута. За открытым иллюминатором шелестели волны. Переборки, как и всегда во время хода корабля, чуть заметно дрожали.

Андрей едва мог удержать карандаш в совсем ослабевшей руке.

Он уже собрался чертить, но вдруг перевел взгляд на Аню:

– Аня... карту Полярного бассейна.

Аня убежала за картой, которая висела в матросском красном уголке. Андрей лежал, положив руку с карандашом на грудь, и снова тихо улыбался.

Наконец, карта была принесена и закреплена на той же доске.

Он провел свою первую линию. Это была линия через всю карту, линия, соединившая через Северный полюс Мурманск с Аляской, СССР с Америкой.

Глава третья **ОБЩЕСТВО ДРУЖБЫ МАТЕРИКОВ**

По небу над морем летели низкие лохматые тучи. Увязавшиеся за кораблем чайки срезали крылом пенные гребни.

Дул встречный ветер. Капитан Седых, сердито сопя, отвернулся от него. Было время, когда к любому ветру Иван Семенович становился лицом, бриз и шквал веселили ему душу, он готов был померяться силами хоть с ураганом. Потому, быть может, и пошел инженер-судостроитель Иван Седых в моряки, стал штурманом дальнего плавания, а потом и капитаном. Полярные моря учили его уму-разуму. Поначалу был он без меры удалым да озорным. Любили про него рассказывать всякое. Раз, говорят, поспорив на бутылку коньяку, он белого медведя, как бабочку, поймал. Сошел на льдину, да и накрыл ему голову «сачком», сделанным из мешка, пропитанного хлороформом. Зверь и уснул. Ночью потом проснулся, на корабле переполох наделал. Сам же штурман Седых и пристрелил его из винтовки. Потом пообтерся Иван Семенович о льдины, безудержная и опрометчивая отвага сменилась продуманной смелостью. Когда отвечаешь не за свою только голову, а за весь экипаж корабля да за пассажиров, другим становишься. Собственно, для того и пошел в море судостроитель, чтобы по примеру адмирала Макарова морскую мудрость познать, а когда вернулся в конструкторское бюро, рассчитывал «опробовать» задуманный корабль раньше, чем сойдет он с его чертежной доски. Но «вверху» решили по-другому, и он был выдвинут на руководящую работу. Пришлось оторваться от проекта гидромониторного ледокола, режущего льды водяными струями, и засесть в наркомате. Только к концу войны удалось ему снова в море вырваться. Опытные моряки нужны были. А теперь вот снова в Москву назначают. И отказаться не смог. Видно, уж научился становиться к ветру не только лицом, но и боком, а то и спиной.

Отвернулся Иван Семенович от сердитого ветра, сам сердитый, насупленный, и стал дергать желтый ус.

Только что повздорил с дочерью. Ну, ладно, медициной занялась, Андрюшку Корнева вылечить взялась... Самовнушение с помощью всяких выдумок... Хорошей вам погоды да удачи! Иван Семенович сам украдкой, без Анки, к больному наведалься. Посидел, ссутулясь, побряхтел, погладил жесткой рукой ему голову и ушел. Хороший парень, жалко... Чудно, а может быть, и выскочит с помощью сказки своей. Ладно! Но зачем же об этом всерьез? Зачем старика-отца актерствовать заставлять, зачем его инженерное имя впутывать? Видите ли, пациенту техническое признание требуется! Признание чего? Горячечного бреда? Моста через Северный полюс? Старый инженер Седых перед отъездом на работу в Министерство должен свое имя рядом с проектом поставить, словно и у него сотрясение мозга!.. Нет уж, увольте! Решили касторкой или еще чем человека лечить – так и пользуйтесь этим сами.

Ежели нужно его на руках через льды нести – готов. Но скандалиться – увольте!

Иван Семенович грозно надул щеки. «Увезить надо Анку скорее, – думал он, глядя, как спускается она с мостика по трапу. – Если парень даже и выскочит, так ведь на ногах ему уже не стоять... Что ж красавицу такую к мужниной коляске, что ли, приставить? Увезить надо девку скорее... И так уж много дней потеряно. Пришлось в порт Дальний завернуть, прибуксировать поврежденное бомбежкой судно, китайское. Теперь скоро Владивосток, передача там „Дежнева“ новому капитану...».

Аня шла по палубе навстречу Кандерблю и Сурену Авакяну, о чем-то жарко спорившим.

Следя за ней из-под насупленных бровей, Иван Семенович недовольно хмыкнул: «И этот еще американец навязался на седую голову. Не пожелал в Дальнем сойти. По радио с самим командующим американским военным флотом в Тихом океане связался. Тот за ним эсминец высылает. Скоро в море встреча произойдет. Видать, важная птица!.. Карты-то, небось, пришлось раскрыть. Вот такие и втираются, шпионят...»

Аня подошла к американцу. Иван Семенович плюнул от злости. Плюнул и отвернулся. Ветер ударил ему в лицо...

Аня была уверена, что Андрею необходим инженер, могущий влить в него новые силы. С Андреем уже случилось чудо, и Аня научилась верить. Еще недавно лежавший в гипсе, как в гробу, он был далек от всех живых. И вот – брошенный ему льня, льня его собственной дерзкой идеи, помог ему выбраться из небытия. Он снова живет и не только на корабле, но и в будущем, для которого проектирует грандиозное сооружение... А теперь, во время работы, у него, естественно, появились сомнения... Потому ему и нужны сейчас поддержка и признание, нужны, как укол камфары... иначе он выпустит льня из рук. И отец не единственный инженер на корабле. Есть и помоложе. А задуманное Андреем только молодым и строить!

Кандербль, споривший с Суреном о том, кто начал войну в Корее, не обратил на Аню никакого внимания.

Аня гордо вскинула голову.

– Вы знаете, – обратилась она к Авакяну, – я к вам с очень важной просьбой. Навестите нашего раненого, Андрея Корнева.

– Корнева? Слушай! – обрадовался Сурен. – Это очень хорошая идея. И знаешь, мы с этим американским инженером вместе пойдем. Он захочет. Я ему сейчас скажу.

«Американский инженер! – У Ани даже сердце остановилось. – Ведь мост-то – в Америку! А вдруг забракует, убьет тем Андрея. Вот он, какой бурбон... Будто и не видит никого, кто около него стоит».

Сурен уже говорил Кандерблю о посещении лазарета.

– О'кэй, – сказал Кандербль и равнодушно скользнул взглядом по девушке.

Вместе с Суреном, впереди Ани, он размахисто зашагал в лазарет. Но там им встретилась врач Барулина. Она растерялась, узнав, что американец хочет идти к больному, который что-то там чертит...

– Прошу извинить, господа, – сказала она, почему-то обращаясь так не только к Кандерблю, но и к побагровевшему Авакяну, – раненый в очень тяжелом состоянии. К нему нельзя... Нет, нет, к нему решительно нельзя.

Кандербль разозлился. Видимо, он совершенно не привык к отказам и ограничениям. Грубо повернувшись спиной, он зашагал прочь.

– Вас одного я пушу, – не дав Сурену выговорить и слова, вполголоса сказала Елена Антоновна. – А насчет американца, простите, должна посоветоваться с капитаном. Аня, проводи товарища... – И Елена Антоновна виновато улыбнулась.

Сурен уже не мог на нее сердиться. Она проводила его до изолятора, многозначительно приложив палец к губам. Потом дружелюбно кивнула. Сурен приободрился и взялся за ручку двери.

– Ва! – воскликнул он, распахивая дверь. – У вас что, сестричка, потолок протекает?

Почему без зонтика входим?

Аня рассмеялась:

– Я вам все объясню. Он изобретатель. А это лечение.

– Почему доской изобретателя лечишь? Что за медицина?

– А смотрите, как он окреп, как повеселел!

– Чего он там делает под доской, в подполье?

– Он чертит.

– Слушай, смеяться хочешь, пойдем на палубу. Там громче можно. Зачем больного тревожить?

– Нет, вы посмотрите, что он начертил.

Сурен недоверчиво подошел к койке, заглянул под доску.

– Где тут матросик, который нас из воды тащил? Ва! Замечательный парень! Слушай, что это у тебя нарисовано?

– Железнодорожный мост-туннель в Америку, – сказала Аня.

Сурен дипломатично закашлялся.

– Посмотрите, пожалуйста, – попросил Андрей.

Сурен сел на корточки и заглянул на доску снизу:

– Постой, подожди. Что такое? Ай-яй-яй!.. Это что? Под водой труба плавучая? Так ведь я же на такой трубе верхом сидел. Ай-яй-яй! Зачем же не я, а ты изобрел? Для чего меня инженерному делу учили, когда матрос мне чертежом горбатый нос утирает! Ай, матрос! Замечательный матрос!

– Ну, конечно, – за Андрея объясняла Аня. – Через весь Ледовитый океан от Мурманска до Аляски, прямо по меридиану протянется металлическая труба размером с туннель метро.

– Плавающий туннель, говоришь? Всплыть захочет. Чем держать будешь?

– Стальными тросами и якорями, брошенными на дно океана. Труба будет идеально прямой. Из нее легко можно удалить воздух.

– Конечно, можно. Зачем нам воздушное сопротивление!

– И никаких поворотов, уклонов, подъемов! – с воодушевлением продолжала Аня.

– Ва! – вскочил Авакян. – Понимаю! – и он протянул к Ане изогнутый крючком палец. – Прямое железнодорожное сообщение из СССР в Америку по плавающему подо льдом Арктики туннелю. Подводный понтонный мост!..

– На глубине ста метров, – вставила Аня.

– И поезда – как пули в стволе... Скорость тысяча...

– Две тысячи, – перебил теперь Андрей.

– Верно, браток! Две тысячи километров в час – и два часа езды. В Америку можно будет к теще чай пить ездить. Слушай... – он взъерошил черные волосы. – Очень просто, гениально просто! И, честное слово, осуществимо! Возьми к себе помощником!

Андрей, счастливый, закрыл глаза. Он выслушал первую экспертизу инженера, рассмотревшего его проект!

– Слушай, – продолжал Авакян. – Знаешь, у этого американского инженера не голова, а фонарь в две тысячи свечей. Попрошу капитана, чтобы позволил ему прийти к тебе. Идея у тебя – международная!

Возбужденный Андрей сделал попытку приподняться на локте.

Аня бросилась к нему:

– Что ты! Андрюша, милый! – А глаза ее сияли. Разве мог больной несколько дней назад сделать такое движение! Произошло чудо.

...Сурен Авакян сидел в салоне капитана и дымил трубкой. Грузный, седой Иван Семенович сердито расхаживал перед ним.

– Американцу? – остановился он перед Суреном. – Это ты подожди. Зачем американцу?

– А почему не показать ему корневскую идею? Ведь вы же говорите, что она

выеденного яйца не стоит.

– Ты брось меня цитировать. Другими цитатами пользуйся. Видно, забыл, в какой обстановке живем. Холодная война! Самого только что в море искупали. Американцы!.. Видать, мало с ними дела имел.

– Знаю, знаю... враги и так далее... Простые люди везде хорошие. Сближаться с ними надо, общие интересы искать... Мост-то мы ведь к американскому народу строить хотим, а не к какому-нибудь сенатору. С врагом общих интересов не бывает! Понимаешь?

– Очень понимаю! – совсем рассвирепел капитан. – Так ты что же? – он выпрямился во весь свой гигантский рост и угрожающе подбоченился. – Ты что же, решил советские идеи разглашать, иностранцам передавать? Ты знаешь, какие у меня тут инструкции? – и он показал рукой на сейф.

Авакян отмахнулся.

– Ну, вот! Теперь сразу опасность разглашения. Чего? Бреда?

– Не знаю чего. Там разберутся. Важно, что разглашение.

Авакян в сердцах засунул горящую трубку в карман и поднялся:

– Далеко пойдешь, капитан. Ба-альшим начальником будешь... Инструкции умеешь выполнять!

И Сурен выбежал из салона...

Слепая ярость накатила на Ивана Семеновича. Он мог бы сейчас заломать медведя, а не то что этого «горца кахетинского». Но как это ни странно, больше всего Иван Семенович негодовал на себя самого...

Американский самолет делал круг над «Дежневым».

От лежавшего в дрейфе советского корабля только что отошел катер с американского эскадренного миноносца, увозя инженера Герберта Кандербля...

...У реллингов стоял Сурен Авакян. Он долго мучился, не решаясь рассказать американцу о замысле Андрея Корнева. Всем своим существом Сурен понимал нелепость наложенного капитаном запрета, но внутренняя дисциплина сдерживала его. Капитан на корабле был высшим представителем советской власти. И все же Сурен не сдержался, намекнул американцу, чтобы узнать, как он будет реагировать на предложение построить мост между СССР и Америкой.

– Через Берингов пролив? – спросил он.

– Нет. Через Северный полюс.

Американец холодно сказал:

– Я инженер, а не психиатр.

А подробнее рассказать американцу о проекте Андрея Сурен не решился, сам себя ругая проклятым перестраховщиком.

Спускаясь на присланный за ним катер, американец вдруг вспомнил:

– Хэлло, Сурен! Если не мост, то добрые отношения нам построить было бы неплохо.

– Мы еще создадим Общество дружбы материков, – многозначительно сказал Сурен.

– О'кэй! – усмехнулся американец. – Я предпочел бы, чтобы оно было инженерным.

– Оно таким и будет!

– Без психиатров! – уже с катера крикнул Кандербль.

Американские офицеры с катера смотрели хмуро и, видимо, не одобряли дружелюбных реплик Кандербля...

За кормой катера осталась лепная дорожка.

«Дежнев» стал разворачиваться, и пенная дорожка холодной чертой отделила советский и американский корабли.

Из труб эсминца повалил черный дым.

В небе назойливо кружил истребитель.

– Слушай, – говорил Сурен, сидя вместе с Аней около койки Андрея. Кандербль сильно жалел, что тебя не увидел. Понимаешь, энтузиаст оказался. Мы с ним договорились, что создадим Общество дружбы материков. Инженерное общество, конечно. Ты поступишь в

институт, начнешь изучать английский язык. Станешь инженером, без этого тебе теперь нельзя. Возглавишь общество. Оно и поднимет твой проект!..

Андрюша был счастлив, силы возвращались к нему, он уже верил, что все это действительно будет так. Он – инженер... и много других инженеров друзей проекта. И даже в Америке появятся такие друзья...

– Общество дружбы материков, – задумчиво повторил он.

Аня смотрела на Сурена благодарными глазами.

– И уже есть три члена общества, – с улыбкой сказала она.

– Нет. Три с половиной! – поправил Сурен.

– Кто же наполовину?

– Американец.

– Будет когда-нибудь и он полностью с нами. А мы, Андрюша, уже сейчас с тобой...

– Всей душой, – торжественно подтвердил Сурен. – Давайте руки! Соединим материки.

И три руки соединились под самодельной чертежной доской: смуглая волосатая рука Авакяна, нежная рука Ани и худая, нервная рука Андрея Корнева.

Неужели эти руки могут соединить не только сердца друзей, но и континенты!?

Глава четвертая СТАРШИЙ БРАТ

Случай с Андреем Корневым, как известно, описан в медицинской литературе. Можно указать номер журнала, где сообщается, как воля к жизни, проснувшаяся у больного вместе с творческим порывом, повлияла на ход болезни; там же приведен и перечень физических упражнений, которые в течение почти одиннадцати месяцев с иступленным упорством продлевал обреченный на паралич человек.

К сожалению, в медицинском журнале ничего не сказано о самой мечте, вернувшей юношу к жизни.

Одиннадцать месяцев шла борьба. Болезнь сковывала Андрея, мечта дарила ему крылья...

Списанный с корабля на берег новым капитаном «Дежнева», Андрей лежал в портовой больнице во Владивостоке. День ото дня, сантиметр за сантиметром отвоевывал он свободу движений и вместе с тем изучал английский язык и готовился к приемным испытаниям в институт, куда обязал себя поступите ближайшей осенью.

Аня с отцом давно уехали в Москву. Девушка поклялась Андрею в вечной преданности его идее... Она аккуратно писала ему письма, полные робкой ласки, наивных чувств и маленьких школьных новостей. Уехал к своему дяде академику Овесяну и Сурен Авакян. Прощаясь с Андреем, Сурен сказал, что для плавающего туннеля непременно нужно построить атомные электростанции. И он, Сурен, с помощью академика Овесяна, когда-нибудь построит такие станции: одну в Мурманске, другую на Аляске.

Болезнь и мечта преобразили Андрея. Из коренастого порывистого паренька, чуть упрямого, но мягкого и общительного, он превратился в замкнутого, худощавого, негнущегося человека с пристальным, смущающим взглядом, одержимого, упорного, непреклонного. Но только таким смог выжить Андрей Корнев, сразу став взрослым, даже постарев.

Изменившимся, почти неузнаваемым, возвращался после выздоровления Андрей Корнев в Светлорек к брату Степану. Степан писал ему в больницу теплые письма и даже хотел приехать за ним, как в былую военную зиму, но задержали заводские дела.

Андрей думал о Степане. Авторитет брата по-прежнему был для него велик. Степан был несомненно выдающимся инженером. Он справился с обязанностями главного инженера комбината, до сих пор работал на этом посту и был известен на Урале как способный руководитель.

Мнение Степана о плавающем туннеле было для Андрея особенно важным. Он

нервничал, подъезжая к знакомым местам, представлял себе встречу со Степаном, их беседу о проекте.

В свое время братья расстались холодно. Все произошло из-за упрямства Андрея, который перед институтом непременно хотел поплавать по морям. Степан соглашался, что не стоит сразу после десятилетки поступать в институт, но считал необходимым Андрею поработать у него на заводе. Сейчас Степан в письмах был по-старому ласков, радовался Андриюшину решению учиться...

Но что он скажет об идее плавающего туннеля?..

Андрей сошел с поезда на знакомой станции Вязовка. Отсюда надо было проехать по широкой колее до станции Прудовка, а дальше пойдет знакомая с детства узкоколейка с милыми, будто игрушечными паровозиками и вагончиками, смешными, но совсем как настоящими: «классными» – для пассажиров, товарными – для грузов.

Комок подступил к горлу Андрея, когда он увидел узкоколейный поезд на станции Прудовка.

За низким зданием вокзала виднелись две доменные печи старого завода еще демидовских времен, где не так давно руда к колошникам завозилась подводами... На Степановой заводе не так! Там все по последнему слову техники!..

Андрей неуклюже сошел с подножки, – ноги еще плохо гнулись. Неестественно прямой, затянутый в жесткий корсет, Андрей, держа в руке небольшой чемодан, пошел через ширококолейные пути к заветному маленькому поезду, с которым связаны были воспоминания детства.

Билета в кассе брать было не нужно: узкоколейка принадлежала заводу, а не Министерству путей сообщения. Старичок-кондуктор, он же проводник, он же кассир, обойдет вагончики и продаст всем пассажирам билеты, как в трамвае...

– Андрей Григорьевич! Здравствуйте, Андрей Григорьевич! Никогда вас не видел, а вот сразу узнал. Ну – брат! Прямо, брат! Походка... посадка головы!.. Позвольте представиться. Инженер Милевский, Лев Янович Милевский. Работаю со Степаном Григорьевичем. Пользуюсь доверием. Начальник бюро рационализации завода.

Андрей остановился, чтобы пожать руку рыхлому, суетливому человеку, преградившему ему путь.

– Куда же вы, Андрей Григорьевич! Позвольте ваш чемоданчик. Я ведь выехал встречать замминистра. У меня свой вагон. Места хватит.

– Свой вагон?

– То есть, конечно, не свой, служебный. Комфорт! – поднял палец Милевский. – К счастью, замминистра прилетает на самолете, так что служебный вагон свободен. Кроме того, Степан Григорьевич говорил мне о вас, просил помочь...

Андрею было неловко воспользоваться предложением инженера, но тот был так настойчив, что пришлось согласиться.

Служебный вагон представлял собой довольно просторное купе с большим столом посередине и мягкими клеенчатыми диванами с четырех сторон. Из коридорчика вела дверь в купе проводницы, срочно ставившей самовар.

– Очень удобно! Не правда ли? Как на пароходе, – потирал мягкие руки Милевский. – Можно и в картишки перекинуться вчетвером, можно и вдвоем проехаться... – он сладко сощурил глазки, – можно и выпить, и закусить...

– Я ничего не хочу, – сказал Андрей.

– Как можно? – ужаснулся Лев Янович. – Чайку с вареньем... Специальное, директорское... Коньячок? Ром? Ликерчик? У меня полный набор.

Андрей выпил только стакан горячего крепкого чая, поданного высокой старухой-проводницей, и стал смотреть в окно.

Служебный вагон был прицеплен в хвосте поезда. Через заднее зеркальное окно открывался все время меняющийся вид.

Узкоколейка вилась причудливой лентой среди гор. И каждый крутой, немыслимый

для нормальной железной дороги поворот открывал то долины с серебристой речкой Светлой, то скалистые обрывы природных бастионов, то совсем близко подступавшие ели с протянутыми ветвями, словно хотевшими преградить паровозу путь.

На подъемах паровозик отчаянно пыхтел и еле полз. По этому поводу местные жители любили рассказывать, как машинист предложил однажды подвезти ходившую по грибы старушку, а она сказала, что ей некогда, она торопится. Если бы не последствия ранения, Андрей сейчас соскочил бы на ходу, прошел лесом, собрал ягод, вскарабкался вон на ту кручу, – и поезд как раз подошел бы туда. Прежде, мальчишкой, он так и делал, а теперь...

– Вы уж извините, Андрей Григорьевич. «ЗИМ» и «Победу», конечно, послали на аэродром, за замминистра с его свитой. А нам с вами рысака, полагаю, подадут. По старинке, по уральским традициям! В Москве, небось, и не прокатишься теперь на лихаче. А здесь... Поверите ли, дух захватывает... Цоканье подков, ветер в лицо, элегантная коляска, словно на машине времени в прошлый век перенесся.

Андрей не слушал своего спутника, блаженно развалившегося на диване. Прильнув лицом к стеклу, он смотрел на берега речки, все капризные изгибы которой повторяла узкая колея. Андрей вспоминал, как они впервые ехали здесь зимой со Степаном.

И вот – последний поворот. Туннель... Близкий гул колес... Темнота... потом яркий свет и впереди – широкий, полуторакилометровый пруд. На далеком берегу – скалы, поросшие лесом, над ними – высокая гора, округлая, как и все уральские горы, но с обнаженным каменистым хребтом.

А впереди, отражаясь трубами в глади пруда, – завод Степана, завод, который Андрей считал и своим, родным.

Когда-то здесь только плавил чугун... А теперь! Сколько цехов построил здесь Степан, где куют отличную сталь, режут ее, шлифуют, выпускают в виде изделий, которые стоят, затянутые брезентами, на узкоколейных платформах, пережидая встречный пассажирский поезд.

Только год с небольшим не видел Андрей города Светлореска, но ему казалось, что он не был здесь целую вечность. Если бы он чувствовал себя лучше, и если бы не торопил его инженер Милевский, решивший доставить гостя прямо в заводоуправление, к Степану Григорьевичу, Андрей прошелся бы по знакомым улицам с уютными одноэтажными домиками за палисадниками, расположенными амфитеатром по берегу пруда. Длинные улицы здесь, как ступени, одна выше другой, а переулки – крутые, как лестницы.

Экипаж остановился перед заводоуправлением, старинным кирпичным зданием с двумя старыми и двумя надстроенными этажами. У вороного рысака была гнутая, как у цирковой лошади, шея, он бил копытом. Но кучер, двенадцатилетний мальчишка, совсем не походил на «лихача».

Лев Янович Милевский, забежав вперед, открыл дверь подъезда. Чемодан Андрея он приказал «лихачу» отвезти на квартиру Степана Григорьевича.

В коридорах заводоуправления была суeta. Лев Янович объяснил, что ждут приезда заместителя министра. Директор комбината Веков поехал на аэродром встречать начальство, а Степан Григорьевич, как и подобает производственнику, остался на заводе.

– Это тоже политика, – подняв вверх палец, вполголоса сказал Милевский.

Лев Янович ввел Андрея в приемную главного инженера. Здесь в напряженных позах сидело несколько человек, не проявившие к Андрею никакого интереса.

Величественная секретарша с крашеными волосами приветливо улыбнулась ему, разговаривая сразу по двум телефонам.

– Степан Григорьевич просит передать, говорила она в одну трубку, – что инструкцией Главка это не предусмотрено. – И тут же брала вторую трубку: – Нет-нет! О приеме на работу он велит обращаться в отдел кадров. – Потом снова говорила в первую. – Простите, он будет с вами разговаривать, если у вас есть разрешение банка. Нет, нет! Он не намерен поступать против правил. Уверяю вас... и директор тоже не захочет... Я вас не понимаю... Кому это нужно? – и она раздраженно положила обе трубки. – Садитесь, пожалуйста, сразу

изменила она голос. – Вы ведь Андрей Григорьевич? Степан Григорьевич приказал мне позвонить на железную дорогу и ускорить движение вашего поезда. Вас нигде не задержали? Садитесь, прошу вас.

За дверью слышался громкий голос. Обе половинки ее, обитые черной клеенкой, вдруг распахнулись и из кабинета вылетел красный, вспотевший человек.

Кто-то поднялся к нему навстречу:

– Ну как?

Первый безнадежно махнул рукой, достал платок и поплелся из приемной.

Секретарша проскользнула в кабинет и тотчас вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Товарищи, – обратилась она к ожидавшим. – У главного инженера сейчас будет совещание. Ничего не поделаешь, – и она, сделав загадочное лицо, пожала плечами.

Люди неохотно поднимались.

– Проходите, – шепнула секретарша Андрею.

– Пожалуйста, Тереза Сергеевна, доложите, что я доставил сюда Андрея Григорьевича. Дозвольте ручку, – шептал секретарше Милевский.

Протянув для поцелуя руку, она говорила в телефон:

– Нет, нет. Степана Григорьевича нет в кабинете. Откуда я знаю? Вероятно, пошел по цехам.

Андрей вспомнил, что Лев Янович в пути называл эту даму Стервезой Сергеевной. Он вошел в кабинет.

Степан поднялся. Плотный, крепкий, но начинающий рыхлеть, Степан не успел согнать с лица начальнического выражения, с которым он только что распекал подчиненного. Увидев младшего брата, он тепло улыбнулся и стал сразу другим, давно знакомым Андрею, родным.

Андрей протянул руки, пошел ему навстречу и вдруг увидел, что лицо Степана снова изменилось. Оно продолжало улыбаться, но как-то по-другому, голова опустилась, втянулась в плечи. Он поспешно вышел из-за стола и пошел к Андрею, но смотрел куда-то через голову брата.

Андрей невольно обернулся и увидел за своей спиной огромную сутулую фигуру человека в картузе. У Андрюши даже захватило дыхание.

– Андрейка! Гляди, матрос мой! Вот okazия! Здорово! – загремел басом вошедший.

– Здравствуйте, Иван Семенович! Как вы долетели? – заботливо спрашивал Степан Григорьевич.

– Здорово, здорово! Это что же, брат, что ли, твой? Вот не знал. А ведь верно, оба Корневы, – пожимал руку Степану, а потом Андрею заместитель министра.

Стоявший сзади маленький седой директор комбината смотрел на Степана строгими глазами из-под лохматых бровей. Тот едва заметно пожал плечами.

– Встал на ноги? А ну-ка, повернись! Крепок!.. Мужичья кость. Садись, пиши Анке записку. Ну, а как твоя грандиозная идея? Будешь строить лестницу на Луну? А? Ну, ничего, ничего... В здравом уме все по-другому кажется.

Андрей сжал губы; при этом скулы его выступили яснее, щеки слегка провалились.

– Спасибо, я напишу Ане, – сдержанно сказал он.

– Ну, вот что, князя удельные, – обратился Седых к Степану и его директору. – Времени мало, пойду цеха посмотрю.

– Позвольте сопровождать вас, Иван Семенович, – предложил Степан.

– Нет уж, уволь! Я сперва с рабочими и мастерами потолкую, а потом к тебе в кабинет приду. Вы уж извините, князя удельные, – усмехнулся Иван Семенович.

– Как прикажете, – развел руками Степан, учтиво улыбаясь.

Седых с шумом вышел из кабинета. Голос его загромыхал в приемной. Директор Веков все-таки пошел проводить его.

Степан остался стоять посередине комнаты.

– Вот так, – сказал он, когда дверь плотно закрылась. – Начальство... А вы,

оказывается, знакомы? Да, ведь правда, он недавно еще плывал капитаном. Головокружительная карьера. Заместитель министра! Прекрасно знает, как руководить. Понимаешь, Андрей! Это нужно уяснить и тебе. Он пошел по цехам, которых не знает... Но по должности не мне, а ему дано решать вопросы в объеме моего завода. А все цеховые дела решает не начальник цеха, а главный инженер или директор... А вместо мастера распоряжаться должен начальник цеха... А ты знаешь, какому руководителю легче живется? Не тому, кто все возможности завода покажет, а тому, кто ни разу не ошибется. И чтобы не ошибиться, он должен знать тысячу табу, тысячу запретов и ограничений, налагаемых банком, Министерством финансов, моим министерством, тем же самым Седых, который умеет разносить таких, как я, как умею я разносить своих подчиненных... За невыполнение плана меня только пожурят, ну, снимут с работы... а за нарушение табу – отдадут под суд. Да, теперь я уже не ошибаюсь! Умею назначать сроки, составлять планы, знаю все запреты.

Степан замолчал, продолжая взволнованно ходить по кабинету. Наконец, он остановился, закурил и спросил Андрея:

– О какой это идее он с тобой говорил?

Андрей очнулся, ошеломленный речью брата:

– Идея? – переспросил он. – Я все тебе расскажу...

Глава пятая КРУТОЙ КАМЕНЬ

Против вокзала узкоколейки, на далеком лесистом берегу пруда, много левее крайних домиков Светлореска, высилась голубоватая отвесная скала. Ее звали Крутым камнем.

Со стороны леса на Крутой камень поднимался человек. Он неуверенно переставлял худые ноги, неестественно прямой, подтянутый.

У самого обрыва он остановился, скрестив руки на груди, все такой же прямой, негнувшийся, но с поникшей головой.

Любимый с детства Крутой камень! Сколько проведено здесь золотых дней, о чем только не мечталось на узловатых корнях старых сосен! А теперь он пришел сюда горевать... Все рухнуло, все!.. Тройка по математике! Кто же примет теперь в институт? В этом году невиданный конкурс: тридцать семь человек на одно место. А сколько среди них с золотой медалью, сколько человек, кроме них, еще наберут по двадцати пяти очков? Тройка по математике! Как это могло случиться? Ведь в школе он был на хорошем счету у математички. Не забыл же он все за год плавания? Неужели сказалось, что в последние дни он слишком много занимался проектом? Но он не мог поступить иначе. Он должен был доказать Степану, должен!..

Неприятно даже вспоминать, чем кончился их первый разговор... Степан назвал проект Андрея химерой и добавил, что Андрей сам с этим согласится, едва представит, сколько потребуется металла, стальных тросов, наконец, денег. Даже таким странам, как СССР и Америка, не под силу взять на себя подобное бремя. И Андрею нечем было возразить. У него не было цифр. А язык цифр, язык математики – язык инженера. Андрей не мог отложить спор с братом, он вынужден был даже перед самыми экзаменами засесть за курсы мостов и сопротивления материалов, а не за школьные учебники.

Он возился с уравнениями, выведенными на основе высшей математики, а не с биномом Ньютона или теоремой Пифагора. Он заставил себя разобраться в формулах расчета на разрыв и на изгиб, сумел рассчитать свою «падающую вверх» трубу, как подвешенный ко дну цепной мост. И он знал теперь, что его труба-туннель сможет выдержать и давление воды на глубине ста метров, и груз поезда, и изгиб под действием «силы всплытия»... и канаты не порвутся. Он определил толщину стенок туннеля и диаметр тросов. И, главное, он подсчитал, что на все сооружение понадобится пятнадцать миллионов тонн металла, восемьсот тысяч тонн стальных канатов. И не так это много, как решил Степан, если учесть общее производство металла в СССР и Америке. На строительство

Арктического моста понадобится примерно двадцать пять миллиардов рублей. Строить его будут лет пять, а то и десять... Так что на год придется не столь уж крупная сумма, не больше, чем тратилось, скажем, на строительство Московского метро...

Все это сумел подсчитать Андрей, овладев сложными математическими приемами, все это подсчитал... а вот по элементарной школьной математике «схватил тройку»... И все пропало, рухнули мечты. Не убедить теперь ни Степана, ни далекого мистера Кандербля, американского инженера. И не быть теперь инженером и самому Андрею, мечтавшему возглавить инженерное «Общество дружбы материков».

Как теперь признаться во всем Степану, человеку резкому, сильному, презиравшему побежденных? Что написать Ане, отец которой высмеивал его, что сказать Сурену, мечтавшему строить атомные станции для Арктического моста?

Андрей готов был просидеть на Крутом камне до ночи, даже всю ночь, но пересилил себя и пошел домой. Он намеренно не торопился, еле передвигая ноги. Все равно Степана нет дома. Никто из инженеров не уходит с завода по окончании работы. Степан счел бы это дурным тоном. По его словам, в министерствах и ночью сидят...

Не хотелось Андрею идти домой еще и потому, что там была Тереза Сергеевна. Степан якобы ради младшего брата пригласил ее хозяйничать в новой его «главноинженерской» квартире. И она хозяйничала в ней с той же уверенной четкостью, как и в его приемной.

Недурно сложенная и цепко молодящаяся Тереза Сергеевна встретила Андрея любезной улыбкой:

– Андрюша! Как экзамен? Ведь математика – ваша стихия. Все в порядке, конечно? – заглядывала она ему в глаза.

– Конечно, не провалился, – ответил он, смотря в сторону.

– Садитесь, прошу вас. Может быть, хотите бутерброд? С копченой колбасой, с икрой, с лососиной? Ну, что же вы, право? Степан Григорьевич звонил, что немного задержится. – Она села против Андрея, красиво подперев холеной рукой подбородок, и продолжала: – Ах, какой это работник! Какой масштаб, какая безошибочность! Заместитель министра ни к чему не мог придаться.

– Ни одного нарушения инструкций, – с горечью сказал Андрей.

Но Тереза Сергеевна не поняла смысла его слов.

– Да, да! У Степана Григорьевича прямая дорога в Москву – в руководство.

– Конечно, – согласился Андрей, думая, что его теперь уже не примут в институт...

– О, я вижу, у нашего мальчика не все благополучно. Не так ли? Ну, признайтесь своему другу. Почему вы не научитесь курить? Я всегда курю, когда у меня неприятности.

– Почему вы считаете, что вам все обязаны докладывать? Почему? – не сдержался Андрей. – Откуда, наконец, вы знаете...

– О, мой мальчик! Не сердитесь... Вовсе не надо выслушивать доклады, достаточно посмотреть в ваши карие глаза. Но почему вы отчаиваетесь?

– Так ведь тройка же! Понимаете, тройка!

– Ну, и прекрасно! Ведь не двойка же...

– Вы не понимаете!..

– Ах, ребенок! Брат самого Степана Григорьевича Корнева! Он действительно ничего не понимает.

Андрей поднялся и, не оглядываясь на Терезу Сергеевну, прошел в отведенную ему узкую и длинную комнату.

Он сел у окна, из которого был виден пруд и далекий Крутой камень на лесистом берегу...

...Степан вошел в темную комнату брата, молча сел против него и достал папиросу.

– Ну, – сказал он, – может быть, действительно закуришь?

Андрей крепко сжал губы и ничего не ответил.

– Так, – сказал Степан и закурил.

Помолчали.

– Пойдем, – предложил Степан вставая..

Они прошли через столовую и гостиную, недавно обставленную по совету Терезы Сергеевны в стиле модерн, и вошли в кабинет.

Здесь все представляло Степана – солидное, крепкое, тяжеловатое.

Степан сел в вертящееся кресло и придвинул к себе телефон. Андрей стоял перед ним, опустив голову.

Но не успел Степан снять трубки, как раздался звонок. Степан Григорьевич поморщился.

– Ну, я слушаю, – недовольным тоном сказал он. – Что вы еще выдумали? Какая там инициатива! Мне дисциплина важнее. Да, да... важнее. Я выполняю то, что находят нужным вверху. А вам предлагаю выполнять мои указания, – и он раздраженно повесил трубку. – Слышишь! Приходится обламывать... Хоть круглые сутки сиди в цехах. Нельзя доверять. Надо быть бдительным.

– Разве бдительность – недоверие? – нахмурился Андрей.

Степан усмехнулся.

– Кажется, ты начинаешь понимать! Если хочешь шагать вверх, то считай бдительность недоверием, дисциплину – безволием нижестоящего. Пусть это и не совсем так, но... на практике ты не ошибешься. А практика важнее теорий. Я не против воли, конечно. Но... воля должна быть устремлена вниз, как в армии, ибо производство – это война.

– С кем? – почти возмущенно спросил Андрей.

– С кем? – опять усмехнулся Степан. – Со всеми. С начальством и подчиненными. С поставщиками и приемщиками. Со снабженцами и ревизорами. С райкомом партии и министерством, с директором-солдафоном и заместителем министра – умницей. Война, Андрюша, война!.. И сейчас мы с тобой будем воевать, применяя саперную технику – подкоп. Понимаешь? – и он набрал на аппарате нужный номер.

Андрей исподлобья смотрел на брата.

– Что – профессор Гвоздев еще у себя? Так и должно быть, директор института в дни приемных экзаменов всегда обязан быть на посту. Да, да, превосходная Алла Александровна, вы угадали, Корпев вас беспокоит. Так попрошу, соедините с профессором.

Андрей побледнел, с трудом сдерживая дрожь во всем теле.

– Алло! Дistinguished профессор Гвоздев? Привет, дорогой! Привет! Как живем? Когда же стрелять уток поедем? У меня моторка на ходу. Готов быть вашим мотористом. Договоримся? Я тоже думаю, что договоримся. У меня еще есть одно дельце. Брат Андрюшка у меня приехал. В ваш институт экзамен держит. Почему не сказал? Да, неудобно было... Так вот. Представьте, кто-то из ваших привратных церберов трезубцем Андрюшку моего ранил. Да, да трезубцем. Тройкой по математике заклеил. Это же нелепица. Можете мне поверить: он не только там бином Ньютона или еще какую алгебру знает, он вам цепной мост рассчитает. Ну вот, вы смеетесь, а я серьезно. Что? Могу не беспокоиться? Тогда спасибо, дорогой. Как? Насчет угля? Будет институту уголь, будет! Не замерзнете зимой. Практикантов допустить в цеха? Ну что ж, договоримся, договоримся. И здесь пойдем друг друга. Ну, привет! Так как насчет охоты? Артиллерия? Будет батарея, будет! – И, смеясь, Степан Григорьевич повесил трубку.

Еще держа руку на аппарате, он пристально посмотрел на Андрея:

– Можешь считать себя студентом.

Андрей круто повернулся.

– Подожди, – властно остановил его Степан.

Андрей нехотя обернулся.

– Я ведь знаю, почему ты срезался. Все проектом занимаешься. Последнее время мне только и приходится, что всякие истины тебе в голову вбивать, ибо я и за старшего брата и за отца тебе... Так вот. В институт ты вопреки своему проекту все-таки попал. Вопреки!.. Но в институте ты о нем забудь. Забуди!..

– Но ты еще не знаешь результатов подсчета...

– И знать не хочу. Достаточно того, что ты в своем проекте смотришь в сторону Америки, а это сейчас не рекомендуется. Социалистические страны строят коммунизм во враждебном окружении. Твои мосты, Андрей, никому не нужны... Ни нам, ни им. Я из любви к тебе это говорю. Для тебя сейчас основное – учиться, уж коли попал в институт...

– Благодаря телефонному звонку, – зло процедил Андрей.

– Мы просто исправили ошибку. Между руководителями должен быть деловой контакт, иначе все вразброд пойдет. Вот так. Исправили ошибку. И еще одну ошибку исправить надо. Отложим в сторону незрелую мысль о строительстве подозрительного моста к господам капиталистам.

– Ну, это ты не тронь!

– Да ты хоть спасибо скажи.

– Не знаю... ничего я не знаю!

И Андрей выбежал на улицу.

Темнота окутала его. В заводском городе не очень щедры были на уличное освещение. Андрей зашагал по пустынным улицам. Встретился гармонист с горлающими ребятами. Пришлось свернуть в сторону, но тут попала стайка девушек.

Наконец Андрей выбрался на берег пруда.

Как же ему быть? Неужели закрыть на все глаза? Он поступит в институт, а кто-то имеющий на это все права не будет принят... Никто не позвонит о нем, никто не пришлет записочки... Значит, отказаться от института, проявить принципиальность?.. Отказаться от института – отказаться от инженерства, от проекта, навсегда остаться неучем-мечтателем!.. Допустимо ли воспользоваться звонком Степана во имя далекой и светлой цели? Андрей не заметил, как снова пришел на Крутой камень. Он сел на холодную скалу и стал смотреть вниз, где плескалась черная вода. Над головой шумели ветви сосен.

По воде с завода доносились звуки. Еще в детстве Андрюша любил их различать, безошибочно угадывая, когда с визгом начинала работать круглая пила в прокатном, отрезая куски горячей полосы, когда пыхтел компрессор, когда звенели, катясь и грохоча, подъемные краны, когда заливалась свистком кукушка, юркий заводской паровозик.

А какие бы звуки слышались на стройке подводного моста? Наверное, в стальной трубе

все грохотало бы, как в котле, когда его клепают... Неужели ж когда-нибудь будут строить Арктический мост?..

Что-то зашумело. Андрей поднял голову.

Над прудом в стороне завода занималась заря, пруд там стал оранжевым. Огромная крыша и стены мартеновского цеха просвечивали, как игрушечная коробка, внутри которой зажегся свет. Начиналась плавка.

Над доменными печами из предохранительных клапанов в небо рвалось пламя свечей. Их шипение доносилось до Крутого камня.

Как же быть? Как поступить? Ведь он комсомолец! Честно ли таким путем стать студентом?

А как же Арктический мост?

Глава шестая СВЕТ И ТЕНЬ

В маленьком пассажирском поезде иногда становилось особенно светло, а порой горы, как шторами, прикрывали солнечный день.

У окна вагона сидела девушка, ясная, милая, то оживленная, то задумчивая; сидела, подперев подбородок тонкой рукой, сама тоненькая и легкая.

Поезд делал крутые повороты. Паровозик чуть ли не проносился мимо своего собственного последнего вагона.

Глядя в окно, девушка вскрикивала:

– Ой, как интересно! Что это? Речка Светлая? Неужели так близко облака? И мы въедем в них? Как на самолете?

Глаза ее сияли, светились радостью, удивлением, любопытством.

Вагончик качало. Пассажиры мерно клевали носами.

Притихла и девушка. Она продолжала смотреть в окно, но глаза ее стали другими. Видела ли она то, что пробежало мимо? Может быть, она слышала какую-то музыку, думая о своем?..

Дрогнула тонкая бровь, рука отвела непослушную русую прядь. Почему вдруг расширились ее глаза? И сразу сузились... и даже изменили цвет: серые – стали темнее.

О чем она думает?

Недавно она была счастлива, очень счастлива и летела домой из университета, смеясь и напевая. Ей хотелось броситься на шею каждому, кто попадался ей на пути. А дома ее ждала еще одна радость – в Москву вернулся папа с Урала. И Аня повисла на шее у огромного, седого сильного и родного, пропахшего табаком и одеколоном после бритья – значит, ждал дочь! – Ивана Семеновича Седых.

Теперь рассказывать, рассказывать! Его Анку принимают в университет! Она только что была на собеседовании для медалистов. Смешно! С ней говорили о музыке, спрашивали, часто ли она бывает в концертах, кого любит из композиторов и музыкантов, что чувствует, когда слушает музыку? Она отвечала, что не может понять, что именно говорит музыка, но у нее часто подступает комок к горлу; она думает вместе с композитором... и не знает о чем; она становится чище, лучше, светлее, когда слышит музыку, и ей хочется любить... Беседовавший с ней пожилой человек улыбнулся и опустил глаза. Он сказал, что такая девушка им подходит. Теперь Аня счастлива: она – студентка!

Иван Семенович любовался красавицей-дочкой и, посмеиваясь, вручил ей в награду, письмо от «корабельного дружка».

Аня прочла письмо и разрыдалась. Она плакала, и слезы капали на листок, размазывая ровные строчки. Потом свернулась калачиком на диване, жалко вздрагивая всем телом.

Андрюша, Андрюшка, чудный, замечательный! Как он много перенес! Какое счастье – наконец, он на ногах... Приехал к брату... Будет поступать в институт... Но еще ходит в корсете... Как могла она минуту назад смеяться?.. И месяц назад быть счастливой,

бесчувственная, черствая!.. Как смела она оставить Андрюшку, так тяжело больного, в какой-то портовой больнице? Она, как малое дитя, держалась за отца. Разве сделала бы она это сейчас! Андрюша, Андрюша! Ах, если бы он был близко!

И девушка плакала слезами радости и досады, любви и обиды... И, плачущая, была чудесна!

Всего готов был ждать от дочери Иван Семенович, но только не мгновенного ее решения сейчас же ехать в Светлорецк, к Андрюшке Корневу!

Свое решение Аня объявила отцу немедленно, с горящими и еще влажными глазами.

Иван Семенович разбушевался, даже прикрикнул на взбалмошную дочь. В сердцах изорвал в клочья конверт злополучного письма, оставленный Аней на столе в столовой.

Анка, глупая, заперлась в своей комнате и оттуда кричала, что все равно поедет, потому что любит.

«А что она понимает в любви в свои неполные восемнадцать лет! Эх, Анка!..»

Иван Семенович кусал желтоватые усы.

Два дня шла домашняя война, и сильный противник, вооруженный полувековым опытом и важным постом, грозный на суше и на море, сдался...

Иван Семенович ничего не смог поделать. По его совету Анка взяла из университета справку о том, что ее зачислят студенткой, а потом забрала оттуда все документы, чтобы сдать их в Светлорецкий институт. Иван Семенович вручил ей деньги на дорогу, адрес его знакомой рабочей семьи в Светлорецке и, горько обиженный, не поехал провожать сумасбродную девчонку на Казанский вокзал... и даже машины не дал. Послал по телефону телеграмму о ее выезде и стал мрачно один лить водку в столовой.

Ане было жалко отца, она проклинала себя за эгоизм, но ведь она же любила Андрюшку – и этим было сказано все! Нет эгоизма большего, чем эгоизм любви.

И вот она уже совсем близко к Андрюшке! Почему только паровозик так медленно взбирается в гору? Сосны едва отодвигаются назад, словно гуляешь по лесу с корзинкой для ягод в руке. Как жаль, что после веселых уклонов всегда бывают трудные подъемы...

На подъеме стоял человек. Он еще давно заметил дымок паровоза, но паровозу еще предстояло немало покрутить, прежде чем он доберется до этого места.

И, наконец, он показался из-за поворота, устало пыхтя и еле таща довольно длинный поезд из игрушечных платформ, товарных и пассажирских вагонов.

Собственно, пассажирский вагон в этом поезде был один. И человек, дожидавшийся поезда, неуклюже пробежав несколько шагов рядом с вагоном, когда он поравнялся с ним, схватился за поручень, подтянулся и неловко втащил мало послушные ноги в тамбур вагона.

Чья-то сильная рука помогла в решительный момент.

– Что же ты, брат, так?

– Да ноги неважные, – ответил вскочивший.

Он прошел в вагон, где сидела девушка у окна.

Некоторое время он наблюдал, как вздрагивают ее брови, как переводит она глаза, равнодушно-далекое... И вдруг округляются они...

– Андрюша!

Он берет ее руки в свои и сжимает ее тонкие пальцы. И улыбаются, улыбаются оба...

– Вот ведь куда вышел встречать, – говорит одна женщина другой, и в голосе ее – хорошая зависть.

– Да, прошло наше время, – вздыхает другая.

Молодые люди уходят в тамбур, открывают дверь и садятся на ступеньки. Они говорят, говорят, говорят...

– Как же ты надумала?

– Потому, что к тебе...

– Значит, помнишь?

– Глупый, люблю!..

– Правда?

Она прижимается щекой к его плечу:

– А вот испугаю.

Он смеется:

– Нечем.

– Сказать? – И, не дождавшись ответа, шепчет ему в самое ухо: – Я решила... я решила, что мы теперь всегда будем вместе...

– Как – вместе?

– Ну, я с тобой буду... Конечно, мы поженимся.

– Поженимся? – Он обнимает ее за худенькие плечи, и рука его дрожит.

– Испугался, – лукаво говорит она.

– Я? Нет... только почему же не я?

– Потому что глупый, у тебя только Арктический мост в голове.

– Надо же было мне сказать Степану! Мы сейчас же с вокзала поедem в загс... А потом к Степану...

Аня смеется и гладит Андрюшину руку, пересчитывает его пальцы. Вот теперь она знает, что такое счастье!

Андрею хочется поцеловать девушку. Он робко оглядывается. Но в тамбуре никого не осталось, чуткие пассажиры все ушли в душный вагон. И Андрей целует Аню... И у обоих кружится голова... И они целуются снова и снова до тех пор, пока не раздается покашливание сзади.

Это вошел в тамбур старичок-кондуктор с флажками.

– Светлорецк, детишки. Подъезжаем, – говорит он, пряча улыбку.

Приходится вставать. А так можно было ехать сто лет! Нет гор красивее, нет реки прекраснее, нет времени счастливее!

Наступил вечер, и, конечно, ехать в загс с вокзала было уже поздно. К тому же Аню неожиданно встретил Андрюшин дружок, Денис Денисюк, отец которого, рабочий завода, знакомый Ивана Семеновича по Кривому Рогу, прислал за Аней, чтобы привезти ее к ним в семью. Андрей настаивал было, чтобы Аня ехала не к Денисюкам, а к нему, но Аня решила, что до загса неудобно.

Когда Андрей, придя домой от Денисюков, сказал Степану о своем решении жениться, брат пришел в неописуемую ярость.

– У тебя есть голова или нет? – едва сдерживая себя, говорил он. – Ромео и Джульетта! Одному девятнадцать, а другой семнадцать лет!

– Скоро будет восемнадцать!

– Так вас, сопляков, и в загс-то не пустят.

– Пустят. Аня узнавала. Для женщин бывают исключения... даже в шестнадцать лет.

– Глава семьи! – издевался Степан, глядя на побледневшего брата. – Ну, что мне с тобой делать? Проекты, женитьбы! Ну, на!.. Занимай всю квартиру, а я пойду учиться к профессору Гвоздеву.

Раздраженный, он вызвал, на ночь глядя, машину и поехал в цеха. Вернулся только под утро.

Андрей тоже не спал. Он твердо решил, что они с Аней не будут жить у брата. В институтском общежитии им, конечно, предоставят комнату для семейных. Все должно выясниться завтра, когда Аня отнесет свои документы в институт.

Действительно, на завтра все выяснилось.

Аня, счастливая, поражаясь всему, что видела: заводу, городу, пруду, отнесла в институт, куда держал экзамены Андрей, документы и справку из Московского университета о том, что ее зачисляли студенткой.

Но нет света без тени – Андрея приняли, а ее нет.

У директора института профессора Гвоздева был свой взгляд на «девиц, помышляющих об инженерстве». Он считал, что в большинстве случаев они идут учиться зря. Выйдут замуж, народают детей, бросят работу, и пропали все государственные средства,

затраченные на их обучение. Есть для женщин и другие специальности, кроме строителей, механиков и горных инженеров. И ко всем девицам «с косичками без оных» профессор Гвоздев относился сурово.

Вот потому ни в чем не убедила его и Аника справка из университета. Гвоздев нашел формальный предлог: пропущены все сроки – и отказал ей.

– Я ни за что не уеду в Москву, – сказала Аня, вытирая слезы, когда они с Андреем шли из института.

– Зачем же в Москву? – спросил Андрей. – Ведь мы же...

– А общежитие?... Ты ведь сам сказал, что у брата не будем жить... Вот придется теперь ждать, – со слезами в голосе говорила Аня. – Но я все равно не уеду, буду около тебя. Расскажи, какие еще институты есть у вас в Свеглорецке?

– У нас больше нет институтов... ни одного.

Аня опять заплакала.

Андрей не знал, что делать. Оказывается, он не переносил женских слез. Он хотел остановить ее хоть чем-нибудь, хоть на минуту:

– Слушай, Аня... ну, не плачь... знаешь... я ведь пишу стихи.

– Стихи? – удивилась Аня и посмотрела на него украдкой.

– И у меня есть одни... Понимаешь... они мне очень теперь помогают...

– Разве ты поэт?

– Послушай.

С жизнью в бой вступай смелее,
Не отступай ты никогда,
Будь отчаянья сильнее –
И победишь ты, верь, всегда!

– Вот как? – Аня робко улыбнулась. – Как ты сказал? Будь отчаянья сильнее. Здорово! Ну хорошо, буду, – тряхнула она волосами и стала вытирать слезы. – А техникумы здесь есть?

– Есть – обрадовался Андрей. – Лесной. Жаль, это никакого отношения не имеет к Арктическому мосту. И есть медицинский...

– Медицинский? – оживилась Аня. – А помнишь корабельный госпиталь? Я тогда себе слово дала, что если... ну, понимаешь... если... то я на всю жизнь пойду, в медицину; – Так ведь я же... ну, выздоровел...

– Раз меня не пускают в технический мир – пойду в медицинский!

И они поцеловались прямо на улице...

Проходившая старушка покачала головой, мальчишка свистнул с забора, а проезжавший шофер засигналил.

Глава седьмая КРАМОЛА

Аня поступила в медицинский техникум. И у нее и у Андрея начались занятия.

Андрей каждый вечер приходил к Денисюкам, чтобы видиться с Аней. Дениска был рад старому другу.

Огромный, мускулистый, с квадратным лицом и пробивающимися усами, Денис окончил ремесленное училище и работал на заводе водопроводчиком. Он увлекался тяжелой атлетикой и астрономией.

– Да я ж тебе дам глянуть в мою подзорную трубу-телескоп. Сам сварганил. Марс побачишь.

– Неужели и каналы видно? – интересовалась Аня.

– Да ни, каналов не видать. А звездочка горит добре.

Андрей не интересовался астрономией, он весь был в своем проекте, но Аня увлеклась Денисовой трубой, и Андрей даже ревновал Аню, если не к Денису, – это было бы смешно, – то к его трубе.

Однажды Андрей принес письмо от Сурена.

– От Сурена? – заволновалась Аня. – Где же он?

– Адрес странный – город не указан... он ведь на такой работе... – объяснил Андрей.

Аня понимающе кивнула головой.

– Поздравляет с поступлением в институт, велит стать инженером. И напоминает про «Общество дружбы материков». Помнишь?

– Ну, конечно, помню, Андрюшка! – всплеснула руками Аня. – Что же мы с тобой думаем? Надо же набирать друзей проекта!

– Верно, – согласился Андрей. – Мы организуем студенческий кружок в институте.

– А я? А Денис? Нужен городской кружок «дружбы материков».

Так и порешили. Молодым ведь все кажется просто.

Организационное собрание кружка было назначено за отсутствием пока другого места на Крутом камне.

Аня с Андреем и Денисом пришли на Крутой камень первыми. Денис решил непременно выкупаться, несмотря на сентябрь месяц. Андрей тоже было расхрабрился, но Аня сузила глаза и топнула ногой.

– Так тебе ж в цирке выступать со львами, – сказал Денис.

Аня рассмеялась.

Денис бушевал в воде, брызгаясь, фыркая и отдуваясь, как тюлень. Аня с Андреем сидели наверху, на скале. Ребята понемногу начинали собираться.

Аня еще два дня назад тщательно написала объявления о создании кружка. Она расклеила их в институте, в двух техникумах, в ремесленном училище и даже на заводе. Секретаря комсомольской организации института Льва Рубинштейна она пригласила лично.

И Лев Рубинштейн явился на Крутой камень. Это был тщедушный юноша с тонкой шеей и огромной шевелюрой, по поводу которой ребята острили, что она досталась ему от самого Антона Рубинштейна, хотя Лева и отрицал какое-либо родство с великим музыкантом.

Неожиданно, как бы невзначай, явился сюда и заводской инженер Лев Янович Милевский. Подсев к Ане, с кряхтеньем подобрав «по-турецки» ноги, он расточал любезности дочери заместителя министра.

Аня смеялась и говорила, что должна загадать желание, потому что сидит между двумя Львами.

Милевский острил, уверяя, что в присутствии Ани эти имена нужно писать с маленькой буквы. Лев Рубинштейн краснел и хмурился.

Организационное собрание получилось веселым. Ребят и девушек набиралось все больше и больше. Институтская жизнь только начиналась, и всем было интересно, что это за необычный кружок.

Затеяли игры. Вернулся Денис с мокрыми, торчащими ежиком волосами. Он стал состязаться в силе с ребятами. И всех побеждал.

Признал себя побежденным и Лев Янович, который по приказу «своей повелительницы» – Ани вынужден был схватиться с Денисом.

Наконец решили, что собралось достаточно народу. Андрей стал рассказывать о своей идее и о том, как уже сейчас надо бороться за ее осуществление.

Ребята слушали с открытыми ртами и горящими глазами.

Аня, счастливая, сияющая, обводила всех взглядом. Вот те, кто будет когда-нибудь строить великий мост дружбы между континентами!

Лев Янович Милевский не мог придти в себя от удивления. Ему явно было не по себе, он морщился, ерзал и все время оглядывался вокруг. Он ушел сразу же после решения устроить доклад Андрея в институте и не присутствовал при выборах бюро кружка, куда

вошли Андрей, Аня, Денис и Лев Рубинштейн, который долго отказывался, ссылаясь на загрузку комсомольской работой.

Через полчаса Лев Янович галантно прикладывался к ручке Терезы Сергеевны:

– У себя ли Степан Григорьевич? Нельзя ли к нему по важнейшему делу?

– У всех, положительно у всех срочно! Неужели и ваша рационализация тоже такая срочная? – устало спросила Тереза Сергеевна.

– Если бы только одна рационализация! – вздохнул Лев Янович и, нагнувшись к свисающей почти до плеча серьге, шепнул: – Личное... семейное: Степана Григорьевича...

Тереза Сергеевна молча поднялась и провела Льва Яновича в кабинет.

Вернувшись, она загородила грудью дорогу начальнику мартеновского цеха, высокому кудрявому красавцу, обычно проходившему к главному инженеру без препятствий.

– Простите, Степан Григорьевич просил позже. Он сейчас говорит с Москвой, – и она осталась стоять у двери.

Корнев взволнованно ходил по кабинету.

– Мальчишка! Сумасшедший! – сквозь зубы бросал он.

– Он компрометирует вас, Степан Григорьевич, – проникновенно говорил Милевский. – Именно о вас я сразу подумал. Общество дружбы с враждебной социализму Америкой! Это неслыханно, Степан Григорьевич! Самостоятельная организация, никому не подчиненная, чуть ли не противостоящая комсомолу! У меня остановилось сердце. Что будет, если узнают в райкоме?

– Это же в самом деле глупо! Глупо и вредно! Вредно и опасно! – с сердцем сказал Степан.

Открылась дверь, и заглянула Тереза Сергеевна:

– Степан Григорьевич, возьмите трубку.

– Я, кажется, просил, – зло обернулся к ней Степан.

Тереза Сергеевна многозначительно опустила глаза:

– Из райкома...

Лев Янович схватился за голову и отвернулся.

Похолодевшей рукой Степан взял трубку:

– Корнев. Слушаю. Хорошо. На бюро райкома? Когда? Буду. Есть. Привет.

Милевский почтительно попятился к двери.

– Надеюсь... не по этому поводу, – пробормотал он.

Степан Григорьевич даже не взглянул на него.

– Какой дурак! Какой Андрюшка дурак! – тихо проговорил он.

Дверь за Милевским закрылась. Тереза Сергеевна шестым секретарским чувством поняла, что к Степану Григорьевичу никого пускать нельзя.

Степан думал. Дело может обернуться самым неприятным образом. Андрей перешел все разумные пределы. Идея его – нелепица. Каждому ясно, что к ней нельзя отнестись серьезно. Но, оказывается, серьезно отнестись надо, потому что идея стала поводом для необдуманного создания Общества, по существу, проамериканской организации, которая собирается не где-нибудь, а в лесу! Чуть ли не конспирация! Как на это еще посмотрят... И если в райкоме уже знают, если на бюро хоть краешком заденут этот вопрос, то Гвоздев тотчас заявит, что это по просьбе Степана он принял в институт младшего Корнева. Всем станет очевидно, что Степан должен отвечать за действия Андрея. Притупление бдительности. Коммунист Степан Корнев пропустил создание самочинной организации!.. Равнение на капиталистическую Америку!.. Апологетика Запада!.. Антикомсомольский кружок!..

– Какой дурак! Какой дурак! – все повторял Степан.

Он видел мысленно, как поднимаются один за другим члены бюро райкома. Степану бросают в лицо политические обвинения... И сам директор Веков, считающий себя воспитателем Степана, с присущей ему неистовой правоверностью, первый поставит вопрос о пребывании Степана в партии. Он ведь прощать не умеет. А ведь Степан уже давно перерос его, первобытного директора первых пятилеток!.. Теперь все, все зачтется...

Степан стал расхаживать от окна к окну, поглядывая на заводской двор, где бегал паровозик-кукушка, гремели сцепки вагонов, тяжело пыхтел компрессор, визжала дисковая пила в прокатке...

Оказаться вне партии!.. Допустить, чтобы рухнули все планы из-за безумства упрямого мальчишки... Степан никогда не драл его в детстве... Зря!.. Упустил! Вот и отвечай теперь...

Впрочем, почему отвечать? Андрей достаточно взрослый. Но Степана спросят, как он мог проглядеть? Почему первый не действовал?

Значит, он должен действовать.

Вошла Тереза Сергеевна:

– Я звонила к вам домой, Степан Григорьевич. Андрюша уже дома.

Степан поднял на нее сразу запавшие глаза. Что она? Колдунья? Читает мысли?

– Машину, – приказал Степан.

– Уже подана.

Нет, она все-таки хороший секретарь! Ничего не скажешь...

– ...Андрей! Пройди ко мне, – крикнул Степан из коридора в полуоткрытую дверь комнаты брата.

Андрей проводил Аню и Дениса до выхода и сказал, чтобы они подождали его на улице. Сам прошел в кабинет Степана.

– Ну?.. – встретил его Степан, стоя посередине комнаты, чуть втянув голову в плечи, сжав кулаки.

Андрей даже отступил на шаг, ему показалось, что брат готов броситься на него.

– Тебе мало того, что я всю жизнь делал для тебя? Тебе надо встать на моей дороге? – понизив голос и еле сдерживая себя, заговорил Степан.

– Милевский про кружок рассказывал? – спокойно спросил Андрей.

– Идиот! – заорал Степан. – Чем ты рискуешь? Ничем! Ты еще ничего не приобрел, терять нечего! А я из-за тебя рискую всем... Именем... дорогой в будущее...

– Карьерой, – поправил Андрей.

Лицо его покрылось красными пятнами. Он стоял перед Степаном, тоже опустив голову, чем-то напоминая его.

– Карьерой? Это слово не из нашего социалистического обихода. Ты бредишь капитализмом. Готов преклоняться перед ним. И твое самомнение автора заумной идеи тоже из арсенала капиталистических отношений...

– Глупости! – отрезал Андрей. – Тебе ли говорить о социалистических отношениях. С ними не очень-то вяжутся твои поучения.

– Ах, ты таким языком заговорил! Ладно. Теперь я буду приказывать. Завтра же ты объявишь о ликвидации своего дурацкого кружка. Нет, постой! Это было бы глупо. Ты переименуешь его. Назовешь кружком научной фантастики. Будете там бредить Арктическим мостом и полетом на Марс.

– Не сделаю этого. Не вижу в Арктическом мосте ничего научно-фантастического. Это реальный проект.

– Молчи! «Реальный проект»!.. Ты понимаешь, как могут истолковать твою затею с кружком дружбы материков? В какое время живешь?

– Перестань кричать на меня!

– Я не только кричу на тебя, я учу тебя, я кормлю тебя...

– Так не будешь ни учить, ни кормить. Спасибо за все! – И Андрей резко повернулся к двери.

– Подожди, дурак! Скажи спасибо, что я тебя не побил. Ты же меня компрометируешь.

– Не пробуй задержать меня.
– Я разделаюсь с тобой, вот что!.. Подожди... Снова в больницу попадешь... только для умалишенных...

Андрей спокойно вышел из кабинета Степана и почти выбежал из коридора в переднюю. За его спиной что-то загрохотало. Может быть, Степан что-то бросил вслед Андрею или просто уронил стул на пол.

– Что с тобой, Андрюша? – кинулась к нему на улице Аня. – На тебе лица нет.

Андрей прислонился к забору, закрыл глаза. Он тяжело дышал.

Из дверей вышел Степан Григорьевич и, не обращая внимания на молодых людей, сел в машину.

– В заводоуправление, – приказал он шоферу...

– Пойдем к тебе, мы уложим тебя, Андрюша, – просила Аня.

– Туда? Никогда, – сквозь зубы процедил Андрей.

– Та что ж хлопца неволить? Пойдем до нас. Батка рад будет, предложил Денис.

...Степан Григорьевич не мог успокоиться. Он обдумывал, как ему поступить. Нелепая история. Если в райкоме уже знают, то он первый должен внести предложение, резкое, твердокаменное... Ах, Андрей, Андрей! Может быть, попробовать выгородить его? Дурная голова... фантазии... мальчишество... Но разве Степану это простят? Нет, видимо, придется по-другому...

Глава восьмая ДВА ЛЬВА

Андрей не вернулся домой ночевать.

На следующий день Степан Григорьевич узнал от Милевского, что в институте назначен доклад студента Корнева о необычайном проекте моста через Северный полюс.

– Поверьте мне, Степан Григорьевич, – с наигранным волнением говорил Милевский, – я ведь не могу молчать, не могу, как инженер! – и он вопросительно заглянул в глаза главному инженеру. – Чтобы опасная организация перестала существовать и никто за нее не нес бы ответственности, надо разоблачить сумасбродную идею, положенную в ее основу. Я считаю это долгом каждого инженера. Не так ли?

Степан Григорьевич смотрел в другую сторону и ничего не ответил Милевскому. Лев Янович вздохнул и, понимающе кивая головой, вышел из кабинета.

Через приемную он прошел с многозначительной миной человека, получившего особое задание.

Степан Григорьевич крупно повздорил с директором Вековым и разнес подвернувшегося ему под руку начальника мартиновского цеха.

Тереза Сергеевна говорила всем, что Степан Григорьевич не жалеет себя, губит на работе... Совсем больной, он выполняет обещание, данное самому министру...

Светлорецкий индустриальный институт помещался в старинном демидовском доме с толстыми, как в монастырях, стенами и в новом, пристроенном к нему, корпусе со светлыми широкими окнами и стенами в полтора кирпича.

Зимой в новом здании было отчаянно холодно, а в старом жарко. Поэтому в перерыве между лекциями студенты бежали из нового здания в старое погреться, а из старого в новое покурить и хоть немного прийти в себя после «бани».

Едва раздавался звонок – и два потока людей устремлялись навстречу друг другу, сталкиваясь в коридорах, устраивая веселую толчею, в которой каждый студент со смехом пробивался в своем направлении.

Это стало институтской традицией. И даже в сентябре, когда еще не начинали топить и в обоих зданиях была одинаковая температура, студенты в перерыве все равно устраивали свою обязательную толчею.

Но даже старшекурсники и преподаватели не припоминали такой давки в коридорах

института, как после доклада студента Корнева о постройке моста в Америку через Северный полюс.

Между скептиками и энтузиастами разгорался жаркий спор, который иногда напоминал потасовку.

– Четыре тысячи километров! Гигантомания какая-то! Нефтепровод такой не уложить, а здесь...

– А трубу в один километр можно построить?

– Ну, можно...

– Помножь на четыре тысячи. Возьми в помощь счетную линейку.

– Э, брат!

– Что, «э»?

– А что вы думаете, Никандр Васильевич?

– Что ж, человек значительно раньше начал мечтать о полете, чем полетел...

– Но ведь это не просто мечта... он подсчитал!

– Николай! Не шуми! Имей в виду, английский язык будешь сдавать не в девятой аудитории, а на Клондайке в салуне Кривого Джима. Только не рассчитывай в поезде повторить, не успеешь! Скорость слишком велика.

– А что ты думаешь? Волжские станции строим? Каналы через пустыню прорываем? А трубу утопить не сумеем?

– Вот именно – утопить! А ты представляешь, как ее спустить?..

– С якорями он здорово придумал! Получается цепной мост, подвешенный ко дну, перевернутый вниз головой...

– Вот насчет «вниз головой» – это верно. Только так и можно такое выдумать!

– А ты выдумаешь? Ты и задания-то у других списываешь.

– Полегче.

– Ты сам не толкайся.

– Товарищи, дайте пройти профессору Гвоздеву.

– Семен Гаврилович! А как вы на это смотрите?

– Простите, товарищи, спешу, спешу. О вас же надо заботиться. А доклада не слышал, ничего сказать не могу. Простите, дайте пройти.

После перерыва первым в прениях выступил инженер завода Милевский.

Студенческая аудитория была накалена. На доклад, оказывается, даже с завода пришли!

Лев Янович, сытый, солидный, некоторое время постоял на кафедре, как бы давая всем на себя посмотреть, потом начал проникновенным голосом:

– Дорогие товарищи, коллеги, друзья! Я не хочу касаться проблемы международных отношений. Мне кажется, что найдутся более компетентные товарищи, партийные или из комсомола, которые дадут всему надлежащую оценку. Я коснусь только технической стороны. Однажды кто-то предложил вздорную идею просверлить Земной шар насквозь, проложить туннель-скважину к антиподам, к американцам, скажем, из Светлореска куда-нибудь в Сиэтль. По мысли шутника или безумца вагон должен был, все ускоряя движение, падать до центра земли, а потом взлетать до ее поверхности в силу инерции, плавно теряя скорость. Любопытнейший проектик! Только вот автор не догадался создать общество центроземельцев.

– Никто тут такого проекта не предлагает. Ближе к делу! – крикнул кто-то из толпы около дверей.

Милевский поморщился:

– Думаю, что проект моста через Северный полюс принадлежит к числу подобных же гримас мозга.

Аудитория зашумела:

– Доказательства! Опровергайте по существу!

Все тот же хриловатый голос показался Милевскому удивительно знакомым.

– С технической точки зрения, – громко начал Милевский, – проект Арктического моста не выдерживает никакой критики. Нарисовать перевернутый цепной мост, может быть, красиво или забавно, но другое дело опустить на дно восемь тысяч якорей на стальных тросах, что практически сделать невозможно. Напомню, что глубины там достигают пяти и более тысяч метров! А сама труба? Советским людям с немалым трудом удалось в свое время посадить героев-полярников на дрейфующие ледяные поля Северного полюса. А здесь нам придется пройти всю трассу по льдам, взрывать их, спускать в полыньи трубы... А как доставить их на Северный полюс? Автор проекта рассуждал тут о пятнадцати миллионах тонн металла. Да ведь это же годовая продукция всей советской металлургии! Значит, все закрыть, все остановить на год и отдать металл для потопления в Ледовитом океане?

– А морской телеграфный кабель по-вашему тоже топят в океане? – снова прервал оратора неизвестный оппонент.

Милевский взглянул было на председательствовавшего студента, но тот, видимо, считал реплики в дискуссии допустимыми.

– А как выправить мост, будь он построен? – раздраженно продолжал Милевский. – Как протянуть его по линейке, которой пользуется при черчении студент-первокурсник, подающий здесь реплики?

Студенты в дверях расступились, оглянулись. Послышался смех.

Лев Янович был доволен. Ему показалось, что студенты рассмеялись его остроте.

– А вибрация? – повысил он голос. – А подводные течения? Они будут тащить одну часть трубы в одну сторону, а другую – в другую. Жалкая железная соломинка переломится в глубине океана, погубив неисчислимые человеческие труды... А как незащищен, уязвимо будет подобное сооружение? Я видел за границей американский фильм о строительстве знаменитой Гибралтарской плотины. Помните, одно время на Западе носились с замыслом перегородить Гибралтарский пролив, опустив воду в Средиземном море на двести метров, создать там новые земли, освобожденные отступающим морем, построить грандиозную электростанцию близ Гибралтара.

У двери послышалось возмущенное покашливание. Не глядя в ту сторону, Лев Янович понял, что прерывавший его человек пробирается к выходу, покидая место боя.

– Что же показали американцы в кино? – торжествующе продолжал он. Благополучие построивших плотину народов? Ничего подобного! Они показали, как легко ее разрушить бомбардировкой. И я видел взлетающие в небо глыбы бетона, видел прорвавшуюся воду Атлантики, низвергающуюся с двухсотметровой высоты, видел удесятенную Ниагару, взбесившуюся, неистовую...

– Вот уж Ниагара, так Ниагара! – послышался знакомый голос у двери.

– Я видел ужасающие наводнения, – гремел Лев Янович, – затопление новых портов, полей, сел... Видел извержения вновь проснувшихся из-за этого вулканов. Так же будет и с пресловутым Арктическим мостом. При первом же накале международных отношений туннель будет взорван бомбой или миной, затоплен, безвозвратно уничтожен, и все пятнадцать миллионов тонн металла, миллион тонн стальных канатов, все поезда, пассажиры и обслуживающий персонал, все двадцать миллиардов рублей будут похоронены на дне! Все нелепо, все! Наивно до смешного! Давайте посмеемся. И не будем создавать «орден рыцарей затонувшего туннеля».

Никто не смеялся.

Лев Янович кончил и, печальный, торжественный, сошел с кафедры Большой аудитории. Слушатели молча переглядывались. Кое-кто улыбался, некоторые осторожно поворачивались к Андрею, который сидел с краю в одном из задних рядов.

И вдруг, как это иногда бывает, Лев Янович вспомнил, чей это был хрипловатый голос. Мурашки пробежали у него по спине. Он посмотрел в угол, откуда слышался голос, но не увидел знакомой фигуры низенького человека с седой головой. Директор Веков, очевидно, ушел.

Веков действительно явился на доклад Андрея. Не дослушав Милевского,

возмущенный, он вышел из аудитории. В коридоре столкнулся с профессором Гвоздевым.

– Ба! Кого я вижу! Какая честь нашему институту, Николай Сергеевич! – поспешил профессор навстречу Векову.

– Привет, профессор, привет! Зачем вы пускаете к себе в институт всяких Милевских?

– Вход свободный, Николай Сергеевич! Свободный обмен мнениями. Кстати, товарищ Милевский работает не у меня.

– Да, у меня, – зло ответил Веков. Сколько мы таких Милевских слышали, когда первую пятилетку задумали! Только они тогда на иностранных языках заливались, абсурдность наших затей доказывали.

– Совершенно верно, Николай Сергеевич! Индустриализация победила. Но почему же вы уходите? Оставайтесь.

– Нет, профессор. С души воротит.

Гвоздев проводил Векова до машины.

...На кафедру поднялся Лев Рубинштейн.

Аня, сидевшая рядом с Андреем, сжала ему руку:

– Он заступится... Вот увидишь... Говорят, он трибун! Он ведь наш, в правлении кружка...

Лев Рубинштейн провел рукой по волосам, и они, словно наэлектризованные, встали дыбом. Так поднимается шерсть на загривке у овчарки.

– Как есть лев, – сказал кто-то.

– Товарищи! – воскликнул оратор могучим, неожиданным для его щуплой фигуры голосом. – Мы здесь слышали авторитетную оценку технического существа идеи, доложенной сегодня студенческому научно-техническому обществу. Думаю, что руководители этого общества сделают надлежащий вывод из всего случившегося и впредь

будут лучше готовить свои мероприятия. Я не хочу касаться технической стороны проекта, блестяще здесь разгромленного, коснусь только выступления студента Корнева с политической стороны. Куда он хочет строить мост? В какую организацию зовет он студентов и других молодых людей? Где созывает он не согласованные ни с кем собрания? Я со всей комсомольской прямоотой отвечу на эти вопросы. Свой мост Корнев хочет строить к буржуям в Америку! Нет, нет, вы не кричите, послушайте!.. – старался он унять шум.

Аудитория бушевала. Пришлось вмешаться долговязому четверокурснику, занимавшему председательское место. Он поднялся во весь рост, простирая руки. Аудитория, наконец, стихла.

– Он зовет студентов дружить с врагами коммунизма! – продолжал Лев Рубинштейн обличающим голосом. – Создает для этой цели слегка заgrimированную под технический кружок организацию.

– Надо уметь мечтать! – крикнули из аудитории.

– Он собирает ее, эту организацию, в лесу! – гремел в ответ Рубинштейн. – У студента Корнева, у комсомольца Корнева хранится, как мне известно, – он не откажется – кольцо с бесценным брильянтом, которое подарил ему один американский капиталист. Миллионеры не делают зря дорогих подарков. Не в виде ли аванса за будущую проамериканскую деятельность Корнева отвалил ему американский финансист свой алмаз? Нам следует подумать...

– Стыдно! – крикнули от окна.

– Верно, стыдно, – подхватил Рубинштейн, – стыдно комсомольцу Корневу...

– Нет, комсомольцу Рубинштейну!

– Товарищи, я призываю к дисциплине! Я не поддамся на провокации! Нам следует подумать и о поступке Корнева и о выкриках в его пользу. Нам следует быть принципиальными и бдительными. Нам следует призвать к ответу горе-комсомольца Корнева и разъяснить заблуждающимся, кто он такой, заслуживает ли он их симпатий, принявший «подарок» американского денежного воротилы. Корневский кружок предлагаю считать распущенным, его идею вздорной и не заслуживающей серьезного внимания. Одновременно я ставлю вопрос о пребывании Корнева в комсомоле.

– Это дело комсомольского собрания!

– Я соберу сейчас экстренное заседание комитета комсомола. Корнев, при тебе ли комсомольский билет? Поскольку дело отклонилось в политическую сторону, собрание технического общества предлагаю закрыть!

Ошеломленные студенты не расходились...

Через час на экстренном заседании комсомольского комитета Андрей признал, что получил перстень от американца. Большинством в один голос студент Корнев был исключен из комсомола.

У Андрея сильно разболелась спина. Все заседание он простоял, вытянувшись и запрокинув голову.

Комсомольский билет он отказался отдать, сказав, что знает устав.

– Заносишься? – глядя на его чуть запрокинутую назад голову, сказал Лева Рубинштейн. – Что ж ты думаешь, собрание и райком комсомола по-другому поступят? Не жди!

– Посмотрим, – сказал Андрей. Его побледневшее лицо было покрыто красными пятнами, губы плотно сжаты, даже закушены. Ему трудно было переносить боль в позвоночнике, но сейчас она помогала ему сдерживаться.

Аня и Денис ни о чем не спросили его, когда он вышел из комнаты комитета комсомола, и повели домой.

Степану Григорьевичу через Терезу Сергеевну все стало известно уже через час. Он потребовал машину и поехал в райком партии. Там он встретился с профессором Гвоздевым.

– Ну как, индустриальный вождь? – встретил его благообразный директор института, безукоризненно одетый, в огромных квадратных очках, чисто бритый, с красивой

подкрашенной сединой. – Опять «сам» вызывает? Мало ему вашего металла, давай теперь капусту? – и он хихикнул.

– Вызывает, ибо капусту всем есть нужно, и нашим рабочим и вашим студентам, – осторожно ответил Степан. – Вы как, курсами будете посылать?

– Да вот, сейчас договоримся.

Закурили. Потолковали об охоте и рыбной ловле. И больше ни о чем...

– Ага, пришли! – мрачно встретил Степана и Гвоздева высокий, сидящий секретарь райкома. У него были воспаленные от бессонницы глаза и угрюмые морщины у рта.

Степан Григорьевич понял, что встреча не предвещает ничего хорошего.

Секретарь райкома только что разнес директора лесокombината за то, что тот не послал людей «на капусту».

Очередь дошла до Степана. Он встал.

– Расскажи-ка, Расскажи, товарищ Корнев, что у тебя на душе, – сказал секретарь райкома.

– Прошу прощения, товарищи. Прежде всего как коммунист я должен довести до сведения райкома партии... – Степан вытер пот со лба и остановился задыхнувшись.

– Ближе, ближе к делу и покороче, – нетерпеливо стучал карандашом по столу секретарь райкома.

– Я не могу снять с себя ответственности за непартийное... то есть некоммунистическое поведение брата моего Андрея, студента Светлорецкого индустриального института.

Секретарь райкома вскинул на Степана усталые глаза.

– Меры, которые я принимал, – продолжал Степан, – оказались малоэффективными... Я полностью признаю свою вину и заверяю партию, что готов положить все силы, чтобы...

Секретарь райкома поморщился:

– Слушай, товарищ главный инженер. За студентов у нас коммунист Гвоздев полностью отвечает. А ты ближе к делу и не виляй. По сколько человек ты от каждого цеха выделишь?

Степан Григорьевич немного замялся, вынул бумажку и зачитал график, по которому завод должен был направить рабочих в деревню.

Секретарь райкома внимательно слушал, что-то записывал и кивал головой.

Кончив, Степан Григорьевич наклонился к нему и тихо попросил разрешения остаться после совещания.

– Некогда сейчас. Видишь, капуста от холода горит.

Профессор Гвоздев сделал из реплики секретаря райкома свои выводы. Если за студентов полностью отвечает коммунист Гвоздев, то... И он не утвердил зачисления Андрея Корнева в студенты, как получившего на экзамене тройку по математике.

Глава девятая

СТРАНА СЛЕПЫХ

Запущенный и сумрачный лес был всюду одинаков. Он покрывал хребты и склоны старейших в мире гор, делал их мохнатыми и округлыми, похожими на спящих зверей-увальней. И всюду стояли, казалось, одни и те же сосны, внизу голые, мокрые и холодные, растущие вертикально из наклонной земли. Через ветви вверху просвечивало сочащееся дождем небо с низкими тучами, почти задевавшими тревожно шумящие вершины деревьев. У корней было темно и сыро. Время от времени встречались мертвые, давно поваленные стволы, замшелые, трухлявые. Пружинящий ковер из прелых прошлогодних игл сменялся камнями, скользкими, темными...

В лиловой дымке через просветы сосен виднелись синие горы, точно такие же далекие, как и два дня назад... Сколько до них идти? Сто километров? Двести?..

По-осеннему мутные ручьи пересекали лес, и через них все труднее было перебираться по камням или по одному из поваленных деревьев.

Временами лес неожиданно кончался у скалистых обрывов или упирался в отвесные скалы. Приходилось делать крюк, который никуда не вел...

Путник отчаялся найти дорогу или увидеть вдаль паровозный дымок узкоколейки... За три дня блужданий по горам он окончательно заблудился. Он попал в места, куда не забирался человек, где не было ни дорог, ни троп. Ничего здесь не было: ни пенька, ни золы от костра, ни зарубки на дереве... Даже лесные знаки не встречались. Видимо, и лесничие никогда не заглядывали сюда...

Человек продолжал брести без цели, неестественно прямой, негибкий. Губы его были плотно сжаты, но иногда он шептал: «Будь отчаяннее сильнее... будь отчаяннее сильнее, и победишь ты, верь, всегда!»

Но на «победу» у Андрея оставалось все меньше надежды. За три дня он съел только несколько бутербродов, оказавшихся в кулечке, захваченном для Ани на аэродром. Он так и забыл ей его передать. Последние сутки он уже ничего не ел, промок, продрог, спина отчаянно болела... Он иногда останавливался и со всей силой приваливался позвоночником к сосне, чтобы хоть как-нибудь заглушить боль.

Неужели все так глупо кончится? Конечно, он потерял направление. Мысли его были заняты другим...

Он не хотел возвращаться в Светлорецк, к Степану, к Терезе Сергеевне, к двум Львам, к профессору Гвоздеву... Он хотел попасть в Москву, вскочив в вагон узкоколейки на крутом подъеме... Но он не нашел этого подъема, отклонился куда-то в сторону и теперь ему даже не найти обратной дороги...

Решение уехать в Москву, где его поймут, где он сможет учиться, пришло сразу, мгновенно, он даже не успел сказать об этом Ане, потому что видел ее в этот момент в окошечке самолета, который отрывался от взлетной дорожки.

Аня улетела. Телеграмма о том, что Иван Семенович лежит в тяжелом состоянии в далекой гостинице на Севере, ждала Аню, когда они с Андреем и Денисом вернулись вечером после заседания комитета комсомола. Во время командировки у Ивана Семеновича случился инфаркт. Трудно было надеяться, что старик выживет, его даже боялись везти в больницу. Требовался уход. И Аня немедленно отправилась на аэродром.

А когда самолет поднялся в воздух, Андрей решил в Светлорецк не возвращаться. Он считал, что знает окрестности Светлорецка, но не учел, что аэродром был в тридцати километрах от завода. А о горах за аэродромом он и представления не имел. Теперь он очутился в неведомых местах...

Отчаяние овладевало Андреем. Силы оставляли его. Неужели здесь в лесу и погибнуть ни проекту моста через Ледовитый океан? Нет, проект не погибнет... Есть Аня, Сурен... и Денис... И все те студенты, которые слушали его доклад... Проект уже нельзя забыть! Это сейчас кажется, что он не нужен, а будет время и даже Степан... Ведь он живет в стране, где возможны чудеса! И все будет сделано без Андрея? Нет, этого не может быть! Андрею нужно выжить, чтобы бороться. В Москве он восстановится в комсомоле через ЦК, министерство переведет его в московский институт, он обнаружит свой проект в столице.

Но для этого нужно выбраться...

Глухой лес шумел. Наверное, в нем жили звери, птицы... Но Андрей никого не видел, как будто все вымерло вокруг. И ни один самолет не пролетал над головой... Куда же он попал?

Цепляясь руками за мокрые сосны, скользя ногами по влажной почве, Андрей спускался в долину какой-то речки.

Может быть, это Светлая?

Нет! Совсем не похоже! Очень странная речка, заросшая водорослями... Никогда этого не бывает в горах, где вода быстрая и прозрачная.

Андрей остановился на берегу, с изумлением глядя на зеленую воду. От редких дождевых капель по ней разбегались круги. Но не это привлекало Андрея. На поверхности плавали широкие листья и... кувшинки. Андрей был поражен. Сентябрь на исходе! Как же

могли распускаться цветы? Вода же ледяная!..

Он нагнулся, чтобы попробовать воду и... отдернул руку.

Вода была теплая, почти горячая.

«Горячие ключи», – решил Андрей.

И вдруг он подумал о рыбе. Голод и инстинкт рыболова подсказали ему, что она должна здесь быть.

Как раз перед своим докладом он с Денисом собирался пойти на рыбалку вверх по Светлой. Мечтали наловить форели. В кармане у Андрея, к счастью, остались леска и крючки.

Теперь можно бороться за жизнь! Андрей знал, где добыть наживку. В трухлявых стволах он нашел личинок, отломил ветку и сделал из нее корявое удище.

И вот приманка на крючке закинута между листьями кувшинок.

Пузырьки воздуха, всплывавшие на поверхность, говорили о том, что рыба здесь есть, есть! Только в чем же ее сварить? Да можно закоптить на костре – спички в кармане!

И Андрей уже чувствовал вкус нежного копченого мяса. Рот наполнялся слюной, чувство голода подступало к груди, трудно было дышать... А может быть, Андрей задерживал дыхание, глядя на самодельный поплавок?..

Но рыба не клевала...

Андрей перешел на другое место. Здесь вода была прозрачнее, он видел у дна и свой крючок с наживкой и проплывающих мимо нее равнодушных рыб.

«Что они, слепые, что ли?» – подумал он с раздражением. С рыбной ловлей ничего не получилось.

А рыбы плавали у самого берега, к ним можно было протянуть с камня руку.

Андрей забрался на камень, посмеиваясь над собой, – но ведь ловит же медведь рыбу и опустил руку в воду.

Рыбы не увидели его руки, не ринулись стайкой в сторону. Более того! Неведомо почему, но они не почувствовали руку человека своей «боковой линией», этой естественной радиолокацией, которой снабдила рыб природа. Они не ощутили опасности, и Андрей схватил одну из них и торжествующе поднял над головой.

– Будь отчаяннее сильнее!

Он стал рассматривать рыбу. «Действительно, странные глаза. Может быть, она и впрямь не видит?» Но Андрей не знал, как определить – зрячая рыба или нет?

Он стал разводить костер, предварительно поймав еще трех «слепых» рыб, слепых, потому что чем иным, кроме атрофии зрительных нервов и нервов боковой линии, можно было объяснить странное поведение рыб?

Не успел он как следует закоптить своих рыб, как услышал над головой характерный свистящий звук, какой издают в полете утки.

Изумлению его не было границ. Уткам давно пора улетать на юг!

Он запрокинул голову. Снова звук... Над берегом снижалась в заросли утка. Андрей не смог бы объяснить почему, но ему показалось, что утка летит как-то странно...

Съев недокопченных рыб, Андрей направился к зарослям неестественно высокой травы у берега. Он никогда не встречал в окрестностях Светлорецка ничего подобного.

Надо было забираться в речку. Андрей разделся, снял корсет и сложил одежду на камне, потом с наслаждением опустил в теплую воду. Хотелось отогреться за все три дня скитаний!

Потом Андрей вооружился палкой, которой собирался убить утку, и стал подкрадываться к зарослям.

Над его головой снова просвистели крылья птицы, и утка опустилась на воду прямо перед ним.

Андрей замер... Это было уж совсем невероятно.

«Птицы всегда так осторожны, все видят! Неужели и утки здесь слепые, как же они летают?.. Но ведь она не видит меня! Не видит!.. Хоть бей ее палкой!».

Но Андрей, сам не зная почему, не ударил утку. Она доверчиво плыла прямо на него, стоявшего по пояс в теплой воде.

Андрей не шевелился. Утка подплыла и ткнулась носом ему прямо в грудь... и тотчас затрепыхалась, забила крыльями и лапами, но Андрей уже крепко держал ее в руках.

Он смотрел на ее стеклянные, мутные глаза. Зрачки птицы не меняли своего положения, в них не отражалось ничего...

Птица была слепа.

И вдруг Андрею стало не по себе, оттого что он находится в подозрительно теплой воде, в которой живут слепые рыбы и в которую ныряют слепые утки.

Держа в руках добычу, он выбрался на пологий берег и одним духом добежал до камня с одеждой.

Невольно он закрывал и открывал глаза, проверяя, не слабеет ли его зрение? Нет, кажется, все в порядке...

Но то, что он увидел в следующий миг, заставило его замереть с уткой в руке, мокрого, не успевшего одеться. Впору было снова броситься в страшную, лишающую зрения воду...

Между сосен, проламываясь сквозь кусты, неуклюже переваливался медведь, бурый, с подпалиной. Он понюхал дерево, повернулся в сторону Андрея и тревожно потянул носом воздух.

Андрей вошел в воду.

Медведь двинулся к нему.

Андрею стало страшно... Вдруг он вспомнил, как иногда отпугивают косолапого и, собрав всю силу легких, крикнул громко и звонко.

Медведь остановился, прижав уши. Еще раз втянул носом воздух и вдруг, повернувшись, в панике помчался в лес. Андрей видел, как с размаху налетел он на дерево, отскочил в сторону, бросился вперед и снова наткнулся на сосну.

Он тоже был слеп!

Дрожащими руками Андрей натягивал на себя одежду. Ему было еще страшнее, чем в тот миг, когда он увидел медведя.

Страна слепых!

Когда-то он читал рассказ Уэллса о стране слепых. Там все были слепы из-за какой-то особенности местности... Это была фантастика, а то, что окружало его, было действительностью, страна слепых существовала в глухом Месте Урала в век... современной техники, в дни, когда Андрей Корнев предложил свой проект Арктического моста. И его идея показалась ему куда менее фантастической, чем то, что окружало его сейчас наяву.

Вода, которая поражает зрительные, а может быть, и другие нервы!

Радиоактивность! Необыкновенная природная радиоактивность, породившая «страну

слепых»! Признак залегания поблизости радиоактивных руд невиданной мощи!.. Мечта геологов, ищущих уран... Так вот в чем разгадка! Еще один подарок человеку от уральской Хозяйки медной горы!..

Андрей уже не думал о себе – он думал только о своем открытии.

И вдруг далеко раздался выстрел. Звук отчетливо донесся по реке.

От неожиданности Андрей опустился на землю. Потом вскочил и, держа в руках утку, побежал вдоль реки. Теперь речь шла не только о спасении Андрея, – надо было сейчас же дать знать геологам! Сейчас же!

Выстрел повторился.

Это не так уж далеко! Но ноги отказывали, усталость последних дней... Пришлось сесть...

«А если человек уйдет?»

И Андрей снова вскочил, побежал, задыхаясь, горбясь на ходу, неуклюже размахивая руками.

Наконец, обессиленный, он опустился на землю. И вдруг услышал топот. Подняв голову, он увидел ехавшего по берегу всадника.

Андрей вскочил и крикнул звонко, радостно, призывно.

Но всадник и так видел его – он скакал к нему.

Судя по посадке, это был старый кавалерист.

На голове его была кубанка, на плечах – старая кавалерийская шинель без погон, за спиной – двустволка.

В нескольких шагах от Андрея незнакомец осадил коня и, улыбаясь, соскочил на землю.

– Вон где... нашелся! – сказал он, идя к Андрею с протянутой рукой. – А я крик твой услышал. Стрелять стал.

Андрей бросил утку и обеими руками вцепился в большую жесткую руку:

– Да медведя я пугнул... слепого...

– Слепого, говоришь?

– Да я тут сам, как слепой, заблудился. Неужели вы меня искали?

– Не я один. Много нас прочесывают лес в поисках пропавшего комсомольца.

Андрей опустил голову.

– Бывшего комсомольца, – поправил он.

– Почему же бывшего, товарищ Корнев? А говорят, ты на устав ссылался. Ведь на комсомольский учет в институте ты еще не вставал. Исключать тебя комитет не имел права. Да и собрание, друг мой, тебя бы никогда не исключило.

– Откуда вы все знаете?

– Да уж знаю, такая у меня должность.

Андрей посмотрел на высокого незнакомца. Решительное лицо с энергичными складками между бровями и у губ, сидящая, коротко остриженная голова, внимательные серые глаза. И вдруг он сразу узнал секретаря райкома.

– Товарищ Волков! Почему же вы тут, Николай Николаевич?

– Видишь ли, дружок. В Светлоречке потерялся комсомолец, да не простой комсомолец, а с выдумкой... Коммунисты и комсомольцы взялись искать его... Поделили на карте участки...

– И вы тоже? Ведь вы...

– Хочешь сказать, что я руководитель? Конечно, руководителю не следует делать что-либо вместо других... но за одним исключением.

– Каким?

– Когда дело связано с риском, опасностью...

– Разве здесь опасно?

Волков поднял с земли утку:

– Слепая...

– Да. Я тут ничего не понимаю. Здесь все слепые: рыбы, утки и даже медведь.

– Даже медведь? Надо будет сообщить академику.

– Обязательно. Геологу!

– Почему геологу? – удивился Волков.

– Потому что... здесь радиоактивная вода... Теплая... В ней особенно много корма для рыб, для уток... Но все они из-за радиоактивной воды слепые... И ведь приспособились к необыкновенным условиям, живут... А это значит, что где-то есть источник радиоактивности. Может быть, здесь бесценные руды!

Секретарь райкома, присевший под деревом и с интересом слушавший Андрея, присвистнул. Он отломил от кустика прут и стал бить им себя по ноге.

– Насчет корма, приспособленности слепых животных; насчет радиоактивности ты, брат, прав... Но насчет руд ошибаешься.

– Что эта за место? И почему вы говорили об опасности?

– Хорошо, что дальше не зашел. Здесь запретная зона, дорогой мой. А радиоактивность тут искусственная. Отходы производства... в хозяйстве академика Овесяна.

– Академика Овесяна? – изумленно переспросил Андрей.

– Знаешь, чем он занимается?

– У него мой друг Сурен Авакян, он мечтает строить атомные электростанции.

– Атомные электростанции... – повторил Волков. – Чуть выше по этой реке ученые открывают тайны атома, а здесь – мир слепых. Тем, кто не слышал никогда о нем, покажется, что его не существует. Его и не должно быть! Люди, покоряющие атом, шли ощупью, не сразу решили все вопросы. Например, с отходами производства... Оттого и появилась страна слепых. Она, если хочешь знать, – предупреждение человечеству. Люди, не желающие мира слепых, не должны быть слепы уже сейчас, слепы к атомной опасности. Иначе атом станет причиной уродства и гибели всего живого. Но на земле живут не только слепые рыбы и утки, живут и зрячие, дальновидные люди, смотрящие вперед. Для них атом станет силой, делающей человека более могучим, богатым, счастливым. Верю, будет так. Впрочем, для этого нам с тобой не следует здесь слишком долго задерживаться, а то и мы начнем приспособляться к условиям слепой природы. Садись-ка, брат, позади меня, как мы в гражданку когда-то с теперешним директором Вековым ездили.

– Так вот почему вы выбрали этот участок!

Волков помог Андрею забраться на лошадь и вставил ногу в стремя.

– Куда мы поедем? – спросил Андрей. – Мне так не хочется в Светлорецк. Я потому и заблудился, хотел к поезду выбраться.

– Знаю, все знаю. К брату не хочешь. Я с ним уже говорил. Каяться из-за тебя он в райкоме вздумал. Но лес он не прочесывает. На заводе вместо Векова остался. А старик Веков, как и я, искать тебя взялся. Полюбился ты ему из-за Арктического моста.

– Как? И Веков знает?

– Был на собрании в институте и мне рассказал.

Вскочив в седло, Волков медленно поехал вверх по реке.

– К академику поедem, ближе...

– Значит, Веков слышал, как меня разгромили... Так разгромили, что Гвоздев о тройке по математике вспомнил.

– С тройкой дело неприятное. Гвоздев формально прав.

– Поделом мне. Не надо было телефонными звонками пользоваться. Ведь не хотел!.. Поделом. Я работать пойду, учиться заочно стану.

– Что ж... дело верное. Строек сейчас немало намечается. Время для тебя даром не пропадет. А по поводу того, что твой проект разгромили, то знай – новая техническая идея тогда принимается, когда она своевременна. Американцы... Интересные люди, не спорю... Но пока они с нами дружить не научатся, мост к ним не так-то просто построить... Слушай, а о Черном море ты думал?

– Нет.

– Трубу бы твою проложить из Одессы в Батуми... или же из Ялты в Сочи. Пятнадцать минут езды. Крымокавказский курорт. Заманчиво. В истории, брат, так бывало: через сто лет о старых идеях вспоминали, когда человечество дорастало до них.

– Тогда я больше ста лет жить буду, – заявил Андрей, крепко вцепившись в костистое, жесткое плечо Волкова.

Волков обернулся, чтобы посмотреть на него, потом остановил коня.

Они уже отъехали от реки, поднялись в гору. Лес стал реже. Ветер разогнал тучи, в небе остались только высокие облака, освещенные невидимым солнцем.

– Сто лет! А это хорошо, что ты вперед на сто лет жить хочешь.

Часть вторая МОСТ ДРУЖБЫ

Глава первая КЛЮЧИ МЕЧТЫ

Знаменитый инженер, автор и строитель Мола Северного, Герой Советского Союза Алексей Сергеевич Карцев был очень раздражен. Это было видно и по выражению его еще молодого, узкого лица с тонкими, почти иконописными чертами и по тому, как нетерпеливо расхаживал он по каюте, служившей ему рабочим кабинетом все годы ледовой стройки.

У него только что побывал его старый друг Денис Денисюк, работавший на стройке «водопроводчиком», установщиком труб, и рассказал, что машинист передвижной электростанции Андрей Корнев выдумал небывалое сооружение какой-то мост через Северный полюс в Америку.

Алексей Сергеевич видел в этом замысле карикатуру на свою собственную, уже осуществленную идею ледяного мола, который протянулся на четыре тысячи километров вдоль сибирских берегов, отгородив от Ледовитого океана незамерзающие теперь полярные моря. И этот парень, находясь, очевидно, под влиянием великого арктического строительства, мысленно повернул сооружение на 90 градусов, поставил его не вдоль берега, а перпендикулярно ему, оставил те же четыре тысячи километров и получил, видите ли, мост!..

Ох, уж эти изобретатели! Сколько их, выдумывающих вечный двигатель или еще какую-нибудь чепуху, притом непременно грандиозную! Гигантомания какая-то! Впрочем, это можно понять. Живем в эпоху великих работ...

Алексей Сергеевич вышел на палубу и взбежал по трапу на капитанский мостик.

Эпоха великих работ! Вот ее детище – Турганский канал, которым уже вторые сутки идет ледокольный гидромонитор, – искусственное тысячекилометровое ущелье, соединившее через великие сибирские реки Арктику с Каспием.

Карцев смотрел на опасно близкие каменные стены с буграми и морщинами – узором,

созданным стихийной силой атомного взрыва. Стены уходили под самое небо и там почти смыкались, оставляя узенькую глазурную полоску синевы. Золотистые края ущелья были освещены солнцем, но на дне, где текли теперь воды Енисея, лежала вечная тень. Вода за бортом корабля казалась тяжелой и маслянистой, впереди, освещенная прожектором, отливала металлом.

На экране бортового телевизора виднелась беспредельная Тургайская степь, видимая с привязного, парящего над ущельем корабельного аэростата. По степи скакали всадники, что-то кричали, приветствуя аэростат и плывущий внизу корабль.

Эпоха великих работ! Повернутые вспять сибирские реки, оросившие пустыни Средней Азии; новый материк плодородия, поднятый энтузиазмом молодости; атомная энергетика, позволяющая оставить каменный уголь для химии потомков; расселение городов – миллионы вырастающих по берегам рек и в лесах чудесных домиков, отлитых в переносные формы из новобетона, миллионы портативных вертолетов, поднявших буквально всю страну на воздух от мала до велика, от десятилетних школьников до восьмидесятилетних академиков, новый транспорт, позволивший людям жить среди природы и только летать на службу в города. Эпоха великих работ! Она не может не гипнотизировать...

Алексей Сергеевич уже меньше сердился на горе-изобретателя, которому надо будет как-нибудь помягче объяснить, что нельзя поставить предполагаемый мост на быки – глубина океана пять километров и льды всегда дрейфуют, нельзя подвесить мост к аэростатам – ветер их сорвет и угонит...

На мостик поднимался Денис Денисюк, огромный, грузный, с квадратным лицом, пышными усами и узкими хитроватыми глазами.

За ним неторопливо шел неестественно прямой человек с потрепанной папкой в руках.

– Ах, это ты! – сказал Алексей Сергеевич, узнав одного из своих рабочих. – Что ж, пойдем ко мне.

Они прошли в каюту. Главный инженер, ничего не спрашивая, сел за стол, взял папку из рук Корнева и стал листать ее. Он не поднимал глаз, но Денис заметил, что у него покраснели уши.

Андрей Корнев сидел на краешке стула, напряженный, стиснув зубы.

Алексей Сергеевич вскочил:

– Что ж ты молчал до сих пор? Я ведь думал, что...

– Бред? – спокойно спросил Андрей.

– ... а тут оказывается – технический блеск! – И Алексей Сергеевич, обойдя стол, подошел к Андрею.

Тот из вежливости тоже встал, слегка недоумевая. Главный инженер в упор рассматривал его лицо с грубоватыми, твердыми чертами.

Что он хотел в нем увидеть? Быть может, самого себя, каким он был много лет назад, когда обнародовал полудетскую идею ледяного мола и провалился с нею на диссертации?

– Почему молчал? Да не ко времени было, – ответил за Корнева Денис.

– Идея младенческая была, – добавил Андрей. – Нужно было сперва самому вырасти.

Алексей Сергеевич печально покачал головой. Нет, он не узнавал себя, удачливый инженер, в этом крутолобом и рано возмужавшем молодом человеке с дерзкими огоньками упорства или даже одержимости в глазах, с угрюмо ползущими к переносью бровями и плотно сжатыми, словно закусенными губами.

И в самом деле, если разобраться, история Мола Северного – история удач. Каждый противник проекта вносил в него что-нибудь новое, поднимая проект, а вместе с ним и его автора. Как ни была несовершенна карцевская идея преобразования Арктики, но в ней нуждалась страна, для которой круглогодичная навигация в полярных морях становилась необходимостью. Партия поддержала молодого Карцева, народ поднял его. А кто стоит теперь перед прославленным инженером? Нет, не горе-изобретатель, как подумал было Карцев, а скорее человек с трагической творческой судьбой...

– Не ко времени было, – повторил Денис.

– Да, да... – рассеянно сказал Алексей Сергеевич. – Идея, несозвучная времени... Как ты сказал? Нужно было самому вырасти?

– Да он для того жив Арктику пошел. Зараз и заочный институт закончил в прошлом году. В том у хлопца сила.

– И продолжал год работать на стройке простым рабочим?

– Готовился, Алексей Сергеевич. Хотел пройти через все профессии, которыми придется руководить. Мечтал Арктику изучить, где буду мост строить.

– Будешь?

– Буду! – решительно заявил Корнев.

– Слушай, – Алексей Сергеевич обнял Андрея за плечи, – ты, оказывается, крепкий орешек. Не сразу раскусишь. Или не орешек, а еж. Иголки во все стороны...

– Дикобраз, – подтвердил Денис.

– Почему же? – улыбнулся Андрей. Он редко улыбался, и улыбка меняла, молодила его лицо. – Я к вам без иголок.

– Нет, друг, и меня уколол. Впрочем, за дело. Важно другое...

– Арктический мост.

– Конечно, но и сам ты важен... Денис мне шепнул... Ты словно в монастырь схимником на нашу стройку ушел, порвал с Большой землей... с самыми близкими людьми...

Андрей Корнев поморщился:

– Нет, друзья у меня были. Вот Денис, например... А с моей судьбой не всякий свою свяжет.

– Неистовый ты какой-то. Да верно таким и надо быть...

– Так как же проект?

– Проект? Видишь ли, Андрей... Проекта у тебя нет.

– Как нет? – нахмурился Корнев.

– Если ты настоящий инженер, сам поймешь, что папка твоя – это совсем не проект... даже не техническое задание...

Андрей Корнев опустил голову и густо покраснел.

Алексей Сергеевич положил ему руку на плечо:

– Видишь ли. Я вот говорю с тобой, как старший, а ведь годами недалеко от тебя ушел. Пути у нас разные... а мечта – одна. Один умный человек говорил мне, что важна не только мечта, но и ключи к мечте. И если мечта у человека, то ключ к этой мечте всегда у народа.

– Ключ не находят. Ключ делают, – твердо сказал Корнев.

– И я о том же... Вот соображаю, сколько времени нашему ледоколу плыть до Каспия, а там «вверх по матушке по Волге» до Москвы. Что, если нашим инженерам не дать на гидромониторе скучать? Позволить им до конструкторских дел дорваться? А, как ты думаешь, Корнев? Вычертят ключ?

– Если бы... вместе с вами, – сказал Андрей, с надеждой глядя в глаза Карцеву.

Денис неожиданно сгреб обоих инженеров в объятия и столкнул их:

– Дюже добре, товарищи созидатели, еще одна великая арктическая стройка будет.

В Московском Гипромезе, во Дворце проектов, где тысячи советских инженеров проектировали металлургические заводы для многих стран мира, произошло маленькое, но сенсационное событие. Рядового, ничем не примечательного проектировщика Корнева вызвал к себе заместитель председателя Совета Министров СССР Николай Николаевич Волков.

Вспомнили, что Степан Григорьевич Корнев когда-то был главным инженером крупного завода, метил высоко, но потом «загрелся»: это о нем, о человеке, «не делающем ошибок», «особом» типе руководителя, в свое время приспособившемся к определенным условиям, была напечатана статья в «Правде». Словом, карьеры у Степана Григорьевича не получилось. Он прослыл неудачником, стал желчным и неприятным в общении.

И вдруг теперь вызов во Дворец Советов! Речь могла идти только о крупном

назначении. Ведь Степан Григорьевич все-таки был человеком знающим и безусловно одаренным.

Волков прислал за Корневым свой великолепный турбобиль – машину-мечту, которая едва только в воздух не поднималась, могла превращаться в комфортабельную лодку, а по шоссе развивала громадную скорость, в городе сама обходила препятствия, тормозила... Обо всем этом рассказала возбужденная девочка-секретарша с выпученными голубыми глазами и торчащими в стороны косичками. Но на Корнева ее слова не произвели впечатления. Он сказал, чтобы шофер Волкова подождал его, пока он закончит какой-то расчет.

Вскоре торопить Корнева пришел заместитель директора Гипромеза. Степан Григорьевич, плотный, большой, не спеша снял нарукавники, надел висевший на плечиках пиджак, поправил перед зеркалом галстук и неторопливо шагая, пошел в гардеробную за пальто.

Однако по лестнице, где его уже не видели, он спускался, сломя голову прыгая через несколько ступенек.

Николай Николаевич Волков, все такой же высокий, прямой, только еще больше поседевший, сам ввел к себе в кабинет Степана Григорьевича.

– Ну, здравствуй, инженер. Давно не виделись. Обрюзг ты маленько. Спортом не занимаешься.

– Занимаюсь техникой и только техникой, – многозначительно сказал Степан Григорьевич, выжидательно глядя на Волкова.

– Слышал я, заводы для заграницы проектируешь.

«Ах, вот что! Конечно, речь пойдет о руководстве зарубежным строительством. Что ж, не так много крупных инженеров свободно говорят по-английски», – удовлетворенно подумал Корнев.

– А помнишь, как людей из цехов на капусту гнал, передо мной в райкоме отчитывался? – лукаво щурился, спросил Николай Николаевич.

– Отчитываться всегда приходится, – неопределенно ответил Степан Григорьевич.

– Вспоминаю я наш последний разговор в Светлоречке. Если помнишь, о технических сооружениях и заграничной, так сказать, погоде речь шла. В тех условиях мосты между континентами трудно было строить. А теперь что ты об этом сказал бы?

– То же самое, Николай Николаевич. Коммунизм и капитализм непримиримы.

– Вот как? Непримиримы-то они, конечно, непримиримы, но... – Николай Николаевич встал и подошел к окну. – Да, тогда были дни холодной войны, атомной дипломатии, дни настороженности и недоверия между народами... и вместе с тем то были дни взрывоподобного развития технического прогресса. Взять хотя бы атомную энергию. Люди уже поняли, что она может заменить уголь и нефть, солнце и ветер, но она слишком могуча, слишком опасна, чтобы применить ее на войне.

Николай Николаевич словно размышлял вслух, Степан Григорьевич почтительно кивал головой.

– Человеческая мысль не знает предела, – говорил Волков. – Впереди достижений человека летит его мечта. Пожалуй, главное в механизме прогресса – найти ключи мечты, с помощью которых человек сможет отомкнуть будущее, приблизить его, сделать днем сегодняшним. Он нашел эти ключи к космическим скоростям, способен уже теперь перенестись за какие-нибудь минуты с одного края континента на другой, сможет догнать метеор, улететь в космос...

– Ключи мечты! – воскликнул Корнев. – Это хорошо, поэтично и точно, Николай Николаевич.

Волков кашлянул:

– Человек всегда мечтал быть богатырски сильным, но лишь в прошлом веке нашел способ заметно умножить силу своих мышц.

– Изобрел паровую машину, электрический мотор, подъемный кран, – подхватил Корнев.

– А теперь отважился умножить способности своего мозга, поднять их до уровня «гениальности».

– Бесспорно так! Всеобъемлющая электронная память! Быстрота мышления, равная скорости света!

– Вот видишь, товарищ Корнев, что произошло в технике, пока мы с тобой не виделись. Менялась и политическая погода.

– Конечно, – поспешил согласиться Корнев.

– Не раз вспыхивали и затухали очаги сражений в Азии, Америке, Африке, наконец, в Европе. И вспомни, всякий раз, как холодная или горячая война сменялись некоторым потеплением, штилем, народы жадно тянулись друг к другу, полные взаимного интереса и симпатии. Но солнечный день, как ты знаешь, на любом материке, на любой широте порой, сменяется днем пасмурным. И не раз на нашей с тобой памяти затягивалось небо Земли тучами агрессии и провокаций. Временами холодало на земном шаре.

– Холодало, – подтвердил Степан Григорьевич.

– Но пойми, товарищ инженер, менялась политическая погода, а политический климат оставался неизменным. На Земле существовали две политические системы и должны были или продолжать существовать, идеологически враждуя, но участвуя в общем прогрессе человеческой культуры, или столкнуться в непоправимой для человечества истребительной войне.

– Не дай бог! – воскликнул Степан Григорьевич.

– Верно. Ее не хотят почти все люди, каких бы они ни были религиозных или политических взглядов, в каких бы странах ни жили. И вот это желание подавляющего большинства людей, населяющих земной шар, определяет политический климат Земли на длительное время. Если хочешь знать, товарищ инженер, то этот политический климат позволяет говорить сейчас о мобилизации всех технических возможностей человечества для всемерного сближения народов, пусть даже на разных материках.

– Вы... вы хотите сказать, Николай Николаевич...

– Да, товарищ Корнев, я хочу сказать, что настало время вернуться к нашему былому разговору о строительстве диковинного моста через моря и льды на другой континент. Понимаешь, не мог я нигде найти следов того ретивого выдумщика, которого в Светлорецке близорукие люди обломали... Вот и пришлось тебя пригласить. Рассказывай, где твой брат?

Холодный пот покрыл лоб Степана Григорьевича. Он молча полез в карман, вынул платок, из-под платка взглянул на Волкова. Мысль работала быстро, четко.

Значит, он нужен не сам по себе, а только как брат изобретателя, могущий дать его адрес!

Корнев скомкал платок и сунул его в карман. Он хотел сказать Николаю Николаевичу, что брат давно порвал с ним всякие отношения, но промолчал.

– Так поможешь нам разыскать его? – спросил Волков.

Решение пришло к Степану Григорьевичу мгновенно. Он не мог уже вернуться в Гипромез прежним незаметным проектировщиком, он ехал во Дворец Советов, чтобы изменить свою жизнь, и он изменит ее!

– Хорошо, Николай Николаевич. Если нужно решить техническую проблему связи с Америкой, то... я найду вам Андрея. Я вообще постараюсь быть вам полезным.

– Ну разумеется, ты же не плохой инженер, с опытом. Брат твой затеял великое дело. Ему придется конкурировать со многими другими идеями. С воздушной трассой, с атомными субмаринами... и еще найдутся...

– Я понимаю, – встал Корнев. – Я отыщу Андрея, он работает на одном строительстве...

– Заранее благодарен. Тащи его ко мне...

Выйдя из кабинета Волкова, Степан Григорьевич вынужден был принять валидол. Он долго сидел на мягком диване, держась за сердце, расстегнув воротник. Его покрасневшее лицо было жестко, морщины прямы и глубоки.

Отдышавшись, он подошел к секретарю и спросил, где находится гидромониторный ледокол строительства Мола Северного.

Секретарь ответил, что «Северный ветер» сейчас проходит Великий Тургайский канал.

Глава вторая

ТЕНЬ И СВЕТ

Андрею не спалось, и он вышел на палубу. Назад уплывали редкие огоньки. Видно, кое-кто из жителей новых домов на берегу все еще ложился спать по-городскому поздно. Но светлые точки стали попадаться все реже и, наконец, исчезли. Густая тень окутала корабль и Андрея вместе с ним. На воде, переливаясь, играли серебряные блики от освещенных иллюминаторов. В глубине ледокола приглушенно шумели турбины. Но этот звук лишь подчеркивал тишину. Где-то далеко ехала автомашина. А рядом, словно на твиндеке, вдруг закудахтали спросонья куры, потом залаяла собака. Под бортом шелестела водоливная струя, за кормой что-то урчало, бурлило. С мостика слышались шаги вахтенного штурмана, а может быть, и самого капитана Терехова...

С берегов несло свежескошенным сеном, а иногда сыростью тумана или вдруг жильем: дымом и чем-то вкусным... Однако больше всего пахло свежей масляной краской. «Северный ветер» последние дни прихорашивался, подновлялся к предстоящей встрече в столице. Закончилась великая полярная стройка!

Закончилась стройка, пройдена великая школа для человека, решившего посвятить себя сооружению, которое дерзко перережет весь Арктический бассейн.

Большого труда стоило Андрею держать под спудом свою идею, ждать, когда благоприятно изменится обстановка и когда сам он, став инженером, изучив условия работы в Арктике, дорастет до собственного замысла.

И он дорос до него, выдержал экзамен перед самим Карцевым, строителем Мола Северного, и перед его инженерами, которым поручил Карцев сделать вместе с Корневым эскизный проект Арктического моста.

Значит, недаром прошли долгие годы труда, учебы и лишений, годы одиночества, рожденного одержимостью изобретателя и тоской по Ане...

Аня! Как оценить ее женский подвиг, ее безропотное ожидание в течение всех этих лет подготовки, коротких дней встреч, длинных писем-дневников...

Это ей, Ане, обязан он и своей жизнью и идеей, она выходила «их обоих»...

А потом Светлорек... Узкоколейка, повторяющая изгибы пенной, быстрой речки. Игрушечный поезд, который еле тащится на подъем... Он вспрыгнул тогда на подножку, кто-то помог, втащил его в вагон. Там была Аня. Они забрались в тамбур, а все пассажиры ушли в душный вагон... У нее были пушистые, волнующие волосы, тонкие пальцы, холодные губы... О чем они говорили? Хотели сразу ехать в загс... Светло было на душе...

А потом... сколько потом было тени!

...Андрей провел всю короткую летнюю ночь на палубе. Впереди еще было темно, светлело с кормы, казалось, что новый день надвигается вместе с «Северным ветром», вместе, с Андреем, идущим в будущее.

Стали видны литые новобетонные домики: милые, уютные, бесконечно разнообразные – то с крутыми, то с плоскими крышами, простыми или причудливыми верандами, широкими, венецианскими или зеркальными окнами, скульптурами на фасаде. За ними – фруктовые сады, в полутьме особенно густые. А на холме березовая роща с белой колоннадой стволов, уже засветившихся в ответ заре.

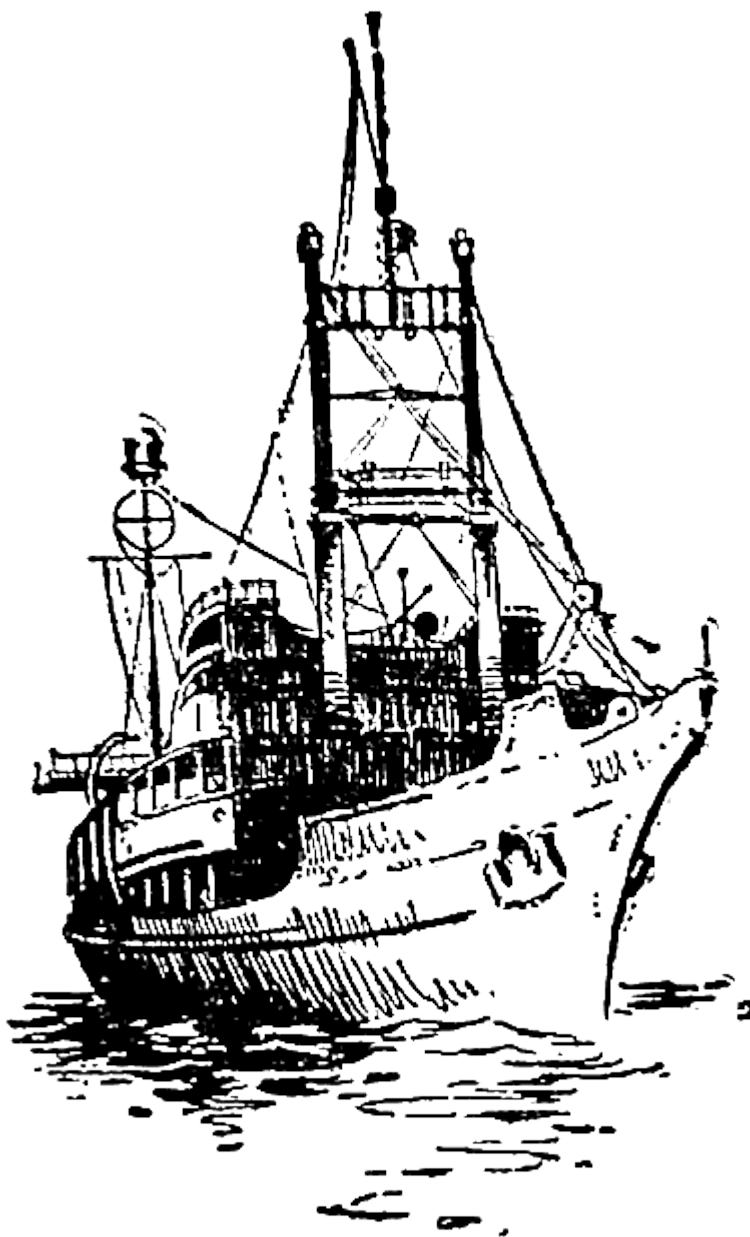
А потом в одном из окошек в глаза Андрею весело сверкнуло отраженное стеклом солнце. И тотчас из густого сада, словно по этому сигналу, поднялся в воздух миниатюрный вертолет и стрекозой понесся от реки.

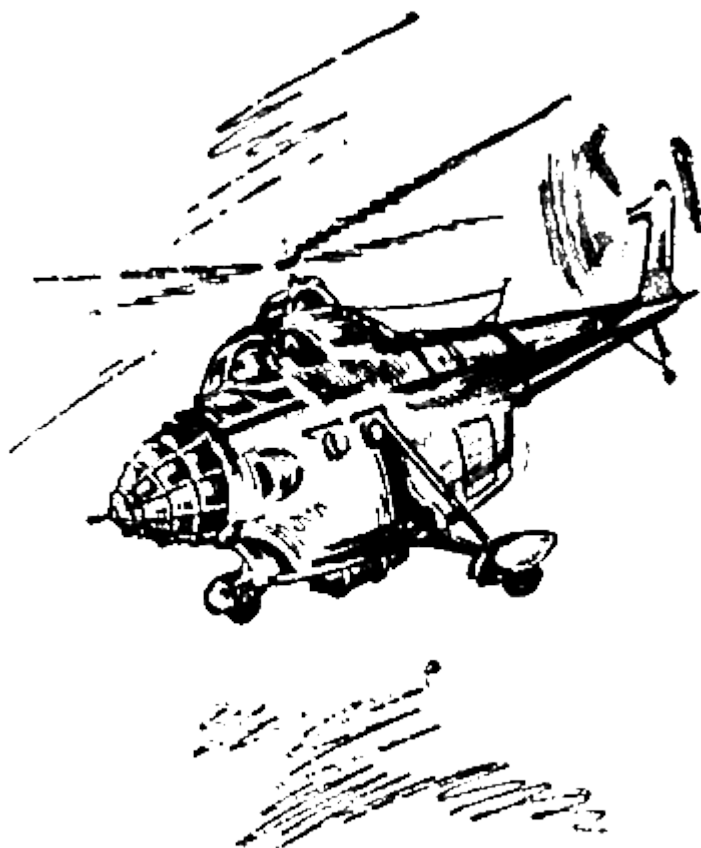
Рано же спешит кто-то на работу!

Стало еще светлее. В небе, в курчавых облаках горело ликующее утро. Несколько

крупных вертолетов, как рыбы в невообразимо большом и прозрачном аквариуме, летели-плыли на корабль.

Один из них стал парить над ледоколом. Вероятно, кто-то прилетел из Москвы. Не терпится!.. А может быть, по делу... Ну, конечно, сбросили веревочную лестницу.

Андрей не стал смотреть на капитанский мостик и снова повернулся лицом к носу корабля.

Как замечательно реконструирован канал между Волгой и Москвой! Даже океанский гигант, как ледокольный гидромонитор, может здесь пройти. Но каким огромным кажется «Северный ветер» рядом с крохотными домиками по берегам! С палубы смотришь, как с шестого этажа... Видишь крыши, голубей на них, дорожки в садиках, клумбы, грядки на огородах, планировку маленьких селений...

Нет, не спится людям! Вон выехали на лодке, норовят подойти поближе к борту, чтобы покачаться на волнах. Конечно, мальчишки! Кто же еще в такую рань выйдет встречать ледокол?

И вдруг кто-то закрыл пальцами Андрею глаза. Он попытался повернуться, но тот, кто шутил, забежал ему за спину. Андрей оказался лицом к взошедшему солнцу, ощущая тепло его лучей, а чьи-то пальцы просвечивали розоватыми полосками, казались прозрачными.

Такие пальцы могли быть только у Ани!

Ну, конечно, это она!

Андрей сжимал девушку в объятиях.

– Вот и встретила, – с трудом переводя дух, говорила она. – Совсем как ты меня в Светлорецке...

– Но ты же не могла вскочить сюда на ходу.

– Отчего же? Сверху можно.

– Так это ты... на вертолете?

– Ага! – и Аня взглянула сияющими глазами в беспокойно ищущие, темные глаза Андрея. – Папа взял с собой. Он все понимает!

– Ну вот... теперь всегда будем вместе, – сжимая тонкие Анины кисти, прошептал Андрей.

– Ага!

– Как же твои больные? Ты опоздаешь в больницу.

– Я договорилась. Меня подменил другой врач. Ой, как хорошо! Ведь это ты!
– А ты, кажется, выросла.
– Только по специальности.
– А я мечтал, что ты со мной вместе будешь строить.
– Подожди, еще пригожусь... Ради тебя любую специальность переменю. У меня есть для тебя сюрприз.

– Сюрприз – это ты! – И Андрей привлёк к себе Аню.
Они целовались совсем так, как тогда, в тамбуре... И совсем, как тогда, слышали за собой:

– Светлорёцк, детишки!
Тогда это сказал старичок-кондуктор. Кто же теперь?
Молодые люди разом обернулись, смущённые, но счастливые.
Перед ними стоял огромный, добродушно-лукавый Денис. Он повторил:
– Светло на реке, ребяташки! То ж совсем день, а вы тут матросам на утеху...
– Ну, не будем, не будем! – засмеялась Аня. – Вот придёт ледокол в Москву, так все целоваться станут.

– Так то ж по плану будет, – посмеиваясь, возражал Денис, лукаво щурясь.
– А я без плана хочу, раньше времени, – сияя глазами, наступала на него Аня. – Ты знаешь, сколько я ждала?
– Так ещё ждать придется, пока Андрейка свой Арктический мост построит.
– Дай пожму твою медвежью лапу! И здравствуй, Денисище великолепный! Как раз вам обоим я и должна рассказать о самом важном.

– О чем, Аня?
– Об Арктическом мосте... и о Степане, твоём брате.
– При чем тут Степан? И почему Арктический мост? – нахмурился Андрей.
– Сейчас все узнаешь. Давайте сядем на эти катушки канатов:
– То ж не катушки, то бунты, – поправил Денис, склонив голову чуть на бок, как бы присматриваясь к Ане.

– Представьте, совершенно неожиданно к нам с папой на дачу приехал Степан Григорьевич...

...Степан Григорьевич приехал на дачу Седых в одно из воскресений, точно зная, что старик Седых в командировке.

Аня очень удивилась. Она не видела Степана Григорьевича со Светлорёцка. Как он постарел! Хотя ещё чувствуется сила: крепкая шея, энергичные морщины у губ, жесткий взгляд.

– Я знаю, как неожидан мой визит, ибо что общего может быть между вами, кому улыбается счастье, и человеком, отставленным от дел.

– Ну что вы, Степан Григорьевич!

Женщина сразу по-другому начинает относиться даже к неприятному ей человеку, если хоть немножко его пожалеет. Конечно, Аня знала все, что произошло со Степаном Григорьевичем. Иван Семенович мог рассказать ей даже больше, чем было опубликовано в «Правде». Этот человек умел «не ошибаться», приспособливаться, выдвигаться... Но разве он один искал удобного пути?.. Может быть, ему в самом деле не повезло. Его показали всей стране, чтобы воздействовать на других...

Аня провела Степана Григорьевича в дом, предложила чаю. Степан Григорьевич не отказывался, попросил разрешения снять пиджак – было жарко. Аня заметила на его рубашке подпалину от утюга. Одиноким, верно, сам гладит, и так неумело.

– Вы знаете, Анна Ивановна, что мы с братом в неладах. Глупо, конечно. Порой удобно валить все на одного. Я уже привык.

– Ну что вы, Степан Григорьевич! – только и нашлась сказать Аня.

– Мне горько... и не то, что другие ко мне переменились... горько, что Андрюша, которого я, как отец, воспитал... Словом, объяснять трудно...

– Конечно, Степан Григорьевич! Я вот не понимаю злопамятных людей.

– Яблоко раздора – в его идее. Но я все же был прав, ибо техническая идея тогда принимается, когда она способна двинуть вперед общество. А если ее нельзя применить – ее отвергают. Так было в те дни. Андрюша не сумел мне простить своего закономерного провала... Такова ирония несправедливости... Однако я по-прежнему люблю его, забочусь о нем. Многое изменилось в мире, Анна Ивановна.

– Конечно. Вы позволите еще налить вам чаю?

– Пожалуйста. Так приятно, когда тебя угощают.

Аня и Степан Григорьевич сидели на свежем воздухе, под соснами, на крутом спуске к пойме реки Истры. Отсюда открывался широкий вид на другой ее крутой берег с лесом наверху, на зеленые купы, прикрывавшие речку, лишь кое-где поблескивающую серебром.

– Да, многое изменилось, – продолжал Степан Григорьевич. – Но если разобраться, то менялась политическая погода, политический же климат оставался неизменным. Климат этот определяется нежеланием людей воевать, стремлением их сблизиться, жить общей для всего земного шара экономической жизнью. И я думаю, Анна Ивановна, что вопрос о строительстве Андрюшиного моста между СССР и Америкой будет поднят.

– Неужели вы так считаете? – спросила Аня, не спуская со Степана Григорьевича пристального взгляда.

– Более того, этот вопрос уже поднят. Меня еще помнят вверху. Не буду вам подробно рассказывать, но недавно мне снова привелось побывать там...

– В правительстве?

– Да, – многозначительно ответил Степан Григорьевич, решительно отодвигая стакан. На этот раз разговор там пошел об Арктическом мосте.

– Степан Григорьевич, милый! Как вас благодарить? Позвольте я вас поцелую.

– Неужели это доставит вам удовольствие? – улыбнулся Степан Григорьевич.

Потом они спустились к Истре. Быстрая и мелкая, она напомнила обоим речку Светлую, Светлорецк.

Прощаясь, Степан Григорьевич сказал Ане:

– Можете мне поверить. Я сделаю все для Андрюши, что от меня зависит. Я имею в виду не только свои разговоры вверху... Я готов отдать Андрюше весь свой инженерный опыт, все свои знания, проектировать и строить мост вместе с ним. Кстати, наверху это считают само собой разумеющимся.

– Степан Григорьевич, я знаю Андрюшу. Он совсем незлопамятный! Он никогда не откажется от такой помощи... Тем более, что вы... ну, понимаете, сумели заинтересовать там, в правительстве.

Аня стояла перед Корневым молодая, легкая, в развевающемся открытом платье, с распушившимися паутинками волос, золотящихся на солнце. Степан опустил глаза:

– Не переоценивайте моих заслуг, Анна Ивановна, – сказал он. – Представьте, что меня вызвали туда только за тем, чтобы узнать адрес Андрюши.

Аня весело рассмеялась:

– Ну вот, он еще и шутит! А я думала, вы не умеете.

Степан Григорьевич улыбнулся, глядя на Аню.

Она взяла его за обе руки:

– Я благодарю вас... и от Андрюши... и от себя... Как хорошо, что вы снова будете друзьями!

Степан Григорьевич подтянулся, помолодел:

– Думаю, что мы с ним сработаемся. Я многому его научу, ибо по-прежнему хорошо к нему отношусь. И к вам... Аня...

Он уехал. Аня ходила по саду, прижав кулаки к щекам, и плакала от счастья.

Ледокольный гидромонитор «Северный ветер» ясным летним утром отшвартовывался около морского причала на Химкинском водохранилище.

Речные пароходы, нарядные, многопалубные красавцы, казались сейчас карликами.

Сотни лодок и белокрылых яхт заполнили водохранилище. По воде неслась музыка и крики встречающих. Люди толпились на пристанях и в прилегающем парке. Легкий ветер развеивал платки и флаги.

С неба на корабль сыпался дождь цветов. Их сбрасывали с парящих над ледоколом вертолетов. Много цветов плыло по воде. Сидящие в лодках вылавливали их, со смехом размахивая мокрыми букетами и венками.

Спущенный парадный трап, покрытый ковровой дорожкой, мгновенно был усыпан цветами. Но пока никто не ступал на него. Полярники узнавали родных и знакомых на берегу, что-то кричали им.

Наконец толпа на пристани чуть расступилась, пропуская вперед высокого седого человека в мягкой светлой шляпе и стройную молодую женщину.

– Кто это? Кто? – спрашивала Аня Андрея, теребя его за рукав.

– Сам Волков и его дочь Галина Николаевна, замечательная женщина!

– Ах, вот как! Я думала, что тебя на стройке не интересовали женщины.

– Смешная ты! Ведь это ее вездеход провалился зимой под лед. Ей пришлось добираться до базы по дрейфующим льдам, перезимовав на острове.

– И ты с ней знаком?

– Она жена Карцева.

– Ой, прости, Андрюша... Я не знаю, что со мной, я так счастлива, что даже начала тебя ревновать. И не хочу больше отпускать тебя! Постой! А эта высокая блондинка? Красавица какая! Ты тоже ее знаешь?

– Евгения Михайловна Омужева, жена капитана Терехова. Видишь его? Коренастый моряк... рядом с Карцевым стоит...

– Как радостно за них.

– Эту радость ты мне подарила раньше всех! Теперь меня уже некому встречать.

– Ты думаешь? А я кого-то вижу. Он наверняка кричит тебе.

– Неужели Сурен? Где он?

– А вон стоят два брюнета с орлиными профилями.

– Положим, один почти седой. Это академик Овесян... и с ним, конечно, Сурен!

По трапу начали сходить полярники. Денис простился с Аней и Андреем, он спешил к своей семье: жена Оксана ждала его на берегу с тремя хлопчиками.

– Пропустим всех вперед, – говорила Аня Андрею. – Ведь мы уже вместе.

Но Сурен Авакян, заметив их на палубе, подобрался почти к самому борту и стал грозить кулаком:

– Слушай, почему не сходишь? Боишься, что я тебя задушу? Правильно боишься.

Тогда Андрей и Аня смешались с толпой полярных строителей и стали протискиваться к трапу.

Девочки в белых платьицах надевали на каждого сходящего с корабля гирлянду цветов. На Аню совершенно «незаконно», несмотря на ее протесты, тоже надели гирлянду из красных маков.

Сурен дождался Андрея и накинулся на него, как ястреб, сжал в объятиях, потом набросился на Аню, словно она тоже приехала из Арктики. Потом обнял обоих и повел на берег.

– Ай-вай! Какой день, прямо замечательный день, старик! Подожди, еще раз встречать будем, когда с другого строительства из Арктики вернешься. Тогда в большую бочку цветов посадим!

– И, главное, на меня тоже цветы надели, – смеялась Аня. – Я бы сняла эти маки, да уж больно они красивые!

– Вот и опять встретились. А помнишь, как в первый раз меня из воды за волосы тащили. Всю прическу растрепали?

– Андрюша, смотри, кто тебя ищет, смотри!

Андрей остановился. Сурен тащил его дальше:

– Кто такой? Зачем ищет? Мы уже нашли.

Но Андрей уже заметил брата, на скулах его появились красные пятна. Он освободился из объятий Сурена, снял гирлянду цветов, отдал ее Ане и пошел навстречу Степану Григорьевичу. Аня и Сурен отстали. Аня что-то быстро говорила ему.

Степан шел к Андрею, не торопясь, уверенно, с едва заметной улыбкой на суровом, властном лице.

Андрей молча обнял брата и сказал одно только слово:

– Спасибо.

– Значит, знаешь уже? – произнес Степан и полез в карман за платком, вытер глаза, высморкался. – Не надо больше так, как прежде... Не надо... Нам теперь нужно друг друга держаться.

– Будем вместе, всегда вместе, – прерывающимся голосом сказал Андрей. – Ты прости, это все от моего упрямства.

– Даже за упрямство люблю тебя, – сказал Степан.

Подошли Аня с Суреном. Степана Григорьевича познакомили с Авакяном. Корнев-старший горячо пожал Сурену руку, но взгляд его был холоден.

– Поедем ко мне, – распорядился он. – Неуютно, но просторно.

– Нет, – запротестовала Аня. – Вы нас простите, но нам сейчас нужно съездить с Андрюшей по одному делу.

– Прямо с вокзала? Какое такое дело? – запротестовал Сурен.

– Мы давно собирались... «прямо с вокзала», – сказала загадочно Аня и опустила глаза.

– В загс поедом, – объяснил Андрей.

Глава третья ЗАКОН ВЫГОДЫ

Под ярким южным солнцем город выглядел ослепительно белым. Он меньше всего походил на американские города из стекла и бетона со стандартными небоскребами, крикливыми витринами и рекламами, с шумными сабвеями-подземками, с обрывками прочитанных газет на тротуарах и тоскливо ожидающими у светофора автомобилями.

Столица Соединенных Штатов Америки скорее напоминала тихую провинцию. Уютные, скрытые зеленью домики, тихие улочки, двух-, трехэтажные дома на проспектах, колонны на фронтонах зданий, парки, памятники: Вашингтону – остроконечный, устремленный вверх обелиск, Линкольну – изображенному сидящим в мраморном павильоне, со ступенек которого выступают ораторы на митингах, и еще много других памятников, даже, быть может, слишком много для всего лишь двухвековой истории американского государства; наконец, неторопливость прохожих, южная лень и какая-то старомодность, как отличительная особенность Вашингтона.

Прохожие, водители, владельцы и пассажиры автомобилей преимущественно негры. Ведь больше половины населения столицы США, расположенной в южном округе Колумбия, – цветные!

Белых больше встретишь в центре, у правительственных зданий, департаментов, около Капитолия...

Стеклянный купол Капитолия, где заседают Конгресс и Сенат, возвышается над деревьями густого, аккуратно выметенного и подстриженного парка. По горячей асфальтовой аллее, заложив руки за спину, расправив атлетические плечи, быстрым шагом, словно гуляя, а не направляясь в свой офис – в Америке по делу люди идут не спеша, а вот гуляют обязательно «бегом» – шел молодой сенатор Майкл Никсон. Он был одним из двадцати трех прогрессивных сенаторов и недавно был избран на второй срок. Это был тот самый коммунист Майкл Никсон, которого вся страна знала как Рыжего Майка, прозванного так на знаменитом «рыжем процессе» в Дайтоне, где он разоблачил со скамьи подсудимых грязную антисоветскую кампанию против якобы агрессивного ледяного мола, строившегося

в советских водах. По ложному обвинению, а по существу за это разоблачение Рыжего Майка присудили к смертной казни на электрическом стуле, от которого он избавился самым экстравагантным способом, сенсационно бежав с тюремного двора на вертолете... Впоследствии он был оправдан и стал популярнейшим человеком Америки.

Молодой сенатор направлялся в свой офис, в две комнаты – для него и для секретаря, отведенные ему, как и всем остальным сенаторам, в угловом громоздком здании неподалеку от Капитолия, с которым оно соединялось маленьким сабвеем, подземным туннелем, позволявшим почтенным сенаторам в движущихся покойных креслах прибыть на заседание Сената.

Выйдя из парка, мистер Майкл Никсон оказался перед внушительным зданием Верховного Суда США. Широкая мраморная лестница вела к ослепительно белым колоннам. Однако посередине мраморной лестницы была проложена деревянная временка с перилами. По ней спускались несколько почтенных старцев, ради преклонного возраста которых, быть может, и было устроено что-то вроде паровозного трапа, – правда, он портил архитектуру, но отвечал официальному требованию неуклонного наличия перил на широкой лестнице.

Мистер Майкл Никсон увидел сухопарую фигуру члена Верховного Суда Ирвинга Мора и задержался, чтобы приветствовать его.

Мистер Мор, высокий, худой, с бородкой «под дядю Сама», с великолепным лбом мыслителя и тонким носом аристократа, заметил молодого коренастого сенатора, которого вполне можно было принять за популярного игрока в бейсбол или профессионального боксера легкого веса.

– Хэлло, Майк! Как дела, старина? – помахал он рукой.

– Как вы поживаете, сэр? – в свою очередь спросил сенатор.

На солнце веснушчатое лицо Майкла, как и волосы, отливало медью.

Старик опустил на ступеньку и крепко пожал Майклу руку.

Член Верховного Суда Ирвинг Мор был тем самым знаменитым дополнительным членом Суда, для которого было поставлено одно из двух новых кресел рядом с такими же другими креслами, огромными, с высокими спинками, тяжелыми ручками, но лишь благородно старыми. Дело в том, что при конфликте президента или Конгресса с Верховным Судом, могущим принять закон, объявив противоречащим Конституции, никто ничего сделать не может. Повлиять на Верховный Суд формально нельзя, но... увеличить число членов Суда можно. Введение двух новых членов по расчету должно было изменить в нужную сторону соотношение голосов в Суде.

Впрочем, как известно истории, последнее добавление двух новых членов Суда дало совсем неожиданные результаты. Выборы их превратились в жестокую политическую борьбу, к которой демократическая и республиканская партии оказались менее подготовленными, чем к президентским выборам. Мистер Ирвинг Мор и его новый коллега представляли прогрессивное течение американского народа. Новый состав Верховного Суда не замедлил проявить себя: он отменил закон о запрете Американской Коммунистической партии как противоречащий Конституции и еще несколько реакционных законов, ограничивающих права на забастовки и права на свободу мысли и убеждений.

Ирвинг Мор совсем не был коммунистом, но это не мешало ему самым приветливым образом говорить с Майклом Никсоном:

– Хэлло, Майк! От души поздравляю вас и жду вашего бюста в галерее Капитолия, который теперь вынуждены будут поставить. Правда, не все ваши коллеги будут в восторге от этого, впрочем, как и от возраста оригинала. В части искренней зависти дряхлого к молодому к ним присоединяюсь и я.

– Полно, мистер Мор! Хотел бы сохранить вашу молодость к своему будущему юбилею.

– О'кэй, мальчик! Сохраняйте свою, это будет куда лучше! Впрочем, о деле, мой друг. Мистер Игнэс лично просил меня об одолжении. Он хочет запросто видеть вас у себя.

– У себя? – поразился Майкл Никсон. – Что общего может быть у миллионера Игнэса, если не ошибаюсь, члена Особого Комитета промышленников, хозяев страны, и у коммуниста Никсона?

– Но ведь коммунист-то сенатор! К тому же проводший «рыжий процесс»! – лукаво сказал мистер Мор. – Во всяком случае, я вам советую пойти ему навстречу, хотя бы сегодня, после конца вашего бизнеса. По счастью, я избавлен от необходимости звонить вам по телефону в ваш офис и, несомненно, быть записанным на пленку, – и мистер Мор засмеялся.

Молодой сенатор смутился:

– Вот видите, сколько нужно сделать, мистер Мор...

– О, мой милый друг, впереди еще много борьбы, борьбы за лучшую участь американцев.

– Желаю удачи, мистер Мор.

– Мистер Игнэс заедет за вами хотя бы вот сюда, чтобы не дразнить парней из газетных трестов.

В час, когда в офисе кончилась работа и в Сенате не было заседания, которое, как известно, не ограничивается временем, ибо нельзя прервать выступающего сенатора, о чем бы и сколько времени он ни говорил, даже если он попросту стремится сорвать этим обсуждение законопроекта, – в этот уже свободный час сенатор Майкл Никсон вышел из своего офиса и вскоре был напротив здания Верховного Суда.

Мистер Боб Игнэс уже ждал его в своем великолепном «Крейслере», огромном, словно плывущем по мостовой, широком, как удобная лодка.

– Хэлло, мистер сенатор! Мечтаю выпить с вами коктейль трех чертей. У меня дома есть эта дьявольская смесь.

– Хэлло, мистер Игнэс! Говорят, смесь соляной и серной кислоты называется по-русски «царской водкой».

– Садитесь, прошу вас. Царской водкой вас мечтают угостить менее проникательные бизнесмены. Я хотел бы с вами просто поболтать.

Боб Игнэс был худой и лощеный джентльмен лет за пятьдесят, с бритым умным лицом, редующими, гладко зачесанными волосами и светлыми, проникательными глазами.

Автомашина быстро мчалась по улице, Догоняя впереди идущий автомобиль, который оказался полицейским.

Мистер Игнэс притормозил.

– Пусть лучше эти господа проедут, – сказал он вполголоса. – Терпеть не могу с ними встречаться.

Молодой сенатор расхохотался. Игнэс подмигнул ему:

– Все фирмы отказались страховать мой автомобиль. Они терпят на мне убытки. Им ведь нет дела, что из штрафов, которые я заплатил по милости едущих впереди господ, можно составить целое состояние.

Полицейская машина свернула за угол, и тогда мистер Игнэс показал, почему ему приходится платить много штрафов. «Крейслер» летел по средней черте улицы, отпугивая все машины, приводя в ужас пешеходов.

– Прошу извинить, Майк, – переходя на фамильярный тон, всегда знаменующий в Америке установление деловых отношений, сказал мистер Игнэс, – я везу вас в свою местную хижину. Я снимаю небольшую квартирку в одном доме, где могу останавливаться, приезжая в Вашингтон. С отелями всегда возня, телеграммы, заказы... Бывают дни, когда в Вашингтоне толчется слишком много народу. Так что прошу извинить меня за мой вигвам.

Через минуту машина остановилась около фешенебельного дома на самой аристократической улице Вашингтона. Один этаж этого дома и снимал мистер Игнэс.

В подъезде, перед запертой дверью, мистер Игнэс нажал кнопку, после чего из стены раздался женский голос:

– Хэлло, кто там?

– Это я, дорогая, с гостем, – ответил стене миллионер.

– Сейчас, мой мальчик! – воскликнул женский голос и за дверью что-то щелкнуло. – Пожалуйста, проходите.

Игнэс распахнул дверь, за которой никого не оказалось.

Гость и хозяин поднялись по ковровой лестнице во второй этаж. В раскрытой двери квартиры их ожидала стройная, но уже чуть поблекшая дама, дорого и со вкусом одетая.

– Как это мило! Я так рада вам, мистер сенатор, – и она протянула руку Майклу.

Тот низко поклонился.

– Ну вот наше небольшое гнездышко, – сказал мистер Игнэс.

Хозяйка провела Майкла в просторную комнату, в которой было на редкость мало мебели, но дорогой и удобной. В гнездышке Игнэса, как прикинул Майкл, было не меньше 250 квадратных метров.

– О, сэр! Вы были в России! – говорила хозяйка. – Это моя родина. Я учу Боба русскому языку.

– Я только плавал около ее берегов и неожиданно попал в СССР, ответил Майкл.

– Как бы я хотела хоть взглянуть на эти берега! Боб обещает взять меня с собой, когда в следующий раз поедет в Москву.

– В следующий раз, в следующий раз! – отмахнулся мистер Игнэс и провел гостя в кабинет. – Вы видите, здесь еще все не устроено. Приобрел несколько картин русских художников. Хочу выдержать стиль... не пускаю сюда крикливую западную мазию.

– Это желание вашей супруги?

– О нет! Я с нею лишь вспоминаю русский язык, который был языком моего детства.

– Неужели? – удивился Майкл.

– Моя мать, голландка, была замужем за русским Игнатовым. Увы, они разошлись, когда мне было четыре года. Отец оставил меня у себя, мать вернулась в Голландию. И Боря Игнатов, представьте это себе, жил в Москве. Но отец умер во время русской революции, мать обратилась к советскому правительству с просьбой отправить меня к ней... И вот я считался голландцем, но всегда говорил о голландцах «они»... Затем – умноженное наследство, наконец, Америка, и я стал американцем и миллионером, вместо того чтобы стать марксистом.

– Стать марксистом никогда не поздно, пошутил сенатор.

– Один раз я понял, что это полезно. Видите этот электрический камин? Я включу... Как будто мерцают горящие угли... Он мне памятен, я купил его, когда еще жил в Голландии. Я затащил к себе русских туристов и показывал им этот камин. Они, конечно, были марксистами. Я играл на бирже... Акции ближневосточных нефтяных компаний... Я спросил русских (это было перед передерягой на Ближнем Востоке): почему повышаются мои акции? Я страшусь беспорядков, но мне жалко продать лезущие вверх акции.

– Что же ответили вам русские?

– Посоветовали мне прочитать Маркса.

– И вы?

– Я продал акции. Начался Суэцкий кризис, нападение англичан и французов на Египет и все, что потом произошло. Я избежал огромных убытков и велел переплести «Капитал» Маркса в дорогой переплет.

– Прочитали?

– Прочитал. Конечно, кое-что устарело, но много интересного. Это надо знать.

– Кому?

– Не только вам, мистер коммунист, но и грамотному капиталисту. Что касается меня, то я усовершенствовал Маркса.

– Вот как? – усмехнулся Майкл. – Об этом вы и хотели поговорить с марксистом?

– И об этом тоже. Курите сигару. Это моя страсть. Помню, я доказывал русским гостям, что если я, купец, покупаю и продаю и у меня нет рабочих, у которых я отнимаю, как я потом узнал, «прибавочную стоимость», то я никого не эксплуатирую, ни из кого не

выжимаю пот и кровь, как говорил Ленин. Но не в этом дело. Я усовершенствовал Маркса, выведя основной закон, движущий и регулирующий все жизненные явления человеческого общества. Это «закон выгоды».

– Закон выгоды?

– Вот именно. И этот закон действителен и для того сложного, смешанного мира, в котором мы живем. Если бы отдельные его части, Майк, не были так разделены, то мы бы могли назвать наш мир «Капиталистической коммуной»! Каково? Неплохо?

– Два слова, взаимно исключают друг друга.

– Это, если не учитывать «закона выгоды». Выгода, если тонко разобраться, вовсе не требует исключения капитализмом коммунизма и коммуной капитализма. В том-то и дело, что они прекрасно могут существовать рядом к всеобщей выгоде!

– Здесь, пожалуй, я с вами соглашусь.

– Подождите, подружитесь со мной – и вы станете неомарксистом, «коммунистом частной выгоды»!

– Стоп, мистер Игнэс, стоп! Не искушайте меня, – замахал руками сенатор.

– Но в сторону шуток, – продолжал миллионер. – Я перехожу прямо к делу. Мой «закон выгоды» властно повелевает капиталистическому миру идти на сближение с коммунистическим, создавая единую мировую экономическую систему, называйте ее капиталистической коммуной или как хотите еще, не важно.

Майкл Никсон внутренне забавлялся неграмотным и наивным философствованием самонадеянного капиталиста. Однако что-то было в словах Игнэса, заставлявшее Майка остаться и продолжать беседу.

– Мы разговариваем без масок, славный мой Майк. Перед вами я не стану прихорашиваться. Словом, мистер сенатор, я, как вы читали в газетах, недавно вернулся из Москвы. Я был бы плохим бизнесменом, имея дело с Россией, если бы у меня не была там поставлена экономическая информация. Нет, нет, не шпионаж! Боже меня сохрани! Я родился в этой стране. Только экономическая, конечно, платная информация. Бизнесмен всегда за все платит. И вот мой наблюдатель, он, как и я, католик, я его зову просто Лев Янович, наряду с обычными сведениями сообщил мне о воскрешении очень любопытной идеи какого-то русского инженера построить плавающий туннель между Советским Союзом и Америкой. Мне это очень кстати. Тут начинается мой бизнес к вам, сенатор. Я не хочу предлагать вам союз, но не прочь иметь с вами общность действий.

– В чем общность действий?

– Закон выгоды повелевает освежить, реконструировать мир, слишком долго внутренне враждовавший. В самом деле, подумайте, сенатор. Сколько времени можно гнать металл в пушки и бомбы, танки и каски? Нужно или воевать или выбрасывать всю эту дорогую рухлядь. Но воевать!.. Мой бог! Вы меня извините, я – жизнелюб. Я боюсь за этот камин и за эти картины... И за вашего покорного слугу, у которого еще все зубы целы. Сейчас не те времена, когда можно было читать известия с фронтов. Фронт грядущей войны будет повсюду: и в Москве, и в Дайтоне, и в Вашингтоне... А я, здешний житель, я не хочу быть на фронте! Как же быть? Закрывать заводы? Выбрасывать на улицу безработных, чтобы они занялись на досуге революцией? Вот вы – сенатор. Что придумает ваш Сенат?

– Он так же разнороден, как и мир, мистер Игнэс.

– Вы правы. Но он будет более слитен, если все поймут «закон выгоды». Вместо пушек и бомб можно производить тысячи вещей и продавать их... на ту сторону. Вот в этом выгода! И не будет у нас безработных, и не будем мы дрожать от страха, что разоримся или распадемся на атомы, что в конечном итоге почти одно и то же.

– Что вы предлагаете, мистер философ?

– Предлагаю реконструировать мир, сблизить все страны, заинтересовать их друг в друге. Вот почему нам важен русский проект моста через Северный полюс. Нам нужны такие проекты – еще и еще! И на первых порах нужно организовать у нас в Америке Всемирную выставку реконструкции и сближения всех частей мира. Что? Неплохо, мистер

коммунист?

- Пожалуй, об этом стоит подумать. Коммунисты всегда предлагали сосуществовать.
- Не просто сосуществовать, а жить одной экономической жизнью.
- Экономически соревнуясь.

– Верно! Соревнование – это взаимное стремление к выгоде. Нужно организовать Всемирную выставку реконструкции мира. И для этого нужны будут дружественные этой идее голоса разных лагерей. И тут голос Рыжего Майка будет очень ценен. Черт возьми, я забыл про коктейль трех чертей!

– Мне нравится ваша идея, мистер Игнэс. Я согласен на общность действий.

– О! Я говорил вам о «законе выгоды». Он всеобъемлющ!

Миссис Игнэс внесла приготовленный коктейль. Миллионер и сенатор-коммунист выпили за успех задуманного дела, крикнули и поморщились. Коктейль был очень крепок.

Глава четвертая ВОЗВРАЩЕНИЕ О'КИМИ

Черный лоснящийся на солнце автомобиль повернул с моста Эдогава на Кудан-сити. Вскоре он мчался уже вдоль канала. Молодая женщина с любопытством озиралась вокруг.

Столько лет! Столько лет! Как много перемен... и в то же время как много осталось прежнего. Вон рикша вынырнул из-под самого автомобиля. Рикша на велосипеде... Когда-то она не обратила бы на него внимания, а теперь все японское бросается в глаза. А вот и императорский дворец, сейчас надо свернуть налево. Как сжимается сердце! Всё незнакомые лица. Много мужчин в европейском платье. У женщин модные прически, но все же большинство в кимоно.

Центральный почтамт! Теперь уже совсем близко. Здесь она бегала девочкой... Однажды вон туда, на середину улицы, закатился ее мячик. Его принес полицейский. Она благодарила полицейского и сделала по-европейски книксен. А потом возненавидела его. Возненавидела за то, что он так грубо схватил маленькую, хрупкую женщину, которая шла впереди всех с флагом.

Автомобиль повернул направо и въехал в ворота сада. Через несколько секунд он остановился у подъезда богатого особняка.

Девушка легко выскочила из машины. Европейское платье делало ее особенно миниатюрной и изящной. При виде ее стоявшая на крыльце женщина подняла вверх руки. Девушка хотела броситься к ней, но женщина скрылась в доме.

Взбежав на ступеньки, девушка остановилась. Рука, прижатая к груди, чувствовала удары сердца. Она не ошиблась – вот знакомые шаги. Он, всегда такой занятый, ждал ее. Может быть, он стоял у окна в своем кабинете, чтобы видеть улицу.

В дверях показался пожилой человек. Закинутая голова с коротко остриженными волосами и гордая осанка совсем не вязались с его маленьким ростом. Девушка вскрикнула и бросилась ему на шею.

– Кими-тян! Моя маленькая Кими-тян... Как долго я ждал тебя!

Отец обнял ее и, взяв за тоненькие плечи, повел в дом.

Девушка оглядела знакомую с детства комнату европейской половины дома и вдруг увидела ползущую к ней по полу женщину.

– Фуса-тян! Встань скорей! – девушка бросилась вперед и подняла женщину. – Фуса-тян, милая! Ты приветствуешь меня, как гостя-мужчину.

Отец снова взял девушку за плечи и повел ее во внутренние комнаты. Они прошли по роскошным, убраным в европейском стиле залам и гостиным. Японскими здесь были только картины, но и те лишь современных художников. Это сразу бросалось в глаза. Нигде не видно было священной горы Фудзи-сан: художники теперь избегали этой традиционно-народной темы как штампа.

Кими-тян всплеснула руками.

– Дома! Ой, дома! – она присела, как Делала это маленькой девочкой. Дома! Ой, совсем дома!

И она принялась целовать знакомые предметы, гладила рукой лакированное дерево ширмы, прижималась щекой к старой, склеенной статуэтке.

Отец стоял, скрестив руки на животе, а его аккуратно подстриженные усы вздрагивали. Незаметно он провел по ним пальцем.

Потом Кими-тян встала, подошла к отцу и припала к его плечу.

– А мама... мама... – тихо всхлипнула она.

Отец привлек дочь к груди и стал быстро-быстро гладить ее гладкие, нежно пахнущие волосы.

Наконец Кими-тян выпрямилась.

– Ну, вот... а я плачу, – сказала она слабым голосом, стараясь улыбнуться.

Они пошли дальше. На полу теперь были циновки. Отец отодвинул ширму, отчего комната стала вдвое больше, и сел на пол.

– Окажи благодеяние, садись, моя маленькая Кими-тян. Или, может быть, ты сначала хочешь надеть кимоно, чтобы почувствовать себя совсем на родине?

– Ах, нет! Я дома, дома... Я тоже попробую сесть, только я разучилась. Это смешно, не правда ли? Так совсем не сидят в Париже, а костюмы там носят такие же, как на тебе. Как постарела Фуса-тян! Она ведь, правда, хорошая? Ты стал знаменитым доктором? Сколько теперь ты принимаешь больных? А как перестроили дом напротив! Его не узнать. Кто теперь в нем живет? Почему никто не лаял, когда я въезжала? Неужели Тоби-сан умер?

– Конечно. Собаки не живут так долго. Ведь сколько прошло лет. Все волнует тебя. Как высоко вздымается твоя грудь! Так дыши глубже розовым воздухом страны Ямато. Я вижу, что ты не забыла здесь ничего и никого.

– Никого, никого!

И вдруг Кими-тян опустила свои миндалевидные глаза, стала теревить соломинку, торчавшую из циновки.

Отец улыбнулся.

– Я знал, знал. Мы все ждали и встречали тебя. Он лишь не посмел стеснять нас в первые минуты встречи.

Японец хлопнул в ладоши. Отодвинулась еще одна фусума, и за ней показалась женщина с черным лоснящимся валиком волос на голове.

– Передай господину Муцикава, что госпожа О'Кими ждет его...

– Муци-тян, – тихо прошептала девушка.

Отец поднялся навстречу молодому японцу в широком керимоне и роговых очках, появившемуся из-за отодвинутой ширмы.

О'Кими порывисто вскочила. Она не смела поднять глаза.

Муцикава еще издали склонил голову, произнося слова приветствия.

О'Кими протянула ему свою крохотную руку. Он сжал ее обеими руками.

– Усуда-сан мог бы выгнать меня. Я жду вас со вчерашнего вечера, сказал он.

– Вчера вечером? – девушка подняла глаза. – Тогда я еще не села в поезд... А почему вы носите очки?

– Японцы, японцы... – заметил улыбающийся Усуда. – Они слишком часто бывают близорукими.

– О, так, Усуда-сударь, – почтительно отозвался молодой человек. – О, Кими-тян... Мне можно вас так называть? Извините, я так понимаю вас, понимаю, как вы стремились из чужих, далеких краев на родину, чтобы остаться здесь навсегда.

– О, не совсем, не совсем так, – сказал Усуда. – Конечно, я не хочу, чтобы моя маленькая Кими-тян рассталась с родиной, но еще больше не хочу, чтобы она расставалась теперь со мной.

– Позвольте спросить вас, Усуда-си: разве вы предполагаете уехать отсюда?

– О, не пугайся, мой мальчик! Выставка в Нью-Йорке откроется только через несколько

месяцев. Однако я пройду в сад. Я велел вынести туда стол, чтобы наша Кими-тян могла дышать запахом вишен.

– Да, да, вишни, вишни, – тихо повторила девушка.

Усуда вышел, украдкой взглянув на смущенных молодых людей.

Они стояли друг против друга и неловко молчали.

– Вы совсем стали европейкой, – робко начал Муцикава.

– Правда говорят, что вы храбрый? Вы – летчик?

Муцикава кивнул.

– Но это совсем не храбрость; это профессия, извините.

– Вы всегда были храбрым. Вы дразнили даже полицейских. Помните, как вы забросили мой мяч на середину улицы, прямо к ногам полицейского?

– Я тогда убежал, не помня себя от страха.

Молодые люди оживились. Они стали вспоминать свое детство.

Когда Кими-тян не смотрела на Муцикаву, она чувствовала себя свободно; но стоило ей лишь бросить взгляд на эту незнакомую ей фигуру взрослого японца с постоянно

опущенной, как бы в полупоклоне головой, и она не могла побороть в себе неприятного чувства стеснения.

Разговор быстро иссяк вместе с воспоминаниями.

Почему же так долго не идет отец? Ей хотелось побыть сейчас с ним.

– Вы хотите посмотреть последние парижские журналы? Там много интересного о нью-йоркской выставке реконструкции мира. Подождите, я сейчас принесу.

Когда она снова вошла в комнату, Усуда уже вернулся и вполголоса разговаривал с почтительно склонившим перед ним голову Муцикавой.

– Вот, – протянула Кими-тян журнал. – Отец, тебе, наверное, тоже интересно, что мы с тобой увидим в Нью-Йорке. Дом-куб, который будет стоять и качаться на одном ребре. В нем, говорят, будет установлен огромный волчок.

Усуда подошел к дочери и посмотрел через ее плечо.

– Сколько в ней жизни! Не правда ли, Муци-тян?

– О да, Усуда-си!

– А вот еще! Смотрите. Это русские покажут в своем павильоне. Это даже интереснее, чем дом-куб. Вы видели, Муци-тян?

– Ах, мост через Северный полюс? – протянул Усуда. – Многие газеты пишут об этом проекте.

Муцикава нахмурился.

– Я так думаю, – сказал он. – Американцы, конечно, ухватятся за эту возможность сближения с Европой.

О’Кими быстро взглянула на молодого японца.

– Это сооружение имеет большое значение, мой мальчик, – сказал Усуда. – Меня лично оно интересовало бы прежде всего с коммерческой стороны. И, честное слово, я вложил бы в него деньги.

– Что касается меня, Усуда-си, извините, но я не стал бы тратить свои средства на усиление Америки.

– Ах, не надо, – поморщилась Кими-тян. Я принесла вам журналы, но я хочу в сад, в наш маленький садик. Он кажется мне больше Булонского леса. Пойдемте. Можно, папа?

Девушка побежала вперед. Усуда следил за ней. Она легко спрыгнула с крыльца. Ее пестрое платье мелькнуло на узенькой аллейке, ведущей к крохотному пруду.

Муцикава внимательно смотрел себе под ноги.

Глава пятая РЕКОНСТРУКЦИЯ МИРА

Утром свежего майского дня мистер Медж, высокий, полный, дышащий здоровьем джентльмен, вошел в столовую раньше дочери. Он слышал, как она еще плескалась в ванной.

Пройдя в крошечную гостиную, мистер Медж прежде всего открыл окно и всей грудью вдохнул бодрящий воздух. Лицо его, открытое и жизнерадостное, выражало довольство собой и всем окружающим.

Фальшиво насвистывая модную ковбойскую песенку, мистер Медж включил утреннюю передачу. Отбивая носком такт веселого фокстрота, он стал перебирать на столике газеты, словно раздумывая, с какой ему начать. Внимание его привлекло объявление, упоминавшее о Северном полюсе. Какая-то фирма уговаривала покупателей воспользоваться ее кредитом. Время выплаты определялось довольно оригинально. Только один день. Один полярный день. «Пока светит солнце на Северном полюсе, не беспокойтесь о платеже», – говорилось в объявлении.

Мистер Медж вздохнул. Ах, этот кредит, эти льготные условия! Как все это знакомо! Его прелестный коттедж на одной из самых тенистых улиц нью-йоркского пригорода Флашинга, с тремя комнатками вверху и двумя внизу, не будет уже его собственностью, если через неделю он не выплатит очередной взнос в двести сорок долларов. Жизнь в кредит

подобна часам, которые обязательно остановятся, если их не завести.

Владелец коттеджа снова вздохнул. Ах, эти финансовые затруднения, финансовые затруднения! Как трудно в жизни оставаться честным человеком!..

Весело заскрипели ступеньки крутой лесенки. Мистер Медж улыбнулся. Предвкушая завтрак, он перешел в столовую. Через открытую дверь он видел чистенькую кухню и мелькавшую там тоненькую фигурку дочери в утренней пижаме.

Он сел спиной к двери и сделал вид, что внимательно читает газету. Амелия тихо подкралась сзади и, топнув ногой, крикнула звонким мальчишеским голосом:

– Руки вверх, сэр, если вам дорога жизнь!

Джентльмен изобразил на лице испуг, повернулся и выронил из рук газету.

Амелия целилась в него носиком кофейника, из которого струился ароматный пар. В другой руке она держала тарелку с тостами.

– Я могу заплатить выкуп, – сказал мистер Медж.

– Платите! – крикнул очаровательный гангстер, подставляя свою щечку, еще не покрытую пудрой.

Подвергшийся «нападению» джентльмен должен был поцеловать ее десять раз, что означало выплату десяти тысяч долларов.

Так издавна было заведено в доме Меджей, и каждое утро девушка неизменно радовалась этой шутке.

Отец и дочь принялись за завтрак.

– Дэди, – сказала Амелия, встряхивая локонами, – в нынешнем сезоне самым модным курортом будет Ниагара.

Мистер Медж уткнулся носом в тарелку. Поджаренные хлебцы хрустели на зубах.

– Почему?

– Ах, дэди, ведь Ниагара существует последний год.

– Как последний год?

– Боже! Об этом же кричат все газеты! Реконструкция мира! Вы можете убедиться в этом сегодня на открытии выставки.

– На выставке закроют Ниагару?

– Да, да! Это знаменитый инженер Герберт Кандербль хочет уничтожить Ниагару по плану реконструкции мира.

– В самом деле интересно, – произнес Медж, продолжая уничтожать хлебцы.

– Конечно, интересно, как будет выглядеть последний ниагарский сезон.

Мистер Медж втянул голову в плечи и промычал что-то невнятное. Но девушке смысл этого мычания, очевидно, был ясен. Она вскочила с места и, подбежав к отцу, нежно прижалась к его виску.

– Дэди, я должна поехать на Ниагару.

– Ах, бэби, положение наше таково, что если вы сможете заплатить сегодня из своих карманных денег пять долларов за телевизор, то мы будем еще месяц, до нового взноса, смотреть передачи.

– Значит, я не смогу поехать на Ниагару в этом сезоне? – Амелия выпрямилась и сердито наморщила лоб. – Что скажут обо мне газеты, если я там не буду?

– Вероятно, ничего, – робко заметил мистер Медж и сам испугался той бури гнева, которую вызвал.

Его разъяренная дочь принялась бегать по комнате, выкрикивая:

– Вот именно, ничего! Ничего! Последнее время они действительно ничего обо мне не пишут. На прошлой неделе я буквально преследовала в своем автомобиле репортера паршивенькой газетки, стараясь дать ему интервью. Молодчик спасся только тем, что уверил меня, будто его уволили из газеты... Вы... вы, дэди, перестаете быть популярным! Разве так делают политическую карьеру? Вы выступаете в защиту каких-то прогрессивных взглядов, в деловых кругах доверие к вам падает, а в результате у вас долги и журналам не нужны мои фотографии. Кому нужны портреты дочери непопулярного политического деятеля?

– Но, бэби, избиратели ценят во мне именно эти качества. Уверяю вас, они любят меня за то, что я высказываю прогрессивные взгляды, они считают меня своим парнем.

Амелия заломила руки.

– Ах, боже мой! Что мне делать с таким отцом? Он плюет на деловые круги и цепляется за прозвище «своего парня».

Мистер Медж улыбнулся.

Амелия остановилась и подперла ладонью подбородок.

– Нет, так нельзя! Я должна что-нибудь придумать. Во что бы то ни стало! И обязательно сегодня, в день открытия Выставки реконструкции мира.

– В самом деле, что можно придумать?

– Хэлло! – вдруг радостно закричала Амелия. – Я сделаю так, что обо мне заговорят все. Я не дам реконструировать мир! Я не позволю закрыть Ниагару!

Мистер Медж с опаской посмотрел на дочь.

– Дэди, я бегу одеваться. А вы извольте немедленно позвонить по телефону всем моим подругам. Мы создадим Лигу борьбы с цепями культуры. Вы едете на выставку, я сама повезу вас.

– Но, бэби...

Мистер Медж вздохнул и стал собирать тарелки.

Популярность была нужна мисс Амелии как воздух. Так повелось с памятных дней «Рыжего процесса» в Дайтоне. Амелия Медж была той самой девушкой Рыжего Майка, которую похитили гангстеры, чтобы дать возможность суду обвинить Майкла Никсона в убийстве своей девушки во время катания на лодке. Сколько пережила бедная похищенная Амелия! А ведь бандиты обращались с ней хорошо и о том, что Майку из-за нее грозит казнь на электрическом стуле, она и не подозревала. И все же страшно быть похищенной! Как известно, бегство Майка на вертолете с тюремного двора в час казни так восхитило гангстеров, что они выпустили Амелию, тем самым представив доказательства невинности Майкла Никсона. Он был оправдан, а его девушка мисс Амелия Медж на короткий срок стала популярнейшей женщиной Америки. Газеты и журналы без конца печатали ее портреты, репортеры смаковали каждую деталь ее туалета, фирмы выпускали пудру и духи «Амелия», ее личико смотрело с рекламных щитов, расставленных вдоль шоссе, ее зубки убеждали покупателей покупать нейлоновые зубные щетки и ароматичную пасту. Словом, всего этого было вполне достаточно, чтобы у маленькой американки вскружилась голова. Не растерялся при этом и ее отец, мистер Медж, незаметный политический бизнесмен мелкого масштаба. За дни популярности дочери он успел выдвинуться и стал заметным. Новым прогрессивным политическим партиям энергичные люди были нужнее, чем старым партиям с уже сложившимся аппаратом.

Вернулся оправданный Майк, но... физик по специальности, он первое время нигде не мог найти себе работы. Он попал одновременно и в любимцы народа и в черный список.

Газеты уже не интересовались Рыжим Майком, его работой, а тем более его девушкой, побывавшей у гангстеров.

Амелия не в состоянии была пережить все это... Она готова была или покончить с собой, или любой ценой вернуть популярность. И ей не осталась ничего другого, как самой найти способ вернуть интерес к себе. И она нашла этот способ: она отказалась от Майка и дала сенсационное «политическое» интервью пронырливому журналисту, состряпавшему из этого газетный фейерверк: вчерашняя жертва гангстеров отказывается от коммуниста!

Кое-кому это понравилось. Газеты опять вспомнили Амелию, которая выступала сейчас в роли добропорядочно-сто процентной американки.

К этому времени мистер Медж и сам попал в орбиту газетного внимания. Амелия очень ловко стала пользоваться именем отца, чтобы напоминать о себе, в то же время собой напоминая об отце.

Это было очень трудно: нужно было проявлять дьявольскую изобретательность, находчивость, хитрость, стать эксцентричной, интересной для репортеров и читателей... Ах,

это было совсем не так легко!..

К тому же этот Майк Никсон внезапно стал сенатором. Амелия готова была кусать себе локти, но... попытка примирения с Майком кончилась крахом... Он оказался слишком оскорбленным и не в меру принципиальным. «Подумаешь!» – мисс Амелия презрительно пожимала плечами, но понимала, что ей отныне приходится рассчитывать только на себя.

А это очень тяжело – рассчитывать только на себя!..

Меньше чем через час автомобиль Амелии остановился на огромном бетонном поле. Здесь машины посетителей Второй нью-йоркской международной выставки, посвященной реконструкции мира, образовали целый город с широкими авеню, перпендикулярно расположенными к ним стритами, площадями и бензиновыми колонками, похожими на памятники. Пешком пройдя весь этот лабиринт машин, отец и дочь оказались перед входом на выставку.

Дорогу им преградили турникеты. Крестообразные поперечины непрерывно трещали, автоматически отсчитывая количество посетителей.

– Дэди, я команду правым флангом. Мы атакуем павильон «Завтрашних идей». Вы как прогрессивный деятель должны разведать территорию Русского павильона. Х-ха! Воображаю сенсацию! Отец и дочь – на диаметральных полюсах. Долой реконструкцию! Да здравствует первобытная красота!

Мистер Медж послушно ретировался, пообещав дочери рассказать ей обо всем, что выставлено в Русском павильоне.

Турникеты пулеметными очередями выбрасывали посетителей. Видя кого-нибудь из своих подруг, мисс Амелия закладывала в рот пальцы и пронзительно свистела. Вскоре она была окружена толпой подражавших ей в одежде и манерах девушек. Когда все члены только что созданной лиги были в сборе, группа с воинственным видом направилась по асфальтовой аллее.

Мисс Амелия Медж была чрезвычайно возбуждена. Ее маленький приятный носик, казалось, был вздернут сегодня особенно высоко. Голубые глаза потемнели от волнения. Она часто встряхивала головой, отчего ее локоны рассыпались по плечам. Она походила на сказочного принца, отправляющегося на сказочный подвиг.

Павильон «Завтрашних идей» был построен в фантастическом стиле. Он представлял собой поставленный на вершину конус, стеклянные стены которого угрожающе нависали над испуганными прохожими.

– Смотрите, – обратилась к своим спутницам мисс Амелия, – вот чем хотят поборники реконструкции заменить красоты природы, дарованные нам богом.

– Ок-ки док-ки! – весело отозвались девушки, что означало на самом залихватском жаргоне предельное одобрение.

Мисс Амелия решительными шагами направилась в павильон.

– Хэлло!

Когда мисс Амелия произносила свое «хэлло», оно звучало у нее прелестно. Это были звуки одновременно и вкрадчивые, и задорные, и ласковые, вызывающие. Они повышались на последней букве и от этого казались и приветствием и вопросом.

– О-о! – молодой человек, гид павильона, восхищенно смотрел на мисс Амелию, обратившуюся к нему.

– Мы хотим видеть инженера Герберта Кандербля.

– О-о! – просиял гид. – Видеть мистера Кандербля? О'кэй, мэм!

Гид сделал знак девушкам следовать за собой.

– Боже! Какая красота! Восхитительно! – слышалось со всех сторон.

Мисс Амелия замерла, ее подружки смотрели во все глаза.

Стена зала, перед которой они стояли, исчезала у них на глазах. В пространстве между боковыми стенами появилась панорама尼亚гара с ее водопадами. Нет, не панорама – появилась подлинная Ниагара!

Тихая и широкая, как заводь, река, разделившись на два рукава, внезапно срывалась в

пропасть. Ее струи вспухали и закручивались в бесчисленные стеклянные шнуры, игравшие на солнце. Ниже они превращались в седые лохматые пряди. В глубине, куда ни заглянешь, вода взрывалась, с грохотом выбрасывая высоко в небо белые клубы похожих на дым брызг. В туманном облаке, повисшем над каньоном, играла радуга.

Но не бешеная ярость сорвавшейся вниз воды поражала людей. Поражало необъятное количество этой воды – вертикальный вспененный поток тянулся километровой подковой. Поражало сочетание безмятежно гладкой заводи и бешено крутящейся рядом пены.

Вдруг зрители заметили, что с панорамой что-то происходит: падающий слой воды становился тоньше, потом постепенно таял, стихал шум. В верхней части реки, между берегами, незаметно выросла плотина. Водопады иссякли. Сухие утесы, черные и мрачные, высились на месте только что рокотавших белых струй.

– Уничтоженная Ниагара, – прошептала мисс Амелия и громко повторила: Мы хотим видеть мистера Кандербля.

– О'кэй, леди. – Гид с безукоризненным пробором наклонил голову и нажал кнопку на полированной доске.

В толпе пронесся шум. Подруги дергали Амелию за рукав.

Будто появившись из воды усмиренной Ниагары, навстречу им шел высокий худощавый человек с гордо закинутой головой. Он шел сквозь воду, пену и камни, нигде не меняя своего размашистого шага.

– Мистер Герберт Кандербль! – с ноткой Торжественности в голосе возвестил гид.

Мисс Амелия Медж, заложив руки за спину, смотрела на приближающееся к ней узкое длинное лицо с тяжелым подбородком и холодными глазами.

– Хэлло! – крикнула она инженеру.

Инженер словно не заметил этого обращения. Он остановился в нескольких шагах от толпы, глядя куда-то через головы.

На потолке зажглись огненные буквы, возвещавшие о всяческих благах и прибылях, которые даст покоренная техникой Ниагара.

По бокам панорамы на американском и канадском берегах появились два здания гидростанций.

Мисс Амелия, тщетно стараясь встретиться глазами со знаменитым инженером, встала в торжественную позу обвинителя.

– Черные, мрачные утесы взамен дарованной богом красоты?! Вы... вы, мистер Герберт Кандербль, лишь жалкий человек, который захлебнулся бы, как щенок, в миллионной доле низвергавшейся здесь воды, осмеливаетесь поднять руку на величайшее, что только есть в природе?

Мисс Амелия Медж была очень эффектна в своем неподдельном гневе.

– Добрый день, леди и джентльмены, как вы поживаете? – вежливо, но совсем неуместно заявил знаменитый инженер, смотря поверх толпы.

– Красота! Вы осмеливаетесь покушаться на красоту! – продолжала мисс Амелия.

– О-о, леди! – вмешался гид. – Мистеру Герберту Кандерблю неизвестно это понятие. Вот что говорит он о красоте и технике. – Гид проворно выхватил записную книжку и, взглянув на стоящего перед ним все в той же позе инженера, обратился к толпе: – Техника не знает слова «красота». Если бы мистеру Кандерблю дали возможность осуществлять его идеи, он уничтожил бы снеговые вершины, которыми вы восхищаетесь, превратив их в плотины ветров, он повернул бы течения морей, направив их более рационально для служения технике. Он отогнал бы воды от ваших красивых пляжей и бухт: побережья стали бы источниками энергии, превратившись в сплошную линию станций использования морских приливов и отливов. Техника знает только целесообразность. Она не знает и не хочет знать красоты. О-о, леди и джентльмены, инженер Герберт Кандербль мог бы сделать все это, но ресурсы нереконструированного мира еще слишком мелки.

Мисс Амелия топнула ногой. Знаменитый инженер совершенно неуместно кланялся кому-то в толпе.

– И поэтому вы хотите набросить цепи на все, что только есть красивого на свете? – бросила она инженеру в лицо. – Ваша презренная техника лишь часть той ненавистой культуры, с которой борется наша лига. Да, сэр! Вы видите перед собой Лигу борьбы с цепями культуры.

Инженер повернулся в профиль, как бы разглядывая им содеянное.

– Мы протестуем против ваших чудовищных идей, против вашего желания наложить новые цепи на природу! Мы против вашей попытки лишить нас божественной красоты! Мы поднимем волну невиданного протеста, в котором сольются сердца всех любящих природу и бога.

– Да, да, мы протестуем! – закричали воодушевленные девушки... и вдруг притихли.

– Наша лига разобьет цепи культуры и техники... – еще продолжала их предводительница, но тоже внезапно смолкла, увидев, куда устремлены взгляды ее сообщниц. Она побледнела, потом залилась краской, переводя глаза с фигуры знаменитого инженера, стоявшего перед панорамой, на человека, появившегося позади ее подруг.

На продолговатом сухощавом лице этого человека, в опущенных уголках губ, играла насмешливая улыбка. Голова была гордо закинута назад.

Девушки смотрели в ужасе на это небывалое чудо природы. Их смутившаяся предводительница стояла между двойниками, похожими друг на друга, как два широко открытых глаза Амелии Медж.

– О, леди, – протянул гид, – перед собой до сих пор вы видели лишь объемное кино, со своей горячей речью вы обращались лишь к изображению. А вот сам мистер Герберт Кандербль.

Настоящий мистер Герберт Кандербль, все с той же презрительной усмешкой в опущенных уголках губ, повернулся спиной к демонстрантам и широким шагом стал проходить через толпу.

– Остановитесь! – почти умоляюще крикнула мисс Амелия. – Ведь это... ведь это просто невежливо!

Мистер Герберт Кандербль-настоящий бросил на нее холодный взгляд через плечо.

– Как будто вежливость до сих пор также считалась одной из цепей культуры.

Мисс Амелия Медж закусила губу, отвернулась и вдруг встретилась взглядом с теми же глазами, смотревшими с экрана. Мисс Амелия Медж даже зажмурилась.

Панорама тем временем снова стала меняться. Фигура инженера исчезла, как и исчез и сам Кандербль. Не стало плотины и гидростанций. Снова вспенились струи вертикальной реки. У мисс Амелии Медж в глазах стояли слезы. Из толпы кто-то фотографировал ее, но Амелию в первый раз в жизни это нисколько не интересовало.

Члены Лиги борьбы с цепями культуры смущенно перешептывались.

– Хэлло! Амелия, бэби! Вот я и нашел вас.

Амелия обернулась и чуть не расплакалась.

– Дэди!

Мистер Медж сиял.

– О, бэби! Разведка исключительно удачна. Голова идет кругом. Я прибежал за нашим знаменитым инженером. Американцы не могут остаться в стороне, клянусь вам, леди и джентльмены. Скажите скорей, где мне найти мистера Кандербля?

– Кандербля? – Амелия с негодованием отвернулась от отца.

Подруги Амелии, здороваясь с мистером Меджем, придвинулись поближе.

– Что такое, мистер Медж? Сенсация?

– Сенсация, леди и джентльмены! Сенсация! Слово теперь предоставляется американцам. И его скажут мистер Кандербль и я. Мы поддержим инициативу русских. Посмотрите в Русском павильоне модель Арктического моста.

Вокруг мистера Меджа уже образовалась толпа. Не без удовлетворения заметив это, мистер Медж, повысив голос, продолжал:

– Инженеры Советской страны, страны, к которой прикованы симпатии лучших

американцев, выдвинули замечательный проект, достойный того, чтобы американские парни показали, на что они способны.

– Что такое? О чем он говорит?

Мистер Медж торжествующе оглядел всех. Пригладив на голове волосы, он поднял вверх указательный палец.

– Мост через Северный полюс, леди и джентльмены! Прямое железнодорожное сообщение с Европой. Небывалый бизнес. Арктический мост! Недаром «Северный полюс» были первые слова, которые я прочел сегодня. Это хорошая примета.

Амелия протолкалась к отцу.

– Дэди, что это, действительно грандиозный проект? – живо спросила она.

– О'кэй, бэби! Грандиознее чего бы то ни было.

– И даже это пустяк по сравнению с проектом русских? – указала Амелия на панораму.

– Несомненно!

– Ах, так, – протянула Амелия, наморщив лоб. – Ну хорошо! – тряхнув локонами, она почти бегом бросилась прочь.

Девушки обступили мистера Меджа.

– Но где же наш технический гений? – спрашивал их Медж. – Мы с ним первыми должны высказаться. Скорей найдите мне его!

Из уст в уста переходили слова «Арктический мост». Посетители павильона спешно проталкивались к выходу.

Мисс Амелия Медж, бесцеремонно пользуясь приемами бокса ближнего боя, двигалась, несомненно, быстрее всех.

Глава шестая ВКУС СЛАВЫ

В крохотном электромобильчике, питавшемся от аккумуляторов и токов высокой частоты, проходивших под асфальтом мостовой, мистер Медж и Герберт Кандербль ехали к Советскому павильону.

Не выпуская их из виду, в таком же электромобильчике за ними следовала мисс Амелия Медж. Взмолвленная, она двигалась левее черты, обозначающей зону питания током высокой частоты, напрасно расходуя аккумуляторы.

Электрические машинки, похожие на педальные автомобили, стали излюбленным индивидуальным средством передвижения на выставке, заменив одетых в элегантные костюмы «высокообразованных рикш», возивших в креслах посетителей и занимавших их остроумной беседой на выставке 1939 года.

Опустив никелевую монетку в кассовый аппарат электромобильчика, Амелия получила возможность проехать еще пятьсот футов. Однако, едва пройдя двести футов, машинка встала, Амелия изо всех сил нажимала педаль, но «эчфикар» (экипаж высокой частоты) не хотел ехать.

Девушка решила, что надо еще раз опустить никель – вновь заплатить за проезд. Она достала приготовленную монетку и опустила ее в отверстие. Однако машинка не двинулась. Вместо этого из-под сиденья послышался голос «механического гида», которого Амелия нечаянно включила, опустив монетку не в ту щелку.

– Уважаемые леди и джентльмены, вы проезжаете сейчас мимо павильона, где завершены идеи, завещанные реконструируемому миру Генри Фордом, автомобили которого весьма рекомендуем вам покупать. Цена – одна тысяча девятьсот девять долларов за штуку с рассрочкой. В павильоне сосредоточен целый завод, на ваших глазах выпускающий новый фордовский автомобиль без прикосновения человеческой руки. Автоматическая аппаратура!

– Фи! – поморщилась мисс Амелия, раздражение которой начинало достигать предела.

– О, леди! – услышала она голос сзади, но, приняв его тоже за механического гида, не обернулась.

– О, леди, осмелюсь просить вас...

– Что такое? – Амелия обернулась и увидела почтительно склонившегося негра.

– Леди ехала не по черте, под которой проложен питающий провод. У машины леди разрядились аккумуляторы. На черте токи высокой частоты возбуждают в обмотке «эчфикара» ток, и машина поедет вновь.

– Ах, везите меня куда хотите! – воскликнула Амелия.

Негр, одетый в голубой костюм с белыми отворотами, проворно покатил Амелию, пока машинка не встала на черту.

– Теперь леди может ехать, – поклонился негр.

– Ах, эта проклятая техника! – стиснула Амелия зубы и нажала педаль.

Оживший экипаж легко покатился по мостовой. Но «эчфикар» с мистером Меджем и Гербертом Кандерблем бесследно исчез в толпе.

Амелия упрямо ехала вперед. Вот знаменитый дом-куб, непостижимо стоящий на одном ребре и тем не менее не падающий. Несносно болтавший механический гид сообщил, что внутри этого дома-куба стоит живой слон символ счастья реконструируемого человечества. Посмотреть «счастливого» слона стоит один доллар.

Амелии хотелось обогнать едущие впереди машины. Она немного съехала с черты. Видимо, аккумуляторы подзарядились. Она обогнала две или три машинки и снова въехала на черту.

– Леди и джентльмены, – снова заговорил голос из-под сиденья, когда электромобильчик поравнялся с причудливым зданием, напоминавшим письменный стол, – в этом оригинальном павильоне вы увидите робота-секретаря. Он исполнитель, нетребователен, беспартиен. У него безупречная электронная память. Он выполнит все продиктованные ему распоряжения. Он напомнит вам о заседании, получит за вас письма, распишется вашей рукой, выполнит все, что вы доверите бесстрастной честности машины. Это необходимый атрибут реконструированного мира.

Амелия хотела выключить репродуктор, но не могла найти рычажка, и механический гид продолжал говорить:

– Павильон свободной конкуренции. Вы видите перед собой дом, построенный в форме распускающейся розы. Так расцветает благоденствие народов реконструируемого мира. Голосуйте в своих странах за беспрепятственный ввоз американских товаров на основе свободной конкуренции, – тараторил голос.

Механический гид надоел Амелии. Она решительно не знала, как от него избавиться. Наконец ей пришла счастливая мысль, и она, выскочив из своей машины, села в другую – свободную.

В новом электромобильчике она проехала благополучно мимо следующего павильона. Посылаемый из этого павильона световой сигнал не воздействовал на расположенный в электромобильчике фотоэлемент и не включил один из тонфильмов. Амелия облегченно вздохнула.

Перед ней был Советский павильон.

В 1939 году, когда весь Нью-Йорк говорил о Советском павильоне на выставке, мисс Амелии не было на свете. Теперь она увидела великолепное здание нового павильона собственными глазами.

По обеим сторонам широчайшей лестницы стояли два высоких пилона из белого мрамора. От них, словно распахнутые створки, шли подковообразные крылья павильона, облицованные розовым мрамором. По ступенькам поднимались люди, по сравнению с лестницей казавшиеся пигмеями.

Сверкающие белизной пилоны были соединены стеклянным арочным сводом, наполненным водой. Это был своеобразный гигантский аквариум, образующий над лестницей прозрачный виадук. На поверхности воды плавали настоящие льдины; на одной из них сидел белый медведь.

В воде можно было различить проходящую подо льдом трубу. Труба стремилась

всплыть, но ее удерживали канаты, переплетающиеся, как в красивом цепном мосте, повернутом основанием к небу, словно этот мост не падал, а рвался вверх. Плавающий туннель тончайшей ажурной аркой висел над мраморными ступенями, образуя как бы ворота. За воротами простиралась необъятная синева: павильон был построен на берегу океана.

Амелия остановилась, подавленная грандиозностью здания.

Рядом с ней безмолвно стояли тысячи американцев. Может быть, многие из них смотрели на этот павильон, как на подлинные двери в реконструированный мир.

В числе зрителей были и мистер Медж с Гербертом Кандерблем.

Оправившись от первого впечатления, мисс Амелия вспомнила о своем плане и, вновь применяя приемы бокса ближнего боя, стала пробиваться к отцу и его спутнику.

– Мистер Герберт Кандербль – знаменитый инженер! – звонко выкрикнула она.

Все окружающие оглянулись. Мистер Медж смотрел на дочь испуганно, Кандербль – недоумевающе.

Стараясь привлечь всеобщее внимание, Амелия продолжала:

– Великий инженер, ставящий себя выше человечества, что скажете вы об этом русском проекте? – Она протянула руку, указывая на скрытую в прозрачном виадуке трубу.

От неожиданности Кандербль смешался. Подбадриваемая смешком окружающих, Амелия все возвышала свой звонкий голос:

– Гей, покоритель жалких водопадов, кичащийся своими проектами! Что значат все ваши идеи по сравнению с мыслью русских сдвигать континенты? Эх вы, «властелин» техники!

– Бэби... бэби... я умоляю вас, – испуганно шептал мистер Медж.

Но Амелию было трудно остановить.

– Вы посрамлены! Вы – ничтожество, неспособное ярко мыслить! Я присутствую при вашем поражении! Я торжествую! Х-ха-ха!

Лицо Кандербля стало спокойным и злым. Как отпарировать этот беспримерный по наглости удар? Как не потерять уважения толпы?

Кругом все притихли, ожидая, чем это может кончиться. Кто-то щелкал затвором фотоаппарата; зажужжали кинокамеры.

Толпа довольна: она любит наглость и саморекламу. Великолепно! Герберт Кандербль сумеет ответить тем же.

Лицо Кандербля казалось теперь еще длиннее, подбородок еще тяжелее. Он заговорил сдержанно, но зло:

– Силой техники сдвигать материки? О'кэй, моя леди! Советские инженеры бросили прекрасную мысль. – Он помолчал. – Но знайте, леди! Такую гигантскую идею может осуществить только американский инженер, а я имею честь быть им.

Это было как раз то, что ждали американцы. Толпа охнула, потом разразилась одобрителем свистом и рукоплесканиями. Неистово защелкали фотоаппараты.

Оттесненная от инженера Амелия сгорала от стыда, обиды и ярости. Теперь все станет известно Рыжему Майку! Она ненавидела этого долговязого, самоуверенного человека.

Внутри павильона один из отделов был посвящен проекту Арктического моста. Посреди зала стоял огромный макет земного шара с морями из прозрачной пластмассы. В Северном Ледовитом океане под кромкой льда отчетливо вырисовывалась прямая линия, идущая по меридиану от Мурманска к Аляске. Угол был занят частью туннеля, выполненного в натуральную величину. Здесь же стоял и макет вагона. Толпившиеся около него посетители старались заглянуть внутрь.

В противоположном конце зала, у стола, заставленного моделями механизмов Арктического моста, стоял высокий, крепкий человек с энергичным лицом. Амелия обратила на него внимание потому, что с ним разговаривали ее отец и мистер Кандербль.

– Мистер Корнейв, – говорил Медж, – разрешите познакомить вас как автора замечательного проекта со светилом американской техники – инженером Гербертом

Кандерблем.

Степан Корнев немного смутился.

– Я очень рад, – сказал он, стараясь правильно выговаривать слова. Имя Герберта Кандербля знакомо мне со школьной скамьи.

Герберт Кандербль дружески похлопал Степана Григорьевича по плечу.

– Я жалею, что не знал вашего имени прежде, – любезно сказал он.

– Зато теперь его будет знать весь мир, – возвестил мистер Медж. – Мистер Корнейв, я взял на себя смелость, как один из американских общественных деятелей, пригласить нескольких американских парней для интервью с вами.

Степан Григорьевич смешался.

– Видите ли... – начал он, подыскивая слова, – мне не хотелось бы одному давать какие бы то ни было интервью, ибо я не являюсь...

– Какие пустяки, мистер Корнейв! – вскричал Медж и сделал знак рукой.

Опять зажужжали динамо. Несколько джентльменов в круглых соломенных шляпах защелкали затворами фотоаппаратов.

– Прошу вас, сэр, – кричал один из них, – и пожалуйста, улыбнитесь! Вот так... еще... еще... приветливой. Теперь скажите несколько слов американскому народу. У меня магнитофон. Автор проекта Арктического моста говорит с населением американского континента.

– Говорите, старина, говорите, я помогу вам, – тормозил мистер Медж. – Уже сегодня вечером это будет звучать со всех нью-йоркских киноэкранов.

Степан Григорьевич пытался сопротивляться, но его буквально рвали на части. Кто-то пожимал руку, кто-то совал цветы. Ему показывали утренний выпуск газеты, где был помещен его портрет с надписью:

«Автор проекта техники будущего Стэппен Г. Корнейв, единственный человек на земле, в голову которого пришла самая простая и самая замечательная мысль».

Он не давал этого интервью и ни в чем не был виноват, но испытывал смешанное чувство беспокойства и смутного торжества.

К губам Степана Григорьевича поднесли микрофон.

– Говорите же, коллега, – снисходительно сказал Кандербль. – После этого мне хотелось бы побеседовать с вами.

Степан Григорьевич произвольно заговорил. Вернее, недостаточно владея английским языком, он только повторял то, что нашептывал ему мистер Медж. В душе он оправдывал себя. Он должен говорить понятно для американцев, ибо, отказываясь, он лишь повредит популярности Арктического моста, идею которого надо прививать американцам всеми способами.

– Выдвинутый проект... – начал Степан Григорьевич.

– Выдвинутый мной проект, – поправил его мистер Медж. – Американцы любят, чтобы им показывали автора.

– ...должен осуществить давнишнюю мечту человечества о покорении времени и пространства. Соорудив по моему... – Степан Григорьевич остановился на секунду, словно раздумывая, потом стал повторять слова мистера Меджа, – соорудив по моему проекту Арктический мост, человечество одержит новую победу над стихией. Мой проект рожден в Стране Советов и демонстрируется на американской выставке. Я надеюсь, что он будет осуществлен силами этих передовых народов – русского и американского.

– Bravo! Bravo! – рукоплескали окружающие.

Герберт Кандербль взял Степана Григорьевича за талию и подвел к вагону.

– Какой род тяги избрали вы? – спросил он.

– Я предусматриваю способ движения вагонов с помощью бегущего магнитного поля, увлекающего за собой вагон, так как это позволяет электрифицировать трассу и в то же

время достигнуть огромных скоростей.

Степан Григорьевич стал пересказывать мысли Андрея по этому вопросу. Его прервали.

– Извините меня, господин Корнев, – сказал кто-то на чистом русском языке.

Корнев обернулся. Перед ним стоял коренастый седой японец.

– Позвольте познакомиться. Усуда, доктор медицины, один из почитателей вашего ослепляющего инженерного таланта, ярый приверженец вашего удивительного проекта.

– Я очень рад, – механически проговорил Степан Григорьевич.

Позади Усуды стояла его дочь.

С интересом рассматривала О'Кими человека, дерзнувшего сблизить континенты. Узнав о смелом сооружении, она не раз думала о его авторе. Но она никогда не смогла бы представить себе этих суровых черт, спокойных глаз. Сильный человек...

Мистер Медж, который знал всех на свете, познакомил Усуду с Гербертом Кандерблем. Разговор стал общим.

Степан Григорьевич вошел в роль и говорил обычным уверенным тоном.

Усуда представил ему О'Кими как корреспондентку японской газеты. Степан Григорьевич безразлично скользнул глазами по ее миловидному лицу. Ей стало неприятно от этого взгляда.

Конечно... Как могла она рассчитывать на внимание человека, имя которого будет скоро прославлено во всем мире!

– Если вы хотите, мистер Корнейв, то мы с вами могли бы проанализировать несколько иной способ движения поездов в вашем туннеле. Я имею некоторый опыт в этом отношении, – сказал Кандербль.

– Я охотно воспользуюсь вашими советами, мистер Кандербль, – вежливо ответил Степан Григорьевич.

– О, не только советами. Приезжайте завтра ко мне, и мы с вами попробуем разработать кое-что новое.

Щеки Корнева вздрогнули. Герберт Кандербль в упор смотрел на него, словно изучая. Кандербль действовал с присущей ему последовательностью: если всерьез поставить перед собой задачу участвовать в строительстве плавающего туннеля, то надо с самого начала связать свое имя с именем автора проекта.

Кандербль протянул Степану Григорьевичу свою визитную карточку.

– Но только в полной тайне, – сказал он. – Мне хочется доказать вам свое расположение, а также и то, что я могу быть полезным вам и вашему сооружению.

Степан Григорьевич подумал.

– Хорошо, – сказал он через секунду и взял карточку.

Мисс Амелия отозвала в сторону отца. Мистер Медж сразу заметил, что его дочь взволнована. Ее глаза неестественно блестели, а голос срывался.

– Дэди, вы должны сказать мне, что вы задумали.

– Я еще сердит на вас, бэби. Но я все-таки скажу вам. Об Арктическом мосте будут много говорить. Проект вызовет симпатии к нашим русским друзьям. И я, как прогрессивный деятель, не могу остаться в стороне...

– Дэди, вы идиот!

– Амелия! – выпрямился мистер Медж.

Но мисс Амелия была слишком возбуждена, слишком одержима новой идеей и слишком ненавидела, чтобы выбирать выражения.

– Дэди, вы осел! Вы не понимаете, что в ваших руках.

– То есть?

– Мало только говорить об Арктическом мосте, – нужно строить его! Вам понятно это? Я хочу, чтобы мой отец стал во главе строительства.

– Бэби, но ведь это невозможно! Построить такое фантастическое сооружение...

– Если проект реален, то осуществить его должен мой отец!

Амелия топнула ногой.

Мистер Медж вынул платок и вытер влажный лоб. Заманчивая мысль. А что, если в самом деле? Он передернул плечами, как от озноба.

Степан Григорьевич переходил вместе с Гербертом Кандерблем от одного экспоната к другому.

– Я разрешил этот вопрос таким образом, – говорил Корнев-старший, начиная объяснения. – Мне удалось решить это так...

Вдруг он в замешательстве остановился.

Герберт Кандербль удивленно посмотрел на него.

Перед ними стоял Андрей Корнев.

Он был бледен.

– Там... там, в Светлорецке... – говорил он по-русски чужим, сдавленным голосом, – там, в Светлорецке, ты, Степан, не только не решал эти вопросы, но даже считал, что их не стоит решать.

Степан Григорьевич уже овладел собой.

– Мистер Кандербль, позвольте представить вам моего младшего брата, – сказал он.

– Как! Кандербль? – воскликнул Андрей и вдруг смутился. Весь гнев его сразу прошел.

Только теперь он узнал американца. Конечно, американец даже и не догадывается, что стоящий перед ним русский инженер и встреченный когда-то на шлюпке в море раненый матрос – одно и то же лицо. Андрею хотелось броситься к Кандерблю, схватить его за руку, но он сдержался.

– О! Младший брат! Он тоже инженер? – улыбнулся вежливо Кандербль. Молодой инженер – как это прекрасно! Хорошо, когда младший брат помогает старшему. Я очень рад познакомиться с вами, мистер Корнейв-младший. Я рассчитываю встретиться с вами и на деловом поприще.

Андрей не знал, что ответить. Разноречивые чувства охватили его. Он невнятно пробормотал что-то вежливое.

Степан, истолковав состояние брата по-своему, наклонился к нему и тихо сказал:

– Пустое, Андрейка. Так надо. С тех пор, как я согласился тебе помогать, я работаю только на общее дело. Этот инженер будет полезен нам, я займусь с ним. Пойми, мне пришлось позировать. Реклама, ничего не поделаешь. После я объясню свои слова подробнее. Вот познакомься с корреспонденткой японской газеты, госпожой О'Кими У суда. Дай ей интервью... – Он повернулся к О'Кими: – Позвольте представить вам моего брата – Андрея Корнева, автора проекта Арктического моста.

Сказав это, он сухо поклонился и отошел к Кандерблю.

Андрей вконец растерялся. Ему уже было стыдно за свою вспышку самолюбия. Нет! Пусть брат разговаривает со знаменитым американским инженером, он не напомнит Кандерблю о себе. Что же касается разговоров об авторстве, то какое это имеет значение? Надо пропагандировать идею Арктического моста, а не рекламировать ее автора. Конечно, Степан прав. Не стоит казаться глупым.

Андрей повернулся к японке.

– Я к вашим услугам, – сказал он, почувствовав на себе внимательный взгляд красивых продолговатых глаз.

Так вот он какой! Таким она и представляла себе автора Арктического моста.

– У вас замечательная фантазия, мистер Корнев, – сказала О'Кими, вынимая крошечный блокнотик. – Рада интервьюировать волшебника и мечтателя, дерзающего превратить сказку в действительность. Когда я была маленькой девочкой, я мечтала нестись быстрее ветра. Вы осуществляете мои грезы.

– Нет, – сказал Андрей, еще раз украдкой бросая взгляд на Кандербля. Мы просто исключаем вашу мечту. Мы не обгоняем ветер, а изгоняем его из нашего туннеля. Потому-то наши вагоны и помчатся со скоростью двух тысяч километров в час.

Маленький карандашик быстро бегал по голубой бумаге.

– Мистер Корнев, ваш проект очень смел. Покорить так полюс, это... это смелее, чем отдать жизнь! – вырвалось у О'Кими.

– За эту идею стоит отдать жизнь, леди, подхватил последние слова Андрей, вспоминая невольно обстоятельства первой встречи с Кандерблем, гибель Васи, свое ранение. – Мы создадим новый, безопасный способ сообщения между материками. Я верю, что наш Арктический мост – лишь первая трасса подводных плавающих туннелей, которые в будущем пересекут все моря и океаны. И будет время, когда появятся беспересадочные поезда Токио Владивосток. Ваши острова соединятся плавающими туннелями с евразийским и американским континентами. Вы будете ездить во Владивосток, чтобы дать отчет в газету о прослушанной там московской опере.

Вдруг Андрей замолчал. О'Кими удивленно подняла глаза. Русский инженер смотрел не на нее, а на своего брата и Герберта Кандербля. Противоречивые чувства снова стали бороться в нем.

Женским чутьем Кими-тян поняла, что ей не стоит сейчас продолжать разговор. Она весело улыбнулась своему новому знакомому и исчезла в толпе.

Андрей не заметил ее ухода. Он смотрел, как Степан показывал устройство задуманной им, Андреем, магнитофугальной железной дороги американскому инженеру, который подарил когда-то Андрею перстень.

Воспоминание о том большом, значительном, что столкнуло тогда его с Кандерблем, помогло сейчас ему окончательно овладеть собой.

Он заметил, что рука его мяла в кармане какую-то бумагу. Что он делает! Ведь это же письмо Ани! Он не успел его прочесть с самого утра! Посмотрела бы она сейчас на него, ревнивого автора и тоскующего супруга. Позор!

Андрей, негодуя на себя, отошел в сторону, чтобы прочесть письмо. Его лицо менялось по мере того, как он читал. Напряженное выражение исчезло, глаза потеплели, черты лица стали мягче, но вдруг он снова насторожился, брови его сошлись, скулы выступили яснее, губы плотно сжались...

Андрей второй раз перечитывал одну из страничек:

«...наш мальчик не желает больше ползать, то и дело поднимается на смешные толстенькие свои задние лапки и садится со всего размаху на пол. И, оказывается, ему даже не больно, такой он маленький, падает всего лишь с пятнадцати сантиметров. И это прелесть как мило! Я часами любовалась на его героическую борьбу за вертикальное положение. Горжусь, он весь в отца, он победил! В следующем письме я пошлю его фотографию „во весь рост“! Ты не узнаешь, так он вырос. Кстати, растет и его мама. Я приготовила тебе сюрприз. Представь, должно быть, давнее мое увлечение денисовой трубой – телескопом сказалось. Я всерьез увлеклась межпланетным полетом. Конечно, для врача там найдется немало проблем, но меня тянет к технике. Ты это поймешь. И я решилась. Поступила на вечернее отделение Института реактивной техники. Андрюша, Андрюша! Смотри, как бы твоя, так долго ждущая тебя Аня не улетела от тебя на Луну, Теперь это реально. Целую тебя, мой родной, и за себя и за нашего мальчугана.

Твоя Аня».

Андрей не верил глазам. Институт реактивной техники, межпланетный полет... какое это имеет отношение к Арктическому мосту!.. Ведь это же Аня, его Аня, жена, товарищ, друг, наконец, помощник!.. Почему полет на Луну? Ей в самом деле надоело ждать? А сынишка? Она с такой любовью пишет о нем. Наверное, пока шло письмо, он уже научился ходить. Чертеноч! Но как же Аня?

Американцы видели, как взволнован был полученным известием талантливый русский инженер и как медленно направился он к своему старшему и всегда более спокойному брату мистеру Стэппену Г. Корнейву-старшему.

Глава седьмая РАСКОЛ

В Нью-Йорке на Рокфеллер-плаза стоит обычный небоскреб. На десятках его этажей разместилось множество деловых контор, офисов. Тысячи клерков бегают по коридорам, открывая раскачивающиеся в обе стороны бесшумные двери. Слышен стук пишущих машинок и счетных аппаратов, звонят телефоны и за стульями висят на плечиках пиджаки. На всех работающих – модного цвета подтяжки, у женщин модного цвета волосы и губы...

Коридор восемнадцатого этажа ничем не отличался от точно таких же коридоров на всех других этажах. Те же бесчисленные двери в обе стороны, те же подсветки невидимых ламп дневного спектра, гладкие крашеные стены, полированное дерево, блестящий паркет. Негр-лифтер так же кричит на этой остановке «ап» или «даун» (вверх, вниз). Мужчины, даже миллионеры, входя в лифт, если там женщина, пусть даже негритянка, снимают, как обычно, шляпы... Словом, восемнадцатый этаж небоскреба, где окна, как и всюду, открывались лишь в верхних своих частях, чтобы нельзя было из них выброситься, был самым обыкновенным этажом.

На одной из дверей коридора висела дощечка: «Советник промышленности Артур Брукман». На соседней двери большой комнаты никаких дощечек не было. Офис мистера Брукмана состоял всего лишь из этих двух комнат, одна из которых, большая, занималась лишь раз в месяц. В остальные дни вся работа сосредотачивалась в кабинете мистера Брукмана, Бизнес советника промышленности был очень неясен, но его знакомства в высшем финансовом и промышленном мире заставляли всех, кто сталкивался с ним, относиться к нему не только с величайшим уважением, но и с опаской.

Мистер Брукман был проворный человек с лисьей поступью и вытянутым крысиным лицом. Он был в меру благообразно лыс, делал безукоризненный пробор, небрежно носил дорогой костюм, относился ко всем свысока и никогда никому ничего не говорил, только всех внимательно выслушивал.

Мало кто знал, что мистер Брукман с момента появления в коридоре восемнадцатого этажа в доме на Рокфеллер-плаза состоял секретарем Особого Комитета Ассоциации промышленников. Комитет этот насчитывал уже не один десяток лет существования. В свое время он был создан, чтобы промышленники могли сговориться между собой о борьбе с рабочими и об уровне цен. Было решено собираться представителям крупнейших монополий ежегодно, чтобы, жестоко борясь друг с другом все остальное время, один раз в самом главном и основном договориться.

Эта договоренность оказалась очень выгодной: все монополии могли сообщать, как им хотелось, давить на рабочих и на население. Прибыли увеличились. Постепенно Особый Комитет начал решать и другие вопросы, собирались уже чаще. Мысли о новых выгодных законопроектах появлялись в Особом Комитете много раньше, чем в Конгрессе. Особый Комитет влиял на правительство, но не всегда был с ним в ладах. Так, в дни правления президента Рузвельта многое в его действиях не устраивало Особый Комитет. Комитет в качестве второго правительства Америки вел с Рузвельтом подлинную войну. Особенно обострилась она, когда Рузвельт попытался «планировать» капиталистическую промышленность, навязывать капиталистам свои условия, регулировать цены... Война кончилась, неугодный президент умер, кризис миновал.

В последующие годы Особый Комитет решающим образом влиял на политическую жизнь Соединенных Штатов Америки. Предшественники мистера Брукмана умели молчать, ничто не выходило за стены пустой комнаты с несколькими огромными креслами, спинки и стенки которых почти совсем скрывали утопающих в них людей...

В этот день мистер Артур Брукман был особенно деятелен и озабочен. Никаких секретарш и помощников у него не было, они не допускались. Он сам с непостижимой быстротой, словно играя на органе, орудовал с десятком телефонов: прямых, междугородных, внутренних, высокочастотных, с телеэкранчиком и прочих...

Сегодня был большой день. Некоторые члены Особого Комитета во главе с пароходным королем мистерам Рипплайном потребовали немедленного созыва заседания.

Члены Особого Комитета предпочитали не входить через один подъезд, чтобы не привлекать излишнего внимания своим посещением небоскреба на Рокфеллер-плаза. Их роскошные, известные каждому репортеру автомобили подъезжали к огромному зданию с разных улиц. Некоторые из финансовых воротил предпочитали вертолеты, опускающиеся прямо на крышу небоскреба. Специальный отряд сыщиков не допускал газетчиков до заветного коридора на восемнадцатом этаже.

Первым в коридоре показался низенький плотный старик с наклоненной вперед головой, крепкой шеей и упрямым лбом, прозванный на бирже Бык-Билт.

– Хэлло, Артур, мой мальчик! – приветствовал он мистера Брукмана. Когда, наконец, у вас зачесутся руки и вы начнете торговать нашими секретами?

– Хэлло, мистер Билт! Убежден, что вы и ваши distinguished коллеги заплатите мне за эти секреты больше, чем кто-либо другой.

– О'кэй, мой мальчик! Из вас выйдет настоящий деловой парень. Э, кто это там тащится? Конечно, старина Хиллард! Эгей, Джек! Как ваша печень? Давайте договоримся ехать на воды вместе, вспомним времена колледжа. В конце концов хоть в чем-нибудь мы можем с вами договориться?

– С вами вместе готов хоть на дно Морское, но с условием, чтобы я один был в водолазном костюме, – ответил Хиллард, огромный, грузный, властный.

– Я всегда знал, что вы не прочь меня утопить. И если удастся, то в ковше расплавленной стали на одном из своих собственных заводов.

– А вы не пожалели бы несколько своих экспрессов, чтобы я погиб при их столкновении.

Стальной и железнодорожный короли, посмеиваясь, похлопывая друг друга по спинам, вошли в комнату для заседаний Особого Комитета. Она начала заполняться. Появился худой и высокий Джон Рипплайн, про которого мистер Игнэс говорил, что он напоминает ему помесь Кашея Бессмертного с Мефистофелем.

Потирая то свой острый подбородок, то огромный узкий лоб с залысинами, он издали кивал своим братьям. Появился и мистер Боб Игнэс, сияющий, довольный, общительный. Каждому из присутствующих он говорил, здороваясь, какую-нибудь шутку.

Позже явились адвокаты, представляющие интересы концернов Моргана и Рокфеллера.

Мистер Брукман расставлял на столиках содовую воду. В воздухе плавали ароматные клубы сигарного дыма. Вскоре все кресла были заняты.

Заседание Особого Комитета с недавнего времени велось без председателя и походило больше на непринужденную беседу, в которой мистер Брукман улавливал главное, устраивающее всех, облекая это в форму решений.

Мистер Рипплайн, который, страдая какой-то тяжелой болезнью, всегда был раздражен, начал первым:

– Никогда не ждал ничего хорошего от этой дурацкой выставки реконструкции. Черт бы побрал эту реконструкцию! Нашли способ затуманивания мозгов этим нелепым мостом между континентами, который якобы может заменить мои пароходные линии.

– О'кэй, – подтвердил огромный Хиллард, сразу наливая краской. Затея мистера Игнэса с выставкой – не из лучших! Я предупреждал. Военные заказы сокращаются. Я скоро остановлю часть своих заводов.

– Мне будет нечего возить по железным дорогам, – поддержал Бык-Билт, выпуская клуб дыма.

– Будьте дальновидными, джентльмены, – улыбаясь, взывал мистер Боб Игнэс. – Все дело в выгоде, прежде всего в выгоде. Но большая выгода никогда не валяется под ногами, ее нужно уметь видеть. А ваши военные заказы, мистер Билт, подобны воздуху в резиновой жилетке клоуна. Он разбухает, а не полнеет. А нам всем нужна настоящая полнота нашей экономики, а не видимость. Если реконструированный мир заживет общей экономической

жизнью, то будут заказы и вам, мистер Бильт, и вам, мистер Хиллард, и мне, джентльмены.

– К черту! – выкрикнул Рипплайн, поднимаясь во весь рост. – К черту, говорю Вам я! Вся эта затея с мостом через Северный полюс – всего лишь ловкая игра на понижение моих акций.

– Если говорить о сближении, джентльмены, – сказал молчавший до сих пор текстильный фабрикант, – то нужно помнить о Китае. У меня неплохая информация. Китайцы уже перестали носить одни только синие куртки, им нужны костюмы для шестисот миллионов человек! О, джентльмены! Когда-то мы мечтали о моде для китайцев, которая на один сантиметр удлинила бы их одежду. Это означало множество новых текстильных фабрик. А сейчас перед нами не сантиметры ткани на каждого китайца, а метры, метры! Нельзя проходить мимо этого. Я согласен с мистером Игнэсом насчет выгоды.

– Как будто существует только ваша ничтожная выгода! – зло заговорил снова Рипплайн. – Мы с Бильтом и Хиллардом достаточно весомая группа, чтобы с нами считались. На носу президентские выборы. Нам нужен крепкий парень, который продолжил бы американскую политику в традиционном духе делового использования всех ресурсов мира. Нам и дальше нужна та политика, которую мы подсказали в свое время отсюда...

– Слушайте, Джон! – перебил мистер Игнэс. – Вам нужно познакомиться с тем, что такое диалектика.

– Избавьте нас от коммунистической философии!

– У меня только одна философия, философия выгоды. Но выгоду надо понимать, джентльмены. Диалектика в том, что сейчас эта выгода не в разделении мира, а в его экономическом сплочении. Поймите, что, торгуя с коммунистами, мы скорее завоюем их своей продукцией, проникнем в их экономику, сделаем невозможным их существование без нас, найдем рычаг, с помощью которого будем поворачивать мир... Коммунисты сами согласны, что при мирном соревновании идеологическая борьба будет продолжаться. Но в мире, как я говорил, существует один только закон, закон выгоды.

– К черту всякие законы! – уже рычал Рипплайн.

– Не выдумывайте нам законов, – вторил ему Хиллард.

– Я не вдаюсь в философские тонкости, я бизнесмен, – осторожно сказал Бык-Бильт, – однако нельзя не заметить, что будь сооружение, подобное плавающему туннелю, построено, это тотчас потребовало бы увеличения сети железных дорог.

– Вот видите, – обрадовался Игнэс.

– Отлично вижу, что минуту назад он был с нами, а теперь... – заскрежетал голос Рипплайна. – Вам бы лучше помолчать, Бильт, с вашими дорогами. Вы так скаредничаете, что катастрофы у вас стали нормой. Я никогда не прощу вам гибели моей супруги в специально нанятом у вас салон-вагоне.

– Может быть, вы думаете, что я прощу вам историю с моей дочерью, – огрызнулся Бык-Бильт, – которую увез на папенькиной яхте ваш молодой оболтус.

– Не троньте моего сына, сэр. Он будет заседать здесь вместо меня! А жену никто не вернет мне. Что же касается вашей дочери, вы ее получили в полном здоровье.

– Однако не в прежнем виде.

– Джентльмены, джентльмены! Мы сами отказались от председателя! – вскочил мистер Игнэс. – Джентльмены, еще раз прошу вас. Вы только доказываете своими спорами, что Ленин прав.

– Почему прав? – возмутился Рипплайн.

– Он говорил, что разногласия между капиталистами никогда не исчезнут! Умоляю вас, ради того, чтобы доказать, что коммунистический философ не прав, придемте к соглашению.

– Вы слишком часто ссылаетесь на коммунистов, Игнэс. От вас слишком пахнет Россией, я не хочу напоминать вам о вашем происхождении, но предпочел бы слышать от вас более американские слова, – прокаркал из кресла Рипплайн.

– Выставка уже существует. С этим ничего не поделаешь. Интерес к ней во всем мире огромен. Вы все скоро почувствуете, какую выгоду нам сулит более тесное общение со

всеми странами, – продолжал убеждать Игнэс.

Но другие магнаты не хотели его слушать. Мистер Артур Брукман был растерян и несколько раз проверил, хорошо ли закрыты двери.

Адвокаты Моргана и Рокфеллера покинули заседание, не дождавшись окончания.

Воздух стал синим, члены Комитета кашляли и продолжали кричать хриплыми голосами. Выработать выгодную для всех политику оказалось делом нелегким.

Мистер Брукман еще никогда не был в таком затруднительном положении. В особом Комитете произошел раскол. И виной, как ему казалось, был этот коммунистический плавающий туннель, который как бы символизировал возможное сближение двух разных миров.

Глава восьмая «АССОЦИАЦИЯ ПЛАВАЮЩЕГО ТУННЕЛЯ»

Тяжелое серое небо осело над городом. Отточенная вершина Эмпайр-стейт билдинга, зазубренная – Рокфеллер-центр глубоко вонзились в рыхлые облака. Между каменными домами-башнями небо низко прогибалось к земле, истекая мелкими каплями дождя.

К подъезду большого отеля на Седьмой авеню в Нью-Йорке один за другим подкатывали заново отлакированные водой автомобили. Полисмен следил за тем, чтобы машины тотчас же отъезжали, уступая место новым.

Несмотря на непрекращающийся дождь, на тротуаре толпились люди. Мужчины подняли воротники пальто, женщины накрыли головы прозрачными капюшонами, напоминающими куклуксклановские, спасая шляпы и художественные прически.

На дверях отеля висела афиша, приглашавшая леди и джентльменов воспользоваться услугами отеля и его ресторана именно сегодня, так как в этот день здесь состоится столь знаменитое собрание «Ассоциации плавающего туннеля».

У подъезда остановился дельфинообразный, самый модный и самый шикарный автомобиль. Из него выскочил деятельный мистер Медж.

Засверкали вспышки. Фотографы запечатлели респектабельную фигуру широко шагающего мистера Меджа. Он на бегу бросал ответы обступившим его репортерам.

Метрдотель величественно опускался со второго этажа, еще издали низко кланяясь. Полицейские в мокрых капюшонах стали оттеснять любопытную толпу.

Подлетел низкий, словно придавленный к мостовой, спорткар нежно-розового цвета; из-за руля выпрыгнула мисс Амелия Медж. На лице ее застыла привычная обаятельная улыбка, а в прищуренных глазах крылось торжество.

– О! Сам мистер Кандербль прибыл на учредительное собрание. Это уже реклама!

Привезти Герберта Кандербля на заседание на глазах у публики входило в планы мисс Амелии Медж. О! Мисс Амелия Медж не только хотела, но и умела торжествовать! Но главное было еще впереди.

Герберт Кандербль, сопровождаемый мисс Амелией, скрылся в подъезде, не удостоив подлетевших репортеров даже поворотом головы.

Автомобили прибыли один за другим, привозя известных инженеров, промышленников, – седые виски, безукоризненные костюмы, лакированные ботинки, палки с золотыми набалдашниками, благородные, чисто выбритые лица и энергичные складки у губ.

По толпе любопытных пронесся легкий ропот. Взоры всех устремились вдоль улицы.

Из-за угла показалась высокая тощая фигура человека с зонтиком. Он шел неторопливо, как на деловое свидание.

К нему бросилось несколько человек – по-видимому, репортеров.

– Если президент Вашингтон ездил на шестерке лошадей, то его преемник, президент Джефферсон, пришел в Белый дом пешком, – сказал один из них, стараясь во что бы то ни стало обогнать другого.

Репортеры обступили пешехода, который по-старомодному отвечал каждому на приветствие, всякий раз снимая шляпу.

– Мистер Мор...

– Ваша честь!

– Несколько слов для «Нью-Йорк таймс». Что вы думаете о создании «Ассоциации плавающего туннеля»?

– Как вы думаете, ваша честь, окажет ли влияние вопрос о плавающем туннеле на президентские выборы?

Мистер Мор остановился, держа высоко над собой зонтик.

– Я полагаю, джентльмены, что всякий вопрос, касающийся благосостояния нации, играет роль при народном голосовании. Таковы благородные традиции старой американской демократии.

– Благодарим вас, мистер Мор. Вот слова, достойные Вашингтона и Линкольна.

Член Верховного Суда Мор с высоты своего роста строго посмотрел на репортеров.

– Президенты Вашингтон и Линкольн никогда не произносили громких слов, джентльмены; они действовали во имя народа.

И он пошел по направлению к отелю, по-прежнему высоко держа зонтик над головой.

Полицейские оттеснили толпу, освободив ему проход. Старик под одобрителный ропот присутствующих скрылся в подъезде.

У подъезда одновременно остановились два автомобиля; из одного из них выпорхнула маленькая японка. Следом за ней вышел пожилой невысокий мужчина. На тротуаре они столкнулись с двумя джентльменами из другой машины.

Послышался свист и рукоплескания: то и другое выражало у американцев одобрение и симпатию.

– Русские инженеры! – выкрикнули в толпе.

О’Кими шла с Андреем.

– Вот мы опять встретились. Вы каждый раз забываете меня.

– Нет-нет, – смущенно сказал Андрей. – Я, кажется, припоминаю...

– Так же сказали вы и в прошлый раз, медленно произнесла О’Кими. Потом добавила громко: – Смотрите, как вас любят американцы. Они чтят автора величайшего проекта.

– Нет, леди, я думаю, что дело не только в этом. Они видят во мне и моем брате представителей страны, которую им хочется приветствовать.

О’Кими быстро вскинула ресницы.

– Да, это верно, – тихо сказала она и еще тише добавила: – И я тоже присоединяюсь к ним.

Швейцары снимали пальто с молодых людей.

– Вы читали мою последнюю статью о вашем проекте? Я послала ее вам.

– Статьи поступают к брату. Он перечитывает их все.

О’Кими умышленно задержалась у зеркала. Чуть скосив глаза, она увидела, что Андрей стоит в нерешительности: Усуда и Степан Григорьевич уже поднимались по лестнице. Значит, он ждет ее.

О’Кими улыбнулась Андрею и, подойдя к нему, сказала:

– Я рада, что мы встречаемся с вами в такой день. Создание «Ассоциации плавающего туннеля» первый шаг к осуществлению вашей мечты.

– Да, вы правы. Это первый шаг к тому, чтобы американская техника также приняла участие в строительстве.

Андрей чувствовал себя почему-то очень неловко в обществе О’Кими. Но у него не хватало духа покинуть ее. Они вместе поднялись по лестнице.

Степан Григорьевич с Усудой шли впереди.

– Мы благодарны вам, Господин Усуда. – Как всегда неторопливо говорил Степан Григорьевич. – Ваши статьи о проекте подводного плавающего туннеля доказывают, что вы придаете ему большое значение.

– Конечно, мой уважаемый молодой друг.

Усуда улыбнулся; при этом нос его смешно сморщился, узкие же глаза оставались попрежнему серьезными.

– Но борьба уже начинается, господин Корнев, – продолжал он. Извините, читали ли вы сегодняшний номер газеты «Солнце»? Это наиболее консервативный орган.

Степан Григорьевич и Усуда вошли в длинный зал, одна из стен которого, сделанная целиком из зеркального стекла, была совершенно прозрачна – через нее виднелась улица. Два ряда длинных столов занимали почти все неумеренно украшенное золотом помещение. Приглашенные расхаживали в одиночку по залу или, собираясь группами, громко говорили и смеялись.

Усуда развернул перед Степаном Григорьевичем газету.

– Вот что там пишут:

«Сегодня, в последний день Нью-йоркской выставки реконструкции мира,

полезно подвести итоги. Бросается в глаза, что наряду с такими ценными вкладами в технику, как автоматизированный секретарь и другие промышленные роботы, на выставке были представлены вредные утопические проекты вроде большевистского полярного моста, которому уделяется, несомненно, ничем не оправданное внимание. Не говоря уже о технической абсурдности этой затеи, мы укажем лишь на совершенную бессмысленность соединения Аляски с удаленным пунктом Восточной Европы. Экономическая невыгодность создания транзитной точки в Европу на отдаленном севере американского континента ясна сама по себе и не требует никаких комментариев».

Усуда посмотрел на Степана Григорьевича. Едва заметная усмешка пробежала по лицу Корнева.

– Извините, господин Корнев. Позвольте предостеречь вас: самое опасное в борьбе – это недооценить врага.

– Кого вы имеете в виду, господин Усуда? – вежливо спросил Степан Григорьевич.

Усуда показал пальцем на газету.

– Того, кто заказал эту статью – океанские пароходные компании.

К Степану Григорьевичу подошел Кандербль и дружески хлопнул его по плечу.

– Хэлло, Стэппен! Мне надо сказать вам пару слов. – Он отвел его в сторону. – Все идет прекрасно. Я уже передал заказ в одну из своих мастерских. Через два месяца я сообщу вам в Россию о результатах.

– Я не сомневаюсь в них, мистер Кандербль.

– О'кэй! Мне нравится ваша уверенность. Но, несмотря на это, вам придется подождать с опубликованием наших технических планов.

– Мне несколько неприятно, что я не ставлю в известность своего брата. Ведь проект принадлежит нам обоим, – серьезно сказал Степан Григорьевич.

Кандербль похлопал его по плечу:

– О'кэй, Стэппен! Вы хороший старший брат! В свое время мне был бы очень полезен такой брат... когда я толкал груженные углем вагонетки. Мне пришлось пробивать себе дорогу одному.

Степан Григорьевич сделал движение, пытаясь возразить, но американец не стал его слушать.

Мисс Амелия Медж сидела неподалеку и, закинув ногу на ногу, нервно курила папиросу. Она поглядывала на Кандербля взглядом охотника, уверенного, что дичь никуда не уйдет от него.

Мисс Амелия была убеждена, что ненавидит этого человека. Герберт Кандербль заинтересовался Арктическим мостом? Прекрасно, мистер инженер! Постараемся сделать это действительно мечтой вашей жизни; отец тем временем станет во главе строительства, а там посмотрим...

Мисс Амелия глубоко затаилась, сощурила глаза и тряхнула локонами, потом бросила папиросу на пол.

Гости стали усаживаться за стол. Около каждого прибора лежала карточка с фамилией приглашенного. Андрей и Степан Григорьевич сидели по обе стороны мистера Меджа. Рядом с Андреем оказалась О'Кими, а за ней – Усуда. Соседями Степана были Амелия Медж и Герберт Кандербль. Лакеи в парадных фраках выстроились позади гостей, готовясь угадывать их малейшие желания.

Мистер Медж поднялся. Лицо его было торжественно.

Разговоры постепенно затихли. Лакеи, ловко изворачиваясь за спинами сидящих, наполняли бокалы.

– Уважаемые леди и джентльмены! Я счастлив, что мне пришлось поднять первый кубок на нашем обеде – учредительном заседании плавающего туннеля. Я поднимаю этот кубок не только за начало деятельности, но и за его конец за осуществление русскими и американцами грандиозного проекта подводного плавающего туннеля между Аляской и

Россией. Я пью за успех и победу технической мысли!

Мистер Медж был, безусловно, и прост и великолепен. Все встали со своих мест и подняли бокалы.

Мистер Медж вдохновенно продолжал:

– Уважаемые члены ассоциации! Сегодня последний день существования нью-йоркской Выставки реконструкции мира. Сегодня перестанет существовать выставка мечтаний, и сегодня же начнет жить и действовать организация, призванная превратить самые смелые мечтания в действительность.

Раздался гром аплодисментов и пронзительный одобрителный свист. Воодушевленный, мистер Медж повысил голос:

– Недалеко то время, леди и джентльмены, когда вопрос «за» или «против» плавучего туннеля будет определять политическое лицо любого общественного деятеля: стремление его к прогрессу или злобно-упрямое желание всунуть палку в колесницу блистательной истории. Я еще раз поднимаю бокал, чтобы не только наши дети или внуки, – мистер Медж с любовью посмотрел на Амелию, – но и мы сами, вот эти самые ребята, что сидят здесь, могли бы, как то волшебству, перенестись из Аме...

Очевидцы утверждают, что именно в этом месте блестящая речь председателя только что возникшего общества была прервана самым необычным образом.

Мистер Медж покачнулся и сделал судорожное движение ртом, словно ловил воздух. Задребезжала посуда, со звоном вылетели оконные стекла. На пол посыпались осколки тарелок и блюд, из разбитых бокалов по скатерти разливалось вино.

Мисс Амелия взвизгнула, и этот визг заглушил все: и грохот бьющейся посуды, и треск выстрелов, доносящихся с улицы.

Вскочив, Степан Григорьевич поддержал раненого мистера Меджа.

– На пол, на пол ложитесь! – послышалась спокойная команда высокого старика.

Все бросились на пол. Многие сжимали в руках вилки и салфетки. Некоторые стонали: может быть, они были ранены.

В это время по Седьмой авеню, не нарушая правил уличного движения, проезжали автомобили, наружно ничем не отличавшиеся от миллионов других американских автомобилей. Пользуясь тем, что светофор был открыт, они неторопливо двигались мимо зеркальных окон отеля и выпускали по ним очереди из ручных пулеметов. Все это происходило на глазах у джентльменов под зонтиками и полицейских, толпившихся около отеля.

Один из полицейских насчитал восемнадцать автомобилей, которые из восемнадцати пулеметов обстреляли обед-заседание. Полицейский был истинным американцем и впоследствии гордился, что этот «его» случай превосходит по размаху инцидент 1926 года в квартале Цицero города Чикаго. Ведь тогда, уверял он, колонна автомобилей, обстрелявшая из ручных пулеметов отель Гоуторн, где помещалась штаб-квартира бандита Аль-Кaponэ, состояла всего лишь из четырех машин, а здесь целых восемнадцать!

Члены вновь организованной ассоциации лежали под столом. Лишь посредине зала возвышалась тощая фигура судьи Мора, скрестившего руки на груди.

Андрей заметил, что рядом с ним лежит О'Кими. Ее миндалевидные глаза были почти круглыми.

По другую сторону стола неуклюже скорчился Герберт Кандербль. Амелия Медж держала его за руку. Нет! Она не позволит ему умереть от шальной пули. Он еще нужен ей, этот несносный гордец, унизивший ее. Она еще насладится местью! Если не сенатор Никсон, то инженер Кандербль!

Стрельба прекратилась.

О'Кими умелыми руками делала перевязку мистеру Меджу. Пострадавших было сравнительно немного. Судья Мор, раненный в руку, отказавшись от помощи, сам делал себе перевязку.

Улыбаясь, он говорил:

– Я научился этому еще в штате Монтана, когда меня придавило срубленным деревом. Тогда я был один, и поневоле мне пришлось обходиться без посторонней помощи.

– Мистер Мор был еще два раза ранен во время мировой войны, – заметил кто-то из гостей, пододвигая Мору стул.

Старик сел и, видя, как дрожащие лакеи собирают разбитую посуду, сказал:

– Вот к чему приводит боязнь правительства ограничить так называемую «личную свободу» американцев. С толпой надо обращаться, как с детьми: любовно, строго, заботясь об их благе. Нельзя детям играть с ножами, нельзя любому желающему американцу позволить разъезжать с ручным пулеметом, продающимся в каждом магазине.

– Мистер Мор, что же произошло? Что случилось?

Старик отечески посмотрел на вопрошавшего.

– Свободная конкуренция, джентльмены. Кое-кто заинтересован в процветании пароходных линий, а не в создании нашей ассоциации. Этих людей не занимает прогресс нации: они живут лишь ради личной выгоды. Нечего удивляться поэтому методам, заимствованным у гангстеров. Нет, все, все в стране надо исправлять! Конкуренцию надо делать подлинно свободной, а не позволять злонамеренным людям, как им угодно, «свободно» конкурировать. Но мы призовем к порядку этих людей, мы докажем, что Америка прежде всего страна здравого смысла!

Репортеры поспешно записывали импровизированную речь маститого судьи.

Воодушевление понемногу возвращалось к членам новой ассоциации. Начали даже поговаривать о продолжении заседания, но вдруг какое-то известие пронеслось из одного конца зала в другой.

Люди перешептывались, пожимали плечами, удивлялись, возмущались, посмеивались – словом, реагировали каждый по-своему. Многие стали поспешно прощаться.

В первый момент сообщение не коснулось братьев Корневых. Степан Григорьевич был занят Андреем, который старался скрыть рану. Его выдала О'Кими: увидев кровь на рукаве Андрея, она стала настаивать на перевязке. Андрей отказывался, и О'Кими обратилась за помощью к Степану Григорьевичу.

Тот встревожился.

– Андрей, ну ведь ты же не маленький! Сними пиджак... Надо обязательно сделать перевязку, – заговорил он с неожиданной теплотой.

Андрей долго упрямился, но, взглянув на О'Кими, на озабоченное лицо брата, почувствовал себя неловко, смутился и послушно стал стягивать пиджак. Степан Григорьевич и О'Кими помогали ему.

Вдруг они услышали слова: «...выставка... толпа... разрушение...».

О'Кими первая поняла, что произошло. Она выразительно посмотрела на Степана Григорьевича.

– Мне нужно быть там, – сказал он выпрямляясь.

Андрей, ни слова не говоря, стал натягивать пиджак.

– Мистер Эндрью, я же не кончила перевязки... мистер Эндрью!.. – запротестовала О'Кими.

Но Андрей уже вставал с кресла.

– Ты останешься здесь, тебе нельзя, – сказал Степан Григорьевич тоном, каким говорят с непослушными детьми.

Андрей, не отвечая, застегивал пуговицы пиджака.

Степан Григорьевич понял, что уговаривать брата бесполезно. Почти бегом они направились к выходу. О'Кими с тревогой смотрела им вслед.

Дорогу Корневым преградил полицейский офицер:

– Джентльмены, осмелюсь предложить вам свою полицейскую машину. Я могу не задерживаться у светофоров и доставлю вас скорее всех.

Корневы вместе с полицейским офицером покинули зал.

Усуда подошел к дочери. Ничто не ускользнуло от него в поведении Кими-тян. Он не сказал ни слова, но тяжело вздохнул и пожалел, что привез ее в Нью-Йорк.

Глава девятая ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Вой сирены не смолкал ни на минуту. Полицейские, еще издали заслышав этот звук, останавливали движение. Со страшным свистом проносилась мимо них приземистая машина с кремовым верхом. Прохожие с любопытством оглядывались. Они еще ничего не знали о том, что происходит на выставке, иначе тоже помчались бы туда, чтобы оказаться в числе двух миллионов американцев, принявших участие в событиях последнего, самого знаменательного дня выставки.

– Это возмутительно! – горячился Андрей. – Что же смотрит полиция, ответьте мне, сэр? Как вы можете оставаться безучастным?

– Иногда полиция бессильна, – ответил полицейский офицер, отрывая картонную спичку и закуривая. – Мы знаем по опыту Чикагской выставки 1931 года, что наше вмешательство все равно не даст никаких результатов. Что можно сделать с сотнями тысяч американцев, воодушевленных одним общим и к тому же вполне понятным намерением.

– Ему это понятно! – воскликнул Андрей по-русски. – Наверное, он и сам спешит туда за тем же.

Подъезжая к территории выставки, автомобиль едва смог пробраться через густую толпу возбужденных людей и брошенных в самых недозволенных местах машин. Только надрывный визг сирены и ковбойская лихость полицейского драйвера позволили Корневым добраться почти до самых турникетов.

Дальше двигаться было невозможно. Поблагодарив полицейского офицера, братья смешались с толпой.

Толпа колыхалась из стороны в сторону, как волны прибоя. Дюжие американцы – любители бейсбола и бокса, тоненькие леди, суровой диетой добившиеся мальчишеской фигуры, монашки с любопытными глазами, бизнесмены, не знающие, куда девать деньги, и люди, не знающие, откуда их взять, стояли рядом, плечом к плечу. Они дружно качались, беспомощно повторяя движение своих соседей. Все кричали, свистели, напрягались изо всех сил, наступали друг другу на ноги, сбивали с соседей шляпы и очки, но не ссорились. Они только прилагали максимум усилий, чтобы тоже попасть на нью-йоркскую выставку в последний день ее существования.

Андрею больно сдавили раненое плечо, и он едва удержался от крика. Степан, стараясь защитить его, говорил:

– Проталкиваться вперед не надо. Когда качнет вперед, двигайся со всеми, качнет назад, держись за меня. Толпа будет нас обтекать. Береги плечо.

Кассиры не успевали взимать входную плату. Люди совали деньги контролерам и полицейским или попросту бросали их в поставленные ящики. Турникеты вращались стремительно, как вентиляторы. Люди высыпали на территорию выставки, как песок из саморазгружающихся вагонов.

У входа братья столкнулись с посетителями, возвращавшимися с выставки. Даже Степан Григорьевич не мог сдержать улыбки, глядя на этих людей, самым странным образом нагруженных необыкновенными предметами.

Мокрый от пота, счастливо улыбающийся толстяк тащил голову какого-то робота, похожую на шлем с рыцарским забралом. Веснушчатый мальчишка победно размахивал отломанной от статуи рукой. Пастор в черной паре с накрахмаленным стоячим воротничком бережно нес стеклянную дощечку с надписью «Не входить». Девушки в долларовых шляпках прижимали к груди букеты только что сорванных с клумб цветов. Джентльмены в мягких фетровых шляпах хвастались друг перед другом отвинченными гайками, болтами, рычагами. Негр-лифтер нес легкую складную лесенку. Какой-то бледный человек катил

перед собой тачку; из нее торчали автомобильная покрывка, деревянный индейский божок и обыкновенный поднос из кафетерия.

Степан Григорьевич незаметно поддерживал Андрея, на которого это зрелище производило угнетающее впечатление. Степан Григорьевич говорил:

– Не удивляйся, Андрюша. Американцы склонны к эксцентричности. В данном же случае это стало своеобразной традицией.

Они проходили теперь мимо павильонов. Большое окно в одном из зданий было выбито, и им пользовались как дверью. Снаружи было видно, что около экспонатов копошились люди. С одинаковым усердием орудовали захваченными из дому инструментами и джентльмены, и мальчишки, и тexasский ковбой, и нарядная леди.

– У них это называется «любовь к сувенирам», – продолжал Степан Григорьевич. – В последний день существования чикагской выставки толпа в несколько десятков тысяч человек растащила все павильоны по кусочкам. Иметь в качестве сувенира хотя бы обломок кирпича с выставки стало в Америке обязательной модой.

Близ одного из павильонов, у длинных столов с разложенными на них странными предметами, образовалась огромная толпа.

– Леди и джентльмены, – слышался голос служащего павильона, приобретайте сувениры! Только что отвинченные гайки. Подлинные мелкие экспонаты. Реле от автоматического секретаря. Электрические выключатели. Все Подлинное и разобрано специально для удобства посетителей.

Братья прибавили шаг. Вдали уже виднелся Советский павильон. Толпа около него стояла так плотно, что Степан Григорьевич остановился в нерешительности. Но Андрей, не оглядываясь, бросился вперед.

Советский павильон был закрыт, но люди, видимо, порывались пройти в него. Слышались: крики, свистки.

Особенно старался маленький пронырливый человек с тоненькими усиками над приподнятой верхней губой.

– Джентльмены! – кричал он. – Никто не вправе препятствовать желанию свободных американцев. Если мы изъявили свою волю и решили так весело закончить мировую выставку, все павильоны должны быть открыты, все экспонаты – принадлежать нам. Кто противится нашей воле, тот будет уничтожен!

Андрей пытался сдержаться, но маленькие усики и крикливый голос вывели его из себя.

– Мерзавец! – крикнул он по-русски.

Маленький человек продолжал бегать по мраморным ступеням и кричать:

– Разбивайте окна! Ломайте двери! Разносите на кусочки этот ненавистный павильон! Нам не нужны большевистские проекты, нам не нужны их сувениры! Мы сравняем павильон с землей!

– Ломайте двери! Бейте окна!

– Стреляйте в виадук! Разобьем этот аквариум!

– Эгей! Берите камни!

– Назад! Назад! – закричало несколько человек, вырвавшихся из толпы к стенам павильона.

Они взбежали по широчайшей лестнице и остановились под стеклянным виадуком. Над их головами висела ажурная арка Арктического моста.

Люди на ступеньках и толпа некоторое время переругивались.

Андрей уже не помнил себя. Видя близкую гибель модели своего сооружения, он потерял власть над собой.

– Бейте... бейте каждого, кто попытается войти! – кричал он, силясь пробиться вперед.

Степан Григорьевич удерживал его:

– Андрюша, остановись! Мы не должны вмешиваться.

Андрей рванулся вперед. Степан Григорьевич на мгновение выпустил его руку. Этого

было достаточно, чтобы Андрей скрылся в толпе, ринувшейся вверх по лестнице. Впереди бежал человек с тоненькими усиками.

– Долой! – кричал он. – Прочь с дороги! Никто не смеет препятствовать желанию американцев! Бейте стекло проклятой модели! Мы не хотим моста к коммунистам.

Андрей, не помня себя от гнева, бросился к маленькому человеку. Но он не успел добежать. Какой-то рыжий здоровяк опередил его. Он нанес короткий удар снизу в челюсть человеку с усиками и сбросил его со ступеней. Внизу его с хохотом поймали. Толпа снова бросилась к виадуку. На ступеньки полетели шляпы. Послышались ругательства. Мужчины сбрасывали пиджаки.

Степан Григорьевич видел, как завертелся светлый пиджак Андрея в общей свалке. Ему показалось, что на мгновение мелькнуло кровавое пятно на рукаве.

Защитники павильона медленно отступали. Над толпой угрожающе поднялись палки с дорогими набалдашниками. Степан Григорьевич не видел больше Андрея: тот упал.

Никак нельзя было предполагать такой силы в Степане Корневе. Он раздвигал толпу, словно перед ним были дети. Американцы изумленно оглядывались, но, видя холодный, устремленный вперед взгляд и чувствуя на плечах железное прикосновение его пальцев, невольно отступали.

Степан был уже на лестнице. Под ногами валялись люди. Кто-то налетел на него, но он легко отбросил нападавшего в сторону. Он искал глазами брата.

Андрей лежал на ступенях; лицо его было бледно, кожа обтянула выступающие скулы.

Степан Григорьевич нагнулся и поднял брата. Толпа расступилась, пропуская его. Неожиданно наступило затишье.

Защитники павильона отошли под виадук. Наступающие скатились к нижним ступеням. Люди смущенно оглядывали друг друга.

– Да здравствует Арктический мост! – крикнули под виадуком.

– Долой! Эгей! Бей!

Снова дрогнула толпа внизу и неуверенно стала подниматься по лестнице.

Степан Григорьевич, выбравшись из давки, опустил ношу на землю. Положив голову брата на колени, он стал гладить его волосы. Андрей не двигался.

Со стороны виадука доносились крики и вой дерущихся. Там снова началась свалка. Но защитников павильона становилось все больше, и они не собирались отступать.

Бешено загудел автомобиль. Степан Григорьевич поднял голову. Он увидел, как через толпу, раздвигая радиатором людей, ехал лимузин. Позади него оставалась свободная дорожка. Степан Григорьевич встал, чтобы лучше видеть. Он заметил, что по этой дорожке идет кто-то, на целую голову возвышающийся над толпой. Степан отчетливо различил идущего без шляпы седого джентльмена.

Автомобиль доехал до лестницы, но не остановился. Громко затрещал мотор, машина стала взбираться по ступенькам.

Седой человек не спеша, следовал за машиной. Еще через несколько мгновений Степан Григорьевич увидел, как два или три человека подсаживали старого джентльмена, помогая ему взобраться на крышу лимузина.

Появление высокой тощей фигуры с седыми развевающимися волосами, размахивающей закрытым зонтиком, вызвало долгий шум. Наконец голоса стихли.

– Джентльмены, – торжественно произнес старик, – когда я был мальчишкой, мой отец привез на ферму большую бутылку. В то время я увлекался стрельбой из лука. Воображая себя индейцем, я решил, что в проклятой бутылке – спирт, которым отец решил spoить моих братьев-индейцев. Я разбил бутылку с третьей стрелы. Оказалось, что в бутылке было какое-то

лекарство. Отец должен был отнести его в соседнюю индейскую деревню, в которой все население хворало. Так я услужил братьям-индейцам.

Седой джентльмен выразительно посмотрел вверх, где виднелся удивительный стеклянный виадук.

Не столько рассказ старого судьи, сколько его взгляд вызвал в толпе волну смеха. По-видимому, настроение менялось.

Мор, заметив только сейчас, что он без шляпы, а дождь продолжает накрапывать, деловито раскрыл зонтик и, высоко держа его над головой, продолжал:

– Вы хотите уничтожить модель подводного плавающего туннеля? А знаете ли вы, что в этой огромной стеклянной бутылке? Лекарство. Лекарство для многих миллионов американцев, не могущих найти себе применения. Лекарство это – работа. Огромная работа для всех отраслей промышленности, для многих миллионов американцев. Работа – это доллары для каждого из вас. Доллары в карманах – это залог счастья. Для нашего счастья выгодно не ломать модель Арктического моста, а строить Арктический мост. Это оживит нашу промышленность, уменьшит безработицу, поведет к новому процветанию, к новому процветанию. Так кто же из вас против собственного счастья? Вытолкните его сюда. Пусть на него посмотрят.

Толпа засмеялась.

– Нет! Нет таких! – слышались голоса.

– Будем строить подводный туннель!

– Вместе с судьей Мором!

– Правильно, старина!

– Да здравствует судья Мор!

Степан Григорьевич знал, как любят американцы своего старого судью. Он несколько не удивился, когда старика сняли с крыши машины и на руках понесли вниз по ступеням и дальше по аллее. Толпа росла, как горная лавина.

– Построим туннель!

– Да здравствует Америка и новые времена процветания!

Андрей пришел в себя.

– Степан, – сказал он тихо, – что произошло?

– Американцы провели совещание по поводу Арктического моста.

Андрей приподнялся на локте:

– Но кто, кто защитил Арктический мост?

– Не знаю... Там было много людей.

– А я знаю, кто защитил павильон, кто кричал «да здравствует Арктический мост!».

– Кто? – насторожился Степан.

Андрей посмотрел в лицо брату.

– Американцы, – сказал он серьезно. – Американцы.

– Совершенно верно, товарищи. То есть американцы! – слышался сзади братьев неожиданный голос.

Андрей и Степан оглянулись и увидели говорившего. Бросались в глаза его простое улыбающееся лицо, покрытое веснушками, и огненно-рыжая шевелюра.

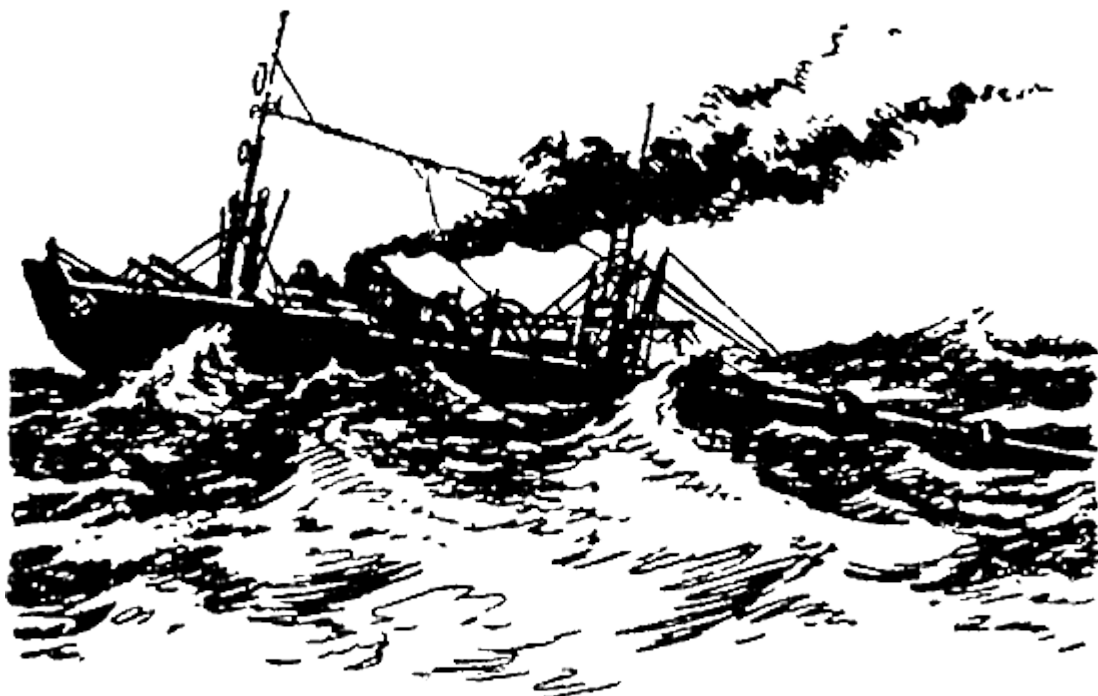
– Майкл Никсон! – продолжал подошедший по-русски. – Очень буду рад знакомым быть. Передайте, пожалуйста, мой привет товарищам Карцеву Алеше и Дениске Денисюку.

– Откуда вы их знаете? – спросил пораженный Андрей.

– Дружба детства. Позвольте я помогу вам встать. Ваш павильон отстояли американцы, потому что среди них очень много есть друзей Карцева и Денисюка, теперь будет еще больше друзей Корнева. Вчера я произносил в Сенате очень горячую речь в защиту «Плавающего туннеля». Надо строить такое сооружение. Честное слово, американским ребятам и советским ребятам есть смысл сблизиться!

Часть третья ДЕРЗАНИЯ

Глава первая НИ ЗА ЧТО!

В час затишья ветер рождала только скорость. Воздух бил в лицо, толкал в грудь. Глиссер несея, готовый выскочить из воды, оставляя за собой единственные в море волны. Море! Черное море! Сейчас оно было синим. Но какая это была синева! Нет, не

холодное спокойствие бездонной выси отразилось на выпуклой морской глади, не девственная голубизна небес, а живая, по-женски прелестная и изменчивая синева, то густая, сочная, то прозрачно-нежная, то с бегущими морщинками улыбок, то с печально-усталыми валами, гонцами дальних бурь, то с озорными искрами перламутровой ряби, то загадочно-зеленоватая, как омут, наконец, лиловая, грозная, почти черная синева... Море, безмерно огромное, как мир, бесконечно разное и прекрасное, как жизнь, вечное, как движение! Могучая стихия, с которой не устает бороться человек, побеждая ее сначала веслом, потом парусом, наконец, паром, электричеством и ныне атомом... Упрямая стихия, которая все не хочет признать власти человека и требует от него дань жизнями самых дерзких, самых смелых!.. Море! Черное море!

Именно так воспринимал душой море Сурен Авакян, горец, сухопутный человек. Для моряка оно иное – строптивое, часто опасное, с которым всегда надо быть начеку. Сурен же захвачен был морем, оно было для него ослепительным, радующим простором с таинственной и страшной глубиной...

– Ах, Черное море – кавказское море! – только и мог выговорить он, наделяя море высшим эпитетом, какой только мог придумать.

Стоявший с ним рядом озабоченный моряк улыбнулся. Он держался, как и Сурен, рукой за поручни, замыкая тем самым сеть наушников и микрофонов, заключенных в шлемах.

– Вот уже и плавающий док, – заметил он.

– Какой там док! При такой погоде просто плавающий курорт! – засмеялся Сурен, поблескивая антрацитовыми глазами. Он сорвал шлем и стал размахивать им в воздухе, словно с плавучего дока его можно было увидеть. Ветер завладел его волосами и мгновенно пригладил их.

Командир глиссера сказал:

– Не думаю, что курорт. Прогноз погоды скверный.

Сурен, заметив, что с ним говорят, – из-за рева моторов он ничего не слышал, – снова надел шлем:

– Ай-ай! Какая красота! Пароход, как кабардинский жеребец, на дыбы встает!

Моряк осуждающе покачал головой.

– А что? Опасно так, носом кверху? – заглянул к нему в глаза Сурен.

Вместо ответа моряк кивнул на горизонт.

На его дуге виднелось судно с тонкой наклонной назад трубой и двумя мачтами. С первого взгляда оно могло вызвать тревогу: бушприт корабля был задран вверх, корма почти касалась воды. Весь пароход словно на самом деле пытался встать на дыбы. Что-то длинное, спускавшееся с кормы, продолжая линию палубы, сразу за кораблем исчезало в волнах.

– Я так полагаю, – сказал моряк. – Трубы – не кабель. Нельзя их таким способом спускать.

– Слушай, и я так думаю, – доверительно сказал Сурен, понизив голос.

Моряк удивился:

– Я считал вас в числе первых энтузиастов строительства.

– Правильно считал! Очень правильно! Знаешь зачем я еду?

– По морю не ездят, а плавают, – поправил моряк.

– А мы ездить хотим! В самой морской глубине ездить станем на колесах! И я хочу весь туннель в глубине сделать, наверх и носу не казать! Жаль только такой красоты не будет видно. Эх, моряк! – и Сурен потряс кулаками. – Что я придумал, ай, что я придумал! Андрейка как рад будет! Обязательно меня задушит. Мне подпорки под ребра нужны. Очень требуются...

Моряк смеялся. Веселый попался пассажир!

Док-корабль был уже близко.

Сурен снова сорвал шлем и размахивал им:

– Ай, море! Великое море! Вечное как движение! А мы для тебя такое движение

придумали, что тебе и не снилось! Что? Потемнело, нахмурилось? Слушай, придется тебе смириться. Потому что человек... это еще больше, еще красивее, еще сильнее, чем море!

Море больше не улыбалось, насупилось, морщилось сердито валами. Откуда-то напозли тучи, забелели барашки, в лицо Сурену ветер бросал брызги. Не замечая ничего, Сурен продолжал махать шлемом.

Андрей Корнев стоял на капитанском мостике плавучего дока и смотрел в бинокль. Кто же другой, кроме Сурена, мог так неистово жестикулировать?

Андрей обернулся к стоявшему позади него еще молодому коренастому моряку с обветренным спокойным лицом, грубоватым, суровым, но с милой ямкой на подбородке. Это был знаменитый полярный капитан Терехов, построивший на гидромониторе Мол Северный. Он взялся командовать плавучим доком в Черном море, чтобы потом, если это окажется возможным, спустить плавающий туннель под льды Арктики.

– Федор Иванович, дорогой! Пошлите за ним катер, видите как ему не терпится, – попросил Андрей.

Моряк кивнул головой:

– Успели вовремя.

– Ах, да, да! – вспомнил Андрей. – Значит, сегодня будет настоящее испытание? Ну что ж, «будет буря, мы поспорим»! Я даже рад этому.

Андрей говорил отрывисто, он волновался, но не из-за прогноза погоды, сделавшего строгими глаза Федора Ивановича, а из-за радиogramмы о Сурене, который вез важное сообщение.

Какая борьба позади! Чего стоило добиться начала опытного строительства плавающего туннеля из Ялты в Сочи. Андрей настаивал строить его из Мурманска на Новую Землю, но Алексей Сергеевич Карцев по совету Николая Николаевича Волкова предложил Корневу черноморскую трассу. Это прошло в Совете Министров, поддержал Волков. Строительство началось, но оно считалось опытным и почти обреченным. Мало кто надеялся на его завершение. Противники Андрея не сложили оружия и сейчас, когда сорока

километрам уже спущенного туннеля грозила ежеминутная опасность, снова повели наступление. Степан воевал с ними в Москве. Они настаивали на прекращении дорогостоящих опытов, которые в ледовых условиях даже не повторить. Что-то везет Сурен? Зря не помчится по морю перед самым штормом.

Приложив к глазам бинокль, Андрей увидел, как пассажир пересел с глиссера на катер. Время текло поразительно медленно. Казалось, что катер никак не развернется.

Следить за ним в бинокль было мучительно. Андрею не верилось, что катер движется, а не просто подпрыгивает на волнах.

Наконец, с парохода сбросили веревочный трап. Андрей поспешно начал спускаться с капитанского мостика, чтобы встретить друга у борта, но Сурен – веселый, озорной Сурен – уже стоял перед ним, пробуя ногой прочность палубы.

– Ва! Андрейка, какой ты всеми ветрами проветренный! – воскликнул Сурен, сжимая Андрея в объятиях. – И солёный, совсем солёный! – Он то отстранял друга, то снова привлекал его к себе.

– Ну, Сурен, что такое? Мне Степан дал радиogramму. Опять возражения против нашего метода строительства?

– Верно. Затем я и приехал, чтобы поспорить о методе. Понимаешь, с новым проектом.

– С проектом... – разочарованно пожал плечами Андрей. – Едва ли целесообразно сейчас пересматривать...

– Э, брат, этим проектом мы с тобой всем скептикам носы утрём.

– Денис, слушай, Денис! Смотри, вот горец кахетинский, о котором я тебе так много рассказывал. Знакомся, Сурен. Это Дионисий Алексеевич Денисюк, парторг нашего строительства, с Мола Северного к нам пришел.

– Добре, добре, здоровеньки будем! – Денис Денисюк пожал руку Сурена, пытливо смотря на него хитроватыми глазами. – Что привез?

– Проект привез...

– Это потом, – отозвался Андрей. – Я не знаю, Денис... всякое изменение вызовет в Москве неприятный отклик...

– Письмо привез.

– Письмо? – обрадовался Андрей. – Так давай его скорей!

– Скоро только ласточки летают.

– Сурен!.. – нахмурился Андрей.

– Разве вот партийному руководителю, – и Сурен церемонно передал письмо Денисюку.

Тот посмотрел на адрес и ухмыльнулся:

– Не возьму, то личное, – и отдал письмо Андрею.

– Сегодня утром в Москве из ее собственных рук! – провозгласил Сурен.

– Добрый хлопец. – Денис положил руку на плечо Сурену. – Так ты с каким проектом прилетел? Поведай.

Андрей распечатал письмо и, отойдя в сторону, начал читать, то хмурясь, то улыбаясь.

– Док мне ваш не нравится – вот какой проект... Слушай, зачем пароход?

– «Слушай, слушай...» Что ж ты, по морю без парохода плавать будешь? Недаром горцем кахетинским прозвали! Пойдем, отдохни с дороги.

Но Сурен вовсе не был настроен отдыхать, он желал осмотреть на плавающем доке все. Андрей читал:

«...опять тебя нет со мной. После нашей невозвратимой потери твое отсутствие для меня еще мучительнее. Но самое страшное в том, что я не могу больше бывать в больнице... Когда я вспоминаю там нашего мальчика и беспомощность всех врачей, таких же, как я, то я не в силах обманывать больных... Я не верю, понимаешь, не верю больше в медицину... Я ушла из больницы... Ты смеялся над моей реактивной техникой... Теперь я посвящаю себя только ей... Мой дипломный проект... Ты когда-нибудь похвалишь меня за него... Я посвящаю

его памяти нашего мальчика и тебе... Я знаю, ты опять морщишься... Зачем твоему плавающему туннелю реактивная техника?.. А зачем тебе неумелый врач? Андрюша, милый... Я сейчас на даче у папы, занята только проектом, все время думаю о тебе... ведь наш мальчик должен был походить на тебя, он был такой же настойчивый, он уже мечтал о чем-то... Не могу писать... Приезжай хоть на денек... Степан Григорьевич говорит о каких-то затруднениях. Папа ворчит, не верит в успех вашего дела. Теперь ведь он отвечает за него... Он передает тебе привет. Ах, если бы ты был здесь...»

Андрей решительными движениями сложил листок, положил в карман и подошел к Сурену. Смотря куда-то вдаль, он сказал:

– Пойдем я покажу тебе все.

Сурен уже успел кое-что посмотреть с Денисом, но, видя состояние Андрея, он покорно пошел еще раз на рабочую палубу, где происходила сборка туннеля.

Две огромные трубы, лежавшие по обе стороны надпалубных построек, доходили до середины судна. К концу одной из труб в этот момент подкатывали по рельсам металлический барабан, поданный сюда стрелой крана. Придвинутый вплотную к трубе, новый патрубок стал ее естественным продолжением.

Подъехавшая сварочная машина кривыми лапами обняла место соединения патрубка с трубой. На мгновение послышался треск, и сквозь щели между трубой и лапами машины блеснул яркий свет. Потом гигантские клещи сварочной машины разжались. Первый патрубок уже составлял одно целое с трубой. Машина передвигалась к новому патрубку.

Трубы удлинялись с поразительной быстротой. На глазах у Сурена, жадно наблюдавшего за процессом, они скоро заняли все судно. Законченный отрезок туннеля был готов к спуску.

Сурен не почувствовал движения судна. Он увидел лишь, как поползли по палубе ожившие гигантские змеи, поблескивая на солнце своей металлической поверхностью. За кормой их тела опускались в море. Мимо Сурена двигался конец трубы. В отверстии, похожем на пасть морского чудовища, выпрямившись во весь рост, стоял человек. Пронзительно свистнув, он спрыгнул на палубу. Пароход ответил ревом.

– Прямо как мой маленький ишак в Нагорном Карабахе! – закричал Сурен, зажимая уши.

Змеи остановились. Одновременно прекратилась вибрация корпуса корабля. По освобожденной палубе уже катились новые железные цилиндры, сваренные из листового металла.

Кто-то отозвал Андрея в сторону. Следом за ним ушел и Денис. Сурен некоторое время бродил, заглядывая во все углы. Потом он поднялся на капитанский мостик и облокотился на поручни рядом с капитаном Тереховым.

– Ва! – воскликнул он. – Снова я вижу синеву.

– Уже не синева, – усмехнулся капитан.

– Вы что же, капитан, считаете меня дальтоником? Я садовник!

– Есть у вас черные тюльпаны? – неожиданно спросил капитан.

– Вы хотите сказать...

– Черным это море называли за штормы.

– Значит, будет настоящий шторм? Ва!

– Андрей Григорьевич, – вместо ответа обратился капитан к подошедшему Андрею. – Шторм надвигается. Надо принимать меры.

– Мы всегда готовы, капитан! – Андрей с вызовом посмотрел на море. Проверим все наши расчеты. Ведь на вашей памяти, товарищ Терехов, прорывало ледяной мол.

– Не напоминайте.

– А теперь мол держит. Так же и мы... до сих пор работали при хорошей погоде! Шторм так шторм!

Андрей направился в радиорубку. Сурен догнал его.

– Андрейка, подожди! Раз ты мой проект сейчас выслушать не можешь, поручи мне какой-нибудь участок, – сказал он.

Андрей обернулся.

– В экспедиции имеется специальное штормовое расписание. Каждый знает свое место. Я не стану ничего менять.

Андрей уже стоял в радиорубке перед микрофоном.

– Водолазный цех! Закрепить намертво все канаты от якорей. Дальнейшие работы прекратить. Водолазов поднять наверх. Кессоны отвести от туннеля. Действует штормовое расписание.

Небо потемнело. Скорость, с какой приближалась туча, была поразительной.

Сурен хотел подняться наверх, но покачнулся и, не удержавшись на ногах, налетел на трап.

– Шире ноги ставь! – услышал он откуда-то бас Денисюка.

Матросы торопливо протягивали вдоль палубы канаты. На мостик вышел Андрей и следил, как подходили к судну маленькие катера. Плавающий док собирал их, словно насадка маленьких цыплят.

Сурен с независимым видом вытащил из кармана трубку. Качка стала ощутимой. Ветер крепчал. Чтобы раскурить трубку, Сурену пришлось согнуться пополам, пряча огонь под полкой плаща. Андрей одной рукой ухватился за канат и, держа в другой маленький микрофон, отдавал неторопливые приказания.

Сурен посмотрел на корму. Видно было, как «дышит» двойной металлический хвост дока: трубы туннеля то удлинялись, то укорачивались. Корабль то вытаскивал их на поверхность, то снова погружал в воду.

Палуба уходила из-под ног Сурена; ему становилось не по себе, спазмы подступали к горлу. Он хватался за поручни, но повисал в воздухе, испытывая неприятное ощущение потери веса. С каждым таким взлетом ему становилось все хуже.

Спустившись по трапу, Сурен снова попытался раскурить трубку. Минута затишья почти возвратила ему самообладание. Едва он выглянул из-за переборки, как ветер обрушился на него, словно каменная лавина. Потеряв равновесие, Сурен упал на четвереньки, и его потащило по палубе, как буер под парусом. Тщетно цеплялся он за гладкие доски, беспомощно растопырив руки и ноги, и, наконец, судорожно ухватился за налетевший канат.

Горизонт вздымался выше туч. Тучи ныряли между водяными хребтами. Лежа на палубе, Сурен усилием воли заставил себя перебирать руками по канату, волоча тело. В лицо били соленые брызги, летевшие косо со скоростью пуль. Голова разламывалась от грохота бури, казалось, что в уши под страшным давлением нагнетают песок...

Сурен снова оказался у трапа, ведущего на капитанский мостик. Вцепившись в поручни, он посмотрел вверх. Плащ Андрея развевался по ветру. В руке он по-прежнему держал микрофон.

Сурен с трудом поднялся на ноги и поглядел назад. За кормой из пепельных волн высывались две трубы. Казалось, что они переломятся сейчас, как соломинки.

Капитан Терехов, не отпуская каната, добрался до Андрея. Он широко расставлял ноги, наклонялся против ветра и был спокоен.

Оба смотрели назад, туда, где колыхались в белой пене длинные металлические змеи.

Терехов наклонился к Андрею:

– Плохо. Качка боковая.

Андрей крикнул не оборачиваясь:

– Нас надежно держит всеми своими якорями туннель!

Терехов промолчал, может быть, он ничего не услышал.

Шторм разыгрался. Это было уже другое море. Рваные тучи неслись почти над самыми мачтами. В какой-то разрыв их вдруг блеснул луч солнца, он осветил водяной скат зеленоватого мрамора с живыми вьющимися прожилками и погас. Еще темнее стало вокруг.

Валы отделились друг от друга провалами, похожими на скальные обрывы. Самым удивительным было то, что волны, казалось, двигались не в каком-либо одном, а сразу во всех направлениях: они сталкивались, боролись рыча, вертелись воронками, взмывали фонтанами, проваливались в тартарары, выскакивали оттуда чудищами и, словно сговорившись, кидались уже не друг на друга, а на корабль. Вой, свист, шипение, надрывный скрип, вкус соли и серы на языке, кипящая смола за бортом, непрекращающееся падение вниз...

– Слушай, понял, понял! – кричал Сурен.

– Что понял? – спросил цепляющийся за переборку Денисюк.

– Откуда все легенды об аде.

Денисюк махнул рукой.

Сурен сам не понимал, как взобрался он по летающему вверх и вниз трапу на мостик и как поднялся на ноги. Он ухватился за канат и сделал попытку подтянуться к Андрею, но ветер бросил его на стенку штурвальной рубки. В следующее мгновение Сурен почувствовал, что стенка эта оказалась внизу под ним. Он крепко уцепился за поручень и повис в воздухе.

Капитан крикнул:

– Одиннадцать баллов!

Корнев кивнул головой.

Положение плавающего дока было отчаянным. Он не двигался с места. Удерживаемый своим металлическим хвостом, он лишь на мгновение вырывался из воды и снова падал вниз.

Капитан наконец решился прямо высказать свою мысль:

– Отвечаем за жизнь людей. Прошу приказа об освобождении труб.

Андрей повернулся, как от удара в затылок. Он открыл рот. Водяная пена ударила ему в лицо, попала под капюшон, ледяными струйками поползла по спине. Андрей закашлялся, выплюнул соленую воду. Потом, не сказав ни слова, отвернулся.

Терехов закричал, чтобы Андрей услышал его:

– Придется бросить... трубы! Судно спасать!

– Вы с ума сошли, капитан! Потопить при первом же шторме туннель! Разве вы так строили мол?

– Часть мола пришлось взорвать. Спасти сооружение. Сейчас спасем людей, док.

На палубу рухнула мачта. Она разлетелась в куски около мостика совершенно беззвучно. Треск и шум от ее падения были ничтожны по сравнению с ревом бури.

– Товарищ Корнев! Вы начальник работ. Я – капитан...

– Потопить туннель? Бросить строительство? Нет!

– Сумасбродство! Нужна воля.

– Пусть Мол Северный взрывали! Пусть бросали золото с тонущих кораблей! Туннель не утонет! Он плавучий!

– Но корабль утянет на самое дно.

Они уже не слышали друг друга, догадывались о словах по движениям губ. Андрей упрямо мотал головой. «Будь отчаяннее сильнее... будь отчаяннее сильнее».

– Ни за что!

– Требую!

– Погубить туннель? Ни за что!

Терехова уже не было на мостике – он спустился вниз.

Волна окатила Андрея с головы до ног. Он выпрямился и крикнул ей:

– Ни за что!

Порыв ревущего ветра на мгновение опрокинул его. Он вскочил и крикнул ему:

– Ни за что!

Темная вода, темная пена, темные тучи смешались, завертелись неистовым темным клубком, в центре которого был док с длинным металлическим хвостом, а на капитанском мостике – Андрей.

Глава вторая СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Говорят, у омута пугающий и в то же время притягивающий цвет, густо зеленый с синевой... Именно такой цвет был в одном месте пруда. Здесь не росли кувшинки, не поднимались со дна водоросли. Здесь, как уверял Иван Семенович Седых, рыба должна была клевать особенно хорошо.

Немного поодаль пруд был заросшим, уютным, тихим. Один берег у него был пологий, другой высокий. На пологом – было сплошное ягодное поле, клубника высших сортов, тут и там среди зелени даже издали можно было разглядеть красные искорки. Поле доходило до кудрявого леска березок. На крутом склоне росли огромные деревья старого помещичьего парка. Над водой стелились ветви ивы.

– Ну, Анка, сидеть смирно, не шуметь, рыб не пугать, – предупредил Седых, закидывая одну за другой три удочки, насторожившись, по-охотничьи нацелившись на уснувшие сразу поплавки.

– Есть не пугать! Я буду самая молчаливая из всех рыбок, если ты расскажешь мне что-нибудь. Помнишь, как ты медведя сачком поймал?

– Медведя-то поймал, а вот рыбу с тобой не поймает.

Капли стекали с поднятых весел и оставляли на воде разбегающиеся кружки. Отражение высокого берега пруда чуть заметно колыхалось, белые пятна облаков медленно плыли мимо лодки. Где-то очень далеко сигналила автомашина.

Иван Семенович, седой, огромный, грузный, снял белый картуз, расстегнул ворот и наслаждался воздухом, теплом, тишиной. Прищурясь, он смотрел на поплавки.

Аня бросила весла и, подперев подбородок ладонями, уставилась на лесистый берег за кормой. На коленях ее лежала раскрытая книга.

– Вот мы с тобой удим рыбу, как все – тихо, терпеливо. А вот мой Андрюша не так стал бы ее ловить.

Седых недовольно засопел.

– Ты знаешь, папочка, как он стал бы ловить рыбу? – Аня зачерпнула воду и наблюдала, как стекала струйка. – Он наверняка что-нибудь изобрел бы. Например, какой-нибудь фантастический сифон. Спустил бы с его помощью всю воду из пруда, и рыбу можно было бы собрать руками.

– Ну, знаешь, это уж твоя собственная выдумка, а не твоего фантазера.

Аня закинула руки за голову.

– Он не такой уж фантазер, папа. Он построит то, что задумал.

– Ладно, пусть строит, а мы посмотрим...

Снова загудела где-то машина, ближе, чем в первый раз.

– Папа, как хорошо, что ты смог выбраться сегодня на дачу. Мне кажется, что вокруг все такое же, как раньше, давно, давно, когда Андрюши и никого еще не было, никакого горя... И пруд, и небо, и ты такой же добрый, большой, толстый.

– Ну, ну...

– Помнишь, ты приезжал к нам каждое воскресенье? Мы с тобой катались на лодке. Ты удил рыбу, а я готовилась в университет.

– Университет, потом медицинский, – с деланной ворчливостью пробубнил Седых. – До сих пор не пойму, зачем ты в него поступала и зачем потом все бросила.

– Зачем бросила? – на губах Ани появилась печальная улыбка. – Хочу лететь на Луну, папочка. Пусть и меня хоть один раз пождут...

– Не верю, – раздельно проговорил Седых и потянул за удочку. В воздухе блеснула серебряная искорка.

Аня хлопала в ладоши.

– А-а-ня!.. А-ау! – Далекий голос звонко разнесся над водой.

– Ой, папочка! Меня. Кто бы это?

– А-аня! А-ау!..

Лодка закачалась от быстрого движения Ани. Она стояла теперь во весь рост, всматриваясь в берег.

– Папочка, кто это? Голос какой знакомый...

– Не качай лодку, сядь! Ты со мной поехала рыбу удить, значит тебя дома нет.

– Папочка, ты знаешь... – У Ани перехватило дыхание. Она пыталась разглядеть белую фигуру на берегу. – Это же... это...

– А-аня, плыви сюда!

– Папа, ведь это же Елена Антоновна! Ты понимаешь?

– Нет, не понимаю.

Аня поспешно села и схватилась за весла.

– Куда? – Седых вскинул свои лохматые брови. – Куда?

– Папа, я должна на берег. Она, наверное, ко мне приехала, а ведь я ее с тех пор не видела.

– Ты с отцом сейчас. И с ним не бог весть, как часто видишься.

– Папа, это же врач с твоего корабля. Мы сейчас же плывем к берегу.

– Не мешай мне, я рыбу ужу. Я имею право посидеть с дочерью час посредине пруда.

Аня решительно взялась за весла.

– Имей в виду, я не поплыву, – особенно низким басом произнес Седых.

Остальное произошло в полном молчании. Аня вскочила на ноги и, как была в легком летнем платье, перешагнула через борт. Брызги обдали старика, но он даже не шелохнулся.

Напрасно оглядывалась Аня назад, – отец так и не посмотрел в сторону плывущей дочери.

На берегу, растерянно прижав руки к груди, стояла полная женщина и нервно теребила косынку.

Выскочив из воды, Аня бросилась к ней на шею.

– Мокрая какая! Ах ты, боже мой! Сумасшедшая! – говорила Елена Антоновна, отталкивая смеющуюся Аню.

Аня потащила свою гостью в гору. Наверху, оставив ее, запыхавшуюся, она обернулась и помахала рукой. Посредине пруда виднелась маленькая лодочка с сутулой белой фигурой на корме.

– Ты будешь переодеваться? – спросила Елена Антоновна.

– Нет, – засмеялась Аня. – Мне не так жарко будет.

Они сели на поваленное бурей дерево. Аня – на самое солнце, Елена Антоновна – в тень. Начались расспросы. Спрашивали друг друга о самых незначительных вещах, хотя и не виделись несколько лет.

– Я, Аня, все знаю из твоих писем, – говорила Елена Антоновна, – но не все понимаю.

– Что же тут непонятного? В моей жизни, кажется, все так просто и ясно. Есть радость, есть горечь... Разве не так?

Аня немного откинулась назад, опершись руками о ствол, на котором сидела, и закинула голову. В позе ее было что-то озорное, но глаза были печальными. Над вершинами деревьев быстро неслись облака.

– Ты-то ясная, – улыбнулась Елена Антоновна, любясь легкой фигуркой Ани в мокром облегающем тело платье. – А поступки твои не так уж ясны.

– Да? – немного улыбнулась Аня, не меняя позы.

– Я ведь думала, что мы вместе работать будем. Помнишь, там, на корабле. У тебя была верная и нежная рука.

Аня замотала головой, все так же загадочно улыбаясь.

Елена Антоновна встала и, взяв Аню за плечи, посмотрела ей в глаза.

– Андрея любишь?

Аня кивнула. Елена Антоновна встряхнула ее.

– Глупая! Ах, боже мой, какая глупая! А я тебя считала настоящей женщиной.

– А что такое настоящая женщина?

Елена Антоновна села и обняла Аню за талию:

– Ты знаешь, как поступила бы настоящая женщина? Она, может быть, бросила бы медицину, но для того, чтобы работать вместе с мужем, воплощать в жизнь его идею, которая увлекает сейчас всю страну. А ты? Мужчины, Аня, не прощают таких вещей. Ты вдруг избрала далекую, чуждую ему специальность. Делаешь вид, что собираешься работать над какой-то своей собственной идеей. Ради чего, девочка моя, скажи, ради чего?

Аня опустила голову.

– Ты знаешь, – продолжала Елена Антоновна, – я видела его в Сочи и сразу поняла, что происходит между вами. Я поняла это, хотя мы сказали с ним всего лишь несколько слов... Еще ребенка вам надо иметь, вот что!

Аня скосила глаза, потом неожиданно быстро повернулась. Елена Антоновна подождала, но видя, что Аня молчит, продолжала:

– Я решила обязательно с тобой повидаться. Ну, зачем тебе эта реактивная техника, или как она у вас там называется? Или уж будь врачом, или иди следом за Андреем. Он у тебя талантливый, сильный и достоин этого.

Аня засмеялась и отвернулась от Елены Антоновны.

– Вы ничего, ничего не понимаете, – сказала она, вдруг становясь серьезной. – Простите, Елена Антоновна, что я так сказала...

Елена Антоновна пожала плечами.

– Хотите, я объясню? – Аня вскочила. – Вы думаете, что я не женщина, что я выродок какой-то? Я никому об этом не говорила, но вам скажу.

Елена Антоновна тоже поднялась и пристально посмотрела на взволнованное, покрасневшее лицо подруги.

– Я не только потому бросила медицину, что не верю в нее. Я не могу сейчас иметь ребенка. Еще слишком больно, но... я хочу участвовать в том огромном, большом, значительном, что задумал Андрей. Я не только полюбила Андрея – я давно увлеклась его проектом Арктического моста.

– А потом увлеклась полетом на Луну?

– Ах, нет, – отмахнулась рукой Аня. – Это я только так всем говорила.

– И Андрею?

– Да, и ему.

– Сядь, сядь, Анна. Кажется, это очень серьезно. Я должна тебя понять.

– Поймите меня. Тогда, на корабле, я совсем не знала техники. Мне казалось замечательным то, что делал Андрей, и мне было горько, что я так далека от него в том, что ему ближе всего. А мне хотелось быть достойной его, даже равной ему. И вот... Ты знаешь, я однажды вспомнила те реактивные самолеты... быстрее звука... о них Андрюша в бреду говорил... и о трубе... И вдруг я представила, что в Арктическом мосте должны мчаться с такой же скоростью вагоны-ракеты. Это было так замечательно, что я несколько дней только об этом и думала. Я никому ничего не сказала тогда, но достала книги о ракетах, правда, очень непонятные...

– Аня, Аня, не может быть! – всплеснула руками Елена Антоновна.

– Но только, когда Андрей был в Америке, я решила поступить в Институт реактивной техники, чтобы спроектировать ракетный вагон для его Арктического моста. Мотор у меня уже рассчитан, остался только вагон...

Елена Антоновна долго молча смотрела на свою подругу. Аня показалась ей совсем другой – гордой и печальной.

– Так вот ты какая... – тихо произнесла Елена Антоновна.

Аня опустила голову. Пальцы ее отламывали кусочки коры с поваленного ствола.

– А как же теперь? – спросила Елена Антоновна.

– Я показала свой проект только одному человеку – Волкову. Вы знаете его. Он был у

папы.

– И что же он сказал?

– Он одобрил проект – это ведь мой диплом – и понял меня. Это замечательный человек! Теперь я уверена во всем.

– Ты скажешь Андрею?

Аня подняла голову и с грустью проговорила:

– Я бы все давно рассказала ему, если бы он с самого начала не отнесся пренебрежительно к моей ракетной технике. А теперь – пусть он подождет; пусть моя законченная работа будет ему сюрпризом.

– Боже, какие вы оба глупые! Пойми хоть ты, что это гораздо серьезнее, чем ты думаешь.

Елена Антоновна пристально посмотрела в глаза Ане. Та упрямо встряхнула головой.

– Смотри, кто сюда идет. – Аня, по-видимому, была рада перемене разговора. – Это заместитель Андрея по строительству опытного туннеля. А я – то в таком виде... Давай убежим!

К берегу пруда быстро шагал Степан Григорьевич. Выйдя на обрыв, он сразу же увидел лодку с Иваном Семеновичем Седых.

– Иван Семенович, Иван Семенович!

Старик не изменил своей позы.

– Товарищ заместитель министра! – громко и отчетливо крикнул тогда Степан, сложив ладони рупором.

Эти слова настолько не вязались с обстановкой, что Иван Семенович оглянулся и, сев за весла, несколькими сильными движениями направил лодку к берегу.

– Что такое? – прошептала Аня, наблюдавшая за этой сценой из-за деревьев.

– Иди переоденься, – потащила ее к дому Елена Антоновна.

Но Аня уперлась. Лицо ее стало напряженным, рука жесткой. Стоя неподвижно, она наблюдала, как причалила лодка, как Корнев протянул Ивану Семеновичу какую-то бумажку.

Аня вырвала у Елены Антоновны руку и стала спускаться. Она встретилась с мужчинами на крутой тропинке.

– Анка, скорей машину! В Москву! – крикнул Иван Семенович.

Лицо Корнева было непроницаемо, но серьезность отца многое сказала Ане. Не произнеся ни слова, она повернулась и быстро побежала вверх.

Мужчины торопливо прошли мимо встревоженной Елены Антоновны, не обратив на нее внимания.

Из ворот в конце аллеи выехала машина и, набирая скорость, промчалась к шоссе.

Елена Антоновна успела заметить, что за рулем сидела Аня в том же мокром платье. Сзади нее она увидела Ивана Семеновича в белом летнем картузе и Степана Григорьевича. Машина круто повернула и выехала на Московское шоссе.

– Что же случилось? – проговорила Елена Антоновна.

Маленькая машина неслась по шоссе с совершенно недопустимой скоростью. Но это, по-видимому, не удовлетворяло Ивана Семеновича.

– Что ты ползешь, как улитка? – ворчал он. – И за что тебя только милиционеры штрафуют.

Аня молчала, закусив губу.

В одном месте шоссе делало петлю и сотню метров проходило по вершине холма. Аня вдруг направила машину через канаву, включив передние ведущие колеса. Иван Семенович и Степан подались вперед, потом откинулись назад. Автомашина брала невероятно крутой подъем.

– Давай, давай! – пробасил Иван Семенович.

Через несколько секунд машина снова мчалась по шоссе. Аня оглянулась на отца. Глаза ее были сейчас холодными, серьезными.

– Может быть, ты мне все-таки скажешь, что случилось? – неторопливо спросила она.
– Да что тут объяснять! – сердито закричал Седых. – Вот она, радиограмма о бедствии.
– О бедствии... – прошептала Аня.
– От капитана плавучего дока Терехова: при первом же шторме все сооружение идет ко дну. Что я говорил? Нельзя с парохода тысячекилометровую трубу спускать... Давай обгоняй ту машину, да смелей... Черное море – это не пруд. Вот оно, техническое легкомыслие!..

Аня, бледная, по-прежнему закусив губу, смотрела широко открытыми глазами прямо перед собой. Ветер поднимал пыльные смерчи. Автомобиль летел по левой стороне шоссе. Встречные машины шарахались от него.

– Для спасения дока и людей капитан Терехов требует разрешения сбросить трубу туннеля в море, – сказал сухим, приглушенным голосом Степан Григорьевич.

Машина резко вильнула, хотя она мчалась сейчас по пустому шоссе. Седых вцепился в переднее сиденье.

– Тише ты, сумасшедшая!

Ветер свистел в ушах, врываясь через открытые окна. Первые капли упали на лобовое стекло. Сквозь косые струи дождя дорога была видна, как в тумане.

– И что же? – твердым, но чужим голосом спросила Аня.

– Да вот то, что твой Андрей упрямится. А кто лучше капитана Терехова океан знает? Раз он требует сбросить, туннель в море – значит, серьезно дело!

Аня упрямо молчала, но почему-то Степан Григорьевич стал отвечать на ее молчание.

– Видите ли, Анна Ивановна, мы строим опытный туннель. Наша цель сблизиться с трудностями, изучить их, ибо...

– Что «ибо», «ибо»? – оглянулась назад Аня. – Что «ибо», «ибо»? возвысила она голос. – Вы скажите, куда мы сейчас мчимся?

– Куда? – загремел Иван Семенович. – Сейчас по радио дам приказ сбросить трубы в море.

Завизжали тормоза. Иван Семенович и Степан Григорьевич резко качнулись вперед.

– Бешеная, совсем бешеная! – закричал Седых.

Машина стала посредине шоссе.

– Не поеду, – обернулась она. – Ни за что!

– Как не поеду? – заревел Седых. – Да я тебя!..

Рядом с машиной остановился мотоцикл с милиционером.

– Товарищ водитель, вы нарушили все правила. – Милиционер, откинув капюшон, взял под козырек. – Мне едва удалось вас догнать. Предъявите ваши права.

– Так ты не поедешь? – грозно спросил Седых, открывая дверцу.

– Ни за что!

– Анна Ивановна... – начал Степан Григорьевич.

– Товарищ водитель, ваши права, – настаивал милиционер.

Иван Семенович вылез на шоссе и с шумом захлопнул за собой дверцу.

– Вези! – неожиданно крикнул он милиционеру, взгромождаясь позади него.

Милиционер в первый момент был ошеломлен, но Седых протянул ему небольшую красную книжечку. По стеклу малолитражки стекали капли. Аня смотрела вслед удалявшемуся мотоциклу, до боли в пальцах вцепившись в прозрачное колесо руля.

Наконец она встряхнула головой, провела рукой по мокрым глазам и обернулась.

Сзади молча сидел Степан Григорьевич.

Глава третья ФУДЗИ-САН

Со склона горы Фудзи море кажется разлившимся по небу. Высоко поднявшийся горизонт образует как бы гигантскую чашу, со дна которой возвышается священная гора.

Чем выше, тем прозрачнее лазоревый хрусталь чаши, легче, неуловимее небесная синь, и не угадать в этих дымчатых красках, где море переходит в небо.

О'Кими, опершись о посох, мечтательно, смотрела вдаль.

– Это так красиво!.. Я уже не раскаиваюсь, что пошла с вами, – обратилась она к своему спутнику.

– Я счастлив, О'Кими, наконец-то я узнаю в вас истинную японку. Каждый японец должен совершить восхождение на священную гору Фудзи-сан.

– Вы невозможны, Муцикава, – пожалала худенькими плечами О'Кими. – Вы разрушаете все очарование своими разговорами об обязанностях и долге.

– Извините, О'Кими, прошу прощения. Я никогда не осмелюсь сделать вам неприятное.

О'Кими опять повела плечиками и ничего не ответила. Муцикава терпеливо ждал.

– В Японии нет дали. Здесь воздух какой-то особенный, плотный, окрашенный. Он напоминает воду, когда ныряешь с открытыми глазами, только более разрежен. Но он также отнимает перспективу, делает все окружающее нереальным и поразительно красивым, – задумчиво сказала О'Кими, как бы разговаривая сама с собой.

Внизу, у подножия Фудзиямы, простиралась земля, усеянная островками крыш, блестящих после недавнего дождя. Они тонули в кудрявых облаках зелени, тронутой бледно-розовой проседью цветущих вишен.

– Только отсюда можно увидеть Японию такой, какой должен познать ее каждый японец, – сказал Муцикава, наклоня голову. – К сожалению, извините, там, внизу, слишком много гнойных язв, грязи и нищеты. О, если бы только возможно запретить осквернение японского пейзажа японской действительностью! Однако прошу прощения, я безмерно счастлив, что кончился дождь. Во время прошлых восхождений на Фудзи-сан из-за дождя и тумана отсюда нельзя было увидеть настоящую Японию. Но сегодня само небо оказывает мне благодеяние, сама природа за меня. Это вселяет в меня надежду, извините.

О'Кими постучала высоким посохом о землю.

– Пора, Муцикава, нам надо идти. Я уже отдохнула.

– Вы всегда спешите, Кими-тян. Всякий раз, когда я хочу сказать вам о том, что так мучительно давит мне сердце...

– Муци-тян, Муци-тян, – весело воскликнула девушка. – Смотрите на этих людей! Почему у них такие смешные звоночки?

– Ах, Кими-тян, – сказа Муцикава с укоризной, – вы настоящая «иностранная японка». Звоночки «ре» отличают пилигримов от остальных путешественников, извините.

– Во Франции звоночки вешают на шею козам и коровам, – засмеялась О'Кими.

Муцикава вздрогнул.

– О'Кими! – возмущенно воскликнул он.

Не оглядываясь, девушка побежала вперед, легко преодолевая крутой подъем. Муцикава, опираясь на свой посох, шел следом.

Впереди и сзади двигались люди. Пользуясь хорошей погодой, старые и молодые японцы, кто для тренировки или удовольствия, кто по традиции или по религиозному обычаю, совершали восхождение на священную гору.

Вышедшие на день или два раньше спускались теперь вниз. О'Кими обратила внимание на японца с какой-то ношей. Он то появлялся, то исчезал за бесчисленными поворотами тропинки. Наконец около большого камня, напоминавшего постамент для статуи, они повстречались. Рикша, с обнаженным медным мускулистым торсом, нес на каких-то рогульках за спиной миловидную японку. Ее тоненькие ножки раскачивались в такт размеренной походке рикши. Она с равнодушным любопытством рассматривала туристов в европейских костюмах.

О'Кими свернула с тропинки.

– Земляника! – воскликнула она. – Муци-тян, идите скорей сюда.

– Кими-тян... Кими-тян... извините... – шептал Муцикава, смущенно оглядываясь по сторонам...

Рикша остановился, с изумлением глядя на девушку, собиравшую ягоды.

– Кими-тян, окажите благодеяние, перестаньте. Никто же не ест этого в Японии. Ведь вы же, извините, не в Европе.

– Ягоды такие вкусные, попробуйте! В Париже я всегда ходила сама на рынок, чтобы купить свежей земляники.

– Пойдемте, Кими-тян, окажите благодеяние. Мы обращаем на себя внимание путешественников. Хотя мы и одеты по-европейски, но каждый узнает в нас японцев.

– Вы невозможный человек! – воскликнула О'Кими, бросая собранную землянику на дорожку. – Ну хорошо, идемте. – Она обиженно посмотрела на Муцикаву и пошла вперед. – Кажется, я никогда не привыкну к Японии! – горестно воскликнула она.

– Ах, Кими-тян, как далеки вы душой от нас. Я почувствовал это сразу же после вашего приезда в Токио, но убедился в этом только после вашего возвращения из Америки.

Ты для меня так недоступна стала,
Лишь издали люблюсь на тебя...
Ты далека, –
Как в Кацураги, на Такала,
Средь горных пиков облака.

Кими-тян, чем заслужил я этот исходящий от вас холод, который может убить даже цветущие вишни?

Девушка молчала, сбивая концом посоха головки цветов.

– Какой смешной обычай, – наконец заговорила она, – ставить на каждой пройденной станции штамп на посохе, чтобы потом гордиться перед знакомыми восхождением на гору.

– Вам все кажется смешным на родине, извините, – обиженно произнес Муцикава. – Европа отняла вас у меня, Кими-тян, – добавил он, отворачиваясь в сторону.

О'Кими положила подбородок на посох и задумчиво произнесла:

– Европа...

Вдали сгущался и темнел воздух. Приближались сумерки.

Муцикава пристально смотрел на ту, которую так долго считал своей невестой.

– И Америка, – жестко выговорил он. – Вас слишком увлекла нью-йоркская выставка, извините.

О'Кими молчала.

– Я знаю, – продолжал он, – что вы очень заинтересованы в судьбе некоторых экспонатов выставки. Поэтому, извините, я тоже следил за ними. Правда, я располагаю для этого большими, чем вы, возможностями.

– Что вы имеете в виду? – повернулась О'Кими.

– Я, простите меня, получил последние сведения о строительстве опытного подводного туннеля в России. Кажется, вы придаете ему особенное значение?

Муцикава, согнувшись, заглянул в лицо девушки.

О'Кими равнодушно пожала плечами.

– Да? Разве вы замечали, что я интересуюсь техникой? Скажите, это туман поднимается там, по склону?

– Нет, это пар, извините, – раздраженно ответил Муцикава. – Ведь Фудзи-сан все еще горяч, особенно его восточный склон.

– Да?

Молодые люди помолчали, потом снова двинулись в путь.

О'Кими не проявляла никакого интереса к начатому Муцикавой разговору. Тем не менее тот продолжал:

– Осмелюсь рассказать вам, хотя вы, вероятно, и сами читали об этом. Русские строили стратегический туннель в Черном море.

– Да, об этом что-то писали.

– Но когда мы вернемся из нашего приятного путешествия, вы узнаете нечто неприятное.

– В самом деле? Что такое?

– Русские построили сорок километров туннеля...

– Разве это так неприятно? – искренне удивилась О'Кими.

– Ах нет! Теперь это уже не имеет никакого значения, извините.

– Почему?

– Инженер Корнев, прошу прощения... – Муцикава не спускал с О'Кими прищуренных глаз, – инженер Корнев-младший командовал плавучим доком, в котором собирали туннель

– Да?

– Туннель погиб...

О'Кими шла вперед, не замедляя шага. Муцикава обогнал девушку, чтобы лучше наблюдать за ней.

– Туннель погиб. Разве вас это не интересует?

– Как жалко, – равнодушно сказала О'Кими.

– При первом же шторме плавучий док вместе с туннелем пошел ко дну.

Девушка небрежным тоном спросила:

– Как же эти русские инженеры... я забыла их фамилию, два брата, они были в Нью Йорке... как они теперь будут продолжать строительство?

– А вы думаете, что кто-нибудь из них еще существует?

О'Кими слушала Муцикаву с беспечностью ребенка.

– Раньше вы проявляли большой интерес к судьбе этого неудачливого инженера, – продолжал Муцикава, не дождавшись ответа.

– Как? – улыбнулась О'Кими. – Разве я интересовалась?

– Успокойтесь, Кими-тян госпожа, прошу простить меня. Интересующий вас инженер Корнев-младший жив. Он поступил как трус.

Муцикава опять посмотрел на ничего не выражавшее лицо О'Кими.

– Он поступил, как трус, – продолжал Муцикава, все более раздражаясь. – Он, Корнев-младший, испугался первого же шторма. Он бросил, извините меня, трубу туннеля в море. Она пошла ко дну. Я сожалею...

Девушка ловко сбивала былинки концом посоха. Отсутствие какого-либо внимания к его словам злило Муцикаву. В нем поднимался мучительный гнев. И, словно стараясь разжечь его, он продолжал:

– Это, конечно, была легкомысленная идея. Даже русские поняли это теперь. Строительство ликвидировано.

Неужели все это действительно безразлично О'Кими? Неужели она забыла о русском инженере? Разве судьба строительства теперь несколько не занимает ее? Сердце Муцикавы радостно сжалось. Он готов был верить, что гора Фудзи-сан действительно священна. О счастье японца! Оно всегда связано с выполнением древних обычаев.

Муцикава радостно посмотрел на О'Кими. Она улыбнулась ему. Они поднимались по крутой тропинке. Муцикава подошел к девушке и протянул руку, чтобы помочь ей подняться на камень. О'Кими благодарно взглянула на него.

От ощущения теплоты ее руки, ее легкости сердце Муцикавы заколотилось. Он смотрел по сторонам, и все казалось ему иным. Солнечный закат мерещился восходом, приближающаяся ночь – самым ярким, радостным днем. О'Кими, шедшая рядом с ним, О'Кими была теперь совсем другой! Он напрасно ее подозревал. Он сам, сам отравлял себе минуты счастья, которых могло быть так много! Кими-тян, милая, маленькая Кими-тян!.. Вот ее теплая рука. Как счастлив он!

Муцикава не мог не насладиться своим торжеством.

– Представьте себе, Кими-тян, – сказал он смеясь, – этот русский инженер... Нет, это просто смешно и, извините меня... это, право, забавно, этот русский инженер, потопив свое сооружение, захворал какой-то подозрительной болезнью.

С сияющим лицом Муцикава продолжал рассказывать, видя около себя только свою, да, да, теперь уже свою, он понял это, О'Кими.

– Его разбил, извините меня, паралич. Не правда ли, забавно? Какой авантюрист! Сумел-таки увлечь и Россию и американцев на выставке. Ха-ха! Теперь он безвреден для общества, и это хорошо для него, уверяю вас. Его бы просто следовало посадить в сумасшедший дом.

О'Кими смеется, ей тоже весело. Фудзи-сан, священная гора, ты действительно приносишь счастье!

Муцикава начал беспокоиться, не устала ли его маленькая Кими-тян. Они сильно задержались в дороге, стало уже совсем темно. Нужно лишь последнее усилие. Скоро станция, уже видны огни, всего лишь несколько поворотов отделяют их от домика. Но Кими-тян смеялась. Она уверяла, что боится темноты только в комнате, и то лишь потому, что там есть мыши. А здесь, когда они идут вместе...

Но вот и домик станции. Около него – столб с фонариком, бросающим на землю светлый круг.

Усталые путешественники уже ступают по освещенной земле; на ней тени в форме знаков. Ведь это иероглифы. Их можно прочесть.

Встретились с ним мы
Впервые, когда осенью
Падали листья;
Снова сухие летят,
Летят на его могилу!

О'Кими резко остановилась читая.

«Паралич, труп, могила», – мелькнуло в голове Муцикавы.

Он взглянул в лицо О'Кими, попавшее теперь в свет фонаря, на стенках которого были написаны стихи.

И Муцикава увидел выражение почти суеверного ужаса, исказившее личико О'Кими. И он увидел еще, что по этому личику текли слезы...

Кими-тян отбежала в тень. Но Муцикава уже все понял. Он готов был упасть на землю, рвать на себе одежды и грызть камни.

Проклятье! Священная гора Фудзи-сан отняла у него его счастье – счастье, которого не было.

Глава четвертая КАНДИДАТЫ

Инженер и политик Ричард Элуэлл возмущенно поднялся. Его благородное лицо дышало гневом.

– Сэр! Мне рекомендовали вас как человека, могущего провести техническую работу по предвыборной кампании, и я согласился платить вам за это огромную сумму – пятьсот долларов в неделю. Но то, что я слышал здесь от вас... Вы ошиблись во мне, мистер Кент. Вы видите перед собой не карьериста, желающего любым путем достигнуть высшего поста американского континента, а человека, преданного интересам нации. Вам следовало бы понять, что я не только политик, но и инженер, которого уважают рабочие, техники и капиталисты, которого обожают студентки и студенты. Я не только владелец судостроительных верфей, но и публицист выступающий с международной трибуны американской прессы со всей ответственностью истого американца. Я не могу позволить себе выслушивать вас, сэр. Для меня Америка – символ Благополучия, Религии и Порядочности.

Рука мистера Элуэлла готова была подняться, чтобы указать на дверь.

Мистер Кент соскочил с края стола, на котором бесцеремонно сидел, и успел поймать руку разгневанного мистера Элуэлла, крепко придавив ее к столу.

– Прошу прощения, сэр, – политический босс постарался растянуть мешки под глазами в улыбку, – я не хотел оскорбить вас. Я лишь изложил вам некоторые приемы своей профессии. У каждой фирмы есть свой секрет. Можно упрашивать избирателей, чтобы они избирали себе президентом кандидата потому, что он умен, справедлив и жаждет блага стране. Не спорю, были случаи избрания президента таким бездарным способом. Но оставим эту старинку нашим противникам. У меня другой стиль. Я прежде всего учитываю вкусы избирателей. Это мой патент. Словом, сэр, насколько я понимаю, вы нужны партии, а вам нужен Белый дом и провожатый в него. Я к вашим услугам. Мы с вами прискачем к столбу первыми.

Мистер Элуэлл нервно барабанил холеными пальцами по столу. Казалось, что еще мгновение – и он выгонит бойкого политического импресарио.

– Что действует на толпу, сэр? – продолжал, не смущаясь, мистер Кент. – Искусство, сэр, только искусство! Живопись, сцена, кино, музыка. И важно не то, что они затрагивают

умы зрителей и слушателей, но то, что они действуют на их чувства. Овладейте чувствами избирателей, сэр, и, клянусь честью, мы победим. А для того чтобы овладеть сердцами людей, нужен драматический жест, нужен, как мы, политики, говорим, «хокум». Его ждут ваши избиратели.

Мистер Кент снова комфортабельно устроился на письменном столе Элзуэлла.

– Итак, прежде всего – зрелище. У вас подходящая фигура, сэр. Глядя на вас, мог бы напиться со злости любой кандидат в президенты. – Мистер Кент картинно протянул руку к мистеру Элзуэлли. – Посмотрите, джентльмены, на это лицо без единой морщины, лишь с двумя глубокими складками, выражающими мужество и энергию! Посмотрите на эти седые виски, так красиво оттеняющие смуглый цвет кожи уроженца юга! На светлые прямодушные глаза! А ваша безукоризненная манера одеваться, сэр! Дуг, сэр, дуг! – Мистер Кент выговаривал слово «гуд» – хорошо – наоборот, что на его залихватском жаргоне должно было означать двойное одобрение. – Мы придумаем вам хокум. Есть у вас порванные носовые платки? Нет? Дэб – плохо. Надо завести. Мы условимся с вами так: произнося перед избирателями предвыборную речь, вы в соответствующий момент вынете из кармана выглаженный, но порванный платок. Смущайтесь и говорите, что виновата миссис Элзуэлл, что у вас, конечно, есть дюжины целых платков, но ваша жена очень рассеянна. Но она прекрасная женщина и умеет зато хорошо воспитывать детей. Ах, эти детишки, прелестные малютки! – Мистер Кент взял со стола фотографию с двумя кудрявыми головками, красовавшуюся на столе Элзуэлла. – Вы передадите в толпу несколько таких фотографий и начнете болтать с парнями по-приятельски. Это даст вам не один миллион голосов. Все скажут: «О, Элзуэлл? Это свой парень!»

– Запомните, мистер Кент, что я буду выступать как политический деятель, а не в качестве актера. Моя задача – защитить американские интересы во всех уголках земного шара. Защитить молитвой, помощью другим странам, наконец силой! Бог, даровав нам, американцам, процветание, возложил на нас тяжелое бремя руководства миром, и мы будем нести это бремя, а не строить мосты из свободного мира к марксистам через Северный полюс.

– Замечательно, сэр! Дуг! Дуг! – застыл в восхищении мистер Кент. – Вы правы: толпе надо показать, под каким флагом мы идем в Белый дом. В каком вопросе мы не сходимся с нашим противником, судьей Ирвингом Мором? Прежде такими вопросами были: вхождение или невхождение Америки в Лигу наций, отмена или сохранение сухого закона, воевать или не воевать. И вы прекрасно сформулировали свои политические позиции. Мы против постройки подводного плавающего туннеля через Ледовитый океан к врагам цивилизации. Ваш противник защищает туннель? О'кэй! Вы же выступаете как человек, спасающий свободный мир от пагубного общения...

– Довольно! – прервал мистер Элзуэлл. – Я не собираюсь входить с вами в обсуждение своей политической платформы.

– О'кэй! – склонил голову Кент. – Мы лишь обсуждаем детали предвыборной кампании. Что касается меня, то одному сенатору, выборы которого я проводил много лет назад, по такому деликатному вопросу, как отмена сухого закона в его штате, я советовал говорить так: «Все силы свои я положу на борьбу против страшного яда, могущего отравить нацию, однако я готов рассмотреть все разумные предложения к удовлетворению естественных потребностей американцев». В предвыборных речах я бы лично не излагал никакой программы, а лишь ссылаясь на Библию и Конституцию. Уверяю вас, многие избиратели были бы вполне довольны. Стоп! Стоп, сэр! Я уже молчу. Перехожу к будничным вопросам, к текущим расходам... Имеет мистер Элзуэлл о них представление? Дуг, я не сомневался.

Мистер Элзуэлл нехотя сел в кресло и, полуобернувшись, – продолжал скучающе постукивать пальцами по столу. Сколько хлопот связано с этой предвыборной борьбой! Если бы этот Кент не пользовался славой человека, успешно прошедшего не одну кампанию, разве, стал бы Элзуэлл тратить время?

– Расходы, расходы, – качал головой мистер Кент. – Вы, конечно, богатый человек, мистер Элуэлл, крупный акционер нескольких судостроительных заводов, но... ваших средств будет недостаточно, сэр. Партийный же аппарат берет, а не дает деньги. – И, наклонившись через стол к мистеру Элуэллу, а по пути взяв из коробки сигару, мистер Кент продолжал: – Далеко не все знают, что в день выборов все могут решить «пловцы», – это секрет моей фирмы, сэр. – Мистер Кент многозначительно подмигнул. – Эти славные парни или не имеют работы, или не хотят ее иметь, но зато обладают большой семьей: папами, мамами, братьями, сестрами, тетями, дядями, бабушками, дедушками и просто собутыльниками. Да, сэр. Я вам открою тайну: знайте, что на каждом избирательном участке, включающем до четырехсот избирателей, мой доверенный всегда имеет на примете дюжину таких парней. Если им сунуть в день выборов пять или десять долларов, то они приволокут к избирательным урнам всю свою семейку – человек десять, – и мистер Кент щелкнул пальцами, стараясь поймать взгляд патрона. Представьте себе, сколько голосов вы заполучите таким образом! Если «пловцы» будут наши, при условии, конечно, что ваши деньги перейдут к ним, то я берусь, как у нас говорят, провести в президенты рыжего пса против апостола Павла.

Мистер Кент расхохотался, но тотчас смолк, соскочив со стола. Разгневанный мистер Элуэлл стоял перед ним во весь рост. Рука его уже поднималась, чтобы показать на дверь.

– Сэр, вы, кажется, осмелились говорить о подкупе? – холодно произнес он.

– О, что вы! – ужаснулся мистер Кент. – Я говорил лишь о некоторых организационных расходах, которые необходимы для вознаграждения людей, проводящих низовую агитационную работу в кругу семьи. О, сэр! Как можно говорить о подкупе? Мог ли я?..

Мистер Элуэлл раздраженным движением взял из коробки сигару.

– Итак, теперь подсчитаем, сколько понадобятся денег, – мистер Кент сделал многозначительную паузу. – Приблизительно четыре миллиона долларов, не считая официальных расходов – реклама, агитация, наем помещения и прочее, на что потребуется немногим меньше. Всего нужно считать около семи миллионов.

– Семь миллионов?

Элуэлл осторожно опустился в кресло.

– Конечно, – невозмутимо подтвердил мистер Кент, изогнувшись в почтительной позе.

Он долго стоял так, пока его патрон сидел в кресле, сжав красивую голову руками.

– О, если достать эти деньги, то мы победим мистера Мора и его неумелого политического помощника, мистера Меджа. Ха-ха! Нашей профессией нельзя заниматься ради торжества справедливости или даже для приобретения политического багажа, как хочет этот выскочка Медж. Для начала мы создадим вам популярность и осмеем вашего противника. – Мистер Кент бросил окуроч и взял новую сигару. – Вы начнете в газетах дискуссию о технической абсурдности строительства плавучего туннеля, а про вашего конкурента где-нибудь скажете, что не придаете никакого значения слухам, будто всеми чтимый судья решил переделать свой дом так, чтобы все комнаты в нем были цилиндрическими, как в туннеле. Вы не допускаете мысли, скажете вы, что такому пожилому человеку, как Ирвинг Мор, удобно жить и передвигаться в доме, где есть что-нибудь цилиндрическое. Ха-ха-ха! Намек на четыре колонны Белого дома! Вы понимаете? А неудачу с опытным русским туннелем надо раздуть. Сумасшествие и самоубийство мистера Корнейва – автора Арктического моста. Гибель сооружения. Преступное легкомыслие строителей...

– Довольно, – остановил Элуэлл мистера Кента, беря телефонную трубку.

Мистер Кент развалился в кресле и стал раскуривать сигару.

Элуэлл неторопливо набрал номер, потом произнес имя Джона Рипплайна. Лицо мистера Кента расплылось в подобострастной улыбке. Он даже встал с кресла и приподнялся на носках. Казалось, он хотел прочесть по выражению лица патрона, что слышит тот в телефонную трубку. До него доносились неразборчивые звуки низкого ворчливого голоса, в которых он вдруг угадал слово «яхта». Мистер Кент чуть не подскочил от радости. Элуэлл

повесил трубку и встал.

– О, мистер Элуэлл! Удача! Удача! – жал ему руку Кент. – Вы встречаетесь с мистером Рипплайном на его яхте? Дуг! Дуг! Прекрасная яхта! Я завидую вашей прогулке. Все газеты говорили о знаменитой яхте пароходного короля. Настоящая скаковая лошадь.

– Прощайте, мистер Кент! Я вызову вас, когда вы мне понадобится.

– О'кэй, сэр! О'кэй! Что значит семь миллионов для Рипплайна! Мы ведь с вами знаем, что пароходный король ненавидит плавающий туннель. Еще бы! Он боится за свои океанские линии. Я ухожу, ухожу, сэр. Все будет о'кэй! Свободный мир не откроет дверей коммунистам. Кстати, посоветуйтесь с мистером Рипплайном. Было бы хорошо вызвать старика Мора в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Вспомнить его выступление на выставке! Хо... это был бы нокаут. Все будет о'кэй!

Мистер Кент, пятясь, выскочил за дверь.

Элуэлл некоторое время стоял, рассматривая свои руки, потом решительными шагами подошел к огромному зеркалу, занимавшему всю стену кабинета, долго смотрел на свое выхоленное лицо, провел пальцами по гладким волосам, откинул назад голову и произнес:

– Леди и джентльмены, дорогие мои избиратели! Свободный мир...

По желтым водам Миссисипи плыл огромный речной пароход. Пассажиры толпились на палубе, глядя на далекие берега с хлопковыми плантациями и густыми лесами. На корме молодые леди и джентльмены в светлых спортивных костюмах играли в пароходный теннис, перебрасывая через сетку резиновые кольца. Солнце накалило доски палубы так, что белая краска пузырилась.

Под тентом, наблюдая за игрой молодежи, в плетеных креслах сидели пожилые пассажиры, негры подносили им бульон и сухарики.

Несмотря на близость воды, было душно. Дамы неистово работали веерами, а мужчины не пропускали случая сбегать в бар, чтобы охладиться чем-нибудь погорячей.

– Смотрите, смотрите, это он, – проговорила толстая дама, расплывшаяся на полотне шезлонга.

– Ах, – воскликнула другая, – он именно такой, как его описывают!

Молодые люди прекратили игру, провожая глазами высокую тощую фигуру джентльмена в черной паре и высоком цилиндре.

– Говорят, он когда-то был прекрасным спортсменом, – заметил один из играющих, ловко перебрасывая кольца через сетку.

– А я слышала, что у него в юности была какая-то романтическая история. Говорят, он всю свою долгую жизнь остался верен памяти той, которую когда-то любил.

Многие пассажиры, встречаясь со стариком в цилиндре, почтительно здоровались с ним. Он отвечал всем церемонными поклонами.

Незадолго до ленча на палубе почувствовалось оживление. Пассажиры, столпившись у правого борта, показывали куда-то пальцами. Появились бинокли. Молодые люди бросили игру и побежали на нос парохода, откуда были видны оба берега и широкое русло великой реки.

– Черт возьми! Совсем как на старой гравюре, – заявил молодой американец. – Смотрите на эти тоненькие трубы. Такие пароходы ходили здесь сто лет назад во время гражданской войны.

– В самом деле, откуда взялась эта посудина?

– Может быть, происходит киносъемка?

– Неужели? Ах, как интересно! Не снимут ли наш пароход?

– Безусловно снимут, леди. Мы будем участвовать в кадре лучшей картины сезона – «Бегство невольников».

Маленький, низко сидящий в воде пароходик с двумя тоненькими, рядом стоящими трубами шел наперерез речному гиганту, словно желая преградить ему путь.

– Джонни, вы что-нибудь понимаете в сигналах? Смотрите, на пароходике машут флажками.

– О да, мисс Глория. Нам сообщают, что с сегодняшнего дня в этом штате введен закон, запрещающий женщинам красить губы.

– Противный! Вечером я не танцую с вами.

– А сейчас сообщают, что запрещаются и танцы.

– Мы останавливаемся. Вы чувствуете? Машина больше не работает. В чем дело? Что-нибудь случилось?

– Пароходик направляется к нам. Сейчас все узнаем. Эй, парень, – обратился молодой американец к негру-стюарду, – в чем дело?

Негр не по-казенному радостно улыбался:

– Это наши из города прислали за ним специальный пароход.

И негр-стюард скрылся в толпе.

– Ничего не понимаю, – заметил Джонни.

Меж тем маленький допотопный пароходик пришвартовался к речному гиганту. По сброшенному трапу поднялся респектабельный джентльмен.

– О, этого я знаю, – заметил партнер Глории.

– Кто же это?

– Это мистер Медж.

– Как? Отец Амелии Медж?

– Он самый.

– Зачем он здесь?

– Он принимает участие в предвыборной кампании.

– Ах, вот в чем дело! А что это за толпа негров идет следом за мистером Меджем? Похоже на делегацию. Они поднимаются сюда на палубу. Пойдемте скорей. Вероятно, будет что-нибудь интересное.

Молодые люди, бесцеремонно расталкивая пассажиров, побежали на корму, где на игровой площадке собралось много народу. Над головами возвышался знакомый черный цилиндр.

– Ваша честь, – слышался голос мистера Меджа, – я лишь сопровождаю делегацию ваших избирателей, пожелавших вас встретить. Позвольте обратиться к вам, мистеру Фредерику Дугласу, представителю жителей города, который вы согласились посетить.

– О, конечно, прошу вас, мистер Дуглас. Как вы поживаете, мистер Дуглас? – послышался голос старого Ирвинга Мора.

– Ваша честь, – обратился к Мору гигант-негр в безукоризненном костюме, – наш город с радостью ждет вашего появления. Население города, большую часть которого составляют цветные, в знак выражения своих чувств решило послать за вами этот старинный пароход, мистер Мор. Этот пароход реликвия нашего штата. На нем когда-то приезжал сюда сам президент Авраам Линкольн – освободитель бесправных. Мы хотим, чтобы и вы, ваша честь, прибыли в город на этом пароходе.

Толпа на корме зашумела.

– Вот это здорово! – восхищенно воскликнул Джонни.

Судья Мор пожал руку Дугласу и вместе с ним, мистером Меджем и целой свитой секретарей и репортеров сошел на борт знаменитого пароходика.

Пассажиры, сгрудившись у борта, долго махали платками и шляпами. Речной гигант из уважения к сошедшему кандидату в президенты продолжал медленно плыть по течению с заглушенными машинами.

– Если бы я выставил свою кандидатуру в президенты, – заметил высокий седой джентльмен со смуглым красивым лицом, – то уж во всяком случае не стал бы жать руку негру.

– Плантатор! – прошептал Джонни Глории и увел ее в салон.

Весь берег около пристани был запружен толпой. На капитанском мостике пароходика была отчетливо видна высокая фигура человека, размахивающего клетчатым платком.

Когда пароходик загудел, берег ответил ему неистовыми криками. Толпа заполнила

дебаркадер. Туча лодок устремилась навстречу. Многие негры и даже белые, сняв ботинки, вошли по колено в воду.

– Мистер Мор, – наклонился к кандидату в президенты Медж, – мне кажется, что аудитория избирателей налицо.

– В самом деле, – улыбнулся старик и, подойдя к перилам мостика, поднял руку.

Шум сначала возрос, но постепенно стих.

– Свободные граждане, – начал Мор, обводя глазами бесчисленные черные лица на берегу, – я рад, что встречаюсь с вами, как встречался еще недавно с такими же свободными гражданами в Бостоне и Детройте. Прислав за мной этот чудесный памятник вашего освобождения, вы оказали мне великую честь и всколыхнули во мне чувство благодарности провидению за Великого Американца, благородством и справедливостью положившего начало веку процветания. Когда его усилиями было покончено с недоверием и враждебностью внутри нашей страны, в ней проснулись небывалые творческие силы, обращенные на ее обогащение и прогресс. Не перед тем ли самым, но в масштабе всего мира, стоим сейчас и мы с вами, свободные граждане? Покончив с недоверием и враждебностью между нациями, мы, американцы, должны сплотиться с нашими заокеанскими друзьями и братьями, чтобы способствовать быстрому расцвету и обогащению всего мира. Мы входим в эпоху Великого сотрудничества и Великих работ. Одна из первых таких работ – титаническое строительство в самом недоступном месте земного шара – ждет нас. Вместе с Россией мы должны построить плавающий туннель в Европу, тем самым приблизив ее к себе и преодолев преграду океанов, отделяющих нас от всего человечества. Строительство туннеля займет наши свободные силы, даст вам, американцам, работу, благосостояние вашим семьям. Участие Америки в великом сотрудничестве отбросит в далекое прошлое боязнь нужды и голода. Вот путь Америки, начертанный провидением и завещанный нам историей! Борьбу за это свободное будущее и обещаю я вам в случае своего избрания, свободные дети великой Америки! Я уверен, что вы придете на выборы в большем количестве, чем прежде, свободные от равнодушия к делам человечества, не стесненные ограничениями, отмирающими в ваши дни, исчезающими так же бесследно, как исчезли когда-то черные гроздья бесправия, уничтоженные Авраамом Линкольном.

Восторженные крики потрясли воздух. Почтенного кандидата на руках перенесли на пристань и понесли к его автомобилю. Шоферу не позволили включить мотор – «Кадиллак» дружно покатали до гостиницы, украшенной национальными флагами.

Пассажиры с речного гиганта в бинокли могли видеть эту сцену.

– Так встречают не кандидата, а любимого президента, – заметил Джонни, отнимая от глаз бинокль.

– Негры... – многозначительно заметил кто-то.

– Скажите, это верно, что мистера Мора вызвали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности?

– Непоправимая ошибка для мистера Элуэлла! – рассмеялся Джонни. – Я слышал речь сенатора Майкла Никсона по этому поводу. Уверяю вас, одно то, что мистера Мора вызвали в Комиссию, даст ему дополнительно не один миллион голосов.

– Не считая коммунистов, – проворчал плантатор.

– Коммунисты и все, кто с ними, особо. Они поддерживают Мора, хотя он к социализму так же близок, как к самому господу богу.

– А как вы думаете, – наивно спросила Глория, – кого все-таки выберут – Мора или Элуэлла?

– Надо спросить американцев, чего они хотят: предвоенного напряжения или послеобеденного отдыха, – ответил Джонни.

Глава пятая ОРЕЛ

Козы одна за другой поднимались по скалистой круче. Их отчетливые силуэты на мгновение появлялись на выступе и неожиданно исчезали. Камешки сыпались из-под их стройных, сильных ног.

Следом за козами в гору шел человек. Вероятно, это был пастух-чабан. Он покрикивал громким, гортанным голосом, иногда подхватывая катившийся камешек и бросал его вслед убежавшим животным.

Останавливаясь, он пел. Откинув одну руку с длинным горным посохом и заложив другую за голову, он смотрел куда-то вверх и выводил странные рулады.

Потом, смеясь, может быть, над самим собой, он бегом догонял свое стадо.

По крутому, почти неприступному скату чабан взбирался легко и быстро. Видимо, от его недавней тяжелой болезни не осталось и следа. А ведь только полгода назад он не мог двигаться и лежал, прикованный к постели.

Горец достиг крохотной площадки, поперек которой едва можно было улечься во весь рост.

Как легко, как глубоко дышится в горах, как хорошо чувствовать, что вновь в твоих мышцах былая сила, что не кружится больше голова, не немеют руки и ноги! Нет, нельзя было так безрассудно перегружать себя, надо помнить о старом ранении в позвоночник. И самое главное, надо воспитать в себе внутреннюю силу, которая помогла бы выдержать такие удары, как катастрофа в Черном море.

Андрей лег на спину, стал смотреть в далекую, бесконечно прозрачную и удивительно чистую синеву.

Какая это была буря! Пожалуй, капитан был прав, требуя сбросить трубы в море. Конечно, сейчас, лежа среди великой тишины, можно соглашаться с капитаном Тереховым, с радиограммой Седых, но в тот момент!..

Андрей приподнялся на локте и стал смотреть вдаль. Там, на горизонте, поднималась волнистая гряда, а за ней вырисовывались неощутимые очертания пика.

Ранним утром этот пик исчезал. Тогда казалось, что там, внизу, у подножия гор, начинается море, а вдаль, в серо-голубой дымке, оно сливается с небом.

Но на самом деле никакого моря не существовало. Здесь, в Нагорном Карабахе, были только горы. Но зато какие горы!

Высоко, в поднебесье с трудом различались неподвижные точки. Это – орлы. Они парят, словно подвешенные к небу. Кто-то говорил, что нельзя подвесить к нему мост через Северный полюс. Как давно это было!

Мост через Северный полюс, Арктический мост! Вот уже больше года, как он ничего не знает о судьбе строительства. После катастрофы в Черном море врачи запретили ему не только читать, но даже с кем-либо разговаривать. Тогда-то и отвез его Сурен в это глухое местечко в Нагорном Карабахе, к своим родным.

Да, о чем он думал, глядя на этих орлов? О том, что нельзя подвесить к небу мост через Северный полюс. А вот орлы подвешены и реют неподвижно. Арктический мост он хотел подвесить ко дну океана. Ну что же, он и будет подвешен.

Работы, конечно, свернуты, прекращены. Опытный туннель не строится. Никто не рискует поставить вопрос о возобновлении строительства, да и некому это сделать: ведь нет его, Андрея, нет того, кто мог бы вновь вдохнуть жизнь в утопическую, как, наверно, теперь все считают, идею.

Ну что ж! Теперь уже недолго осталось ждать. Скоро он вернется. Скоро возьмется с прежней энергией за пропаганду строительства, будет настаивать на новых опытах. Алексей Сергеевич Карцев, конечно, поддержит, в этом нет сомнения. Степан, Сурен снова будут с ним. Аня... Милая, далекая Аня! Как тяжело ей приходится!

Андрей вздохнул и повернулся на бок. Далекий белый пик был виден особенно отчетливо. Залитый солнцем, он блестел, как огромный драгоценный камень.

Почему-то вспомнилось кольцо с алмазом, когда-то подаренное ему американцем Кандерблем. Андрей сам надел его Ане на палец в один из далеких счастливых дней.

Аня... Такая родная и близкая недавно и такая далекая теперь!

Как это случилось? Когда появилась первая трещина?

Все началось с того момента, как она бросила медицину после гибели малыша... занялась своей непонятной, никому не нужной реактивной техникой. Не нужной ему, Андрею, не нужной его Арктическому мосту.

А потом, во время болезни... Разве не могла Аня, такая любимая и родная, разве не могла она прийти к нему, чтобы быть с ним в это тяжелое время? Ведь за все время они почти не были вместе. Сначала госпиталь, Светлорецк, Арктика... Потом Америка, наконец, Черное море. А она все в Москве...

Аня, Аня... Чудесная, гордая и далекая!

Как-то они встретятся сейчас? Ждет ли она его по-настоящему? Письма ее теплы и искренни. Но лучше, если бы вместо писем она сама была здесь.

Он снова повернулся на спину. Ему захотелось еще раз увидеть реющих орлов.

Недавно их было три, а сейчас был виден только один.

Андрей внимательно смотрел на этого неподвижно висящего орла. Ему показалось, что птица быстро увеличивается в объеме.

Андрей порывисто сел, запрокинув голову.

– Вот так штука! Орел-то, оказывается, особенный!

Птица совершенно явственно опускалась.

До Андрея отчетливо доносилось жужжание.

Вскочив, Андрей сорвал с себя мягкую широкополую шляпу и, надев ее на посох, стал яростно им размахивать.

Но откуда в Нагорном Карабахе вертолет?

Аппарат стал медленно спускаться. Андрей сначала думал, что он приземлился, но вертолет остановился и повис в воздухе прямо над ним. Отворилась дверка фюзеляжа, и оттуда выбросили веревочную лестницу. Сквозь шум мотора он услышал знакомый голос:

– Слушай, подожди! Ва! Не поднимайся, я сам к тебе с неба по ступенькам спущусь.

Через минуту ошеломленный Андрей уже сжимал в объятиях Сурена.

– Ай, вай, вай! – кричал Сурен, хлопая Андрея по плечу. – Какой стал чабан! Настоящий чабан! И шляпа, как у чабана, и глаза, как у чабана, и палка, как у чабана. Только вот горбинка на носу, математически выражаясь, имеет отрицательный радиус, – кривизна не в ту сторону. Ну, здорово, товарищ Корнев.

– Сурен, откуда ты? Я тебя за орла принял.

– А разве ты ошибся? Андрей, я за тобой. Пора! Понимаешь? Ну, это я все потом расскажу. Я с собой профессора привез. Прямо из Москвы...

– Какой профессор? Почему ты в вертолете? Откуда?

– Мой старший брат – конструктор Авакян... Знаешь? Ну вот. До Баку мы на пассажирском самолете с профессором летели. А вот в Нагорном Карабахе, особенно в нашей деревне, посадочных площадок нет. Я у брата его вертолет на полдня занял. О-о, машина!.. Орел, а не машина! – Сурен задрал голову и закричал: – Товарищ профессор, давайте спускаться. Только не с парашютом, пожалуйста, а по лестнице. Понимаешь,

профессор никак не хотел лететь без парашюта. Он мне все не верил, что винт вертолета, даже если мотор остановится, создает при падении так называемую авторотацию, то есть парашютирующий спуск. Вот он спускается, и парашют за спиной... Прыгайте, товарищ профессор!

На площадку ступил пожилой человек с небольшой бородкой. Он поправил очки и внимательно посмотрел на Андрея.

– Пациент? – спросил он. – Очень рад. Вы знаете, я страшно боюсь высоты. Но, ничего, это воспитывает характер и укрепляет нервы.

– Вы умеете прыгать с парашютом? – поинтересовался Андрей.

– Ни в какой мере. Никогда и не пробовал. – Профессор снял очки и стал протирать их носовым платком. – Однако, если бы потребовалось, я бы, несомненно, прыгнул.

– Так почему же вы не тренировались?

Профессор неопределенно пожал плечами.

– Боюсь, – сказал он и вдруг рассмеялся немного виноватым детским смехом.

– Профессор, дорогой, а у нас очень мало времени. Раздевайте пациента, а я приготовлю вам обещанный шашлык. Ты знаешь, профессор только потому и полетел, что я пообещал ему настоящий кавказский шашлык. Он даже сегодня в Москве не завтракал.

– Это правда, – закивал головой профессор.

Вертолет тем временем стал подниматься. Козы в страхе разбежались, прыгая на почти отвесную стену.

– Как же вы меня здесь нашли? – удивился Андрей.

– А я сначала приземлился в деревне. Мне сказали, что ты пасешь коз и будешь только поздно вечером. Ну, мы и полетели тебя искать. Пока парили там в высоте, я тебя в бинокль высмотрел.

Говоря это, Сурен сломил сухое деревцо и скинул на землю висевшую через плечо сумку.

– А я настоящий шампур в деревне успел срезать. – Сурен вынул из сумки несколько тоненьких прутиков и принялся ловко разжигать костер. – Какое замечательное место! Шашлык такой же замечательный будет!

Он вынул из сумки сало, мясо, лук, нарезал их кусочками, сложил в припасенные листья и принялся ждать, когда сучья прогорят и появятся угли.

– Ва! – закричал он, вдруг прервав какой-то вопрос профессора. – Одну минуту, пожалуйста, надо перейти сюда.

– Но ведь на нас здесь несет дымом, – попробовал запротестовать профессор, но Сурен был неумолим.

Сдвинув костер немного в сторону, он на горячую землю положил завернутые в листья кусочки мяса и сала.

Ничего не подозревая, профессор и Андрей перешли на указанное место. Вдруг профессор беспокойно завертелся.

– Но ведь это же безбожно, Сурен Андроникович! – воскликнул он. – Безбожно и вместе с тем обворожительно!

Он вдыхал аромат, который ветер доносил от завернутых листьев, лежавших на горячих углях.

– Ва! – закричал Сурен, поднимая палец. – Это такой шашлычный обряд – только теперь можно кушать шашлык по-настоящему. – И он принялся нанизывать на шампур кусочки мяса, все время приговаривая: – Ай, какой будет шашлык! Ай-ай-ай, какой будет шашлык!

Профессор остался доволен осмотром Андрея.

– Вполне, вполне оправился, – заключил он. – Я никогда не подумал бы, что этот воздух может подействовать так благотворно.

– Это не только воздух, профессор, это еще и шашлык. Ведь он тут питался только шашлыком и козьим молоком.

– Да, да... козье молоко, в самом деле... Но ваш шашлык лишает меня всех моих профессиональных способностей. Я уже умираю...

– Так и надо перед шашлыком. Вот у меня еще есть вино! О! Настоящее кавказское! В Москве на Арбате купил. Андрей, ты не научился еще пить?

– Нет, не пью по-прежнему... Скажите, профессор, я здоров?

– Вполне, дорогой мой пастух, вполне.

– Значит, я могу теперь спрашивать обо всем? О работе? Об Арктическом мосте?

– Абсолютно обо всем, дорогой, абсолютно.

– Ну, тогда рассказывай! – Андрей схватил Сурена за плечи.

– Подожди, подожди, печенка лопнет. О чем рассказывать?

– Об Арктическом мосте. Работа законсервирована, конечно. Каково к нему теперь отношение? Можно ли сразу по приезде в Москву ставить вопрос о возобновлении строительства?

– Нет, нельзя, – невозмутимо ответил Сурен, протягивая профессору прутик с восхитительно пахнущим шашлыком и кладя на огонь следующий прутик.

– Почему нельзя? – насторожился Андрей.

– Потому что этот вопрос давно уже поставлен и разрешен.

– Как так разрешен?

– Имеется правительственное решение продолжать строительство опытного туннеля в Черном море, и сейчас мы все корпим над окончанием проекта подводного дока. Понимаешь?

– Какого подводного дока? – нахмурился Андрей.

– Обыкновенного подводного дока. Такая гигантская подводная лодка, внутри которой собирается, туннель, а она постепенно отодвигается от берега.

– Постой! – воскликнул Андрей, больно сжимая Сурену руку. – Как ты сказал?

Сурен взглянул в изменившееся лицо Андрея и растерянно замолчал. Рука Андрея, сжимавшая локоть Сурена, вдруг ослабла и упала. Сурен тревожно покачал головой.

– Да, да... понимаю, – прошептал Андрей. – Как же я... Как же я – то не догадался? Док движется под водой и словно соскальзывает с уже готовой трубы? А она все удлиняется и удлиняется?

– Совершенно верно, – кивнул головой Сурен, протягивая Андрею шампур с готовым шашлыком.

Андрей взял прутик с шашлыком и стал машинально ковырять им землю.

– Подожди, постой... что ты делаешь? – встрепенулся Сурен.

Вместо ответа Андрей вдруг бросил кулинарное произведение Сурена, вскочил на ноги, но тотчас сел.

– Нет-нет, ничего, – смущенно сказал он, понутив голову.

– Подожди, подожди... – придвинулся к нему Сурен, стараясь заглянуть ему в лицо. – Почему так?

– Ну, вот видите, – виновато проговорил Андрей. – А я здесь пас коз... Козочек пас...

– Ай-ай-ай, – вдруг перебил его Сурен, хитро прищурившись. – Как же ты забыл?

– Что забыл? – нервно спросил Андрей.

– Забыл про подводный док. Ведь ты сам объяснял мне его проект.

– Я? Объяснял? – удивился Андрей.

– Там, в Ялте, после катастрофы, когда ты в бреду лежал, а я около тебя вместо медсестры был...

– Постойте, – поднял руку с шампуром профессор, – это уже почти по моей линии. В бреду рождается новая идея? Превосходно!

– Вот именно, – обрадовался Сурен. – Он в бреду метался и все утонувший туннель вспоминал. А однажды сказал: «Ничего, что он утонул... Надо его строить по-другому: удлинять с помощью специального подводного дока». Понимаешь, какую ты умную вещь сказал? Я даже удивился.

– Очень интересно: замечательное изобретение подсознательно рождается в мозгу больного.

Андрей сидел ошеломленный и вконец сконфуженный. Теперь он готов был без конца расспрашивать Сурена о подробностях и технических деталях этого нового, оказывается им же самым придуманного проекта, но ему было стыдно за свое поведение, столь похожее на вспышку авторского самолюбия и нетерпимости.

Тем временем Сурен наделил его новым шампуром.

– Как же Аня, Сурен? Аня как? Что же ты про нее ничего не рассказываешь? – заговорил, наконец, Андрей.

– Ва! Совсем позабыл, специально для этого прилетел. Меня с запиской послали.

Андрей вскочил. Воздуха, дивного горного воздуха ему не хватало! Он провел рукой по глазам. Сквозь пальцы сверкнула далекая ослепительная вершина.

«Андрюша, славный мой, – прочел он в записке. – Обязательно приезжай сегодня, мне это очень важно. Только не позже трех часов дня. Тогда поцелую, и даже очень крепко. Жду.

Твоя Аня».

– А сколько сейчас времени? – закричал Андрей, поворачивая к Сурену сияющее лицо.

– По-московски? – неторопливо поинтересовался Сурен.

– Ну, конечно же.

– А я думал, по Гринвичу. Не смотри так страшно, успеем, я все рассчитал. Садись, дорогой, доедай шашлык, а то в дороге кушать захочешь. Из Баку пассажирский вылетает в одиннадцать часов, а сейчас только девять утра. О козах не волнуйся – я из деревни чабана послал.

Андрей продолжал стоять. Ветер трепал широкие поля его мягкой шляпы. Внизу под ногами расстилалась небольшая полянка с белыми пятнышками успокоившихся коз и серым силуэтом вертолета.

Послышалось жужжание. Вертолет стал тихо подниматься. Скоро он повис почти над самой головой Андрея. Сверху спустили лестницу.

– Шашлык был замечательный. Никогда в жизни не ел ничего подобного, – заявил профессор, вытирая губы и бороду платком.

– Скорее, скорее! – торопил Андрей.

...Жужжание усилилось. Козы подняли головы и умными красивыми глазами провожали странного орла, поднимающегося вертикально в небо.

Скоро маленькая точка исчезла в прозрачной синеве.

Глава шестая

ИСПЫТАНИЕ

Леса и перелески, дачные домики, поле с уборочной машиной, платформы с промелькнувшими лицами, шоссе с бегущими грузовиками, самолет в воздухе, ребята, скатывающиеся с пригорка, тоненькая девушка с косами, приветно машущая рукой...

И уже скрылась легкая фигурка. Бегут назад кудрявые рожицы по обеим сторонам полотна, и вдаль уходят прямые, как лучи, рельсы, загибаются за самый горизонт, повторяя выпуклость земли.

Идеальная прямая! Когда-то царь-самодур с тупым упрямством провел эту линию. Так и должны были строить дорогу из Петербурга в Москву. Так и строили ее напрямик через холмы и болота, строили... на человеческих костях.

И как память прошлого лежит и сейчас прямолинейное полотно, ведет в Москву среди полей и рощ, садов и перелесков.

На одну из дачных станций этой дороги прибыл необыкновенный поезд. Он был похож

на гигантскую трубу, поставленную на колеса. Прибытие этого поезда вызвало переполох в дачном поселке. На платформе собралась толпа: мужчины в спецовках или летних пиджаках, девушки в открытых сарафанах или легких брюках, руководительница детского сада молоденькая, строгая, с сияющими и любопытными глазами и целым выводком построенных в пары, умирающих от восторга ребятишек, старушка в теплой кофте, два древних старика, оба лысые, бородатые, один в очках, наконец мальчишки, всюду во все времена одинаковые мальчишки в неподпоясанных рубашках, в коротких уже им штанах... Эти оседлали забор, забирались на ветви тополя и кричали оттуда:

– А окна-то где?
– И дверей не видать. Вот чудно!
– Это цистерна, бензин перевозить.
– Врешь, это пушка...
– «Пушка, пушка»! Много ты понимаешь! А как целиться?
– А это осадная. На цель рельсы прокладывают. Честное слово так. Мне Егорка говорил.

– Ребята, ребята! Смотри, идут.
– На четырех турбобилиях приехали. Видите?
– Смотрите, какой дяденька! Не дяденька, а целых полтора дяденьки!
– Он тебе на дереве уши надерет, только руку протянет.
– А я знаю, кто это. Это Седых, большой начальник!
– Много ты знаешь! Пушка, тоже сказал... А как она заряжается?
– А вон видишь сзади такое кольцо с дырками? Наверное, оно отвертывается.
– Ничего вы не знаете. Не дырки, а дюзы. Это снаряд ракетный, на Луну лететь.
– На Луну?
– Ой, на Луну! Вот хорошо бы залезть да спрятаться.
– Найдут, наверняка найдут. У них приборы чующие, по запаху определяют, кто есть.
– У-у! Тогда тебя сразу почует.
– Откуда ты знаешь, что это ракетный снаряд?
– А вон, видишь, с полуторным дяденькой женщина идет?
– Ну, вижу.
– Это его дочь. Она в Ракетном институте училась. Мы в прошлом году с ними на Истре рядом жили... дача там у них.

– И они отсюда прямо на Луну полетят?
– Вот увидишь. Снаряд по рельсам разбежится, разбежится, а потом как ахнет – и сразу в воздух. Ну, а потом прямым ходом на Луну.

Группа приехавших подошла к трубообразному поезду. Мальчишки притихли.

Здесь действительно была Аня Седых. Одетая в голубой комбинезон с белыми отворотами, она выглядела совсем юной. Только темные круги под глазами делали ее усталой и более взрослой.

Да, так все получилось! Андрюшу мог спасти только полный покой. «Никаких ассоциаций!» – сказали профессора. Ничто не должно было напоминать о пережитом, даже... жена. Аня рвалась к Андрюше, но ее убедили. И у Нее тогда ничего не осталось, кроме дипломного проекта.

Этот дипломный проект имел шумный успех, Степан Григорьевич Корнев какой это все-таки умный и влиятельный человек! – сумел не только заставить Аню делать не ученический, а реальный проект, но и привлечь к нему внимание технической общественности. И это он включил строительство ракетного вагона по Аниным чертежам в число первоочередных экспериментальных работ для Арктического моста. Степан Григорьевич остался вместо Андрея, и с ним посчитались. Аня должна быть, ему очень, очень благодарна!..

Но что будет с Андрюшей? Сначала Аня носилась с ребяческой мыслью сделать ему сюрприз. Конечно, она, не выдержав, во всем бы ему давно призналась, но тут случился этот

шторм в Черном море. Андрюша был в таком тяжелом состоянии. С ним ни о чем нельзя было говорить. И даже подготовиться на расстоянии было невозможно. Профессора запрещали. Может быть, это и к лучшему, что он приедет сразу на испытание. Ах, если бы приехал прежний Андрюша, каким он был в Светлоречке! Он бы все понял, принял бы и Аню и ее изобретение...

– Что ж, Анна Ивановна, – сказал, словно читая ее мысли, идущий с ней рядом Степан Григорьевич. – Я бы хотел, чтобы Андрей так же оценил ваш труд... и вас... как ценю я, ибо отношение человека определяется оценкой не своего собственного, а чужого «я»...

– Да, да, – рассеянно отозвалась Аня. – Конечно...

– К сожалению, для нас с вами не секрет, что Андрей... Да что там говорить! Жизнь полна несообразностей, ибо люди всегда выбирают не тех, кто особенно хорошо к ним относится, а чаще тех, кто... даже не хочет замечать...

– Вы думаете, что Андрюша меня не заметит? – улыбнулась Аня.

– Не надо меня понимать в буквальном смысле.

– А как вас понимать? – чуть склонила набок голову Аня.

Степан Григорьевич промолчал и отвернулся. Но Аня все равно заметила, что он покраснел.

– Пардон! Могу я поговорить с конструктором ракетного вагона Анной Ивановной Седых?

Аня оглянулась и увидела стоящего в почтительной позе еще молодого, но очень толстого человека с огромной торчащей шевелюрой. Его подбородок тонул в налитой шее.

– Да, да, конечно. Я и есть Седых. Что вас интересует?

– Я корреспондент технической газеты. Хотел бы услышать несколько слов о вашем вагоне. Прошу не стесняться терминологии, вы говорите с инженером.

– Очень приятно. Ну, что же мне вам сказать? Пожалуй, о всех цифрах мы поговорим после испытания, если вы здесь еще будете.

– О, несомненно!

– А сейчас скажу, что мечтаю применить реактивное движение в поездах черноморского плавающего туннеля и Арктического моста.

– Ах, Арктический мост, Арктический мост! – многозначительно вздохнул корреспондент. – Если бы вы знали, что у меня с ним связано! Я помню его еще с юности, со студенческих лет. Я готов был всего себя отдать этой дерзкой мечте. Как жаль, что здесь нет Андрюшки Корнева!

– Андрюшки?

– Да, да! Мы с ним вместе учились... в институте.

Аня нахмурилась, силясь что-то вспомнить. На кого же похож этот толстяк?

– Конечно, он теперь такой великий человек!.. Я могу только взять у него интервью, но, к сожалению, он сейчас далеко.

Корреспондент вынул блокнот и стал писать в нем красивым вечным пером. Ане бросился в глаза огромный перстень на его толстом пальце. Он врезался в мякоть, перехватывая жирный мизинец. И Аня сразу покраснела. Она перевела взгляд на пышную шевелюру корреспондента и, злорадно отчеканивая слова, сказала:

– Ошиблись, Андрей Григорьевич Корнев здесь.

– Как здесь? – опешил корреспондент, пряча блокнот в карман.

– То есть он сейчас будет здесь, приедет. Вы можете с ним поболтать. Узнаете друг друга. Как вы сказали? За его идею вы готовы были отдать всего себя?

– Разумеется!.. Пардон, я поспешу... Вы сказали, он подъедет? Я побегу к шоссе. Мерси.

Аня посмотрела ему вслед и удивилась, как тоненькая шея лохматого юноши, когда-то разносившего на комсомольском собрании Андрюшу, могла стать такой безобразной, жирной?..

Мальчишки на заборе видели, как сел толстый дядя в свою машину и поспешно

помчался по направлению к Москве.

– А этот куда покатыл?

– Дурак, с донесением!

И сразу же мальчишки на дереве заволновались. Они кричали своим друзьям на заборе, словно им с дерева было лучше видно:

– Садятся! Садятся! Все внутрь залезают!

– Смотрите, смотрите! А тетечка в комбинезоне осталась...

– Ну, она-то обязательно полетит!

– Почему ты думаешь?

– Дурак, сам сказал, что она в комбинезоне. Управлять снарядами будет. А потом она сама конструктор. Мне Егорка говорил.

– А почему все вошли, а она осталась?

– На часы смотрит...

– Еще одна машина на шоссе! – истошно закричали с верхней ветки.

– Двое! Еще двое! Это наверняка самые главные!

– Потому и тетечка к ним бежит! Ух, ты! Как прыгнула! Постой... он ее на руки взял.

Вот так штука! Несет! Тю-у!

Ребята все разом принялись кричать и хлопать в ладоши.

Андрей, не обращая ни на кого внимания, нес Аню к вагону.

– Что ты делаешь, сумасшедший? Пусти, кругом люди.

– А что мне целый свет! Наконец-то ты со мной!

– Даже у тебя на руках...

– Почему ты меня не встречала? Почему не прилетела вместе с Суреном? Почему мне нужно было сюда приехать?

– Сто тысяч почему, мой милый Почемучка! Папа здоров и тоже здесь. А вон идет Степан Григорьевич.

– А что это за штуковина на колесах? Почему ты в комбинезоне?

– Андрюша, прости, милый... давай сядем сюда на лавочку... Но вот... здесь дачники ждут поезда... и мы тоже сейчас поедem...

– Поедем?

– Ты знаешь, я волнуюсь... я не знаю, как тебе сказать. Мне казалось, что все будет просто... – Аня смотрела на Андрея, и он ей казался каким-то другим, немножко чужим, к тому же он нахмурился. – Знаешь, Степан Григорьевич часто бывал у меня, принимал во мне участие.

– Очень мило с его стороны.

– Ты поблагодари его.

Подождал Степан. Андрей встал. Они молча обнялись.

– Спасибо тебе за все. За Арктический мост, что отстоял, за Аню вот тоже...

– Ты уже знаешь? – спросил Степан Григорьевич.

– Нет, еще, – быстро сказала Аня.

– Товарищи, дальше ждать нельзя. Иван Семенович торопит, ибо перегон нам отвели на строго определенное время. Да вон он и сам сюда идет.

– Ничего не понимаю. Что это? Аня на практике, что ли? Новый дачный поезд? А зачем вы все здесь?

– Здорово, Андрюха! – еще издали крикнул старый гигант. – Дай я тебя... словом, поломаю тебе шпангоуты. Э-эх! Ну, крепко. Теперь тебя не сломишь, какой вышел молодец! Мужичья кость, говорю, – Иван Семенович сжал Андрея в медвежьих объятиях, отпустил со смехом, взял за плечи и довел к вагону. – Анка-то у меня как отличилась! Не у всякого инженерику по дипломному проекту вагон построят.

– Ах, вот как! Я поздравляю тебя, Аня!

– Ну вот... Я знала... Вот видишь, оказывается, совсем тебя не знала... Спасибо, Андрюша, – смущенно лепетала Аня.

– Ты мне хоть объясни...
– Нечего, нечего! – заторопил Седых. – Время подошло. Полезайте оба в кабину. В пути наговоритесь.

– Это ты нарочно меня минута в минуту сюда доставил?.. – спросил Андрей Сурена. Тот вынул изо рта трубку и глубокомысленно выпустил клуб дыма:
– Слуший, понимать надо! Лишнее время – лишние разговоры! А тут сразу хлоп – и четыреста километров в час.

– Неужели такая скорость? – спросил Андрей, взбираясь на подножку. Аня улыбнулась ему из дверей кабины, маня за собой.

Мальчишки тотчас отозвались:

– Ну, ребята, держись, не падай с дерева! Сейчас взрыв будет, и они... на Луну...

– Привет Луне, – закричали с забора.

Андрей вместе с Аней входили в кабину управления, принужденно шутя:

– Очень трогательное участие в судьбе молодого специалиста!

Впереди вместо стены было сплошное круглое стекло, словно в подводной лодке капитана Немо. Перед стеклом находился пульт управления с рычагами, приборами и кнопками.

– Андрюша, милый... сегодня у меня особенный день... пожелай мне удачи.

– От всей души!

Аня положила руки на пульт. Сзади что-то взревело. Андрей отлетел назад и ударился о стенку. Еще одно движение Аниных пальцев – и Андрея прижало к стенке с еще большей силой. Аня оглянулась, виновато и в то же время торжествующе улыбнулась. Андрей, приходя в себя, заметил, что поезд мчится с огромной скоростью. Он хотел что-то сказать, но боялся, что Аня все равно не услышит, такой был грохот сзади в вагоне.

«Шумное, надо сказать, пригородное сообщение...», – подумал он.

И вдруг все стихло. Андрею на мгновение показалось, что он потерял слух. Но он услышал тихий Анин голос:

– Ты не ушибся? Я нечаянно перевела контроллер на два деления. Водитель, оказывается, из меня неважный... Папа все сердится, что машину гоняю...

Телеграфные столбы проносились мимо, как спицы бешено вращающегося колеса. Сеть проводов вздымалась и опускалась волнами.

«Для дипломницы, конечно, просто необыкновенная удача! – думал Андрей. – Но все же... она могла бы меня встретить... Ну если прежде – врачи... то теперь? Что ж, вероятно вскружил голову успех!»

– Черт знает какая скорость! – меж тем говорил он. – Какие потребуются пути?

Аня загадочно засмеялась:

– О, для нашего вагона будет построена самая идеальная трасса – без подъемов и уклонов, без поворотов, как...

Андрей не расслышал, что сказала дальше Аня, кажется, про ствол ружья... Она повернула контроллер, снова включились дюзы, и Андрея опять прижало к переборке.

Аня крикнула:

– Нам выделили самый лучший участок пути! Как в Арктическом мосте.

На этот раз Андрей услышал и вдруг понял сразу все. Так это поезд для его Арктического моста, поезд, который должен заменить его собственную конструкцию магнитофугального экспресса, показанного на нью-йоркской выставке! Вот почему ему ничего не писали, вот почему не встречали, вот почему доставили прямо на испытание, чтобы оглушить взрывами дюз, ошеломить... наконец унижить. Так вот почему она такая чужая, далекая. Оказывается, она теперь конкурирует с ним! Завтра о ней напишут все газеты, как о победительнице... Вот что ей нужно! Как меняются люди! Где же прежняя робкая, нежная Аня, которую он встречал в игрушечном вагончике на узкоколейке? Где? Сердце у Андрея стучало...

Деревья слились в сплошную стену, через которую, как через зеленое стекло, можно

было видеть дорогу и дальние перелески.

– Вот теперь... четыреста километров в час! – воскликнула Аня.

Глаза ее горели, она улыбалась, она забыла о том, как будет реагировать Андрей, забыла! Она полна была собственным счастьем, успехом, победой! Она торжествовала! Такого поезда еще не было в мире!

Грохот смолк. Поезд мчался с непостижимой скоростью по инерции.

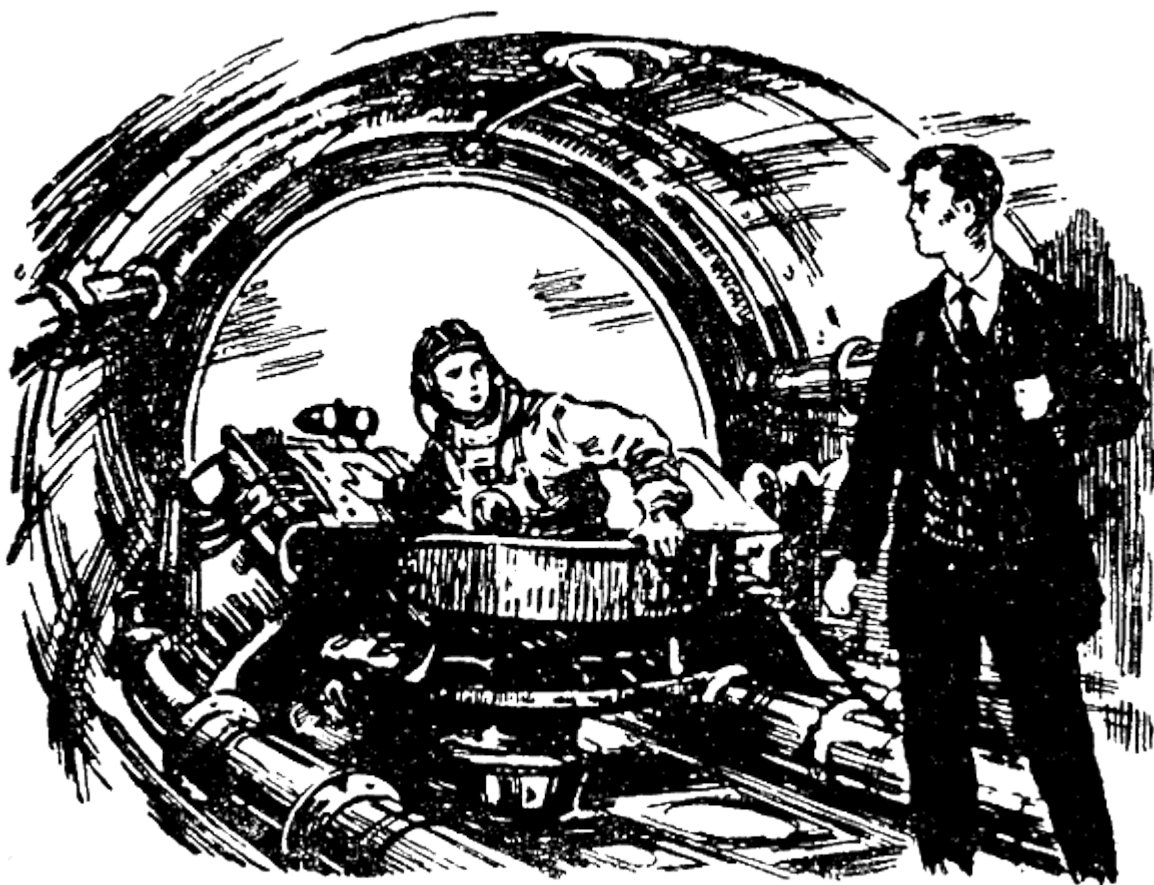
Аня обернулась:

– И это только еще одна пятая той скорости, которая будет... которая будет... – Аня остановилась.

Вид Андрея был страшен. Щеки его провалились, испарина выступила на лбу, глаза лихорадочно блеснули.

– Ничего не говори, я все понял, – сказал Андрей. – Все слишком ясно...

– Андрюша! – невольно тормозя, воскликнула Аня. Она предостерегала, умоляла, возмущалась в этом возгласе.

Андрей с горькой усмешкой покачал головой:

– Если капля переполняет чашу, значит, чаша была полной.

– Но ведь это же дико, нелепо... в такой час!

– Что ж... час ты сама выбрала! Мы действительно слишком долго находились вдалеке... И слишком мало осталось соединяющего нас...

– Ты хочешь... упрекнуть меня как врача, что я не уберегла...

– Хочу сказать, что ракетный вагон, сделанный втайне от меня, за моей спиной, сделанный, чтобы скомпрометировать, отвергнуть мой магнитофугальный поезд, который я вынашивал годами, этот ракетный вагон не связь, а преграда между нами.

– Ах, так! – Аня закусил губы. Она продолжала тормозить. – Ты человек с болезненным самолюбием, привыкший к преклонению! Тебе бы рабыню, чтобы ноги мыть... А я – то хотела, чтобы сын наш походил на тебя!

– Лучше не говори о сыне. Не терзай хоть этим... тебя забуду, а его нет...

Аня хотела крикнуть, что Андрей сумасшедший, хотела броситься к нему, не дать ему открыть дверцу кабины... но осталась, прикованная к пульта, готовая разрыдаться от обиды, досады, от жалости к себе, но не к Андрею... Порвалось, безвозвратно порвалось то, что должно было снова связать их... Значит, не осталось ничего...

– Если так – уходи! – сузив глаза, сквозь зубы проговорила она.

Поезд медленно шел вдоль платформы. Андрей соскочил на ходу.

Аня с широко открытыми сухими глазами и слезами в горле посмотрела на него в последний раз. Подумала, что когда-то он не сходил с ее поезда, а вспрыгивал на ходу...

Послышались голоса встревоженных Степана Григорьевича, Седых, Сурена...

– Испытание продолжается, – пересилив себя, спокойно сказала Аня. И подумала: «Испытания мы не выдержали...»

Андрей сошел с высокой платформы на рельсы, перебежал их, не оглядываясь на поезд, и направился в реденький березовый лес.

Когда позади снова раздался грохот, Андрей вздрогнул и схватился рукой за тонкий белый ствол дерева. Долго он простоял так, не двигаясь, потом медленно побрел обратно.

На путях и на перроне было пустынно. Попался только один старичок-железнодорожник в фуражке с красным верхом.

– Вам на Москву поезд? – участливо спросил он, внимательно вглядываясь в лицо Андрея.

Корнев кивнул головой.

– Так он не скоро будет, сегодня ведь испытания.

Стоя на платформе, Андрей задумчиво смотрел на подернутый вечерней дымкой пейзаж. Деревья и телеграфные столбы казались влажными. Густые сети проводов были похожи на мертвую зыбь, застывшую навеки.

Андрей вздрогнул.

Что ж, если женщина скрыла от тебя самое для нее дорогое и, идя с тобой рядом, имела свою, особую жизнь, это значит, что ты ей чужд... Если женщина не пришла к близкому человеку, когда он боролся за жизнь, как когда-то в корабельном госпитале, ясно все – любви уж нет.

Сойдя с платформы, Андрей двинулся вдоль путей. Влажный и теплый ветер ласкал лицо, а ему хотелось, чтобы ветер бил его солеными брызгами.

«В конце концов, все забыли, что стоит спросить и меня, если не как автора, то как инженера. Пригоден ли ракетный вагон для Арктического моста? А ведь можно привести много возражений, сомнений. Хотя бы газы... Как удалять их из туннеля, если в нем не должно быть сопротивления воздуха?»

Друзья?.. Они предали и покинули его. Они подняли руку на самое дорогое для него – Арктический мост.

За спиной он слышал хруст гравия под чьими-то ногами. Андрей обернулся: пряча от ветра спичку, раскуривал трубку Сурен.

Глава седьмая **ОПЫТ МИСС АМЕЛИИ МЕДЖ**

Приближался день выборов президента Соединенных Штатов Америки. Предвыборная горячка достигла предела.

Домик мистера Меджа превратился в боевой штаб приверженцев судьи Мора. День и ночь у четырех телефонов, установленных в уютной раньше, а теперь загрязненной, заброшенной окурками столовой, дежурили усталые, охваченные предвыборным азартом люди. Мистер Медж то появлялся, то исчезал.

Он вел кампанию блестяще. Никто не ожидал от незаметного политического деятеля, проявившего себя лишь при создании «Ассоциации плавающего туннеля», такого

организаторского таланта. Благодаря его усилиям будущее благополучие страны и туннель как понятия слились воедино.

Но мистер Медж знал, что рано успокаиваться. Противник еще силен. Нет никого на свете опытнее и хитрее мистера Кента.

Поговорив с Сан-Франциско и заказав разговор с Сиэтлем, мистер Медж поднялся наверх, в комнату дочери. Ему хотелось отдохнуть хотя бы десять минут.

Амелия металась по комнате.

– Бэби, все идет великолепно, – сказал мистер Медж, потирая руки. Русские приступили к строительству подводного дока. Завтра мы протрубим об этом во всех газетах. Нельзя было сделать лучшего подарка мистеру Мору.

Амелия остановилась.

– Дэди, скажите, мы победим?

– Надейтесь на бога, бэби, пока все за нас. Мы начали кампанию в очень неблагоприятных условиях – вспомните гибель опытного туннеля в Черном море. Наши враги очень ловко использовали это. Шансы старика Мора были тогда минимальными, а теперь подводный док – это тот миллион голосов, которого недоставало нашему кандидату.

– Дэди, я должна сознаться вам, что не переживу поражения, – заявила Амелия, стиснув свои острые крепкие зубки.

Мистер Медж тяжело опустился в ажурное креслице у туалетного столика дочери.

– Почему, бэби? Что угрожает вашей жизни?

– Дэди! Я ненавижу, ненавижу, ненавижу! Вы ничего не понимаете!

– Не понимаю, – признался мистер Медж.

– Обо мне говорят бог знает что. Будто я... и мистер Кандербль... А я его ненавижу, и он мне нужен.

– Позвольте, бэби. Вы ненавидите рыжего Майка, теперь еще Кандербля, так зачем же он вам нужен?

– Нужен, нужен, нужен! – закричала Амелия, бегая по комнате.

– Я уверяю вас, бэби, это очень эксцентрично. Но...

Амелия остановилась перед отцом и выкрикнула:

– Дэди, вы «дикэй»!

Мистер Медж уставился на дочь, пытаясь понять, что подразумевает она под этим словом. Обычно оно означает дурную или плохую пищу, но его можно употреблять и как бранное слово: «изношенная рубашка», а то и просто «осел».

– Все знают об этом, а один только вы ничего не знаете, – сказала мисс Амелия, сдерживая слезы и отворачиваясь к зеркалу. – Если победит мистер Мор, я счастлива; если победит мистер Элуэлл то я несчастней-, шее в мире существо.

– Гм... – глубокомысленно заметил мистер Медж. – Как жаль, что вы раньше не сказали этого. Если бы это дошло до наших избирателей, то они, почувствовав здесь романтическую подкладку, подарили бы мистеру Мору лишний миллион голосов.

– Замолчите, дэди! Вы не смеете так говорить, – зашептала Амелия. – Здесь нет никакой романтики. Я просто его ненавижу, и он мне нужен. Вот и все. И это должно быть тайной.

– Тайна! О, это еще приятнее для избирателей. Если к вашему предвыборному аргументу еще присоединить и тайну...

– Ах, боже мой, дэди, что будет со мной, если победит этот ненавистный Элуэлл?

– Может быть, ваша ненависть немного ослабнет? – попробовал пошутить мистер Медж.

– Мистер Медж! – послышался хриплый голос снизу. – Сиэтль у телефона.

– Спешу, спешу!

Мистер Медж торопливо поцеловал дочь в волосы и, обрадовавшись случаю прекратить неприятный разговор, побежал к лестнице.

Мисс Амелия Медж прошла по комнате, повторяя одно и то же:

– Как, как узнать результат голосования?.. В конце концов я должна это знать!

Сделав около тысячи шагов, мисс Амелия ответила себе, что это невозможно. Сделав вторую тысячу шагов, она остановилась, посмотрела в зеркало и стала приводить в порядок волосы.

– А я все-таки узнаю, узнаю, узнаю! Это будет даже лучше, чем пробные голосования Института прогнозов. Я отправлюсь к Мэри Смит. У нее самая большая и самая средняя американская семья.

Амелия бросилась выбирать платье. Через несколько минут ее нежно-розовый автомобиль мчался в Джэмэйку.

С океана дул ветер. В Нью-Йорке это очень неприятно. Но Амелия не замечала сейчас ничего. Она очень спешила и остановилась только один раз у кафетерия, чтобы, опустив в щелку хиромантного автомата один цент, узнать результат будущего голосования и свою судьбу.

Полученный из аппарата ответ гласил:

«Ваше горячее желание исполнится, если никто в мире еще более жарко не пожелает обратного».

– О! – воскликнула Амелия, повеселев. – В таком случае старина Мор будет президентом. Никто не может желать этого так жарко, как я.

...Семья Смитов занимала в Джэмэйке такой же коттедж, как Меджи во Флашинге. Мисс Амелию встретил старый Бен, отец ее подруги.

– О, леди! Я так польщен, что вы, дочь столь знаменитого теперь человека, заглянули к нам. Мэри побежала в магазин, она скоро вернется. Проходите, леди.

– Здравствуйте, дядя Бен, как вы живете?

– Как может жить старый Бен? Слава богу, хорошо. Если в Америке есть человек, не боящийся безработицы, то это старый Бен.

Толстый, огромный Бен провел Амелию в гостиную и усадил около телевизора.

– Не хотите ли посмотреть цветную программу, леди?

– Нет, дядя Бен, я лучше поговорю с вами.

Старый Бен расцвел.

– Да, леди... Слава богу! Хозяева завода знают старого Смита. Недавно меня назначили мастером. Я купил Мэри новый автомобиль, прекрасный «Крайслер». Теперь она ездит в нем к себе на службу.

– Ах, Мэри устроилась на службу?

– О, да! В модный магазин на Пятой авеню. У нее бывают все миллионеры Нью-Йорка, Чикаго и даже с того берега. У девочки закружилась голова. Я не могу поручиться, что вдруг не заполучу зятя-миллионера! – И дядя Бен оглушительно захохотал, тряся жирным телом.

Мисс Амелия закинула ногу на ногу.

– А как же этот... ну, который всегда бывал у Мэри?

– А, мистер Сэм Дикс... – Старик пожал плечами и хитро подмигнул. – Пусть ходит: на каждом автомобиле должно быть запасное колесо.

Амелия весело расхохоталась.

– Ну, что же так долго нет Мэри?

– Уже звонят, моя леди, наверное, это она.

Старик поднялся. Доска пола жалобно заскрипела под его ногами.

В передней послышался мужской голос.

– К сожалению, моя леди, это только Генри.

Вошел молодой человек, почти мальчик, с немного рассеянными, бегающими глазами.

– Хэлло, Генри! – ответила на его приветствие Амелия. – Я давно вас не видела. Вы, наверное, уже закончили свой колледж?

– Увы, да, мисс Амелия.

– Почему же вы сожалеете об этом?

Генри устало опустил в кресло.

– Потому что я не знаю, куда мне девать вот эти руки.

– Ах, вот что! – Амелия рассмеялась. – Разве вам не может дать совет ваш старший брат. За столько лет безработицы он мог придумать, куда девать руки.

– Да, леди, – вздохнул старик, – это, пожалуй, даже и не смешно. Без работы все время после колледжа...

– Вы говорите о Джемсе, – заволновался юноша. – Но он уже давно перестал задумываться над этим. У него даже пропала охота искать для себя занятие. Он уже мертв.

– В тридцать пять лет! – воскликнула Амелия.

– Да, – печально подтвердил Генри. – У него нет желания действовать, и когда я гляжу на него, я прихожу в ужас, мисс Амелия, у меня стынет кровь! Но я хочу что-то делать, у меня же мышцы, посмотрите, какие... И я кончил колледж.

Амелия вздохнула. Вдруг она оживилась.

– Генри, хэлло! Когда будут строить туннель, вы найдете там работу.

– Дай бог! – ответил Генри. – Я с восторгом отдам мистеру Мору свой голос.

Амелия чуть не подпрыгнула от радости. Старый Бен почему-то захохотал.

– Держи карман шире, сынок. Вы еще утонете в этом туннеле. Вон у русских утонул туннель, сколько людей там погибло, – все газеты об этом писали.

– Это ложь! – возмутилась Амелия. – Наоборот, пожертвовав туннелем, русские спасли людей. Теперь же, при новом способе прокладки туннеля, работа совершенно безопасна.

– Кто знает, кто знает... Сэм так же говорит. Но, во всяком случае, что касается меня, то я предпочитаю голосовать за хозяина своего завода.

– Как, дядя Бен, вы работаете на заводе Элзуэлла?

– Да, моя леди. Недавно он стал нашим крупным акционером. Ха-ха-ха... Я ведь тоже приобрел несколько акций. Теперь я заинтересован в прибылях не меньше, чем сам мистер Элзуэлл. Судостроительные акции – это верное дело, моя леди.

Мисс Амелия нервно закурила папиросу.

– Вот он всегда так, – сказал Генри. – Для него существует только его завод и его бизнес. А сыновья его не интересуют.

– Что он говорит, моя леди? А кто его содержит? Разве не отец?

– Это тяжелее всего. Есть хлеб отца, когда имеешь такие руки, когда не знаешь, куда приложить свою силу, и даже не смеешь надеяться на это.

– Звонят, Генри, открой.

– Это, конечно, Мэри! – вскрикнула Амелия. – Один голос «за» и один «против», – прошептала она про себя.

Мэри была типичной нью-йоркской девушкой: ее послушные моде волосы спускались локонами, как у Амелии, миловидное личико всегда приятно улыбалось.

Подруги критически осмотрели друг друга, потом расцеловались.

Мэри отдала покупки брату и, схватив подругу, потащила ее на второй этаж, в свою комнату.

– Он так смотрел на меня, что я предложила ему вместо галстука носки... Я совсем с ума сошла... Он был так элегантен... Потом, когда он уезжал, я заметила в окно, что у него великолепный «Ролл-ройс». Он по два раза в день заходил в магазин, потом я прогнала его. Я даже боялась за свое место, но он не пожаловался старшей...

– Ах, Мэри!

– Он сказал, чтобы я бросила ломаться, что он сделает мне богатый подарок!

– Нахал!

– Нет, дурак! Он думал, что мне нужен миллионер-любовник. Нет, мне нужен миллионер-муж.

– А Сэм?

– Ах, Амелия, я так привыкла к нему...

Мэри переделалась, и подруги спустились вниз. Там хозяйничал Генри, приготавливая вечерний чай.

– Где же Джемс? – ворчал Бен. – Так приятно было бы сесть за стол всей семьей.

– А как же Сэм? – спохватилась Мэри. – Уж я ему дам такую взбучку, что он устроит короткое замыкание.

– Почему короткое замыкание? – засмеялась Амелия.

– У него теперь часто получается короткое замыкание, с тех пор как я поступила в магазин. Ведь я ему все рассказываю... Бедный мальчик, он так переживает!.. Его обязательно выгонят с работы.

– Это Джемс, я узнаю по звонку, – пошел к двери старик Бен.

– Мэри, а за кого вы будете голосовать? – спросила неожиданно Амелия.

Мэри даже испугалась.

– Я? Голосовать? Да я никогда об этом и не думала.

Амелия топнула ногой.

– Вы не хотите использовать женское равноправие?

– О, Амелия. Я всей душой хочу использовать женское неравноправие и прибрать к рукам одного из этих богатых молодчиков, которые трутся в нашем магазине.

Мэри громко расхохоталась, а Амелия неодобрительно сжала губы.

– Право, Амелия, вы начинаете напоминать мне Сэма. Он тоже говорит, что надо обязательно голосовать...

– Джемс и Сэм, – возвестил старый Бен. – Можно садиться за стол.

Джемс был высоким, немного неряшливым парнем, с усталыми, развинченными движениями. Он поздоровался с Амелией, задержав ее руку в своей. Сэм смущался в присутствии малознакомой девушки и жался к стене. Мэри покрикивала на него, заставляя вносить в столовую стулья из гостиной, и хлопотала у стола, разливая чай в крошечные чашечки.

– Рассказывайте, парни, из-за чего вы поссорились у входной двери? – спросил старый Бен.

Джемс неприятно захохотал.

– Я нашел, наконец, себе работу, а Сэму она не нравится.

– Ты нашел работу? – нагнулся через стол старый Бен.

– Да-да, отец. Я получу двадцать долларов в день выборов.

– Что же ты должен сделать?

– Хо-хо! Об этом я как раз и собирался с вами поговорить, дорогие мои родичи.

– Хэлло! Это интересно. Двадцать долларов за один день. Я должна для этого работать целую неделю! – воскликнула Мэри.

– Это нечестный заработок, – пробурчал Сэм.

– Не ворчите, старина. Это прекрасный заработок. Вы всегда недовольны: то я не ищу заработка, то мой бизнес кажется вам нечестным. Заступитесь за меня, мисс Амелия.

– Расскажите, что это за бизнес, – попросила Амелия.

– Пустое дело. В день выборов я должен притащить к избирательным урнам всю свою семью и вас, Сэм. Вот и все. За это я получу деньги на великолепный костюм.

Чашечка в руке мисс Амелии задрожала.

– Вы не договорили, – вставил Сэм. – Приведенные вами родственники должны проголосовать за мистера Элуэлла.

– Ах! – Амелия чуть не уронила чашечку на стол.

– Что с вами, мисс Амелия? – спросил Бен.

– За мистера Элуэлла! – воскликнула Амелия.

– Ну нет, – сказал Генри, – я хочу получить работу в туннеле.

– Да не все ли равно, за кого голосовать? – деланно засмеялся Джемс. – Все в жизни одинаково плохо. По крайней мере, вы дадите мне заработать. А этот Элуэлл, уверяю вас, боевой парень. – Джемс хихикнул. – Говорят... что обстрел Седьмой авеню среди бела дня...

Хо-хо-хо!..

– Вы все с ума сошли с этими выборами! Я никуда не пойду, – заявила Мэри.

– А я пойду, чтобы проголосовать против Элуэлла, – сказал Сэм.

Мисс Амелия загибала под столом пальцы на правой и левой руке.

Джемс улыбнулся и пожал плечами.

– В конце концов мне все равно, лишь бы вы пошли вместе со мной.

– Э, сынок, – протянул Бен, – это уже нечестно – привести того, кто не проголосует за Элуэлла.

– Простите меня, – сказала вдруг Амелия, – я совсем забыла, что меня ждет отец.

– Как жаль, – заговорил Бен. – Мы провели бы такой хороший вечер. У нас есть несколько замечательных кроссвордов.

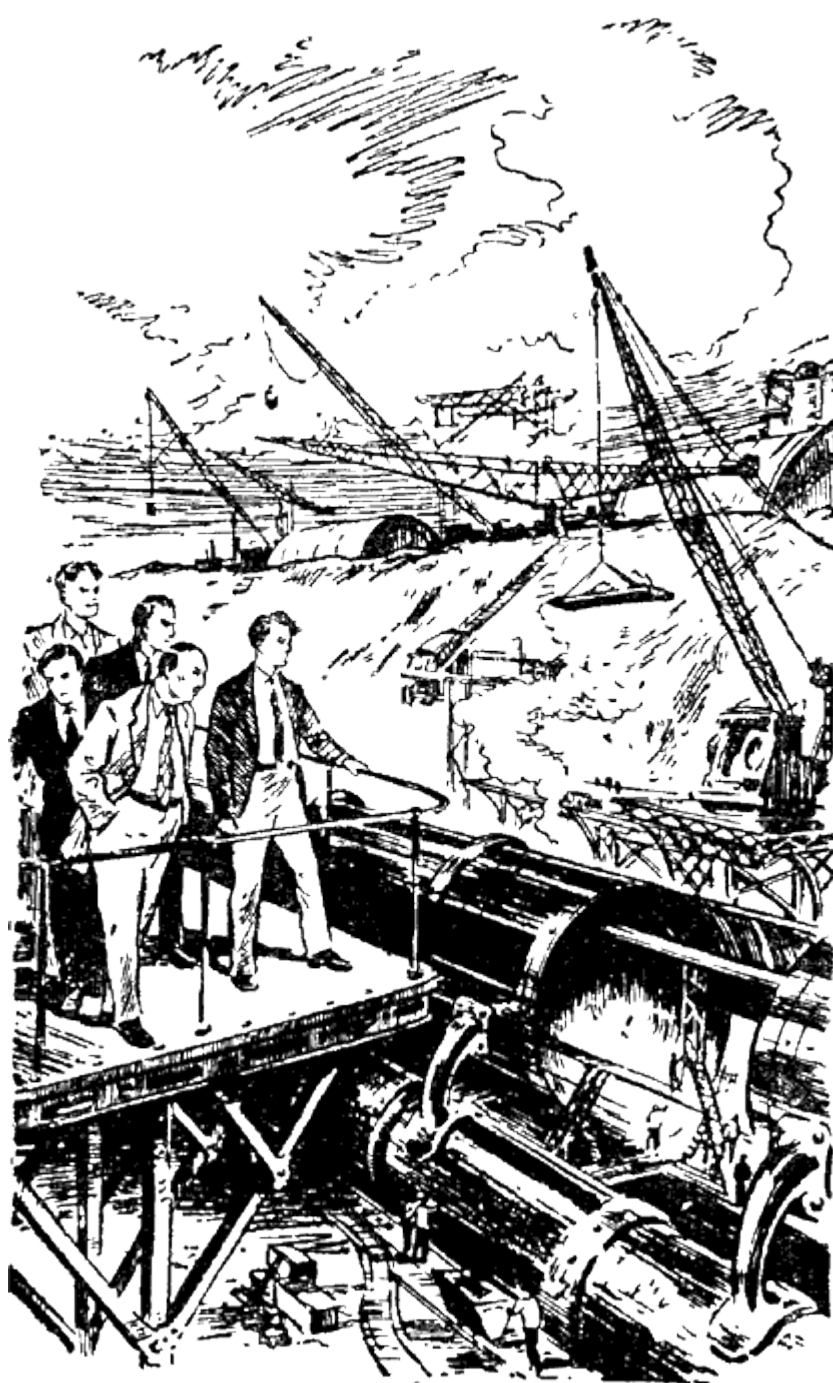
– Нет... нет...

Удивленная Мэри провожала взволнованную подругу. Но она удивилась бы еще больше, если бы знала, что на каждой руке мисс Амелии было загнуто по два пальца, а вопрос, который ее мучил, был: «За кого будет голосовать Мэри?»

Глава восьмая НАУТИЛУС

От моря, отгороженный от него исполинскими шлюзовыми воротами, в глубь суши шел широкий, но очень короткий канал. Он тянулся всего лишь на длину беговой дорожки стадиона и был сух. По обе стороны выемки стояли два ряда кранов-дерриков с высоко поднятыми ажурными стрелами.

Посередине канала, дно которого было много ниже уровня моря, почти вровень с землей проходила гигантская, еще не собранная полностью труба. Она была такого диаметра, что в ней свободно поместился бы трехэтажный дом.

Труба эта не лежала прямо на дне. Она, как сороконожка, упиралась лапами-патрубками на две меньшие трубы, которые покоились у самых стенок выемки.

Все сооружение было опутано сеткой металлических лесов. На лесах виднелись фигурки людей в комбинезонах, около них вспыхивали ослепительные звездочки электросварки.

Вдоль малых труб проходили узкоколейки с нагруженными и пустыми вагонетками. Деррики склоняли над каналом свои огромные удочки и вылавливали снизу листы изогнутого железа.

На краю выемки стоял Андрей Корнев. Поодаль тихо переговаривались Степан Григорьевич и Сурен.

Андрей стал спускаться на дно выемки. Степан и Сурен последовали за ним.

Снизу сооружение казалось еще величественнее. Даже малые трубы были в два – три человеческих роста диаметром, не говоря уже о большой, казавшейся выпуклой крепостной стене.

– Ва! – не выдержал Сурен. – Одно дело выдумать, другое – поглядеть. Во сне увидишь – страшно будет. Вот это масштаб! А как ты думаешь, Андрей?

– Думаю, что масштаб очень мал, – сказал Андрей.

– Слушай, что ты говоришь? Может быть, пирамидону дать? С дороги голова болит?

– Да, сердце болит за наше дело. Разве это масштаб?

– Андрюша, не надо рисоваться, ибо, кроме нас, тут никого нет, сказал Степан Григорьевич, с трудом сдерживая раздражение.

Андрей не обратил на него ни малейшего внимания:

– Док в сто метров длины – разве это док для четырехтысячекилометрового туннеля?

– Андрей, ты забываешь – это не просто судно, это подводный гигант, равного которому нет среди субмарин.

– А мне не подводная лодка нужна, а завод, подводный сборочный завод! – отрезал Андрей.

Степан только руками развел. Как неприятно складывался первый после приезда Андрея обход стройки!

– Нам понадобится атомный взрыв, чтобы удлинить выемку в шесть раз! Будем строить подводный док в шестьсот метров!

– Ты сошел с ума! – не сдержался Степан Григорьевич. – Виданное ли дело строить подобное судно, к тому же подводное!

– Вы проектировали без меня, я вношу коррективы. Подводный док будет длиной в шестьсот метров. Это сократит срок постройки Арктического моста.

– Вот это да! Ай-вай-вай! – щелкнул языком явно восхищенный Сурен. – Выходит дело, мы с тобой, Степан, крохоборщики.

– Андрей, не используй своего положения, – предупреждал Степан, когда они поднимались из выемки. – Я отказываюсь поддерживать тебя. На стройке сидит представитель из Москвы. Проект утвержден. Пойми, никто не разрешит строить сразу два таких гигантских дока, ибо нет опыта работы и с одним. Ведь в Мурманске тоже начали строить док...

– В Мурманске работы прекратим. Док будет один.

– Как – один? – опешил Степан Григорьевич.

– Слушай! Ты уже не хочешь строить в Арктике?

– Будем строить сначала в Черном море, а потом перегоним подводный док через Дарданеллы, через Гибралтар, вокруг Европы.

Сурен даже свистнул от изумления:

– Настоящий русский размах!

– Я вижу, не даром шутили, что ты автор проекта лестницы на Луну, – съязвил Степан.

Андрей побледнел от гнева:

– Будет так, как я сказал, и не потому, что я так хочу, а потому, что так выгоднее.

– Не знаю, согласится ли с этим представитель из Москвы, инженер Милевский... Ты его знаешь, вы когда-то встречались.

– Представителю здесь делать нечего. Если он вам без меня был нужен, чтобы разделять ответственность, то я обойдусь без него.

– Слушай, Андрей, ты просто не можешь реально мыслить. Мы ведь договаривались когда-то, что я буду учить тебя, ибо...

– Вот так и будет: ты будешь учить, а я буду командовать.

Степан Григорьевич еще не знал Андрея таким. Он поглядел на Сурена, ища сочувствия, но у того антрацитовые глаза горели, как у рыси, – он был восхищен Андреем.

К Степану Григорьевичу подошел старичок-мастер и стал жаловаться, что плохо с доставкой листов.

– Никак не управимся, – вздохнул он, протирая очки в тонкой металлической оправе.

– Придется управиться, – сказал Андрей. – Док мал будет. Решено строить его в шесть раз длиннее. Расскажите рабочим. Вечером с ними потолкуем, как такую громаду подымать.

– В полкилометра? – только и мог выговорить мастер.

Навстречу группе инженеров важной походкой шел изрядно полысевший и пополневший инженер Лев Янович Милевский.

– Кого я вижу! – воскликнул он, протягивая обе руки. – Восставший из мертвых! Сам Андрей Григорьевич! Ведь мы друзья еще с Урала. Ах, боже мой, какая это была чудесная поездка в игрушечном поезде... комфортабельный салон-вагон... Я с таким удовольствием его вам уступил... боже мой, рысак... Страница истории!..

Андрей сухо кивнул в ответ.

– Вот видите, Андрей Григорьевич, когда проект ваш стал реальным, когда он поднят общими усилиями всех нас... – Милевский вздохнул, – поднят на должную техническую высоту, когда решен вопрос об этом подводном гиганте, где будет собираться туннель, я – за проект! Я теперь за Арктический мост! Диалектика, дорогой Андрей Григорьевич.

– Док, который вы утвердили, никуда не годится, – резко сказал Андрей. – Мы будем строить не два, а один док в шестьсот метров.

– Слушай! Док вокруг Европы пойдет... Понимаешь, сколько тысяч туристов в него влезет? Целый город!..

– Ах шутники, боже мой, какие шутники! Младая кровь играет!

– Играть мы здесь не будем, товарищ Милевский. Сделаем так, как я сказал.

– Позвольте... Это как же? Вы серьезно? Но ведь проект утвержден, я уполномочен наблюдать...

– Наблюдатели не нужны ни на малом доке, ни на большом.

– То есть как это не нужны? Простите, Андрей Григорьевич, у вас нет опыта крупной работы. Вы бы посоветовались с братцем – он ведь знает, как надо считаться с центром.

– На строительство плавающего туннеля отпущены средства. А как они будут израсходованы – это решает руководство стройки.

– Да вы тут черт знает что начнете строить? – почти завизжал Милевский.

Сурен от удовольствия потирал руки, подмигивая Степану Григорьевичу, но тот стоял поодаль с непроницаемым лицом, не желая принимать участие в этом разговоре.

– Товарищ... товарищ Ясенский! Ко мне, пожалуйста! – закричал Милевский молодому человеку, услужливо подскочившему к нему. Будьте любезны, не откажите... Сейчас же пошлите мою телеграмму в наш центр и копию заместителю председателя Совета Министров СССР! Живо, одним духом! Да, да, товарищ Корнев, с уполномоченным центра вам шутить никто не позволит. Самоуправство! Вотчина!

– Стройкой буду управлять я, а не вы. Это вам следует запомнить. Пойдемте. Работу перестраивать на новый масштаб нужно немедленно.

Милевский был растерян только одно мгновение. Отпустив помощника с телеграммой, он овладел собой и с добродушной улыбкой нагнал Андрея.

– Андрей Григорьевич, не будем ссориться. Я не вмешиваюсь в ваши права. Начальство нас рассудит... Но умоляю... умоляю об одном...

– Что еще? – нахмурился Андрей.

– По моему разрешению на стройку приехали американцы. Среди них очень видный промышленник мистер Игнэс. Я бы не хотел, чтобы вы говорили при них о своих... дополнениях... Я понимаю, новая метла чисто метет, но не стоит выносить сор из избы.

– Никакие американцы на стройку дока не придут, – решительно заявил Андрей.

Милевский застыл с умоляюще поднятыми руками. Он безмолвно обращался то к Сурену, то к Степану Григорьевичу, наконец заговорил:

– Но ведь это же будет международный скандал, товарищ Корнев... Вы подумайте... с американцами нам еще немало придется иметь дел...

– Повторяю, на стройке будет распоряжаться ее начальник, а не представитель кого бы то ни было.

Андрей пошел в небольшой домик, где разместилось управление строительством, и немедленно потребовал к себе в кабинет инженеров.

Милевский побежал жаловаться парторгу Денисюку. Американцы могли приехать каждую минуту.

Денис, хитро посмеиваясь, появился в кабинете Андрея. Инженеры, ошеломленные новым заданием, расходились, чтобы обдумать все и вечером снова явиться к начальнику с предложениями.

Степан Григорьевич и Сурен остались в кабинете.

– Что? Нажаловался? – спросил Андрей Дениса.

Тот ухмыльнулся:

– Шумишь, Андрей, шумишь дюже!.. Удлинить док, то, я разумею, добре будет. Коммунисты, я уже слышал, поддержат. Масштабность она нам любя. Только вот насчет американских гостей ты перегнул трошки.

– Я уже сказал. Отменяю разрешение Милевского.

– То ж добре! Отменить надо. Только свое разрешение надо дать. Ты ж попытай, какие такие гости будут. Мистер Игнэс... ты ж в Америке был, наверное, слышал?

– Постой, какой это Игнэс? Миллионер?

– Друг возможного президента. И еще один хлопец с ними. То уж не президента, а мой дружок будет. Сенатор Майкл Никсон, или Рыжий Майк. Сейчас в Америке очень известная фигура. Только когда мы с ним хлопцами были, так на «Лейтенанте Седове» плавали. Коммунист к тому же.

– Ах, вот как? – улыбнулся Андрей. – Хорошо, поступлю по твоему совету. Разрешение Милевского отменяю. Принять американцев разрешаю.

– Вот то добре теперь. Пойду, встречу гостей, а то там перед ними Милевский расшаркивается.

– Вот видишь, Андрей, – назидательно сказал Степан Григорьевич, – как бы не пришлось тебе в другом уступать.

– Не рассчитывай, – сказал Андрей.

– Рассчитать как раз и нужно – по-инженерному. Ты решил гнать док вокруг Европы, забыв, что его винтомоторные группы должны питаться электроэнергией с суши, по кабелям, которые лягут в уже построенной части туннеля.

Сурен настороженно смотрел на Андрея. Степан снисходительно усмехнулся.

– Будет все по-иному, – нисколько не смущаясь, ответил Андрей. – Сурен когда-то предлагал построить атомные станции на Кольском полуострове и на Аляске. Передача электроэнергии на тысячи километров в готовом туннеле очень сложна. Атомную электростанцию нужно построить непосредственно на доке.

– На доке? – обрадовался Сурен.

– Есть же атомная станция на гидромониторе! Но мы пойдем дальше. Горючим для нужд Арктического моста будет вода.

– Термоядерные реакции! – воскликнул Сурен.

– Температура звезд... миллионы градусов... Надо же быть серьезнее, Андрей. Ты же знаешь, какое Подводное Солнце работает близ Мола Северного в Проливах... Разве мы можем построить что-либо подобное в доке?

– Сурен! Что ты знаешь об управляемой, термоядерной реакции при обычной температуре?

– Очень много знаю. Такая реакция превращения водорода в гелий, управляемая реакция, – осуществлена. Использовать для нее элементарные частицы – мю-мезоны – предложил впервые член-корреспондент Академии наук СССР Зельдович еще в 1954 году. После создания знаменитого Подводного Солнца академик Овесян перешел на эту реакцию.

– Сможет он создать для нас установку на доке?

– Конечно, сможет! Замечательно будет. Подводный гигант берет энергию из воды, прямо как у капитана Немо.

– Хорошо! Пусть новый подводный док будет называться «Наутилусом»!

– Романтика еще никогда не была серьезным техническим доводом, – поморщился

Степан Григорьевич.

– Без романтики, без фантазии не было бы ни дифференциального исчисления, ни атомной энергии, ни идеи Арктического моста.

Степан Григорьевич развел руками. Он сдавался.

В кабинет, пятясь, вошел Милевский, за ним два американца и Денис.

– Позвольте представить вам, мистер Игнэс, – говорил по-английски Милевский. – Братья Корневы, строители плавающего туннеля.

– О, господа! Я так рад говорить на языке своего детства. Последние годы я прилежно вспоминаю его. Очень приятно познакомиться, господа! – говорил по-русски американский миллионер. – Русский язык распространен в Америке. Сейчас едва ли не треть Нью-Йорка понимает по-русски.

– А я всегда очень старательно изучал английский язык, – холодно сказал Андрей.

– О, я вижу, мы сговоримся на любом языке. Хочется посмотреть ваши грандиозные работы. Вы заразили американцев, у них начинается «мостовая горячка». Они хотят мост в Европу. Вы испускаете опасные бациллы, господин Корнев.

– Они не опасны для жизни.

– О'кэй! Они очень опасны для кармана. А для американца карман несколько дороже, чем жизнь. Я имею в виду, господа, «пароходные карманы»! – И мистер Игнэс захохотал.

– Мистер Игнэс, прошу вас, отдохните с дороги, – суеился Милевский.

– О, благодарен вам, Лев Янович. Я с удовольствием посижу с инженерами Корневыми. Однако познакомьтесь с сенатором от штата Тенесси мистером Майклом Никсоном. О, я вижу, он уже нашел здесь кое-какого знакомого. Хэлло, мистер сенатор!

Майкл Никсон, простой, ничем не отличавшийся от остальных, находящихся в кабинете людей, улыбаясь всеми своими веснушками, подошел к Корневу и потряс ему руку.

– Мы есть, пожалуй, немного знаком, – сказал он тоже по-русски.

– Ах, это он! – воскликнул Андрей, вспомнив последний день нью-йоркской выставки и человека, подтвердившего, что именно американцы спасли модель Арктического моста.

– То ж и есть мой корабельный дружок, сказал Денис, похлопав американского сенатора по плечу. – Мы с ним с того времени и не бачились.

– Теперь видеть есть часто, часто... Два часа арктический поезд... туннель... Денис к Майку кофе пить.

– Майк к Денису галушки есть! – расхохотался Денис.

– В этом есть глубокая правда, господа, – вмешался мистер Игнэс. – Мир нуждается в единой экономической системе. Нужно вместе пить кофе, есть галушки... и торговать, джентльмены, торговать! Это главная выгода нашей жизни.

– Мистер Игнэс – философ выгоды, – сказал сенатор по-английски, видимо не сумев подобрать русские слова.

Но его все поняли.

Руководители стройки и иностранные гости пошли осматривать строящийся док.

– Господин Игнэс сказал мудрейшие слова о выгоде, – заюлил Милевский.

– О, Лев Янович, по-русски кажется надо сказать «лесть»... Выгода не есть мудрость, выгода есть движущая сила.

– Но благодаря ей вы стали сторонником Арктического моста.

– О, у нас в Америке не все есть его сторонники.

– У нас тоже, – мрачно сказал Андрей. Вот, хотя бы, Лев Янович. Когда-то он называл проект Арктического моста гримасой мозга.

– Андрей Григорьевич! Умоляю!.. Старые счета... Ну, к чему это? Ведь я теперь же принимаю ваш проект, принимаю...

– Потому что выгодно.

Мистер Игнэс и Майкл Никсон громко расхохотались.

– О, я замечаю, «закон выгоды» управляет и Лев Янычем! – сострил мистер Игнэс.

Милевский побагровел, не зная куда деваться. Миллионер покровительственно

похлопал Льва Яновича по плечу:

– Вы не должны очень обижаться на меня, на вашего давнего друга. Мы давно знакомы. В Москве я частый гость. Это есть мой бизнес.

Группа остановилась на краю выемки. Пораженные американцы любовались грандиозным сооружением.

– У вас прежде говорили: «Догнать и перегнать Америку». Начиная с первого спутника Земли, догонять приходится американцам. Такого дока нет в Америке, – натянуто улыбаясь, сказал миллионер.

– Трудно вам придется, – пообещал Андрей. – Мы забраковали этот док.

– Забраковали? Хэлло, Майк! Вы слышите, это им не нравится!

– Мне уже сказал мистер Денисюк. Они собираются сделать его в шесть раз длиннее.

– Мой бог! До сих пор самый высокий дом, самый длинный мост, самый лучший образ жизни были в Америке.

– Как видите, советские люди во многом оставляют вас позади, – сказал Андрей.

Майк отошел с Денисом.

– Мы, коммунисты в Америке, так угадываем: мост сделает нас ближе, – сказал Майк.

– К социалистической стране.

– Не только есть. К социализму.

– А господа капиталисты?

– У них нет другой выход. Или война, или мост. Им нужна прибыль, а для этого надо продавать. А куда?! Кому? И мистер Игнэс придумал «закон выгоды». Только я думал есть: марксизм давно установил закон капитализма.

– Выходит дело, мост всем нужен.

– Враги найдутся.

– Беречь будем.

– Вместе беречь! – И два коммуниста, советский и американский, крепко пожали друг другу руки.

Это послужило как бы сигналом. Мистер Игнэс тоже стал трясти руки Андрею, Степану Григорьевичу, Милевскому, Сурену, Денису.

– Мне очень приятно уезжать, повидавшись с вами, господа. Я буду частым гостем, как сказал мистер сенатор... буду ездить есть галушки к господину...

– Денисюку, – услужливо подсказал Милевский.

Молоденькая девушка-секретарь принесла Андрею и Милевскому телеграммы.

– Из Совета Министров, от Волкова, сказал Андрей.

Степан Григорьевич заглянул брату через плечо. Прочтя бланк, оба переглянулись.

– Видишь, Степан. Не все, чему ты меня учил, теперь годится. Волков пишет о принципе доверия сверху донизу. Мне и тебе доверяют строить мост, а не Милевскому, мы доверяем Сурену, мастеру, рабочему... Важно построить мост, не истратив лишних денег, а не выполнять инструкции...

Степан Григорьевич закусил губу.

Милевский, прочтя телеграмму, сразу почувствовал себя плохо. Схватившись рукой за сердце, он потребовал медсестру и валидол.

– «Принцип доверия»! – взволнованно ходил по кабинету Андрей. Понимаете ли вы, друзья, какую это накладывает ответственность, какая бездна инициативы от каждого из нас требуется?

– Слушай, Андрей! Очень понимаю. На тебя гляжу и понимаю! Плечом повернул – и все через голову пошло! Вот что значит в Горном Карабахе побывал!

Автомобиль мчал американцев по шоссе. Море отступило. Кругом, напоминая его простор, тянулась степь, вдали, будто берег, виднелись холмы.

– Они привыкли к размаху, – говорил Игнэс, озираясь вокруг. – Меня тревожит эта энергия русских. Вы, сенатор, хоть и коммунист, но все же американец. Боюсь, что усилия этих парней окончательно подорвут технический престиж Америки. Они строят док, мы

опаздываем. Пусть инженер Кандербль покрутит мозгами... Надо зарядить этого Меджа... Надо чем-то удивить мир. Надо бороться, сэр!

– Мистер Игнэс, на такую борьбу я согласен. Уверен, что американские парни – неплохие техники и поспорят с советскими ребятами.

– Надо бороться, Майк. И так, чтобы это действовало на воображение. Люди очень это любят. Тогда это выгодно.

Глава девятая ЛОНГ-БИЧ

– Ах, какая прелесть! Джонни, вы только посмотрите, какая прелесть!

– Замечательно! Мне даже кажется, что этот пляж построен как раз той же самой фирмой, что и бетонированная дорога, по которой мы ехали.

– Джонни, вы просто ничего не понимаете! Этот пляж никем не построен.

– В самом деле? Никогда не думал, что вы безбожница.

– Замолчите и подъезжайте скорей к самой воде. Я хочу видеть океанский прибой.

Молодые люди ехали в небольшой открытой машине. Глория встала во весь рост. Ее розовый шарф развевался, выбивающиеся из-под маленькой шапочки волосы рвались назад. Радостными глазами она смотрела на поразительно ровную белую линию океанского прибоя, тянувшуюся, насколько хватал глаз.

– Уверяю вас, Глория, это не линия прибоя, а нарисованная реклама; все специально подготовлено к сегодняшнему знаменательному дню.

– Поезжайте вдоль линии, чем бы она ни была.

Волны с шуршанием подкатывались почти к самым колесам машины, едущей по гладкому, словно укатанному песку.

– Великолепное шоссе! – восхищался Джонни. – Мы с вами путешествуем уже целый месяц и нигде не видели ничего подобного. Понятно, почему все мировые автомобильные рекорды поставлены именно на этом пляже.

– Джонни! – радостно закричала Глория. – На побитие рекорда! Давайте!

– Не вижу стартера и хронометристов. Кроме того, я сегодня не давал интервью.

– Ну, Джонни, милый, на побитие рекорда! Вы не драйвер, а холодный студень. Смотрите, вас обгоняет «Крайслер».

– Ах, в самом деле? Ну, это мы еще посмотрим.

«Крайслер» поравнялся с машиной молодых людей. В ней ехала целая семья.

– Мэри, Мэри, прибавь ходу. Покажи этим туристам, что мы тоже понимаем кое-что в хорошей дороге, – наклонился с заднего сиденья толстый дядя Бен.

– Держитесь! – весело воскликнула Мэри.

Две машины помчались рядом. Легонькая машина молодых людей сначала стала уходить, но Мэри постепенно набирала скорость. Два ее брата, сидевшие сзади вместе с отцом, подбадривали ее.

– Джонни! Они нас нагоняют! – кричала Глория, почти задыхаясь от ветра.

Машины снова пошли почти рядом. Джонни выжал из своей все, что мог, но «Крайслер» нагонял. Глория слышала, как возбужденно кричали пассажиры в закрытом лимузине.

Впереди видно было много машин. Они стояли вдоль берега цепочкой.

– Остановитесь, Джонни, я не хочу стоять в толпе автомобилей!

– Мы проедем еще немного, вон там станция прибытия.

– Хорошо, – согласилась Глория обиженным тоном.

«Крайслер» легко уходил вперед. Он казался врезанным в песок пляжа, лишь постепенно уменьшаясь в размерах. Колеса его не подскакивали ни на одной выбоине.

Джонни затормозил.

Глория недаром сказала про толпу автомобилей. Машины расположились на пляже, как

купающиеся в воскресный день. Их владельцы сидели подле них прямо на песке, раскрыв зонтики или устроив подобие палаток. Скопление людей и машин простиралось, насколько хватал глаз, вдоль ровной линии прибоя. Это напоминало остановившуюся на отдых механизированную армию.

Среди бесчисленных легковых машин виднелись закрытые грузовики с рекламами «кока-кола» или «хат-догс» – сосисок.

– Остановимся здесь, – вздохнула Глория и капризно добавила: – Я хочу есть.

Джонни побежал за сосисками. Когда он вернулся, настроение у Глории уже улучшилось. Она смотрела на дикий табор во все глаза и радовалась всему, что замечала...

«Крайслер» семьи старого дяди Бена продолжал нестись по песку. Они проезжали один десяток километров за другим, а скопище машин нисколько не редело.

– Ну и понаехало сюда народу, – отдувался дядя Бен. – Клянусь долларом, отец нашей прелестной Амелии умеет делать бизнес. На одном только обслуживании всей этой механики можно заработать немалые деньги.

– Я думаю, что мистера Меджа это нисколько не интересует. Вы знаете, что он сейчас занят исключительно политикой.

– Дорогой мой Генри, пусть мне вспорют мой живот, если в Америке найдется хоть один американец, которого не интересуют доллары. Ха-ха-ха-ха! Не так ли, мои мальчики?..

– Сколько же мы будем еще ехать? – спросила, не оборачиваясь, Мэри.

– А в самом деле, мы отмахали чуть ли не сотню миль. Тормози, Мэри. Стоп!

«Крайслер» остановился.

Дядя Бен, его сыновья, Мэри и Сэм вышли на песок, разминая ноги.

– Сити! Настоящий город! – воскликнул дядя Бен, прикладывая руку к глазам и озирая всю прибрежную полосу. – Однако, мальчики, нам все-таки надо осмотреть трассу поезда. Времени осталось не так много.

Группа молча подошла к темной полуцилиндрической выемке, сделанной прямо в песке, метрах в двухстах от воды. Она напоминала невероятно длинный металлический лоток, протянутый так же ровно, как и сам берег.

Дядя Бен посмотрел в одну сторону, потом в другую и убедился, что лоток этот, превращаясь в едва видимую черную нить, исчезает за горизонтом.

Вместе с семьей дяди Бена к сооружению подошло еще несколько групп американцев.

– Железные плиты? Гмм... – глубокомысленно заявил дядя Бен, ощупывая сооружение. – А рельсы все-таки есть.

– В самом деле, почему бы им совсем не отказаться от рельсов? – заметил Генри.

– Э! У этого Кандербля не голова, а целый мозговой синдикат. Тут что-нибудь есть.

– Недаром наша Амелия так за него цепляется, – живо вставила Мэри.

– Всякий делает свой бизнес, – сердито буркнул дядя Бен.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Внимание, внимание... Даем счет для настройки.

Все обернулись назад, откуда слышался громоподобный голос репродуктора.

– Ага, они радиофицировали трассу! Узнаю старину Меджа. Он предусмотрел все.

– А все-таки интересно было бы узнать, как все технически устроено у этого Кандербля? – заметил Сэм Дикс.

– Раз... два... три... Кончайте настройку. Через двенадцать минут начинаем передачу по трассе, начинаем передачу по трассе, кончайте настройку. Раз, два, три, четыре, пять...

– Подойдемте к машине: надо будет закусить, ну и все прочее... – И дядя Бен хитро посмотрел на сыновей.

Джемс осклабился и почти бегом направился к машине.

Прямо на песке расстелили скатерть, которую предусмотрительно захватила Мэри, расставили холодную закуску: появилась и бутылка, на которую с особым удовольствием поглядывали дядя Бен и Джемс.

– Хэлло! Хэлло!

Оглушительный призыв прокатился по всему побережью. Расставленные через определенные промежутки машины с радиостанциями и репродукторами работали все одновременно, но звуки их не смешивались и доходили до слушателей четкими:

– Хэлло! Хэлло! Леди и джентльмены! Передает специальная радиостанция Лонг-Бич. Передает специальная радиостанция Лонг-Бич. Передача транслируется всеми станциями «Радиокорпорейшен», а также правительственными радиостанциями, в числе которых имеются станции с направленной передачей для Европы, Австралии, Азии, Африки. Хэлло! Хэлло! Леди и джентльмены, слушайте нашу передачу!

Мэри открыла зонтик, стараясь укрыть от солнца свое миловидное личико. Бен лег на бок, чтобы не беспокоить свой огромный живот. Молодые люди уселись, подложив под себя газеты, чтобы не испачкать светлых костюмов.

– Через двадцать семь минут на знаменитом пляже Лонг-Бич, прославленном месте мировых рекордов, на котором машинам съехавшихся американцев обеспечен сервис, гарантируемый старейшей фирмой «Стандартойл», на знаменитом пляже, где публика обслуживается такими фирмами, как...

Дядя Бен засопел:

– Что касается нас, то мы обслуживаемся фирмой «Элуэлл и К°», которая дала нам возможность недурно здесь позавтракать. Нет, я все же голосую за своего босса.

– ...Сегодня на знаменитом пляже Лонг-Бич состоится испытание сверхскоростного электрического поезда, предназначенного для движения в подводном туннеле, соединяющем Аляску с Европой. Леди и джентльмены, сейчас у микрофона выступит знаменитый американский инженер, который построил самый необычный в мире поезд по собственному проекту, разработанному совместно с русским инженером Стэппеном Г. Корнейв. Слушайте голос самого мистера Кандербля. Хэлло! Хэлло! У микрофона мистер Герберт Кандербль.

– Воображаю, что делается сейчас с Амелией, – заметила Мэри, пренебрежительно закуривая папироску.

– Леди и джентльмены, – послышался резкий, отрывистый голос, – те из вас, кто находится сейчас на берегу океана, близ проложенной по песку трассы опытного полутуннеля, через несколько минут своими глазами увидят самый быстрый, самый экономичный в мире поезд, который Америка построила при помощи наших русских друзей. Один из русских инженеров, а именно Стэппен Г. Корнейв, принимал в проектировании нового американского поезда непосредственное участие. Сверхскоростной электрический поезд для полярного туннеля – гордость американской техники, сумевшей в такой короткий срок проложить трассу полутуннеля и построить подвижной состав. Русские, как многие могли прочесть в газетах, построили весьма интересный поезд, движущийся по принципу ракеты. Наш же американский поезд, выступая на основе свободной конкуренции, должен доказать сегодня свою большую экономичность, надежность в работе, а главное, быстроходность.

– Вот это самое интересное, Джонни, не правда ли? – воскликнула Глория, поднимаясь с песка.

– Отвечая на многочисленные письма, я, по поручению «Ассоциации плавающего туннеля», членом которой состоит и уважаемый судья Мор, ознакомлю слушателей с технической сущностью вновь построенного поезда.

– ...Браво, браво! – воскликнул Джонни, лениво развалившийся на песке.

– Ах, как интересно! – отозвалась Глория.

Дядя Бен, находившийся от них в нескольких десятках миль, сел на песок. Многие американцы вышли из автомашин, чтобы лучше слышать. По всей Америке в тысячах коттеджей в эту секунду отцы звали к приемникам сыновей, мужья – жен, матери из окон созывали детей, а один проповедник отложил в церкви проповедь, решив дать прихожанам послушать передачу.

– Первый предложенный для плавающего туннеля электрический поезд должен был увлекаться бегущим магнитным полем. Как известно, катушки трехфазного магнитного поля,

поставленные рядом, дают максимальное магнитное поле в разные моменты времени. Таким образом, если бы мы расположили огромное количество таких катушек по всей длине туннеля и проследили бы за максимальным значением магнитного поля, то оно все время перемещалось бы вдоль туннеля. Вот этот эффект бегущего магнитного поля и предполагали первоначально использовать русские инженеры. Принцип движения этот не нов и применяется в обыкновенном асинхронном моторе переменного тока. Русские просто решили развернуть статор этого мотора на плоскость. Впоследствии они отказались от мысли построить такой асинхронный мотор длиной во весь туннель и осуществили новый проект Института ракетной техники. Поезд, движущийся по принципу ракеты, показал блестящие результаты. Однако наличие отработанных газов, а также, безусловно, меньшая экономичность таких поездов по сравнению с электрифицированными заставляют задуматься о целесообразности их применения. Электрический подводный поезд, который увидят зрители, собравшиеся на пляже Лонг-Бич, построен на очень простом, совершенно отличном от всех и весьма изящном принципе. В ней изменена схема русских, которые хотели статор асинхронного мотора сделать длиной в пять тысяч миль. В американском поезде статор и ротор асинхронного, развернутого на плоскость мотора поменяли местами.

– Х-ха! – восторженно воскликнул дядя Бен. – Это по вашей специальности, Сэм. Вы потом мне все это еще раз объясните.

– И мне тоже, – капризно заметила Мэри.

– Статор, создающий трехфазной обмоткой бегущее магнитное поле, сделан подвижным и коротеньким. Он помещается в одном вагоне. А в качестве ротора, обыкновенного массивного ротора, в котором будут возникать электрические токи при пересечении его бегущим магнитным полем, будет служить металлический туннель, который надо постараться соорудить с малым электрическим сопротивлением.

Гигантский пляж притих.

– Я ничего не поняла, – всплеснула руками Мэри.

– Сейчас я объясню, – предупредительно сказал Сэм, восхищенный до предела. – В проекте русских туннель – это рольганг-конвейер с большим количеством вращающихся роликов, которые захватывают и проталкивают лежащий на них кузов машины, а в нашем, американском проекте вместо конвейера с роликами – простое шоссе-туннель, от которого как бы отталкиваются электрическими колесами самый настоящий американский автомобиль.

– Ну вот, это я поняла, – заявила Мэри.

– Леди и джентльмены, – продолжал Кандербль, – вам предстоит присутствовать при самом небывалом состязании, когда-либо проводившемся в мире. Судьей является мировое техническое общественное мнение, в качестве представителей которого мы с радушием принимаем у себя инженеров братьев Корнейв из Крыма, инженера Седых из Москвы, инженеров Московского Института ракетной техники и главного энергетика строительства русского туннеля инженера Авакяна. Как особо почетный гость на наших состязаниях присутствует сам судья Ирвинг Мор, пожелавший сказать несколько слов перед этим микрофоном.

По всему пляжу зашумели голоса:

– Будет говорить старик Мор! Слушайте Мора!

– Все равно я голосую за Элуэлла, – заявил дядя Бен.

– Леди и джентльмены, – послышался совсем еще не старческий голос знаменитого судьи, – великая Америка – это страна великой техники. Мы присутствуем при ставшем уже традиционным состязании русской и американской техники, состязании, где нет побежденных, а есть только победители, ибо достижения используются обеими сторонами отнюдь не во вред друг другу. Американская техника, создавшая фантастический поезд – гордость нации. Поддержание технического престижа Америки – дело всей нации. Я объявляю решение технических проблем, связанных с постройкой туннеля через Северный полюс, и само строительство туннеля общенациональным делом. Я рассчитываю, что

сегодняшние необычайные испытания повергнут в прах всех, кто пытался даже на техническом языке скомпрометировать туннель и его поезд. Свободные граждане Америки, пусть в предстоящие годы преуспевания страны выше благосостояние растет с такой же скоростью, с какой промчится сейчас перед вами поезд будущего туннеля, который должен быть построен и будет построен!

Пляж Лонг-Бич, на сотни миль покрытый людьми и машинами, загудел. Люди кричали, машины сигналили, кто-то стрелял в воздух.

Этот необыкновенный концерт Лонг-Бича был записан на пластинку, на проволоку, на пленку и даже на женский волос всевозможными звукозаписывающими фирмами.

– А вы заметили, дядя Бен, как он подковырнул вашего патрона? Ведь на техническом языке против туннеля выступает не кто иной, как Элуэлл.

– Я голосую за босса, – упрямо заявил дядя Бен, перекатываясь на спину и закидывая руки за голову.

После оглушительной радиопередачи и еще более оглушительного восторженного концерта американцев и их машин на пляже воцарилась относительная тишина.

Глория и Джонни, покинув свою машину, решили протолкаться к перрону приемной станции сверхскоростного поезда, близ которой они остановились.

Дядя Бен, Сэм Дикс и братья Генри и Джемс залезли на подножки машины и на капот мотора. Мэри посадили на крышу. Она жеманно смеялась и болтала ногами.

По примеру Мэри, большинство женщин также забрались на крыши своих машин. Мужчины стояли на багажниках.

– Внимание! Хэлло! – послышалось из сотен расставленных по пляжу репродукторов. – Американский сверхскоростной поезд отправится через три с половиной минуты. Заметьте время по вашим часам. Отправится через три минуты двадцать две секунды. Внимание! Отметьте время. Через три минуты четырнадцать секунд отправляется поезд.

Репродукторы замолкли. По всему пляжу, увеличивая напряжение, слышалось тиканье хронометра радиостанции.

– Я ничего не вижу, – жаловалась Мэри.

– Еще сорок секунд до отправления.

– Поезд вышел! – истошно закричал в микрофон диктор.

По пляжу прокатился вой десятков тысяч голосов. Мэри глядела так, что слезы застилали ей глаза.

– Вижу! Вижу! – закричал первым Сэм, к нему присоединился и Генри.

В том, что произошло дальше, никто не мог дать себе отчета. Люди слышали звон. Именно звон, иначе нельзя было назвать этот нарастающий, переходящий в звенящий визг и снова стихший звук. Что-то на мгновение заполнило чугунный лоток и скрылось. Облако песка, как дымовой завесой, закрыло трассу полутуннеля. Воздушные вихри долго крутили песчинки, которые забирались всюду: за воротник, в глаза, хрустели на зубах.

– И это все? – спрашивали друг друга ошеломленные люди.

– Поезд прибыл! – возвестил диктор. Судьи подсчитывают скорость и расход энергии. Внимание! Через пять минут будет объявлен результат.

Никто из американцев, бывших на пляже, не шелохнулся. Никто даже не переговаривался. Люди лишь шепотом предлагали друг другу пари, называя различные цифры достигнутой скорости.

Джонни и Глория, плотно сжатые толпой репортеров, в которую им удалось проникнуть, стояли почти у самого перрона станции, восторженно разглядывая ярко-красную змею сверхскоростного поезда. На перроне стояло несколько оживленно разговаривающих людей.

– Кто это? А это кто? – шептала Глория на ухо своему спутнику.

Джонни не смог ничего ответить. За него отвечал сосед – всезнающий журналист в надвинутой набекрень шляпе и с лоснящимся от пота и возбуждения лицом.

Заговорили репродукторы:

– Поезд развил на заданном расстоянии максимальную скорость в 640 миль, или 1024 километра в час. Принимая во внимание сопротивление воздуха, можно считать, что в условиях туннеля поезд разовьет гарантированную скорость – две тысячи километров в час. Хэлло! Судейская комиссия единогласно высказалась за новый сверхскоростной поезд как пригодный для плавающего туннеля. Хэлло! Даем слово нашим гостям. У микрофона мистер Джон Седых, заместитель одного из русских министров, знаменитый инженер и полярный исследователь.

Послышался низкий, громовой голос Ивана Семеновича, вызвавший у американцев, большинство которых не поняло ни слова, волну восхищения.

– Достижение американской техники принимаем как вклад в общее дело. О нашем советском вкладе мы тоже позаботимся.

– У микрофона автор проекта мистер Эндрью Г. Корнейв-младший.

– Это который? Невысокого роста? – спрашивала Глория. – Он берет в руки микрофон. Какое у него бледное лицо. Но он смеется. Говорит! Говорит!

– Леди и джентльмены! Я восхищен, видя в новом сверхскоростном поезде так остроумно устраненные мои изобретательские ошибки. В новом достижении вижу приближение того дня, когда мы действительно перекроем расстояние между Европой и Америкой за два часа.

– Джонни! Джонни! Что это за женщина на другой стороне платформы, которая стоит так одиноко и не хочет брать микрофон? Она тоже русская?

– Да... да... русская. Но кто она, никто не знает.

– Смотрите, Корнейв-младший хочет подойти к ней, а она убегает. Бежит... бежит... Давайте посторонимся, дадим ей пройти.

Тесно толпившиеся американцы вдруг расступились и дали дорогу взволнованной красивой русской женщине, которая прошла к ровной полосе приборя.

Последним по радио выступил соавтор американского инженера Степан Корнев.

– Я рад, что помог Америке построить этот замечательный поезд, – кратко сказал он.

Разъезд десятков тысяч автомобилей с этого небывалого спектакля сам по себе был удивительным зрелищем. Он был запечатлен на сотнях кинопленок и уже вечером этого дня был показан на первых экранах страны.

У многих зрителей вызвал восхищение эффектный кадр: пустынный пляж, весь усеянный обрывками газет и консервными банками, и у самой пенной линии приборя, выделяясь на светлом небе, четкий силуэт одинокой женщины.

Возбужденная Америка гордилась своим достижением. Миллионам американцев уже хотелось строить Арктический мост.

И никто не чувствовал этого так глубоко, как скромный и энергичный мистер Медж.

Часть четвертая
ПЛАВАЮЩИЙ ТУННЕЛЬ

Глава первая

КОНЦЕРН ПЛАВАЮЩЕГО ТУННЕЛЯ

Пятнадцатого мая, через три года после открытия Выставки реконструкции мира, президент Соединенных Штатов Америки Ирвинг Мор, названный в истории «Туннельным», дал разрешение на строительство прямого железнодорожного пути между Аляской и Кольским полуостровом.

Шестнадцатого мая состоялось учредительное собрание акционеров Концерна плавающего туннеля. Восемь крупнейших банкиров, пять железнодорожных королей, два автомобильных и один стальной магнат внесли в течение пятнадцати минут семьсот пятьдесят миллионов долларов и избрали директором-распорядителем Концерна мистера Меджа – неумолимого борца за популяризацию идеи туннеля.

В тот же час Концерном был куплен двадцатизэтажный небоскреб на Пятой авеню, между 29-й и 30-й стрит, в котором происходило собрание.

С утра 17 мая только что организованный Концерн начал свою деятельность.

Кабинет мистера Меджа еще не был отделан. Директор-распорядитель сидел за простым конторским столом-бюро. В комнате не было еще ни одного кресла, но уже стояло пять телефонных аппаратов, один из которых был связан прямым проводом с Европой, а другой с Вашингтоном.

Мистер Медж развивал лихорадочную деятельность. Его пиджак покоился на металлических плечиках, висевших на спинке стула, но даже в жилетке мистеру Меджу было жарко. Отирая влажным платком пот с лица, он говорил Сэму Леви, еще недавно руководившему одним из крупных банков в Филадельфии, а ныне служащему Концерна:

– Семьсот пятьдесят миллионов, мистер Леви, это только закуска для нас с вами, нечто вроде анчоусов или устриц. На обед нашему туннелю потребуется сразу несколько миллиардов.

– Хоп... – пробурчал Леви, вертя массивное золотое кольцо на толстом пальце. – Акции на сумму полтора миллиарда долларов поступят в продажу завтра утром. Население Соединенных Штатов охотно отдаст свои деньги туннелю. Будьте спокойны, мистер Медж. Хоп!

– Да, если американским ребятам это будет казаться выгодным, мистер Леви. Помните, что бизнес только тогда бизнес, когда он выгоден одной стороне, а другой кажется выгодным.

Мистер Леви улыбнулся и снова пробурчал неизменное «хоп». Он хорошо знал свое дело и принял нужные меры: завтра вся пресса будет кричать о грядущих прибылях нового грандиозного предприятия.

Отпустив мистера Леви, Медж связался по прямому проводу с городом Фэрбэнксом. Заблаговременно посланный на Аляску агент сообщил, что вчера вечером он за бесценок купил приморские тундры, откуда должна была начаться прокладка туннеля, а также узкую полосу земель, где пройдет железная дорога к устью туннеля.

Мистер Медж, удовлетворенный, повесил трубку и вызвал секретаря. Можно было уже заказывать в завтрашних газетах объявления о продаже городских участков на территории будущего города – Туннель-сити...

Когда секретарь выходил из кабинета, он столкнулся в дверях с низеньким плотным стариком. Толстая шея и наклоненная вперед голова с упрямым лбом придавали ему сходство с быком. Новый посетитель с грохотом бросил на стол свою палку с золотым набалдашником, сдвинул шляпу на затылок и, бешено вращая глазами, набросился на мистера Меджа:

– Хэлло! Черт вам в глотку, сэр! Неужели вы думали обмануть Бильта? Подавитесь собственной ногой! Недурно вы начинаете свою деятельность. Вчера вы выманили у меня несколько миллионов для того, чтобы железная дорога в Аляске стала необходимой, а сегодня вы уже перехватили нужные мне земли. Сейчас же подписывайте бумагу о передаче мне этих земель или я выброшу ваши жульнические акции на биржу и буду играть на

понижение!

В подтверждение своих слов толстяк ударил кулаком по столу и грузно опустился на стул.

Медж приветливо улыбнулся:

– Хэлло, Билт! Как поживаете? Вам нужны земли для железной дороги? Но я удивлен, что вы не купили их раньше. Неужели вам изменило ваше чутье? Сожалею. Вы хотите продать акции туннеля? Не совершайте еще и этой ошибки. Ведь пока что неизвестно, кто будет строить железную дорогу в Туннель-сити, а выгоды...

– Замолчите вы, старый жулик! Говорите лучше, сколько вы хотите за эти земли? И потом, как это вам удалось купить именно те участки, которые выбрали для трассы мои разведывательные партии?

Мистер Медж загадочно усмехнулся и вытер платком взмокшее лицо.

В течение десяти минут из кабинета доносились проклятия старого Билта и ровный голос мистера Меджа. В конце концов, несмотря на свою скупость, железнодорожный король вынужден был оставить в кассе концерна огромную сумму.

Расстались они все же друзьями.

– Смотрите вы, старый аферист! – кричал старик. – Вы сами будете получать разрешение на строительство дороги. Я не намерен тратить деньги на взятки чиновникам.

– Не беспокойтесь, мой друг, – пожимал ему руку мистер Медж. – Я сегодня же буду в Вашингтоне. У меня есть надежда попасть к президенту. А разве вы не знаете его отношения к туннелю? Хэлло, Билт! Железные дороги снова сделают большое дело. Ха-ха!

И они угостили друг друга хорошими тумаками в знак того, что нашли общий деловой язык.

Билт ушел. Мистер Медж улыбнулся и стал звонить в Лондон.

– Черт возьми, – кричал он своему агенту, – неужели вы до сих пор не смогли узнать, как отнесутся на Даунинг-стрите к проекту постройки сквозной железной дороги через Канаду? Вы, кажется, хотите, чтобы я назначил вместо вас кого-нибудь другого?!

Секретарь доложил, что прибыл сам Хиллард – стальной король.

Гость был огромен и грузен, но движения его были быстры и решительны. Говорил он отрывисто и неразборчиво, может быть, оттого, что никогда не вынимал изо рта сигары, или потому, что считал простых смертных обязанными понимать это ворчание миллионов.

– Хэлло, Медж! Приступим к делу. Вам нужен металл? Семь с половиной миллионов тонн? Я поставлю вам это количество в два с половиной года.

– И канаты. Стальные канаты, мистер Хиллард. Четыреста тысяч тонн первоклассных нержавеющей канатов. Кроме того, рельсы для железной дороги мистера Билта...

– Канаты? О'кэй! Я могу построить несколько новых заводов.

– Прекрасно, мистер Хиллард! Поговорим тогда о цене. Бизнес есть бизнес. Туннель оживит вашу металлургию, цены должны быть доступными. Двадцать процентов скидки против обычной цены, мистер Хиллард.

– Бросьте, Медж! Вы думаете, что я помогал вам создавать туннельный Концерн для того, чтобы отказаться от дивидендов? Мне были нужны заказы, и я создал туннель. О'кэй!

Мистер Медж вежливо согласился:

– Вы правы, мистер Хиллард. Вы один из самых крупных акционеров концерна. Поэтому-то я и хотел с вами посоветоваться. Дело в том, что я только что получил несколько телеграмм из Англии, Германии и других стран. Нам предлагают очень выгодные поставки чугуна и стали.

– Убирайтесь к дьяволу! Если хоть один заказ будет передан на сторону, я сотру вас в порошок.

– Пятнадцать процентов скидки, Хиллард, и мы – друзья!

– Пять процентов и ни десятой больше!

– Подумайте, Хиллард, такой большой заказ! Вы же сможете снизить себестоимость, выпустив новые акции. Черт возьми, это стоит небольшой скидки! Уменьшится безработица,

будет меньше недовольных. Вы получите возможность нажать на своих рабочих.

– Знаю и без вас. Ну, хорошо, семь процентов скидки.

– Но вы еще не сказали вашего мнения о телеграммах.

Хиллард сверкнул глазами.

– Семь процентов на чугун, десять – на канаты. О рельсах договорюсь с Бильтом лично.

– О'кэй! – вздохнул Медж. – Только я вынужден выдвинуть одно условие. Двадцать пять процентов суммы вы получаете нашими акциями.

Они еще долго спорили, но расстались удовлетворенные и долго приглашали друг друга на обед.

Через час мистер Медж зафрахтовал двенадцать крупных пароходов для переброски на Аляску рабочих и материалов. Одновременно он принял предложение приобрести семь огромных летающих лодок – незаменимое средство связи с Туннель-сити.

Теперь пора было заняться городом. Представитель компании светильного газа ждал в приемной. Мистер Медж подписал с ним соглашение о прокладке в месячный срок газопровода по всем будущим улицам Туннель-сити. Потом он вызвал к себе в кабинет главного архитектора Туннель-сити. Предоставив возможность архитектору, стащившему с себя даже жилет, яростно торговаться по телефону с компанией, готовой строить стандартные дома для рабочих, мистер Медж перешел к автомобилям.

Представитель фирмы «Дженерал-Моторс» давно уже пытался проникнуть в его кабинет. Он выдвигал блестящую идею прокладки шоссе к Туннель-сити. Мистер Медж был согласен строить шоссе. Одновременно он требовал поставки тысячи гигантских басов – грузовиков для переброски материалов и людей.

– О'кэй, мистер Медж! Объединение «Дженерал-Моторс» предвидело ваши заказы. Дорожные машины уже стоят в Сиэтле. Я дам сегодня же телеграмму о погрузке их на пароходы. Не забудьте, сэр, что железная дорога мистера Бильта еще не скоро начнет перевозить ваших людей и материалы. Наши же автомобили всегда к вашим услугам. Они снабжены специальными устройствами, чтобы передвигаться по снежной тундре, как по бетонированному шоссе.

Мистер Медж хорошо понимал, что такое автомобиль. Он подписал соглашение с «Дженерал-Моторс», в которое включил пункт о специальной приплате за быстроту освоения дороги. Автомобильное движение должно быть налажено в двухмесячный срок. Туннель-сити начнет жить с того момента, когда в него въедет первый автомобиль, промчавшийся через Аляску по прекрасному американскому шоссе.

Неожиданно в переполненный кабинет мистера Меджа влетела очаровательная мисс Амелия в эксцентричном модном костюме, напоминавшем одновременно и греческую тунику и платье девочки. Она уселась на край стола и закурила папиросу. Секретарь выпроваживал посетителей из кабинета директора-распорядителя.

– Дэди, мы обедаем вместе?

– О нет, бэби! – мистер Медж посмотрел на часы. – Я должен сегодня обедать с президентом. Мне удалось этого добиться.

– Дэди, я пришлю вам два вентилятора. У вас слишком красная шея. Я боюсь, что вам вредна такая атмосфера.

– Увы, это не поможет, бэби. Если заставить человека двигать туннель, то он вспотеет даже на Северном полюсе.

– Дэди, докладывайте мне о делах.

– Все идет прекрасно, моя дорогая! Акции выпущены. Железные, автомобильные дороги, город Туннель-сити, пароходы, локомотивы, автомобили, самолеты, чугун, сталь, канаты, газ, дома, гавани, краны уже куплены или заказаны.

– Дэди, а заказан ли подводный док? Приступили ли вы к организации строительства самого плавающего туннеля?

– Нет, бэби, я такими пустяками не занимался!

Мисс Амелия соскочила со стола и, подбежав к отцу, смерила его пронизывающим

взглядом:

– Дэди, вы...

Мисс Амелия сдержалась. Неизвестно, что хотела она сказать, но мистер Медж хорошо знал свою дочь и, по-видимому, догадался.

– Вы обязаны заниматься туннелем совсем не для того, чтобы подкармливать жирных Бильтов и Хиллардов! – воскликнула она, встряхивая локонами. – Где мой Кандербль? Он назначен главным инженером?

Мисс Амелия впервые назвала Герберта Кандербля «своим». Заметив это, мистер Медж улыбнулся и поспешно сказал:

– Нет еще, бэби, но я сегодня же назначу его. Он будет у меня вечером.

– Вы неисправимы, дэди! – закричала Амелия. – Если вы поспешите с назначением Герберта Кандербля, я разнесу весь Концерн.

– Но, бэби... – тихо проговорил Медж, – вы же сами добивались?..

– Да, я добивалась, чтобы он желал этого больше жизни!

– Мне кажется, бэби, вам удалось это, – неуверенно заметил мистер Медж. – Но почему теперь вы не хотите, чтобы он стал главным инженером? Это так отразилось бы на наших делах.

– Главным инженером? Ему стать главным инженером? – мисс Амелия размашистым шагом прошла по кабинету. – Вы... вы понимаете, что я все это время ненавидела Герберта Кандербля?

– О да, бэби! Об этом знает весь Нью-Йорк.

– Да... я в самом деле ненавидела его, – упавшим голосом произнесла Амелия. – Но теперь... – Амелия на мгновение замолчала, потом продолжала с воодушевлением: – Дэди, вы понимаете, на каких условиях Кандербль может стать главным инженером Концерна, директором-распорядителем которого является мой отец?

– О да... – многозначительно протянул Медж.

– Попробуйте ошибиться! – потрясла в воздухе кулачком Амелия. – И пусть Рыжий Майк кусает свой локоть!

Вошел секретарь.

– Мистер Медж, гидроплан ждет вас на Хадсон-ривере. Если вы еще задержитесь, то можно опоздать в Вашингтон. Мистер президент привык обедать вовремя: у него больной желудок.

– Бэби, извините меня. Обед в Белом доме! Вы должны сами понять.

Мистер Медж стал торопливо натягивать пиджак. Дочь помогала ему, нашептывая что-то на ухо.

– Если вы сегодня ничего не добьетесь от Герберта Кандербля, завтра я брошу бомбу со своего спортивного самолета в ваш небоскреб.

– О, бэби, бэби, – прошептал мистер Медж.

Через минуту он уже мчался по 30-й стрит к набережной Хадсон-ривера. Никогда его так не раздражали закрытые светофоры. На каждом перекрестке он вынимал часы. До обеда оставалось немногим больше часа. Мистер Медж не был поклонником сверхъестественной аккуратности, но с привычками президента приходилось считаться.

Вот и набережная. Летающая лодка была причалена к арендованному Концерном дебаркадеру. Над головой по эстакадам мчались автомобили. Мистер Медж почти пробежал через пустынный зал, знаками объясняя устремившимся за ним репортерам, что он занят; но он был доволен, что эти джентльмены в круглых соломенных шляпах добиваются хоть одного его слова. Уже в лодке он высунулся из окна, отлично сознавая, что его снимают.

Летающая лодка развернулась и поплыла по середине Хадсон-ривера.

Промелькнули небольшие пароходики и паромы с двумя смешными тонкими трубами. Вниз уходили доки, делившие всю набережную Хадсон-ривера на бесчисленные ячейки, похожие сверху на клавиши. Назад уплывало нагромождение зданий – застывшее в камне бурное море с фонтанами железобетонных тысячеглазых брусков, потоками крыш,

расколотых трещинами улиц, волнами кварталов и воронками площадей и скверов.

Постепенно все слилось в сплошную серую массу, над которой возвышались две группы похожих на колонны небоскребов. Исчезающий город походил на изломанную, зазубренную кривую температуры лихорадочного больного.

Всю дорогу до Вашингтона мистер Медж был связан по радио с небоскребом Концерна на Пятой авеню. Он дал распоряжение о наборе рабочих на строительство туннеля, связался с мистером Кандерблем и напомнил ему, что они должны встретиться сегодня вечером в десять часов. Пусть мистер Кандербль принесет все свои планы, касающиеся строительства туннеля, а также информирует его о том, что делают русские.

Разговаривая по радиотелефону, мистер Медж в то же время просматривал газеты, заполненные статьями о полярном плавающем туннеле. Его заинтересовало одно сообщение. Известный миллионер, чудака и спортсмен, мистер Игнэс предложил через газету пари в три миллиона долларов, что американская часть туннеля достигнет Северного полюса раньше русской.

Мистер Медж улыбнулся. Строительство туннеля приобретает спортивный характер? Это хорошо! Очень хорошо! Мистер Игнэс умеет делать бизнес! Теперь акции Концерна будут покупать, как билеты тотализатора.

Лодка летела над Вашингтоном. Белые пятна правительственных зданий проступали на фоне яркой зелени.

Город квадратов и диагоналей. Самый геометрический город в мире. Две системы улиц пересекают друг друга. Одни составляют Прямоугольную сетку стритов, а другие – наложенную на нее звездообразную сетку авеню. С юго-запада зеленый город оттесняется синей петлей реки Потомак.

Летающая лодка круто снижалась. Вот уже и вода; проносятся деревья парка. По одной из аллей едет всадница; рядом с ней – джентльмен в цилиндре. Виднеется белое здание, окруженное со всех сторон колоннадой, напоминающее древнегреческий храм. Это памятник Линкольну. Ближе к центру города над массивом парка возвышается монумент Вашингтону, похожий на гигантский очиненный карандаш. Высота его 555 футов!

Летающая лодка причалила к берегу недалеко от моста Эллингтона. Автомобиль уже ждал на набережной. До начала обеда оставалось девять минут. Мистер Медж облегченно вздохнул.

Два репортера скучаяще щелкнули затворами. Несколько праздных зевак лениво глазели, как мистер Медж садился в машину. Было очень жарко.

Мистер Медж поморщился. Как тихо всегда в этом Вашингтоне! Здесь не понимают значения приезда руководителя Концерна плавающего туннеля. Разве так его провожали в Нью-Йорке?

Мистер Медж подъезжал к Белому дому не со стороны фасада. Он еще издали увидел знакомую всем высокую, угловатую фигуру президента. Несмотря на жаркий день, президент был в своей обычной черной паре. Он прогуливался по примыкающему к дому маленькому садику. Он любил распускающиеся вишни, подаренные одному из президентов японским императором.

Все без исключения прохожие кланялись президенту, который неизменно каждому дружески кивал головой.

Мистер Медж перебежал через всю площадь, почтительно остановив автомобиль в отдалении.

– Хэлло, мистер президент! – срывающимся голосом произнес он, переводя дух и снимая шляпу.

– Как поживаете, друг мой? – открыл калитку Ирвинг Мор.

Прохожие видели, как шли по дорожке сада президент Соединенных Штатов и директор-распорядитель концерна плавающего туннеля.

– Я рад, что вы не опоздали и мы будем обедать вместе, – заметил Мор, поднимаясь по ступенькам. – Итак, из вашей телеграммы я уже знаю, что деловые круги откликнулись на

ваш призыв.

– О'кэй, мистер президент! Теперь нам нужна поддержка правительства.

Обедали вдвоем в большой старомодной комнате с окном на площадь перед Белым домом.

Мистер Медж, засунув за воротник белую салфетку, ел поспешно, обжигаясь бобовым супом.

Мистер Мор сидел на стуле, не касаясь спинки, и почти ничего не ел.

– Я поддерживаю все, что способствует пробуждению частной инициативы, направленной к оживлению промышленности. Я рассчитываю, что конгресс поддержит меня в этом.

– Несомненно, мистер президент!

– Мне думается, что выдача разрешения на постройку железной дороги через Канаду в Аляску не противоречит интересам нации. Я поручу государственному секретарю выяснить мнение Оттавы... Кстати, мистер Медж, это правда, что ваша дочь выходит замуж?

Мистер Медж неопределенно улыбнулся.

– Прекрасная молодая девушка! Надеюсь, что после замужества она будет менее эксцентричной.

– Несомненно, мистер президент.

Старик поднялся из-за стола и прошелся по комнате. Лицо его оживилось.

– Вы, знаете, мистер Медж, недавно я привез сюда свою замечательную коллекцию.

– Коллекцию? – поднял мистер Медж глаза. – Почтовых марок, трубок, старых подков?

– О нет, – снисходительно улыбнулся президент. – Старинных гравюр. У меня есть замечательные вещи. Кушайте скорей, и я вам покажу.

– О-о, мистер президент! – восторженно воскликнул мистер Медж, поспешно снимая салфетку. – Гравюры? Это в самом деле замечательно! Во сколько долларов оценивается ваша коллекция?

Президент слегка поморщился.

– У меня есть гравированный портрет генерала Вашингтона, который я не продал бы и за три миллиона.

– Три миллиона долларов? О-о! А вы знаете, мистер президент, что мистер Игнэс предложил пари в три миллиона...

– Знаю, знаю, – опять поморщился президент. – Мне кажется, что мистер Игнэс мог бы найти иной способ проявления своего патриотизма. Что касается меня, то поддержание престижа американской техники, строящей плавающий туннель, я считаю общенациональным делом.

– О'кэй, мистер президент! Деловое оживление, помноженное на поддержание престижа, – вот бизнес для нации. Покупайте наши акции, мистер президент.

– У меня слишком мало денег для этого, – улыбнулся Ирвинг Мор. – Но пришлите мне одну акцию. Я хочу быть в числе первых акционеров «Ассоциации плавающего туннеля».

– О'кэй, мистер президент! – воскликнул мистер Медж, доставая из кармана платок.

Через два часа мистер Медж пил черный кофе в своем кабинете. Он опять был в жилете и диктовал стенографистке текст новых договоров и соглашений. Операторам компании кинохроники, которые ввалились к нему со своей громоздкой аппаратурой, он позволил заснять себя в рабочей обстановке.

Кандербль застал мистера Меджа освещенным со всех сторон. В порыве профессионального увлечения операторы хотели заснять и мистера Кандербля, но Медж с неожиданной грубостью выпроводил их.

Он собственноручно запер дверь и, подойдя к инженеру, похлопал его по плечу.

– Итак, Герберт, начинаем большое дело.

– Пора, – сказал Кандербль, – русские впереди нас. Их хозяйственная система позволила им закончить работы на опытной трассе туннеля в Черном море – между Крымом и Кавказом. У них уже есть опыт строительства, готовый подводный док, который они перегоняют сейчас вокруг Европы, и налаженный аппарат.

– Прекрасно, мой друг. Русские проделали за нас всю грязную работу. Они должны были учиться, а нам с нашей американской техникой учиться не надо. Имея таких инженеров, как вы, мой друг, Америка опередит в этом строительстве Россию. Мурманская железная дорога их не спасет, придется прокладывать еще одну. Мы же первое время будем доставлять грузы на автомобилях и вертолетах.

– Я не сомневаюсь в успехе и выгоде нашего предприятия.

– О'кэй, Герберт! Вы хорошо сказали. Именно выгода! Она является движущей силой и с помощью нашей техники может совершить чудеса. Однако к делу. Пора и вам вставать в наши ряды.

– Я готов, мистер Медж, принять на себя любую ответственность.

Мистер Медж отвел глаза в сторону.

– Да-а... – протянул он. – Правление концерна предложило мне подыскать подходящую кандидатуру на должность главного инженера концерна. Я уже думал о некоторых лицах и хотел посоветоваться с вами, как с другом.

Герберт Кандербль оцепенел от удивления. Его лицо удлинилось еще больше. Он нервно постучал пальцами по столу и закинул ногу на ногу.

Медж продолжал:

– Я уже пожилой человек, Герберт, и считаю, что деловые отношения тогда процветают, когда подкрепляются истинной дружбой, а еще лучше, – вкрадчиво добавил он, – родством.

Герберт Кандербль мрачно рассматривал свои ботинки. Глубокие складки между бровями то сходились, то расходились.

– Вот об этом я и хотел поговорить с вами, – закончил мистер Медж.

Несколько минут Герберт Кандербль думал. Он прошелся по кабинету, который за время отсутствия мистера Меджа успели уже устлать ковром и обставить дорогой мебелью. В руках знаменитый инженер вертел папку с бумагами и сверток чертежей, но Медж не проявлял к ним никакого интереса.

Остановившись перед мистером Меджем, Кандербль в упор смотрел на него серыми колючими глазами.

– Насколько я понимаю, сэр, это ваше условие?

– Об остальных условиях мы с вами легко договоримся, – улыбнулся Медж поднимаясь.

Герберт Кандербль неуклюже сел на кончик стула и хриплым голосом сказал:

– Я прошу руки вашей дочери, сэр. Я уже давно думал об этом.

Медж перегнулся через стол и похлопал его по плечу.

– О'кэй, Герберт! Я всегда считал вас деловым человеком.

– А теперь, – продолжал Кандербль уже другим голосом, – я хочу познакомить вас со своими планами. Мне срочно нужно будет...

Он развернул чертежи.

Мистер Медж слушал его с неподдельным интересом.

Глава вторая АРМСТРОЙ

Паровоз залился протяжным, пронзительным свистом. Эхо вернуло этот свист, словно где-то далеко за низкорослыми деревьями проходила другая линия железной дороги, по которой тоже мчался поезд на север.

Коля Смирнов, забравшись на самый верх груженной платформы, с радостью подставлял веселое веснушчатое лицо встречному ветру. На некоторых платформах видны были фигуры людей, таких же, как и Коля, рабочих, добившихся почетного права сопровождать этот специальный маршрут.

Навстречу неслись станционные здания. У Коли защемило под ложечкой: «Подъезжаем...» Промелькнул шлагбаум переезда. Девочка в пестреньком платочке важно держала свернутый флажок. Коля махнул ей рукой. Она заметила и улыбнулась.

Подъезжаем! Коля потрогал под собой холодный металл изогнутых плит.

Тюбинги. Куски будущей туннельной трубы, которая протянется под полярными льдами. Первый груз для замечательного строительства – Армстроя. И он, Коля Смирнов, электросварщик и сын электросварщика, своей работой добился почетного права доставить эти первые тюбинги и письмо макеевских рабочих строителям «Большого туннеля».

Зазвенели сцепки. Поезд замедлял ход. Последняя станция: остался еще один перегон. Не заходя в Мурманск, поезд повернет на ветку, идущую к станции «Арктический мост». Здесь тепловоз должен быть заменен электровозом.

Впереди на платформе с огромными катушками стальных тросов стоял старый коммунист Никифор Иванович Железнов – представитель рабочих Светлорецкого канатного завода. Он закреплял между двумя катушками большой плакат. Ребята тоже украшали вагоны знаменами, портретами, зелеными ветками.

Коля вытащил свой подарок – картину, изображавшую электросварку на каком-то сооружении. Она была выполнена в синих тонах, словно зритель смотрел на нее через синее стекло электросварщика, видя все так, как это представляется во время работы.

Железнодорожники с фонарями и масленками в руках прогуливались около поезда и кивали головами на замечательную картину. Коля был горд. Еще бы! Ведь это он подал художнику оригинальную мысль нарисовать сварку «через защитное стекло».

Электровоз мелодично загудел, и поезд тронулся. Побежали назад желтые будочки, потом низкорослые ели.

Сейчас... сейчас он увидит свою мечту – Армстрой. Увидит смельчаков, дерзнувших проложить плавающий туннель подо льдом. Они казались ему сказочными богатырями. Их можно было видеть только на экране или читать о них в книгах.

Впереди из-за леса показалось море. Оно было ровное и гладкое, как степь, и белесое, будто освинцованное. Только даль была испещрена оспинками барашков. Коля не мог оторваться от этого зрелища. Вот оно, настоящее полярное море! Еще немного, и поезд скроется под водой, уйдет на сто метров в глубину океана. Но где же льды?

Отыскивая глазами воображаемые арктические льды, Коля проглядел, как поезд подъехал к станции «Арктический мост». Конечно, это могло случиться только потому, что станция оказалась у него за спиной.

Коля оглянулся и увидел повсюду головы людей, флаги, плакаты. Грянул оркестр. Ребята прыгивали с платформы и бежали рядом с поездом. Коля тоже прыгнул и едва не растянулся на перроне. Шагая рядом с поездом, он поглядывал на толпу, стараясь угадать, какое впечатление производит его картина. Коля прибавил ходу, чтобы догнать платформу, на которой видел Никифора Ивановича, с торжественной суровостью державшего развернутое знамя – дар светлорецких рабочих. Вдруг он остановился, словно налетев на столб.

Прямо перед ним стояла группа людей, таких знакомых ему по фотографиям и кинохронике. С полураскрытым ртом он в упор разглядывал их.

Это, конечно, Корнев, Степан Григорьевич, старший брат. А это кто? Такой черный, глаза блестящие. Конечно, знаменитый Авакян, главный энергетик, строитель атомных

электростанций. А это, наверное, партийный руководитель строительства Денисюк, огромный, добродушный.

Пока Коля глазел на руководителей строительства, с ним поравнялся последний вагон поезда. На подножке специального салон-вагона стояла красивая стройная женщина и махала Коле рукой. Коля обомлел от изумления. Женщина прыгнула на ходу и бросилась к Коле. Коля непроизвольно расставил руки и обнял ее.

– Ой, простите! – весело воскликнула она и расхохоталась. – Я, кажется, на вас налетела?

– Слушай, нехорошо, молодой человек: я объятия раскрываю, а ты обнимаешься. Почему так делаешь? – послышался сзади голос Авакяна.

Коля отпустил смеющуюся женщину, не зная, куда деться от смущения. Сломая голову, бросился он догонять поезд. Легкий аромат духов преследовал его.

Коле стало весело. Ведь он только что видел живых, самых настоящих строителей туннеля! Слышал голос одного из них и даже столкнулся с живой Анной Седых – он уже сообразил, что это была она, – с Анной Седых, построившей знаменитый ракетный вагон и проектирующей полет на Луну!

Скажи – так никто ж тебе не поверит!

А поезд, сменив локомотив, уже двинулся дальше. Коля едва догнал платформу Никифора Ивановича и вскочил на нее. Широко открытыми, радостными глазами смотрел он перед собой. Все получилось не так, как он думал. Никакого митинга не было, – ну и правильно! Тут темпы нужны, а не парадные речи.

Поезд уже спускался в выемку, сделанную в земле. За ее стенами исчезали и станционные постройки и ажурные деррики, четко выступавшие на фоне моря.

Коля Смирнов и его товарищи стояли неподвижно, торжественно. Электровоз приближался к отвесной стене, похожей на неприступную скалу. Внизу, у самого ее подножия, чернели два маленьких пятна.

– Туннель, – шепнул Коля, схватившись за полу тужурки Никифора Ивановича.

Тот стоял, как на параде, косясь на черные отверстия, похожие теперь на два темных, загадочных глаза.

Когда электровоз скрылся в отверстии туннеля, в толпе, оставшейся на станции, прокатилось «ура».

Аня крепко жала руки Степану Григорьевичу, Сурену, Денису.

– Поздравляю, поздравляю, друзья! Наконец мы дожили. Стройка большого туннеля началась!

– Пожалуй, вы не вполне правы. Анна Ивановна, – заметил Степан Григорьевич, задерживая ее руки в своих. – Стройка началась уже давно. С того самого момента, как правительство решило построить специальные канатные заводы, выделило для туннеля крупнейшие доменные и мартеновские печи, закрепило лучшие прокатные станы.

– Согласна, согласна, – смеялась Аня. – Но все-таки с началом прокладки большого туннеля я вас поздравляю. – И она еще раз крепко потрясла обеими руками большую руку Степана.

– А, дивчина! – загудел басом Денис. – То добре надумала к нам в такой торжественный день заглянуть.

– Я, Денис, не только на торжество. Я вам новый проект привезла.

– Слушай, это не женщина, это проектесса! – возвестил Сурен.

– Не только женщина, но еще и сильный человек. Не всякий после случая с вагоном... духом не упал бы. Ой, дивчина!

Аня улыбнулась и покачала головой.

– Это, Денис, не ракетный вагон. Я только принимала в новом проекте участие, потому что хотелось работать... для Арктического моста.

– Это очень хорошо, что Анна Ивановна не забывает нас, – вмешался Степан Григорьевич. – Я пригласил ее привезти нам для ознакомления проект ракетного якоря. Я

предвижу, что он сэкономит нам миллионы тонн камня и металла.

– Экономия металла – то по моей, вроде, специальности. Я ж трубы для Мола Северного экономил. А ну, что ж тут придумала?

– Это довольно просто, – начала Аня. – По мысли Андрея... – Аня на мгновение запнулась, но тотчас овладел а собой, – по его мысли на дно океана надо было спускать привязанный к канатам большой груз камня или металла, который достаточно прочно лежал бы на дне. Груз должен не только удерживать трубу от всплытия, но также сопротивляться подводным течениям. Этими условиями определяется величина требуемого балласта.

– Добре, – сказал Денис.

– Я лишь хотела напомнить, что вес балласта будет значительным. Так вот, в нашем институте разработан якорь, напоминающий огромный штопор с широкими винтовыми лопастями. На обеих сторонах ручки штопора помещены небольшие ракетные двигатели. Едва якорь коснется дна, начинаются взрывы. Отдачи этих взрывов заставляют штопор вращаться и ввинчиваться в грунт.

– Так... так... ввинчиваться, – наморщил лоб Денис.

– Ну конечно! И легче всего это достигается ракетным способом.

– Богато надумали! Шурупы в океанское дно ввинчивать. Ну и Анка! Ха-ха-ха!

Денис был в восторге.

– Теперь нужно поставить опыты в рабочих условиях, – продолжала Аня, стараясь скрыть свою радость.

– Вот здорово! Да я ж сегодня соберу наших подводников. Ты нам сообщение сделай.

Аня согласилась.

– А теперь пойдем, – потащил Аню Сурен. – Ты Дениса так своим штопором раззадорила, что ему наверняка его в руках подержать хочется. Надо отпраздновать встречу.

Аня смеялась и уже было пошла с Суреном и Денисом, но Степан остановил ее.

– Анна Ивановна, – он лишь на одно мгновение задержал дыхание, потом сказал с привычной неторопливой сдержанностью, – ведь вы еще в Москве просили меня показать наше строительство. Хотите?

– Но я ведь отниму у вас слишком много времени, – сказала Аня, смотря на Сурена, который делал за спиной Степана какие-то знаки.

– Напротив. Показывая вам строительство, я совершу свой обычный обход. Кроме того... – он помолчал, – кроме того, я просто рад вашему приезду. Последние слова Степан Григорьевич сказал тише, чем обычно.

Аня снова рассмеялась, пожала плечами и крикнула Сурену:

– Я приду, приду! Идите!

Сурен обнял Дениса и увлек его в быстро редющую толпу.

Аня и Степан Григорьевич молча пошли вдоль железнодорожного полотна. Степан Григорьевич, высокий, прямой, плотный, неторопливо шагал со шпалы на шпалу. Аня никак не могла рассчитать своего шага, чтобы попасть с ним в ногу.

– Ну, почему же вы молчите, Степан Григорьевич?

– Я? – рассеянно переспросил Корнев.

– Вы. Конечно, вы. Я не знаю человека, который мог бы так же несносно молчать, как вы.

– А вы все такая же... – задумчиво произнес Корнев. (Что-то новое услышала Аня в голосе всегда сухого, сдержанного Степана.) – Я давно хотел вам сказать...

– Что вы хотели мне сказать? – с напускным безразличием спросила Аня и бросила на него настороженный взгляд.

Степан Григорьевич замолчал и долго шагал, не говоря ни слова.

– На станцию «Арктический мост» начинают прибывать отовсюду детали и оборудование для туннеля. Туннель строит вся страна. Наши заказы выполняет множество заводов.

– А кто руководит работой наших поставщиков, распределяет между ними заказы?

- Все это лежит на мне как на заместителе начальника строительства туннеля.
- А начальник... а Андрей? – споткнулась Аня о шпалу.
- Подводный док, разгрузка и сварка тюбингов, прокладка труб под водой.
- Это опасно и... романтично.

Степан Григорьевич пожал плечами.

Некоторое время шли молча. Мимо тянулись длинные приземистые здания.

- Что это? – поинтересовалась Аня.

– Склады тюбингов.

- Вы хотели что-то сказать мне?

– Да... я скажу. Вы видите это здание со стеклянной крышей? Это сборочный завод.

- Разве туннель будет собираться на земле?

– Только первый отрезок туннеля будет собран на заводе, изготавлиющем тюбинги. В дальнейшем пригонка частей труб будет происходить здесь.

Через гигантские ворота Степан Григорьевич и Аня вошли внутрь колоссального здания.

- Вы думаете уехать, Анна Ивановна?

– Да. Как только будут закончены опыты. А вам хотелось, чтобы я осталась дольше?

- Да.

Аня внимательно посмотрела на Корневу.

– Длина здания около километра, – протянул руку Степан Григорьевич. – Это наземный док предварительной сборки.

Отовсюду слышались предупредительные сигналы. Над головами двигались мостовые краны. Части туннеля, изогнутые металлические плиты проносились по воздуху, как распростерты крылья птиц.

– Теперь мы учитываем опыт прокладки черноморского туннеля. Пригонку и сборку туннеля выгоднее производить здесь, на берегу.

Мимо на электрокаре провезли тюбинг. Изогнутая металлическая плита имела в длину около пяти метров. Шесть таких плит, сложенных вместе, составляли цилиндр. Из соседнего пролета доносилось равномерное жужжание многих станков, производивших окончательную обработку тюбингов.

– Почему вы не заказываете тюбинги по специальным калибрам? Это бы упростило сборку.

Степан Григорьевич покачал головой.

– Мы так делали в малом туннеле; это менее хлопотливо, но очень дорого. Теперь мы хотим ставить тюбинги сразу после отливки. Из шести тюбингов, составляющих трубу, сейчас обработке подвергается только один. Заводы научились давать нам точное литье. Обещают перейти на стальное литье под давлением; тогда мы будем получать отливки, не отличающиеся по точности от обработанных деталей. Здесь нам останется лишь контрольная сборка.

В конце зала Аня увидела собранный цилиндр туннеля. Сейчас его разбирали. Пронумерованные тюбинги складывались на железнодорожные платформы.

– Это готовится следующий маршрут для подводного дока. Мы отправим его через сутки, – пояснил Степан Григорьевич и вдруг неожиданно добавил: – Вы должны остаться здесь. Я прошу.

- Вы просите?

– Да.

– Как быстро и бесшумно идет здесь работа! Когда мы вошли сюда, часть туннеля была совсем коротенькой, а теперь она занимает уже четверть здания.

– Такова организация работ. Я сам корректировал технологический процесс. Кроме того, надо отдать должное людям. Большинство из них работало на малом туннеле.

Разговаривая, они вышли из ворот цеха. Направо от них на рельсах стоял странный цилиндрический поезд без паровоза и токосъемных устройств.

– Милый ты мой!.. – грустно проговорила Аня. – Вот мы и встретились опять. – И, подойдя к вагону, Аня провела рукой по гладкой обшивке. Заметив, что на этом месте осталась – полоса от стертой пыли, она улыбнулась.

– Когда же откроется движение в туннеле? Я ведь все еще этого жду.

– Мы проведем испытание вашего ракетного вагона, как только это станет возможным.

– А как дела с нашим... с вашим электрическим поездом, который испытывали на Лонг-Биче?

– Этим занимается Кандербль. Это входит в американские поставки. Во всяком случае, в малом туннеле мы будем производить приемочные испытания.

– Пойдемте к морю, – предложила Аня.

Из цеха доносился глухой шум работающих машин, слева слышался свисток паровоза, а откуда-то издали – бархатный долгий пароходный гудок.

– Какая симфония! – сказала Аня, не обращаясь к Степану Григорьевичу, который шел впереди нее.

– Симфония? – обернулся Степан. – Почему симфония?

Аня прислонилась спиной к столбу. Над ней гудели провода.

– Эти звуки машин, металла, эта молчаливая морская даль с волшебным, не заходящим на ночь солнцем. Таинственная океанская глубина, где работают дерзкие люди. Степан, скажите, вы умеете чувствовать?

– Я? Чувствовать? – медленно переспросил Степан Григорьевич и задумался.

Аня посмотрела на него.

Скрестив руки на груди и наклонив большую сидящую голову на сильной, крепкой шее, он смотрел на море, на высокую стенку, защищавшую от океанских вод железнодорожную выемку. Там, далеко, куда он смотрел, на самом дне искусственного ущелья, виднелись два черных отверстия – вход в подводный плавающий туннель.

Глава третья ПОДВОДНЫЙ ДОК

В первое мгновение, когда исчез дневной свет, Коля Смирнов ничего не мог различить в темноте. Длинными искрами проносились назад электрические лампочки.

Гулко отдавался стук колес, и металлические стенки туннеля гудели, как гигантский улей.

Сердце у Коли стучало в ритм колесам. Провожая глазами тусклые лампочки, он каждый раз видел позади светлый, все уменьшавшийся кружок – устье туннеля.

– Никифор Иванович, а Никифор Иванович! – шептал он. – Под водой ведь мы!

– Знаю, что под водой! – сурово и торжественно произнес Никифор Иванович, наклоняя древко знамени, чтобы оно не задело за свод.

Коля много читал о том, как строился Черноморский плавающий туннель, он представлял себе подводный док «Наутилус» во всех подробностях...

Вогнутые металлические стены, отражающие свет бесчисленных огней, причудливо разграфленные полосами усиливающих ребер... Внизу двумя дорожками, суживающимися вдаль, идут горизонтальные фасонные ролики, напоминающие огромные катушки для ниток. На эти ролики, кривизна которых совпадает с изгибом тубингов, мостовые краны опустят снятые с платформы части будущего туннеля. Вместо роликов вдоль всего дока протянутся два металлических лотка, образованных примкнутыми один к другому тубингами. И целая армия ждущих этого момента людей перейдет с боковых площадок на лотки. Сверху спустят сварочные аппараты. Огни электросварки сольются в сплошную ослепительную полосу. Мостовые краны установят боковые стенки туннелей. Их укрепят на больших металлических кольцах, поставленных на лоток. Блестящие рельсы, повиснув на крюках подъемных кранов, заполнят зал. Потом они опустятся на дно будущего туннеля, куда их направят сотни рук.

И вот отрезок туннеля, равный длине сборочного зала, готов. Подводный док

«Наутилус» превратится в гигантскую подводную лодку, включатся его могучие двигатели, забурлят за кормой винты, и все исполинское подводное сооружение начнет двигаться, сползая с собранных внутри него туннелей. Лежащие на роликах трубы начнут выходить в океан через отверстия, снабженные сальниковыми устройствами, плотно прилегающими к поверхностям труб, чтобы преградить доступ воде...

– Как шомпол из ружья вытаскивается! – сказал вдруг Коля Никифору Ивановичу, словно тот должен был знать его мысли.

Но Никифор Иванович, очевидно, и сам думал о том же. Он сказал:

– Наоборот, пожалуй. Вроде ружье с шомпола стаскивается.

Коля удивился, что ветер бьет не в лицо, а в спину. Но тут же понял, что это могучие вентиляторы гонят по одному из туннелей свежий воздух в док, в то время как по другому туннелю воздух выходит из дока.

Как приятно вместе со свежим ветром мчаться в глубине океана к удивительному подводному сборочному заводу, носящему романтическое название «Наутилус»!

В подводный док прибыл поезд. На груженных тюбингами платформах ехали гости – рабочие.

Их встречал сам начальник строительства Андрей Григорьевич Корнев. Перегнувшись через перила боковой площадки, он пожимал каждому руку. Молодой паренек, краснея, задержал его руку в своей – видимо, хотел что-то сказать, но так и не решился.

Перед электровозом стояла громада туннельного комбайна с двумя рабочими стволами, похожими на трубы туннеля, по которому прибыл поезд с земли.

Приехавшие перебрались на площадку. Электровоз загудел, металлический док отозвался звонким эхом. Поезд тронулся и вошел в устье рабочего ствола. В комбайне он ненадолго задержался, снова двинулся и вскоре показался, идя задним ходом, но из соседнего ствола. Очевидно, он перешел позади комбайна на другие рельсы.

Приехавший паренек глазам своим не поверил. Тюбингов на платформах уже не было. Когда же их успели разгрузить?

Но скоро все выяснилось. Оказывается, Андрей Корнев все изменил в подводном доке за то время, пока его перегоняли вокруг Европы. Здесь больше не работает армия электросварщиков. Вся работу – разгрузку тюбингов, сборку их в трубы туннелей, наконец сварку их – выполняет одна грандиозная машина – комбайн.

Когда поезд находился в рабочем стволе, комбайн «засосал» тюбинги в специальные кассеты.

Гигантская машина придвинулась вплотную к туннелям, которые соединяли подводный док с землей, внутри нее что-то загудело, зазвенело, затрещало. Взволнованный и чем-то огорченный, паренек ничего не мог разглядеть, но вдруг увидел в щели столь знакомое ему сверкание. Значит, там не только гремят тюбинги, выталкиваемые из кассет, чтобы занять положенные им места, – там еще идет и сварка! Сварка!

Вцепившись в поручни, Коля взглядом пытался проникнуть в таинственную глубину.

Андрей Григорьевич Корнев предложил гостям посмотреть, как работает «оператор», управляющий «туннельным комбайном».

Вслед за Корневым Коля перебрался на крутую лесенку и вступил на туннельный комбайн. Исполинская машина походила на корабль. На ней было две палубы, виднелись иллюминаторы, имелся капитанский мостик, даже рубка...

В эту стеклянную рубку и ввел гостей Андрей Григорьевич.

За пультом перед бесчисленными приборами и экранами, на которых видно было, как укладываются один к другому тюбинги, как приближаются к ним огромные дугообразные электроды и вспыхивает ослепительная, обнимающая трубу дуга, – за этим пультом, нажимая кнопки и не спуская глаз с циферблатов, сидела маленькая девушка в сером комбинезоне. Коля видел светлое кольцо кос на голове, нежный профиль, сосредоточенное выражение лица...

Наконец девушка заметила начальника стройки, повернула штурвал – на пульте

вспыхнула надпись «Автоматический режим» – и встала, смущенно улыбаясь.

– Знакомьтесь, вот наш рабочий класс, – сказал Андрей Корнев. – Она у нас одна заменяет тысячу двести шестнадцать человек, которые были заняты на этой работе в Черноморском плавающем туннеле.

– Нина, – сказала девушка и протянула руку почему-то Коле.

У того сердце упало. Он покраснел, чувствуя в руке тепло ее ладони.

– Ну, не совсем так, – смущенно возразила Нина Корневу. – Есть же еще механики, электрики, телемеханики, потом электросварщики...

– Электросварщики? – не удержался Коля. – Да разве у вас не машина сваривает?

– Конечно, комбайн. Но специалисты по сварке налаживают процесс, следят за ним, проверяют...

– Товарищи, вы меня простите... Товарищ Нина, товарищ Корнев... мне отец велел... вы поймите нас... порошок у нас есть, «макеевский»... Вы только дайте попробовать его на вашей машине. Ускорится сварка... Вы только попытайте, товарищ Нина, товарищ Корнев!..

Никифор Иванович смотрел на Колю с удивлением и укором, Нина – с интересом, Андрей – с улыбкой.

– Прежде чем применить ваш порошок в комбайне, придется вам самому заварить один пробный шов, – предложил Коле Андрей.

– Самому? Пробный шов? И чтоб он остался под водой? – Коля не верил ушам.

Андрею Корневу понравился приезжий паренек. Когда-то он сам был таким, плавал на корабле, стоял на палубе вот с такой же, как Нина, девушкой, только косы у нее не лежали венцом на голове, а трепетали по ветру. Все было – и ничего не осталось, кроме дока, туннеля, стройки...

Андрей распорядился, чтобы Нина выключила сварочную аппаратуру комбайна, оставила один шов незаваренным. И тут же разрешил Коле вручную заварить пропущенный шов.

Коля побледнел, стал серьезным, на Нину не смотрел, вытащил из кармана мешочек с заветным порошком.

Он думал, что Андрей Корнев сам будет наблюдать за ним, и немного разочаровался, когда услышал, что Андрей Григорьевич пригласил гостей на атомную электростанцию. Ему тоже хотелось пойти с ними, но теперь нужно было показать себя – заварить желанный шов!

Андрей Григорьевич повел гостей по крутым трапам куда-то вниз. Они шли по цилиндрическим коридорам, спускались по наклонным патрубкам.

В одном из коридоров им встретился главный энергетик Арктического моста Сурен Авакян, приехавший вместе с гостями.

– О, товарищи попутчики! Посмотреть хотите нашу станцию? Очень интересно, только предупреждаю – ничего не видно! Пожалуйста, проходите.

Гости вошли в цилиндрическую комнату – в доке все было цилиндрическим: так легче выдерживалось наружное давление воды. Она чем-то напоминала рубку управления туннельным комбайном. Такой же пульт с полукруглой выемкой для оператора; оператор – женщина в белом халате, множество приборов перед ней.

– Капитана Немо помните? – спрашивал Сурен гостей. – Он говорил, что можно добывать энергию прямо из моря. Потом многие инженеры пытались использовать разницу температур верхних и нижних слоев морской воды. В нашей электростанции освобождается внутриядерная энергия воды, вернее – не всей воды, а составляющей ее части – водорода. Только не так, как на Солнце, где при температуре в миллионы градусов водород превращается в гелий, излучая при этом огромную энергию, не так, как в водородной бомбе, где сначала атомным взрывом создается звездная температура и происходит термоядерная реакция превращения водорода в гелий...

– Неужто тут у вас миллионы градусов? – боязливо осведомился Никифор Иванович.

– В том-то и дело, что нет! Еще в 1954 году советский физик Зельдович предложил хитрый способ превращения водорода в гелий при обычной, комнатной температуре.

– Это что же – вроде холодного горения?

– Горение – пара пустяков! Тут холодный взрыв, что ли!.. Мы сейчас как поступаем? Мы не ломаем, как прежде, атомы, не заставляем их вслепую налетать друг на друга, сталкиваться, как прежде делали, а берем кирпичи, из которых атомы состоят, и строим из этих кирпичей новые атомы.

– Это как же? Поясните, пожалуйста, – попросил Никифор Иванович.

– А вот так. Раньше в старых атомных электростанциях, как и в атомных бомбах, маленькими снарядами – нейтронами – пытались попасть в ядро тяжелого атома, расколоть его... получалось два ядра поменьше, ну, и в придачу – энергия... А мы сейчас пользуемся кирпичиками промежуточной массы между электронами и нейтронами, так называемыми «мю-мезонами»... Механику нашего «атомного строительства» объяснять вам я не стану, она, конечно, посложнее, чем сборка труб туннеля из тьюбингов, на которых вы ехали, но в принципе похожа.

Гости рассмеялись.

– Оно понятно, – сказал Никифор Иванович. – Водой отапливаетесь, электроэнергию получаете, а жара нет.

– Слушай! Ты же лучше меня рассказываешь! – хлопнул Сурен по плечу Никифора Ивановича.

Андрей хотел пройти вместе с гостями в машинное отделение, но к нему подошел спустившийся из зала сменный инженер и что-то тихо сказал.

Андрей покраснел.

– Простите меня, – обратился он к гостям. – Я вас попрошу... Вот Сурен Андроникович вам все покажет... А ко мне тут приехали... Еще раз простите.

Пробежав по лабиринту боковых цилиндров и переходов, Андрей остановился в центральном зале, едва переводя дыхание.

Туннельный комбайн передвинулся в глубь сборочного зала, оставив после себя двустолье уже готового туннеля.

На противоположной площадке, по ту сторону труб, Андрей увидел Степана Григорьевича и Аню.

Сердце колотилось – вероятно, от бега. Собственно, почему он так торопился?... Два года, почти два года прошло с тех пор! А она все такая же... И словно не было никакого разрыва... Можно подбежать сзади, обнять... или закрыть ладонями глаза, как она когда-то, на ледоколе... Но нет! Андрей знал, что никогда уже этого не сделает...

Первое возбуждение у Андрея сменилось тихой грустью:

«Зачем она приехала? Беречь былое?»

И, уже не торопясь, Андрей взшел на переходный мостик. Аня повернулась к нему, брови ее дрогнули, как когда-то в поезде, глаза расширились, она улыбнулась, пошла навстречу, сначала быстро-быстро, потом сдержала шаг...

– Андрюша, здравствуй! – сказала Аня улыбаясь. – Поздравляю! – И она указала глазами на туннельный комбайн. – Ты не устаешь изобретать.

– Да-да... – закивал головой Андрей. – Ты не забыла...

– Тебя? – рассмеялась Аня. – Я не забыла Арктического моста. Я привезла новый проект для твоего строительства.

– Проект? – Андрей отпустил Анины руки.

– По поручению коллектива конструкторов Анна Ивановна привезла нам интересную разработку Института реактивной техники, – вмешался Степан Григорьевич.

– Разработку? – неуверенно переспросил Андрей.

– Идея ракетного якоря весьма интересна, – продолжал Степан Григорьевич, внимательно глядя в лицо Андрею: – гигантский штопор ввинчивается в океанское дно силой отдачи реактивных двигателей.

Андрей поднял голову. Перед ним стояла Аня с тревогой в немного расширенных глазах.

У Андрея горько опустились губы. Потом прямая-складка перерезала его лоб.

– Подождите, – произнес он, словно очнувшись. – Штопорный якорь – ведь это же заменит нам миллионы тонн балласта! Вот с этим я должен поздравить тебя, Аня! Когда можно получить от вас опытные образцы? Они готовы? Ты привезла с собой? Ты молодец!

Аня пристально смотрела на него. «Как он оживился? Его так увлекла техническая идея. Неужели мне только показалось, что он взволнован моим приездом? Ну что ж... Для того чтобы убедиться в этом, стоило приехать сюда».

А Андрей думал:

«Этот проект ракетного якоря действительно слишком серьезен. Конечно, глупо было думать, что мог быть другой повод для приезда, кроме этого проекта. Он слишком значим сам по себе. Что ж, еще один урок». Перед ним только инженер, только инженер, а не прежняя Аня. Нет! Никогда не наложить на трещину шов...

Разговаривая о деталях проекта, все трое медленно шли вдоль площадки. Получилось так, что Степан Григорьевич оказался между Аней и Андреем. Он был очень доволен, однако внешне ничем не выдавал этого.

Андрею было горько, но он не обладал умением брата скрывать свои чувства. У него все читалось на лице. Может быть, Аня многое поняла бы, если б взглянула на него. Но она шла рядом со Степаном Григорьевичем, смотрела на готовые трубы туннеля, на отодвигающийся комбайн и ни разу, ни разу не посмотрела на Андрея.

– Андрей Григорьевич! – послышалось снизу.

К площадке, держась рукой за борт туннеля, подошел начальник сварки.

Андрей, обрадовавшись, что может поговорить по делу, нагнулся через перила.

– Андрей Григорьевич! – продолжал начальник сварки, стараясь перекрыть треск сварочных аппаратов комбайна. – У нашего гостя-сварщика поразительные результаты. Он применяет новый порошок и кладет шов в полтора раза быстрее.

– Это интересно, – отозвался Андрей. – Я сейчас приду. – И он обернулся к Ане: – Простите меня, я лишь ненадолго, мне надо посмотреть...

– А нам уже, собственно говоря, пора. Там, наверху, Денис собрал подводников. Анна Ивановна обещала сделать сообщение. Мы еще приедем не раз.

Андрей посмотрел на Аню и вдруг покраснел – он увидел на ее руке кольцо... То самое кольцо, которое он подарил ей в самую дорогую для него пору. Кольцо, когда-то надетое ему на палец американским инженером и доставившее столько неприятностей в Светлоречке.

Аня проследила взгляд Андрея и улыбнулась.

И сразу невидимые нити протянулись между ними.

Андрей прекрасно знал, что Аня надевала это кольцо только в самые значительные, самые радостные для них дни. Он бесцеремонно отодвинул брата и подошел к Ане. Они молчали и только улыбались друг другу.

Это не ускользнуло от Степана Григорьевича. Он нахмурился.

– Кстати, Андрей, я хотел с тобой посоветоваться... Мне хочется также, Анна Ивановна, знать и ваше мнение.

– Да-да... – рассеянно ответил Андрей.

– Дело в том, что техническое соревнование между советской и американской частями строительства моста имеет огромное значение. Газеты Соединенных Штатов полны перечислений американских преимуществ. И вот мне в голову пришла мысль, что оказание сейчас технической помощи американцам, помощи, от которой они не смогут отказаться, произведет огромное впечатление на общественное мнение, поднимет авторитет нашей советской техники.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Андрей.

– Андрей Григорьевич, – послышалось снизу, – спускайтесь, я вам лестницу приставил.

– Мне кажется, Анне Ивановне следует сейчас поехать в Туннель-сити для оказания технической помощи.

– В Америку? – воскликнула Аня.

– Но ведь надо провести опыты здесь! – попробовал возразить Андрей.
– Опыт здесь мы можем провести и сами. Я учитываю сложную ситуацию настоящего момента. Эффект от нашей помощи американцам будет огромным. Нет, это совершенно ясно, Анна Ивановна: вы должны немедленно ехать. Я тотчас же дам телеграмму Кандерблю.

Андрей пронизывающе посмотрел на брата.

– Ты можешь тоже поехать. Это будет не лишне, – заметил Степан Григорьевич.

– Я не могу ехать, ты знаешь это. Партия поставила меня сюда, – тихо сказал Андрей.

– Вы согласны, Анна Ивановна?

– Если... если это необходимо, – проговорила Аня, вертя на безымянном пальце кольцо.

– Да, это необходимо! – решительно сказал Степан Григорьевич. – Необходимо для дела, а дело прежде всего... Кстати, Андрей, там тебя, кажется, ждут.

Андрей лишь на мгновение замешкался, потом протянул Ане руку и спросил:

– Ты поедешь?

– Ну конечно, – улыбнулась Аня. – Ведь это же действительно необходимо. Потом, мне очень интересно побывать там, в Туннель-сити.

Андрей молча перелез через перила. Он не оглянулся на Аню, а она смотрела ему вслед и, может быть, хотела сказать глазами то, что не могла сказать вслух.

Слышался треск сварочных аппаратов комбайна, напоминающий звук рвущейся бумаги.

Наконец Аня оглянулась. На нее смотрели спокойные и холодные глаза Степана Григорьевича. Аня поправила прическу и с деланным равнодушием сказала:

– Уже пора ехать. Как жаль...

Андрей рассматривал добротный скоростной шов на трубе туннеля, наложенный паренком-сварщиком, но думал совсем о другом шве, который был так необходим, но который не лег на трещину, не спаял ее...

Глава четвертая ТУННЕЛЬ-СИТИ

Грубо сколоченная деревянная дверь со скрипом отворилась. Клубы пара на мгновение скрыли фигуру вошедшего.

Он подошел прямо к стойке и оказался худым, давно не бритым парнем с ленивыми и развязными движениями. Взобравшись на высокую скамью, тянувшуюся вдоль стойки, посетитель крикнул:

– Виски!

– Доллар, сэр, – равнодушно сказал толстый буфетчик с руками-автоматами, всегда что-то быстро делающими.

– Почему доллар? – повысил голос посетитель, ударя кулаком по столу.

– Нет подвоза, – безучастно объяснил буфетчик. – Мистер Кандербль ограничил даже число автомобилей, подвозящих провизию.

– Ему важнее его проклятые тубинги! – раздался голос человека, сидевшего неподалеку и маленькими глотками потягивавшего пиво.

– Пусть утонет этот Кандербль вместе со своим проклятым туннелем! Он думает, что мы можем питаться сталью, которой он нагружает автомобили. Хэлло, хозяин! Яичницу с ветчиной.

– Могу предложить только консервированную свинину с бобами. Яиц нет. Плохой подвоз, сэр.

– Попадись мне в укромном местечке эта «Лошадиная челюсть», – свирепо закричал пришедший, – я бы показал ему, что такое удар снизу в эту самую челюсть! Он готов заставить нас питаться рельсами!

– Мороз и метели вывели из строя много автомобилей, сэр, – заметил сосед слева, сутулый человек с провалившимися щеками. – Я сам едва не обморозил ноги в последний рейс, а Бобу Стремсу из моего же гаража отломили руку, когда его, скрюченного над рулем, хотели вытащить из машины.

– Что вам, шоферам! – вмешался в разговор огромный детина, сидевший сзади за столиком. – Вы поработайте-ка на прокладке бильтовской железной дороги! Не знаешь, что лучше – мороз или болото, волки или москиты. У нас угробить человека – значит не больше, чем выпить стакан виски. Разница лишь в том, что количество виски с каждым днем уменьшается, а количество мертвецов увеличивается.

– К дьяволу! – закричал первый посетитель, яростно растирая озябшие руки. – Во всем виноват «Лошадиная челюсть»! Это он наш главный враг! Он заставляет нас работать дни и ночи, как черти. Он натравливает на нас своих инженеров, которым не хватает в руках только плетки.

– Потихе вы там! – поднялся из-за соседнего столика человек в крахмальном воротничке. – Плетку порой может заменить хороший кулак.

– Знаю, – пробурчал сразу притихший посетитель. – А кроме кулака, в кармане у каждого из вас есть револьвер.

Человек в крахмальном воротничке сел и отвернулся.

Дверь открылась. Клубы морозного пара ворвались в низкую, душную комнату салуна, оседая каплями на дощатом потолке и грубых бревенчатых стенах.

– Хэлло, Джемс! – послышался звонкий голос.

Недовольный посетитель, уплетавший свинину с бобами, обернулся.

– А, Генри, – без особой радости сказал он. – Сядем за тот столик. – И, забрав свою тарелку, он сполз с табурета. – Ну как? Удалось устроить меня в подводный док? По крайней мере, там не будешь ощущать этого проклятого холода. Я готов бросить все и бежать отсюда. Только на прощание хотелось бы пустить пулю в проклятую «Лошадиную челюсть»!

– Тише! – сказал, усаживаясь за столик, Генри. – Я сделаю все, что смогу, чтобы ты стал рядом со мной в подводном доке на разгрузке тюбингов. Ты ведь не можешь быть электросварщиком?

– Я предпочитаю такое место, где было бы поменьше работы и побольше денег. Но почему ты так копаешься и до сих пор не можешь устроить меня? А еще когда-то заводил шашни с Амелией! Ведь она теперь жена «Лошадиной челюсти».

– Тише, тише! – смутившись, пригнулся к столу Генри. – Ты же знаешь, что мисс Амелия просто дружила с Мери.

– Знаю, – нехорошо засмеялся Джемс. – Но ты так был ей предан, что даже голосовал за туннельного президента, потому что ей этого хотелось.

– Неправда, Джемс, я голосовал за работу, которую мы с тобой получили здесь.

– К черту работу! Я понимаю еще, когда на эту проклятую Аляску шли за золотом. Тогда можно было и померзнуть и поголодать.

– Правильно, парень! – опять вмешался здоровый детина с железной дороги Бильта. – Прежде сюда бежали, чтобы набить себе карманы золотым песком. Но теперь не те времена. Теперь сюда бегут, чтобы набить себе брюхо солониной. Но это все-таки лучше, чем ходить по Нью-Йорку с пустым желудком.

– Мне удалось повидаться с миссис Кандербль, – тихо продолжал Генри. – Она обещала замолвить за тебя словечко, как только ей удастся увидеть мужа.

– Что, разве ей это редко удается?

– Да, она рвет и мечет, что совсем его не видит. А когда Амелия вне себя, то плохо приходится всем ее служанкам, да и мужу нельзя завидовать. Работает, как лошадь, а...

– Именно как лошадь! – злобно перебил Джемс – Он и нас заставляет работать и жить, как скотина.

Джемс встал, отодвигая пустую тарелку. Генри тоже поднялся.

– Какая бы ни была работа, это все-таки дело для рук, – сказал он.
– Тебе обязательно хочется что-нибудь делать? – насмешливо спросил Джемс.
– Хо-хо-хо! – засмеялся за соседним столом начавший хмелеть детина. – Хотел бы я посмотреть на того, кому хочется что-нибудь делать! Хо-хо-хо!

– Я не говорю этого, – сказал смущенный Генри, оправдываясь. – К необходимости работать я отношусь так же, как и каждый из нас. Но я хочу иметь заработок, и мышцы мои требуют работы. В Нью-Йорке я не знал, куда девать свои руки.

– Хо-хо-хо! Он не знал, куда девать свои руки! Надо было засунуть их в карман! – кричал пьяный.

– Мне так и приходилось делать.

– Да не в свой карман, хо-хо-хо! А в чей-нибудь, в котором было бы не так пусто, как в вашем. Хо-хо-хо!

Бутылки на буфетной стойке зазвенели от общего хохота. Покрасневший Генри не знал, куда деваться.

– Пойдем сыграем в рулетку. Ведь у тебя сейчас, по крайней мере, есть деньги. – Джемс покровительственно положил руку на плечо брата.

– Нет, Джемс, – возразил Генри, – ведь мне уже пора ехать в туннель. Я только хотел повидаться с тобой.

Братья вышли из салуна, кутаясь в шарфы. Джемс не переставал ворчать, проклиная Герберта Кандербля – виновника бед и несчастий всех работающих на строительстве Туннель-сити. Перед ними тянулась прямая, широкая улица – неизменная во всех американских городах Мэйн-стрит. Близнецы-коттеджи обступали занесенную снегом асфальтированную дорогу.

Сзади слышались автомобильные гудки.

– Едут, везут! – со злостью обернулся Джемс.

Они отошли в сторону. Мимо со свистом пронесся неимоверно длинный грузовик. Он походил на занесенный снегом барак, сорванный ураганом и несущийся теперь по ровной снежной дороге. Комья снега летели из-под гусениц. Кусок льда попал в Джемса и вызвал новый поток ругательств.

Со свистом пронесся другой грузовик.

– Тюбинги, – сказал Генри.

– Лучше бы это было виски, – заметил Джемс.

– А все-таки этот Кандербль умеет наладить дело, – сказал задумчиво Генри. – Грузовики несутся и в пургу и в дождь, и днем и ночью. Тюбинги для туннеля доставляются строго по расписанию. Сколько тысяч миль приходится пройти этим машинам!

– А мне совершенно безразлично, сколько миль они пройдут. Я не шофер, а грузчик. Я получаю не с пройденных миль. По мне, лучше, если бы они все застряли в пути. По крайней мере, мне платили бы тогда за простой и не пришлось бы надрываться.

– Это верно, – нехотя согласился Генри, – но все-таки...

– Когда идет в туннель пассажирский бас? – спросил Джемс.

– Уже скоро. Мне надо поторапливаться.

– А это очень страшно – ехать под водой? Мне кажется, я не смог бы жить там целую неделю.

– Нет, Джемс, это не очень страшно. И потом, все время проходит в работе, едва удастся поспать. Право, даже некогда подумать, что ты под водой.

– А мне кажется, что когда я попаду в ваш ад, то только и буду думать, что нахожусь в сотне миль от берега и в трехстах футах подо льдом. Но все-таки это лучше, чем проклятый холод... Я провожу тебя до баса. Мне хочется посмотреть, как это ты отправляешься к подводному черту.

Пройдя несколько блоков, братья оказались перед довольно крутым спуском. Высокий забор предохранял от снежных заносов глубокую, похожую на ущелье выемку. Целый караван из нескольких десятков грузовиков, подобных тем, которые пронесли по

Мэйн-стрит, стоял в самом начале спуска. Около них толпилось много людей, оживленно жестикулирующих.

– Пойдем, – предложил Джемс. – Кажется, пахнет дракой.

Около одной машины собрались водители автомобилей. Парень в куцей – видно, с чужого плеча – дохе, с развевающимся шерстяным шарфом стоял на подножке и выкрикивал в морозный воздух:

– Если «Лошадиная челюсть» не гарантирует нам прибавки за скорость и одного галлона виски на каждый рейс, мы откажемся от доставки тюбингов!

– Правильно! – послышалось из толпы. – У Боба Стремса отломили руку, словно она была стеклянная. Отнесем эту руку «Лошадиной челюсти». Они должны заплатить семье Боба Стремса. Нам нужны не тюбинги, а продовольствие!

– Туннель-сити второй день сидит без виски.

– Парни, – возвысил голос человек на подножке, – забирайте ключи от ваших машин и пойдемте в салун.

Джемс и Генри стояли поодаль, с интересом прислушиваясь. Толкнув брата, Джемс прошептал:

– Кажется, есть на что посмотреть.

К автомобилям приближалась группа людей в удобных меховых одеждах и меховых мокасинах. Впереди широким шагом шел высокий человек. Один из водителей, стоявший к нему спиной, не успел посторониться и отлетел в сторону от грубого толчка.

Высокий в мехах остановился перед шофером в дохе:

– Гей! В чем дело? Сойти с подножки!

Человек в дохе нехотя повиновался.

– Добрый вечер, мистер Кандербль! Ненастная погода, не правда ли? – робко начал он.

– Я боюсь, что этот вечер не будет добрым для вас. Почему колонна грузовиков до сих пор не ушла в туннель? Если тюбинги запоздают в подводный док на десять минут, я выгоню всех вас в тундру!

– Хэлло! Потихе вы, мистер Кандербль! – крикнул кто-то из задних рядов.

Герберт Кандербль быстро обернулся:

– Кто это там? Вы хотите немедленно получить расчет?

– Да, если вы тотчас же не выполните наших требований!

– Какие требования? Я выгоню каждого, кто затормозит ход строительства!

– Выдавайте нам по галлону виски!

– Устройте похороны Бобу Стремсу!

– Платите нам за скорость!

– Мы отказываемся ехать!

– Молчать! – крикнул Герберт Кандербль, обводя всех холодными серыми глазами. Он говорил резко, отрывисто. После каждого слова из рта его вылетало облачко пара. – Похороны Бобу Стремсу? Это не оговорено в договоре. По договору с вашим профсоюзом, компания соорудила в Туннель-сити кладбище, но хоронить никого не обязана. Вы хотите виски? Вы получите виски, но не раньше чем ускорите перевозку тюбингов, чтобы создать запас материалов, необходимых для строительства. Я приказал доставить сюда виски на самолете, но это будет стоить немного дороже. Вы хотите прибавки за скорость? Вы ничего не получите сверх того, что есть в вашем договоре.

– Это кабальный договор!

– Кому он не нравится, тот может немедленно получить расчет.

– Эй вы, мистер инженер! – Один из шоферов протиснулся вперед. – Вы обманули нас с договором. Мы не обязаны работать, как черти. Вы кричите о расчете, а в то же время не заплатите нам ни цента... По договору, при увольнении мы можем получить свой заработок только в Нью-Йорке. На какие деньги мы выедем отсюда? Да и на каких машинах? Вы не позволяете перевозить пассажиров на грузовиках, а сами прекратили движение автобусов. Вы схватили нас за горло!

– Да! В случае увольнения вы получите ваши деньги только в нью-йоркском банке. Вам не нравится здесь? Можете отправляться на все четыре стороны! А как вы намерены передвигаться, это не касается концерна плавающего туннеля. Он не обязан заботиться о комфорте уволенных рабочих. Обратитесь с соответствующим требованием к правительству Соединенных Штатов. Это его обязанность – заботиться о всех гражданах, а мы выполняем наш долг только перед своими служащими. – Герберт Кандербль взглянул на часы: – Если через пять минут автомобили не уйдут в туннель, вы все будете уволены и можете отправляться ко всем чертям! Ваши вещи немедленно будут выброшены из барачных на улицу! Всё!

Герберт Кандербль повернулся, чтобы уйти.

– Не поедет! – крикнул человек в дохе. – Ребята, бери ключи!

– Стоп! Ни с места! – закричал Герберт Кандербль. В руке у него появился револьвер. (Выхватили револьверы и все сопровождавшие его.) – Хэлло! Тотчас же передайте ключи от автомобилей моим инженерам. Они поведут машины вместо вас. При малейшем сопротивлении пристрелю на месте!

Бастующие зашептались.

Герберт Кандербль и инженеры стояли с наведенными на толпу шоферов револьверами.

– Попытка взять ключи является грабежом имущества компании! – продолжал Кандербль, выплевывая слова в морозный воздух. – Каждый вор будет убит на месте, повторяю это! Жду одну минуту.

Джемс наклонился к Генри и сказал ему на ухо:

– Я всадил бы нож в спину этому инженеру. Он хуже хозяина, для которого выколачивает из нас работу.

Посоветовавшись, шоферы решили ехать.

Нехотя разбрелись они по своим машинам. Воздух огласился треском, и длинные

автомобили, груженные стальными изогнутыми плитами, один за другим стали спускаться вниз.

Генри и Джемс видели, как первый грузовик скрылся в отверстии подводного плавающего туннеля.

– А вот и мой бас, – сказал Генри. – Ребята уже заняли места. Вон Сэм машет мне рукой. Я должен идти, Джемс.

Большой красный пассажирский автобус поджидал рабочих, чтобы следом за отправленными тубингами отвезти их в подводный док. До окончания железной дороги Бильта сообщение с доком производилось исключительно автомобилями.

Электротехник Сэм высунулся из автобуса и позвал Генри. Генри подбежал к машине.

– Ты видел? – спросил он Сэма.

– Все видел, – сказал тот тихо. – Мы не должны выступать отдельными группами. Нужно действовать организованно. Помните: события только начинаются!

Джемс свистнул.

– Ну, если это только начало, то чего же еще ждать? – спросил Генри.

– Жди худшего. Мне кажется, что все рабочие туннеля должны объединиться – и дело будет в шляпе.

– Не совсем так, – сказал Сэм. – У нас много рабочих, не желающих срывать строительство, которое осуществляется совместно с русскими. С этим надо считаться в нашей экономической борьбе.

– Предатели! – зло плюнул Джемс.

– Почему предатели? – робко запротестовал Генри. – Мне тоже иной раз кажется странным, что нам надо ненавидеть такое замечательное строительство.

– Замечательное? Какое нам дело до того, что мы строим! Нас заставляют работать боссы, и они остаются боссами, хотя бы строили дорогу в рай.

Шофер дал сигнал. Генри вскочил на подножку. Войдя в автобус, он увидел, что Сэм оставил ему место рядом с собой.

Едва Генри сел, как в автобусе стало темно: шофер выключил свет.

Гигантский пассажирский бас неся в хвосте колонны грузовиков. Быстро мелькали редкие электрические лампочки; туннель глухо гудел. Холодный ветер подгонял машины...

Джемс медленно поплелся по улице, кивая головой в ответ своим мыслям. Он направился обратно в салун.

Его обогнала группа людей в меховых одеждах. Впереди шел Герберт Кандербль. Джемс отскочил в сторону, чтобы дать ему дорогу.

Мистер Герберт Кандербль прошел в десятиэтажное здание, где помещался офис строительства, и поднялся прямо в свой кабинет. Его ожидал разговор по прямому проводу с мистером Меджем. Нужно было требовать новых автомобилей и людей. Имеющиеся были уже изрядно потрепаны. И люди и машины, которые для Кандербля не представляли особенной разницы, в полярных условиях Туннель-сити долго не выдерживали. Нужно построить туннельный комбайн, как у этого Эндрью Корнейва. Он предвидел сопротивление Меджа. Этот Медж только и говорит, что о выгоде концерна, и постоянно упрекает Кандербля в расточительности. Проклятый бизнесмен! Он думает, что построить город на северном берегу Аляски и железную дорогу к нему через тундры, леса и болота – это все равно, что сложить какой-нибудь небоскреб на скалистом нью-йоркском грунте. Но он, Герберт Кандербль, сумеет довести это величайшее техническое дело до конца! Он заставит понять этих тупых акционеров, боящихся растрясти кошельки, что ему надо!

Мистер Герберт Кандербль открыл дверь в свой кабинет.

– Эгей, Герберт! Хэлло! – веселым голосом крикнула Амелия, спрыгивая с письменного стола, на котором сидела. – Мне только что сообщили, как ты разделался с этими негодяями. Я в восторге! Если в следующий раз случится что-нибудь столь же интересное, обязательно захвати меня с собой.

Герберт поморщился.

Именно те черты очаровательной миссис Амелии Кандербль, которые когда-то выделяли Амелию из толпы других девушек и сделали возможной их женитьбу, теперь особенно раздражали его.

Но Амелия ничего не хотела замечать. Она взяла из ящика на столе мужа сигару и ловко обрубилась ее кончик стоявшей на столе крохотной гильотиной.

– Герберт, я недовольна тобой. Вот уже три дня ты не обедаешь со мной.

– Извини, дорогая! Я так занят все эти дни... Даже теперь.

Амелия двинула бровью. Губки ее капризно надулись. Она хотела топнуть ножкой, но вместо этого сделала грациозное движение и ласково прильнула к мужу:

– Герберт, ты не должен забывать меня... Ты говорил своему секретарю что-то об автомобилях, о деньгах... Я могу позвонить отцу. Хочешь? Но ты обещал каждый день обедать со мной. Вечер должен быть нашим.

– О да, дорогая! Но я еще раз прошу тебя не заниматься моими делами. По прямому проводу с директором концерна я могу поговорить и сам.

Амелия вздрогнула. Она посмотрела на Кандербля. Его длинное лицо выражало нетерпение и досаду.

Вот так всегда! Дела и только дела! Она всегда мешает ему. Помощь ее не нужна. Она эксцентрична и мила как никогда, а этот чурбан только раздражается. Неужели показать свои коготки? Скажем, временно прервать финансирование Туннель-сити?

Герберт Кандербль устало опустил в кресло. Ну что ей еще надо от него? Он, кажется, дал ей свое имя. Не может же он отдать еще и свое время! Оно слишком дорого стоит.

Амелия ненавидела работу мужа. Она презирала теперь технику в тысячу раз больше, чем тогда, когда пыталась бороться с ней при помощи Лиги борьбы с цепями культуры. Сознание, что техника – ее соперница, бесило ее. Но с Гербертом надо было постоянно сдерживаться. Ах, какие разные бывают мужчины! Взять хотя бы отца, Герберта, наконец Майка...

Амелия неестественно засмеялась:

– Право, ты заставляешь меня думать, что у тебя в подводном доке живет какая-то сирена. О, если бы я ее знала!

Кандербль погрузился в бумаги. Амелия села на ручку его кресла и продолжала болтать:

– Неужели ты не можешь меня брать с собой? Под водой, наверное, ужасно интересно! Верь мне, я умею разбираться в делах.

Кандербль раздраженно отодвинул от себя бумаги.

– Женщина никогда не сможет понять технику! – резко сказал он, вставая.

Вошел инженер Мейс, секретарь Кандербля. Он мрачно посмотрел на Амелию и голосом, в котором чувствовалось подражание патрону, доложил:

– Сэр, только что с пассажирским басом прибыл инженер из Москвы. Я думаю, что вам следует его принять.

– Инженер из Москвы? – оживился Кандербль. – Просите сюда этого русского инженера... Моя дорогая, – обратился он холодно к жене, – я должен поговорить с этим инженером наедине. Вероятно, есть что-нибудь от мистера Стэппена Корнейва. Это очень важно для меня. За Эндрью Корнейвом трудно угнаться.

Амелия капризно пожала плечами и, резко встав, вышла из кабинета. Но, оказавшись в соседней комнате, она с отвращением выбросила толстую сигару и прикрыла за собой дверь, оставив небольшую щелку. Прильнув к ней глазом, Амелия увидела, как в кабинет Кандербля вошла закутанная в доху фигура. Секретарь помог снять тяжелую меховую одежду.

– Я очень рад, сэр, что вы приехали в Туннель-сити. Если я правильно понял телеграмму мистера Корнейва, вы прибыли изучить опыт нашего строительства и получить от нас техническую помощь.

– Нет, сэр, – раздался звонкий девичий голос.

Амелия вздрогнула. Она видела, что ее муж низко наклонился над изящной фигуркой. меховое одеяние, делавшее вошедшую огромной, лежало теперь на стуле.

– Я командирована для оказания вам технической помощи.

– Мне? Технической помощи?

– Я приехала по поводу ракетных якорей.

– Якорей? – удивленно повторил Кандербль. – Но по этому вопросу мы ожидали самого мистера Седых. Нам даже сообщили, что инженер Седых уже выехал.

– О нет, если вы имели в виду моего отца, то он тут ни при чем. А инженер Анна Седых – это я, – отрекомендовалась приехавшая.

«Женщина!» – воскликнула мысленно Амелия, и ее отполированные ноготочки врезались в ладони.

Глава пятая НОВЫЙ ГОД

Накануне Нового года в подводный док к Андрею Корневу приехал Сурен Авакян. Он привез с собой большой пакет и многозначительно подмигнул:

– Приехал с докладом о строительстве береговых атомных станций. А пока Новый год встречать будем. Понимаешь?

Собрались в «квартире» Андрея – в просторной каюте, представляющей собой правильный цилиндр, покрытый теплоизоляционным слоем и тисненой кожей.

Сурен объявил себя тамадой и теперь проявлял кипучую деятельность: хватался за бутылки, открывал консервы, настраивал приемник на Москву.

Андрей встречал гостей. В числе других были Денис Денисюк и самый молодой из присутствующих – Коля Смирнов, любимец Андрея, электросварщик, применивший свой новый метод сварки и зачисленный в штат туннельного комбайна.

Дверь открылась, и появилась полная блондинка с быстрыми веселыми глазами и задорным носиком.

– Я не опоздала? – спросила она. – Какой сейчас год?

– Женщина! Настоящая подводная женщина! – Сурен застыл с бутылкой шампанского в руке.

– Конечно, женщина! И притом старая знакомая, – улыбнулся Андрей. – Помнишь, Сурен, корабельный госпиталь, где я лежал?

– Постой, постой, подожди... Ва! Корабельный врач!

– Нет! Нет! Теперь уже не корабельный, а врач подводного дока Елена Антоновна. – И женщина дружески протянула Сурену руку.

Но Сурена ждал новый сюрприз. Вошла еще одна женщина. Заметив, как она робко жмется к стенке, Сурен сразу же устремился к ней.

– Почему прячешься? Первой не хочешь быть? – И он потащил упирающуюся девушку на середину.

– Что ты, что ты? – загремел сзади Денис. – Как это наша Нина не хочет быть первой! Она у нас все время первой была, пока вот этот вот... – и Денис показал глазами на Колю Смирнова.

– А? Соперники? – радостно закричал Сурен. – Это ты, что ли, ее победил?

– Да вот третий день держусь, – скромно сказал Коля.

– Только третий день? Ну, ты не тужи... еще дня два продержишься... Нина, поди сюда. Расскажи, почему отстала?

– Не пойду! – мотнула головой Нина и отошла.

– Ну, не ходи! – засмеялся Сурен. – Но вот что, состязатели. Вы про Америку слышали? Док у них не в шестьсот метров, а в полмили. Они по туннелю не на поездах, а на автомобилях шпарят. Они к Северному полюсу скорее нашего приехать могут. Понимаешь?

Вот это состязание! Так что, пожалуйста, больше ссорьтесь. Злее будете!

– Не поддадимся! – засмеялся Коля. – Насчет автомобилей американцы, может быть, и горазды, а вот насчет электросварки... Как вы думаете, Нина?

Нина тоже засмеялась.

– Тише вы там! – пробурчал Денисюк, сидевший у радиоприемника. – В Москве Красную площадь включили.

Все смолкли и невольно встали, глядя на приемник, подтянутые, серьезные. Только Коля и Нина смотрели друг на друга смеющимися глазами.

Слышался шум автомобилей, проезжавших мимо Спасской башни. И оттого, что шорох шин раздавался здесь, в цилиндрической комнате, на глубине ста метров подо льдом, каждый из присутствующих чувствовал себя особенно торжественно. И бесконечно знакомый мелодичный звон не казался сейчас обыденностью, хотя каждый слышал его сотни раз. Мерные удары – дон... дон... дон... – как-то связывали воедино этих людей со всей страной.

Последний удар – и грянул гимн.

– Одна тысяча четыреста двадцать километров до Северного полюса! – крикнул Сурен. – В наступающем году вы пройдете половину этого пути, а мы закончим строительство атомных станций.

– Ура!

Сдержанность у всех присутствующих исчезла. Послышался смех, громкий разговор. Неожиданно Сурен потребовал тишины:

– Тост говорить буду! Настоящий кавказский тост!

– А ну, давай, давай! – прогудел Денис, откидываясь на спинку стула и ласково усмехаясь.

Сурен оглядел всех озорными глазами и начал:

– Жил-был царь. Невзлюбил он одного князя и решил сделать ему самое большое горе. Позвал он своего палача и велел зарезать у князя жену. – Сурен с шутливой свирепостью взглянул на свою соседку. (Елена Антоновна, не зная, куда он клонит, смущенно улыбалась.) – Выполнил палач приказ, вернулся к царю, а тот его спрашивает: «Ну как, заплакал князь?» – «Нет, не заплакал», – отвечает палач. И велел тогда царь зарезать всех малых детей князя. Вернулся палач веселый, руки потирает, а царь его опять спрашивает: «Ну как, заплакал князь?» – «Нет, не заплакал!» – отвечает палач. Удивился царь и велел зарезать отца и мать ненавистного князя. Вернулся палач, кинжалом в серебряных ножнах играет. – Сурен повертел перед собой столовым ножом. – А царь спрашивает: «Ну как, заплакал князь?» – «Нет, не заплакал!» – отвечает палач. Рассердился царь и крепко задумался. А потом приказал палачу: «Пойди зарежь самого любимого друга у князя». Пошел палач, выполнил приказ и вернулся к царю. «Ну как, заплакал князь?» – спрашивает царь. «Заплакал, горько заплакал», – отвечает палач. – Так заплакал, что я не выдержал и тоже с ним плакать стал». Сильно удивился царь и велел позвать к себе князя. Предстал перед ним князь, голову потупил. И спросил его царь: «Скажи мне, князь, почему, когда твою жену мой палач зарезал, ты не заплакал? Почему, когда отца и мать твоих мой палач зарезал, ты не заплакал? И еще скажи, почему ты безутешно плачешь теперь, когда твоего друга зарезали?» И ответил князь: «Человек второй раз жениться может и детей будет иметь – потому я не заплакал; отец и мать старые были, сами умирать собирались – потому я не заплакал. – Вздохнул князь тяжело. – А вот второго друга, настоящего, хорошего друга, не скоро найдешь – потому и плачу...» – Сурен оглядел притихших людей. – Так выпьем же за дружбу, потому что нет ничего ценней!

Все переглянулись и зашумели.

– Правильно, правильно! – слышались голоса.

– Ай да Сурен! Куда подвел! – восхищенно воскликнул Денис, поднимаясь и подходя к Сурену. – Это ты добре сказал про дружбу. Верно, что нет ничего ценней! – И он обнял Сурена.

Андрей вышел в свой кабинет и вернулся оттуда с какой-то бумагой в руках. На щеках его выступили красные пятна. Поспешно спрятав бумагу в карман, он подошел к Сурену и крепко пожал ему руку. Он хотел что-то сказать, но неугомонный Сурен, махнув на него рукой, принялся отодвигать стол.

– Плясать будем, – шепнул он Елене Антоновне и стал засучивать рукава воображаемого бешмета.

Присутствующие образовали круг и начали ритмично ударять в ладоши. Денис старательно барабанил в такт по стулу.

– Па-ашел! Ва! – Сурен тряхнул черной лохматой головой и поплыл по комнате. Ноги его быстро мелькали, а корпус плавно передвигался, словно под ним не пляшущие ноги, а лодка. – Хасса! Хасса!

Пройдя круг, Сурен вытащил на середину Елену Антоновну и Дениса. Каждое движение Елены Антоновны преображало ее, делало легкой, заставляло забывать о ее полноте, у Дениса же каждый шаг подчеркивал неуклюжесть его огромной фигуры. Он со всего размаха бухался на пол и, опустившись на корточки, тяжело и невпопад выбрасывал ноги.

Все смеялись до слез. Коля и Нина стояли в сторонке, о чем-то тихо разговаривая.

Улучив момент, Андрей взял Сурена под руку и вышел с ним из комнаты.

– Пойдем. Ты сегодня произнес тост. Мне хочется поговорить с тобой о нем. Кстати, посмотрим, как передвигается док. Сборка закончена.

– Пойдем, – охотно согласился Сурен. – Посмотрим, как это твой док двигается.

– Мой ли?.. – спросил Андрей и пристально посмотрел на Сурена.

Тот сделал вид, что не слышал этого вопроса, и пошел впереди Андрея. Поднявшись по винтовой лестнице в вертикальном патрубке и пройдя цилиндрический коридор, они вошли в сборочный зал. Сейчас он был освещен лишь несколькими лампами. Не слышалось обычного шума и треска. Редкие фигуры проходили по площадкам.

В том месте, где прежде видны были ровные дорожки из вогнутых роликов, теперь лежали трубы сваренного туннеля, похожие на фантастически длинную двустволку. Туннельный комбайн отодвинулся в самый конец дока.

Шаги гулко отдавались, подчеркивая тишину огромного пустого помещения. Молча прошли Сурен и Андрей до конца площадки. Здесь готовый туннель, пройдя сквозь торцовую стенку зала, уходил в океан. Специальное уплотнение заполняло щель между трубой и кромкой отверстия в стенке, выдерживая внешнее давление воды в десять атмосфер. Этот сальник имел сложное нажимное устройство, позволявшее уплотнять набивку.

Все же вода немного проникала. Капли ее просачивались сквозь уплотнение и прерывистой тонкой струйкой стекали вниз. Сурен протянул палец, намочил его и попробовал на язык.

– Соленая, морская! – покачал он головой. – Все-таки опасно здесь работать. От океанской воды нас отделяет тоненькая стенка да сальниковое уплотнение. Начнет док тонуть – куда денешься? А вода... вода... она холодная, ледяная...

– Привычка, Сурен. Мы уже и забыли думать, что нас постоянно окружает рвущаяся к нам вода.

Сурен и Андрей медленно пошли вдоль трубы туннеля.

Вдруг стены цилиндрического зала дрогнули, издав низкий, гудящий звук. Одновременно задрожали перила площадки и ее металлический настил.

– Винты заработали, – заметил Андрей.

Сурен впился глазами в трубы туннеля. Вибрация усиливалась. Площадка тряслась под ногами. Стены грохотали, словно покатались отдыхавшие мостовые краны.

– Ползет, ползет, проклятая! – радостно закричал Сурен. – Поехали, поехали к самому Северному полюсу! Ва! Там встретимся с нашими американскими друзьями. Торжественно обещаю вот эту самую любимую трубку, – Сурен потряс в воздухе своим сокровищем, –

подарить первому американскому рабочему, который перейдет из американского подводного дока в наш! Запомни, Андрей!

– Хорошо, запомню, – улыбнулся Андрей. – Пойдем теперь к концу трубы – там лучше будет видно движение.

Чтобы достичь отверстия трубы, пришлось пройти полкилометра по узкой металлической площадке. Дойдя до расположенных по кругу отверстий, они повернули обратно. Освещенный внутри зев туннеля двигался наравне с ними. Внутрь уходили вновь проложенные рельсы и толстые рукава кабелей. Видны были суетившиеся внутри люди. Они заканчивали отделочные работы в сваренном отрезке. Передвижная машина-металлизатор покрывала трубы снаружи специальным слоем. Распыленный металл с шипением вырывался из расположенных по кругу отверстий, окрашивая туннель в красивый серебристый цвет. Это покрытие должно было предохранять металл труб от коррозии.

Равномерное движение продолжалось. Собственно, двигалась не труба туннеля, а сам док. Сурену же, перемещавшемуся вместе с доком, казалось, что ползет туннель.

– А здорово! Все-таки здорово! – не выдержал Сурен.

– Да, это ты хорошо придумал, – тихо сказал Андрей.

– Почему я? – порывисто обернулся Сурен.

– И, произнося тост о дружбе, ты действительно понимал, что такое дружба.

– Слушай, дружбу понимаю, но о чем ты говоришь – не пойму, – слегка смутившись, сказал Сурен, раскуривая трубку.

Андрей грустно улыбнулся.

– Недавно, роюсь в нашем проектном архиве, я нашел твой старый черновой эскиз этого самого дока.

– Ну и что же? Я набросал его сразу, как только услышал эту идею от тебя во время болезни.

– Сурен, перестань, – серьезно сказал Андрей. – Ты забыл, что на эскизе стоит дата...

– Ну что же, что дата? Почему мне не поставить дату?

– Ты изобрел подводный док не во время моей болезни, а значительно раньше... еще до аварии, когда утонул наш опытный туннель... Об этом говорит дата, которую ты поставил по привычке...

Сурен забормотал:

– Зачем с ума сходишь?.. Это же скандал... Брось даже говорить...

Андрей положил Сурену на плечо руку:

– Я понял тебя... Неужели я был таким, что ты вынужден был скрыть от меня и от всех свое авторство? Зачем ты внушил мне там, в горах, что будто бы я подал тебе мысль собирать туннель под водой? Чтобы успокоить мое самолюбие?

Сурен, такой озорной, шумный Сурен, не знал, куда деваться от смущения. Андрей продолжал:

– Когда я нашел этот эскиз, я понял, что такое настоящая дружба. Я оценил тебя, Сурен, но я... я уже сообщил об этом в Москву – Николаю Николаевичу Волкову.

– Ну и ишак! – рассердился Сурен. – Ты никогда не знаешь золотой середины. В ту пору ты действительно был крайне щепетилен. С тобой приходилось считаться. Помнишь ракетный вагон? Аню помнишь?

Андрей покраснел:

– Помню ракетный вагон, помню и Аню... Но не будем говорить об этом!..

– Нет, надо!.. – начал было Сурен, но не договорил, застыв в изумлении.

Труба туннеля, на которую он смотрел, совершенно отчетливо перекосилась. Ее восьмидесятиметровый отрезок, еще остававшийся в зале, сошел с роликов и мял перила металлической площадки.

Огромный цилиндр дока трясся, а труба туннеля судорожно дергалась. Слышалось шипение, переходящее в громкий свист.

Андрей побледнел.

– Перекосило док... Порча винтомоторных групп. Сальник, – отрывисто произнес он. Свист усиливался. Казалось, одновременно заработало несколько десятков брандспойтов.

На ходу засовывая горящую трубку в карман, Сурен побежал по площадке к тому месту, где готовые трубы туннеля выходили из дока.

Вода ударила Сурену в лицо еще шагах в тридцати от цели. Он покачнулся, на секунду прислонился к стене, потом снова бросился вперед.

В этот момент на площадке появились веселые Денис и Коля Смирнов, посланные на поиски Андрея и Сурена. В первый момент они опешили, не понимая, что происходит. Взоры их приковала к себе гигантская прозрачная струя, похожая на стеклянный конус. Она вырывалась из того места, где туннель выходил из дока. Через сальник, пробив уплотнение между трубой и кромкой отверстия, в подводный док врывалась вода океана.

Сурен был около самой стенки. Вода доходила ему до щиколоток. Ноги скользили по мокрому металлу. Вдруг струя, изменив направление, обрушилась на Сурена и сбила его с ног; захлебываясь, он вскочил на ноги и снова ринулся вперед к прозрачному разлетающемуся водяному конусу.

– Брезент! Пластырь! – послышался сзади голос Андрея.

– Есть пластырь! – отозвался бас Дениса.

Борясь с бьющей из щели струей, уклоняясь от ее оглушающих ударов, весь мокрый, растрепанный, Сурен ухватился за поручень, судорожно стаскивая с себя рубашку.

Вдруг он почувствовал чье-то прикосновение. Оглянувшись, он увидел бледное веснушчатое лицо Коли Смирнова. Сурен крикнул:

– Заткай дыру!.. Скорей!.. Бери мою рубашку!.. Док ко дну идет!..

– Поджимать болты надо, товарищ Авакян!

Тут только увидел Сурен огромный ключ в руках у Коли.

Вода разлеталась теперь во все стороны. Вдвоем, держась друг за друга, добрались они до нажимного устройства сальника.

Вода сшибала, ранила... Сила десяти атмосфер – чудовищная сила. Но Коля и Сурен, не обращая внимания на боль и непрекращающиеся удары, вдвоем налегали на ручку ключа, стараясь затянуть гайку возможно туже.

Вода унесла рубашку Сурена. Его голое смуглое тело виднелось в пене рвущихся струй.

Гайки поддаются, но надо закручивать их сильнее, сильнее! Сурен и Коля работали рывками. Каждый поворот усиливал ярость. Сурен ухватился за самый конец ключа, чтобы создать больший рычаг. Ноги его соскользнули с мокрой металлической опоры, и он повис всей тяжестью на рычаге.

Вдруг струя – может быть, под влиянием местного натяжения сальника – изменила свое направление и со всей силой обрушилась на висящего Сурена. Это был страшный удар. Коля видел, как исказилось лицо Сурена, как выпустил он рукоятку ключа и скрылся в пенящейся воде...

Коля не знал, что делать: закручивать ли дальше гайки ключом, который остался в его руке, или выручать Сурена. Руки решили за него. Они автоматически продолжали работать.

Вода, ударяясь о площадку, каскадами падала вниз и там продолжала бурлить и крутиться.

Сурена не было видно. Должно быть, вода смыла его.

Колю окружили люди в непромокаемой одежде, с электрическими ключами в руках.

Коля смутно видел Дениса, едва слышал голос Андрея и шуршание брезента. Струя боролась с набрасываемым на нее пластырем, пучила его, силилась вырваться. Оглушенный, избитый Коля почувствовал, что теряет силы, и отошел в сторону. Вода бурлила у его колен, голова кружилась, тело ныло... Оказывается, он сильно ушиб правую руку. И вдруг он вспомнил об упавшем товарище.

Он стал кому-то говорить о Сурене, кого-то просил, но ему казалось, что его не

слушают, не понимают. Все были чем-то заняты. Тогда Коля решил, что должен действовать. Ни о чем больше не думая, он спрыгнул вниз. Вода потащила его в сторону, но он ухватился за выступ площадки. Вот сюда, сюда только мог упасть Сурен. И Коля нырнул с открытыми глазами. Он видел идущие по дну усиливающие ребра, быстро мчавшиеся мимо.

Его далеко отнесло от места аварии. Спина стукнулась о трубу. Вода стремилась затащить его под туннель. Коля сделал усилие, ухватился за кронштейн и, подтянувшись на руках, вылез на площадку.

«Бежать... бежать обратно... Еще нырять, нырять...» На ходу он услышал голос Денисюка:

– Док погружается, Андрей Григорьевич.

– Балласт! Выкинуть балласт! – приказал Андрей. – Есть выкинуть балласт!

– Помпы!

– Да гудят на полную мощность.

Коля остановился около Андрея:

– Товарищ Корнев, Авакян упал на дно!

– Что? – Андрей побледнел. – Водолаз! Водолаз! – крикнул он, заглушая шипение струй.

Человек в кислородной маске бежал к Андрею.

Коля не стал ждать. Он бросился вперед и опять нырнул с того места, что и в первый раз. Хватаясь за выступающие ребра, он плавал у самого дна с открытыми глазами, и неотвязная мысль болью отдавалась в висках: «Неужели утонул?..»

Когда он вынырнул, жадно глотая воздух, чья-то рука схватила его за плечо.

– Довольно!

Коля рванулся.

– Довольно! Приказываю! – крикнули ему в ухо.

Он увидел перед собой искаженное лицо Андрея. Андрей вытащил его на площадку и, не отпуская его руки, заставил стать рядом с собой, по колено в несущейся воде.

Они оба смотрели, как накладывали специальный пластырь высокого давления.

Коля сильно дрожал. Только теперь почувствовал он, что вода полярного океана ледяная.

На поверхности воды, у самой площадки, показалась голова в маске. Водолаз поднял над водой свою ношу – тело Сурена...

Андрей и Коля протянули руки и положили удивительно тяжелое тело на перила, чтобы оно было выше поверхности воды. Кто-то перекинул доску с перил на трубу туннеля.

Сурена перенесли на туннель. Андрей стал на колени, склонился над ним. Он видел слипшиеся волосы, закрытые синие веки, приподнятую верхнюю губу и страшный оскал зубов.

Андрея попросили отодвинуться. Он увидел Елену Антоновну. У нее тряслись руки, глаза были сухие, широко открытые, полные ужаса. Она взяла безжизненную руку, стараясь прощупать пульс. Потом склонилась к голой смуглой груди. Ее светлые волосы на минуту закрыли татуировку орла на скале. Наконец она подняла испуганное лицо.

– Дыхание... искусственное дыхание, – проговорила она.

У Коли кружилась голова, болела рука, его тошнило. Он сидел и бессмысленно смотрел по сторонам. Струи больше не было видно. Ее скрыл брезент, из-под которого то здесь, то там начинала хлестать вода. Брезент особым, быстро схватывающим, нерастворимым в воде составом приклеивался к металлу. Взад и вперед бегали мокрые озабоченные люди.

Сурену делали искусственное дыхание.

Коля не знал, сколько прошло времени. Может быть, он терял сознание... Беготня прекратилась. На том месте, где прорвало сальник, сейчас вздувался безобразный серый пузырь. Вода внизу спала. Снова выступило дно цилиндра с усиливающими ребрами. По мокрой металлической площадке кого-то несли. Коля опять вспомнил о Сурене.

Преодолевая боль, он перебрался на площадку. Там стояли двое рабочих в мокрых

одеждах.

– Виском, верно, ударился, струей его сшибло.

– Насмерть?

– Не откачали... Жаль... боевой был...

Смысл слов едва дошел до Коли. Он бросился по площадке, догнал людей, несущих тело Сурена. Его остановил Андрей. Он шел сзади, понунив голову. Посмотрев на Колю стеклянными глазами, он сжал его руку.

– Мертв.

Оглянулась Елена Антоновна. Она плакала и не старалась этого скрыть.

– Течь ликвидирована, товарищ начальник! – прогудел Денисюк.

Андрей все не отпускал Колиной руки. Он повернулся и равнодушным, чужим голосом отдал распоряжение:

– Выровнять положение дока. Послать глубоководных водолазов на наружную часть.

– Есть на наружную часть!

Коля почувствовал в своей руке трубку.

– Вот, отдашь, когда сомкнется туннель, первому американскому рабочему. Так хотел Сурен, – сказал Андрей.

Коля видел, как страдальчески опустились у него уголки губ.

– Вот он, Арктический мост... Отнял жену... Унес такого, такого друга!..

Андрей отвернулся.

Глава шестая ВОЗДУХ

– О'кэй, мисс Седых! Если сегодняшний эксперимент окончится благополучно, компания купит ваш патент на ракетные якоря. Это как раз то, что мне нужно. Мои рабочие постоянно недовольны, а это развязало бы мне руки.

Аня улыбнулась:

– Моя цель не продажа патента, а оказание технической помощи вашему строительству.

Кандербль глубокомысленно поднял левую бровь, потом полез в жилетный карман за сигарой. Вспомнив, что они в подводной лодке, инженер улыбнулся:

– Черт возьми! К сожалению, здесь нельзя курить. Итак, мисс Седых, там все готово?

– Да, я проверила, – коротко ответила Аня.

Кандербль подошел к блестящему прибору. Светлое пятно на шкале показывало цифру расстояния, которое прошла от дока маленькая подводная лодка.

– Стоп! – скомандовал Кандербль.

Зажглась лампочка на пульте. Приказ был принят.

– Можно идти? – спросила Аня.

– О'кэй, мисс Седых. Ваш якорь следует спускать здесь.

– О'кэй! – с едва уловимым задором произнесла Аня и вышла в низенькую дверь.

Нагнув голову, Кандербль последовал за ней. По узенькому, ослепительно чистому коридору, перегороденному в ряде мест водонепроницаемыми переборками, они прошли в центральную часть подводной лодки. Здесь была расположена «спускная камера». Через нее опускались балластные, «мертвые» якоря, нагружаемые в подводном доке.

Кандербль подошел к круглому иллюминатору. Сквозь толстое стекло была видна внутренность цилиндрической камеры, слабо освещенная проникающим снаружи светом.

Сейчас камера была заполнена гигантским штопором. Его винтовые лопасти поблескивали, словно отполированные. Штопор кончался сверху поперечиной, на обоих концах которой виднелись сопла реактивных двигателей, напоминавшие трубу горниста.

– Итак, фейерверк на дне моря? – с некоторой долей любезности в голосе произнес Кандербль, с интересом наблюдая за взволнованным лицом русской женщины.

Аня быстро повернулась к американцу. Между бровей у нее появилась складка.

– Впустить в камеру воду! – отрывисто скомандовала она.

Кандербль громко повторил приказание.

Оба инженера видели, как открылись в полу камеры кингстоны, как похожими на бревна струями ринулась через образовавшиеся отверстия вода океана. Штопор вздрогнул, качнулся в сторону, уступая напору струи, отклонился до встречи с другой и, дрожа, остался в наклонном положении. Вода быстро заполнила камеру. Якорь снова повис вертикально.

– Готово, – сказала Аня, поправляя волосы.

– О'кэй! – отозвался Кандербль, нажимая серебристую кнопку.

Створки пола камеры медленно раскрылись. Столб воды в камере слился с темным зеленоватым пространством.

– Трави трос! – наклонила Аня голову.

Якорь дрогнул и стал медленно опускаться, пока не исчез в зеленой темноте. В заполненной водой камере остался только натянутый канат.

Прислонясь плечом к двойному ряду заклепок, выступавших на металлической стенке, Аня молча смотрела на счетчик длины развернувшегося каната.

Кандербль не спускал глаз с красивого лица со сведенными прямыми бровями.

– Вы уверены, что реактивные двигатели включатся, едва якорь коснется дна? – спросил Кандербль – может быть, лишь для того, чтобы нарушить тягостную тишину.

Вместо ответа Аня пристально посмотрела прямо в глаза американцу. Кандербль отвел взгляд в сторону.

В окошечке прибора выпрыгивали цифры, как на счетчике таксомотора.

Кандербль сказал об этом Ане. Аня улыбнулась ему, и американский инженер сразу повеселел.

Он стал насвистывать какую-то негритянскую мелодию, постукивая в такт носком ботинка.

Вдруг Аня схватила его за рукав и предостерегающе подняла руку.

Цифры в окошечке прибора перестали меняться.

Кандербль стоял, вытянувшись во весь рост. Аня продолжала держать его за руку. Было слышно, как в жилетном кармане американца громко тикают часы; им вторили маленькие часики на руке Ани.

Откуда-то донесся далекий гул.

Аня вопросительно смотрела на Кандербля. Американец вместо ответа выразительно показал пальцами, как ввертывается штопор. Аня радостно кивнула головой.

– Надо еще проверить, не вытащится ли якорь, если потянуть хорошенько за канат, – сухо произнес Кандербль.

– Проверяйте.

– Сейчас отдам распоряжение... Однако как быстро якорь достиг дна!

– Наоборот! – воскликнула Аня. – Как долго он спускался!

Гортанным голосом мистер Кандербль отдал распоряжение выбирать канат.

– Хэлло! Мистер Кандербль! – послышалось из репродуктора. – Лодка опускается.

– Стоп! – крикнул Кандербль.

Он протянул Ане руку. Аня крепко, по-мужски, пожала ее.

– О, это очень много для женщины!

– Вы думаете? – рассмеялась Аня.

Оба вернулись в рубку управления. Предстояло отвести конец каната в натяжную камеру туннеля.

На матовом экране всплывали смутные очертания двух труб туннеля, вдоль которых шла теперь подводная лодка. Прожектор лодки вырывал из зеленой тьмы лишь небольшой их кусок, трубы казались косо срезанными.

В одном месте под трубами показалось какое-то утолщение.

– А вот и натяжная камера, мисс Седых, – почему-то хрипло произнес Кандербль.

– Я не видела, как водолазы натягивают канат, – созналась Аня, окинув внимательным взглядом лицо инженера.

– Вот, посмотрите, он несет конец каната, закрепляет на барабане лебедки. Вам видно? Пододвиньтесь сюда.

– Спасибо. Мне хорошо видно и отсюда. Водолаз не останется в натяжной камере? Он вернется в подводную лодку?

– Да, мисс Седых. Вы видите, он уже спускается. Сейчас сжатый воздух вытеснит из натяжной камеры воду, а лебедка натянет канат. Я рад, леди, что могу вам это рассказать.

– Канат натягивается, натягивается! – восхищенно воскликнула Аня. – Первый ракетный якорь уже держит туннель!

Кандербль засунул в рот сигару и стал чиркать спичкой о стенку рубки, но тотчас спохватился.

– Странно, – покачал он головой, – просто странно...

– Что? – обернулась Аня.

– Нет-нет, все о'кэй, моя леди.

Через двадцать минут подводная лодка входила в шлюз плавучего дока.

Это был огромный металлический цилиндр, сообщающийся через люк с океаном. Едва лодка прошла люк, тотчас специальные механизмы задраили его, а насосы принялись выкачивать в океан воду, заполнявшую шлюз.

Через иллюминаторы из соседнего помещения было видно, как постепенно спадает вода в шлюзе и обнажается корпус подводной лодки. К одному из таких иллюминаторов припал Джемс.

Когда в подводной лодке открылся люк и из него показалось длинное лицо Кандербля, Джемс боязливо отодвинулся от окна. Кандербль сошел на мокрый пол шлюза по железным ступенькам, приваренным к корпусу лодки, и выжидательно посмотрел вверх. По лестнице ловко спускалась стройная женщина. Кандербль помог ей сойти на пол.

Джемс поднял бровь: «Прекрасно! „Лошадиная челюсть“ ухаживает за русской леди. Так и будет доложено миссис Амелии. Недаром она интересовалась этой особой».

Открылись двери шлюза. Джемс отскочил за лестницу, откуда мог продолжать свои наблюдения.

Кандербль и Аня, оживленные и довольные, прошли мимо Джемса к винтовой лестнице.

На первой ступеньке Кандербль задержался. Джемс ухмыльнулся, когда увидел, что американец взял русскую леди за руку.

– Простите, леди, я давно хотел вас спросить: откуда у вас это кольцо?

– Это кольцо? – переспросила Аня и, покраснев, тихо высвободила свою руку.

– Не истолкуйте меня неверно, моя леди. Дело в том, что не может найтись в мире другого такого кольца.

Аня удивленно подняла брови:

– Это кольцо подарил мне один очень близкий... и замечательный человек.

– Матрос?

– Нет... то есть да. Его подарил мне... Вы знаете, кто?.. Инженер Андрей Корнев.

– Мистер Эндрью Корнейв? Не может быть!

– Да, во время корейской войны он был матросом.

Кандербль резко повернулся к Ане:

– Так неужели это был он?

– Да, он помнит о первой встрече с вами на корабле. – И он никогда не напомнил мне об этой встрече!

Мог ли я думать! И вы дорожите этим кольцом?

– О да! Очень!..

– Я тоже дорожил им, – сказал Кандербль печально и стал подниматься по винтовой лестнице.

Джемс усмехнулся. Побочное занятие в подводном доке ему определенно нравилось. Убедившись, что оба инженера поднялись, он направился следом за ними.

Осторожно высунув голову, он увидел длинный цилиндрический коридор и две удаляющиеся фигуры.

«Ага! Они направляются к „Лошадиной челюсти“. Хе-хе-хе! Недурное место! Миссис Амелия недаром беспокоится за своего долговязого».

Джемс тихо пошел по коридору. Была ночь. Звуки доносились отчетливо. Скоро должна была начаться передвижка дока. В пустынных коридорах никого не было, но на всякий случай в руках Джемс держал инструменты, чтобы притвориться чем-то занятым.

А вот и дверь в кабинет Кандербля. Интересно послушать, что там сейчас происходит. Джемс приложил ухо к холодному металлу и вдруг удивленно свистнул. Он услышал всхлипывания. Женщина плакала!

«Вот так чертовщина!»

Мистер Кандербль взволнованно ходил по комнате. Джемс сразу узнал его шаги.

– Это ужасное несчастье, ужасное! Когда вы получили депешу, Мейс?

– Час назад, сэр.

– Какая неприятность! Никто не знает у нас об этой катастрофе в русском доке?

– Никто, сэр.

– Вам не лучше, мисс Седых? Выпейте еще воды. Этот инженер Авакян был вашим другом? Но зачем вы плачете, леди? Право, я уже готов был считать вас настоящим парнем.

– Сурен... Сурен... бедный Сурен! – шептала русская.

Джемс напрасно силился понять ее слова. Он сгорал от любопытства. Катастрофа. Депеша. Человеческие жертвы. Есть что рассказать!

– Мейс, принесите еще воды для леди.

Вдруг дверь, к которой прижался Джемс, открылась, ударив его по щеке.

– Что вы делаете здесь, мерзавец? – крикнул Кандербль, хватая Джемса за шиворот.

– Простите сэр, я наклонился, чтобы поднять отвертку. Простите, сэр! Ваша дверь так неожиданно открылась...

– Что вы здесь болтаетесь ночью? Кто вы такой? Штрафую вас на десять долларов. Ваш номер? Теперь убирайтесь, пока я не свернул вам скулы!

– Да, сэр, – подобострастно кланялся Джемс, отодвигаясь подальше от страшного босса.

Расправившись с Джемсом, Кандербль вернулся в кабинет. Аня сидела на стуле и, вытянув руки со стиснутыми пальцами, безмолвно смотрела перед собой. Мейс стоял со стаканом воды, но не мог привлечь ее внимания.

Кандербль нервно закурил сигару.

– Простите мою слабость, мистер Кандербль. – Аня тряхнула головой. – Я разревелась здесь, как девчонка. Но то, что произошло там, слишком много значит для меня... Вероятно, я не нужна вам больше? Я хочу пройти в отведенную мне каюту.

– Пожалуйста, мисс Седых. Поверьте, я очень расстроен происшедшим несчастьем. Я весьма уважал мистера Авакяна. Это крупная утрата для всего нашего предприятия, которому вы так послужили работой над якорями. Я сочувствую вам.

Аня встала и, отвернувшись к стене, вытирала платком глаза. Она слушала, но не понимала американца.

– Мистер Мейс, вы проводите меня? Я боюсь, что не найду своей каюты, – попросила она секретаря.

Кандербль остался один. Он широкими шагами прошелся по узкой и длинной комнате. Остановился, вынул из жилетного кармана сигару, задумчиво подержал в руках, потом бросил ее в пепельницу. Еще раз прошелся из конца в конец и стал искать по карманам спички. Вес время он неодобрительно качал головой.

– Да, да, якоря... Это прекрасно, – вслух произнес он. – Теперь эти олухи у меня попляшут! Мне больше не потребуются каменоломни, доставка балласта... Вся возня с

этими мертвыми якорями не нужна.

Кандербль сел в кресло и глубоко задумался.

Сжимая в руке мокрый платок, Аня машинально двигалась за сдержанно вежливым Мейсом.

Оглядываясь на свою спутницу как бы для того, чтобы убедиться, что она следует за ним, Мейс понял, что мысли русской женщины были сейчас далеко. Почему-то вздохнув, он сказал:

– Да, леди, жестокое это сооружение – плавающий туннель.

Аня сначала удивленно посмотрела на него, потом кивнула головой. Может быть, он ответил ее мыслям.

Навстречу Ане и Мейсу стали попадаться возбужденные люди. Они кричали, махали руками. Аня не понимала, чего они хотят. Они остановили Мейса и не давали ему пройти.

– С дороги! – мрачно произнес Мейс, держа руку в кармане.

– Стоп, инженерский прихвостень! – кричали из толпы.

– Мы хотим знать правду! Что случилось с русским доком? Правда, что он пошел ко дну?

– Правда, что люди задохнулись в нем?

– Пропустите меня и эту леди. Мне ничего не известно об этом происшествии. Читайте газеты. – В голосе Мейса слышались нотки Кандербля.

– Вы лжете! Вам все известно! Мы видели человека, который кое-что слышал.

– Молчать! Вы кричите здесь, в то время как уже пора идти на сварку. С земли сейчас придут грузовики. Прочь с дороги!

– Нет! Мы хотим знать! Мы не пойдем на работу, пока не узнаем! Мы захватим грузовики!

– Джентльмены, вы должны считаться с леди. Она очень утомлена. Я должен проводить ее.

Аня наклонилась к Мейсу и тихо спросила:

– Отчего не рассказать им всю правду?

– Разве это люди? Это скоты! Им нужен повод для забастовки.

– Здесь леди? – переспросил старый рабочий. – Ребята, дайте леди пройти. Он прав: дайте дорогу.

Рабочие расступились, провожая недобрым взглядом Мейса и его спутницу.

Ане было больно уйти, не рассказав этим людям об аварии в советском доке. Но она твердо помнила данные ей наставления – ни в коем случае не вмешиваться во внутреннюю жизнь американского дока, не принимать ничьей стороны в возможных конфликтах между рабочими и администрацией. Дисциплина советского человека была в Ане сильна. Она молча пошла следом за американцем.

Рабочие слонялись без дела по коридорам и по металлической площадке дока. Они бросались навстречу каждому прибывающему из Аляски грузовику, накидывались с расспросами на каждого шофера; но те ничего не знали, кроме того, что наверху пурга и они до сих пор еще не отогрелись.

Слухи, один невероятнее другого, как вода растекались по доку. Разгрузка грузовиков шла с перебоями. Рабочие то и дело отвлекались, чтобы поговорить друг с другом. Мастера охрипли от ругани, но ничего не могли поделать сегодня с рабочими. Инженеры держались поодаль.

Узнав от секретаря о появившихся слухах, Кандербль заперся в своем кабинете. Хмурый, готовый к самым решительным мерам, слушал он сидевшего против него делегата рабочих – электромонтера Сэма Дикса.

– Рабочие хотят знать правду о катастрофе, сэр, хотят знать, насколько безопасно продолжать работу в подводном доке, и, наконец, хотят знать, будут ли удовлетворены требования шоферов, переданные на прошлой неделе.

– Хорошо. Передайте своим рабочим, что в русском доке ничего особенного не

произошло. Образовалась небольшая течь в сальнике. Проходя по мокрой площадке, русский инженер мистер Авакян поскользнулся, ударился виском о железные перила и умер. Работа в нашем доке совершенно безопасна. Это оговорено в нашем договоре, и компания свято выполняет свои обязательства. Что касается всех остальных ваших требований, то они противоречат нашему договору, а потому в переговоры о них я вступать не намерен.

– Остерегайтесь, мистер Кандербль!

Кандербль усмехнулся:

– Меня не интересуют шоферы. Я их увольняю сегодня.

– Как – увольняете? – удивился Сэм. – Разве вы прекращаете работы?

– Отнюдь нет, мистер Дикс. Просто они больше мне не нужны и могут убираться ко всем чертям, так же как и все те, кто работает на добыче балласта.

– Позвольте, но как же якоря?

– О-о! Это уж дело инженеров. Концерн купил у русских патент новой системы якоря, не нуждающегося в балласте. Я уже заказал по телеграфу, чтобы мне прислали партию самолетами.

Сэм нахмурился:

– Следовательно, вы не только не удовлетворяете наши требования, но и объявляете локаут?

– Да, сэр, – сказал Кандербль, открывая коробку с сигарами, но не предлагая закурить своему посетителю.

– Тогда, мистер Кандербль, мы прекратим работы в подводном доке.

– Не удастся! Я набрал сюда надежных рабочих, которые не любят связываться с такими организациями, как профсоюзы.

– Тем не менее работы будут прекращены, сэр, – сказал твердо Сэм, решительно поднимаясь.

– Сомневаюсь, – усмехнулся Кандербль, демонстративно кладя ноги на стол.

– Разрешите воспользоваться вашим телефоном? – вежливо попросил Сэм.

– Пожалуйста.

Сэм вызвал какого-то Билля и спокойно проговорил в трубку:

– Мистер Кандербль отклонил наши требования, объявив частичный локаут. Прекратите работы на вентиляционных установках.

– Что?! – заревел Кандербль, снимая ноги со стола.

– Только то, что я пообещал вам, сэр. Работы прекратятся, так как на земле прекратится подача воздуха в туннель.

Сэм повернулся и вышел. Кандербль яростно двигал челюстями, словно хотел перегрызть что-то твердое.

– Мейс! – крикнул он. – Узнайте, что там происходит наверху, и вызовите ко мне сюда всех инженеров. И верните мистера Дикса.

– Да, сэр, – откликнулся секретарь.

Кандербль включил репродуктор, соединяющий его с центральным сборочным залом. В кабинет донесся смутный шум голосов. Кандербль ходил из угла в угол.

Вошел Сэм.

– Ну? – угрюмо спросил он.

Кандербль подошел к нему вплотную:

– Сейчас же прекратите забастовку!

Сэм отрицательно покачал головой.

Тогда Кандербль выругался, подался всем телом вперед и коротким ударом в челюсть свалил его на ковер.

– Так, – сказал Кандербль, перешагнув через Сэма и, выйдя из кабинета, запер его на ключ.

Когда он поднялся наверх, центральный сборочный зал походил на разбуженный улей. Больше тысячи человек, собравшихся сюда, чтобы начать сварку (туннельного комбайна здесь еще не было), не приступали к работе. Прекращение потока привычного ветра, постоянно дующего из горловины туннеля и приносящего в док свежий воздух, подействовало на людей, как удар грома в зимний солнечный день.

Никто не знал, что произошло. Наэлектризованные утренними слухами, встревоженные люди спрашивали друг друга, что это значит. В довершение всего исчезли все инженеры.

– Скверный признак. Плохи наши дела, – качали головами старики.

– Мы задохнемся в этой ловушке.

– Это проклятое место – док. Русские придумали его и сами утонули первыми.

– Вот теперь и наша очередь.

– Мы не хотим погибать! Надо бежать отсюда, иначе мы задохнемся.

– Воздуха! Воздуха! Я уже чувствую, что трудно дышать...

Люди толпами стали собираться у горловины туннеля, теснясь к полуразгруженным автомобилям.

– Эй! Да что там смотреть! – крикнул кто-то. – Сбрасывай эти проклятые железки на пол! Забирайся на грузовики!

Это было сигналом.

Обезумевшие люди бросились к автомобилям. Тюбинги сбрасывались как попало, загромождая дорогу и делая невозможным проезд другим машинам.

Первый грузовик, сплошь увешанный гроздьями срывающихся людей, въехал в туннель и скрылся в темноте.

– Они уехали, уехали, а мы останемся, задохнемся! – кричали люди, стараясь завладеть следующей машиной.

Началась драка за место в машине. Пошли в ход кулаки. Послышались стоны, ругань,

проклятия.

Ушла вторая машина. Третья, облепленная людьми, не могла двинуться, потому что путь был загорожен сброшенными с первых двух машин тюбингами.

Паника усилилась. С остервенением принялись люди освобождать дорогу. Но другие, воспользовавшись тем, что освободились места в машине, поспешили занять их. Началась свалка. Послышались выстрелы. Толпа, наполнявшая центральный зал, будто сошла с ума. Людям действительно казалось, что они задыхаются. Сознание того, что воздух больше не поступает в туннель, сеяло страх, переходящий в умопомешательство.

Люди бросились бежать по туннелю, в отчаянии забыв, что сотни миль отделяют их от берега. Автомобиль, которому удалось прорваться через толпу, догонял их, и кто знает, какие страшные сцены произошли в узкой трубе туннеля...

Два брата, Джемс и Генри, были в общей толпе. Стараясь удержаться на узкой площадке, они качались то назад, то вперед, пытаясь пробиться к тому месту, где стояли нагруженные тюбингами грузовики.

Здоровые и сильные, мало отдавая себе отчет в том, что делают, они действовали локтями, ногами, кулаками. Удары сыпались на них со всех сторон, но лишь больше разъяряли их. Однако братья были слишком далеко от машины. Они видели, как автомобили один за другим покидали док. Уезжали десятки людей, а оставались сотни.

На мгновение показался Сэм, которого притащил сюда Кандербль, чтобы остановить панику. Но люди уже не могли внимать словам. Чувство страха торжествовало над разумом. Сэма никто не слушал.

– Просто он хочет удрать раньше нас! – крикнул Джемс.

Сэма смяли, затолкали, избили.

Всего только две машины оставались в доке. Люди с дикими воплями пробивались к ним. Ноги часто наступали на что-то мягкое. Ушла еще одна машина. Люди срывались с нее, вскакивали и снова бежали, цепляясь на ходу за висящих товарищей. Последняя машина была набита до отказа. Джемсу и Генри удалось пробраться к ней. Генри изловчился и

вскочил на подножку вместо одного сорвавшегося рабочего. Джемс проталкивался, стараясь поставить свою ногу, но втиснуть ее было некуда.

– Пусти! Пусти! – кричал он, стаскивая Генри, но тот, напрягая мышцы, судорожно держался за выступ крыла.

– Пусти! – хрипел Джемс. Пена показалась в уголках его губ.

Машина тронулась. Джемс выхватил нож и ударил им Генри в спину. Тот крикнул, как-то осел и сполз на землю.

Джемс вскочил на освободившееся место. Машина уже мчалась по туннелю. Рукав Генри зацепился за подножку, и тело некоторое время ташилось за машиной, пока не ударилось о торчащий тьюбинг.

– Док опускается! Помпы остановились! Запасные цистерны наполняются водой! – крикнул кто-то.

Поток людей хлынул в отверстие туннелей. На площадках, на дне дока, на груде тьюбингов лежали оставшиеся, обессиленные борьбой рабочие.

На металлической галерее стояли одинокие фигуры инженеров с револьверами в руках. Они беспомощно поглядывали друг на друга.

– К помпам! Черт вам в уши! К помпам! – кричал Герберт Кандербль. – Док действительно опускается. Я рассчитаю вас завтра же ко всем чертям!

– Сэр, помпы работают. Кто-то уже пустил их. Кандербль сбежал вниз вместе со своим секретарем.

В машинном отделении он не увидел ни одного рабочего. У щита управления стояла Аня Седых.

– Вы, мисс Седых? Вы пустили помпы? Откуда вы знаете устройство дока? Как очутились вы здесь?

Аня посмотрела на американца и тихо сказала:

– Подводный док проектировали когда-то мой муж и его друг.

– Вы молодец, Анна! – произнес Кандербль, не добавляя к ее имени «мисс», и с уважением посмотрел на нее.

Глава седьмая СНЫ – ТОЛЬКО СНЫ...

О'Кими проснулась и открыла глаза, боясь пошевелиться, словно все то, что видела она минуту назад, могло еще вернуться. На лимонно-желтый край циновки падал солнечный луч и золотил ее, а дальше начиналась бирюзовая прозрачная даль. Шелк ширмы казался нереальным и лишь слабо прикрывал тот таинственный мир, в котором только что была О'Кими.

Как это было? Он шел по узенькой дорожке, по обе стороны которой цвели вишни, вишни, вишни... Поднимался по крохотным мостикам, переброшенным через веселые ручейки, проходил мимо клумб, маленьких и изящных, как веер девочки. На песке дорожки резвились золотые зайчики, проскользнувшие сюда через просветы в листве. Они казались такими же цветами, как бледно-розовая пена вишен или мягкие синие лепестки на клумбах, – золотыми цветами, которые то вспыхивают, то гаснут.

Потом он вошел в полосу яркого, но странного света, не похожего на солнечный. Это скорее был лунный свет, но яркий, как солнце. О'Кими где-то видела такой свет. Ах да... В сумерки они с отцом ехали мимо завода. Она поразилась, увидев странно яркую стену с прыгающими фантастическими тенями. Это был свет, лишенный желтизны и жизни, мертвый, но ослепительный. Отец сказал ей, что это электросварка.

Мертвый свет падал на невысокую худощавую фигуру, резко выделяя ее на фоне темных кустов. У него было строгое, задумчивое лицо, как и в последний раз, когда она его видела. Он смотрел прямо перед собой, словно далеко за кустами вишен, за стеклянной синевой неподвижного моря видел свою цель. Он шел к морскому берегу, а за ним по

прибрежному песку двигалась его тень. Ужас сковал О'Кими. Тень... тень была белой! Эта тень, выделявшаяся на песке, как пятно нерастаявшего снега, была чудовищно страшна; она ползла за ним, повторяла его движения, а он все шел вперед и не оглядывался.

О'Кими стояла у самой воды; волны с тихим шуршанием подкатывались к ее ногам. С щемящим чувством ждала О'Кими, что он взглянет на нее. Но он все шел своей дорогой. Белое кружево воды задело его ноги, а он все шел и шел. Вода дошла ему до колен. До пояса!.. О'Кими хотела крикнуть, но голоса не было. Она хотела броситься за ним, остановить, но ей было страшно. Белая снежная тень ползла за ним по поверхности воды, странно колеблясь и извиваясь. Вот уже только плечи его поднимаются над водой. Крик снова стынет в горле О'Кими: там, где только что был он, взметнулась волна и побежала к берегу. Он ушел в воду.

Кими-тян упала на песок. Она хотела плакать, но слез не было. Вдруг она увидела снежную тень. Тень двигалась по поверхности воды и уходила все дальше и дальше. О'Кими вскочила. Она не знает, откуда взялась лодка и как она попала в нее. На корме сидел Муцикава и молча правил. Он, так же как и она, не спускал глаз с одинокой плывущей тени, похожей на колеблющуюся пену. Ветер наклонял парус, вода бурлила около самых пальцев опущенной за борт руки О'Кими. Муцикава смотрел вперед и молчал. У него было злое, напряженное лицо, как тогда на горе Фудзи-сан. И опять стало страшно О'Кими. С облегчением выскочила она на песок. Они обогнали тень. Вон движется к берегу белое пятно. О'Кими стояла на ветру, чувствуя, как трепещет ее кимоно, и ждала. Пятно приближалось. И вот на поверхности воды появилась его голова... его глаза. Он смотрел прямо перед собой, и он видел ее, О'Кими. Он улыбнулся ей. Прежде он никогда не улыбался. Кими-тян бросилась ему навстречу. Он взял ее руки в свои и снова с улыбкой посмотрел на нее. Это было счастье. Они тихо шли по берегу. О'Кими прижалась к его плечу, чувствуя его силу и непреклонное стремление к чему-то большому, неизвестному. Она казалась себе такой маленькой... Не надо, не надо больше ни о чем думать! И вдруг она вспомнила о тени. Сжавшись в комочек, О'Кими не хотела оглядываться, но непреодолимая сила поворачивала ее голову. Она знала, что это страшно, она боялась этого... У нее перехватило дыхание. У Муцикавы были черные щели глаз на бледном лице. Кими-тян хотела крикнуть, но лишь крепче сжала сильную руку, в которой лежали ее пальцы. Впереди была залитая солнцем песчаная коса. О'Кими зажмурилась, чтобы почувствовать себя только с ним. Потом открыла глаза, но вместо песчаной косы увидела позолоченную солнцем циновку...

Кими-тян села и закинула руки за голову. Зажмурилась, как минуту назад во сне, потом открыла глаза и вздохнула.

Встречи во сне,
Как печальны они.
Проснешься,
Ищешь вокруг –
И нет никого...

О'Кими задумалась. Она знала: сегодня должна решиться ее судьба, а он пришел к ней во сне словно для того, чтобы напомнить о себе. Но что может теперь сделать она, маленькая японка, которую научили во Франции только мечтать да быть по-западному сентиментальной? Она не хочет никого: ни Муцикавы, ни Кото. Ни друга своего детства, гордого, напыщенного японца, прославленного летчика, ни впечатлительного юноши с аристократическими руками и восхищенным взглядом.

Родственники в Японии – великая сила. Они сообща решают все семейные дела: они вмешиваются в личную жизнь; они устраивают на службу, выдают замуж, женят, отправляют на войну и выдвигают в парламент. На семейный совет приходят все, и каждый имеет голос. А общего голоса родственников нельзя не слушаться. Так сказал О'Кими вчера

отец.

Сегодня эти далекие Кими-тян люди придут в дом профессора Усуды, чтобы вмешаться в жизнь его дочери, в ее, Кими-тян, жизнь, воспользоваться своей жестокой и непонятной властью над ней. Семейный совет должен решить, чьей женой она станет: Муцикавы или Кото. А ее, ее даже не спросят, даже не пригласят на совет: ведь она только японская женщина.

Дверь тихо открылась. Заглянула Фуса-тян. Солнце блеснуло на валике ее черных волос.

– Приходят, приходят, – быстро заговорила она шепотом. – Сегодня будут все Усуды. Сам господин профессор очень недоволен. Он уже спрашивал меня о вас.

Кими-тян закрыла лицо руками и сидела молча, не сменив ночного кимоно на дневное.

У порога японской половины дома Усуды выстроилось много пар обуви – гэта и зора.

В большом зале на циновках в молчаливой важности сидели пятнадцать мужчин в носках.

Один старый японец – директор какой-то канцелярии – говорил, обращаясь к Усуде и то и дело вытирая шелковым платком слезящиеся глаза:

– Процветание семьи Усуды, признанным главой которой являетесь вы, Усуда-си, – наша общая мечта. Мне кажется, что наша семья должна прислушаться к словам предсказателей. Вопрос о том, с какой семьей породниться – с семьей ли Кото или семьей летчика Муцикавы, – требует тщательного обсуждения. Посоветовавшись с предсказателями, я должен высказать опасение, что злые духи «они» посетят этот благословенный дом, если наша девочка О’Кими не выберет себе господина в лице Кото.

– Я слышал, профессор Усуда... – сказал другой член семьи Усуды, депутат парламента, – я слышал, Усуда-си, что ваша образованная дочь слишком подвержена губительному влиянию Запада. Надо ли говорить, что своеволие не присуще японской девушке? Думаю, что только доблестный летчик Муцикава сумеет снова вернуть Японии нашу любимую дочь.

Усуда сморщил свой львиный нос. Слушал ли он говоривших или думал о претендентах на руку дочери?

– В Японии лучше родиться без рук и без ног, чем без родственников, – мямлил какой-то старик. – Семья Кото обильна и влиятельна.

Молодой офицер горячо выкрикивал слова: «У нас в полку» и «Доблестный Муцикава»...

Кото? Он встретился впервые с О’Кими на пароходе, когда она возвращалась из Америки, не отходил от нее ни на шаг, окружал ее знаками внимания, если не обожания, но сам старался быть незаметным.

Совсем еще юноша, пылкий и впечатлительный, он не смог скрыть свои страдания, вызванные холодностью О’Кими.

Прошло несколько лет, но он не забыл О’Кими.

А Муцикава? О! Его давно знает Усуда.

Председательствующий на семейном совете Усуда осторожно прикрыл рот рукой...

Кото и Муцикава встретились в карликовом садике Усуды и были оба неприятно поражены этой встречей. Приглашение в день семейного совета каждый из них расценивал как свою победу, и вдруг...

Они церемонно поздоровались, в самых вежливых выражениях справились о здоровье друг друга. Муцикава снял очки и, протирая их тончайшим платком, стал оглядываться вокруг близорукими глазами.

– О, Муцикава-сан, – восторженно заговорил Кото, – я не в первый раз в этом изумительном уголке, но продолжаю восхищаться этими карликовыми лесами, достойными сказочных духов, этими серебристыми горными озерами с уступами скал на заднем плане! А этот темный фон из больших деревьев – словно стена, отгораживающая сказочный мир О’Кими от вторжения безобразного города.

– Да, извините, – буркнул Муцикава, – эти кустарники действительно напоминают лес, если на него смотреть с высоты полета. Но, извините, в воздухе больше думаешь о выполняемом задании, чем об утонченных красотах.

Юный Кото вспыхнул.

– Понимание красоты не исключает доблести! – запальчиво произнес он.

Муцикава посмотрел на него прищуренными глазами и засмеялся. Это рассердило юношу еще больше.

...Кими-тян сидела в одной из европейских гостиных. Словно желая подчеркнуть свой молчаливый протест против японских средневековых обычаев, она оделась в изящное европейское платье, а волосы заплела в тугую косу, завернув ее вокруг головы, как это делают русские.

Она еще издали слышала шаги отца. О том, что семейный совет уже кончился, ее предупредила Фуса-тян.

Что скажет ей отец?

Снова ей вспомнился сон. «Он» держал ее руки в своих. Неужели это возможно?

Безмятежно улыбаясь, О'Кими поднялась навстречу отцу.

– Кими-тян... – начал Усуда, ласково кладя тяжелую руку на худенькое плечико девушки. – Кими-тян... – повторил он и замолчал.

О'Кими покорно опустила голову.

Профессор Усуда усадил дочь на диван и стал говорить.

Голоса смутно доносились до Фуса-тян, притаившейся в соседней комнате. Усуда говорил сначала тихо, потом в голосе его стали проскальзывать металлические нотки. Кими-тян отвечала еле слышно. Фуса-тян удивлялась, почему ее госпожа не плачет, почему она не пустит в ход это замечательное женское средство.

Отец и дочь долго молчали. Потом Усуда заговорил опять ласково. Было слышно, как он вздохнул.

Фуса-тян, сколько ни напрягала слух, ничего не могла понять. Какой же выбор сделала ее госпожа? Фуса-тян готова была заплакать от любопытства.

Вдруг Фуса-тян вздрогнула. Да! Хозяин хлопнул в ладоши. Оправив кимоно, она опрометью бросилась в гостиную.

– Фуса-тян, – обратился к ней Усуда, – пригласи ко мне в кабинет господина Муцикаву и Кото.

Обоих? Фуса-тян обомлела от удивления. Любопытным взглядом она скользнула по своей молодой хозяйке. Ах, как она красива, ее барышня, особенно когда взволнована!

Маленькими ножками Фуса-тян засеменила в сад.

Молодых людей она нашла в разных концах сада – правда, всего лишь в двадцати шагах друг от друга.

У крыльца дома, снимая обувь, они смотрели в разные стороны.

В одной из комнат они встретились с проходившей Кими-тян. Оба низко поклонились. Она улыбнулась обоим.

Усуда принял молодых людей в своем темном кабинете. Он вежливо, но сухо поздоровался с ними и предложил сесть.

– Я пригласил вас, господа, по делу, имеющему решающее значение в судьбе каждого из вас.

Оба молодых человека опустили головы в знак согласия. Еще бы! Каждый из них уже сделал формальное предложение.

– Вы, вероятно, знаете, какую благоприятную позицию занимал я всегда в вопросе строительства русско-американского полярного плавающего туннеля? – неожиданно сказал Усуда.

Оба молодых человека удивленно уставились на непроницаемое лицо профессора.

– Я счастлив, что строительство благополучно завершается. Мужественные строители, и русские и американцы, с достойной подражания настойчивостью преодолевают все

трудности.

Муцикава разглядывал циновки на полу. Кото детскими немигающими глазами смотрел на Усуду.

– Трудности остались позади. Все как будто хорошо, однако...

Муцикава поднял голову.

– В Америке пароходные компании чувствуют свои грядущие потери. Их перевозки значительно уменьшатся, когда новый туннель будет готов.

– Это так, конечно, Усуда-сударь, извините, но... но какое это все имеет отношение к нашей судьбе?

Усуда строго посмотрел на Муцикаву и продолжал, словно тот ничего не сказал.

– В противовес туннелю выдвинут встречный проект трансконтинентального сообщения. Воздух! Вот та трасса, которая может, по мнению американских пароходных компаний, конкурировать с туннелем, даже сделать его нерентабельным. В связи с этим сейчас предпринимается интересный опыт – создать постоянную торговую трассу через Полярный бассейн, с Алеутских островов в Европу. Не только для пассажирских экстразэкспрессов, которые уже существуют. Нет. Обыденную грузовую трассу с промежуточными ледовыми базами. Само собой разумеется, что до Алеутских островов грузы должны доставляться на пароходах компании.

– Все это очень интересно, извините, Усуда-сударь, но, право, я... не могу подыскать объяснений.

– Как? – поднял брови профессор. – Разве летчика Муцикаву не интересует проблема такой воздушной трассы?

– Да... пожалуй, но...

– Американские газеты шумят, – продолжал Усуда, – об организации специальных ледовых аэродромов. Можно предполагать, что этот проект удержит падающий курс пароходных акций и собьет цену туннельных. Насколько мне известно, господа, уже предпринимаются конкретные шаги. Недавно меня посетил один из моих американских пациентов и просил порекомендовать ему опытных летчиков, могущих принять участие в экспедиции, отправляющейся в ближайшее время с Алеутских островов для организации в Полярном бассейне ледового аэродрома. – Усуда проницательно посмотрел на молодых японцев. – По ряду причин он заинтересован в иностранных сотрудниках и просил меня порекомендовать ему японских летчиков. Он ссылаясь при этом на прославленные нашими поэтами национальные черты японцев. Но, господа, я отнюдь не настаиваю, чтобы кто-либо из вас принял участие в этом опасном предприятии, так как дорожу жизнью каждого из вас. Кроме того, все мои симпатии на стороне плавающего туннеля.

Муцикава и Кото в первый раз сегодня переглянулись.

– Я прошу не расценивать мои слова как приглашение, я лишь прошу, чтобы вы поговорили об этом со своими товарищами-летчиками и радистами, которые не остановились бы перед опасностями такого предприятия. Как старший я советую вам не настаивать ни на чем. Слишком велики опасности. Нельзя заставлять рисковать людей. И если даже кто-либо проявит колебания, не совсем, может быть, по-вашему, достойные, то...

– Усуда-си, – вскочил Муцикава, – извините, но... я как летчик, которого еще никто не упрекал в трусости, прошу оказать мне честь и познакомить меня с представителем американской пароходной компании.

Усуда внимательно и чуть насмешливо посмотрел на Муцикаву.

– О, я никогда не сомневался в вашей храбрости, сударь!

Усуда крепко пожал руку Муцикаве. Он даже не оборачивался в сторону пунцового и дрожащего Кото.

– Усуда-сударь, – наконец пролепетал юноша, – я не летчик, но... вы, кажется, говорили о радистах.

– Да-да, и о радистах, – обернулся к нему Усуда.

– Я прошу поговорить и обо мне, сударь... Я буду обязан вам своей честью.

Усуда улыбнулся:

– Я рад, что встретил в вас истинных храбрецов. И мне так хотелось бы видеть участниками такого дела людей, которым я безгранично верю.

– Мы согласны, – нестройно проговорили оба претендента.

Усуда откинулся на спинку кресла.

– Мой пациент рассказал мне об очень интересном способе устройства ледовых аэродромов. Если вы не измените своего решения принять участие в этом предприятии, то вас могут заинтересовать некоторые детали.

– О да, Усуда-сударь, мы, конечно, с восторгом выслушаем все, что вы скажете нам, извините.

– Охотно. Это очень интересное изобретение. Оно почти гениально по своей простоте. Эти американцы прямо чародеи в области техники. Выбрать в Полярном бассейне достаточно большую льдину для аэродрома не представляет труда, но, к сожалению, нет никакой гарантии, что сжатие льдов не разрушит такой аэродром. И вот выдвинут проект создать аэродром на гигантском айсберге.

– Позвольте, Усуда-сударь, я очень извиняюсь, но мне кажется, простите меня, что в этом районе не встретишь нужных айсбергов.

Усуда улыбнулся:

– Это будет искусственный айсберг, мой юный друг. Американцы уже изготовили холодильное оборудование. Они предполагают перебросить его в район ледового аэродрома. И, может быть, сделают это с вашей помощью. Там, под выбранную льдину, спустят каркас, состоящий из металлических труб, по которым будет пропущен воздух, сжижаемый холодильной установкой. Трубы обмерзнут, образовав под льдиной искусственную ледяную гору, которой, конечно, не будут страшны никакие сжатия.

– Очень интересно, – мрачно заметил Муцикава.

– О да! Я думаю, что мы могли бы здесь кое-чему научиться.

– Несомненно, Усуда-си, – еще мрачнее сказал Муцикава.

Усуда поднялся и протянул короткую руку:

– Доброго пути вам, господа. Если хотите, я напишу вам записку к своему пациенту.

Оба японца стояли, понуря головы.

Когда они, выйдя из комнат, надевали свои ботинки, Кото сказал:

– Он решил испытать нас.

– Нет, просто сплавить! – огрызнулся Муцикава...

О'Кими с неопределенной, блуждающей улыбкой стояла перед маленьким серебристым прудом, обсаженным карликовыми деревьями. Все казалось нереальным, игрушечным вокруг: маленькие лужайки, дорожки, чащи для лилипутов, мостики для гномов, домики для фей, море для кораблей из ореховой скорлупы.

Кими-тян, глядя на весь этот созданный ее руками и вместе с тем такой загадочный и нереальный мир, шептала:

С тех пор как узнала,
Что жизнь
Совсем нереальна,
Как думать могу я,
Что сны – только сны?

Глава восьмая АКЦИИ

Мутные пятна фонарей отражались в мокром тротуаре. Под ногами хлюпало. Дождь сочился не переставая. Стены домов с темными проемами окон уходили ввысь, где

сливались с мглой. Щель улицы казалась дном глубокого сырого ущелья.

Скрюченные, ссутулившиеся люди жались под карнизами и выступами стен. До утра было еще далеко. Готическая церковь, запиравшая собой улицу, чернела мрачным силуэтом. Серыми полосами казались колонны на здании биржи, около которой толпились люди, боясь упустить минуту открытия. Кто знает, какие потрясения может принести новое утро?

– Они упадут, опять упадут, помяните мое слово, джентльмены! Туннель съест их.

– За один вчерашний день они упали на пятьдесят три пункта.

– Будь он проклят, этот туннель, он разоряет нас! Кто мог думать, что пароходное дело пойдет ко дну? Что могло быть вернее пароходных акций? Разве мог пересохнуть Атлантический океан?

– Ничего не было вернее, дядя Бен! Ничего! Но вот строительство туннеля перевалило за половину, и...

– ...и пароходные акции полетели ко всем чертям, словно океан вытек через дырку в земной скорлупе.

– А вместе с ним и наши кровные доллары, горбом заработанные.

– Надо думать, что сегодня акции упадут еще пунктов на пятьдесят.

Дядя Бен, такой же грузный, как и прежде, но совсем не такой добродушный, рассердился:

– Не каркайте! Я сорок лет копил деньги и все до последнего цента вложил в пароходные акции. Будь он проклят, этот туннель! Он отнял у меня младшего сына. Он хочет еще отнять у меня мои доллары...

– ...от которых осталась едва половина.

– С радостью отдал бы и эту половину, если бы тем мог вернуть своего Генри!

– Да... Я знал вашего сына. Такой симпатичный был парень.

Лицо дяди Бена налилось краской:

– Мерзавцы! Негодяи! Заманили моего мальчика под воду и там убили! Они едва не потопили всех рабочих.

– Действительно, проклятое сооружение! Но где же туннельное процветит? Где же это процветание? Где? Я спрашиваю мистера президента...

– Процветит! – горько усмехнулся дядя Бен. – У меня было два сына и одна дочь. Теперь у меня остался один сын, а дочь должна ехать на Аляску, чтобы выйти замуж за простого монтера. Дела плохи в Нью-Йорке. Вот я имел службу на судостроительном заводе мистера Элуэлла, а теперь завод закрылся. Никто не хочет заказывать суда. И старый Бен без работы. А его сбережения тают как снег, положенный в боковой карман.

– Конечно, джентльмены, совсем не выгодно сейчас держать у себя пароходные акции. Что касается меня, то я предпочитаю продать все три свои пароходные акции, чтобы купить одну туннельную.

– Если вы что-нибудь получите за свои пароходные, – пробурчал старый Бен.

– Да, – вздохнул кто-то в толпе, – я думаю, что в кармане Джона Рипплайна поубавится миллионов.

– Он просто вылетит в пароходную трубу.

– Я бы сказал, в трубу Арктического моста.

– А с ним вместе и мы, – рассмеялся кто-то горько.

Разговор замолк. Люди зябко ежились, отряхиваясь от дождевых капель.

К моменту открытия биржи и Брод-стрит и Уолл-стрит были запружены взволнованными людьми. Спекулятивная лихорадка овладела Нью-Йорком. Если всю ночь здесь продежурили злополучные владельцы пароходных акций, то к утру явились люди, чтобы купить хотя бы одну акцию Туннельного концерна или Стального синдиката, акции которых неизменно ползли вверх. При некоторой ловкости в несколько дней можно было удачной сделкой создать себе состояние. Золотая лихорадка овладела людьми. В подземке, в трамвае, на улице, на службе, в клубе и в кафетерии – везде говорили только об акциях, о пунктах, об онкольных счетах и дивидендах. Начатая месяц назад игра на повышение, игра,

как ее называли, «больших быков», уже приносила свои плоды. Первой жертвой оказалась Атлантическая пароходная компания. Ее акции под влиянием бешеной агитации газет, носившихся с идеей скорого окончания трансконтинентального туннеля, покатились вниз.

– Покупайте железнодорожные акции! Никогда железнодорожное дело не было таким выгодным, как теперь, когда заканчивается подводный туннель! Покупайте железнодорожные!

– Дик Ольдстэд, тот, который женился в прошлом году на богатой вдове, в неделю заработал сто тысяч долларов на стальных акциях. У Стального треста снова предвидятся поставки для туннеля. Его акции летят вверх.

– Я продал на прошлой неделе пять акций и заработал неплохо, но теперь жалею. Сегодня я заработал бы на них вдвое.

– Счастлив тот, кто может совершать сам сделки на бирже. Он снимает все сливки. За место на бирже платят несколько сот тысяч долларов.

– А зарабатывают миллионы!

– Говорят, мистер Игнэс загребает каждый день по миллиону.

– Парходам пришел конец!

– Я не дал бы свой старый автомобиль за пачку парходных акций.

– Туннель! Туннель! Мистер Кандербль скоро достроит его. Уже поговаривают о прокладке трубы вдоль западного берега, чтобы соединить Аляску с Сан-Франциско.

– Я с удовольствием вложил бы свои свободные деньги в это дело.

– Покупайте железнодорожные!

– Интересно, как будут котироваться с утра парходные?

Люди напирали. Всем хотелось первыми ворваться в здание биржи, чтобы узнать котировку и скорее совершить сделки.

– Идите к дьяволу! Не пробуйте пробраться раньше меня! – кричал дядя Бен. – Вы хотите заработать на моих потерях! Дайте сначала мне продать свои акции!

– Не толкайтесь, старина. Если у вас парходные, то вы зря торопитесь. Подождите еще два дня, и вам уже не надо будет приносить свои акции: за ними на вашу квартиру придут мусорщики.

– Идите к дьяволу! Тише, не толкайтесь! Сейчас откроют.

Если бы двери не открыли через несколько минут, их, несомненно, выломали бы. Спотыкаясь, падая, люди бросились по широким ступеням. В одно мгновение толпа заполнила главный зал, стараясь пробиться к барьеру, чтобы завладеть маклером, производящим сделки. На огромной матовой доске зажглись названия основных акций. Все ахнули: акции подводного туннеля подскочили небывало высоко. Можно было подумать, что завтра уже начнется движение по туннелю. Но нет, работа по завершению гигантского строительства будет длиться еще несколько лет. В чем же дело? Чем объяснить этот небывалый ажиотаж? Почему обесцениваются реальные ценности и вздуваются еще не существующие?

– Туннельные! Туннельные! Дайте мне туннельные!

– Нет предложений, сэр. Нет в продаже.

– Акции Туннельного концерна! Купите мне по любой цене!

– Нет в продаже. Нет предложений, сэр.

На светящейся ленте под потолком бежали надписи биржевого телеграфа.

– Смотрите! Туннельные! Туннельные! Кто-то продал. Но по какой небывалой цене! Смотрите! Акции подскочили против вчерашнего еще на пятнадцать пунктов.

Дядя Бен, перегнувшись через барьер, тормозил уже вспотевшего маклера, которого рвали со всех сторон:

– Парень, парень! Вы должны поскорее продать мои парходные. Парень, я вас очень прошу, в них все мои сбережения!

– Да, сэр, при первой возможности. Но никто их не покупает. Простите, сэр, вы просите туннельных акций? Нет, сэр, нет в продаже. Какую вы предлагаете цену?

– Смотрите, смотрите! Опять совершена сделка на туннельные. Они подскочили еще на пять пунктов!

– Боже мой, маклер! Продайте мои пароходные!

– Только за бесценок, сэр. Мне стыдно предложить вам цену, которую согласен дать один из моих клиентов.

Узнав сумму, дядя Бен разразился проклятиями. Он беспомощно оглянулся вокруг. Люди бегали взад и вперед как сумасшедшие. Они то смотрели на зажигающиеся цифры, то бросались к телефонам, за пользование которыми платили невероятные суммы, то осаждали биржевых маклеров. Деньги на покупку акций занимались под огромные проценты в расчете, что еще сегодня акции снова будут проданы, а прибыль, несмотря на эти проценты, чистая, огромная прибыль, звенящим золотом останется в кармане.

– Десять стальных акций! Мистер брокер, устройте мне эту сделку немедленно!

– Да, сэр, я уже оформляю.

– Кто просил туннельные акции? Есть предложение... Что? Цена слишком велика? Тогда, простите, у меня есть другой клиент.

– Смотрите, опять кто-то купил туннельные, по еще более высокой цене.

– Ну, как дела, дядя Бен? Все раздумываете, расстаться ли вам с пароходными акциями?

– Послушайте, – говорил недоумевающий дядя Бен, – как же так? Пароходы, настоящие пароходы, плавают по Атлантическому океану, перевозят грузы и пассажиров. Они будут перевозить их еще несколько лет до окончания строительства туннеля и, несомненно, будут плавать и после окончания. Я как владелец нескольких акций являюсь хозяином какой-то части пароходов, а мне хотят заплатить за мои акции гроши. Куда же делись мои деньги? Куда? Я не понимаю.

– Бросьте, дядя Бен! К тому времени, когда вы поймете, за ваши акции не дадут ни гроша.

– Но куда же девались мои деньги? Я их заработал за станком.

– Хе, старина! Они переходят в карманы того, кто купил вчера туннельные дешевле, а сегодня продал дороже. Это куда лучше, чем работать у станка.

Рядом кричали:

– Туннельные, стальные! Они опять поднялись! Кто-то играет на повышение и скупает акции на огромную сумму.

– Дайте мне туннельных, мистер брокер!

Дядя Бен все еще стоял и думал. Как может уступить он свое право владеть хотя бы несколькими винтиками атлантических гигантов за бесценок! Ведь он когда-то отдал за это право собственности свои сорокалетние сбережения.

Наконец он собрался с духом и опять обратился к маклеру:

– Сэр, очень прошу вас...

– Что? Пароходные? – отмахнулся маклер. – Едва ли кто купит...

– Смотрите, смотрите! Огромная сделка!

Биржевой телеграф отметил новое понижение курса паровых акций.

Дядю Бена толкали, ругали, отпускали по его поводу самые нелестные замечания, а он стоял посредине зала и держал в руках ничтожную сумму, которую получил взамен своих сорокалетних сбережений.

Ограбили! Это было ясно для него. Но кто ограбил и как, этого он понять не мог.

Вспотевшие люди с блуждающими глазами, куда-то спешившие, хрипло переругивающиеся с брокерами, сновали мимо него, неизменно задевая его огромную тушу.

Кто же ограбил? Куда делись его деньги? Что смотрит правительство? Как может существовать легально такой несомненный грабёж? Ведь у него были деньги, а теперь нет. В то же время он ничего не сделал плохого. Пароходы же, владельцем которых он гордо себя считал, продолжают плавать. В чем же дело?

У дяди Бена в руке тоненькая пачка долларов. У низенького соседа с усиками топорщатся карманы. Он только что продал акции железнодорожной компании Билта, Теперь он покупает туннельные. Каким же образом деньги Бена перешли в карман этого пронырливого биржевика? Ведь он не запускать своих рук в кошелёк старого мистера Смита! Где же полиция? Где?..

Бен вышел на улицу и понуро побрел по мокрому тротуару.

Биржевой телеграф, хотя и запаздывал на двадцать три минуты, все же разносил по всему миру известия о небывалой пляске акций.

Мистер Медж, прислушиваясь к ровному постукиванию аппарата, пропускал между пальцами ползущую ленту.

Еще три пункта... еще два... Прекрасно! Они летят вниз, как нераскрывшийся парашют.

Мистер Медж никого не принимал в этот день, но тем не менее, видимо, был очень занят. Пиджак висел на плечиках позади кресла, жилетка его была расстегнута, а пополневший, ставший более рыхлым мистер Медж непрерывно вскакивал и бегал в волнении по кабинету. То и дело он срывал телефонную трубку и отдавал какие-то

распоряжения, называя акции и стоимость. Потом надевал на голову наушники и слушал на короткой волне передачу своего специального агента, посланного с передающей установкой в зал биржи.

Ах, как запаздывает биржевой телеграф! На разнице показаний в двадцать три минуты можно потерять или составить миллионное состояние.

Кто-то стучал в дверь. Мистер Медж поспешно спрятал наушники, прикрыл бумагами телеграфный аппарат с ворохом лент и, недовольный, тяжеловатой походкой подошел к двери.

– В чем дело? Хэлло! Я же просил никого...

Дверь открылась. Мистер Медж посторонился.

– Хэлло, дэди! – воскликнула Амелия, подставляя щечку для поцелуя.

Мистер Медж подошел к столу, а его дочь стала бегать по кабинету, как разъяренная пантера. Сквозь стиснутые зубы она выбрасывала короткие, отрывистые фразы:

– Да, дэди, я здесь... Самолетом. Как я его ненавижу! Я разорвала бы ее собственными руками! Я делала все, чтобы привлечь его к себе, а она... она... Я старалась быть заметной, дэди! – уже плачущим голосом продолжала Амелия. – Я делала все в течение всей моей жизни, чтобы быть заметной... Я ненавижу все эти приемы... Хочу, чтобы он просто любил меня! Я пробовала быть всякой... Дэди, я несчастна!

Амелия упала в кресло и зарыдала. Плечи ее вздрагивали. Чтобы глаза не покраснели, она не вытирала слез, катившихся по ее нарумяненным щекам.

Мистер Медж подошел к дочери и, глядя ее волосы, спросил:

– Бэби, в чем дело? Что-нибудь с Гербертом?

Амелия вскочила, отбросив руку отца:

– Я его ненавижу! Я его всегда ненавидела... Какая-то русская женщина занимает его значительно больше, чем я. А она совсем ничего собою не представляет. Грубая, неизящная, глаза выцветшие. Фи! Я бы не взглянула. А Герберта я ненавижу! О, как я хотела бы ему отомстить! Чтобы он страдал, мучился. Я готова уничтожить то, к чему он так привязан... Пусть ему станет больно! Пусть!

Мистер Медж улыбнулся:

– О бэби, я очень рад... Мне хотелось предупредить вас о некоторых действиях... действиях... – мистер Медж замялся, – которые я предпринял.

Мистер Медж наклонился к дочери и стал ей что-то рассказывать.

Амелия вскочила и большими, испуганными глазами, которые сразу высохли, смотрела на возбужденного мистера Меджа, размахивавшего пухлыми руками.

Биржевой телеграф продолжал сообщать о прыгающем курсе акций. Туннельные продолжали неизменно подниматься, пароходные катились в пропасть.

Мистер Ричард Элуэлл нервно расхаживал между столом и зеркалом, наблюдая за лентой телеграфа. Несомненно, он разорялся. Акции Атлантической компании тащили за собой и акции его заводов.

Что делать? Что делать?.. Неделю назад он вынужден был закрыть четыре завода. Два еще работали, но сегодняшние биржевые операции – они окончательно разоряют Элуэлла. В следующую субботу ему уже нечем будет выплатить рабочим их заработок. Что делать? Заказов нет. Старые аннулированы из-за неустойчивой деловой обстановки.

Проклятый туннель!

Арктический мост победил его на политическом поприще и теперь уничтожает на деловом. Кто этот авантюрист Медж, которому улыбнулось счастье на выборах, который теперь, играя из-за угла, сбрасывает вниз пароходные и его, элуэлловские, акции? О, мистер Элуэлл прекрасно понимает, что все это только ловкая игра Меджа! Он искусственно раздувает успехи строительства. Вероятно, туннелю нужно привлечь новые капиталы. И вот серия статей в газетах – и тысячи дураков и любителей легкой наживы спешат отдать свои деньги мистеру Меджу для его туннеля взамен выпущенных Меджем бумажек, которые тот назвал акциями. А завтра эти бумажки будут перепродаваться, и кое-кто наживет на этом

огромные деньги. Пароходные же и судостроительные акции ничего теперь не стоят, и он, Ричард Элуэлл, инженер, политик и предприниматель, разорен.

Тщетно искал Ричард Элуэлл выхода. Ему нужна была финансовая поддержка. Но кто, кто мог оказать ее? Джон Рипплайн? Но он и сам потерял добрую половину своих миллионов.

Вошел слуга, которому мистер Элуэлл уже третий месяц не платил жалованья.

– Сэр, мистер Кент просит принять его.

Мистер Элуэлл оживился. Кент? Его бывший импресарио, работавший когда-то у него на жалованье в пятьсот долларов в неделю...

Мистер Кент вошел, как всегда, развязной походкой, жизнерадостный и энергичный. По его лицу нельзя было определить ни его возраста, ни настроения. Это было добродушное и довольное лицо делового американца.

– Хэлло, мистер Элуэлл!

– Хэлло, мистер Кент!

Кент бесцеремонно уселся на край стола и протянул руку к коробке с сигарами. Откусив кончик и выплюнув его на ковер, он начал:

– У меня к вам дело, мистер Элуэлл. Не правда ли, ведь вы не являетесь владельцем своих заводов?

Мистер Элуэлл покраснел.

– Откуда вам это известно, сэр? – выпрямился он, гордо откинув назад голову.

– Деб, сэр. Мне сообщил об этом новый владелец вашего бывшего завода.

Мистер Элуэлл опустил в кресло:

– Кто же? Кто?

– Это лицо, сэр, кроме вашего завода, приобрело также и огромное большинство акций Атлантической пароходной компании.

– Джон Рипплайн? – воскликнул Ричард Элуэлл.

– О нет, сэр, – усмехнулся Кент. – Мистер Рипплайн не в лучшем положении, чем вы, сэр.

Элуэлл овладел собой и, приняв обычный солидно-респектабельный вид, сухо спросил:

– Чем же я обязан вашему посещению?

– У меня к вам дело, сэр, как к инженеру с именем. Надо будет возглавить в газетах кампанию о нецелесообразности эксплуатации заканчиваемого туннеля. Нужно будет выдвинуть новый проект трансконтинентального дешевого грузового сообщения по воздуху через Полярный бассейн. Вы предложите от своего имени воздушную трассу с Алеутских островов через Полярный бассейн в Европу – экономичную грузовую трассу. По всей этой трассе должны быть организованы промежуточные, перевалочные, заправочные ледовые аэродромы, оборудованные по последнему слову техники, обеспечивающие полеты в любую погоду, аэропорты на айсбергах, циркулирующих близ полюса по замкнутым кривым.

Элуэлл внимательно смотрел в ничего не говорящее лицо Кента и старался понять эту новую для него идею.

– Ледовые аэродромы должны быть организованы на искусственных айсбергах. Мне поручено передать вам вот эти чертежи. Из них вы поймете, каким способом будет создан айсберг под ледовым аэродромом.

Мистер Кент вынул из бокового кармана свернутый лист бумаги и разложил его перед Элуэллом.

Элуэлл молча слушал Кента и рассматривал чертеж. Он был хороший инженер и понял все с одного взгляда.

Наконец он отодвинул от себя чертеж, посмотрел на своего бывшего импресарио и неуверенно сказал:

– Да, но ведь именно сейчас все газеты наперебой анализируют выгоды туннеля.

– Пустое, сэр! Мы с вами начнем доказывать обратное. Дуг! Публика любит сенсации. Кроме того, лицо, уполномочившее меня на переговоры, имеет некоторый вес.

Элуэлл задумался.

– Вам хорошо заплатят, сэр. Все уже подготовлено для решительного удара. На Алеутских островах готова к вылету экспедиция для организации первого ледового аэродрома. Редакции некоторых газет уже... как бы это вам сказать... словом, они уже заинтересованы.

– Да, сэр, – задумчиво сказал Элуэлл, – я не могу сказать, что я не сочувствую новому проекту. Это, несомненно, прогрессивно и интересно. Это имеет, конечно, большее будущее, чем фантастический туннель. Однако, прежде чем поставить под всем этим свое имя, я хочу знать, кто истинный инициатор...

– Кто? – прервал его Кент. – Вы хотите знать, кто является фактическим владельцем всех пароходов, плавающих в Атлантическом океане, кто владелец вашего бывшего завода, кто нанимает вас для участия в противотуннельной кампании? – Мистер Кент закинул ногу на ногу и затянулся ароматным дымом.

Мистер Элуэлл поднялся:

– Да, сэр, я хочу знать, от чьего имени вы здесь говорите.

– От имени мистера Меджа, сэр.

– Меджа?! – воскликнул Элуэлл и бессильно опустился в кресло.

– Да, сэр, – невозмутимо подтвердил мистер Кент. – Мистер Медж приобрел пароходные акции и акции вашего предприятия по весьма низкой цене. Теперь он предлагает помочь ему опрокинуть туннель.

– Позвольте, это мистификация! Мистер Медж ведь председатель правления концерна, главный директор-распорядитель. Он душа и отец всего этого дела. Кто же не знает этого?

– О'кэй! – подтвердил Кент. – Но бизнес есть бизнес. Если мистер Медж сумел по сходной цене приобрести все пароходы, какой смысл ему строить туннель? Он достаточно деловой человек. Надо прекратить это невыгодное вам и ему строительство. Пароходные акции снова поднимутся, и мистер Медж будет обладателем огромного капитала, а вы вернете себе свое состояние.

– Но это уж слишком! – возмутился Элуэлл. – Вы предлагаете мне сотрудничать с таким беспринципным человеком? Вы плохо меня знаете, сэр!

– О нет, сэр! Я полагаю, что и у вас, и у мистера Меджа, и у любого другого человека дела есть один общий принцип – выгода. Только она и движет прогресс и способствует процветанию страны.

Мистер Кент еще долго говорил, убеждая бывшего патрона согласиться на условия своего хозяина.

В двадцатизэтажном здании Концерна подводного плавающего туннеля на Пятом авеню происходило экстренное совещание правления.

Мистер Медж оглушил акционеров своим заявлением о выходе из правления концерна. В торжественной речи он сообщил обескураженным членам правления, что он всегда стоял за все прогрессивное. Техника и жизнь неизменно движутся вперед. Если несколько лет назад идея плавающего туннеля была передовой, то теперь она уже явно устарела. Авиация с ее современными достижениями сулит большие выгоды. Мистер Медж видит будущее только в авиации, которая может покорить просторы над полярными льдами не только для богатых пассажиров, но и для дешевых грузов, создав постоянную торговую трассу в Европу по кратчайшему пути, впервые проложенному смелыми русскими летчиками.

И мистер Медж стал распространяться о своих все возрастающих симпатиях к русским.

Мистер Медж покинул заседание под улюлюканье и свист всех присутствующих. С гордо поднятой головой прошел он в свой кабинет и, вызвав к себе дожидавшегося его главного инженера строительства мистера Герберта Кандербля, имел с ним короткий, но, видимо, глубоко принципиальный разговор, после которого мистер Герберт Кандербль вышел оттуда совершенно красный, яростно скрежеща зубами. В дверях он встретился с секретарем. Тот ничего еще не знал об отставке Меджа и, закрыв за собой дверь, взволнованно сообщил патрону о панике на бирже, грозившей катастрофой акциям

Туннельного концерна.

Сообщение это мистер Медж воспринял с непонятной секретарю веселостью. Забрав в портфель лишь некоторые свои бумаги, он объявил, что освобождает кабинет, и, фальшиво насвистывая модную песенку, спустился вниз и сел в свой личный автомобиль.

Перепуганный секретарь провожал его, забыв надеть пиджак, и вышел на Пятое авеню в одной жилетке.

Мистер Медж весело подмигнул ему из машины и помахал рукой.

Глава девятая СТОРОЖ

– О'кэй, мистер Кандербль. – Президент поднялся. – Я оказал все возможное влияние на акционеров Концерна плавающего туннеля. Не скрою, я приветствую теперь с родительской нежностью вас – директора-распорядителя концерна.

– Благодарю, мистер президент, – склонил голову Кандербль.

Президент потрепал его по рукаву:

– Поезжайте на Аляску, мой друг, поезжайте. Вы хорошо поработали здесь. Я следил за вашей борьбой, восхищавшей меня. Вы как настоящий мужчина оборонялись от этих биржевых волков, вцепившихся в тело концерна, как только мистер... Но не будем говорить о нем.

– Да, сэр, лучше не будем, – мрачно произнес Кандербль.

– Говорить не будем, но помнить надо.

Президент задумался, прошелся по комнате и остановился перед большой гравюрой, изображавшей открытие первой биржи в Америке.

– Выгода! Личная выгода! До сих пор для американцев она была двигателем прогресса. В каких же случаях она начинает противоречить выгоде общественной? Как жаль, что мистер Игнэс, открывший «закон выгоды», тяжело болен. Кто же теперь ответит нам на наше недоумение? – Президент вопросительно посмотрел на инженера.

– Я полагаю, мистер президент, я полагаю... – замялся Кандербль. – Кроме выгоды, нужна, сэр, преданность делу техники. Без любви к технике выгода не может быть двигателем прогресса.

– Вы так думаете? А мне кажется, что здесь должно быть не так много романтической любви, а больше деловитого планирования. Как вы думаете, мой друг? Что, если частную выгоду планировать в общегосударственном масштабе? – Старик искоса поглядел на Кандербля.

– Еще война научила нас координировать деятельность отдельных отраслей промышленности, – согласился инженер.

– Вот именно! – оживился президент. – Но и теперь, в период реконструкции мира, правительство должно влиять на частную инициативу. Вы не представляете, какую борьбу приходится мне вести с деловыми кругами! Ах, мистер Кандербль! Если бы побольше было таких людей, как вы! – Старик похлопал Кандербля по плечу.

Инженер наклонил голову:

– Прощайте, мистер президент. Я отправляюсь на Аляску, где не предвижу никаких технических затруднений. Мы могли бы запустить американский туннельный комбайн... Лишь вопросы финансирования...

– Финансирование, финансирование! – вздохнул Ирвинг Мор. – Когда-нибудь правительство получит возможность финансировать и такие работы, как плавающий туннель.

Мор крепко пожал руку инженеру.

Провожая Кандербля к дверям, он спросил:

– А как ваша очаровательная жена, мистер Кандербль, она тоже едет с вами?

– Нет, – сухо и резко ответил Кандербль.

– Ага! – понимающе произнес президент. – Она плохо переносит климат Туннель-сити.
– Нет, сэр. Я и Туннель-сити плохо переносим ее.
– Почему? – остановился президент. – Она такая милая леди... несколько, правда, эксцентрична. Ах, понимаю... ее отец...

Кандербль поморщился:

– Право, мистер президент, мне порой кажется, что виноват во всем я. Она готова была переменить свою эксцентричность на любую другую маску... Она могла быть и другом и врагом туннеля, могла... а может быть, и была совершенно к нему безразличной...

– Вы неправы, мистер Кандербль, – строго остановил инженера Ирвинг Мор. – Помните, что вы судите не о своих служащих, а о той, с которой соединил вас господь бог. Поступайте, как подскажет вам совесть, сэр, но не путайте служебных дел с семейными и помните о библии.

– Да, сэр, – почтительно поклонился Кандербль.

– Прощайте, мой друг, – ласково сказал президент. – Думаю, что ваши акционеры будут довольны вами.

Прием у президента Соединенных Штатов закончился.

Новый директор-распорядитель и он же главный инженер Концерна плавающего туннеля прямо из Вашингтона вылетел в Туннель-сити. Он был полон энергии и решимости.

Напрасно «они» думали, что так легко справиться с инженером Гербертом Кандерблем! У мистера Кандербля есть такие союзники, как его технические успехи, которых не скрыть от мирового общественного мнения. Нельзя одной биржевой и газетной игрой уничтожить строительство, так блестяще развивающееся с технической точки зрения. Туннель будет строиться!

Даже рабочие стали покладистее. Сейчас с них можно потребовать все, что угодно. Вот что значит умелая организация! Победенным в нескольких схватках, им осталось теперь лишь глухо ворчать. Пусть ворчат: это не так уж вредит делу.

Чем ближе подлетал Кандербль к Туннель-сити, тем больше овладевала им жажда деятельности. Столько надо сделать сразу же по возвращении!

Темпы русских всегда были для Кандербля источником неприятностей. Чтобы не отстать, в американской части туннеля требовалось огромное напряжение, поддерживать которое умел лишь Герберт Кандербль.

За последние недели, пока Кандербль уничтожал своих биржевых врагов и оборонялся от коварного Меджа, темпы строительства сдали. Кандербль предполагал задать своим помощникам хорошую взбучку.

Прямо с аэродрома, где его встречал инженер Вандермайер, мистер Кандербль проехал на аэросанях к офису строительства – единственному десятиэтажному зданию в приземистом городе Туннель-сити.

В течение двух часов он принимал у себя инженеров. Из дверей кабинета нового директора-распорядителя они выскакивали красные или бледные, но одинаково преисполненные служебного рвения. Трое из них – руководитель транспорта, начальник сварочных работ и начальник полиции Туннель-сити – лишились своих мест и в течение двадцати четырех часов должны были освободить занимаемые квартиры.

Затем мистер Кандербль вместе с начальником работ в подводном доке сел в маленький скоростной автомобиль и помчался в туннель. Столпившиеся на улице рабочие провожали его мрачными взглядами.

– Приехал, проклятый!

– «Лошадиная челюсть», говорят, стал директором-распорядителем.

– Нам легче от этого не будет. Скоро сюда доставят какой-то комбайн.

По великолепной металлической дороге туннеля, не знающей ни поворотов, ни подъемов, автомобиль развивал огромную скорость. Гонщики-рекордсмены могли бы позавидовать такому идеальному треку. Рулем не приходилось пользоваться. Предложенное Кандерблем устройство, связывающее колеса автомобиля со специальным воздушным

рулем, всегда направляло машину посередине туннеля.

Сидя в закрытой кабине, инженеры слышали монотонный свист обтекавшего машину воздуха. Через короткие промежутки времени мимо проносились искры зажженных ламп. Машина делала свыше двухсот километров в час. Тем не менее ехать по туннелю предстояло больше шести часов.

Кандербль сообщил своему помощнику все новости.

– ...Я плюю на поступок мистера Меджа и не склонен приписывать ему большого значения, – закончил он. – Всю жизнь я презирал бизнесменов и теперь только укрепился в этом мнении. У нас в стране прогрессивный президент. Но надо помнить, что страна только тогда достигнет процветания, когда на место вершащих ныне дела капиталистов-бизнесменов и биржевиков станут американские инженеры. Весь прогресс Америки создан инженерами, поднявшими технику на небывалую высоту. Капитал и средства производства должны быть сосредоточены не у беспринципных финансистов, а у людей техники, которые и должны вывести мир из того хаоса, в который он неизменно ввергается бизнесменами. Однако должен вам сказать, Дик, что один из инженеров, одновременно являющийся капиталистом, причиняет мне наибольшее количество хлопот.

– Кого вы имеете в виду, мистер Кандербль?

– Ричарда Элуэлла.

– О! Кандидат в президенты? Противник мистера Мора?

– Да. Внезапно он вновь проявил активность. Он провел планомерную кампанию против строительства нашего туннеля, противопоставляя ему идею трансконтинентального воздушного сообщения через Полярный бассейн. Какая-то чепуха! Как можно всерьез говорить о бесперебойных полетах по этой трассе! Однако он сумел завладеть общественным мнением. На днях предполагается даже пробный перелет с Алеутских островов в Европу. Во всяком случае, эти разговоры очень затруднили наше текущее финансирование.

Вандермайер покачал головой. Кандербль продолжал:

– Лучшим ответом на всю эту возню будет ускорение строительства. Надо во что бы то ни стало обогнать русских. Это удовлетворит честолюбие американцев и привлечет новые капиталы, столь необходимые нам сейчас.

Вандермайер снова покачал головой. Это был маленький человек с тоненькими модными усами. Ребенком в дни гитлеровских зверств он чудом спасся из еврейских кварталов Амстердама и попал в Америку. Впоследствии он не поехал в Израиль, куда его звали, а стал американским инженером. У него был высокий, обычно тихий голос. С виду он производил впечатление человека, лишённого воли и инициативы, но мистер Кандербль знал, насколько это обманчиво. Никто не умел с такой последовательностью проводить в жизнь распоряжения Кандербля, как Вандермайер. Он никогда не давал советов начальнику, но его мнение как-то само собой становилось известным Кандерблю, и он всегда с ним считался.

Кандербль посмотрел на своего помощника:

– Вы полагаете, что перебои с финансированием могут иметь для нас серьезные последствия?

– Я не хотел бы иметь этой уверенности, – уклончиво ответил Вандермайер.

Некоторое время ехали молча.

– Как скоро предполагаете вы, сэр, установить комбайн и приступить к прокладке рельсового пути, чтобы перейти к железнодорожному движению внутри туннеля? – спросил Вандермайер. – Ведь работы по прокладке железной дороги Бильта уже можно считать законченными.

И тут же Вандермайер понял, что совсем некстати задал этот вопрос. Кандербль сердито насупился и ответил не сразу.

– К сожалению, Дик, я должен вам сказать что правление концерна предложило мне воздержаться временно от прокладки железнодорожного пути в туннеле. Это будет связано с

большими затратами. Ну, и с комбайном задержка...

– Но ведь это технически рационально, сэр, – позволил себе осторожно заметить Вандермайер.

– К черту! К дьяволу! – вдруг взорвался Кандербль. – Я и сам знаю, что это технически рационально, но в наших условиях всегда упираться в денежные вопросы, в проблему выгоды. Если нашим акционерам – этим денежным мешкам – будет выгодно, чтобы мы возили тубинги на лошадях, они заставят нас это делать. К дьяволу! Я не успел еще прибрать их к рукам. После третьего января, когда будут выплачены дивиденды по туннельным акциям, я не позволю им разговаривать со мной таким языком!

– Третье января, – задумчиво произнес Вандермайер, – это совсем близко. – В голосе его звучала забота.

Мистер Кандербль понял его без пояснений. Третье января, день выплаты дивидендов держателям акций, – ответственная дата. Кандербль знал, как стараются сейчас его помощники изыскать необходимые средства. Строительство было урезано в самых основных расходах, О предполагавшемся дополнительном выпуске акций с целью нового денежного займа нечего было и думать в условиях разгоревшейся дискуссии о целесообразности туннеля.

Кандербль погрузился в мрачные мысли. Всю дорогу Вандермайер не обращался к нему.

Ходом работы в подводном доке Кандербль остался доволен. Вандермайер был на высоте. И если была задержка в сборке туннеля, то лишь из-за перебоев в доставке тубингов и других материалов. Производственная жизнь дока шла размеренно, как пульсация переменного тока. Вандермайер ввел жесткий распорядок дня для рабочих, которые обязаны были вставать, работать, есть, развлекаться неукоснительно в строго положенные для этого минуты. Вандермайер был положительно золотым человеком. Он завел в подводном доке настоящий бар со всем арсеналом самых грубых развлечений, которые считал для рабочих необходимыми.

Кандербль повеселел. Настроение его улучшилось еще и потому, что он увиделся с русским инженером – мисс Анной Седых. Разговор с ней был приятен и привел Кандербля в самое хорошее расположение духа. Он стал даже шутить. Когда Анна Седых напомнила ему, что первого января кончается срок договора о технической помощи Америке с стороны Армстроя и она хотела бы вернуться в СССР, мистер Кандербль похлопал ее по плечу, рассмеялся и сказал, что компания не мыслит себе продолжение работ без помощи мисс Анны Седых. Он как распорядитель концерна может предложить ей прекрасное жалованье – тысячу долларов в неделю.

Аня, улыбаясь, посмотрела на Кандербля и покачала головой.

– Нет, сэр, – сказала она, – я не поступлю к вам на службу.

– Почему? – удивился Кандербль. – Компания очень ценит ваши услуги, и, если вам кажется недостаточной названная мной сумма, я могу предложить вам тысячу двести долларов в неделю.

– Нет, – снова покачала головой Аня. – Я здесь находилась только для оказания технической помощи американской части строительства Арктического моста. В дальнейшем американские инженеры смогут уже сами продолжать работы по опусканию якорей.

Хорошее настроение у мистера Кандербля сразу исчезло. Он нахмурился и грубо сказал:

– В таком случае, я должен снести по радио с вашим начальником – мистером Корнейвом! Я полагаю, что Стэппен посчитается с моей просьбой.

Аня пожала плечами. На этом закончился ее разговор с новым директором-распорядителем Концерна плавающего туннеля.

Следующий разговор с мистером Кандерблем состоялся только четвертого января, когда она явилась в здание правления Туннель-сити, чтобы договориться о своем отъезде.

Ее поразило странное оживление в коридорах и комнатах правления. Взволнованные

чем-то люди бегали взад и вперед с растерянными лицами, останавливались, группами обсуждали что-то и при ее приближении тотчас же рассыпались.

Клерки в жилетках сновали, как мыши, мимо нее. Курьеры с галунами носились вверх и вниз по лестницам. Лифты почему-то не работали. Швейцаров, которые открывали прежде двери, не было.

Ане пришлось подниматься по узкой, неудобной лестнице на восьмой этаж, где находился кабинет мистера Кандербля.

Уже на лестничной площадке она столкнулась с плотной толпой возбужденно разговаривающих людей. Аню стало занимать это необычайное оживление. Она пыталась обратиться с вопросами. Люди с мрачными лицами сердито смотрели на нее и говорили о локауте. Аня ничего не понимала.

По коридору она продвигалась с трудом. Люди в меховых одеждах, давно не бритые, грязные, заполняли весь коридор.

Наконец Аня увидела знакомое лицо. Это был монтер Сэм Дикс, один из вожakov рабочих.

– Что происходит здесь, мистер Дикс? – обратилась она к нему.

– А, русская леди! – воскликнул Дикс. – Страшные вещи происходят, мисс Седых. «Лошадиная челюсть» объявил грандиозный локаут. С сегодняшнего утра уволены все рабочие строительства.

Аня непонимающе сморщила лоб:

– Что вы хотите сказать, мистер Дикс? Я плохо поняла вас.

– Чего ж тут не понять? – грубо заметили сзади. – Мы уволены и можем идти на все четыре стороны. А по договору деньги нам должны платить в Нью-Йорке. Как мы теперь доберемся до него, вот что скажите нам?

– Чем же это вызвано? Значит, прекращаются все работы?

– Нам наплевать на работы и на туннель! – слышалось вокруг. – Но мы знаем, что это за штучки! «Лошадиная челюсть» хочет сбавить нам заработок. Через неделю он снова начнет прием, уже на новых условиях.

– Не может быть! – ужаснулась Аня.

– Мы предполагаем, что это так, – пояснил Сэм. – Мы не можем подыскать другое объяснение. К сожалению, я не могу попасть для переговоров к мистеру Кандерблю. Он заперся в кабинете и никого не принимает.

Аня пообещала помочь ему увидеться с Кандерблем, и рабочие пропустили ее в приемную.

Здесь тоже многолюдно, но толпа совсем не та, что на лестнице. Приемную заполняли чистые, опрятные люди в накрахмаленных воротничках и галстуках. Они почтительно расступились перед Аней. Аня узнала многих знакомых инженеров.

Время от времени дверь в кабинет Кандербля открывалась, и из нее высовывалась голова секретаря Мейса, который выкрикивал фамилию какого-нибудь инженера. Через несколько минут этот инженер с озабоченным лицом выходил из кабинета и скрывался в наполнявшей коридор толпе.

Аня попросила доложить о себе. Мейс мрачно взглянул на нее и кивнул головой.

Через минуту он открыл дверь, выпустил очередного инженера, но другого не пригласил, а сам остался в приемной. Аня уже хотела подойти к нему, как вдруг дверь вновь открылась и показалось длинное лицо с тяжелым подбородком.

– Мисс Анна Седых, прошу вас, – слышался голос Кандербля.

Инженеры зашептались. Аня поправила волосы и прошла в кабинет.

Кандербль молча пожал ей руку и стал расхаживать по комнате. Аня села в кресло и пытливо вглядывалась в лицо американца.

– Я пришла, чтобы поговорить с вами о моем отъезде... – начала Аня.

– Это невозможно теперь, – прервал Кандербль. – Вы инженер и должны быть с нами в лагере инженеров.

– Я не понимаю, – подняла Аня брови. – Объясните мне, что происходит?

– Проклятье! – ударил кулаком по столу Кандербль. – Происходит самое скверное. Я уволил всех рабочих строительства и приостановил все работы. Остаются только инженеры, и вы в том числе. Каждый из вас должен занять свое место, чтобы сохранить в целостности строительство.

– Послушайте, мистер Кандербль, я отнюдь не хочу выступать на вашей стороне в вашей борьбе с рабочими. Насколько я понимаю, вы преследуете своим локаутом определенные цели...

– Ах, замолчите, леди!.. Что вы знаете? Вы думаете, что я только живодер, мечтающий о том, чтобы содрать с рабочего побольше шкур. Нет... Нет... Анна... – Кандербль остановился, болезненно сморщив лоб. – Именно вам мне хотелось бы сказать, что я весь принадлежу идее строительства подводного туннеля и только ради этой идеи делаю все, что вызывает ненависть всех этих людей, в лучшем случае предназначенных для повиновения.

– Но почему вы объявили локаут?

– Это не локаут, – тихо произнес Кандербль. – Я увольняю рабочих не для того, чтобы наказать их. Я увольняю их не для своей выгоды, а только потому, что мне нечем им платить.

– Нечем платить? – смущенно повторила Аня.

– Да, нечем платить, мисс Анна. – Кандербль сел в кресло против Ани. – В Нью-Йорке произошли неприятные события. Наши враги сыграли с нами плохую штуку. Туннельные акции на бирже в результате развернувшейся в прессе антитуннельной кампании полетели вниз. Пароходчики дали нам бой. За одну неделю, пока я был здесь, концерн потерял много миллионов долларов... Я боюсь назвать цифру... Чтобы спасти положение, чтобы дать концерну оправиться в финансовом отношении, я должен прекратить работы.

Аня смотрела на американца и видела, как болезненные судороги пробежали по его длинному лицу.

– Да, мисс Анна, – сказал Кандербль поднимаясь, – пароходчики выиграли бой. Мистер Элуэлл... Вы знаете этого инженера, пытавшегося стать президентом?.. Этот Элуэлл выдвинул авантюрную идею ледовых аэродромов и всякую подобную чепуху. И, представьте себе, он сумел мобилизовать против нас общественное мнение. Его крики о прогрессе техники и устарелости туннеля воздействовали на легко появляющееся чувство толпы – на страх. Пароходные акции взлетели небывало высоко и... – Кандербль остановился перед ней, сжав кулаки. – Знаете, кто оказался владельцем купленных за бесценок пароходных акций?

– Кто?

– Мистер Медж. Наш недавний директор-распорядитель, бывший прогрессивный деятель, сторонник туннеля и, наконец, его руководитель до тех пор, пока не представился случай стать бизнесменом. Только с его помощью можно было нанести нам такое финансовое поражение. Он хорошо знал, в какое место бить, – и вот... – Кандербль развел руками, – этот бизнесмен Медж стал обладателем огромного капитала, фактическим владельцем Атлантической пароходной компании, а я, инженер, руководитель величайшего строительства в мире, вынужден прекратить работу, потому что завтра мне будет нечем заплатить моему швейцару.

Кандербль прошелся и снова сел.

– Вот почему я ставлю на все необходимые места своих верных инженеров с револьверами в руках. Вот почему и вы должны быть в их числе.

Аня задумалась.

– Я должна снестись по радиотелефону с Мурманском.

– Я и сам предполагал сообщить об этом несчастье Стэппену, – мрачно сказал Кандербль.

Аня встала. Кандербль, пожимая ей руку, как-то устало и в то же время с выражением надежды взглянул на нее. Потом он крикнул в открывшуюся дверь:

– Эй, Мейс! Живо! Позовите этого Дикса. Надо выпроводить отсюда все это грязное сборище...

...Через два дня Аня снова явилась к Кандерблю, но узнала, что он выехал в подводный док. Он просил передать ей, как только она появится, что ей необходимо также выехать в туннель. Он будет ждать ее там.

Мейс услужливо сообщил, что инженер Вандермайер отправляется в туннель через двадцать минут.

Аня вышла на улицу. Толпа праздных людей в меховых одеждах слонялась по мостовой, сидела на ступеньках подъезда, загромождала тротуар. Почему-то все эти люди не хотели уходить от здания офиса.

Кто-то остановил Аню. Это был Сэм Дикс.

– О леди, как я рад, что встретился с вами! «Лошадиная челюсть» удрал от нас в подводный док. Только вы, леди, можете помочь нам. Наши ребята в ужасном положении. Они должны уезжать отсюда, но администрация требует обратно меховую одежду. У ребят же имеются только летние пальто. Их не сажают ни в автомобили, ни в поезда, пока они не сдадут одежды. А ведь сейчас такие морозы... В то же время мы не можем оставаться здесь, так как мистер Кандербль не гарантирует скорого возобновления работ. – Дикс горько усмехнулся. – Ко мне, мисс Седых, приехала невеста... Не правда ли, все это достаточно скверно? Вот у вас, в России, наверное, так не бывает. Ребята очень волнуются. Мы хотим просить вас помочь нам. Нам не проникнуть в туннель. Поговорите с Кандерблем! Есть же в нем что-нибудь человеческое! А? Как по-вашему, мисс Седых?

Аня опустила голову. Она помнила, что вмешиваться во взаимоотношения американской администрации с рабочими строго запрещено. Однако, подумав, Аня решила, что передача просьбы Дикса не является еще вмешательством. Не помочь всем этим людям, с надеждой смотревшим на нее, она не могла.

Простившись с Диксом, Аня подошла к устью туннеля. Путь был перегорожен колючей проволокой. Люди в дохах, с ручными пулеметами в руках прогуливались взад и вперед. Аня узнала в них двух полицейских и одного молодого инженера, заведовавшего раньше проектным бюро правления.

Заиндевевший автомобиль Вандермайера стоял у зияющего отверстия туннеля.

Вандермайера еще не было. Аня поднялась по крутой лестнице из шлюзовой выемки на насыпь, служившую дамбой. Эта дамба, завершавшая подводную стенку, предохраняла шлюзовую выемку от вод замерзшего сейчас океана.

Аня взглянула вдаль. Насколько хватал глаз, перед ней простиралось ровное, занесенное снегом ледяное поле.

На тысячу километров под этими льдами проходил подводный туннель, в котором еще несколько дней назад кипела работа.

Аню окликнул кто-то сзади. Это был маленький Вандермайер.

Через шесть часов автомобиль въехал в тускло освещенный гигантский цилиндрический зал. Мостовые краны недвижимыми переплетами закрывали полутемный свод.

Вандермайер помог Ане выйти из машины. Они взобрались на металлическую площадку. Каждый их шаг, каждый звук голоса гулко отдавался в гудящей тишине металлического зала.

Они долго шли. Жутко, пустынно было вокруг. Ни одного человека не встретили они, кроме стоявшего у входа с ручным пулеметом в руках бывшего начальника электромонтажных работ. Аню угнетала эта тишина. Она попробовала заговорить с Вандермайером, но тот только вежливо улыбнулся в ответ. Аня поняла, что инженеру тяжело было нарушать торжественную тишину заброшенного строительства.

Вдали показалась высокая фигура. Она то входила в полосу слабого света, то исчезала в темноте.

Аня сразу узнала Кандербля, хотя и не могла разглядеть его.

Медленными, неторопливыми шагами шел человек вдоль дока. Огней там уже не было. Перед ним была полная темнота. Шаги звенящим эхом отдавались в цилиндрических стенах.

Он остановился и, скрестив руки на груди, уставился в сгущавшуюся перед ним темноту.

Кандербля окликнули. Инженер вздрогнул. Эхо еще долго звучало в металлическом стволе дока, то усиливаясь, то утихая.

Вандермайер и Аня подошли к Кандерблю.

– Я остаюсь с вами, сэр, – сказала Аня, протягивая руку.

– Спасибо, – коротко ответил Кандербль.

Аня окинула взглядом пустынное сооружение, где она должна была провести неопределенное время, следя за сохранностью всего оборудования.

Вандермайер отошел. Кандербль пожал узкими плечами и огляделся.

– Вот, – горько сказал он, – состою здесь сторожем!

– Мистер Кандербль, – тихо начала Аня, глядя в пол, – у меня есть просьба, вам...

И она рассказала о положении рабочих, которых видела перед отъездом.

Кандербль устало махнул рукой:

– О'кэй, мисс Седых... Инженер Кандербль в первый раз в жизни пойдет навстречу рабочим! – И он отвернулся.

Аня, не поднимая головы, бросила быстрый взгляд на американца:

– Мистер Кандербль, у меня есть к вам еще одно поручение.

– Я слушаю вас, Анна.

– Мне поручили предложить вам перейти на работу в советский док.

Кандербль поднял голову и долго смотрел в темноту перед собой.

– Мне?... На службу в русский док? В подчинение к другим инженерам?

Он только пожал плечами и задумался.

Кандербль и Аня тихо пошли вдоль металлической площадки. Вокруг становилось все темнее.

Неприятное чувство вместе с темнотой обволакивало Аню. Она предложила повернуть обратно.

– Каков же будет ваш ответ? – спросила Аня. – Я должна телеграфировать.

– Что? Мой ответ? – словно проснулся Кандербль. – Нет, моя леди, инженер Герберт Кандербль слишком горд, чтобы пойти к кому-нибудь в подчиненные. До сих пор он только распоряжался инженерами. Кроме того, я американец, Анна, и я останусь на американском строительстве.

И Герберт Кандербль, замолчав, оперся на перила.

Глава десятая ИСКУССТВЕННЫЙ АЙСБЕРГ

Дверь открылась, и в домик, сложенный из грубых бревен, вошел низенький человек с широким лицом, приплюснутым носом и сильно выдающимися скулами. Достав из мехового комбинезона тонкий шелковый платок, он тщательно протер роговые очки и обратился к сидевшему на топчане юноше:

– Итак, дорогой мой Кото, погода оказывает нам благодеяние. Если учесть наступающее полнолуние, то что может быть лучше, извините?

Молодой японец поднял от книги, которую держал в руках, свое юное, холеное лицо с близорукими мечтательными глазами. Он мысленно повторял прочитанные стихи:

Вишни, вишни...
Голубое небо, –
То ли дымка, то ли туман,
Пойдем посмотрим...

Но вокруг были грязные бревенчатые стены, открытая дверь, унылый пейзаж за ней...

– Значит, мы вылетаем в ближайшее время, Муцикава-сан? – очнувшись, спросил Кото.

– Не в ближайшее время, извините, а сегодня... сейчас. Мы устали отвечать на телеграммы Нью-Йорка. Положение акций на нью-йоркской бирже требует нашего немедленного вылета. Сообщение о первой удаче экспедиции нужно для процветания наших почтенных американских патронов.

Кото вздохнул.

– Я осмелюсь просить вас, – продолжал Муцикава, – через полчаса быть готовым к полету, если трудности выполнения нашего задания не заставили еще вас изменить решение, извините.

– Муцикава-сан! Я не давал вам повода сомневаться в себе.

– Как знать... – покачал головой Муцикава. – Быть может, раскаяние посетило вас, извините, и сказанные в запальчивости профессору Усуде слова вы хотели бы вернуть обратно.

– Через полчаса я буду готов, летчик-сударь! Я буду везде, где сможете быть вы! – почти выкрикнул юный Кото.

Муцикава усмехнулся:

– Восхищен вашей готовностью пойти на подвиг. Вы имеете огромное преимущество по сравнению с нашими американскими товарищами по экспедиции, которые работают не для славы, а за деньги. Однако я должен разочаровать вас. Вы, конечно, рассчитываете, что ваше участие в столь героической экспедиции будет широко известно. Извините, это будет не совсем так. Мистер Паттерсон только что сообщил распоряжение шефа из Нью-Йорка о том, чтобы наша первая экспедиция была проведена в строжайшем секрете.

– В секрете? – искренне удивился юноша. – Но ведь смысл нашей экспедиции и всей этой затеи трансполярного воздушного пути заключался в гласности, даже больше – в газетной шумихе!

– Я не могу посвятить вас, извините, в то, что мне самому неизвестно. Мы заключили контракт – и должны повиноваться.

– Вы знаете больше, чем говорите, сударь. Вчера вы имели долгое совещание с господином Паттерсоном.

– В нашем разговоре нет ничего удивительного, извините. Компания назначила меня начальником первой экспедиции, и естественно, что ее представитель желал лично меня инструктировать.

Кото напряженно посмотрел на своего соперника, но промолчал. Он стал раскладывать приготовленные матерью щегольские меховые одежды.

Сильно хлопнув дверью, Муцикава вышел на ровное снежное поле, представлявшее собой временный аэродром на одном из Алеутских островов.

Навстречу ему шел долговязый американец в небрежно повязанном, развевающимся по ветру шарфе.

– Хэлло! – мрачно сказал он. – Все готово к отлету. Ваши помощники уже у машин. Еще раз повторяю вам, что это прекрасные помощники, и если у каждого из них не все в порядке с репутацией, то во всем остальном можете на них положиться.

– Я привык сам создавать репутацию своим подчиненным, – холодно сказал Муцикава.

Паттерсон выразительно взглянул на деревянный домик, где остался Кото.

– Положитесь на меня, – усмехнулся Муцикава. – Кото будет прекрасным радистом. В конце концов, он все-таки японец и сможет доказать, извините, что предан делу.

– О'кэй, – невесело сказал Паттерсон, поправил шарф и переложил резиновую жвачку за другую щеку.

Кото, в полном полярном одеянии, вышел из дверей и почтительно поклонился Паттерсону.

Подошли к самолету. Там их ждали два американца. Один из них носил черную

повязку на левом глазу. Кото знал его как борт-механика Скопса, человека необщительного и замкнутого. Вторым пилот, Джейн, был подвижный, хвастливый парень, выгнанный за авиаляхачество из армии. За ним установилась слава смельчака, ни во что не ставящего свою жизнь и способного на самые рискованные эксперименты в воздухе.

В душе Кото не очень радовался таким спутникам, но он боялся выказать перед начальником экспедиции Муцикавой хоть малейшее замешательство. Гордость руководила всеми его поступками.

Паттерсон открыл дверцу кабины. Оба американца и Кото вошли в самолет, нагруженный какими-то металлическими трубами и сложными аппаратами. Паттерсон хлопнул на прощание низенького японца по плечу и сказал:

– О'кэй!

Муцикава вошел в кабину. Дверца закрылась. Паттерсон дал знак.

Взвыли моторы. Самолет, набирая скорость, побежал по бетонной взлетной дорожке. Казалось, он никак не может оторваться. Навстречу с пугающей быстротой мчался забор. Еще несколько секунд – и они в него врежутся.

Но как раз в том месте, где кончалась бетонная дорожка, самолет оторвался от земли и, едва не задев забор, стал набирать высоту.

Скоро внизу, как рассыпанные снежинки, забелели барашки океанских волн.

Впереди несколько часов полета. Солнце зайдет в неурочный час, чтобы не взойти до тех пор, пока Муцикава и Кото не вернутся в свою Японию. Теперь они летят, чтобы соорудить ледовый аэродром, обгоняя время, заставляя солнце быстрее опускаться к горизонту.

Внизу – однообразная равнина моря. Справа в тумане можно различить смутные очертания Аляски. Скоро Берингов пролив...

Кото жадно впитывал впечатления полета, но они омрачались чувством тошноты, с которым он едва мог совладать. Самолет ощутимо качало. Он то и дело проваливался куда-то вниз, и Кото чувствовал, что теряет вес.

Берингов пролив быстро промелькнул внизу. Кото различил землю слева. Чукотка...

Впереди вечные льды Ледовитого океана. Муцикава непрерывно делал наблюдения, устанавливая местонахождение самолета. Солнце исчезло. Самолет влетел в ночь. Яркие полярные звезды разбрызганным светом наполнили холодное черное небо. Полированной платиной отливали залитые лунным сиянием беспредельные снега, испещренные темной сеткой теней от торосов.

Льды, льды, льды...

Муцикава закончил наблюдения и дал указание Джейну немного изменить курс.

– Двадцать галлонов чертей и два пропеллера вам в глотку! Неужели я отклонился? В жизни не было со мной такой штуки!

Однако Джейну, несмотря на все его проклятия, пришлось повиноваться.

В унылом однообразии простирался внизу застывший океан, над которым висел самолет. Движения совершенно не ощущалось. Остановилось как будто и время. Кото положительно не знал, как долго летят они над ледяной пустыней.

Кото ждал, что новые впечатления захватят его, но все лишь угнетало.

– Здесь... здесь снижаться, – почему-то хрипло проговорил Муцикава, протирая очки.

Пилот, повинувшись приказанию, положил самолет на правое крыло.

Спустившись ниже, он стал делать круг, выискивая подходящее место для посадки. Ледяное поле, представлявшееся сверху таким гладким, при ближайшем рассмотрении оказалось сплошь усеянным торосами, похожими на гигантские ледяные барашки невидимых волн.

Самолет кружил около получаса. Муцикава снова и снова проверял его местонахождение, заставлял ругающегося Джейна вновь возвращаться к намеченному пункту.

Кото удивился решению Муцикавы опуститься именно здесь.

Джейн, несмотря на свое ухарство, никак не осмеливался снизиться. Лунный свет был обманчив, и там, где Кото видел ровную снежную площадку, опытный глаз пилота подмечал неровности, Муцикава начинал раздражаться. Не полетят же они, в конце концов, обратно, так и не найдя места для посадки!

– Эй! – прокричал он Джейну. – Я вижу, вас прогнали с военной службы не за лихачество, а за трусость!

– Сделай себе галстук из собственной ноги! – пробурчал Джейн, продолжая кружить над торосистыми льдами.

Довольно долго еще бормотал он проклятия по адресу Муцикавы. Вдруг самолет резко пошел книзу: Джейн или обнаружил подходящую площадку, или решился на риск.

Быстро замелькали внизу белые пятна. Помчались бледные, серебристые струи льда и снега, сливаясь в обманчивые слепящие полосы, темными вспышками проносились черные тени...

– Торосы!

Поздно... поздно...

Самолет тряхнуло. Кото полетел вперед и ударился о стенку лбом. Через стекла кабины он видел мчащиеся мимо глыбы с длинными тенями.

Что-то захрустело, заскрежетало. Кото упал на пол кабины. Последнее, что он увидел через разбитое стекло, был неподвижный снег, залитый мертвым, металлическим светом...

Кото очнулся оттого, что ему снегом растирали щеки.

– Я жив? – тихо спросил он.

– Да, извините, пока вы живы, – иронически заметил Муцикава.

Кото попытался встать. Это ему удалось. Кажется, все цело: руки, ноги, голова. Огляделся. Они с Муцикавой стояли на снегу. В нескольких шагах лежал, беспомощно уставив в небо одно крыло, их самолет.

У Кото похолодела спина. Муцикава насмешливо смотрел на него.

– Да, – сказал он, отвечая на немой вопрос Кото, – эта машина уже не поднимется в воздух.

– А где же пилоты?

– Один из них подобен этой машине, извините, другой возится с ним.

– Значит... значит, посадка была неудачной?

– Извините, ничего не могу добавить к сказанному.

– Что же теперь делать? – растерянно спросил юноша.

Муцикава пожал плечами:

– Выполнять задания компании, строить ледовый аэродром. Ведь мы получаем жалованье, а время не ждет.

– Получаем жалованье... – механически повторил Кото.

– И нельзя терять ни минуты! Я только что определил наше местонахождение. Надо спешить.

Кото не понял, почему надо спешить.

– Но надо дать знать по радио, чтобы за нами послали другой самолет.

– Это всегда успеется, дорогой мой. Наше радио в полном порядке, но по некоторым причинам, о которых я говорил вам перед отлетом, радиосвязью не следует злоупотреблять. Нас могут перехватить, обнаружить наше местопребывание, а нашу работу надо рассматривать, извините, как производственный секрет. Вот когда мы закончим, тогда можно будет...

– Да-да, – согласился Кото.

– Итак, немедленно за дело. Сейчас я вызову этого одноглазого Скопса. Что касается пьяницы Джейна, то он нам уже ничем не поможет.

В течение нескольких часов три человека без усталости работали, выгружая из самолета части холодильной установки, присланной из Буффало, и легкие алюминиевые трубы. Вконец измученные люди наскоро поужинали и, разморенные теплом отапливаемой кабины,

улеглись спать.

Раненый пилот долго стонал, мешая Кото уснуть. Наконец юноша забылся тревожным сном, полным льдов, лунного света и мчащихся черных теней.

Муцикава скоро разбудил Кото.

– Нам некогда спать, извините, – сказал он, бесцеремонно расталкивая юношу.

Кото послушно встал.

Опять работали вдвоем. Собрали холодильную установку, опробовали двигатель внутреннего сгорания, приводящий в движение компрессор, проверили турбодетандер, в котором происходит сжижение воздуха за счет работы, производимой предварительно сжатым и охлажденным воздухом. Все было в порядке, была даже получена первая порция жидкого воздуха.

Одноглазый мрачный Скопс вылил ее себе на голую ладонь, демонстрируя, что жидкость с температурой минус 195° по Цельсию ему не страшна. Жидкий воздух и в самом деле не сжег ему руки, которая мгновенно покрылась слоем газообразного воздуха, плохо проводящим тепло.

Теперь предстояла самая трудная задача: спуск под лед каркаса, состоявшего из металлических труб, предназначенных для циркуляции жидкого воздуха.

По указанию Муцикавы во льду были вырыты глубокие лунки и заложены толстые шашки.

Молодой Кото закладывал электродетонаторы и протягивал саперные проводники, присоединив их к переносной подрывной машинке. Лежа с ней за грудой торосов, в ожидании сигнала Муцикавы, проверявшего в последний раз толстые заряды, он думал о непонятно выбранном Муцикавой месте для ледового аэродрома.

Казалось странным, что будущий аэродром, под которым возникнет ледяная гора, усеян огромными глыбами; очистить от них аэродром им будет не под силу.

Муцикава и бортмеханик Скопс залегли за дальними торосами. Кото увидел, что Муцикава махнул платком. Юноша дрожащей рукой всунул ключ в отверстие.

Полная тишина всегда царит над полярными льдами в безветрие. Но особенно тягостной казалась она перед взрывом.

Лежа за глыбой, Кото рассматривал гребень торосов. Он досчитал до десяти, потом резко повернул ключ.

По снегу метнулись прозрачные тени, а через мгновение тишина раскололась грохотом.

Все вскочили.

Выброшенные глыбы и куски льда валялись повсюду. Сверху еще сыпались воющие осколки.

Муцикава шел впереди. Кото и бортмеханик двигались за ним.

Осмотрев результат взрыва, они снова принялись рыть лунки. Снова соединял Кото заряды со своей подрывной электрической машинкой.

Для японцев и Скопса не существовало утра, дня или ночи. Муцикава прекращал работу только тогда, когда изнеможение валило людей с ног. Они кое-как добирались до кабины самолета и там отогревались чашкой крепкого кофе, ухаживали за умирающим Джейном.

На третий день, когда часть труб огромного каркаса была спущена под лед, пилота похоронили.

Скопс насыпал над могилой небольшой снежный холмик и воткнул в него помятую алюминиевую часть крыла самолета.

Звезды по-прежнему светили ярко. словно издеваясь над беспомощным самолетом, все время стояла летная погода.

Снова принялись за работу. Муцикава почему-то спешил. Казалось, что, если ледовый аэродром в известный одному ему срок не будет закончен, случится что-то непоправимое.

Юный Кото был горд. Он не спрашивал Муцикаву ни с чем, про себя решив, что Муцикава боится сжатия льдов, которое может уничтожить всю их работу. Муцикава

регулярно определял положение льдины, с каждым днем становясь все озабоченнее и нетерпеливее.

Кото заметно слабел. Он не привык к такой нечеловеческой работе. Кроме того, он очень страдал от мороза.

Через две недели Муцикава сказал Кото, что боится, как бы не появились тучи, которые помешают ему определяться. Это удивило Кото. Он не понимал, почему так интересуется Муцикава их точное местонахождение, но не потребовал разъяснений, боясь насмешек.

Наконец весь трубчатый каркас был спущен в воду. Он уходил под лед на глубину около двухсот метров, занимая в то же время огромную площадь. Эта большая глубина тоже смущала Кото.

Оставалось только присоединить трубы к холодильной установке и начать сжижение воздуха.

Кото не отходил от машин, готовясь к их пуску. Муцикава и Скопс завинчивали последнюю муфту. Озябшей, негнувшейся рукой бросил Муцикава ключ на лед.

– Все, – вздохнул он и, закинув голову, долго смотрел на ущербную луну.

Кото подошел к нему:

– Машины готовы к действию, Муцикава-сударь.

Муцикава не отвечал.

Кото кашлянул. Муцикава выпрямился. Станным, невидящим взглядом посмотрел по сторонам и торжественно произнес:

– Дать жидкий воздух! Приступим к великому делу! – И он ударил по плечу Скопса. – Гарантирую по несколько тысяч долларов на каждого из нас в случае удачи!

– О'кэй! – буркнул Скопс, поправляя повязку.

Сухо затрещал в морозном воздухе двигатель, застучал компрессор. При слабом лунном свете Муцикава различал два суetyащихся у машины силуэта.

Больше суток не переставая работала холодильная установка. Кото не сомкнул глаз ни на минуту. Вместе со Скопсом он следил за правильной работой машин и старался ни о чем не думать. Спущенный по трубам в глубину жидкий воздух смешивался с океанской водой, которая замерзала, всплывала под ледяное поле, утолщая его. Наконец заспанный Муцикава, ежась от холода, вышел из покосившейся кабины.

– Как дела? – обратился он к Скопсу и Кото вместо приветствия.

– О'кэй! – прохрипел Скопс и, указав рукой себе под ноги, добавил: – Готово.

– Проверим? – предложил Муцикава.

Вместе с Кото Скопс стал спускать в прорубь лот, стараясь определить, достанет ли он до новых ледяных образований.

Груз опустился всего лишь на несколько метров.

Муцикава, стоя за спиной Кото, сказал:

– Поздравляю вас! Мы уже на ледяной горе. – И он показал рукой вокруг.

Только теперь заметил Кото, что часть ледяного поля, на котором они находились, как бы выпучилась.

– Что это такое, Муцикава-сударь? – наивно спросил Кото.

– Ледяная гора пытается всплыть. Вы видите, она ломает лед, поднимает ледяное поле...

– Да-да... вижу, – устало согласился Кото. – Нельзя ли мне пойти отдохнуть?

– Пойдемте, – сказал Муцикава. – Мне, извините, надо поговорить с вами, мой друг. А кстати сделать вычисление о нашем местонахождении.

Оставив холодильную установку на попечение неутомимого Скопса, Муцикава и Кото вошли в кабину самолета.

Пока Муцикава делал вычисления, юноша налаживал радио. Муцикава разрешил ему связаться с Алеутскими островами и сообщить наконец о катастрофе, постигшей их самолет.

Сняв наушники, Кото с облегчением вздохнул:

– Готово, Муцикава-сан. Разрешите установить двустороннюю связь и сообщить

координаты?

– Наши координаты? – с особым выражением спросил Муликава.

Кото кивнул головой.

Муликава долго насмешливо смотрел на молодого японца.

– Я должен вас порадовать, Кото-кун, – презрительно обратился он к нему. – Наши координаты 84°53′ северной широты, 36°10′ восточной долготы, глубина залегания ледяной горы двести метров, то есть, Кото-кун, наша гора находится чуть-чуть восточнее трассы русско-американского подводного туннеля, который должна скомпрометировать наша экспедиция.

Кото удивленно и непонимающе уставился на своего начальника.

– Что вы имеете в виду? – спросил было он и вдруг побледнел.

Муликава наслаждался, глядя на него. Кото попробовал говорить, но вдруг стал заикаться. Он так и не произнес ни одного слова. Муликава внутренне торжествовал. Ради этой минуты он готов был еще раз заключить соглашение с мистером Паттерсоном. Он ненавидел слабость, он ненавидел Кото, а сейчас это сливалось для него воедино.

Вдруг Кото крикнул:

– Вы... вы преступник! Вы заставили нас создать искусственный айсберг, чтобы... погубить... чтобы...

Муликава договорил за него:

– ...чтобы этот айсберг, дрейфуя вместе со льдами, случайно наткнулся на трубу Арктического моста и пустил ее ко дну. Х-ха! Не это ли, Кото-кун, хотели вы сказать, извините?

– Замолчите! – крикнул Кото срывающимся голосом. – Теперь я понял все! Теперь я знаю, почему остался в тайне наш вылет! Это было нужно американским пароходным компаниям, с которыми вы вошли в преступную связь!

– Потихо, мой мальчик! Я не привык, когда около меня кричат. У меня начинают болеть уши.

– Преступник! Вы хотите погубить тысячи ни в чем не повинных людей! Вы хотите погубить замечательное техническое сооружение, и все в своих личных, низменных целях!

– Философия и запах тухлой рыбы на меня действуют одинаково, Кото-кун. Извините, не переношу.

– Ах, вы смеетесь! Я знаю... я понимаю, что не могу предотвратить столкновение. Но люди... люди! Я должен спасти их! Я сейчас оповещу о вашем злодеянии весь мир. Пусть люди бегут из туннеля, пока не поздно. Я сейчас... сейчас сообщу это в эфир!

Дрожащими руками Кото вертел ручки радиопередатчика.

– Назад! – крикнул Муликава.

«Всем... всем... всем...» – выстукивал Кото ключом.

– Назад! – крикнул Муликава вне себя от гнева. – Назад! Изменник!

«Передайте... эвакуировать русский подводный док. Гибель...»

Муликава схватил прислоненный к стене тяжелый лом и со всего размаха ударил им по радиопередатчику. Раздался звон разбитого стекла. Ящик с грохотом упал на дно кабины. Посыпались осколки.

– Лампы!.. Лампы!.. – в ужасе крикнул Кото, отскакивая от Муликавы. И вдруг животный страх овладел им. – Что вы сделали? Что вы сделали? – закричал он. – Ведь теперь мы не сможем дать о себе знать! Мы погибли!

Муликава скрестил руки на груди и зловеще процедил:

– Да, погибли, щенок лисицы!.. Из-за тебя... Нас никогда не найдут. После гибели Арктического моста даже побоятся искать, чтобы не навлечь подозрений на Трансполярную воздушную компанию.

– Нет! Это ты погубил нас, зловещий ворон и преступник! Мы должны искать дружбы с Россией, а ты... – крикнул Кото и бросился к Муликаве.

Муликава отступил и схватился за лом. Кото быстрым взглядом окинул кабину. Тень

Муцикавы, отбрасываемая керосиновой лампочкой, прыгала по стене и на секунду открыла висящее ружье. В одно мгновение Кото оказался около стены и схватил его. Удар лома выбил у него из рук оружие. Кото уцепился за лом, не давая Муцикаве его поднять. С проклятием Муцикава бросил лом и выхватил нож.

Кото отскочил. У него тоже висел у пояса нож.

Оба японца, с ножами в руках, стояли друг против друга.

Муцикава прыгнул первым. Кото схватил его за руку, нож замер в воздухе. Но и нож Кото не мог опуститься. Муцикава также перехватил его руку, а в следующее мгновение ударил его ногой в живот. Кото вскрикнул, притянул к себе Муцикаву и вместе с ним повалился на пол. Со стоном оба катались по полу, налетая на валявшиеся предметы.

Вдруг дверь открылась. На пороге выросла фигура американца с перевязанным глазом.

– О'кэй! – сказал он хрипло и деловито и, высоко подняв лом, стал выжидать, когда нужная ему голова примет удобное для удара положение.

Глава одиннадцатая НА ДНО

– Где Корнев? Где начальник строительства?

– Не знаем.

Площадка звенела под быстрыми грузными шагами.

– Андрея Григорьевича не бачили?

– Нет. А что такое, товарищ Денисюк? – Куда это он бежит?

Одышка прерывала голос:

– Корнева!.. Корнева!.. Андрея Григорьевича!..

– В чем дело, Денис Алексеевич?

– Что случилось?

– Андрей Григорьевич около сальника. Вон он стоит, видите?

– Андрей! – Денис остановился, хватаясь за перила площадки.

Сквозь грохот катящихся кранов Андрей услышал этот крик. Он быстро повернулся, настороженно взгляделся и сразу узнал Дениса.

– На вот... читай, – протянул Денис радиogramму.

Пока Андрей пробегал глазами депешу, Денис подтянулся, одернул китель и сердито посмотрел вокруг.

– Что такое? Это мистификация!

– То ж не мистификация! Подпись видел? Сам Волков подписал.

Андрей озабоченно посмотрел на Дениса, еще раз перечитал радиogramму и спрятал ее в карман. Лицо его стало твердым, суровым. Он подошел к перилам и крепко сжал их, упрямо нагнув голову. Денис выжидательно стоял рядом.

– Товарищ Корнев, товарищ Корнев! – По площадке бежал человек. – К телефону! Степан Григорьевич просит.

Денис посторонился, давая Андрею пройти. Заложив руку за пуговицы кителя и насупившись, Денисюк застыл в напряженной позе.

– Денис! – послышался наконец сзади голос Андрея.

По металлу площадки зазвенела отлетевшая пуговица. Денис круто повернулся.

– Придется действовать, – тихо сказал Корнев. – Еще одна радиogramма от Седых с прямым приказанием. И Степан говорил только что по телефону о каком-то таинственном сообщении из Полярного бассейна... – И, пожав плечами, он, улыбнувшись, добавил: – Какой-то неизвестный друг... Слишком романтично!

– Так что же ты медлишь?

– Я уже дал распоряжение об эвакуации дока. Видишь?

Туннельный комбайн остановился. Рабочие поднимались на площадки и шли к открытым платформам, задержанным после очередной доставки грузов.

– Если бы это зависело только от меня...

– Конечно, – прервал Андрея Денис, – ты бы зараз не посчитался с неизвестным предупреждением с севера.

– Я не вижу причины для паники.

Денис провел пальцами по усам и улыбнулся.

Рабочие проходили мимо. Никто ничего не спрашивал. Полученное распоряжение они выполняли, но движения их были торопливы, а лица напряженно-скованны. Может быть, впервые за много месяцев работы люди почувствовали, что над их головами стометровая толща воды с вечно дрейфующими льдами Северного Ледовитого океана.

Андрей с каменным спокойствием наблюдал за всем происходящим, лишь пальцы его нервно комкали полученную радиogramму.

Когда люди заполнили последние платформы, а на площадке осталась еще толпа рабочих, тревога стала вырываться наружу.

– А мы-то как же? Погибать?

– Расскажите нам, что же случилось?

– Не тревожьтесь, хлопцы! – послышался громовой голос Дениса. – Вагоны будут для

всех. Сейчас мостовые краны перебросят запасные платформы. Эвакуация происходит в целях предосторожности. Реальной опасности пока даже трошки нет.

Ропот пробежал по толпе.

– Стали бы бежать, если бы не было... Как бы не так!

– Скрываете!.. Сознательности у нас хватило бы... По доброй воле сюда шли.

Когда мостовые краны поставили запасные платформы на освободившиеся рельсы, в толпе поднялся гул. Многие пытались перескочить через перила металлической площадки, чтобы захватить себе место.

Эвакуация подводного дока происходила с поразительной быстротой. Все действовали по специально составленному на этот случай расписанию.

Вагонов хватило. На последней платформе оставались незанятые места.

Огни в большом зале погасли. По металлической площадке бежали одинокие фигуры опоздавших людей. Поезд не отправлялся.

– Все сели? – рявкнул Денис.

– Все, все! – отзывались из вагонов.

Денис подошел к микрофону и сообщил по всему доку, что последний вагон отправится через несколько минут.

– А то кто ж здесь стоит? Особого, будь ласков, приглашения дожидаться? – накинулся парторг на одного из рабочих, прислонившегося к стенке.

– А я вот... жду... когда они, – указал Коля Смирнов на Андрея Корнева.

– Уж то будет не твое дело! – Денис повелительно указал Коле на платформу.

Коля колебался, но, взглянув на шевелящиеся усы, полез в вагон.

– Теперь до тебя очередь доходит, Андрей Григорьевич, надо садиться.

– Мне? – нахмурился Андрей. – Я остаюсь.

– Ты что, с ума сошел? Приказ – эвакуироваться всем.

– Капитан последним покидает погибающий корабль. Мой же корабль не погибает, но может погибнуть, если останется без капитана.

– Брось, Андрей Григорьевич, рассуждать! То ж время не ждет, сидай!

Андрей упрямо покачал головой. Что-то было в нем сейчас от прежнего несдержанного юноши.

– Если помпы останутся без присмотра, док может пойти ко дну, погибнет туннель. Я эвакуирую туннель, выполняя приказ, но сам я отсюда не уйду!

– Андрей Григорьевич, время уходит... сидай!

Андрей упрямо свел брови:

– Товарищ Денисюк, извольте сесть сами в спасательный поезд. Я приказываю вам как начальник строительства! Я остаюсь здесь! Все! – Андрей круто повернулся и пошел по металлической площадке.

Он не хотел больше спорить с Денисом, а потому свернул в первый попавшийся коридор.

Гулко раздался гудок электровоза. Андрей провел рукой по горлу, стал расстегивать воротник. Слышно было, как звякнули сцепки, потом загромыхали колеса. Долго слышался звук удаляющегося поезда.

Потом настала тишина. Фигура Андрея одиноко вырисовывалась на слабо освещенной стене. Было слышно, как через сальниковое устройство в центральном зале капает вода.

Андрей передернул плечами, потом повернулся и вышел в тускло освещенный, недавно еще наполненный грохотом центральный зал. Кругом было пусто и темно.

Никогда не предполагал Андрей, что может существовать такая тишина, полная звона металлических стенок, тишина, от которой было больно в ушах и жутко.

– Хо-хо! – крикнул Андрей.

Эхо загудело и ответило ему. И вдруг Андрей совершенно явственно услышал:

– Гей! Гей!..

Ему почудилось? Нет, это не эхо! Послышались гулкие шаги.

Человек! Кто-то отстал от поезда!

Андрей торопливо направился навстречу движущейся фигуре, готовый распечь отставшего. Неприятное чувство одиночества и необъяснимый страх сразу исчезли.

– Денис! – вдруг удивленно воскликнул Андрей.

– Есть! – весело отозвался парторг.

– Почему ты не уехал?

– А чтобы тебе подменным быть, – улыбнулся тот, – вместе сторожить будем.

Андрей хотел строго посмотреть на него, но вместо этого крепко обнял друга.

В полной тишине обошли они пустынные, слабо освещенные помещения дока. Заглянули во все закоулки – не остался ли кто случайно. Они не разговаривали, но тишина теперь не была уже такой гнетущей.

– Это даже хорошо, что мы с тобой здесь остались, – улыбался Андрей. – Мне давно кое-что надо было обдумать.

– А мне, знаешь, дюже треба выспаться. До того не высыпался последний месяц, представить себе не можешь!

Помолчали. Денис побряхтел, потом посмотрел на часы:

– Порядочно времени уже прошло.

– Незаметно, не правда ли?

– Наши уже далеко отъехали. Боюсь, влетит нам с тобой...

Андрей вздрогнул:

– Денис! Ты слышал? Что это?

Денис насторожился:

– Постой трошки. Действительно, что ж то буде? Вдалеке что-то ухнуло, опять...

Денис нахмурился.

Помолчали, прислушиваясь. Снова удары.

– Мины рвутся!

– Если это нападение, – сказал Денис, – то я нападающим не завидую.

– В кабину центрального поста управления! Надо контролировать, какие мины взрываются! – приказал Андрей.

Оба размашистым шагом, держа ногу, направились в глубь дока. Издалека один за другим доносились глухие взрывы.

Через минуту Андрей и Денис были на центральном посту управления. На экране выскакивали сигналы.

– Вот так черт! Кто ж это может быть? Какая подводная флотилия зараз взрывает сорок семь мин первого пояса?

– Флотилия движется на нас. Нападающие находятся сейчас в пятнадцати километрах от дока.

– Надо соединиться с Мурманском.

– Подождем. Если нападающие прорвались через первый защитный пояс, они должны натолкнуться на второй. Тогда и позвоним.

– Как прикажешь.

Молча просидели час, смотря на часы.

– Ну, кажется, все благополучно. Надо думать, нападающие отбиты. Можно и тревоге отбой дать. Если бы они двигались даже и черепашьям шагом, то все равно натолкнулись бы на второй пояс.

Вдруг сигнальные лампочки одна за другой стали зажигаться на мраморной доске. Андрей вскочил и посмотрел на Дениса.

– Рвутся, – глухо произнес тот.

– Взрываются те же самые номера мин... Какая-то масса строго определенных размеров надвигается на нас. И этой массе никакие взрывы нипочем...

– Ничего не разумию... Что это может быть?

Андрей провел рукой по лбу:

– Денис, это может быть только... только ледяная гора.

– Ледяная гора? Невозможно, Андрей Григорьевич! Откуда зараз тут айсбергу появиться?

– Я не могу... не могу объяснить, но совершенно очевидно, что на нас надвигается ледяная гора. Судя по скорости движения этого неизвестного айсберга, через двенадцать минут должны начать взрываться мины третьего пояса.

Эти минуты были длиннее часов.

Но вот, словно включенные стрелкой, отсчитавшей двенадцатую минуту, зажглись сигнальные лампочки мин третьего пояса.

– Те же номера. Это ледяная гора.

– Н-да... плохо...

– Это конец, – произнес Андрей.

– Ко-нец... – неопределенно протянул Денис.

– Денис, это я виноват, что ты остался здесь... Прости!

Денис поморщился.

– Соединись с Мурманском, – посоветовал он.

Андрей покраснел, потом овладел собой и снял трубку. На сигнальной доске продолжали зажигаться лампочки, сигнализируя о взрывах мин, сотрясавших стенки дока. Взрывы ухали один за другим с точностью часового механизма. Что-то страшное, неотвратимое надвигалось на Арктический мост...

Степан Григорьевич Корнев расхаживал по своему кабинету в здании Управления строительством Арктического моста. Он ждал сообщения о прибытии поезда с людьми из подводного дока и закуривал одну папиросу за другой, бросая их после первой же затяжки прямо на пол. То и дело он подходил к аппарату прямой связи с Москвой и уже четыре раза говорил с Николаем Николаевичем Волковым. Николай Николаевич сообщил ему, что все радиостанции и радисты коротковолновики-любители старались еще раз поймать таинственную волку из Полярного бассейна. Благодаря тому, что первые сигналы были одновременно приняты в разных местах, удалось приблизительно установить, что загадочная радиостанция находится где-то в районе подводного плавающего дока.

Раздался звонок телефона, соединенного непосредственно с доком. Степан Григорьевич отскочил от аппарата: в подводном доке кто-то есть!

Дрожащей рукой он снял трубку:

– Андрей? Ты? Почему ты остался?

– Степан... – послышался далекий голос Андрея. – Мы здесь вдвоем с Денисом. Я должен сообщить: на док надвигается что-то большое. Предполагаю, что это ледяная гора.

– Ледяная гора? – недоверчиво переспросил Степан Григорьевич.

– Исход ясен, – произнес твердо Андрей. – Док погибнет. Он потащит за собой туннель, изуродует, погубит его. Аварийные, водонепроницаемые переборки могут не спасти...

– А ты? Ты? – воскликнул Степан, стараясь удержать телефонную трубку.

– Не будем говорить обо мне. Это неважно. Я хотел говорить с тобой о другом. Боюсь, что гибель туннеля скомпрометирует всю идею Арктического моста.

Степан Григорьевич сел в кресло, поставил оба локтя на стол, опустил голову.

Андрей заторопился, словно боясь, что не успеет сказать:

– Прежде всего строительство... Понимаешь, его надо продолжать... Катастрофа... она не должна повлиять... Скажи об этом Николаю Николаевичу. Он поймет.

Степан Григорьевич молчал. Он держал трубку обеими руками, словно кто-то пытался ее вырвать.

– Степан! Ты слышишь меня? Слышишь? Ане передай... Ну, ты понимаешь... Передай...

– Хорошо... передам, – сдавленным голосом произнес Степан.

– Что передашь? Степа, что ты ей передашь?

– Передам, что ты ее любишь.

Андрей помолчал.

– Хорошо... передай...

Снова помолчали.

Степан до боли прижимал к уху телефонную трубку. И вдруг он понял, что не слышит больше Андрея. В телефонной трубке не было больше никаких звуков.

Степан Григорьевич вскочил, стал стучать рычагом аппарата.

Обрыв... Обрыв! Оборвался провод, отключен туннель!..

Открылась дверь, появился секретарь:

– Степан Григорьевич, разрешите доложить. Поезд с людьми из подводного дока прибыл.

Своим обычным, спокойным голосом Корнев сказал:

– Хорошо, хорошо... Пусть вагоны разместят по баракам. Надо покормить их... Людей поставьте на запасные пути...

Секретарь не поверил ушам – что он такое говорит?! – но увидел, как трубка выпала из рук Корнева, и все понял.

На следующий день весь мир был потрясен известием о гибели советского подводного дока и автора Арктического моста инженера Андрея Корнева.

Часть пятая ЛЬДЫ И ВИШНИ

Глава первая ПРОРУБЬ

Человек с черной повязкой на глазу бессильно опустился на сани.

– Десять... десять миль! Мне кажется, я тащил эту поклажу по меньшей мере двести миль.

Его спутник неуверенно ощупал палкой черные тени на снегу, потом вернулся к саням и, сгорбившись, сел рядом с товарищем.

В темноту уходили загроможденные торосами ледяные поля. Путники некоторое время сидели неподвижно, но скоро мороз победил усталость, и они стали греться, неуклюже топчась на месте.

Внезапно страшный удар расколол воздух.

Оба человека упали грудью на мешки, сползли на снег. Лежали скорчившись, боясь пошевелиться. Вот оно, грозное сжатие льдов! Сейчас следом за первым ударом рухнет от грохота небо, ледяным хребтом поднимется взломанное поле...

Дрожа, люди ждали своей участи.

Снова раздался громовой удар. Прямо перед ними взметнулся фонтан льда. На мгновение он сверкающим тюльпаном застыл в морозном воздухе. Люди осторожно выглянули, прячась за сани. Повсюду валялись льдинки, мерцая свежими изломами. На месте поднявшегося фонтана чернела полынья, обрамленная белым снегом. На поверхность всплыло что-то черное, похожее на спину чудовища.

Туча набежала на луну, металлический свет погас. Люди скорее угадывали, чем видели происходящее перед ними.

И вдруг, вскочив, они побежали прочь.

Они бежали, пригибаясь к земле, как бегут солдаты по простреливаемой местности. Бежали молча, задыхаясь, спотыкаясь. Подхваченные сани волочились на боку.

Никто не преследовал беглецов. Над полыньей было темно и тихо. Поднялся ветер. Он с шуршанием увлекал сухой снег, быстро замечая следы. Тучи плотно закрыли небо, хмуро опустили над темными льдами...

Когда Андрей Корнев понял, что телефонный кабель оборвался и он никогда больше не услышит голоса брата, необыкновенное спокойствие овладело им. Сосредоточенно нахмутив

брови, он продолжал неторопливо постукивать рычажком аппарата.

Вдруг задрожали стены дока. Издалека донесся скрежет, металла. Андрей передернул плечами и осторожно положил трубку телефона.

Вот оно! Ледяная гора уже захватила трубу и влечет ее за собой.

А может быть, якоря удержат ее? Андрей встал и усмехнулся.

С шумом распахнулась дверь.

– Андрей! Живо вниз – сальник прорвало!

– Зачем? – безразлично спросил Андрей. – Не все ли равно, где!

– Как – зачем? – побагровел Денис. – Без разговора! Зраз за мной, вниз!

Андрей махнул рукой, но вдруг порывисто повернулся:

– Есть, товарищ Денисюк! Хвалю за инициативу!

Денис улыбнулся и что-то пробурчал.

Они уже бежали по коридору. Вокруг все сотрясало. Слышался усиливающийся шум, будто струя водопада била в металлическое дно.

Чтобы спуститься вниз, нужно было пересечь центральный зал. Тусклые лампочки все еще освещали пустынный док. Со стороны труб туннеля слышался грохот. Сальник был пробит. Струя воды, похожая на длинный прозрачный цилиндр, летела со страшной силой, протянувшись на несколько десятков метров. Бурлящий поток несся по дну дока, заливая металлическую площадку.

– Скорее! – оглянулся Андрей на Дениса.

Тот, красный, с напряженно вздувшейся шеей, хотел сделать Андрею знак, но поскользнулся на мокром металле и чуть не потерял равновесие.

Волна обгоняла бегущих. Люди шлепали по щиколотку в воде. Наконец они поравнялись с коридором. Пена рвалась вперед, как бы показывая дорогу.

Андрей не мог удержаться, чтобы не оглянуться. Темные переплеты теней на своде, словно зачеркнутые строчки, смотрели на него из полутьмы сборочного зала. Док гудел, усиливая шум пробившейся в сборочный зал воды. Вот и вертикальный колодец. По винтовой лестнице спускались под холодным соленым душем. Денис и Андрей мгновенно промокли до нитки. В отсек шлюзового отделения через люк, в который они спустились, водопадом лилась вода.

– Эх, задраить бы люк! – прошептал Денис.

– Некогда... К подводной лодке! – скомандовал Андрей.

Подводная лодка водолазной команды стояла сейчас в воздушном шлюзе. На полу слабо освещенной камеры плавали в воде какие-то ящики.

– Продукты? – посмотрел на Дениса Андрей.

– Так точно... И одежда.

– Здорово! Когда успел?

– Да когда ты по телефону говорил.

Всплывшие ящики ловили и переносили внутрь лодки.

– Довольно, – устало проговорил Андрей.

Вода была уже по пояс. Денис взобрался на мостик лодки и протянул руку Андрею:

– Лезь, Андрей Григорьевич!

– Нет, надо плыть.

– Куда?

– Включить механизмы.

Денис кивнул. Андрей несколькими сильными движениями доплыл до переборки, на которую не раз оглядывался во время погрузки. Вода уже почти достигала щита управления, где виднелись приборы и кнопки.

Ухватившись за край мраморного щита, Андрей подтянулся на руках, нащупал ступеньку и встал на ноги. Вода доходила ему до груди. Шум падающей сверху струи все усиливался...

Неожиданно наступила полная темнота.

– Эй! Эй! – Голос Дениса был едва слышен из-за рева воды.

«Все ли погибло? – с удивительным хладнокровием подумал Андрей. – Если это повреждение только одной осветительной сети, еще есть надежда. Если же повреждено аккумуляторное питание механизмов...»

Осторожно Андрей нащупывал кнопки, стараясь восстановить в памяти их расположение. Каждая кнопка была ему известна: когда-то Сурен знакомил его с чертежом щита.

Андрей нажал кнопку «выдержки времени». Теперь механизмы должны были сработать не сразу, а спустя четыре минуты. Сначала закроется шлюзовой отсек, изолировав шлюз от дока, а потом должен открыться люк, соединяющий шлюз с океаном.

«Должен открыться, но откроется ли?»

Ощупью Андрей двинулся обратно.

Шум струи изменился. Андрею казалось, что вода стала прибывать скорее.

– Эй... эй!.. Андрей! Эй! – кричал время от времени Денис.

Блеснул огонек. Это Денис зажег спичку.

«Не подмочил!» – почему-то подумал Андрей.

Он увидел Дениса, который, согнувшись, сидел под самым потолком.

«Значит, лодка уже всплыла... Еще немного – и люк упрется в свод. Тогда уже не попасть внутрь».

Андрей напрягал все силы, стараясь подплыть к лодке, но вода несла его к противоположной стенке.

«Четыре минуты... Только четыре минуты! За это время надо еще успеть задраить люк, иначе океанская вода под давлением десяти атмосфер ринется в лодку».

Денис, лежа на площадке и инстинктивно упираясь рукой в свод, зажигал одну спичку за другой.

– Бери... бери руку-то!

– Где? Давай!

Андрей в непроницаемой тьме не видел Дениса, но уже ощущал металл обшивки.
– Здесь... сюда... сюда...
Рука Дениса нащупала плечо Андрея. Пальцы вцепились клещами.
– Тише, ты... Больно ведь!
Андрей стукнулся головой о свод шлюза, со стоном скатился в лодку по ступенькам трапа. Денис уже задрал люк.
– Зраз, товарищ начальник! – обернулся он с улыбкой.
В подводной лодке ярко горели электрические лампочки. Было сухо, тепло и уютно.
Андрей стоял, потирая ушибленную при падении руку. Электрический свет как-то успокаивал, вселял надежду.
– Однако и жалкий же у нас с тобой вид, Денисище! – попробовал он улыбнуться.
– Трошки не парадный, – согласился Денис.
– С выдержкой времени... Теперь надо ждать минуты две. Если механизмы исправны и сработают, то откроется люк, соединяющий нас с океаном.
– Ну, авось, будь ласков... откроется, – серьезно и тихо сказал Денис, проводя руками

по мокрым волосам.

– Тогда мы сможем выбраться из дока, но при условии...

– При каком?

– Если док уже не опустился так глубоко, что наружное давление воды намного превышает десять атмосфер. Тогда нашу лодку раздавит, как скорлупу.

– Ну что ж, – пожал плечами Денис, – две минуты не дуже много, можно подождать. Давай посмотреть на этот манометр. Он покажет внешнее давление.

Денис и Андрей уселись в кресла кабины управления и откинулись на спинки. Глаза их не видели ничего, кроме манометра.

Денис стал считать вслух. На счет «восемьдесят шесть» стрелка манометра прыгнула.

– Одиннадцать атмосфер! – воскликнул Денис.

– Люк шлюза открыт. Док опустился лишь на десять метров. Дорога в океан свободна!

– Торопиться треба, Андрей Григорьевич. Док-то зраз опускается... Как бы не раздавило... – засуетился Денис.

Заработали винты подводной лодки, включился прожектор. Сквозь стекла смотрового иллюминатора было видно, как медленно проплывали цилиндрические стены шлюза. На мгновение они сблизилась – и вдруг исчезли.

– Океан! – облегченно воскликнул Андрей.

– Есть океан! – бодро откликнулся Денис.

Оба внимательно посмотрели друг на друга.

– Теперь обдумать треба нам с тобой, Андрей Григорьевич, как поступать.

– Всплыть под лед немедленно, пока не истощились аккумуляторы подводной лодки. В торпедном аппарате у нас есть торпеды?

– Имеются целых две – добре, как по инструкции.

– Надо только отплыть подальше от этого места. Наверняка выйти за пределы айсберга.

– Есть отплыть!

– А потом переодеться.

– Есть переодеться!

Помолчали.

– А потом как? – спросил Денис.

– Потом жалеть будем, что на нашей лодке нет радио. Это мы с Суреном виноваты. Считали, что лодка предназначена только для обслуживания дока. А под водой нельзя использовать радиосвязь. Вместо нее предусмотрен действующий на близкое расстояние ультразвуковой телефон.

– Да... жизнь – она зараз поправку внесет.

– Значит, придется нам на самих себя полагаться, – сказал Андрей переодеваясь.

– Шукать нас станут...

– Ночь полярная... Разве заметишь такие две фигурки?

– То верно...

Андрей выпрямился. Он был одет в удобный меховой комбинезон и такие же унты. Денис с кряхтением натягивал на себя комбинезон, который был ему явно мал.

– Ходили же пешком к Северному полюсу, – как бы отвечая своим мыслям, сказал Андрей. – Вот и мы пешком к Земле Франца-Иосифа пойдем.

– Есть пойти к Францу Осиповичу! – ответил Денис, улыбаясь, словно дело касалось прогулки за город к хорошему знакомому.

– Теперь, Денисище, ты управляй лодкой, а я пойду к торпедным аппаратам. Надо прорубить окно.

Денис вытянулся. Его улыбающееся лицо дышало бодростью.

Глава вторая КУСОЧКИ МЯСА

Началась пурга. То здесь, то там снег серой бесформенной массой взлетал вверх, вырастая справа и слева темными колеблющимися стенами, образуя подобие улиц. Ветер заставлял эти улицы извиваться, наполняя их клубами и мутными столбами. Частая серая сетка била в лицо.

Люди тащили грубые самодельные сани, сделанные из обломков ящиков. Натягивая постромки, они наклонялись вперед, как бурлаки с бечевой. Ноги приходилось вытаскивать, высоко поднимая колена. От этого шли неуклюже, переваливаясь всем туловищем. Сани утопали в рыхлом снегу, загребали его, толкая перед собой...

– Андрюша, ты бы потер щеки. Не отморозить бы...

– Спасибо, Денисище. Ничего как будто...

Редко-редко обменивались фразами. Все больше молчали, размеренно дыша, экономя силы.

– Не остановиться ли? Как бы не сбиться нам с тобой...

– Подожди. Пусть встретится еще хоть одна гряда торосов.

– И то добре... пойдем.

Снова шли через свистящую серую тьму, пробивая воюющие снежные стены, с трудом вытаскивая из сугробов ноги.

Остановились только тогда, когда уперлись в огромные, полузанесенные снегом глыбы.

– Тихий ход, стоп! – скомандовал Денис.

Принялись разгружать сани, вытаскивать спальный мешок.

В черном небе – голые, замерзшие звезды. Поперек черного купола – лыжня Космоса: Млечный Путь.

На белом поле мертвые черные тени торосов. Пересекая ледяную равнину, тянется неровный след от саней.

Над санями возятся двое. Что-то связывают, скрепляют...

– Ты держи, а я затаю, Денис.

– Поживут еще, поживут, будьте ласковы...

Потом впрягаются, тянут, все удлиняя и удлиняя след.

– Шли же люди к Северному полюсу... Нансен, Пири, Седов...

– И то добре, Андрюша... А мы от Северного полюса...

Путь преграждают торосы. Привычным движением сбрасывает Денис постромки; устало стоит перед препятствием; потом, охая и что-то бормоча, принимается лезть наверх. Ноги его то и дело срываются, проваливаясь в заснеженные щели. К поясу его привязана веревка. Она натягивается...

Андрей подталкивает сани сзади. Иногда он почти поднимает их, перебрасывает с одной глыбы на другую.

Денис уже ползет на четвереньках, но все же тянет, тянет полуразвалившиеся сани. Наверху он ложится отдыхать. Чувствуя, что веревка ослабла, он хочет подтянуть ее, но руки не поднимаются.

– Держи, Денис, держи!

– Давай... давай... сюда... будь ласков...

Андрей упрямо толкает сани, они уже совсем близко – сейчас Денис их схватит. Но сани срываются в щель между торосами.

Натянутая веревка тащит за собой Дениса. Чтобы, удержаться, он цепляется за ледяные выступы, загребает руками снег. Наконец, схватившись за веревку, Андрей вытаскивает драгоценные сани.

Начинается спуск. Впереди – Андрей, выбирающий путь; сзади, сползая с одной льдины на другую, – Денис с веревкой на поясе. Переправившись через гряду торосов, не садятся – падают на снег.

– Идти... идти надо, – твердит Андрей, тщетно стараясь подняться.

Снова впрягаются в постромки и тянут, тянут, пока не встречаются с черной извилистой трещиной, издали похожей на брошенную веревку. Через нее не перешагнешь, не перепрыгнешь. Провалишься вниз – нет оттуда возврата.

Приходится идти в обход, бессмысленно уклоняясь от пути, так тщательно намеченного Андреем после проведенного им астрономического определения. Иной раз обходное движение по краю трещины занимает целый дневной переход.

Но вот наконец трещина становится уже. Собравшись с силами, Андрей перепрыгивает на другой край. Денис бросает ему постромки и натягивает веревку. Так по натянутым постромкам и веревке переправляют через трещину сани. Потом снова идут, низко наклонясь вперед, с трудом вытаскивая из снега ноги.

Однажды, едва люди отошли от трещины на несколько шагов, сани перевернулись, наехав на глыбу. Возились долго, пока не поставили их на полозья, снова потянули, но сани глубоко зарылись в снег. Повисшие на постромках путники не могли сдвинуть их с места.

– Опять бисовы полозья разъихались! – проворчал Денис.

Пришлось снять рукавицы. Пальцы замерзали мгновенно, не гнулись, не чувствовали прикосновения к дереву саней. Провозились несколько часов, оттащили сани шагов на сто и

снова стали. Денис беспомощно присел у развалившихся саней.

– Рукавицы... рукавицы надень, Денисище!

Возились по очереди, но сделать уже ничего не смогли.

– Бросить придется.

Поклажу разделили на два огромных тюка: старались забрать все. Ошибку поняли еще задолго до конца перехода. Прежде если кто падал в пути, то мог подняться, а теперь...

Первым упал и не смог встать Андрей. Денис каким-то чудом держался на ногах. Но едва он наклонился над Андреем, как упал сам. Подняться удалось, лишь освободившись от ремней.

Дальше идти не было сил, хотя за весь переход прошли не больше четырех километров.

Денис стал разворачивать смерзшуюся меховую грудку, сегодня была его очередь отогреть спальный мешок. Андрей сооружал шалашик, чтобы развести в бензиновой печке огонь, согреть «кофе».

Наконец Андрей забрался к Денису в мешок, лег с ним рядом. Так, лежа плечом к плечу и не обмениваясь ни словом, выпили они кипятка, который все еще продолжали называть «кофе», медленно разжевывая каждый кусочек отогретого мяса давно убавленной, до смешного маленькой порции.

Спали тяжелым сном, без сновидений, без желанного отдыха. Андрей проснулся от холода. Дениса не было рядом. Едва сдерживая стоны, Андрей выполз из мешка. Пересиливая себя, сделал несколько привычных движений утренней зарядки.

Денис сидел, скорчившись, над огоньком. Звезды заволокло, а это был единственный свет в распростершейся вокруг огромной полярной ночи.

– Последний кипяточек, Андрюша, – печально сказал Денис.

– Почему последний?

– Бросить, бросить придется...

Андрей сел рядом, наблюдая за слабым язычком пламени. Оба долго смотрели на огонек. Уже «кофе» давно вскипел, разогрелись мизерные порции мяса, снова вскипел чайник, а они все не тушили огонь – может быть, последний огонь, который они видели.

Пошли не оглядываясь. Под грудой осколков льда остались все запасы бензина, печка, посуда. Теперь, чтобы получить воду, придется растапливать лед на груди.

Идти с похудевшими тюками было как будто легче. Первые километры пути даже принесли желанную бодрость, автоматичность работы мускулов, но стоило встретить гряду торосов, как груз потянул их к земле. Долго отсиживались, прежде чем рискнули лезть на льдины.

Денис был совсем плох. А впереди ждали поля, трещины, торосы, бесконечные переходы...

Чувство голода ни на минуту не покидало людей. Даже усталость, тупая физическая боль, мутившая сознание, даже охватывавшее по временам отчаяние не могли заглушить никогда не прекращающихся мук голода.

И без того ничтожный паек убавлялся Андреем с каждым переходом. Денис молчаливо соглашался со всем, что предлагал Андрей. Он безропотно сносил все лишения, но меховой комбинезон болтался на нем мешком, костлявые плечи торчали углами.

Сны, полные обильных обедов, жирных блюд, шипящих сковородок, дымящихся сосисок, сны, полные аромата флотского борща, жаренной ломтиками румяной картошки, сочных бифштексов, нежных пирогов с тонкой корочкой и тающей во рту начинкой, – сны или видения, встававшие прямо из сугробов, подстерегали путников на каждом шагу, владели ими, мучили их, радовали, приводили в неистовство, издевались над ними.

В мешке, полузамерзшие, со льдом в резиновых мешочках на груди, люди стонали, скрежетали зубами.

– Нет, Андрюша, не вставай.

– Почему, Денисище? Надо идти...

– Нельзя! Слышишь, как воет...

Лежали в состоянии, промежуточном между сном и обмороком. Над землей бушевала пурга, надрывалась сотнями сирен и гудков. Проходили часы... может быть, дни. Невидимые руки подносили блюда с горячими пельменями, повсюду валялись открытые банки со шпротами, на белой жести выступали капельки ароматного прованского масла... целые горы черной икры, белого хлеба... хлеба... хлеба, который можно было есть целыми буханками...

Пурга кончилась. Снова вверху голодные, слабые звезды. На снегу – неясные, тощие тени.

С невероятным трудом двинулись в путь. Шли, качаясь, падая, подымая друг друга. Перед торосами, вершины которых, казалось, достигали самых звезд, останавливались. Перебраться? Нет, даже если бы там, на вершине, был котел с горячими щами.

Денис упал в снег. Андрей с болью смотрел на его рваные унты.

– Денисище..... Дениска!.. Встань... ведь ноги у тебя отморожены.

Денис зашевелился, с усилием сел. Андрей опустился рядом. Так сидели молча, безучастные ко всему. Наконец Андрей, стряхнув с себя оцепенение, передернул плечами, встал.

Денис не шевелился. Почему-то поза его показалась Андрею странной.

– Денисище, что с тобой? – спросил он тревожно.

Денисюк поник головой. Андрей схватил его за плечо, начал трясти. Голова Дениса беспомощно болталась. Андрей взял его под мышки, поднял.

Какой он стал легкий!

На ногах Денис удержаться не смог и, отпущенный другом, неожиданно повалился навзничь. Андрей стал около него на колени, заглядывая ему в лицо. Молодая луна осветила седые волосы на его давно не бритом подбородке.

– Денисище... Ну Денисище же... – тормозил друга испуганный Андрей.

Денис открыл глаза, пошевелил губами:

– Андрюша... Андрюша...

Андрей стал неумело освобождать его от тюка. Пришлось повернуть его на бок, отчего Денис слабо застонал. Голову его Андрей положил к себе на колени. Денис сделал знак – он хочет говорить. Андрей наклонился к нему возможно ниже, едва улавливая прерывистый шепот.

Поземка подняла снег со льда, запорошив глаза и уши. Андрей заботливо стер снежинки со впалой небритой щеки друга.

– Андрей Григорьевич... серденько мое... там у меня в мешке... мясо есть...

– Какое мясо? – вздрогнул Андрей, нагибаясь еще ниже.

– Моя порция, Андрей Григорьевич... Она в холстинку отдельно завернута. Смотри зараз не выбрось.

– Выбросить? Почему? Какое мясо, Денисище? Ты бредишь. Жар у тебя. Рука у меня озябшая, не почувствую...

– Нет, Андрей Григорьевич... Я тебе как начальнику зараз докладываю... Запас там у меня скрыт.

Андрей нахмурился, губы его дрожали. Денис продолжал:

– Для тебя, Андрей Григорьевич, оставлял. Всю дорогу недоедал, прятал... Тебе-то нужнее...

Андрей вытянулся, напрягся:

– Зачем? Зачем ты это сделал?

– То добре, Андрей Григорьевич... Про себя рассудил, что двоим все равно не дойти... Ну вот, остальное-то само собой решилось. Автор Арктического моста, начальник строительства, поди, нужнее меня стране. Ну вот... Возьмешь мой мешок, там все и найдешь, а меня... меня здесь зраз оставь...

– Нет... нет, Денисище... – начал срывающимся голосом Андрей, потом вдруг почти закричал: – Товарищ Денисюк, я как начальник назначаю вам усиленное питание, объявляю длительный привал... отдых, пока вы не почувствуете себя лучше!

– Нет, – прошептал, качая головой, Денис. – Поздно... Да и не к чему... Иди, а мешочек возьми, Андрюша.

– Нет! – закричал в исступлении Андрей. – Денис, родной, не брошу я тебя! Не брошу! Зачем ты это придумал? Ведь у тебя же трое ребятишек...

– То ж я не сам, Андрей Григорьевич, не сам... Давно я читал, что так одна индианка сделала, которая белого любила. – Он помолчал, собираясь с силами. – А я ведь не только тебя люблю, Андрюша... я ведь служу нашему общему делу, которому нужен ты... А хлопчики мои... Ты позаботься о них... – И Денис замолчал, закрыв глаза.

Андрей боялся пошевелиться, думая, что его старый, преданный друг уснул. Денис несколько раз принимался стонать, но скоро затих. Так сидел Андрей неподвижно, пока не почувствовал, что коченеет.

Он стал тереть руки, стараясь согреть их, потом осторожно дотронулся до Дениса. Рука его отдернулась сама собой. Долго смотрел он, наклонившись, на исхудавшее лицо, стараясь запомнить обострившиеся, освещенные луной черты.

Андрей плакал...

Глава третья ОДИН

Андрей шел один. Теперь он не смеет погибнуть, он обязан выжить!

Позади оставался неровный след – тонкая пунктирная дорожка, теряющаяся среди снежных барханов. Худое лицо Андрея обросло бородкой, забитой сейчас снегом. Он шел, нагибаясь вперед, словно тащил сани, которых давно уже не было. Когда он останавливался, ему было трудно удержаться на ногах. Он должен был или опускаться на снег, или прислоняться к ледяным глыбам. За спиной его легко подпрыгивал сморщенный, тощий тюк.

Наконец Андрей остановился, с трудом расправил мерзлый спальный мешок. Забравшись в него, взял с собой тюк. Тщетно шарил он рукой по карманам рюкзака. Кроме

маленького холщового свертка, там ничего не было.

В эту ночь, если это в самом деле была ночь на Большой земле, Андрей не развернул заветной холстинки и уснул голодный.

Утром, проснувшись, он долго не мог пошевелить отеками членами. Усилием воли заставил себя вылезти из мешка и заняться гимнастикой. Потом, сев на мешок, тупо смотрел на холстинку.

Вдруг откуда-то издали докатился грохот. Андрей вскочил.

Один за другим раздавались артиллерийские залпы. Лязг, рев, треск сливались в дикую вакханалию звуков.

Андрей поспешно развернул холщовую тряпочку и положил в рот кусочек мяса. Торопливо сложив спальный мешок, он зашагал на юг, изредка оглядываясь назад, откуда продолжали доноситься треск, гул и взрывы.

Где-то там, за горизонтом, шли друг на друга ледяные поля, поднимались изломанными хребтами. Человек бежал от них. Новая реальная опасность прибавляла сил.

Когда Андрей перелезал через нагромождение льдин, резкий порыв ветра чуть не сорвал его вниз. Со льда взвились снежные языки, колющие снежинки проникли под свободно болтающуюся на Андрее одежду, глаза мгновенно залепило. Над головой крутилось снежное облако, кругом все было...

Андрей упрямо перелез через торосы и пошел дальше, увязая в снегу. Он продолжал еще жевать жесткий кусочек мяса.

Наконец метель остановила его. Забравшись в мешок, он ждал, пока стихнет буря. То забываясь в полусне, то просыпаясь, как от толчка, он прислушивался к завываниям. Наконец все стихло; в небе снова загорелись звезды, указывая путь.

Новый кусочек мяса помог Андрею встать.

Ритм ходьбы поглотил все ощущения. Дорога казалась удивительно легкой.

Вдруг Андрей остановился, потом сделал несколько шагов в сторону. Стоя над странным сугробом, он неожиданно ощутил во всем теле тяжелые удары пульса. Потом опустился на колени, обхватил голову руками и упал. Тело его беззвучно вздрагивало.

Перед ним были сани, сколоченные когда-то Денисом, сани, брошенные много дней назад!..

Все, все напрасно! Усилия выше человеческих, потеря друга – и все лишь для того, чтобы, блуждая по дрейфующим льдам, снова вернуться к проклятому месту!

Андрей сел, ощупывая полозья.

Но откуда железная оковка? Ведь Денис делал полозья из фанерного ящика.

Корнев вскочил. Еще раз нагнулся, потом выпрямился и вдруг неожиданно приподнялся. Бессвязные слова рвались наружу. Кажется, он что-то пел или кричал.

Продолжая свой нелепый танец, он сбросил тюк, достал секстан. Никто никогда не слышал, чтобы Андрей пел. Но сейчас он пел изо всех сил, радостно пел тут же мгновенно возникшую песню с особенными словами: «Не те... не те... другие сани... Ура... ура... другие! Нарты, нарты! Да здравствуют неизвестные нарты!»

Но кто, кто бросил здесь эти сломанные норвежские нарты? Кто и когда мог быть в этой пустыне? Андрей обошел нарты, внимательно изучая снег. Да, люди были здесь совсем недавно... может быть, только вчера. Сани еще видны из-под снега, а ведь недавно была метель.

Кровь прилила к лицу. Андрей почувствовал, что у него пылают давно отмороженные щеки.

Люди!

Но метель занесла их следы. Все равно – догнать! Догнать во что бы то ни стало!

Андрей торопливо накидывал на плечи ремни. Забыв об усталости, он почти побежал на юг. Ведь люди могли идти только туда. Остановиться на привал? Нет! Ведь идущие впереди, быть может, еще сильны... Быть может, они делают длинные переходы. Нет, он не отстанет от них.

В конце концов Андрей свалился на снег в полубморочном состоянии. Пришлось достать спальный мешок. Но спал он не больше трех часов.

– Они уходят! – вскочил он, испуганный. – Догнать! Догнать их скорей! В этом спасение!

Так прошло еще несколько дней. Андрей снова стал терять силы. Но однажды, в конце очередного перехода, его внимание привлек новый сугроб. Из-под снега торчал мех.

Зверь?

Андрей осторожно подошел к сугробу и судорожными движениями стал разгребать снег.

Человек. Вернее, труп человека...

Печально смотрел Корнев на свою новую находку. Неизвестный в удобном меховом комбинезоне лежал на спине, обратив лицо к безучастным, холодным звездам. Андрей нагнулся к нему, но тотчас отпрянул.

У человека не было лица.

Появившаяся луна осветила оскаленные зубы; глазные провалы черепа смотрели загадочно и страшно.

По-видимому, какой-то зверь обглодал лицо несчастного путника.

Андрей передернул плечами. Впервые он подумал об опасности. Ведь он был безоружен...

Андрей нагнулся к мертвецу, счищая с него снег. Что-то покатилося по льду. Пузырек с жидкостью.

Корнев открыл притертую пробку. Станный, дурманящий, сладковатый запах, удивительно знакомый, но который он никак не мог вспомнить.

«Кто же этот человек? Как попал он в пустыню? – думал Андрей, принимаясь за погребение незнакомца. – Остался ли в живых кто-нибудь из тащивших сани? По чему человек не похоронен?»

Завалив труп кусками льда, Андрей выпрямил онемевшую спину и посмотрел по сторонам.

Кровь сразу остановилась в нем, колени дрогнули. В двадцати шагах, с любопытством глядя на него, стоял белый медведь.

Так вот кому помешал он своим приходом, вот кто прервал здесь свою трапезу! Испугавшись в первый момент, он вернулся сюда, чтобы отстоять свою добычу.

Медведь, словно приняв какое-то решение, неуклюже переваливаясь, направился к безоружному человеку. Машинально Корнев опустил руку в карман, но там был только пузырек. И вдруг сверкнуло воспоминание – сладкий, дурманящий запах! Теперь он знал, что это такое.

Медведь приближался, глухо рыча. Ловким движением Андрей сбросил свой тюк и вытащил холстину; кусочки мяса рассыпались по снегу. Медведь приближался. В мгновение опорожнив пузырек, держа перед собой тряпку, человек смело пошел навстречу медведю.

Медведь оскалил пасть. Каким маленьким казался человек по сравнению с огромной белой тушей! Андрей бросился вперед. Протянув пропитанную неоэфиром тряпку, он ловко окутал ею морду медведя. Зверь сгреб человека, прижал к своей груди, пытаясь освободиться от неприятной тряпки. Это спасло Андрея: медведь не разорвал его спины когтями – он лишь придерживал жертву одной лапой, а другой пытался стащить тряпку.

Андрей напряг мышцы. На спину давила невыносимая тяжесть. В лицо лезла жесткая шерсть. Сладкий, дурманивший аромат мешался с терпким медвежьим запахом, похожим на рыбий.

«Нужно не дышать, не дышать!»

Хрустнули кости, в глазах помутилось...

Медведь покачнулся, лапа его скользнула по спине человека – затрещала распоротая когтями куртка. Стон человека слился с громким медвежьим сопением...

Андрей пришел в себя от холода, спина замерзла: видимо, снег забился в распоротую куртку. Отползти в сторону оказалось невозможным: нога была придавлена тушей медведя. Зверь лежал неподвижно. Тряпка, пропитанная неоэфиром, лежала тут же на снегу, около раскрытой пасти.

С большим трудом человек вылез из-под медведя и попытался встать. Коченеющие пальцы нащупали разодранную одежду на спине. Куртка погибла, починить ее, конечно, нельзя; рана, по-видимому, пустяковая: кровь уже запеклась.

Андрей глядел на уснувшего хищника. А что, если он проснется? Достав большой охотничий нож, он принялся добивать зверя.

С сожалением смотрел Корнев на драгоценную медвежью тушу, которую должен был бросить в снежной пустыне. Ведь это же пища!

Забрав с собой столько мяса, сколько мог унести, запаковав свой тюк, Андрей подошел к тому месту, где его застал медведь. Долго ползал он, подбирая рассыпанные по снегу кусочки старого мяса.

Холод давал себя чувствовать: сквозь разодранную куртку проникал ветер. Андрей только после долгой внутренней борьбы заставил себя сменить одежду – пришлось отрыть недавно погребенное тело.

В этот же вечер Андрей узнал вкус сырого медвежьего мяса. Сначала оно казалось

противным, особенно жир. Приходилось заставлять себя есть. После всех потрясений он уснул, вконец обессиленный, ничего не чувствуя и ни о чем не думая. Во сне он боролся с гигантским медведем, у которого вместо морды был гладкий обглоданный череп с пустыми черными глазницами...

Утром Андрей торопливо собрался в путь. Медвежатина ощущалась за плечами приятным грузом. Она давила плечи, но спина не гнулась.

Переход шел за переходом. Новые силы вливались в Андрея после пережитой им встряски. Шаг стал сильным, упругим. С удивлением вспоминал Корнев, как раньше подолгу сидел перед каждой трещиной, прежде чем решался через нее перебраться.

Однажды, стоя на вершине тороса, Андрей намечал дневной переход. И вдруг ему показалось, будто впереди движется какая-то темная точка.

«Неужели опять медведь?» Андрей хотел бежать. Потом спохватился: «Вдруг это человек? Что, если у погибшего был товарищ?» Он легко перескочил через трещину и почти бегом бросился по ледяному полю.

Да, это был человек! На снегу Андрей увидел путанные следы. Местами попадались глубокие ямы: по-видимому, человек падал.

Долго бежал Андрей, пока совсем не выбился из сил, но догнать незнакомца не смог. Ему казалось иногда, что он видит темный силуэт на дальних торосах, но он не был в этом уверен: слабый свет звезд был так обманчив.

Наконец Андрей решил остановиться на ночлег. Метели не предвиделось, и он не боялся, что снег и ветер заметут следы. Завтра, не позже, он догонит этого человека, а сейчас должен набраться сил.

Он уснул беспокойным сном, в страхе, что потеряет своего еще не обретенного спутника.

Несколько часов сна освежили его. Быстро собрался он снова в путь, на ходу дожевывая противный кусок медвежьего жира, пахнущего рыбой.

Сбивчивые следы, то пропадая, то появляясь, вели вперед. И вдруг Андрей увидел на снегу темное пятно. Он ускорил шаги, почти побежал, но, споткнувшись, упал. С трудом поднялся он – дыхание перехватило.

Перед ним был спальный мешок.

По-видимому, человек спал. Андрей осторожно сел и стал смотреть на неподвижную груду меха. Ощущение, что он теперь не одинок, наполняло его безудержной радостью. Хотелось смеяться, даже петь. Несколько раз он порывался разбудить спящего, но останавливал себя. Нет! Он должен беречь сон своего нового спутника.

Несколько часов просидел Андрей, не спуская глаз с неподвижного спального мешка. Но вот груда меха зашевелилась. Андрей стал так, чтобы человек мог видеть его.

Крик ужаса раздался в ледяной пустыне. Человек, стоявший на коленях и еще не успевший освободиться от мешка, закрыл лицо руками и повалился на спину.

– Товарищ... товарищ... не бойтесь... я такой же несчастный, как вы. Хэлло! Хау ду ю ду, сэр! Экуте ву?

Андрей испуганно тряс незнакомца, обращаясь к нему на тех языках, которые знал.

Наконец незнакомец осторожно отвел от лица руки и, заикаясь, сказал на плохом английском языке:

– Простите, сэр, мне показалось, что мертвый друг явился передо мной. Эта куртка... эта куртка...

Андрей вздохнул:

– Вы правы. Мне пришлось взять его одежду.

И Андрей рассказал незнакомцу, при каких странных обстоятельствах он встретился с его мертвым другом. Неизвестный слушал, грустно качая головой:

– Я был так слаб, что не смог похоронить его. И вместо наказания небо посылает мне вас... О сэр, жизнь не кажется мне теперь потерянной!

Андрей с любопытством рассматривал своего нового товарища. Он был еще молод. У

него было лицо с приплюснутым носом, раскосые глаза смотрели печально. По всей видимости, это был японец.

Он протянул руку Андрею, слабо пожал его пальцы и проговорил:

– Мы связаны кровью моего друга и этой пустыней.

– Мы товарищи отныне, – подтвердил Андрей.

– То-ва-ри-щи, – тихо, с трудом повторил японец.

Глава четвертая ОБРЕТЕННЫЙ ДРУГ

Ледяные поля больше не казались такими унылыми, звезды светили ярче – не было больше одиночества: рядом с Андреем размашистым, экономичным шагом шел его новый спутник.

Юко был удивительно спокойным и скромным человеком. Он не надоедал Андрею расспросами, мало рассказывал и о себе. Андрей узнал только, что он один остался в живых из экипажа самолета, посланного для подготовки американской трансполярной трассы, так рекламировавшейся в последнее время. Самолет, вылетев с Алеутских островов, совершил вынужденную посадку прямо на лед. Это стоило жизни двум членам экипажа. Двое оставшихся – Юко и его товарищ – решили идти к русской земле. Провианта у них было мало, и они очень страдали. Пришлось бросить сани, на которых Юко вез своего товарища-американца с отмороженными ногами.

– Однажды наступил момент, когда мой друг покинул спальный мешок, – тихо говорил Юко. – Я хотя удивился, но не придавал этому значения. Когда же я встал, то нашел его уже задохнувшимся. Добрый товарищ... Он не хотел быть мне обузой и воспользовался неоэфиром... Да простит мне бог, но я как безумный бежал от этого места, так и не погребя его тела... Я жестоко наказан теперь вашим рассказом. Никогда во всю мою жизнь это темное воспоминание не покинет меня!

Юко поник головой. Андрей утешал его как мог. Он ведь тоже потерял своего друга.

Рассказ Андрея о гибели подводного дока Юко выслушал без всякого интереса. Казалось, никакие события в мире не могли теперь взволновать его. При всяком удобном случае он переводил разговор на свою прекрасную Японию и мог долго-долго, с трудом подбирая слова, говорить о ней.

Один спальный мешок бросили; спали теперь вместе, согревая друг друга. У Юко оказался запас жидкого топлива, и Андрей снова узнал вкус горячего чая. Силы возвращались к нему. Японец тоже чувствовал себя бодрее: медвежатина была именно тем, чего не хватало его истощенному организму.

Юко проявил себя на редкость выносливым человеком. Андрей помнил его следы, по которым можно было судить, что он шел, изнемогая, падая, и подолгу лежал. Но теперь, когда они шли вместе, Андрей никогда не видел, чтобы Юко чем-нибудь выдал свое утомление. Он шел всегда прямо, никогда не жаловался. Это смущало Андрея: что могло вселить силы в этого измученного, так же как он сам, человека?

Только ночью, когда они лежали в спальном мешке и японец забывался, Андрей слышал его тихие стоны.

Моноotonно тянулись утомительные переходы. Глядя на своего молчаливого, стойкого спутника, Андрей тоже старался держаться бодро, но слабость с каждым переходом все больше и больше овладевала им. Ноги распухли и болели, зубы расшатались, десны стали кровоточить.

Цинга?

Юко заметил состояние товарища и стал с нежностью заботиться о нем. Он взял на свои плечи почти весь груз, несмотря на протесты Андрея. Он заставлял его идти, уверяя, что движение – лучшее средство борьбы с болезнью. И, наконец, в котомке японца оказались лимоны, самые настоящие лимоны!

Случалось, что японец переносил Андрея через трещины буквально на руках. Андрею было стыдно, он проклинал свою слабость. Он хорошо видел, что самоотверженно помогающий ему товарищ только нечеловеческим усилием воли держится на ногах. Но цинга лишила Андрея силы сопротивления. Он вынужден был принимать заботы японца.

Так продолжали они двигаться вперед. Все чаще и чаще мела поземка, переходящая в пургу. Не раз спутники по несколько суток оставались в спальном мешке, боясь высунуть голову.

В эти мучительные, тягучие часы, когда над льдами свирепствовала пурга, японец старался занять Андрея. Он рассказывал ему о Японии, рассказывал о девушке, которую любил, скромно не называя ее имени. Он читал ему японские стихи, утонченные, со своеобразным ритмом, без рифмы, полные намеков и скрытого смысла.

Юко предложил Андрею изучать японский язык. Андрей с охотой согласился. В свою очередь, Андрей стал учить нового друга русскому языку. Так, стараясь не говорить по-английски, коротали они часы вынужденного бездействия, на которое обрекала их ненастная погода, Андрей воспрянул духом. Лимоны, отдых, заботы нового друга сделали свое дело. Былая энергия вновь возвращалась к нему. Проснулись и мысли, а с ними – заботы о строительстве. «Что случилось с Арктическим мостом? Уцелела ли благодаря водонепроницаемым переборкам хоть часть туннеля? Возможно ли продолжение работ? Дошел ли поезд с людьми до земли? Что со Степаном?»

Однажды, проверяя свои запасы, путники убедились, что медвежьего мяса осталось очень немного. Запасы японца давно уже кончились. Пришлось перейти на голодный паек.

Ссылаясь на болезнь Андрея, Юко настоял, чтобы Андрей получал увеличенную порцию. Кроме того, он отдал ему всю свою порцию риса, бывшего в его котомке.

– Вы еще окажете мне услугу, когда мы придем к вашим русским зимовщикам, – говорил Юко, пытаясь убедить своего больного друга.

Но Андрей не мог принять эту жертву и был неумолим.

Тянулись бесконечные льды, торосы и трещины. Люди шли, как во сне, поддерживая друг друга.

Кроме Сурена Авакяна и Дениса, Андрей ни с кем не сходил близко. Этот же человек расположил к себе Андрея. Всей душой Корнев привязался к своему новому товарищу. Идя плечом к плечу по ледяным полям, они молчали, но даже это немое общение с новым товарищем ободряло.

Наконец провизия кончилась. Остались только кусочки мяса, которые были для Андрея священными. Андрей без колебания предложил японцу включить их в дневной паек. Узнав их происхождение, Юко долго отказывался. Но Андрей был настойчив: он не хотел, чтобы еще один человек отказывался ради него от пищи.

Когда на привале они впервые положили в рот кусочки смерзшегося мяса, Юко снял шапку и встал.

– Почтим его память, – сказал он.

У Андрея навернулись слезы на глаза. Его друг продлил жизнь не только ему, но и его новому товарищу.

После этого случая к концу второго перехода Андрей увидел на горизонте груды льдин. Это мог быть ледяной вал, какие они встречали десятки, но острое волнение почему-то охватило Андрея.

Юко был близорук, он ничего не мог рассмотреть. Андрей так ускорил шаг, что Юко едва поспевал за ним, смущенно улыбаясь.

Чем внимательнее вглядывался Андрей в нагромождение льдов, тем учащеннее билось его сердце.

– Земля! Земля! Юко, земля! – наконец закричал он и побежал.

Сил было очень мало, и Андрей скоро упал. Все тело ныло, голова кружилась. Юко был далеко позади. Андрей решил подождать его.

Наконец японец догнал товарища, и они вместе пошли к земле. По-видимому, это был

один из островов архипелага Франца-Иосифа.

Они достигли берега совсем измученные. Но на этот раз впервые за все путешествие они ночевали на земле. Собственно, земля эта мало чем отличалась от ледяных полей. Она была так же покрыта льдом и снегом, и только в редком месте можно было увидеть скалу, на которой не удержался снежный покров.

Но все-таки это земля! Теперь они близко у цели!

Ах, если бы иметь карту! Андрей был убежден, что остров Рудольфа теперь близок. Скоро они увидят друзей! Скоро они почувствуют тепло натопленного дома! Скоро, скоро они услышат голос Мира!

Несмотря на утомление, Андрей проснулся раньше Юко. Он боялся пошевелиться, чтобы не разбудить товарища. Японец спал беспокойно и бормотал бессвязные слова. Корневу послышалось чем-то знакомое имя: «Кими-тян».

Наконец Юко проснулся. Следом за Андреем он выбрался из мешка. Его лицо осунулось за время перехода. Лишенное растительности, оно казалось юным.

Они долго совещались, прежде чем избрали направление дальнейшего пути. Карту архипелага Франца Иосифа ни Андрей, ни Юко вспомнить не могли. Решили идти от острова к острову в надежде наткнуться на жилье людей или на хижину брошенной зимовки со складом продовольствия.

Тяжело было покинуть твердую землю и вновь ступить на лед. Несколько раз оглядывался Андрей на неизвестный остров. Ночевали они на льду.

Отдохнув, снова двинулись, надеясь вскоре набрести на землю.

Но остров не попадался. Оба товарища скрывали друг от друга тревогу. Сделали еще один переход, но никаких признаков земли так и не заметили. В этот привал был съеден последний кусочек мяса, завещанного Денисом.

Друзья больше не разговаривали. Все было понятно без слов.

Решили идти обратно, чтобы испробовать новое направление. Впервые Андрей заметил, что и Юко начал сдавать. Его походка стала неровной, он часто останавливался, чтобы отдышаться. Теперь Андрей пытался помочь товарищу, ободрял его.

Они были в одном переходе от острова, когда услышали в небе гул. Оба только что забрались в мешок. Несколько минут они прислушивались, вглядывались в темноту. Потом, как безумные, выскочили из мешка.

Сомнений быть не могло.

Японец дрожащими руками разворачивал свою котомку.

– Самолет! Самолет! – иступленно кричал Андрей.

Самолет шел низко надо льдом.

Вдруг раздался оглушительный выстрел. Андрей вздрогнул. В тот же миг сноп огня взвился в небо и рассыпался там искрами.

Отвыкший от света Андрей совершенно ослеп.

Снова выстрел – и снова сноп огня.

«Ракеты!» – понял Андрей.

Японец методично выпускал их одну за другой.

С самолета заметили сигналы. Пилот положил машину на крыло и стал делать круг. Юко, радостно глядя на Андрея, показал ему ракету.

– Последняя, – прошептал он.

Последняя ракета взвилась в воздух.

Самолет продолжал делать круги, вероятно выискивая место для посадки. Какое счастье! Торосов не было, всюду простиралось гладкое снежное поле. Но ведь с самолета могли этого не видеть! Света звезд было совершенно недостаточно. Юко пропитал тряпку бензином и поджег ее. Огонь замерцал, отражаясь в ближних льдинах.

Теперь было совершенно очевидно, что самолет шел на посадку.

– Вот и ваши друзья пришли за нами, – произнес Юко, пожимая Андрею руку. В его голосе было что-то вопросительное.

– Мои и ваши друзья! – воскликнул Андрей.

Самолет уже бежал по льду. Андрей и Юко бросились к нему, перепрыгивая через мелкие льдины.

Было видно, как из кабины на лед выскочили три человека. Они заметили Андрея и Юко и махали им руками. В висках у Андрея стучало, голова кружилась. Он остановился рядом с Юко.

Люди с самолета приближались. Юко сделал шаг вперед, пристально вглядываясь в подходивших. Потом в нем произошла странная перемена. Он как-то вытянулся, подобрался, пошел навстречу к идущим чеканным, военным шагом.

Улыбающийся Андрей шел следом за ним. Все с той же улыбкой наблюдал он, как этот смешной, милый Юко стал по-военному во фронт, отдал честь и что-то проговорил.

Летчик. Сказывается профессия. Не хочет ударить лицом в грязь.

Андрей подошел поближе, протягивая руки, чтобы заключить в объятия первого же человека с самолета. Вдруг он услышал сказанное по-английски слово: «Пленник». Андрей узнал голос Юко.

– Пленник, – повторил японец.

Андрей понял, что стоящие перед ним люди – англичане или американцы.

Продолжая улыбаться, Андрей слабо крикнул:

– Хэлло!

Один из спасителей приблизился к Андрею и сказал, перекладывая во рту резиновую жвачку:

– Эй вы, неизвестный! Мистер Муцикава рассказал нам про ваши штучки. Мы лихо доведем вас до электрического стула, на который вас посадит американский суд.

– Что такое, сэр? – отшатнулся Андрей. – Я не понимаю вас...

Долговязый пилот обмотал шею шарфом, развевавшимся на ветру, и сказал усмехаясь:

– Понимать здесь нечего, мистер Неизвестный! Я вот не понимаю, как это вы умудрились влезть в отправляющийся самолет на Алеутских островах. Как это мои ребята вас проглядели?

– Юко, Юко! – вскричал Андрей. – Что такое? Помогите нам договориться... Видимо, вас не так поняли...

– Вас прекрасно поняли, – прервал его грубо американец. – Господин Муцикава, служащий нашей американской трансполярной воздушной компании, сообщил нам все. Вы проникли на отправляющийся с Алеутских островов самолет с целью помешать устройству ледового аэродрома. Во льдах вы совершили диверсию, взорвав самолет и убив двух американцев и одного японца, служащих нашей компании. Храбрый мистер Муцикава вел вас для передачи русским властям как преступника.

– Вы с ума сошли! – попятился Андрей.

– Ничуть! Ну, мистер Неизвестный, отправляйтесь за мной. До электрического стула мы вас доставим в целости и сохранности.

– Ложь! – крикнул Андрей вне себя от гнева. – Юко! Юко! Идите скорее сюда! На вас клеветают!

Юко вошел в кабину самолета, даже не обернувшись. Двое американцев стали по обеим сторонам Андрея.

– Это ложь! Мой друг просто сошел с ума от счастья. Я инженер Корнев, начальник строительства Арктического моста. Мне удалось спастись.

Долговязый улыбнулся:

– Эй, вы! Не бросайте тень на хорошего парня. Нет ни одного американца в Америке, который не уважал бы русского инженера Корнева. Не присваивайте его имени... Берите его, ребята!

– Отойдите! – закричал Андрей, но не успел он и двинуться, как два дюжих американца повисли на его руках.

Андрей сделал невольную попытку освободиться, но противники были сильны. Едва ли американцы хотели его повалить – скорее всего, он упал сам, обессиленный, потрясенный. Когда ему связывали руки, он вдруг почувствовал знакомую тупую боль в позвоночнике. Его толкали, заставляли идти, но тело Андрея стало чужим, ничего не чувствующим, ноги не слушались. Тогда его грубо поволокли по снегу и бросили в кабину самолета.

Недвижный, беспомощный, лежал он на полу. Слух воспринимал лишь обрывки фраз. Заревел мотор. Кабину качнуло. Тело Андрея откатилось в угол. Самолет подпрыгивал на неровностях поля. Потом вдруг стало спокойно.

Американец и Муцикава разговаривали. Сквозь гул пропеллера до Андрея иногда долетали отдельные слова:

– Преступник!.. Электрический стул!..

Он узнал голос Юко.

Глава пятая ТАЙНА УСУДЫ

В углу выращенного своими руками садика О'Кими соорудила маленький храм.

Высокие деревья отгораживали его от внешнего мира, и через их густые ветви, казалось, не проникал даже шум города. Отделенный от остального сада крошечным прудом, этот уголок своей тишиной и прохладной тенью навевал безотчетную печаль.

О'Кими любила бывать здесь.

Она подолгу мечтала, сидя на каменных ступенях миниатюрного храма, похожего на игрушечный домик. Иногда она читала книги или писала изящные, полные таинственной грусти стихи:

Все в лунном серебре...
О, если б вновь родиться

Сосною на горе.

Но сегодня Кими-тян направилась сюда со смешанным чувством торжественности и привычного, смягченного дымкой времени горя.

Горе ее было подобно Фудзияме. Оно было так же огромно, всегда было видно, где бы ни находилась Кими-тян, и в то же время было несказанно далеко, скрытое прозрачной ширмой дождя.

Несколько лет назад похоронила О'Кими свои смутные девичьи мечты. Шуршащий лист газетной бумаги разбил ее сердце, сделал ненужным, пустым ее существование.

В тот день она не захотела жить. Она не смогла выполнить своего решения только потому, что горе слишком ослабило ее, уложило в постель. Она не хотела сопротивляться, хотела тихо угаснуть, но молодой организм оказался сильнее болезни.

Тогда она стала искать себе в жизни цель, связанную с его памятью, и вступила в Союз новой молодежи. В новых, далеких прежде интересах, в обществе незнакомых людей вновь искала она себя, вспоминая Париж и мечты юности.

Она доставляла много огорчений отцу. Родственники были возмущены деятельностью О'Кими. Но старый профессор не протестовал. Он видел, как угасала его Кими-тян, и был рад любому ветерку, который мог раздуть в ней пламя жизни. Может быть, он даже знал, что в ее маленьком сердечке помещалась огромная Фудзияма горя.

...Это случилось в январе. Зима в тот год была суровая. Погибали голодные, раздетые крестьяне. Той страшной весной явился где-то пропадавший Муцикава. Еще слабая после перенесенной болезни, она не захотела его видеть, словно он был виновен в происшедшем несчастье.

Известие о гибели Кото прошло как-то мимо О'Кими. Ее не интересовали пересуды родственников, видевших теперь только одного претендента на руку О'Кими. Но, когда о замужестве заговорили с О'Кими всерьез, она испугалась. Ей это показалось кощунством.

Непонятное упорство сбilo с толку родственников, вызвало возмущение. Но на помощь О'Кими снова пришел отец. Его финансовое положение и научная репутация настолько укрепились, что он мог позволить себе не считаться с японскими традициями и родней.

О'Кими не вышла замуж за Муцикаву. Взбешенный категорическим отказом, жених скрылся. Говорят, он уехал не то в Индонезию, не то на Филиппины, поступив на службу в иностранную авиационную компанию...

Кими-тян опустила на ступеньки. Храм ее горя был построен в утонченном японском стиле. Крохотные ворота из двух столбов с изогнутой перекладиной вели в маленькое помещение.

Дождавшись, когда тень от ближайшего дерева достигла ступенек, О'Кими приблизилась к алтарю.

Здесь, в нише, стоял полированный деревянный ящик прекрасной работы, покрытый, как решеткой, полосами красного лака и золота. Буддийские религиозные традиции были соблюдены в мелочах.

Никто из родственников О'Кими, из любопытства заглядывавших в этот храм, не мог заподозрить, что внутри этого красивого ящика не стоит в окружении золотого блеска маленький Будда в темно-синем платье, с позолоченным лицом.

Содержание ящика было совсем другим. Оно вполне могло привести в священный трепет всякого благопристойного японца.

Убедившись, что она одна, Кими-тян осторожно открыла лакированную крышку.

Там, в траурной рамке, была помещена большая фотография, вырезанная из какого-то иллюстрированного журнала. Молодой человек с худощавым, немного скуластым лицом и энергично сдвинутыми бровями шагал по мокрому от дождя тротуару. Рядом с ним шла маленькая японская девушка в европейском платье. Ее миловидное лицо было опущено, в позе ощущалась робость.

Печально смотрела О'Кими на фотографию. Как давно это было!

Всего лишь несколько минут они были вместе. Их автомобили остановились рядом перед подъездом нью-йоркского отеля, где должно было состояться учредительное собрание общества его плавающего туннеля. Они шли с ним плечом к плечу, говоря об Арктическом мосте, а кто-то из репортеров снял их. Как благодарна она неизвестному репортеру! Как много счастливых и вместе с тем горьких минут доставила О'Кими эта фотография!

Кроме фотографии, в ящике лежала красивая тетрадь-альбом в деревянном переплете, покрытая красным лаком с черными и золотыми цветами.

Стихи О'Кими... Ее несбывшиеся грезы, жившие лишь на бумаге!

Встретились с ним мы
Впервые, как осенью
Падали листья...
Снова сухие летят,
Летят на его могилу!

Стихи были написаны на первой странице. Это были те строки, которые в виде тени отбросил на землю небольшой качающийся фонарик на склоне Фудзиямы.

О'Кими опустилась на колени перед своим алтарем – алтарем наивных грез и сентиментальных мечтаний, глядя на дорогое ей лицо человека, может быть никогда и не вспоминавшего о ней.

Вдруг девушка вздрогнула. Она почувствовала, что сзади нее кто-то стоит. Не оборачиваясь, она сжалась в комочек, втянула голову в плечи.

Большая рука легла на худенькое плечо О'Кими.

– Кими-тян, моя маленькая Кими-тян! – тихо сказал старый Усуда.

Девушка быстро обернулась. Она испуганно смотрела на отца.

Усуда стоял перед ней и качал коротко остриженной головой. Он смотрел на фотографию, где Кими-тян шла рядом с русским инженером.

Они долго молчали.

Шум большого города проникал сюда приглушенным, похожим на рокот прибоя.

Медленно закрыл Усуда крышку ящика и повернулся к дочери. Она сжалась еще больше, словно ожидая удара.

Усуда сказал все тем же тихим, даже печальным голосом:

– Неужели, моя маленькая Кими-тян, это было так серьезно?

О'Кими наклонила голову:

– Да, отец.

– И поэтому ты не хочешь выйти замуж?

– Да, отец... – Кими-тян заплакала. – Я никогда, никогда не буду теперь счастливой!

Старик задумался. Его широкий львиный нос сморщился. Может быть, он хотел улыбнуться, но это больше походило на гримасу.

– Я был слеп, – сказал он и повернулся.

Уже отойдя несколько шагов, он бросил через плечо сухим, черствым голосом:

– О'Кими, этот храм – кошунство... И если бы кто-нибудь узнал... – Он передернул плечами и пошел по дорожке.

Кими-тян окаменела. Она ждала взрыва, но отец сдержался. Теперь можно было ждать самого худшего.

Бережно взяла она из ящика драгоценную фотографию, тетрадь стихов и газету – проклятую, зловещую газету, принесшую весть о его гибели...

Усуда прошел в кабинет и сказал:

– Сегодня день совпадений, а может быть, знамения. Дайте мне это письмо из Сиэтля.

– Какое письмо, Усуда-сударь? – почтительно справился секретарь.

– Письмо от моего друга, психиатра.

– Окажите благодеяние, Усуда-сударь, оно лежит у вас на столе.

Усуда заперся в кабинете.

Месяц прожила в страхе О'Кими. Отец не желал ее видеть, но и не позволял ей никуда отлучаться из дому.

...Однажды к особняку Усуды подъехала санитарная карета. О'Кими вместе с Фуса-тян видела белые халаты, носилки. К изумлению девушки, больного доставили прямо в кабинет к Усуде. Раньше профессор никогда не имел дела с такого рода больными.

Усуда стоял у дверей, наблюдая, как санитары перекладывали больного на широкий европейский диван.

– Спасибо, – сказал человек на носилках, – теперь я уже могу сидеть.

Он откинулся на спинку дивана, провел рукой по седеющей бороде и равнодушно оглядел незнакомую обстановку.

Санитары, низко кланяясь Усуде, вышли.

– Это вы – профессор? – спросил человек, сидевший на диване.

– Будем знакомы, – сказал Усуда, потирая руки и усаживаясь за стол.

Несколько минут длилось молчание.

– Мой друг, – начал тихим голосом Усуда, – вы представляете несомненный интерес для психиатра. – Он вскинул глаза на своего гостя. (Тот сидел не шевелясь.) – Передо мной, – продолжал Усуда, – лежит история вашей болезни. Не знаю, насколько вы осознаете теперь, что несколько лет назад там, в Сиэтле, только обострение вашего недуга, паралич на почве старого ранения позвоночника, и провал памяти спасли вас от электрического стула. (Пациент нахмурился.) Известны ли вам все обвинения?..

– Память полностью вернулась ко мне вместе со способностью передвигаться, профессор, – прервал Усуду незнакомец, пытаясь подняться с дивана.

– Не надо, не надо, – остановил его Усуда вставая.

Больной сел, а Усуда прошелся по комнате, внимательно вглядываясь в осунувшееся бородатое лицо незнакомца, опустившего полуседую голову.

– Вы будете у меня на излечении.

– Почему мне не дают связаться с советским консульством? – спросил больной.

– Подождите, – поднял руку Усуда. – Окажите благодеяние и поймите меня. Вы попадете в лучшее в Японии лечебное заведение, будете восстанавливать свое здоровье в чудесной горной местности вовсе не потому только, что вы представляете собой интересное медицинское явление. Меня до некоторой степени интересует та личность, за которую вы стали выдавать себя, когда память якобы вернулась к вам.

– Что вы имеете в виду? – снова нахмурился пациент.

– Я не могу связать вас с советским консульством, потому что это немедленно станет известно в американском консульстве, а больной, находившийся под специальным прокурорским надзором в Сиэтле и вдруг неизвестно как очутившийся в Японии...

– Я не просил, чтобы меня доставили сюда. Но я давно уже понял, что я пленник.

– Вы – мой пациент, но в вас я хотел бы узнать господина Корнева, с которым когда-то имел удовольствие встречаться.

Больной проницательно посмотрел на японца.

– Не вспоминаю, – сухо сказал он.

Усуда покачал головой.

– Не узнаете? – вздохнул он. – И я, к сожалению, не могу узнать вас.

Оба помолчали.

– Я могу не только вылечить вас, – снова начал тихим голосом Усуда, – но и доказать миру, что вы действительно гениальный русский инженер. Только...

– Каковы ваши условия? – насторожился больной.

Усуда улыбнулся и подошел к несгораемому шкафу.

– Именно условия, именно условия! Если вы действительно тот самый русский инженер, идея которого так несправедливо заброшена и в России и в Америке...

– Эго правда? Это действительно правда? – встрепенулся больной. – Вы действительно знаете, что идея Арктического моста оставлена?

Усуда пожал плечами:

– Конечно, мой друг... Но если вы действительно тот инженер, за которого себя выдаете, то должны явиться миру, завершив на деле свой технический проект.

Усуда достал из сейфа сверток чертежей. Его гость с настороженным вниманием следил за ним.

Усуда неторопливо развернул чертежи, краем глаза следя за посетителем.

– Вы должны явиться миру, как яркая комета, в ореоле осуществленного вами гениального проекта! – Усуда понизил голос: – Явиться в качестве создателя плавающего туннеля, но... в новом месте. И, пока возглавляемое вами строительство не будет закончено, оно останется в строгой тайне.

Андрей Корнев вскочил с дивана и, опираясь рукой о стол, подошел к Усуде.

– Вот здесь... – Усуда указал на чертежи. – Быть может, вы сочтете неуклюжими эти слабые попытки ваших коллег повторить однажды задуманное вами... Это трасса, имеющая некоторый определенный интерес...

– Кто вы? – резко спросил Андрей. – Психиатр или... или...

Усуда поднял руку.

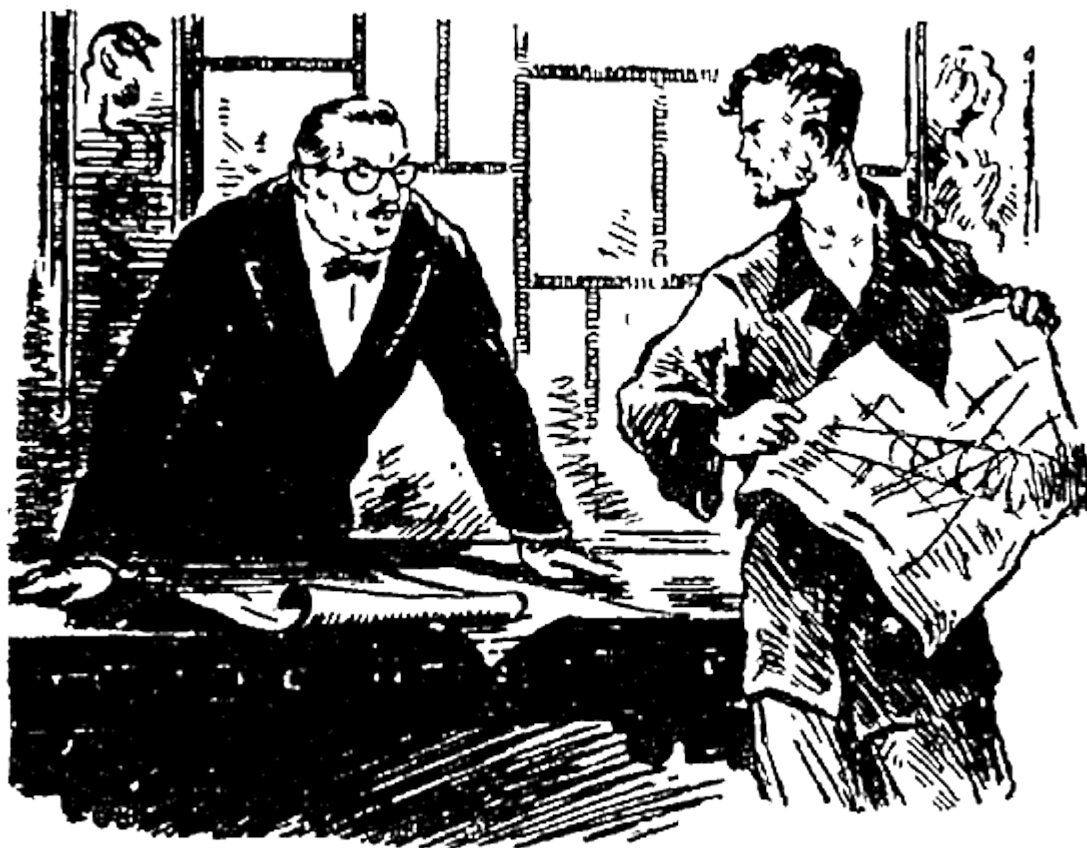
– Я обещал вам излечение, – начал он совсем другим, сухим тоном, – обещал возвращение в мир под именем, которое вы называете своим, но... но я прошу помнить, чем угрожает вам американский суд, рассматривающий вас как преступника, совершившего диверсию и три убийства.

– Чего вы хотите от меня?

– Сейчас вы дадите мне согласие руководить нашим японским строительством. Вам будут предоставлены лучшие материалы, замечательные японские руки, прекрасные японские помощники. Наши разбросанные острова нуждаются в ваших туннелях. В полной тайне, сюрпризом для всего мира, вы осуществите свой гениальный замысел. В ближайшие месяцы, руководя проектными работами, вы восстановите свое здоровье. Вам будет обеспечен замечательный уход... – Усуда остановился, – прекрасное общество... Умоляю вас, господин Корнев, соглашайтесь!

Андрей взял со стола чертежи и тщательно свернул их в трубку.

– Я знал, я знал, что вы согласитесь!

Андрей усмехнулся:

– Вы хотите, чтобы я строил для вас это сооружение тайно?

– Какой истинный инженер, извините, может отказаться от искушения осуществить свои технические планы? – уклончиво сказал Усуда.

– Господин профессор, – жестко сказал Андрей, – вы не психиатр, вы даже не психолог!

С этими словами Андрей разорвал чертежи, потом бросил клочки на стол.

– Прекрасно, – спокойно сказал Усуда. – Вы упорствуете. Тогда вам придется подчиниться моему лечебному режиму. Через две недели, проведенные вами на горном воздухе, мы встретимся вновь.

Андрей, твердо глядя в глаза Усуды, отрицательно покачал головой.

Усуда хлопнул в ладоши. Появились секретарь и санитары с носилками.

– Не надо, – махнул рукой Андрей, – я уже могу двигаться.

– С тревогой и надеждой я буду ждать улучшения вашего здоровья, – поклонился Усуда, собирая со стола обрывки бумаги.

Андрей Корнев в сопровождении санитаров вышел.

Усуда долго сидел в задумчивости, потом приказал позвать к себе дочь.

Она вошла, робкая, и прижалась к притолоке двери, Усуда поднял на нее тяжелый взгляд:

– Дашь ли ты согласие выйти замуж?

О'Кими покачала головой:

– Нет.

– Дашь ли ты согласие выйти замуж? – поднялся Усуда.

– Нет.

Усуда вышел из-за стола и остановился перед дочерью.

– Тогда, – продолжал он, отчеканивая слова, – ты отправишься в наш горный домик и будешь жить там до тех пор, пока... – Усуда отвернулся, – пока не дашь согласия выйти замуж, – добавил он тихо.

– Нет, я не поеду.

Усуда ударил кулаком по столу. Никогда не видела девушка отца в таком гневе.

– Ты поедешь туда как моя дочь, или...

Девушка опрометью бросилась из кабинета. Фуса-тян, подслушивавшая у дверей, едва успела отскочить в сторону. Беззвучно рыдая, Кими-тян упала ей на грудь.

Глава шестая ПРОЩАЙ, О'КИМИ!

По узенькой извилистой тропинке, опираясь на бамбуковую палку, в гору поднимался человек. Голову он задумчиво опустил на грудь. Ветер шевелил его мягкие, тронутые сединой волосы. Он часто останавливался, отдыхая. Восхождение и утомляло и бодрило его.

Забравшись на поросшие мхом камни, он остановился близ узловатой низенькой сосны. Внизу синела вода озера, а в ней зеленели опрокинутые лесистые склоны. Одинокая лодочка заснула вдали от берега. Широкая соломенная шляпа рыбака походила на зонтик. В небе и в озере, меняя очертания, плыли полупрозрачные облака.

Вот уже четыре дня, как человек всей грудью дышал горным воздухом, но все еще по-прежнему слегка кружилась голова, было непривычно легко и вместе с тем безотчетно грустно.

Путник опустился на камень, подпер подбородок ладонью. Так, устремив перед собой взор, долго сидел он, пытаясь разобраться в происшедшем.

Значит, все погибло. Идея Арктического моста заброшена, никто не станет больше рисковать... А он? Он лишь неудачливый фантазер, сумевший вовлечь в грандиозную авантюру целые страны.

Туннель, туннель... Техническая греза – и суровая действительность... Сколько надежд, бессонных ночей, иступленного труда!.. Сколько жизней ушло под лед вместе с туннелем! Сурен, Денис... Да и он сам... Разве он живой человек?

Аня, Аня... Девушка с косами. Когда она появилась? Вместе с идеей моста... И тот же мост отнял ее. Нет Ани, нет друзей, нет и самого моста!..

Вот оно, настоящее одиночество. Он сидит один меж гор; вокруг дурманивший аромат цветов. Наверное, это и есть знаменитые японские вишни. Вверху – чистое японское небо, удивительно прозрачное и далекое. Ниже по тропинке – предоставленный ему домик: восхитительная игрушка из деревянных раздвигающихся рам с натянутой на них бумагой, наполненный циновками, ширмами и изящными безделушками. Чья-то нежная рука со вкусом расставляла их. Зачем ему все это?

Свобода!.. Свобода!.. Он может идти куда захочет, может делать все, что пожелает, в пределах нестрогого санаторного режима. Он свободен. Видимость это или действительность? Потерявший память паралитик, признанный судебной экспертизой невменяемым, вдруг снова провозглашается человеком. Ему дают вкусить прелесть свободы, его лечат, окружают вниманием, наконец ему предлагают техническое поприще, играют на его инженерном самолюбии...

Неужели его болезненное творческое самолюбие, отнявшее у него Аню, – неужели оно до такой степени стало притчей во языцех, что известно даже в Японии?

Андрей поморщился и встал. Медленными шагами человека, которому некуда спешить, стал он спускаться к своему домику. Крыша с загнутыми краями была едва видна, полускрытая зеленью.

Услышав журчание ручейка, Андрей свернул с дорожки. Вода весело прыгала с камешка на камешек. Она была прозрачна и, вероятно, холодна. В одном месте она разливалась тихой заводью.

Седина... борода... Когда они появились? В больнице не разрешали бриться... Уронив палку и опершись о дерево, долго смотрел он на свое изображение.

Усталыми шагами подходил Андрей к своему домику. Слуга-японец ушел с утра,

сказав, что ему надо купить в деревне продуктов. В домике никого не должно быть. Странно, почему открыта дверь? Корнев отлично помнил, что, закрыл ее уходя.

Андрей с улыбкой снимал у порога ботинки. Ведь в японский домик нельзя войти, не сняв обуви. Кто же у него в гостях? Может быть, предприимчивый строитель и психиатр подослал к нему шпиона? Ну что ж, этого следовало ожидать.

Фусума – раздвижная стенка, отгораживавшая первую комнату от второй, была отодвинута. Раскладывая какие-то безделушки, на циновке сидела маленькая японка.

При виде Андрея она широко открыла глаза, вскочила и попятилась.

– Здравствуйте! Чем обязан я счастью видеть вас? – с трудом подбирал Андрей выученные когда-то в спальном мешке японские слова.

Японка молчала. Андрей заметил, что она дрожит.

– Вам холодно? Позвольте закрыть дверь.

– Да-да... мне холодно! Спасибо, закройте дверь. Еще раз спасибо, – пролепетала девушка по-английски.

– Мне показалось, что я испугал вас, леди, – перешел Андрей на английский язык.

– Простите меня, сэр, – сказала японка, видимо овладев собой. – Какое поразительное сходство!.. Если бы не борода... Но это совсем не относится к делу. Я ведь прислана сюда, чтобы помочь вам скорее выздороветь.

– «Прислана сюда...» – усмехнулся Андрей, садясь на кушетку, поставленную в этом японском домике, вероятно, специально для него, большого, грубого, неуклюжего.

– Здесь все так неустроенно... Вам, наверное, было неудобно? Но я теперь обо всем, обо всем позабочусь! Как вам нравится это озеро? Вы любите удить рыбу? Я очень люблю сидеть с удочкой, но мне всегда жалко рыбок: я их отпускаю...

Андрею было неловко, он не знал, как реагировать на это щебетание. Но больше всего смущал Андрея серьезный, пристальный взгляд красивых миндалевидных глаз.

– Меня зовут О'Кими. Отец зовет меня Кими-тян. Вы американец? По-английски это звучит странно, не правда ли?

– Нет, леди, я не американец. Я русский.

Андрею показалось, что японка вздрогнула. Он даже посмотрел, не открылась ли опять дверь.

– Как жаль, что я не умею говорить по-русски! Вы давно не были в России? Ах, я знаю по себе, как приятно возвращаться на родину, особенно если вас ждут! В каком городе ждут вас, мистер... мистер...

– Корнев, Андрей Корнев... Но я думаю, что меня никто нигде не ждет.

Андрей оперся локтями о колени и опустил голову. Он задумался и не видел выражения лица Кими-тян.

– Я слышала, вы были ранены. Это правда? Я умею делать перевязки. Вы помните, кто перевязывал вам руку?

– Мне? Руку? Я ведь был ранен в позвоночник.

Кими-тян порывисто обернулась и несколько мгновений стояла спиной к Андрею. Потом подошла к скрытому в стене шкафу.

– Я сейчас приготовлю вам чай, мистер Корнев. Русские ведь любят чай. Правда, что у вас есть такие смешные чайные машины?

Андрей вздрогнул от звука бьющейся посуды. Кими-тян беспомощно стояла у шкафа. У ее ног валялся поднос и разбившиеся чашечки.

Андрею почему-то стало жаль маленькую японку, против которой он старался себя настроить.

Когда они вместе собирали разбившийся фарфор, девушка вдруг спросила его:

– А это правда, что русские плохо запоминают лица?

– Почему? – искренне удивился Андрей, подумав, что все японские лица ему кажутся похожими.

Девушка отвернулась и ничего не ответила...

О'Кими поселилась в другой половине домика, имевшей отдельный вход, но заполнила весь дом яркими кимоно, ширмами, безделушками, статуэтками, парчой, шелками. Андрей был положительно огулушен этим обилием красок и движения, которые внесла с собой О'Кими.

Вечером он нашел на своем столе дорогие папиросы, сигары, коробку шоколадных конфет, американскую жевательную резину, бутылки с японским сакэ, американским виски, коньяком, ромом – словом все, что в представлении маленькой японки было нужно незнакомому мужчине иностранцу.

– А я ведь не пью и не курю, – смущенно сказал Андрей О'Кими, прибежавшей посмотреть на впечатление, произведенное столиком.

Кими-тян искренне огорчилась:

– А конфеты?

Андрей взял из коробки самую большую конфету и увидел, как засияло личико девушки.

Утром О'Кими настояла на прогулке по озеру. Она не позволяла Андрею грести и приладила до смешного миниатюрный парус. Лодка незаметно скользила по поверхности. Движение ощущалось только тогда, когда О'Кими опускала в воду кончики пальцев.

– Мистер Корнев, какое у вас хорошее русское лицо! Такими были люди, мечтавшие о будущем. Скажите, почему вы так странно смотрите на воду? Мне кажется, что у вас что-то с ней связано в жизни.

– Все, ради чего стоило мне жить, ушло под воду, – сказал Андрей, поднимая глаза.

– Утонуло? – робко спросила О'Кими.

– Несколько лет назад я строил под водой замечательное сооружение, – может быть, вы даже и слышали о нем. Плавающий туннель утонул в Ледовитом океане, а сама мысль о его строительстве заброшена.

– Заброшена? – не сдержавшись, воскликнула О'Кими.

Андрей не обратил внимания на ее тон. Лицо его было равнодушным и усталым.

– Это вполне естественно. Теперь никто не станет рисковать. Вы, конечно, читали в газетах об этой аварии.

Лодка делала большой круг, приближаясь к противоположному берегу.

– Почему, скажите, почему... – вдруг с неожиданным жаром в голосе спросила Андрея девушка, – скажите, почему вы думаете только о том, что погибло, и не хотите даже смотреть на то, что окружает вас? Эти горы, вода, небо... Эти леса, цветы... Разве вы не хотели бы жить среди всего этого? – Обида, почти горечь звучала в ее голосе.

Андрей устало огляделся:

– Жить среди всего этого? Если вас прислали для того, чтобы заставить меня согласиться...

– Согласиться? На что?

Андрей бросил руль и подпер подбородок руками. Он глядел в упор на Кими-тян:

– К чему притворство, мисс О’Кими? Умный профессор, желающий заполучить для японского стратегического строительства нужного инженера, прислал вас сюда, чтобы продемонстрировать мне все прелести жизни. Но напрасно, мисс О’Кими... Никакое проявление жизни уже не действует на меня.

Кими-тян ничего не ответила Андрею. Она отвернулась и, перегнувшись через борт, брызнула себе в лицо водой. Почему-то Андрею показалось, что он видел брызги на ее щеках раньше, чем она коснулась воды рукой.

– Мистер Корнев... я не знала вашего имени, когда мой отец, желавший, чтобы вы остались надолго среди японских вишен, послал меня сюда. Это он сказал вам, что Арктический мост не строится?

Андрей удивленно посмотрел на девушку. «Она знает даже это русское название строительства?»

– Мне кажется, что я понимаю его, – задумчиво сказала она. – Я догадываюсь, о ком он заботился...

О’Кими повернула парус. Лодка поплыла быстрее. Крепко натягивая рукой веревку, японка сказала:

– Мне неизвестно, мистер Корнев, как вы попали сюда и где были эти годы. Вы подозреваете меня в соучастии с кем-то, кого вы считаете, может быть, врагами... – Она помолчала. – Скажите, а что, если бы строительство вашего Арктического моста продолжалось, если бы оно сейчас...

Странная, почти невозможная перемена произошла в Андрее Корневе. Он вскочил, едва не перевернув утлую лодочку. Его бледное лицо покрылось яркими пятнами.

Он сделал шаг в качающейся лодочке и схватил О’Кими за руку.

– Говорите, говорите же! – крикнул он.

Он смотрел не на О'Кими, а мимо нее. Может быть, он видел перед собой свой любимый Арктический мост, своих друзей по работе, слышал гул центрального сборочного зала, гудок электровоза...

Но перед ним сидела чужая, испуганная этим превращением девушка.

– Ах, если бы вы были правы! – сквозь сжатые зубы проговорил Андрей и снова поник.

Машинально он не отпускал руки О'Кими, а она боялась пошевелиться. Лодочка с брошенным парусом и рулем кружилась на месте.

Наконец Андрей, снова став безучастным ко всему, перебрался на корму. Молча достигли они берега. А когда шли к домику, Андрей неожиданно для себя рассказал Кими-тян все, что произошло с ним с момента гибели дока: о скитаниях во льдах, о смерти Дениса. Когда он, рассказывая о смерти американца и о предательстве спутника-японца, назвал имя Муцикавы, Кими-тян опустила голову. За обедом девушка старалась быть веселой, много говорила о всяких пустяках и шутила. Андрей за что-то сердился на себя, но не мог осознать, за что.

На следующий день О'Кими была непривычно задумчива и молчалива. Днем она попросила Андрея пойти с ней в горы.

Когда они поднялись на заросшие мхом камни у японской сосны, О'Кими достала из широкого рукава кимоно красивую тетрадь в лакированном деревянном переплете.

– Мистер Корнев, вы любите стихи? – спросила она.

– Стихи? – Андрей задумался.

Любит ли он стихи? Когда-то он сам писал стихи...

Кими-тян села на камень и положила тетрадь на колени. Андрей протянул руку и взял тетрадь. О'Кими сделала порывистое движение, словно хотела взять тетрадь обратно. Андрей задумчиво перелистывал плотные голубые листы. На последнем стихотворении он остановился. Рядом с красиво выведенными иероглифами был старательно написан английский перевод:

В чем счастье любви?
В обладанье?
Нет, счастье любви –
Это горечь желанья,
Желания счастья ему...

Андрей внимательно, почти удивленно посмотрел на смущенную девушку. Долго держал он в руках раскрытый альбом. Наконец О'Кими решительным движением взяла у него тетрадь.

– А теперь, – повернулась она к нему, – я должна вам сказать, что строительство Арктического моста никогда не прекращалось. Вам солгали, а я... я не боюсь сказать всю правду. Я хочу, чтобы вы считали меня своим другом.

Корнев недоверчиво смотрел на девушку.

– Да-да, Андрей! – назвала его по-русски девушка. – Ваше строительство продолжалось все эти годы. Оно уже близится к концу. И вы, гениальный его создатель, закончите его. Теперь вы верите, что я не стану уговаривать вас остаться здесь навсегда?

– Кими-тян! Кими-тян! – закричал Андрей, схватив девушку за плечи и прижимая к своей груди. – Маленькая Кими-тян!..

О'Кими чувствовала, как бешено колотится сердце в груди у русского инженера. Эти все учащающиеся удары были музыкой для нее. Она зажмурилась и боялась открыть глаза. В памяти возникли строчки:

Как верить могу я,
Что сны – только сны?..

Андрей требовал у О'Кими подробностей, он замучил ее вопросами, и девушка была в отчаянии, что не может на многое ответить ему.

Кто стоит во главе строительства? Кто ближе к Северному полюсу – русские или американцы? Сколько километров разделяет их? Где его брат Степан Корнев? Где инженер Анна Седых?

– Мистер Эндрю, на многое я не могу вам ответить. Я не могу вам даже объяснить, почему мне было больно читать в газетах что-либо об Арктическом мосте. Но не огорчайтесь... Я покину вас сегодня и привезу вам много-много газет. Хорошо?

– Скорее, скорее привезите мне эти газеты! Мне нужно все это знать сейчас же, немедленно! Вы успеете вернуться к вечеру?

Когда Андрей и Кими-тян шли вниз, Андрей перепрыгивал с камня на камень; обгоняя девушку, снова возвращался к ней; он сшибал своей бамбуковой палкой целые ветки с цветами и забрасывал ими О'Кими.

Девушка, притихшая, счастливая, не сводила с Андрея глаз.

Уходя на свою половину, Кими-тян почему-то прочла Андрею перевод японских стихов Ки-но Тосисады:

Хоть знаю я: сегодня мы простились,
А завтра я опять приду к тебе,
Но все-таки...
Как будто ночь спустилась,
Росинки слез дрожат на рукаве...

Андрей смутился, Кими-тян – тоже. Она убежала. Больше Андрей ее не видел. Она уехала.

Взволнованный, он никак не мог уснуть. Он до самого утра бродил по берегу озера и из озорства долго не отзывался на крики обеспокоенного старика японца.

Этой ночью по небу промчался метеор. На миг горы вынырнули из тьмы, небо вспыхнуло, озеро засияло... Метеора уже не было, а его сверкающий свет постепенно таял в небе... потом и он исчез...

Андрей подумал, что вот так же метеорами проходили через его жизнь люди... Теперь – О'Кими, раньше Сурен, Денис. Аня...

Весь следующий день Андрей составлял планы своего возвращения. На тысячи ладов он представлял себе картины первой встречи с братом... быть может, с Аней... Он хмурился, плотно сжимал губы.

Андрей ждал Кими-тян, ждал с нетерпением, тревогой и радостью... Ждал и не мог дожждаться. Она была нужна ему, как воздух, как солнце, как сама жизнь...

Может быть, это было больше, чем просто благодарность?..

Старик японец, видя его состояние и слыша непрерывные вопросы о том, когда вернется госпожа, довольно ухмылялся и всячески расписывал свою изумительную, нежную, умную и добрую хозяйку.

Автомобиль не мог подъехать к самому домику. Ему приходилось останавливаться на дороге значительно ниже; оттуда Кими-тян должна была прийти пешком.

Андрей несколько раз ходил встречать ее. Он сидел в густом кустарнике под палящим солнцем и уносился мечтами к Северному полюсу...

Наконец он увидел О'Кими. Сердце у него заколотилось.

Девушка торопливо шла по дорожке; лицо ее было озабоченно. Шофер тащил чемодан.

Андрея удивило выражение лица Кими-тян. Но, лишь он вышел навстречу, Кими-тян сразу стала другой. Она улыбнулась, подбежала к нему и протянула пачку газет.

Он сел тут же на камень и стал жадно читать, а она стояла над ним и не спускала глаз с низко склоненной поседевшей головы...

Вечером они долго бродили по берегу озера. Руки их часто соприкасались, а один раз

пальцы О'Кими остались в большой и жаркой ладони Андрея. Этот жар от пальцев передавался всему телу девушки. Едва сдерживая дрожь, она слушала Андрея, строившего планы возвращения...

Расстались они при лунном свете, превращающем озеро в призрачную долину, устланную серебряным ковром из шевелящихся чешуек.

Утром, открыв дверь своей половины, Андрей был страшно удивлен, увидев сидящую на ступеньках О'Кими. В руках она держала револьвер. Смущенная девушка вскочила и пролепетала что-то бессвязное относительно дурных снов.

Как ни умела владеть собой О'Кими, Андрей все же заметил, что в течение всего утра девушка была особенно взволнованна. Она часто смотрела на часы, неожиданно вздрагивала, оглядывалась по сторонам, не давала Андрею далеко удаляться от домика.

В половине двенадцатого, заставив Андрея поест в неурочный час, она предложила пойти на ближайшую вершину. Андрей не мог ни в чем отказать О'Кими – ведь она пробудила его к жизни. И она уже много значила для него...

При подъеме Кими-тян очень торопила уставшего Андрея и все время оглядывалась по сторонам.

– Вот здесь мы отдохнем, – сказала она наконец.

Они сели.

– Теперь мы простимся, Андрей, – вдруг сказала О'Кими, назвав Корнева по-русски.

– Почему простимся?

– Я все объясню вам. В Японии у вас не только друзья. Когда я была в городе, то узнала, что Муцикава выследил вас. Извещенный о вашем исчезновении из Сиэтля, он, вероятно, испугался разоблачений и решил убрать вас. – Девушка прижалась к плечу Андрея. – Весь этот район окружен наемными людьми Муцикавы. Они хотят затравить вас, как зверя, но это им не удастся!

– Я сейчас же отправлюсь в советское консульство.

– Это невозможно: вас убьют. Надо бежать тайно. Смотрите, смотрите, Андрей! Вы видите эту темную фигуру на скале? Это друг, человек из нашего Союза молодежи. Идите, идите к нему! Друзья помогут вам выбраться отсюда и посадят сегодня же на пароход.

– Мне... идти... уже? – растерянно сказал Андрей, нерешительно поднимаясь.

Сунув в карман револьвер, который подала ему девушка, Андрей повернулся к Кими-тян. Всем существом потянулась она к нему. Он взял ее за плечи.

– Прощай, О'Кими, сайонара! – сказал он по-японски.

– Вы не забудете меня так же, как в первый раз? – подняла голову Кими-тян.

– Как в первый раз? – удивился Андрей.

– Там... в Америке...

– В Америке? Так это были вы?

– Идите, идите, – легко толкнула Андрея О'Кими.

– Прощай, О'Кими! Прощай, мой метеор!.. – задумчиво произнес он, быстро притянул ее к себе, поцеловал и почувствовал, что слезы застилают ему глаза.

Резко повернувшись, он зашагал к черному утесу.

Кими-тян стояла, боясь шелохнуться. Она все еще ощущала его подле себя, еще слышала его голос: «Сайонара, сайонара, прощай, прощай!..»

Наконец ветви заслонили его худощавую фигуру. Тогда Кими-тян опустилась на землю и заплакала. Она плакала долго и громко, как плачут дети. Но это были слезы женщины.

Вдруг она спохватилась. Ведь она может еще раз увидеть его силуэт! Кими-тян побежала по тропинке, отошла от нее в сторону, забралась на камень – и ужаснулась: из-под самых ее ног в пропасть уходил скалистый обрыв.

Это было так неожиданно, что Кими-тян в первое мгновение зажмурилась. А когда она открыла глаза, то увидела фигуру Андрея. Он поднимался на черный утес. Еще немного – и он будет на скале.

Наконец-то! На черном утесе уже стояли две фигуры...

– Так вот где застал я вас, О’Кими!

Кими-тян непринужденно улыбнулась.

– Ах, это вы, Муцикава? – скучающим тоном сказала она.

– Да, это я, извините. Не ждали?

– Напротив, я уже беспокоилась за вас, – язвительно произнесла О’Кими. Она стала против Муцикавы так, чтобы, глядя на нее, он не видел черного утеса с двумя почему-то не уходящими фигурами.

– Где ваш спутник? Говорите живее! – еле сдерживая себя, процедил Муцикава. – Он представляет собой, извините, величайшую опасность для спокойствия ряда стран.

– Для вашего спокойствия, Муцикава-сан... Вы хотели бы, чтобы господин Корнев был так же молчалив, как и тот, другой ваш спутник, задушенный вами неоэфиром?

– А я вижу, вы успели вдоволь наговориться с моим названным братом!

– Да, которого вы подло предали и оклеветали. Но вам теперь не избежать разоблачения!

Муцикава сгорбился и сделал шаг по направлению к О’Кими. Девушка невольно отступила.

– Где русский?

– Его нет, он уже далеко.

Муцикава сделал еще шаг к О’Кими. Она опять отступила. Черный утес был за спиной Кими-тян, но она знала, что на нем теперь никого нет.

– Где Корнев? – закричал Муцикава.

– Он ушел, ушел строить Арктический мост, – улыбнулась О’Кими, глядя поверх головы Муцикавы.

– Ушел? Ты помогла ему бежать! – медленно произнес японец, нагнув голову.

– Да, помогла! И счастлива, потому что люблю его. А вас ненавижу!

Муцикава на мгновение поднял лицо и взглянул на О’Кими. Она широко открыла глаза и отшатнулась. Тогда Муцикава протянул руку и шагнул к девушке. Она тихо вскрикнула...

Часть шестая ДВЕ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Глава первая ЗАГАДОЧНЫЙ ЯЩИК

В последние годы тесно стало в этом недавно еще не существовавшем порту. Корабли вынуждены были отшвартовываться у железных эстакад, срочно построенных перпендикулярно набережной. Катера и буксиры едва не сталкивались в просторной когда-то бухте. Грохотали краны, закрывая небо своими переплетами, ажурными мостами, высокими башнями... В воде плавали радужные масляные пятна, доски от ящиков, щепки... Через перегруженный порт, будто через узкую горловину бутылки, с трудом пробивался бурный, kloкочущий, растущий с каждым месяцем поток разнообразных грузов, идущих со всех концов земного шара.

Недавно здесь было пустынно, корабли не бороздили в этом направлении океанские воды. А теперь сколько флагов развевается в бухте, сколько разноязычной романтики в одних только названиях: «Венесуэла» – Стокгольм, «Кумази-пальм» – Ливерпуль, «Вильдрехт» – Роттердам, «Тоledo» – Дублин, «Крошка Тулли» – Бремен. «Либерия» – Монровия, «Ошен сейлор» («Океанский моряк») – Нью-Йорк, «Парижская коммуна» – Гавр, «Франклин-Делано Рузвельт» – Сан-Франциско, «Юконский ворон» – Сиэтль...

А многим кораблям не нашлось места для разгрузки. Им приходилось ждать до вечера на рейде.

Ожидал своей очереди и японский пароход «Эдзима-мару». Рядом на рейде стоял «американец» с двумя чопорными трубами и наклоненной назад мачтой. Его силуэт постепенно сливался с морем. Солнце уже скрылось за холмами, но тени, еще прозрачные,

лишь чуть прикрыли землю. Сквозь них можно было различить маяк на конце мола и даже вереницу судов, направляющихся в бухту.

С той стороны, где скрылось солнце, поднималось зарево. Но это была не вечерняя заря. Сетка ослепительных полос сплеталась над землей в плотную и яркую ткань из электрического света. Набережная выступала над черной водой, словно залитая светом театральная рампа.

Вдоль блестящей воды по набережной двигались два огромных башенных крана, похожих на осадные машины древности. На их стрелах подвешены беспомощно висящие электровозы.

Шум то нарастал, превращаясь в неистовый грохот, то затихал. Тогда по воде доносились человеческие голоса, звякали сцепки вагонов, слышались сигналы автомобилей. Потом все это тонуло в басовых нотах разворачивавшегося парохода...

Молодой японец-матрос стоял у борта, восторженно вглядываясь в волшебное зарево на русском берегу. На палубе было тихо – матрос был один; команда отдыхала перед предстоящей разгрузкой.

Да, в русских портах работают неистово! В бухту этого нового порта на востоке приходит уж слишком много пароходов. Моряк покачал головой и оглянулся на груды ящиков, уже вытащенных из трюма и подготовленных для разгрузки.

Медленно побрел матрос по палубе. Когда он перешел на корму, на него из открытого моря взглянула ночь. За спиной что-то рокотало, похожее на яростный береговой прибой, но впереди было тихо. Одинокий силуэт корабля едва рисовался на темном небе; единственный фонарик на мачте сливался с загоревшимися звездами.

Молодому моряку стало как-то легче от этой тишины. Он оперся о поручни и задумался.

...Отражение мачтового огня раскачивалось в такт прибою. Мерно качалась лодка, в которой он плыл. Поплавок безмятежно лежал на гладкой, как чистое небо, воде. Под ним иногда проплывали облака, но поплавок лежал все такой же спокойный, безмятежный. Вдруг поплавок дрогнул, а из-под воды раздался стон. Это было до такой степени неожиданно и страшно, что рыболов судорожно дернул удочку. Поплавок прыгнул, и стон раздался явственней. Матрос похолодел, нагнулся, прижался к борту. Стон стал еще явственней, еще страшнее...

Вздвогнув, он открыл глаза. Грудь его была прижата к поручням, руки вцепились в холодное железо. Дышать было трудно.

Матрос облегченно выпрямился. Какой странный сон!..

Ой! Что это?

Молодой моряк боязливо обернулся. Может быть, он все еще спит? Стон явственно слышался у него за спиной.

На фоне электрического зарева «Эдзима-мару» казался темной горой. Груда ящиков поднималась скалистым утесом. Поспешно матрос прошел на другой конец корабля. Снова его охватила беспричинная радость. Вон веселая, бьющая жизнью русская набережная. Снова движутся башенные краны, звенят цепи, свистят тепловозы. Скоро, по-видимому, начнется разгрузка. Скоро дойдет очередь и до «Эдзима-мару».

Здесь все обыкновенно, понятно, просто. Но что было там, на корме?

Долго стоял молодой моряк, вглядываясь в светлые полосы, там и здесь прорезавшие черные воды бухты. Мучительно тянуло туда, на корму. Что это было? Сон?

Борясь со страхом, медленно пошел он по палубе, останавливаясь через каждые несколько шагов. Но вот он на корме. Сердце болезненно сжимается. Что это за странная тень у борта? А! Это тот пассажир, который сел одним из последних в Японии.

Матрос остановился в нескольких шагах. И вдруг совершенно явственно до него донесся стон.

– Вы слышали? – шепотом спросил он соседа.

– Убирайся отсюда! – прошипел молодой пассажир, опуская руку в карман.

К диспетчеру порта, несмотря на запрещение, вошла энергичная женщина в синем костюме и синем берете. Гордо посаженная голова, красивое лицо с прямыми, почти сведенными бровями сразу запоминались.

– Почему в двадцать шестой док вводят японский пароход «Эдзима-мару», а не американский транспорт «Миннесота»?

– Позвольте, товарищ, у себя в порту мы хозяева.

– А я заказала специальный экспресс, который пойдет по особому расписанию. Он должен доставить детали, привезенные на «Миннесоте». Вы должны это знать и не задерживать разгрузку американского транспорта!

– Специальный экспресс? – поднял диспетчер глаза на непрошеную гостью. – Куда это вы боитесь опоздать? Все грузы срочные.

Женщина выпрямилась и в упор посмотрела на диспетчера.

– В нашем строительстве опоздание на один день равносильно опозданию на один лунный месяц.

– На месяц? Почему на лунный? – ворчал диспетчер, нажимая какие-то сигнальные кнопки. – Что вы, с Луной, что ли, связаны?

– Может быть, и с Луной! – сказала женщина, нетерпеливо постукивая пальцами по барьеру.

– Сейчас, сейчас войдет ваша «Миннесота» в док номер двадцать семь! На один рольганг с «Эдзима-мару» разгружаться будет, – примиряюще сказал диспетчер, с любопытством глядя на красивое лицо незнакомки. – Курите? – Он протянул ей портсигар.

– Нет, благодарю.

– Вы откуда? С какого строительства?

– Из Москвы. Моя фамилия Седых. – И женщина, улыбнувшись оторопелому диспетчеру, вышла.

– Вот тебе на! Анна Седых! – воскликнул диспетчер, нечаянно включив передачу «всем, всем, всем».

И сразу же посыпались запросы, что за пароход «Анна Седых» и в какой док его принимать.

Вконец смутившийся диспетчер выключил все репродукторы и с минуту сидел, восторженно глядя на дверь...

Анна Ивановна Седых в сопровождении своего секретаря направилась к доку № 27.

При ослепительном свете прожекторов было видно, как входил в док американский транспорт и как он плотно пришвартовывался к обреза рольганга. По другую сторону разгрузочного конвейера уже стоял японский пароход «Эдзима-мару». По рольгангу один за другим ползли, как живые, длинные деревянные ящики с японскими и русскими надписями.

– Здесь наши грузовики? Вы проверили? – спросила Аня.

– Проверил. Стоят под перегрузочным краном.

– Смотрите, чтобы не получилось, как в прошлый раз, когда мы потеряли двадцать пять минут!

– Все в порядке, Анна Ивановна, – уверил секретарь. – На «Миннесоте» наши ящики уже выгружены на палубу и будут спущены на рольганг первыми. Петров и Шорин на транспорте.

– Хорошо, – коротко ответила Аня.

Стрела крана с первым ящиком с «Миннесоты» повисла над грохочущим рольгангом. Японские ящики один за другим ползли по направлению к пакгаузам.

Вдруг раздался оглушительный звонок. Рольганг остановился. Первый ящик с американского транспорта опустился на застывшие ролики.

– Товарищ Стрельников, узнайте, в чем дело! – приказала Аня.

С трудом удалось секретарю протиснуться сквозь толпу. На роликах криво стоял большой деревянный ящик с надписью на крышке: «Осторожно, не бросать! Верх».

– Попрошу отойти, товарищи! – начинал уже сердиться лейтенант пограничной

охраны, стараясь освободить место у рольганга.

Стрельников сразу заметил, что на некоторых буквах надписи, идущей поперек ящика, высверлены какие-то отверстия.

Два пограничника с топорами поднимали крышку. Ловкими движениями они оторвали скобы; хрустнуло дерево, и крышка поднялась.

– Встаньте! – сказал лейтенант, заглядывая в ящик. Окружающие придвинулись ближе. Вытянув шею, Стрельников увидел, что в ящике неподвижно лежит человек, прячущий лицо в сгибе локтя.

– Встаньте! – приказал лейтенант. Потом повторил свое приказание по-английски и по-японски.

Человек не шевелился.

Лейтенант дал знак. Пограничники попробовали поднять неизвестного.

– Без чувств, – пробормотал один.

– Или притворяется, – добавил второй.

– Вызвать врача! – приказал лейтенант.

Стрельников стал протискиваться обратно, чтобы доложить Ане о происшествии.

– Проходчик, видать, а может быть, бежал... Знаем мы эти штучки, много лет применяются! – слышал он в толпе.

Аня поморщилась, когда Стрельников рассказал, что на рольганге, в ящике, поймали диверсанта.

– Опять задержка! – сказала она, взглянув на часы. – Скоро утро!

Наконец ящик стащили с рольганга, и ролики снова завертелись. Аня удовлетворенно провожала взглядом свой груз, идя с ним рядом. Ящики один за другим обгоняли ее.

– Аня! – вдруг услышала она голос. – Аня, милая, как я рада! Я ведь сразу, сразу тебя узнала!

– Елена Антоновна! – обрадовалась Аня.

Седая полная женщина в белом халате обнимала Аню:

– Не забыла, не забыла, значит, меня! Даром что теперь знаменитая такая.

– Я еще там, на корабле, в госпитале, говорила, что не забуду вас, – улыбнулась Аня.

Идя рядом с врачом, Аня оказалась около брезента, на котором лежал человек. Она мельком взглянула на него.

Голова человека безжизненно откинулась назад. Шея была такая тоненькая, что, казалось, ей никак не удержать головы. Закинутый вверх подбородок зарос седеющей лохматой бородой. Спутанные волосы с белыми прядями были забиты стружкой.

– Аня, милая! Я не могу... а так хотелось бы поговорить... Я должна здесь остаться.

Елена Антоновна запахнула белый халат и, приветливо кивнув на прощание Ане, поставила чемоданчик. Склонившись над неизвестным, она пощупала пульс, потом приложила ухо к груди.

– Необходимо перенести в помещение. Человек в тяжелом состоянии, – сказала она поднимаясь.

Появились носилки.

Елена Антоновна оглянулась, ища глазами свою бывшую сиделку, но Ани уже не было.

– Как жаль! – вздохнула Елена Антоновна. – Ведь так давно не виделись...

Толпа у рольганга еще долго обсуждала происшествие. Один из грузчиков рассказывал, что как и здесь, во Владивостокском порту пятнадцать лет назад также нашли в ящике человека, понесли его в приемный покой, а он по дороге соскочил с носилок и убежал. Поймали его только через два месяца.

...Лейтенант и Елена Антоновна вышли из кабинета дежурного по охране порта. Лейтенант сказал, не скрывая раздражения:

– Это или сумасшедший, или человек, пытающийся выиграть время!

– Нет-нет, подождите! – волновалась Елена Антоновна. – Мы сейчас же все узнаем. – И она выбежала на улицу.

Вскоре она вернулась опечаленная – Анна Ивановна Седых уехала на вокзал. Попытка разыскать ее на станции также не имела успеха: специальный экспресс под девизом «Лунный» ушел две минуты назад.

Лейтенант нетерпеливо расхаживал по комнате.

– Это все романтика! – сказал он раздраженно.

– Ах, нет... вовсе нет... все бы решилось сразу... – Елена Антоновна вздохнула. – Но, товарищ лейтенант, если вы позволите, то и я, может быть, сумею. Ведь я сама несколько месяцев работала под его начальством... Он должен, должен помнить один случай...

...В кабинете, в кресле, полулежал неимоверно худой, заросший человек. Глаза его были закрыты.

Елена Антоновка села против него и сказала совсем тихо:

– Андрей Григорьевич...

Человек вздрогнул и открыл глаза. Он всматривался в сидевшую перед ним полную женщину, силясь узнать ее.

– Скажите, Андрей Григорьевич... простите, что я спрашиваю вас об этом, но так надо... скажите, какой тост на всю жизнь запал вам в сердце?

Человек непонимающе смотрел на седую женщину.

Лейтенант смущенно отошел к столу: метод допроса, примененный Еленой Антоновной, был нов и непонятен. Ему было неловко за врача.

Елена Антоновна чуть побледнела.

– Андрей Григорьевич... – почти умоляюще говорила она, – тост... тост... Ах, разве можно забыть... тост...

И вдруг изможденный человек вспыхнул.

– Сурен... – прошептал он.

Невольные слезы выступили у Елены Антоновны на глазах.

– ...а второго друга, настоящего, хорошего друга, не скоро найдешь... – закончил задержанный.

Елена Антоновна плакала, стоя на коленях перед ним и сжимая его руки в своих. Лейтенант совсем растерялся...

Через час неизвестный сидел в кожаном кресле в небольшой квадратной комнате без окон, прямо перед глухой стеной.

Раздвинулась штора, за ней оказался экран, по которому побежали световые линии. Постепенно стало вырисовываться изображение другой комнаты, похожей на эту. В кресле напротив – казалось, всего лишь в нескольких шагах отсюда, – сидел высокий человек с сухим, энергичным лицом и белой коротко стриженной головой. При виде своего далекого собеседника он оперся о ручки кресла и приподнялся.

– Андрей... Корнев? Возможно ли? – проговорил он.

– Николай Николаевич! Жив я, жив... Почти все это время без памяти пролежал... В Сизтле, а потом у одного японского профессора в клинике... Бежал, спасаясь от преследования бандитов... Друзья помогли...

– Много, много у нас друзей, Андрей Григорьевич! – улыбался Николай Николаевич. – Ну, ты уж знаешь, наверное, что строительство Арктического моста заканчивается. Только что я начальника строительства сюда вызвал.

– Кого? Степана?

– Нет, начальник строительства сейчас Иван Семенович Седых. Это он у нас мост достраивает... Да вот и он... Узнаешь, Иван Семенович, Андрюшу нашего, светлорецкого выдумщика?

Высокая фигура сутулого старика заслонила экран:

– Андрюша? Живой! С бородой... Дай я тебя обниму. Не человек, а буюк – никакая глубина его не берет!

Иван Семенович подошел к самому экрану и протянул руки, засмеялся, потом вдруг отвернулся и смахнул что-то с глаз.

– Значит, строительство моста закончено? – спросил Андрей, ощущая комок в горле.

– Да, Андрюша. Сооружение почти закончено. Я понимаю, тебе бы так хотелось завершить его самому, – участливо сказал Николай Николаевич. – Но ты по праву станешь председателем приемочной комиссии. Она собирается на днях в Туннель-сити. Мы сейчас оповестим всех о твоём назначении.

– Не надо, – сказал Андрей.

– Как – не надо? – загремел Иван Семенович. – Не хочешь?

– Работать хочу, но... не хочу шума... появлюсь прямо на приемке...

– Сюрпризом? Добро! Пусть это подарком для всех строителей будет! – воскликнул Иван Семенович.

– Понимаю тебя, – мягко сказал Николай Николаевич. – Пусть будет по-твоему. Вылетай в Туннель-сити, как только почувствуешь себя в силах. О твоём назначении скажем только членам комиссии, уже находящимся на Аляске... и Герберту Кандерблю. Таким образом, ты явишься на строительство не гостем, не отставшим от дел бывшим начальником, а сразу хозяином. И пусть тебя только таким и увидят: снова действующим, требовательным и всем сердцем любящим строителей моста.

– Спасибо, – только и мог сказать Андрей и отвернулся.

Глава вторая ПОСЛЕДНИЙ ШОВ

Андрей отложил вылет в Аляску дня на три, чтобы немного отдохнуть в портовой больнице, где он пользовался всеобщим вниманием. Снова портовая больница, как и в давние времена, когда он был ранен в позвоночник. Тогда идея Арктического моста только вынашивалась. Теперь он построен...

Елена Антоновна пришла навестить своего больного.

Он лежал в шезлонге. Из беседки в саду открывался вид на море. Оно всегда казалось Андрею новым, неожиданным... На севере, под хмурыми тучами, оно было темным, у мыса бухты белело пенными гребнями, а там, в Японии, сверкало на солнце золотыми нитями, переливалось перламутровыми веерами, синело тканью кимоно...

Елена Антоновна подошла и села рядом. Андрей вздрогнул, смущенно улыбнулся и стал прятать недописанное письмо. Он хотел встать, но Елена Антоновна удержала его:

– Сидите, сидите, голубчик! Как мы себя чувствуем? Дайте-ка пульс... Выглядите молодцом! Даже румянец появился. Что ж, вы бороду так и оставите?

– Так и оставлю.

– Не узнут вас.

– Кому дорог, узнавали, – задумчиво сказал Андрей, трогая в кармане письмо.

Елена Антоновна смешалась: она вспомнила, как Аня была рядом, даже взглянула, но не узнала и... прошла!

Андрей горько усмехнулся. Елена Антоновна замахала на него руками:

– Это все борода, борода ваша несносная! Вот дам вам снотворного и сама тайком волосищи ваши срежу! И все пойдет по-старому... Ведь брат-то ваш, Степан Григорьевич, пример вам подал – женился.

– Как! Степан женат?

– А как же! На вдове Дениса Алексеевича Денисюка. Воспитывает трех его сыновей. Золотым человеком оказался.

Андрей опустил глаза. И здесь Степан заменил его, как и на стройке, воспитал завещанных Андрею хлопчиков...

– А я и не знал, – тихо сказал Андрей.

«Женился!.. – думал он. – Аня прошла мимо... прошла. Все проходят... или мелькнут метеором...»

– Румянец, румянец появился! – радовалась Елена Антоновна. – Да что это я, право!

Совсем запамятовала. Сюрприз принесла, а молчу. Посылку получайте, голубчик. Как это только адрес ваш узнали?

И Елена Антоновна вынула из объемистой сумки, которая была под стать ее полной фигуре, аккуратную, маленькую посылку.

Пораженный Андрей посмотрел на адрес:

«Авиапочтой. Россия. Строительство Арктического моста. Инженеру
Андрею Корневу».

Кто бы это мог быть? Неужели?..

На приклеенной бумажке – знакомый почерк Ивана Семеновича Седых:

«Переслать самолетом в Новый Порт, в портовую больницу А. Г. Корневу».

Елена Антоновна, заметив волнение Андрея, заторопилась и ушла.

Андрей рассматривал посылку. Почтовый штамп: «Япония»!.. Значит, это она! Успела написать раньше, чем он, милая, нежная Кими-тян!

Дрожащие руки разворачивали тонкую ткань.

Что это? Ее любимая тетрадь в деревянном лакированном переплете.

Запиской заложена знакомая страница:

В чем счастье любви?
В обладанье?
Нет, счастье любви –
Это горечь желанья,
Желания счастья ему...

Записка написана по-английски, но другим, незнакомым старческим почерком:

«Уважаемый господин! Моя госпожа приказала мне переслать Вам эту тетрадь, сама написав адрес. Я нашел тетрадь в рукаве ее кимоно на скале, где она лежала уже мертвая, разбившись при страшном падении. Ветер лет не высушит слез старого слуги, который так радовался большому счастью маленькой девочки. Извините, мой господин, невежество старика, любовно служившего Вам, и позвольте посочувствовать и Вам в горе, которое для меня так велико, что заслоняет солнце... Я сам видел, как мелькнуло в воздухе ее яркое кимоно, будто бабочка слетела с черной скалы. Под той скалой я и нашел ее, несчастный и верный слуга».

Андрей окаменел, выпрямился, застыл, негибимый, как в былые годы. Скулы резко обозначились на его побледневшем лице. Руки непроизвольно перелистывали страницы альбома, но глаза ничего не видели сквозь мутную, возникшую перед ними пелену...

Вот последняя страница:

О, этот мир, печальный мир и бранный!
И все, что видишь в нем и слышишь, – суета.
Что эта жизнь –
Дымок в небесной бездне,
Готовый каждый миг исчезнуть без следа.

Вот все, что осталось от Кими-тян, от маленького яркого метеора...

В этот же день специальным самолетом Андрей Корнев вылетел на Аляску.

Напряженным, неподвижным взглядом смотрел он вниз, на белый облачный океан с

клубящимися волнами, скрывшими от него море и землю.

Его свежей ране нужен был шов, последний шов...

– Слышите? – Старый рабочий привстал с застывшего конвейера, на котором сидел. – Слышите, ребята? – И он поднял руку.

Рабочие один за другим тоже поднялись. Вся металлическая площадка, тянувшаяся на сотни метров вдоль цилиндрического зала подводного дока, оказалась заполненной стоящими людьми. Все они молча прислушивались.

Док звенел. Все его металлические части слегка вибрировали.

– В последний перегон поехали, – сказал старик и снял шапку.

– В последний! – восторженно воскликнул Коля Смирнов, стоявший рядом. – Ура, товарищи! Ура! – И он замахал кепкой, восхищенно глядя на всех голубыми, все еще детскими глазами.

– Ну, раз мы поехали – значит, выровняли американскую часть. Две недели, поди, возились... Все канаты перетягивали.

– Еще бы! – вмешался Коля. – Ведь на целых десять километров от меридиана в сторону ушли!

– Эх, чем бы отметить такое событие? А? Сергей Иванович!

Старик сварщик, налаживавший сварку в комбайне, надел на лысую голову шапку, почесал затылок и сказал:

– А это мы сейчас сообщим. А ну, ребята, где тут диспетчерский телефон? Давай сюда трубку!

И вот по всем закоулкам подводного дока раздался голос старика сварщика.

– Я вот что, ребята, думаю, – начал попросту он. – Это я, Сергей Иванов, говорю. Скоро закончится великое строительство, большое трудовое дело к концу подходит. А в старину так полагалось: последние кирпичи самые заслуженные люди должны класть. И вот думаю я, что надо нам будет этих почетных людей по имени назвать. Так, что ли?

Со всех диспетчерских пунктов, около которых собрались рабочие: на туннельном комбайне, в насосной, в шлюзах, на атомной электростанции – отовсюду послышались радостные возгласы. Все с охотой согласилось участвовать в импровизированном митинге.

– Согласны слушать вас, Сергей Иванович, спрашивайте!

Сергей Иванович расправил усы и, держа перед собой переносный микрофон, которым обычно пользовался начальник смены центрального сборочного зала, сказал:

– Так вот, товарищи, ответьте мне: есть среди нас такой, кто с самого начала строительства моста при нем находится? Кто самый первый проект туннеля составлял, в Америку с ним ездил, неудач не пугался, от ударов не падал? Кто работал с утра до утра, ко сну не клонился, усталости не знал? Кто всегда был самый спокойный и рассудительный? Кто на себе туннель к Северному полюсу тянул и дотянул? Ответьте мне на эти вопросы, товарищи дорогие!

Толпа колыхнулась. В единый гул слились голоса:

– Корнев! Товарищ Корнев! Корнев!

– Правильно! Вот уж как есть правильно! – довольно улыбнулся Сергей Иванович. – Наш Степан Григорьевич – подлинный отец Арктического моста! А потому обращаюсь к вам, Степан Григорьевич, товарищ главный инженер и заместитель начальника строительства, – наверное, вы меня слышите, – обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой: заварите последний шов! Закончите строительство, Степан Григорьевич, как начинали его когда-то!

– Ура! – прокатилось по центральному сборочному залу и по всем репродукторам подводного дока. – Ура! Последний шов – товарищу Корневу! Ура!

...В цилиндрическом кабинете с обитыми тисненой кожей стенками сидели двое.

Старик с седыми волосами ежиком и высоко поднятыми широкими плечами пристально смотрел на своего собеседника – полного человека лет за пятьдесят, с несколько черствым лицом, казавшимся усталым из-за темных кругов под глазами. Человек сидел в

кресле, откинувшись на спинку, скрестив руки на груди.

В репродукторе слышались раскаты «ура».

– Ну, Степан, поздравляю тебя, – сказал старик Седых. – Честь великая – заварить последний шов! Рабочий класс тебя выбрал, автором Арктического моста назвал всенародно. Поздравляю! – И он протянул руку.

Степан Григорьевич даже не взглянул в сторону старика. Он продолжал сидеть, слегка раскачиваясь во вращающемся кресле. Не дождавшись протянутой руки, Иван Семенович первый пожал руку Корневу.

– И чудной ты все-таки, Степан Григорьевич! – продолжал Седых поднимаясь. Был он теперь уже не такого высокого роста, как прежде. Плечи его оказались на одном уровне с опущенной головой. – Чудной ты, я говорю. Столько лет на тебя смотрю и никак не пойму, что ты там внутри чувствуешь.

Степан Григорьевич вдруг резко повернулся вместе с креслом:

– Хочешь знать, Иван Семенович, что чувствую? Хочешь знать? Скажу тебе: всю жизнь свою я работал и молчал именно для этой минуты. – И он встал, выпрямившись во весь свой рост, потянувшись так, что хрустнули кости, улыбнулся совсем неожиданной для его сурового лица улыбкой; глаза его смотрели куда-то сквозь стенку. – Именно для этой минуты! – повторил он и с силой тряхнул кресло, на котором до этого сидел.

– Ого! – крикнул Иван Семенович. – А внутри-то у тебя, оказывается, магма расплавленная! Снаружи только подморожено...

Степан Григорьевич ничего не ответил. Он снова углубился в себя, будто и не говорил только что о своем заветном...

– И я тоже, товарищи, как и вы, считаю, – слышалось из репродуктора: – надо предпоследний шов варить нашему лучшему туннельному комбайнеру – Смирнову Николаю. Варить этот предпоследний шов он должен как бы по доверенности... по доверенности своей супруги Нины Смирновой, которая, значит, всегда его на комбайне ихнем все-таки побивала, и, не будь у них сейчас прибавления семейства, непременно бы ей этот предпоследний шов варить!

Дружный смех потряс своды подводного дока.

Колю Смирнова окружили товарищи.

– Коля, поздравляю, поздравляю! Смирнице чертов! Вот заслужил так заслужил!

– Коля! У тебя кто же, сын или дочь?

– Сын, сын! – Коля крутил свой тонкий ус.

Через окружавшую Колю толпу протиснулось несколько рабочих.

– Колька, будь другом, на, возьми!

– Что это?

– Ну, что да что... Не видишь? Электрод.

– Какой электрод?

– Мой электрод. На память хочу оставить. Мой, понимаешь? Пусть в предпоследнем шве хоть мой электрод будет.

– Товарищ Смирнов, к вам просьба! Возьмите мое синее стекло. Обязательно с ним варите! Я его потом у себя в столовой на стене повешу, внукам закажу его беречь. Возьмете?

– Николай Арсентьевич! Вот рукавицами моими прошу воспользоваться. Потом отдадите, когда предпоследний шов заварите.

Довольный, радостный, Коля покрутил ус и решил обратиться с речью к окружавшим его товарищам, которых он знал уже несколько лет по совместной работе в туннеле.

– В-в-вот... ч-ч-чт-что... – начал он вдруг и, к величайшему своему изумлению, понял, что заикается.

– Колька! Ты что это? Никак, заикой стал?

– Д-д-д-д-д... н-н-н-нет же! – попробовал возмутиться Коля, густо покраснел, махнул рукой. – Вы уж меня простите, товарищи, – вдруг выпалил он, – свой шов я на нашем туннельном комбайне заварю... А вот последний шов... устройство не позволяет, придется

вручную.

И он стал проталкиваться к боковому проходу. Увидев идущих ему навстречу руководителей строительства, Коля смутился еще больше, прижался к стене.

– Ты куда? – зарычал на него с напускной свирепостью Иван Семенович Седых. – Ты что же это, забыл, что перед последним предпоследний шов бывает? А ну-ка, марш назад! Сейчас соединение доков произойдет.

– Я... я сейчас, – пролепетал Коля. – Мне бы Нинке телеграмму послать, что шов за нее варить буду...

– А-а! – протянул понимающе Иван Семенович. – Ну беги. Хотя постой... Мальчишку-то как назвали?

– Андреем!

– Ах, Андреем...

Степан Григорьевич, который прошел вперед, резко остановился, услышав последние слова, и обернулся. Лицо его было, как всегда, спокойно.

– А второго, когда родится, Суреном назову, – добавил Коля.

– Пойдемте, Иван Семенович, мы задерживаемся, – заметил Корнев.

Седых сердито посмотрел на него и, обращаясь к Коле и стоявшим подле него рабочим, сказал.

– Эх, жаль, у меня внука не будет! Непременно бы Денисом назвал.

Через толпу рабочих Иван Семенович прошел к торцовой стенке дока. Тысячи глаз смотрели сейчас на эту последнюю преграду. Перед ней, скрестив руки на груди, стоял Степан Григорьевич Корнев.

Вдруг шум моторов изменился. Сразу смолкли все голоса. Монотонно, но по-другому звенели теперь стенки. Звук этот еще больше подчеркивал наступившую тишину.

Неожиданно люди качнулись, хватаясь друг за друга. Некоторые не удержались на ногах и со смехом повалились вперед.

– Приехали! – громким басом возвестил Седых и, подмигнув, добавил: – Встречайте американцев с гостинцами!

– У меня есть... есть для них гостинец! – воскликнул Коля, потрясая чем-то в руке.

– Путь подводного дока закончен! – торжественно произнес Степан Григорьевич Корнев, оставаясь все в той же позе – лицом к металлическому днищу дока.

И снова наступила тишина. Тысячи людей словно притаились в ожидании чего-то, что должно было произойти.

Коля шмыгнул носом и спросил:

– Что же теперь, днище отвертывать?

– Не раньше чем вышедшие под воду водолазы соединят доки снаружи! – строго сказал Степан Григорьевич.

– Опять ждать! – упавшим голосом произнес Коля.

– Не беда, подождешь, – ласково пробурчал Седых.

Откуда-то донеслись близкие удары о металл. Люди переглянулись.

– Из американского дока слышно, – заметил кто-то.

– Из американского! – обрадовался Коля и, приставив руку рупором ко рту, неистово закричал: – Америка! Здорово!

– Тише ты!

– А это я – чтобы на другом полушарии было слышно, – оправдывался Коля.

Последний час, прошедший в ожидании, был мучительным. Казалось, что в доке было невероятно жарко. Вспотевшие, усталые, но возбужденные люди жались к торцовой стенке, взбирались на законченные трубы туннеля, сидели на металлических перилах, толкались на палубах туннельного комбайна. Мостовые краны были усеяны счастливчиками – люди облепили ажурные фермы, как воробы.

Рабочие вздыхали, зевали, шептались между собой. Всем сразу захотелось есть. Из кухни прислали бутерброды – это внесло в толпу радостное оживление.

Кто-то предложил спеть. Пели нестройно, но шумно. Из озорства на противоположной площадке начали петь другую песню, но из репродуктора слышался оглушительный рев Ивана Семеновича:

– А ну, товарищи, по местам! Соединение доков закончено. Принимайтесь за последнее звено!

Закричали крановщики, требуя, чтобы люди слезли с ферм. Рабочие начали проталкиваться вперед.

К Седых и Корневу подошел тот же старый рабочий, который проводил импровизированный митинг, и протянул им два ключа:

– Иван Семенович, Степан Григорьевич, на работу просим! На почетные места, днище отвертывать.

Иван Семенович с серьезным видом поплевал себе на руки и торжественно взял ключ.

Степан Григорьевич оглядел всех, скинул пиджак, отдал его одному из рабочих, потом принял ключ и поцеловал его. По толпе пронесся шепот.

Принесли алюминиевые лестницы. Притихшая толпа следила, как Иван Семенович и Степан Григорьевич одну за другой ослабляли гайки, которыми было привернуто днище центрального зала.

Вдруг Коля закричал:

– Вода! Вода! Смотрите!

Действительно, из щели днища показалась вода. Седых и Корнев продолжали отвинчивать гайки. Вода все больше и больше проникала в док.

– Океан прорвался, – пошутил кто-то в толпе.

– Нет, – радостно пояснил Коля, – это стекает вода, что осталась в пространстве между двумя доками! От океана нас водолазы уже изолировали.

Вода хлестала множеством струй. Седых и Корнев сняли последние гайки. Потные, усталые, спустились они вниз.

– Приказываю закончить туннель! – скомандовал в микрофон Степан Григорьевич.

Подъемный кран, уже уцепившийся за днище, дернул его. Вода хлынула на дно дока, обрызгав многих с головы до ног. Радостный смех заглушил звон цепей и грохот крана. Кран стал постепенно отодвигаться в сторону. Днище развалилось на две части и поползло за ним. Перед взором толпы показалось другое такое же днище, но только мокрое, позеленевшее, с налипшими на него ракушками.

– Вот он, американский металл! – крикнул Коля.

Это днище на глазах у всех тоже дернулось и стало отваливаться внутрь второго дока. Коля не мигая смотрел перед собой. И вот, точно в зеркале, появившемся по волшебству, он увидел тот же самый зал, в котором находился сам. Как и в первый раз по приезде в туннель, он смотрел теперь словно в ствол свеженачищенного ружья.

Общий крик потряс стены и первого и второго доков.

На площадке американского дока прямо перед Седых и Степаном Григорьевичем стояли два человека. Один из них, высокий, с длинным лицом и тяжелым подбородком, был уполномоченный президента по управлению делами Концерта плавающего туннеля, возобновившего свою деятельность с помощью субсидии государства. Протянув вперед руку, инженер Герберт Кандербль сказал, обращаясь к человеку, стоявшему рядом с ним:

– Прошу вас, сэр! Право пройти туда первым принадлежит вам.

Почти седой, бородатый человек с молодым еще лицом двинулся вперед и с улыбкой перешагнул выступ, разделявший теперь две металлические площадки.

Степан Григорьевич смотрел на него, не веря своим глазам.

– Андрей! – вдруг крикнул он и с неожиданной для него порывистостью бросился в объятия брата.

Шум пронесся по толпе.

– Андрей Корнев!!!

– Андрей Григорьевич!

– Откуда?

Иван Семенович Седых стоял с довольным видом и подмигивал Коле:

– Ну как? Пришелся по вкусу мой сюрприз, а? Братья обнялись на стыке двух доков, а по обе стороны стояли точно две стены – русские и американцы.

Коля шагнул вперед. Навстречу ему вышел американский рабочий. Он протянул руку Коле и сказал:

– Сэм Дикс.

Коля поднял палец вверх:

– Подожди! Ведь ты первый американский рабочий! – Он полез в карман и вынул оттуда обкуренную старую трубку. – Вот на, бери! Это тебе подарок... Понимаешь, подарок от Сурена Авакяна.

Сэм Дикс непонимающе смотрел на трубку и вдруг расплылся в улыбке:

– О-о! Мистер Авакян! Мистер Авакян! Презент! Благодарю вас очень! Благодарю вас!

Он обернулся к американским рабочим и, показав им трубку, что-то сказал.

– Гип, гип, ура! – закричали американцы.

Степан Григорьевич держал брата за обе руки, словно не хотел никому его уступать:

– Пойдем... пойдем ко мне вниз... Нам надо поговорить... Я хочу все, все знать... У меня найдется несколько свободных минут, пока соединяют туннели. Пойдем же, Андрюша...

Андрей смотрел по сторонам, одновременно и возбужденный и смущенный. Его счастливые глаза перебегали с труб туннеля на толпу и обратно; на щеках пылали красные пятна.

– А ведь закончили! Закончили все-таки Арктический мост! – обращался он ко всем сразу.

В русском доке грянул оркестр. В ответ задребезжал джаз из американской части туннеля...

...Братья были одни в кабинете Степана Григорьевича. Степан усадил брата в свое любимое вращающееся кресло, а сам расхаживал тяжелыми шагами, слушая сбивчивый рассказ Андрея. Когда тот на мгновение замолчал, Степан подошел к нему сзади и осторожно погладил его мягкие седые волосы. Андрей с улыбкой оглянулся на него. Большой, крепкий, все такой же сильный, Степан стоял перед ним, как гранитная скала, выдержавшая все яростные удары океанских бурь.

Когда Андрей говорил об О'Кими, Степан вдруг сказал:

– Узнав о твоей гибели, Аня ушла со строительства Арктического моста. Сейчас она крупный работник, не, давно назначена директором Института реактивной техники.

– Почему ушла? – живо спросил Андрей.

– По-видимому, со строительством моста у нее было связано много потрясений.

– Она... она горевала обо мне?

Степан Григорьевич пожал плечами:

– Во всяком случае, замуж за Кандербля она не вышла.

– Замуж? За Кандербля?

– Да. Она категорически отказала ему.

– Она отказала Кандерблю?

– Да. И мне также, – невозмутимо ответил Степан.

– Тебе? Впрочем... я ведь знаю... Ты воспитываешь детей Дениса.

Дверь без стука открылась. На пороге стоял курносый, веснушчатый, торжествующий Коля Смирнов.

– Пожалуйста наверх, товарищи! Все уже готово. Туннель полностью собран.

– Собран уже? Так пойдем же скорее! – заторопился Андрей.

– Пойдемте, Андрей Григорьевич. Я свой предпоследний шов уже заварил. Комбайн отодвинул. Теперь вам последний шов варить.

– Мне? Последний шов? – переспросил Андрей.

Коля кивнул головой:

– Самое почетное дело. Вы задумали Арктический мост, Андрей Григорьевич, так сказать, всю кашу заварили, вам и последний шов заваривать. Только что на митинге там, вверху, так решили.

Андрей поднялся с места. Руки его, прижатые к груди, заметно дрожали. Он подошел к Коле и, крепко обняв его, поцеловал.

Степан, бледный, без кровинки в лице, молча стоял сзади.

Когда ничего не замечавший Андрей вышел следом за Колей в коридор, Степан поднял в воздух вертящееся кресло и со всего размаха бросил его на пол. С грохотом покатилося оно по металлическому полу и ударилось о стол.

Расставив ноги и напряженно наклонив голову, Степан тупо глядел на сломанное кресло.

И вдруг все его тяжелое, крепкое тело обмякло. Голова повисла, спина сгорбилась.

Когда он, сутулясь, едва волоча ноги, шел по центральному залу, рабочие охотно уступали ему дорогу.

Он остановился у перил и тяжело оперся на них. Прямо перед ним на трубе туннеля стоял счастливый Андрей. Он уже заварил шов на одном стволе и заваривал теперь на другом. Заметив брата, Андрей выпрямился и улыбнулся. В одной руке он держал синее стекло, в другой – электрод. Он искал взглядом глаза брата, но тот круто повернулся и, толкая рабочих, почти выбежал из зала.

Глава третья «ПОДМОСТНЫЙ КОРОЛЬ»

На конечной остановке нью-йоркского трамвая водитель, он же кондуктор, обычно куда-нибудь уходит. Двери в трамвай открыты, и пассажиры могут занимать места. Поднявшись на переднюю площадку, они проходят мимо металлической копилки, висящей около кресла вагоновожатого. В эту копилку каждый опускает никель, а копилка в ответ удовлетворенно звякает.

Если на обычной остановке входящий пассажир, считаясь с внимательным взглядом вожатого, обязательно опустит никель, то на конечной остановке, когда вожатого нет, плата за проезд целиком лежит на совести входящего...

Прозвучали два звонка. Два американца – один огромный, грузный, другой помоложе, худощавый, развязный – заняли последние места.

Трамвай качнуло. Кто-то тяжелый встал на подножку. Полный человек, прекрасно одетый, в модной мягкой шляпе, как-то странно втянув голову в плечи, прошмыгнул в вагон. При его появлении звонка не раздалось. Вероятно, он забыл опустить никель.

Двое прежде вошедших американцев переглянулись. Тот, что был помоложе, ухмыльнулся и подмигнул старику.

Трамвай наполнялся. Пришел и вожатый. Он внимательно оглядел пассажиров. Никто не внушал ему подозрений. Пневматические двери закрылись, и трамвай двинулся.

Несмотря на бесчисленные автомобили, автобусы и линии подземки, трамвай все же остался в Нью-Йорке равноправным видом транспорта, незаменимым для пассажиров победнее. От старого трамвая он отличался только отсутствием воздушных троллей и токосъемной дуги. Моторы питались током от трех рельсов, лежащих прямо на мостовой. Американцы считали выгодным применять низкое напряжение, отказавшись от загромождающей улицу воздушной сети.

В трамвае было уже много народу. Люди входили и выходили. Незнакомый элегантный джентльмен продолжал закрываться газетой, как будто боялся, что его могут узнать.

– А ведь я знаю, кто это, – заметил молодой своему грузному спутнику. Он наклонился и что-то прошептал.

Старик удивленно посмотрел на молодого, потом перевел глаза на красную со складками шею закрывшегося газетой человека.

– Не может быть! – ужаснулся он. – Подмостный король – и в трамвае!

Молодой презрительно пожал плечами:

– Если вы, отец, не верите, то давайте пересядем на его скамейку! Я думаю, что ему придется нас узнать.

– Пожалуй, – согласился старик.

Трамвай то весело бежал по улицам, то скучал на перекрестках у светофора.

Два американца пересели к загадочному джентльмену, которого один из них называл «подмостным королем».

Неизвестный, перелистывая газету, чуть приоткрыл лицо.

– Ба! Мистер Медж! Кого я вижу! – воскликнул старик.

Пассажир вздрогнул. Газета выпала из его рук. Он испуганно посмотрел на своего грузного соседа.

– Здравствуйте, здравствуйте! Как вы поживаете? – смущенно заговорил он. – Я вас узнал почти сразу, дядя Бен.

– Ха-ха! Как это вы попали в трамвай, мистер Медж?

Джемс, сидевший рядом с дядей Беном, загадочно поджав губы, ухмыльнулся.

– Понимаю, – не дождавшись ответа, качнул головой старый Бен. – Биржа тоже придавила меня – я потерял на паровозных акциях все свои сбережения.

– Кажется, на этих самых акциях мистер Медж и заработал свои миллионы. Столкнув туннель, подкопавшись под Арктический мост, он получил титул «подмостного короля».

Мистер Медж вздохнул:

– Вы, Смиты, мои старые друзья, вам я могу признаться... Я все-таки вылетел в эту проклятую арктическую трубу...

Бен сочувственно качнул головой:

– О'кэй, мистер Медж! Я недавно вторично пострадал из-за этих паровозных дел. Судоверфь, на которую мне удалось было устроиться, закрылась, и я снова без работы.

– Ах, так... – рассеянно протянул мистер Медж, по-видимому занятый своими мыслями.

– Мы с Джемсом опять живем на бобовом супе, который отпускают нам как подаяние. Я искренне завидую своей дочери Мери. Она все-таки сделала блестящую партию.

– Да? – заинтересовался Медж. – Значит, она все-таки вышла замуж за миллионера? – В глазах его блеснули огоньки.

– Нет! – рассмеялся Бен. – Она вышла замуж за своего Сэма. А он снова работает на строительстве американского плавающего туннеля.

При словах «плавающий туннель» мистер Медж болезненно поморщился.

– А у вас, мистер Медж, дела, значит, действительно плохи? – наивно спросил дядя Бен, вспоминая, как прошмыгнул мистер Медж мимо копилки.

– Нет... что вы, мистер Смит, я еще надеюсь... надеюсь... Я еще дам им бой! Вы еще услышите о Медже! Да-да!

Мистер Медж потряс скомканной газетой.

Бен и Джемс поднялись.

– Нам здесь сходить, мистер Медж. Вы едете дальше? Передайте привет вашей милой дочери.

– Очень благодарен, очень благодарен! До свидания!

Мистер Медж облегченно вздохнул. Как неприятно было встретить этих людей!

Сходя с подножки, Джемс сказал отцу:

– Я не удивлюсь, если этот «подмостный король» через неделю будет ночевать под Бруклинским мостом.

– Нехорошо смеяться над несчастьем, мой мальчик!

Джемс скривил рот.

Трамвай медленно передвигался рядом с цепью автомобилей. Движение в центре города было бы справедливее назвать стоянием.

Мистер Медж ощущал почти физическое мучение. Он не привык к такой тихой езде. Ему до боли было горько вспоминать о своем роскошном лимузине, длинном, едва не с этот трамвай. Какой это был автомобиль! И только вчера его не стало...

Не стоит об этом вспоминать. Все еще вернется. Сейчас главное – добиться поддержки на это тяжелое время. Сегодня в клубе он сделает все возможное. Можно было бы прекрасно сыграть на бирже. Он чувствовал прилив вдохновения и жажду борьбы. Ах, если бы иметь сейчас деньги, чтобы обернуться! Каких-нибудь два-три миллиона! Через неделю он вернул бы их с огромными процентами и смог бы уже продолжать дело сам.

Даст ли кто-нибудь ему эти деньги?

Мистер Медж, по своей старой привычке, стал отмечать номера обгонявших трамвай автомобилей.

Четырехзначные цифры он складывал в уме: $42+21$ – получается 63. Если сумма даст сто, то это к удаче. Хоть бы получилось сто! $38+49$, это 87. $74+32$. Уже больше! Мистер Медж увлекся этим занятием. Недаром он ехал в «Клуб суеверных» – самый модный, самый фешенебельный клуб нью-йоркских финансистов, членом которого он еще состоял. Не все пока знали о его разорении, виной которого был проклятый туннель. И, наконец, это эффектное появление погибшего инженера Корнева! В Америке все словно с ума сошли. Толпа! Слепая толпа! Она так любит все эффектное! Как хорошо можно было бы заработать, если бы знать, что появится этот Корнев! Это совпало как раз с последними днями грандиозного сражения. Мистер Медж, потеряв в неравной борьбе против окрепшего туннеля все, пытался балансировать на протянутом через Уолл-стрит канате. И он сорвался. Сорвался так, что не имел никеля, чтобы заплатить за проезд в трамвае.

$45+67$ – получается 112. Хотя бы встретила эта сумма – сто! Это было бы хорошим предзнаменованием. Но не дай бог, если сумма будет равна 98, – это к неудаче.

Мистер Медж взглянул на длинный, прижавшийся к мостовой черный кар. Он так напомнил ему его собственный автомобиль... Машинально он подсчитал сумму цифр и тотчас же отвернулся... 98! Не может быть! Он ошибся. Наверное даже ошибся! Но проверить он не желает, просто не желает. Вероятно, это было 97.

Мистер Медж повернул голову к окну только тогда, когда черный кар исчез.

Однако пора сходить. Нельзя же подъехать к клубу в трамвае! Это сразу погубило бы все его надежды.

Мистер Медж вышел из трамвая и пошел по Бродвею пешком. В воздухе над крышами домов уродливый светящийся канатоходец балансировал на протянутой линии огоньков. Через секунду он превратился в петуха, а потом в верблюда.

«Кури́те папи́росы „Кэ́мел“!», «Если вы хотите выиграть на бирже, никогда не берите денег взаймы, а обращайтесь за советами в нашу контору!», «Покупайте двухколесные автомобили!»

Огни назойливо лезли в глаза. Они вертелись, появлялись, насмехались над «подмостным королем», которому нужны были три – четыре миллиона, чтобы поправить свои дела, но у которого не было пяти центов на трамвай.

По внешнему виду мистера Меджа нельзя было догадаться, что происходит в его душе. Он шел неторопливой походкой человека, выполняющего предписание врачей. За спиной он держал палку, на которой еще только вчера был золотой набалдашник, замененный теперь пластмассовым.

А вот и «Клуб суеверных». Здесь собираются все состоятельные люди Нью-Йорка, играющие на бирже или в политику. В игре нельзя не быть суеверным.

Мистер Медж вошел в светлый вестибюль. Согласно уставу клуба, он зажмурился, смачно плюнул через левое плечо и три раза повернулся.

Открыв глаза, он увидел склоненные лысины двух знакомых швейцаров. Холод

пробежал по спине Меджа: «Ведь им надо давать на чай!»

– О нет, сам... только сам... сегодня у меня такая примета, – пробормотал он, торопливо снимая пальто и передавая его удивленным швейцарам.

Взбегая по лестнице, мистер Медж тщательно наблюдал, чтобы кто-нибудь в черном фраке не перешел ему дорогу.

И вдруг дорогу ему перешли сразу двое.

Двое в черном! Это уже к удаче.

Удача! Вдвойне удача! Ведь это же как раз те, на которых он так надеялся, те, которым он дал заработать не один миллион долларов! Мистер Медж весело улыбнулся старику с бычьим лбом и огромному толстяку с порывистыми, нервными движениями.

– Хэлло! Старина Билт! Как поживаете? Как ваши дела, друг Хиллард?

Оба миллионера – железнодорожный и стальной короли – остановились. Они смотрели мимо Меджа.

– Да, – сказал Хиллард, – я полагаю, что прокладка подводного плавающего туннеля вдоль нашего западного берега – чисто железнодорожное дело. Я одобряю вашу инициативу, мистер Билт. Будьте уверены, мои заводы безукоризненно выполняют все ваши заказы. Президент Мор может быть спокоен. Я добросовестно выполнял все задания правительства по поставкам для полярного туннеля. Готов принять их и сейчас, мистер Билт.

– Хэлло! – нисколько не смущаясь холодноватым приемом, воскликнул Медж. – Что я слышу? Опять разговор о туннеле! Теперь уже о западно-бережном? Но у меня есть предложение почище. Хотите настоящее дело? Плавающий курорт на якорях с гаванью и посадочной площадкой для самолетов. И все это на искусственной ледяной горе, чистый прохладный воздух даже на экваторе! Х-ха! Через год айсберг будет самым фешенебельным курортом мира. Бешеные прибыли! Я организую общество. Мы завтра же могли бы выпустить акции. Нас поддержат все пароходные компании. Они готовы открыть рейсы лучших своих судов из всех портов мира к «Курорту-Айсбергу»!

– Я предложил бы вам открыть новую пароходную линию в ад и с первым рейсом отправиться туда самому! Ваши аферы никому не нужны! – грубо сказал Бык-Билт.

– Когда-то я приобрел вексель на ваше имя, – злобно добавил Хиллард. – Кроме того, вы однажды надули меня с заказом канатов. Это были две единственные ошибки в моей жизни. Вы не заставите меня сделать третью!

– Вы уже делаете третью, разговаривая с этим джентльменом, – проворчал Билт.

Хиллард резко повернулся спиной к Меджу. Билт взял его под руку. Они снова стали говорить о проекте тихоокеанского туннеля вдоль западного берега, который служил бы естественным продолжением Арктического моста. Ведь эту идею поддерживает сам президент.

Стараясь сохранить спокойствие и осанку, мистер Медж прошел в следующую комнату.

В клубе существовали свои порядки и свои чрезвычайно сложные законы; надо было тонко в них разбираться. Очень легко совершить промах – ведь здесь все может быть истолковано другими как плохая примета.

Мистер Медж подошел к гадальному автомату и полез в жилетный карман. Но тут он вспомнил, что в его карманах пусто. Да и что может сказать ему гадальный аппарат!

А вот идет мистер Кент. Этот пройдоха может пригодиться. Он всегда знает, где чем пахнет.

– Хэлло! Мистер Кент!

– Хэлло, мистер Медж! Чем вы теперь заняты? Гадаете по автомобильным номерам? Кого, по-вашему, изберут нынче президентом?

– Я полагаю, что наш уважаемый туннельный президент мог бы быть избран еще на один срок. Ведь, кажется, вы принимаете в этом участие?

– О да! – самодовольно заметил мистер Кент. – Я редко ошибаюсь в выборе претендентов. Я допустил ошибку только раз: когда вы так ловко обошли меня. Вам помог

тогда туннель.

– Да, – не удержал вздоха мистер Медж, вспоминая свою блестящую карьеру.

– Попробуйте предложить услуги мистеру Элуэллу. Кажется, он снова собирается выставить свою кандидатуру. Вы ведь все-таки имеете кое-какой опыт, – покровительственно заметил мистер Кент.

Мистер Медж передернулся. Ему, знаменитому «подмостному королю», ворочавшему десятками, сотнями миллионов, предлагают стать каким-то политическим импресарио!

Кент уже исчез. Как показалось мистеру Меджу, он усмехнулся на прощание.

Непроизвольно Медж стал отыскивать в толпе мистера Элуэлла. Скоро он заметил его импозантную фигуру. Элуэлл стоял в группе развязных джентльменов и что-то говорил, отставив левую ногу и делая пластические жесты правой рукой.

Мистер Медж осторожно подошел. Улучив момент, когда Элуэлл кончил свою речь и отправился к буфету, мистер Медж догнал его:

– Хэлло, мистер Элуэлл!

Элуэлл обернулся, вопросительно глядя на Меджа. Медж откашлялся:

– Я слышал... кхм... что вам нужен политический босс?

Несколько лет назад он платил этому Элуэллу за пошленькие статейки в газетах, а теперь!..

Мистер Элуэлл гневно поднял свои густые брови.

– Сэр! – напыщенно начал он. – Вы, кажется, полагаете, что при выборе своих политических помощников я не интересуюсь репутацией претендентов на эти должности? Вы, может быть, полагаете, что, идя на жертвы ради интересов своей партии и защищая благо народа, я могу опереться этой честной рукой на руку человека, не знающего твердых принципов, могущего ради личной выгоды сменить убеждения? Вы думаете, сэр...

Мистер Элуэлл прервал свою тираду, потому что Медж повернулся и, опустив плечи, тихо побрел в другую комнату. Элуэлл опять картинно вскинул красивую бровь и направился к буфету.

«Да, кому я нужен теперь?» – горько думал мистер Медж. Какое ироническое и острое прозвище дали ему когда-то за то, что он сумел подкопаться под Арктический мост: «подмостный король»! «Подмостный»... Теперь он действительно оказался под мостом. И Арктический мост раздавил его... Завтра он пойдет ночевать под Бруклинский мост, а послезавтра утонет под мостом имени Вашингтона.

– Сэр! – позвал кто-то тихо мистера Меджа.

Медж вздрогнул. Только бы каких-нибудь два – три миллиона! Если бы нашелся человек, который мог бы помочь в эту минуту! О, как зло рассчитался бы он со всеми этими!..

Перед Меджем стоял незнакомый низенький человек с узкими глазками, приплюснутым носом и выдающимися вперед скулами.

– Да, сэр, – неопределенно отозвался мистер Медж.

– Могу я вас просить, извините, пройти со мной к тому окну, прошу прощения?

– Пожалуйста, сэр.

Медж с любопытством оглядывал незнакомого маленького человечка.

– Сэр, – начал тот тихо, – я буду говорить прямо, извините. Общие выгоды и, может быть, общая ненависть, я осмелюсь произнести это слово, объединяют нас.

Медж не мог скрыть своего изумления.

– Я пришел сюда с надеждой, со страстным желанием встретить вас.

– Ах, вот как!

– Сэр! Вам и мне, извините, необходимо, чтобы Арктический мост перестал существовать.

Медж испуганно отодвинулся от незнакомца. Что это? К нему подослали этого человека, чтобы окончательно погубить его?

– Кто вы? Что вам надо от меня?

– Я капитан Муцикава. Обстоятельства сложились так, что я был вынужден покинуть родину. Причиной тому – Арктический мост и люди, его создавшие. Вы видите, извините, что я прямодушен с вами. Я горю мщением! Помогите мне проникнуть в туннель, окажите это благодеяние – и туннеля не станет!

Мистер Медж вздрогнул. Погубить туннель? Это ужасно! Он никогда не думал об этом. Но как ловко можно было бы сыграть на бирже! Его обесцененные акции опять вскочили бы. Но пойти на преступление? Нет, никогда! Он честный человек.

Словно отвечая на мысли Меджа, Муцикава тихо сказал:

– Я не прошу вас принимать в этом участие, извините. Вы лишь поможете мне через свою дочь. Я должен в качестве ее слуги попасть на территорию Туннель-сити, а она... она, извините меня, как супруга Герберта Кандербля всегда может пожелать проехать в Туннель-сити.

– Через мою дочь? – растерянно проговорил Медж оглядываясь. – Но ведь она же развелась с Кандерблем...

– Где она теперь? – нахмурился Муцикава.

Медж смешался.

– Она... Она недавно устроилась блюстительницей приличий в одно из частных учебных заведений.

– Блюстительницей приличий... – протянул Муцикава.

– Как же быть? – потер переносицу мистер Медж.

Мимо в сопровождении Сэма Леви, бывшего служащего концерна Меджа, проходили Билт и Хиллард. Ненависть колючим холодком пробежала по телу мистера Меджа. О, как бы он хотел с ними рассчитаться! Миллионы! Миллионы снова призраками вставали перед ним... Леви, жестикулируя рукой с толстыми пальцами, произносил свое неизменное «хоп». Он не желал замечать мистера Меджа.

– Хорошо, – быстро сказал Медж, – вы отправитесь в Туннель-сити в качестве слуги миссис Амелии. Ведь ей необходимо съездить в Туннель-сити за вещами. Но это будет лишь простым поручением для вас сопровождать мою дочь, которое я оплачу вам впоследствии. Я ничего не знаю, кроме этого.

Японец наклонил голову, чтобы скрыть усмешку:

– Не беспокойтесь, сэр. Остальное я беру на себя, извините. Для меня лишь важно проникнуть в Туннель-сити, куда теперь не допускают никого.

– О да, сэр... Вы так кстати напомнили мне о необходимости Амелии съездить за вещами.

– Когда я могу получить от вас записку к миссис Амелии?

– Я напишу вам эту записку сейчас же. – Мистер Медж протянул руку к своему карману. Потом испуганно взглянул на неподвижное лицо Муцикавы. – Хотя нет, сэр, я не могу ничего писать. Завтра вы придете в мой старый коттедж: 132 авеню, Флашинг. К завтраку... Мы всегда завтракаем вместе с дочерью. О'кэй!

– Нет, – решительно возразил Муцикава. – Извините, но эту записку я получу от вас сейчас.

– Но... – слабо запротестовал Медж.

Снова он увидел в толпе Билта и Хилларда; они карались ему призраками его собственных миллионов.

– О'кэй, – тихо произнес он. – Я напишу... напишу вам эту записку, но только... никто не должен узнать мой почерк. Я не могу... не могу быть замешанным...

Мистер Медж вынул записную книжку и стал неловко писать левой рукой.

Муцикава наклонил голову. Медж не видел выражения его глаз.

«Муцикава... – вспомнил Медж. – Я слышал это имя. Ах да... Недавно в газетах... какое-то убийство молодой японки... дочери крупного акционера американских паровозных компаний... Ну что ж!.. Значит, этот может...» И он улыбнулся.

Глава четвертая ЧЕМОДАН МУЦИКАВЫ

Муцикава вышел из «Клуба суеверных» на Бродвей. Бесконечный поток автомобилей перегораживал улицу. Настроение у него было приподнятое. Решимость наполняла все его существо.

Сейчас он ненавидел Арктический мост и Андрея Корнева, как только может ненавидеть человек своего врага, отнявшего у него все, что он имел в жизни.

Он, Муцикава, считающий себя истинным японцем, должен скитаться в эмиграции, не может вернуться на родину по вине Корнева. Он стал преступником, убийцей...

Ненавистный профессор Усуда! Это он послал его в дьявольскую экспедицию американцев. Это он свел его с агентами пароходчиков. Оказывается, Усуда защищал свои пароходные акции, а Муцикава...

Медж, некогда всесильный Медж – сейчас только жалкое существо, способен лишь на то, чтобы дать Муцикаве записку к дочери, написанную левой рукой. Ну что ж, и этого довольно. Жизни больше не существует для Муцикавы. Нет О'Кими, нет чести, нет родины. Ну что ж, пусть придет смерть, но... Но прежде весь мир узнает Муцикаву! Проклятое сооружение и его ненавистные создатели пойдут на дно. Теперь им уже не восстановить свой проклятый мост!

Муцикава вздрогнул и очнулся. Пронзительный визг раздался над головой. Он услышал отчаянные ругательства и даже непрекращающиеся автомобильные гудки, запрещенные в городе.

Он стоял на мостовой. Перед ним, заняв почти всю улицу, остановился затормозивший в последнюю секунду автомобиль. Американец без шляпы, красный, с выпученными глазами, безобразно ругался:

– Эй вы, черт вам в оба слепых глаза! На кой дьявол носите вы очки, если лезете прямо под машину? Вы думаете, что мне жаль раздробить вашу идиотскую голову? Как бы не так! Мне просто жаль разбить фары у машины!

Муцикава почему-то снял шляпу и смущенно вертел ее в руках.

– Извините, сэр, – пробормотал он.

– На кой черт мне ваши извинения! Я плюю на них! Я не возражал бы против того, чтобы хорошенько помять вас радиатором, если бы был уверен, что у такого бродяги найдутся родственники, которые смогут заплатить за помятый капот. Не люблю давить бездомных собак.

Муцикава вспыхнул. Ничем нельзя было его больше оскорбить, как упоминанием о его бездомности. Он стиснул зубы:

– Я думаю, извините, сэр, что... что американские законы покарали бы вас за преступление.

Американец расхохотался:

– Что? Американские законы? Да вы их, я вижу, не знаете. В Америке каждый оказавшийся на мостовой в не указанном для пешеходов месте приравнивается к сумасшедшему. Поняли вы это? По нашим законам, парень, ваши родственники возместят мне все убытки, которые нанесет ваша разбитая голова моей машине.

– Извините, сэр, я жалею, что законы Америки действительно таковы, – вежливо, но зло сказал Муцикава и сошел с мостовой.

Американец послал ему вслед крепкое словцо и медленно поехал вдоль тротуара.

Непростительная оплошность! Он должен быть осторожнее. Его жизнь еще нужна для больших дел. Эти руки должны уничтожить проклятое сооружение.

Муцикава остановил таксомотор, вынул записку Меджа и дал шоферу адрес Амелии. Частые остановки у светофоров его не беспокоили. Он снова погрузился в обдумывание всех деталей своего плана.

Лишь бы пробраться в туннель! Он взорвет эту проклятую трубу и пустит ее на дно, не

задумываясь над тем, как спастись самому. Еще в детстве, во время войны, он мечтал стать живой торпедой, чтобы взорвать вражеский корабль. Время пришло. Теперь он будет живой миной и пустит ко дну ненавистное сооружение. Пусть вместе с самим собой! Но и с Корневым также. Вместе с этим живучим Корневым!.. Проклятье ему, отнявшему счастье Муцикавы!

Автомобиль остановился перед высоким зданием. Надо было подняться на пятнадцатый этаж.

Лифтер открыл дверь и, высунувшись, крикнул:

– Ап! Вверх!

Муцикава вошел в кабину лифта. С ним вместе вошла какая-то дама. Муцикава поспешно снял шляпу: он знал, что так принято у американцев.

Дама была еще молода. Но фигура ее как-то преждевременно поникла. Она была одета просто, без крикливости, даже, пожалуй, бедно.

Муцикава решил заговорить с ней, спросить, не знает ли она работающую в этом доме Амелию Медж.

Дама приподняла изломанные посередине брови.

– Что вам угодно? – сухо спросила она.

Муцикава смешался. Черт возьми! Никогда не умел он разговаривать с женщинами. Он, готовый на любой смелый поступок, не находил слов при разговоре с самой простой женщиной. А тут эта строгая леди... Зачем только он обратился к ней?

– Я Амелия Медж. Что вам угодно? – повторила женщина.

– Извините, леди, – пролепетал Муцикава, набираясь храбрости. – У меня есть к вам записка от вашего отца.

– О'кэй! Давайте ее сюда.

Муцикава колебался. Он не мог передать такую щекотливую записку первой встречной женщине.

– Простите, леди. Позвольте мне вручить эту записку у вас в офисе, – схитрил Муцикава.

– Хо-хо! – воскликнула женщина. – Давайте-ка сюда эту записку без лишних слов.

– Да, но, леди... – запнулся опять Муцикава. Лифт остановился.

Они вышли в коридор. Женщина направилась к двери, на которой значилось: «Школа приличного поведения и хорошего тона».

Ниже была карточка: «Цены умеренные».

Мисс Амелия Медж, бывшая жена великого Кандербля, вчерашняя миллионерша, в прошлом эксцентричная председательница Лиги борьбы с цепями культуры, теперь обучала неловких провинциалок правилам хорошего тона.

– Да, я здесь работаю, – сказала Амелия, как бы отвечая Муцикаве. – Скорее выкладывайте ваше дело, если не хотите получить в челюсть!

Тон Амелии убедил Муцикаву, что он действительно имеет дело со знаменитой Амелией Медж.

– Да, я обучаю этих идиотов, как надо сидеть в гостиных и какими ложками пользоваться за обедом, – с горечью произнесла Амелия.

Муцикава просиял.

О! Он только и ждал этого. Надо, чтобы она так же ненавидела, как он. Тогда вдвоем они смогут...

Муцикава протянул Амелии записку. Она быстро пробежала ее, удивленно подняла брови, потом сунула ее в сумочку.

–левой рукой? Странно! Ну, живо! Что там еще? – сказала она.

Вдруг дверь открылась. Вошла толстая дама – по-видимому владелица школы. Мисс Амелия опустила голову и церемонно присела. Хозяйка милостиво кивнула головой и поплыла по коридору, подозрительно окинув взглядом Муцикаву.

Муцикава мысленно проклинал себя. Здесь, в этом темном коридоре, должно начаться

великое дело, а его будущая сообщница приседает и трясется перед жирной хозяйкой! Он же стоит, как бездомный бродяга.

Но Муцикава умел владеть собой.

– Леди, – начал он, – туннель отнял у вас мужа...

Амелия метнула на Муцикаву уничтожающий взгляд. Он ожидал, что она разразится градом проклятий, но она произнесла еле слышно:

– Да.

В этом слове не было больше прежнего задора. Это было признание разбитой жизнью женщины.

– Вот что, леди... Для вашего мужа не существует ничего, кроме туннеля. Это сооружение, извините, стало между вами...

– Ах да... тысячу раз да... Ну и что же? Что вам от меня надо? Не терплю лишних разговоров!

Муцикава понизил голос:

– Помогите мне, и туннель не будет существовать. Я верну вам вашего мужа.

– Чем я должна вам помочь?

– О леди, въезд в Туннель-сити воспрещен... Всех желающих туда приехать строго проверяют. Я должен пробраться туда, и в этом поможете мне вы, извините. Я буду вашим слугой. Вы поедете к мистеру Кандерблю с повинной, будете просить у него прощения. Пусть он даже откажет вам. Тогда вы захотите взять оттуда свои вещи. Они нужны вам сейчас. Извините, ваше материальное положение...

– Ах, не говорите о нем!

– Словом, вы поможете мне проникнуть в Туннель-сити, а дальше уж я сделаю все сам. Вам достанется мистер Кандербль, а мне – проклятый туннель, извините.

– Возьмите его, возьмите его! – с былой живостью и энергией произнесла Амелия.

– Значит, мы едем, леди?

– О да! Но... но у меня совсем нет денег.

– Пустое, – мрачно сказал Муцикава. – У меня найдутся.

Амелия не колебалась ни минуты. Ей было совершенно все равно, что замышляет японец. Ей обещали вернуть мужа, прежнее положение. Она сможет вырваться из этой дыры, где надо заискивать перед толстой и глупой хозяйкой, которая лишь из тщеславия держит ее, бывшую жену столь знаменитого человека.

– О'кэй! Согласна! – Амелия передернула плечами. – Я помогу вам. Когда мы едем? Надо ведь получить разрешение.

– О, миссис Амелия, если я стану вашим слугой, то все будет в порядке! Не откажите в любезности, извините, напишите сейчас несколько бумаг. А эту толстую леди... Я думаю, вы не будете жалеть о ней?

– Я с удовольствием послала бы ее к черту, но я не слишком верю вам. Мы поедем. Я помогу вам во всем. Мне нужен он. Но если... если... Словом, я беру у хозяйки только отпуск, а вы, кто бы вы ни были, должны платить мне жалованье.

– О'кэй! – опустил голову Муцикава. – Пусть это будет, извините, единственный случай, когда слуга будет платить жалованье своей хозяйке.

Амелия и Муцикава договорились обо всем. Муцикава сообщил, что отправляется покупать чемоданы. О! В этих чемоданах была сконцентрирована вся ненависть Муцикавы.

Прямо от Амелии Муцикава, даже забыв нанять таксомотор, побежал к остановке сабвея, чтобы опуститься в Даун-таун. Там, в одном из деловых кварталов, он должен был достать все, что ему было нужно.

По дороге он получил разрешение на въезд в Туннель-сити для себя и Амелии. Формальности в представительстве Туннель-сити были не сложны. Оказывается, Кандербль распорядился не чинить никаких препятствий миссис Амелии, если она пожелает съездить в Туннель-сити за своим имуществом.

Все складывалось как нельзя лучше. Муцикава даже не ожидал, что все так удачно

получится.

В самом веселом расположении духа он отправился в Даун-таун – нижний город.

Имя бандита Контонэ было известно каждому американцу, не говоря уж о полиции. От всех своих собратьев по профессии он отличался тем, что никого не убивал и никого не грабил, но тем не менее он занимался самым предосудительным делом и с его помощью было совершено немало преступлений. Однако он никогда не сидел в тюрьме по уголовным делам. Попадал в тюрьму он часто, но причиной этому была его чрезмерная любовь к быстрой езде по нью-йоркским улицам и полное пренебрежение к правилам уличного движения.

Мистер Контонэ был монополистом в деле снабжения всех американских бандитов «средством производства». И горе было любой фирме, если она продавала ручные пулеметы, револьверы, бомбы без посредства мистера Контонэ! Прекрасные мастерские, принадлежавшие мистеру Контонэ, производили отмычки, сверла, специальные автогенные резчики для вскрытия сейфов. Другие мастерские оборудовали автомобили легкой броней и небьющимися стеклами огромной толщины. Словом, мистер Контонэ никого не грабил и не убивал, но ограбить и убить без помощи всемогущего мистера Контонэ было невозможно.

Контонэ пользовался всеобщим уважением. Его пожертвования недавно открывшемуся университету в штате Вентана создали ему славу поборника просвещения, а умелое влияние на муниципальные выборы гарантировало процветание его предприятиям. Личная же смелость и беспощадность, а также быстрая езда снискали ему уважение среди бандитов, остерегавшихся приобретать что-либо для своей «работы» не через посредство агентов мистера Контонэ.

Вот в одной из таких контор, существовавшей на Централь-стрит под вывеской технической конторы, и должен был получить Муликава нужные ему средства.

– Хэлло, мистер японец! Для вас все готово, и вы получите оба ваших чемодана, даже в том случае, если захотите пустить на воздух Панамский канал. Политика никогда еще не мешала коммерции.

Толстый джентльмен с вонючей сигарой в руках затрясся от смеха, приведя в движение свои бесчисленные подбородки.

– Хэлло, вы, там! – крикнул он через перегородку. – Чемоданы мистера японца!

Из-за перегородки отозвались, послав «толстого Чэрри» к черту. Какой-то парень в шляпе набекрень с трудом тащил два чемодана.

Муликава покачал головой:

– Я не возьму, извините, этот товар у вас. Я заказывал более портативные. Для моего дела не годятся такие чемоданы.

– Хэлло, Билль! Этому джентльмену надо что-нибудь более подходящее для его роста.

– Идите вы все к дьяволу! – снова послышалось из-за перегородки. – Вечно они все перепутают! Вы взяли чемоданы не с миной для мистера японца, а магнитные мины для венесуэльских повстанцев. В следующий раз я взорву вас этими минами! Тащите их обратно!

Муликава терпеливо дожидался. Наконец ему вынесли небольшой изящный чемодан, в котором, по словам «толстого Чэрри», сидел бес, способный разнести Эмпайр-Стейт билдинг на кусочки не больше дюйма величиной.

Агенты Контонэ брали огромные деньги за свою продукцию. Муликава истратил почти все, чем располагал. Остались только средства, необходимые ему и Амелии, чтобы доехать до Туннель-сити. Остальное не интересовало Муликаву.

Узенькая Централь-стрит была заполнена стоящими автомобилями. Ездить можно было лишь посредине улицы и то с огромным трудом.

Муликава, оглядываясь, нет ли поблизости таксомотора, стал переходить улицу. Тяжесть чемоданчика почти не ощущалась. Муликава шел бодрым, легким шагом. На душе было спокойно. Он уверен в успехе. Он шел на собственную гибель без малейшего раздумья или страха. Жажда мести была в нем сильнее любви к жизни.

План его прост: проникнуть в здание подземного вокзала, оттуда – в трубу плавающего

туннеля. Затем пройти в глубь туннеля возможно дальше от берега. Идти пешком по трубе, может быть, несколько дней, чтобы в тот день, когда пойдет первый сверхскоростной поезд, в котором поедет Корнев, взорвать туннель, пустить его на дно.

Он представил себя в тот момент, когда повернет рычажок мины на взрыв. Разве поймут они, эти бандиты, которые продали ему страшное оружие разрушения, что ему не надо никакой выдержки времени! Ему будет некуда спастись. Он взорвет сам себя. Да, сам себя... Рука у него не дрогнет.

Муцикава вскрикнул. Небоскребы вдруг закачались и смешались в мутную пелену, что-то больно сдавило грудь. Перед глазами вращалась какая-то резина. Громко хрустнула грудная клетка Муцикавы; завизжали тормоза.

Толпа мгновенно образовалась около машины, задавившей человека. Шофер в мягкой шляпе набекрень с проклятием выскочил на мостовую. Еще бы! Разве допустима задержка машины самого Контонэ! Он спешит в Нью-Йорк, и ничто не может его остановить.

Мистер Контонэ сам выглянул из машины и дал указания, как лучше вытащить изуродованное тело. Услужливый полисмен стал доставать из-под колес чемодан.

В этот момент произошло невероятное. Немногие свидетели этого события остались в живых. Автомобиль мистера Контонэ, сам мистер Контонэ, его шофер, полисмены, труп раздавленного японца и около тридцати зевак и прохожих были разорваны в клочья. Одно колесо автомобиля, пробив толстое зеркальное стекло, влетело в окно двадцать четвертого этажа, в офис «Воздушной трансконтинентальной полярной компании». Из числа служащих компании никто не погиб, так как все были уволены за неделю до случившегося.

На место происшествия были вызваны пожарные, чтобы смыть с мостовой ужасные следы катастрофы. Движение в этой части города остановилось на несколько часов. Некоторым домам грозил обвал, а стена одного из них действительно обвалилась вскоре после взрыва.

Репортеры выдумывали всяческие подробности этого происшествия и в зависимости от направления своих газет давали самые разнообразные сообщения.

Большинство газет сходились только в одном: мистер Контонэ – глава бандитского треста по снабжению бандитов оружием – погиб во время перевозки крупного груза взрывчатых веществ.

Глава пятая ЛУНОЛЕТ

Станцию эстакадной железной дороги осаждала толпа. Попасть на эскалатор не было никакой возможности. Смелчаки забирались на перрон по ажурным колоннам, но

протиснуться на платформу им не удавалось, пока не отходил очередной поезд.

К толпе подъехал комфортабельный электромобиль. Из него вышел высокий седой человек; несмотря на преклонные годы, держался он прямо.

Следом за ним из машины вышли стройная черноглазая женщина и мальчик лет одиннадцати, подвижный, быстрый, тоже темноглазый, но белобрысый. Его лицо с тонкими чертами было сейчас сосредоточенно и взволнованно.

Высокий взял мальчика за руку и в нерешительности остановился перед сплошной людской стеной, преградившей им путь.

Кто-то обернулся и увидел его:

– Проходите, Николай Николаевич!

– Пропустите товарища Волкова!

Словно невидимая рука раздвинула толпу. К эскалатору, поднимавшемуся на перрон, открылась дорожка.

Волков отвечал на многочисленные приветствия, женщина смущенно улыбалась, а мальчик считал своим долгом кивнуть с улыбкой каждому, кто здоровался с его дедом.

– Мальчонка-то, видать, сын инженера Карцева, того, что Мол Северный строил.

– Да ну!

– А с ним, должно быть, мать, геолог... Помните историю с островом Исчезающим?

– Ну как же! Так, значит, она дочь Николая Николаевича?

– Известно.

На бреющем полете пронесся самолет. Он сбросил на вокзал пачку газет. Шелестя, они скользнули по огромной серебряной сигаре вокзала, посыпались на толпу.

Мальчик подхватил два листка и один протянул деду.

«Последний выпуск! Специальная корреспонденция со станции „Ракетная“».

Николай Николаевич надел очки.

«Директор Института реактивной техники Анна Ивановна Седых сообщила, что состав экипажа укомплектован и никакие добровольцы не могут рассчитывать на место в ракете. Экспериментальный полет в направлении Луны рассматривается как лабораторная работа. Высадка на поверхности Луны не предполагается. Члены экипажа по-прежнему желают остаться неизвестными.

Добровольцев, осаждающих территорию Института реактивной техники, просят учесть, что в состав экипажа они включены не будут».

Мальчик прочитал и вопросительно посмотрел на Николая Николаевича. Тот улыбнулся и сказал:

– Вот видишь, я говорил... ничего, брат, у тебя не выйдет.

– Я боюсь, что его там задавят в толпе, – сказала Галина Николаевна.

– Ничего, он на дерево залезет.

– Я правда, мамочка, на дерево залезу. На самую верхушку. Мне все видно будет. А когда дедушка вернется, я слезу, честное пионерское!

– Смотри не свались с дерева.

– Дедушка говорил, что ты тоже лазила, когда маленькой была.

– Я и сейчас могу, – рассмеялась мать.

Галина Николаевна подошла к перилам, вдоль которых в ящиках росли цветы, и с наслаждением понюхала их.

– Можно, я сорву один? – прошептал мальчик.

– Я тебе сорву! – пригрозил Николай Николаевич.

Однорельсовый путь натянутой нитью серебрился вдали. Ажурные, легкие арки эстакады убегающими волнами вздымались над листвой росших у их основания деревьев.

Жужжащий поезд остановился у перрона. Толпа ждала. Никто из стоящих поблизости

от Волкова и его семьи не входил в вагон.

Николай Николаевич прощался с дочерью:

– Все будет в порядке. Должен же он посмотреть... Ему ведь тоже многое в жизни предстоит...

– Ладно, ладно, – целовала сына Галина Николаевна. – Я буду вас ждать. А папе ничего не скажу. Сережа ему сам все о лунолете расскажет.

– Обязательно, обязательно, мамочка, ничего не говори! – Мальчик повис на шее матери.

Николай Николаевич потянул его за собой.

Лишь когда Николай Николаевич и Сережа появились у окна, усаживаясь в удобные кожаные кресла у круглого столика и приветливо улыбаясь Галине Николаевне, люди на перроне стали входить в вагон.

Сережа нажимом красной кнопочки открыл окно. В вагоне стало слышнее музыкальное жужжание гироскопа, удерживающего в устойчивом положении двухколесный вагон.

Поезд плавно тронулся. Одновременно по второму пути подошел встречный поезд. Он не имел никаких токосъемных устройств.

– А ну, – спросил Николай Николаевич, – откуда поезд ток берет?

– Из рельса, – бойко ответил Сережа. – По нему токи высокой частоты бегут. Через воздушный промежуток в трансформаторной обмотке вагона возбуждается ток. Он и крутит моторы.

– Если бы ты так и по истории отвечал! – вздохнул Николай Николаевич.

Сережа смутился и хлопотливо замахал в окно, хотя мама уже уплыла назад и мимо проносились незнакомые лица. Сережа махал теперь синеватому асфальту магистрали, легкими арками мостов перелетавшей через перекрестки.

– Уверяю вас, мне это точно известно! Анна Седых летит сама, а одно место оставлено свободным для пассажира, одного из нас.

Мальчик изогнулся, украдкой поглядывая на говорившего почтенного пассажира в светлой соломенной шляпе... Николай Николаевич чуть усмехнулся в усы. Заметив Волкова, рассуждавший о полете смешался, снял шляпу и принялся завязывать ленту.

– Седых полетит! Разве я ее не знаю? – слышался из другого конца вагона звонкий девичий голос.

– На фотографии отчетливо видно, что первая автоматическая ракета до сих пор лежит на лунной поверхности. Искра при падении была заснята на киноплёнку, – доказывала какая-то старушка.

Ее внук, Сережин ровесник, рассуждал:

– Да это не страшное путешествие. Уж я знаю! Не страшнее, чем сесть в поезд Арктического мое га. Верно!

Промелькнули дома-амфитеатры с широкими террасами, на которых росли деревья; пронеслись стеклобетонные громады заводов с чистыми, словно паркетными, дворами, разлинованными межцеховыми дорожками. Вскоре под эстакадой пронеслись кроны деревьев. Там и здесь мелькали крыши дач, бассейны для плавания, зеленые лужайки с фигурками детей.

– Два таких события – и в один день: окончание строительства Арктического моста и отправление лунолета! И все это завтра! Как бы я хотела быть сразу в двух местах!

– Я бы не разрешил лететь Анне Седых. Нельзя допускать, чтобы конструкторы погибали от случайностей. Вспомните Арктический мост...

Николай Николаевич, продолжая смотреть в окно, улыбнулся.

Назад плыли леса и перелески. Под арки эстакад ныряли асфальтовые и железные дороги. Москва осталась позади.

Все время в вагоне говорили об окончании строительства Арктического моста, о встрече русского и американского доков в районе Северного полюса и о дерзком полете в сторону Луны ракеты Анны Седых...

Однорельсовая железная дорога около станции «Ракетная» проходила у самой территории института. С высоко поднятых над землей ферм был отчетливо виден двор института, длинные здания с арочными стеклянными перекрытиями и решетчатое сооружение гигантского подъемного крана в середине двора. Все фермы однорельсового пути были усеяны мальчишками, неизменными свидетелями всех значительных и незначительных событий во всем мире, во все времена. К ним и примкнул немедленно Сережа с разрешения деда.

– Смотри, смотри, что это за штука такая посередине двора торчит? – сразу же затараторил он.

– Похожа на опрокинутый железнодорожный мост, правда, ребята?

– Мост... мост... Еще Арктический мост, скажешь! Много ты понимаешь! Это кран, он ракету на попу поставит, на Луну нацелит.

– Говоришь, она на Луну нацелена... А почему Луна в другой стороне? Вон она, ее видно.

– Дурак! Луна движется. Когда она против ракеты встанет, тогда и выстрелят. Вот увидишь!

– Всезнайка! Не Луна движется, а Земля вертится.

– Ребята, смотрите, к станции-то кто идет! Сама Анна Седых, честное слово!

– Наверное, встречать кого-нибудь.

Сережа умел молчать и ничего не сказал про своего дедушку. Он только сказал:

– А ну, подвинься, стрекач... – и залез на ветку дерева растущего прямо у платформы.

Николай Николаевич спускался с перрона станции «Ракетная». Стройная женщина в подчеркивающем тонкую талию костюме спешила к нему навстречу. Прямые брови ее были сведены, красивая голова с тяжелым кольцом кос закинута немного назад. Протягивая сразу обе руки Волкову, она говорила:

– Я так рада, Николай Николаевич! Здравствуйте! Что означает ваша телеграмма? Ведь отсрочка невозможна.

Николай Николаевич пожал Ане руку и, выразительно осмотревшись кругом, направился по дорожке от станции.

– Это невозможно, – говорила Аня, идя под высокими тополями, окаймляющими тротуар. Она старалась казаться спокойной и говорить убедительно, серьезно. Пальцы ее мяли белую лайковую перчатку. – Ради того, чтобы не отложить вылета на месяц, я сама доставила из Восточного порта недостающее оборудование лунолета.

Николай Николаевич быстро взглянул на Аню:

– Вы недавно были в Восточном порту?

– Да, была... Николай Николаевич, в следующем месяце будут менее благоприятные условия. Я не вижу причин... – Аня протянула руку и с силой отломила свисавшую ветку. – Я так торопилась последние дни. – Она улыбнулась. – Вы знаете... я ни минуты лишней не провела в Восточном порту, несмотря на то что встретила там... притом через несколько лет...

– Вы встретились? – быстро спросил Николай Николаевич.

– Отсрочка невозможна! Да и народу сколько сюда съехалось.

– Я прекрасно понимаю ваши аргументы, Анна Ивановна. Но ведь меня вы еще не выслушали.

Аня смутилась:

– Так ведь вы молчите, Николай Николаевич, как всегда.

– Ах, вот она где встанет, – заметил Волков, когда они повернули за угол. Он остановился и внимательно оглядывал устремленное в небо решетчатое сооружение.

– А вот и лунолет, – указала Аня на раскрытые ворота ангара, где блестело что-то серебристое.

Волков направился к ангару.

– В чем дело, Анна Ивановна, вы узнали? – спрашивали инженеры отставшую Аню.

Заложив руки за спину, Николай Николаевич рассматривал исполинский ракетный корабль.

– А я и не знал, что вы с ним уже встретились в Восточном порту, – тихо сказал Волков, когда Аня подошла к нему.

– Не с ним, а с ней. Когда-то, еще во время корейской войны, мы вместе работали в корабельном госпитале...

Волков улыбнулся и ничего не сказал.

– Николай Николаевич, – начала тихо Аня, – если вы думаете, что мы сделаем попытку опуститься на лунную поверхность, то даю вам честное слово...

Жестом Волков остановил ее. Они обошли вокруг гигантской ракеты. Потом Аня провела гостя внутрь. Когда они шли по цилиндрическому коридору, Николай Николаевич вдруг сказал:

– Совсем как в подводном доке Арктического моста. Вам это не напоминает?

Аня вздрогнула.

– Вот рубка управления, – сказала она, открывая герметическую дверь.

Через толстое стекло, занимавшее всю переднюю часть кабины, была видна смотревшая в небо огромная башня крана.

– Мы будем лететь к Солнцу, чтобы использовать его притяжение... Завтра Луна окажется на нашем пути... Для окна предусмотрен специальный фильтр. – Аня протянула к пульту руку и нажала кнопку. Послышалось легкое шуршание, и все стекло затянулось розовой пленкой. – Теперь без боли можно смотреть на Солнце.

– И видеть все в розовом свете.

– Да, правда. А я и не подумала об этом, – рассмеялась Аня.

Волков уселся в кресло водителя и потрогал рычаги. Ане пришлось объяснить устройство каждого из них.

– Почти совсем как в ракетном вагоне, – заметил Николай Николаевич.

Аня нахмурилась:

– Не совсем. Там не было боковых и тормозящих дюз.

Кроме Ани и Волкова, в рубке никого не было. Продолжая сидеть в кресле и внимательно рассматривая приборы, Николай Николаевич спросил:

– А вы вспоминаете о нем?

– О ракетном вагоне? Он кажется мне прототипом этого корабля. Сколько институтов, сколько умов, сколько новых решений и находок... а конструкция чем-то похожа.

– Нет, я спрашиваю об Андрее Корневе.

Николай Николаевич искоса взглянул на Аню. Возможно, из-за светофильтра лицо ее показалось ему залившимся краской.

– Об Андрее? – тихо повторила Аня и почему-то прикрыла дверь в цилиндрический коридор. – Вы знаете, Николай Николаевич, не могу объяснить, но в последнее время я себе места не нахожу. Особенно после встречи в Восточном порту. Я вам когда-то рассказывала о Барулиной... Она была врачом на том корабле, где Андрей... Я встретила ее. Столько воспоминаний!.. Я очень, очень прошу вас, не задерживайте наш отлет!

– Нет, отлет я ваш откладываю. Это уже решено, – твердо сказал Волков.

– Но почему, почему? – Аня прижала руки к груди. – Ведь вы ответственный человек, чем вызвано ваше решение? Нет причин...

– Есть причины, – веско сказал Николай Николаевич. – Я хотел вам сообщить, что Андрей Корнев жив и вернулся к нам.

Аня ничего не ответила. Николай Николаевич сидел лицом к пульту и не поворачивался. За собой он не слышал никакого движения. Снаружи доносились глухие удары. Вероятно, стучали по обшивке корабля. Перед Волковым прыжками двигалась секундная стрелка хронометра. Он следил за тем, как переползала она из левой половины циферблата в правую.

– Он здоров теперь. Много перенес. Пролежал несколько лет в параличе, потерял

память...

Стрелка хронометра поднялась вверх, прошла через верхнюю точку и стала спускаться.

Волков обратил внимание, что средняя часть пульта, по-видимому, опрокидывается. Он протянул руку и, взявшись за специальные выступы, дернул их на себя. С легким звоном доска пульта подалась и стала поворачиваться, превращаясь в маленький столик. С обратной стороны ее было зеленое сукно. В образовавшейся нише стоял красивый чернильный прибор, а около него портрет в рамке.

Николай Николаевич пододвинул к себе рамку и, надев очки, посмотрел на фотографию. Морщины на лице его разгладились. Держа фотографию в руках, он обернулся.

Аня быстро спрятала платок в карман. Потом она опустилась на колени и, прижавшись щекой к плечу Николая Николаевича, долго смотрела вместе с ним на портрет Андрея.

Глава шестая ПОДВОДНЫЕ ГОНКИ

Степан Григорьевич Корнев стоял, скрестив руки на груди и наклонив голову. Он словно внимательно рассматривал мозаичный пол, повторявший рисунок потолка, а потому казавшийся его отражением.

На перроне вокзала «Мурманск – подземный» было тихо. Около колонны выстроилось тридцать молчаливых фигур, одетых в одинаковые черные пары. Это были инженеры – руководители строительства.

Две девушки вынесли из диспетчерской легкий столик, накрыли его красным сукном, потом принесли блестящие металлические стулья.

Отдаленный шум, доносившийся из темных круглых отверстий, куда уходили рельсы, внезапно смолк.

Послышались тяжелые шаги и поскрипывание сапог. Степан Григорьевич оглянулся. По платформе, сильно сугуясь, отчего его широкие плечи казались еще шире, шел Иван Семенович Седых. Подойдя к столу, он откашлялся и густым старческим басом сказал:

– Комиссия закончила приемку сооружения «Арктический мост». Сейчас, по традициистроек эпохи Великих работ, состоится торжественное подписание акта, после чего по трассе туннеля пройдут два пробных поезда. Правительство поручило мне объявить благодарность всему советскому коллективу стройки и поздравление американскому коллективу. Одновременно я передаю всем собравшимся поздравление президента Соединенных Штатов Америки...

Степан Григорьевич удовлетворенно кивнул головой.

Присутствующие заметно оживились, головы всех, как по команде, повернулись к главному входу. Седых выпрямился.

По платформе один за другим шли члены приемочной комиссии. Степан Григорьевич, не меняя позы, искоса взглянул на них. Среди них был Андрей.

– Степан, здравствуй! – Андрей подошел к брату. – Почему ты не показывался все последние дни? Ведь ты член приемочной комиссии. Почему ты не принимал участия в нашей работе?

Степан Григорьевич пренебрежительно пожал плечами.

– Мое дело было построить, – кратко сказал он и отошел к столу.

Андрей на мгновение задержался. Он как бы старался вникнуть в скрытый смысл этих слов. Потом, вспыхнув, он рванулся было к брату, но удержался.

Люди подходили к Седых и подписывали акт и рапорт правительству в полной тишине.

Степан Григорьевич тоже поставил свою подпись. Он расписался размашисто, через весь лист.

Андрей взял перо последним.

– Дай мне акт и рапорт, – протянул Степан Григорьевич руку. – Здесь не хватает американских подписей. С первым поездом я лично доставлю их Кандерблю. К тому

времени, когда ты приедешь, акт уже будет подписан и рапорт правительству отослан.

Андрей удивленно посмотрел на брата и неуверенно передал ему бумагу.

Седых говорил перед микрофоном, обращаясь ко всем участникам строительства:

– Я счастлив, что стал современником эпохи Великих работ, создавшей Арктический мост, «лунолет», плотину в Беринговом проливе, Мол Северный. Эти грандиозные работы показывают, что может создать труд людей, обращенный на борьбу с природой, покоряющий стихию, пространство, время! Сейчас подо льдом Ледовитого океана помчатся первые сверхскоростные поезда, право вести которые надо рассматривать как величайшую привилегию, как признание в водителе исключительных творческих заслуг перед человечеством...

Степан Григорьевич взглянул на Андрея и, тщательно свернув акт, положил его в карман. Не дослушав речи Седых, он деловито направился в диспетчерскую. Андрей не умел скрывать свои чувства, как Степан. Со смешанным чувством настороженности и огорчения смотрел он вслед брату...

Гул подходившего к перрону поезда отвлек его внимание. Видимо, Степан Григорьевич уже вызвал состав.

Седых принесли радиограмму. Старик достал очки и прочел громко, забыв отодвинуть или выключить микрофон:

– Радиограмма из Туннель-сити:

«К приему поезда готовы. Просим привезти из Мурманска горячий обед. Получение его первым поездом рассматриваем как личную премию. Из-за толпы репортеров и туристов сообщение с квартирой и ресторанами прервано. Персонал ничего не ел.

Герберт Кандербль».

Иван Семенович оглядел всех, сдвинул очки на лоб и вдруг оглушительно расхохотался. Его громкий, заразительный смех транслировался почти всеми радиостанциями мира.

– Термосы с обедом! Живо! – послышалась команда Степана Григорьевича.

Станный поезд, без окон и дверей, напоминавший непомерно длинную цистерну, уже стоял у перрона. Андрей любовно потрогал цилиндрическую обшивку вагонов.

Степан Григорьевич прошел мимо него и обратился к Седых:

– Иван Семенович, радируйте Кандерблю, что я доставлю ему обед. – Обернувшись к Андрею, он добавил: – А тебя, Андрей, мы встретим со всеми репортерами и туристами, как подобает. Ваш поезд пойдет следом за нашим, как только мы достигнем Туннель-сити.

– Хорошо, хорошо, – скороговоркой проговорил Андрей и прошел к головной части поезда.

Седых недовольно посмотрел на Корнева-старшего и сделал знак, чтобы тот подошел к нему, но Степан словно не заметил этого. Тогда старик крикнул, откашлялся и, пододвинув к себе микрофон, сказал:

– Через несколько минут отправляется первый поезд. Правительство СССР и президент США, отмечая исключительные заслуги инженера, создавшего проект Арктического моста и принявшего самоотверженное участие в его строительстве...

Степан Григорьевич, прервав распоряжение, которое давал одному из инженеров, вытянулся. Он высоко поднял голову. Глаза его смотрели поверх всех голов, шея была напряжена. Рукой он взялся за блестящую ручку двери, ведущей в кабину управления первого сверхскоростного поезда.

– ...доверили ведение первого поезда автору проекта Арктического моста, председателю приемочной комиссии и бывшему начальнику строительства инженеру Корневу Андрею Григорьевичу! Второй поезд поведет главный инженер и заместитель начальника строительства Степан Григорьевич Корнев.

Степан вздрогнул. Он повернул к Седых голову, словно желая проверить услышанное.

Автоматически он приоткрыл дверь, за ручку которой держался, потом захлопнул ее и, ни на кого не глядя, пошел прочь. Его прямая, внушительная фигура удалялась по направлению к диспетчерской.

Слегка растерянный, покрасневший от смущения Андрей попался ему на дороге. Он хотел остановить брата, протянул ему руку, но Степан прошел мимо. Дверь диспетчерской захлопнулась.

Седых, пряча в карман очки, прошел следом за Степаном.

– Степан... – тихо начал он, подходя к Корневу. – Степан, хочешь, поезжай вместе с Андреем в первом поезде. А я приеду со вторым.

– Поезжайте с Андреем, Иван Семенович. – Степан Григорьевич говорил равнодушным голосом. – Пусть он ведет свой поезд, а я поведу свой. Это право я, кажется, заслужил.

– Как хочешь, – буркнул Седых и, сутулясь, вышел на перрон.

Андрей шел к нему навстречу.

– Иван Семенович, – заговорил он, немного заикаясь, – мне хотелось бы, чтобы вместо меня поезд повел Степан.

– Что? – сердито вскинул брови Седых. – А ну-ка, марш в кабину управления! Пока еще я начальник строительства... Товарищи пассажиры первого поезда, по списку, мной оглашенному, прошу в вагоны!

Андрей колебался только мгновение. Взглянув через стеклянную перегородку на неподвижную фигуру брата, он открыл дверь в кабину управления.

Только когда закрылись герметические двери поезда, Степан Григорьевич вышел на платформу. Скрестив руки на груди, он стоял перед головной его частью и наблюдал за стрелкой часов. До отхода поезда оставалось четыре минуты.

Пользуясь выходящим наружу репродуктором, Андрей крикнул брату:

– До Америки два часа ходу! Через четыре часа увидимся.

– Увидимся, – без всякого выражения, как эхо, повторил Степан Григорьевич.

Стрелка электрических часов перескочила на одно деление... До отхода поезда оставалось две минуты.

– Люк! Люк! Открывайте! – послышался крик сзади.

Степан Григорьевич оглянулся. По перрону бежали два запыхавшихся человека, неся термосы.

– Скорее! Скорее! Откройте, пожалуйста! – кричали они.

– Прекратите беготню! Поезд отправляется! – грубо остановил их Корпев.

Люди поставили термосы на мозаичный пол и растерянно смотрели на Степана Григорьевича, отирая потные лица.

– Так ведь обед... – начал один из них.

Степан Григорьевич дал знак.

Вагон плавно тронулся. Цилиндрическое тело поезда медленно скрылось в воздушном шлюзе. Автоматически поднявшаяся крышка закрыла люк.

Послышался легкий, едва уловимый шум. Заработали насосы, выкачивавшие из шлюза воздух.

На платформе никто не разговаривал. Медленно текли минуты. Наконец вакуумметр показал достаточное разрежение. Готово! Сейчас автоматически откроется люк, отделяющий воздушный шлюз от туннеля. Через мгновение поезд помчится по туннелю, набирая скорость.

Степан Григорьевич все в той же позе продолжал стоять на перроне.

Прямо перед ним зажглась сигнальная лампочка. Он круто повернулся. Поезда в шлюзе больше нет. Андрей уже мчится под водой к Северному полюсу, к Аляске.

С противоположной стороны, из-под арки туннеля, соединяющего подземный вокзал с поверхностью земли, показался другой поезд.

Когда Степан Григорьевич проходил мимо группы людей, стоявших на платформе, до него донеслись слова:

– И к обеду и к первому восторгу встречающей толпы мы, во всяком случае, опоздаем.

Степан Григорьевич замедлил шаг. Напряженные складки появились между его бровями. Он взглянул на ожидавшую группу людей, на поезд, потом решительно подошел к вагону:

– Перевести на рельсы второго туннеля!

Водитель, думая, что ослышался, переспросил Степана Григорьевича.

– На рельсы второго туннеля! – спокойно повторил распоряжение Степан Григорьевич.

Люди на платформе переглянулись. Все знали, что поезд должен был пройти по тому же туннелю следом за первым, чтобы потом совершить обратный рейс по другой трубе.

Водитель, выполняя распоряжение заместителя начальника строительства, задним ходом повел поезд на поверхность земли, чтобы перейти там на другой путь.

Платформа опустела. Степан Григорьевич подчеркнуто неторопливыми шагами прохаживался по ней, то и дело поглядывая на часы.

Но вот наконец показались цилиндрические вагоны. Степан Григорьевич с несвойственной ему поспешностью прыгнул вниз на рельсы и по маленькой лесенке забрался в кабину управления.

С момента отхода первого поезда прошло пятнадцать минут. Он уже мчался сейчас где-то километров за четыреста от советских берегов.

На противоположном конце мурманского меридиана, на берегу Аляски, в городе Туннель-сити, ждали прибытия первого сверхскоростного поезда. Толпы людей забили вокзальную площадь и все прилегающие улицы. Каждые пять минут инженер Вандермайер, помощник знаменитого Герберта Кандербля, объявлял о ходе испытаний. Десятки репродукторов разносили его голос:

– Хэлло! Леди и джентльмены! Сейчас со мной говорил мистер Эндрью Корнейв. Поезд развивает нормальную скорость – две тысячи километров в час. Прошло четверть часа, как он покинул шлюз станции Мурманск. Пройдено четыреста семьдесят пять километров. Поезд везет в Америку много спешных писем и европейских газет.

Коле Смирнову удалось попасть на платформу подземного вокзала Туннель-сити. Он стоял в плотной толпе репортеров, рабочих и инженеров, допущенных на испытание. Его плечо упиралось в грудь американскому рабочему Сэму Диксу, работавшему в американском доке почти все годы строительства Арктического моста. Коля не говорил по-английски, американец не понимал по-русски, но тем не менее они оживленно беседовали.

– Хэлло, Сэм! Каково? Скорее бы!.. Хариап. Понял?

Сэм Дикс кивал головой, посасывая маленькую трубку.

Оба они, задрав головы, следили за движущейся стрелкой на огромном циферблате, отмечавшей движение поезда в туннеле.

– Смотри, Сэм! Бежит, бежит! А та, другая, на соседнем циферблате, стоит. Это стрелка другого туннеля. Секонд. Понимаешь? Андерстенд?

– Иес, иес!

Стрелка перешла черту – пятьсот километров. В толпе закричали. Кто-то подбросил шляпу.

Высоко над толпой, в стеклянной будочке, в торжественной неподвижности стоял Герберт Кандербль. Его низенький помощник с маленьким строгим лицом, украшенным тонкими усиками, держал в руках микрофон.

– Хэлло! Джентльмены! Поезд мистера Эндрью Корнейва прошел пятьсот километров. Трасса туннеля настолько выровнена, сообщает нам едущий в поезде мистер Седых, что движение, несмотря на скорость, неощутимо. Из Мурманска нам посланы свежие северные цветы и замечательная русская ягода – клюква. Горячий обед, к сожалению, опоздал.

Слово «клюква» дошло до Коли. Он с воодушевлением принялся объяснять, что это за ягода. Сэм Дикс улыбался, посасывая трубку и кивая головой. Наконец он указал рукой на долговязую фигуру мистера Герберта Кандербля и сказал:

– Лош-шад... – потом дотронулся до своей челюсти.

– Что? Лошадиная челюсть? – Коля сразу стал серьезным. – Нет, брат, мы своих инженеров не дразним. И вам бы не надо...

Вдруг по толпе пробежал гул. Сэм затормозил Колю, указывая глазами на циферблат. Стрелка переходила деление «пятьсот пятьдесят».

– Ага! Хорошо! Гуд! Вери гуд! – говорил Сэм Дикс.

Коля взглянул на вторую стрелку и обомлел.

Она двигалась.

Что такое? Что случилось? Почему двинулась вторая стрелка? Ведь второй поезд должен был выйти из Мурманска только после того, как первый достигнет Туннель-сити.

Через стекло кабинки было видно, как Герберт Кандербль склонился над аппаратом связи. Волнение толпы все увеличивалось. Обе стрелки двигались по циферблатам.

Раздался голос Вандермайера:

– Только что получено известие: второй поезд вышел со станции Мурманск. Его ведет мистер Стэппен Корнейв. Подробности пока неизвестны. Мы следим за его движением по телеуказателю. Публику просят не волноваться.

Ничем нельзя было больше возбудить толпу, как просьбой не волноваться. Особенно беспокоились на платформах, где видна была вторая движущаяся стрелка.

Вдруг раздался чей-то возглас:

– Догоняет! Клянусь честью! Разница теперь пятьсот восемнадцать километров, а была пятьсот пятьдесят.

Толпа загудела. Люди стали пробиваться ближе к циферблатам. Началась давка. Кое-кто пустил в ход кулаки. Но было слишком тесно, и драки не получилось.

Внезапно наступила тишина.

– Понимаешь, – шептал Коля, – впрямь нагоняет! Пятьсот семь километров между ними... пятьсот пять уже. Как же так? А?

– Гонка! Подводные гонки! – слышалось в толпе.

Поднялся невообразимый шум. Люди кричали каждый свое, поднимались на носки, хотя стрелки всем были прекрасно видны.

Вандермайер теперь сообщал через каждые три минуты о положении поездов. Репортеры сняли с плеч коротковолновые установки и тут же передавали небывалую новость в свои редакции. Некоторые уже получили ответ, что их сообщение печатается в экстренных выпусках газет.

– Первый поезд прошел восемьсот километров, – возвещал Вандермайер, скинувший пиджак и оставшийся в жилете. – Второй поезд идет на четыреста пятьдесят километров позади. Сообщение со вторым поездом еще не установлено.

Все кричали друг другу, что поезд Стэппена Корнейва развивает скорость больше проектной. Кто-то высчитывал, догонит ли он брата. Заключались пари. Один репортер истощно кричал, что его редакция сообщила о желании известного миллионера и автоспорсмена Игнэса держать пари на полмиллиона долларов за мистера Стэппена Корнейва.

Сэм Дикс повернулся к Коле.

– Пари! – предложил он, протягивая, насколько позволяла теснота, руку.

Коля покачал головой.

– Ноу, ноу! Нет, брат! Как так пари? Тут что-то неладно...

Толпа шумела.

Степан уже давно готовил сюрприз ко дню открытия движения в туннеле. Его новое усовершенствование в моторе Кандербля позволяло увеличить скорость поезда.

Решение провести испытание мотора немедленно и поразить технический мир, эффектно догнав первый отправившийся в Америку поезд, пришло к Степану внезапно и, как все его решения, было проникнуто несокрушимой логикой.

Степан считал, что в демонстрации всему миру достижений советской техники нет

преступления; что появление в Туннель-сити нового, усовершенствованного поезда первым будет иметь огромное рекламное значение; что по существу это не явится нарушением распорядка испытания, утвержденного приемочной комиссией, а будет лишь дополнением к программе; что при этом в Туннель-сити без опоздания может быть доставлен американцам для подписи акт об окончании строительства, и даже запоздавший обед, вовремя доставленный, вызовет невольную улыбку.

Степан послал в Москву телеграмму, но, не успев, конечно, получить ответ, принял «вынужденное», как он назвал, решение и один, без сопровождающих, под свою ответственность повел поезд...

Степан сидел в кабине управления, не отрывая взгляда от указателя пройденного расстояния. На его лбу выступили маленькие капельки пота. Наклонившись вперед, он держал руку на рукоятке контроллера. Он перегружал мотор, который каждую минуту мог сгореть. Привычное для него спокойное выражение сменилось взволнованным, напряженным.

Показатель расстояния отметил, что над головой Северный полюс. Степан стал быстро писать цифры на белом мраморе пульта. Он вычислял: пройдена половина пути, скорость поезда Андрея – две тысячи километров в час. Если скорость не изменилась, если Андрей не прибавил ее, то он впереди на двести пятьдесят километров.

И Степан перевел рукоятку почти до самого отказа, но, словно коснувшись раскаленного железа, отдернул руку.

В другой трубе туннеля со скоростью артиллерийского снаряда мчался поезд Андрея. В кабину быстро вошел Седых. Он совсем не сутулился, был, как некогда, огромен. Брови его стояли торчком.

– Ну что, Андрей, не собираешься ли в гонках участвовать? – нахмурившись, спросил он строго.

Андрей оглянулся.

– Простите, Иван Семенович, – спокойно сказал он. – Этот рейс – только испытание поездов и трассы туннеля, а не подводная гонка.

– Ну, то-то же! – пробурчал Седых.

Напряжение в Туннель-сити достигло наивысшего предела. Скорость поезда Степана все время колебалась, словно он на короткие промежутки времени давал отдыхать своему перегруженному мотору. Возможность догнать Андрея то появлялась, то исчезала. Никогда ни одно состязание не волновало так людей, как эта непонятная и удивительная гонка. Люди не интересовались, зачем состязаются эти два сверхскоростных поезда. Их занимала только одна мысль: кто будет первым?

Глава седьмая ПОБЕДИТЕЛЬ

Наклонившись всем корпусом, Степан писал на пульте прыгающие буквы и цифры.

«Разница – 100 километров. До материка – 500 километров».

Степан порывисто встал, с силой надавил на карандаш и переломил его. Воспаленными глазами обвел он приборы. Поезд несется стремительно вперед.

Едва ли признавался Степан даже самому себе в том, какие причины заставили его во что бы то ни стало обогнать поезд Андрея. Даже сейчас ему казалось, что он не расстается со своей несокрушимой логикой. Задумав привести свой поезд первым, он должен был сделать это любым путем.

Степан уже утратил контроль над своими действиями. Он уже не мог бы сказать, когда сделал первую ошибку. Казалось, что все, что он делал, было логичным и вытекало из предыдущего. Сначала он хотел только испытать новый мотор, потом решил испытать его

наглядно, эффектно, перегнав другой поезд. И вот наконец это последнее невольно стало основной его целью, и теперь...

Снова тяжело опустился Степан в кресло водителя. Еще раз сделал в уме вычисления. Вынув из кармана акт приемки Арктического моста, он положил его перед собой. Уголки его рта опустились.

Стрелки на приборах двигались. 400 километров до Аляски... 350 километров... 325...

Что-то звякнуло, блеснула яркая вспышка...

– Сгорел мотор... Короткое... Линия не выдержала... – Степан рухнул в кресло. Голова его склонилась на грудь, нижняя губа отвисла.

В кабине погас свет. Горела только аварийная лампочка... Поезд продолжал нестись в темноте туннеля.

Степан Григорьевич открыл глаза и подался корпусом вперед. Навалившись грудью на пульт, он подпер руками голову. Так неподвижно сидел он, устало глядя, как ползет стрелка указателя пути.

Седых находился вместе с Андреем в кабине, когда погас свет в их поезде.

– В чем дело? – повернулся Андрей.

– Выключен ток по всему туннелю.

Поезд мчался по инерции. Андрей рванул ручку. Задрожал кузов вагона, завизжали тормоза. Туннель озарился тусклым отсветом посыпавшихся с ободов искр. Андрей и Седых качнулись вперед, уперлись руками в стекло.

Туннель продолжал смутно освещаться летящими искрами. От скрипа тормозов продирало по коже.

– В чем дело? – слышались голоса.

Пронзительно звенел вызов со станции Туннель-сити. Зажглась сигнальная лампочка Мурманска.

Поезд Андрея замедлял ход.

Толпа на перроне Туннель-сити тревожно гудела. В стеклянной будочке метались Герберт Кандербль и Вандермайер. Люди с перрона пытались проникнуть внутрь, но Кандербль предусмотрительно запер дверь. Стрелка первого поезда неподвижно застыла на месте, не дойдя на сто сорок пять делений до красной черты. Вторая стрелка, отмечавшая движение поезда Степана Корнева, продолжала перемещаться.

Из Мурманска сообщили, что из-за короткого замыкания произошла авария на питающей подстанции. Приборы защиты, выключенные по приказу Степана Григорьевича, не сработали. Андрей Корнев сообщил, что у него в поезде все в порядке.

Почему же движется второй поезд? Ведь тока в туннеле нет. Эти вопросы задавали друг другу взволнованные люди, толпящиеся на перронах, у вокзалов или сидящие у радиоприемников, ловя экстренные сообщения.

Поезд Степана продолжал мчаться, убавляя скорость.

– По инерции, – пронесся вздох по толпе. – В туннеле нет сопротивления воздуха, а трение при больших скоростях ничтожно.

Степан полулежал в кресле водителя. Руки его свесились вниз, глаза устало следили за стрелками приборов.

Вдруг Степан вздрогнул, передернул плечами, как от озноба, выпрямился. Может быть, на мгновение в глазах его мелькнул страх... Поспешно он стал стирать рукавом все, что написал на белой мраморной доске пульта.

До Туннель-сити оставалось немногим больше сорока километров. Но скорость поезда гасла. Степан смотрел на стрелку спидометра, словно гипнотизируя ее.

Наконец, махнув рукой, он перестал стирать написанные цифры и сел глубже в кресло. Может быть, ему показалось, что поезд не дотянет до материка.

Только 40 километров отделяло его от Американского континента. Только 40 километров! 39... 38... Степан снова выпрямился, наклонился вперед. 36... 35...

– Еще... еще... – шептал он беззвучно. 34... 33... 32...

– Жаль, воздуха в туннеле нет... Впрочем, и здесь дышать нечем... нечем!

Он судорожно расстегнул воротник.

Осталось 10 километров... 8... Только 5...

Поезд еще двигался. Степан встал, прошел в купе, причесался перед зеркалом, смочил одеколоном лицо, помассировал морщины под глазами. Потом расправил плечи, выпрямил свою могучую шею и вернулся в кабину.

До воздушного шлюза осталось только два с половиной километра.

Замечательный накат!

Степан смотрел на медленно проползавшие стены туннеля, тускло освещенные аварийной лампочкой из кабины поезда. Стряхнув с рукавов приставшие пылинки, он сел в кресло водителя и взялся за рукоятку тормоза.

При въезде в воздушный шлюз пришлось даже притормозить поезд. Зажегся свет в кабине: ток в шлюзе был.

Поезд неподвижно стоял в шлюзе. Механизмы закрывали люк в туннель. В неудобной, деревянной позе Степан сидел перед пультом, держа руку на рукоятке контроллера малого мотора, предназначенного для небольших скоростей. Если главный мотор сгорел, то этот, во всяком случае, был невредим. Быстрым движением Степан смахнул со лба капельки пота.

Перед его глазами медленно опускался последний люк. Сначала он увидел мозаику свода американского подземного вокзала, потом замелькали подбрасываемые шляпы. Вот и машущие руки, головы, открытые рты...

Люди кричали, приветствуя его, Степана, первого человека, прошедшего всю трассу Арктического моста.

Толпа неистовствовала. Десятки рук тянулись к люку остановившегося поезда. Степана вынесли на руках. Его засыпали цветами. Оглушающий рев и свист толпы заставляли дрожать своды подземного вокзала. Рев двигался впереди и уже перекачивался по площадям и улицам Туннель-сити.

Герберт Кандербль, бесцеремонно раздавая удары направо и налево, пытался пробиться к кумиру толпы. Жужжали кинокамеры. Вспыхивали в рефлекторах лампы репортеров. Откуда-то появились юпитеры. Кинооператоры, стоя на спинах своих помощников, старательно фиксировали на пленку каждый шаг победителя.

Кандербль был уже близко от Степана. Наконец американец дотянулся до рукава Корнева и сильно дернул его. Улыбающийся Степан обернулся и кивнул головой, думая, что Кандербль приветствует его.

– К прямому проводу! – прокричал Кандербль. – Требуется Москва!

Лицо Степана стало растерянным. Он хотел встать на ноги, но оравшие американцы еще выше подняли его. Напрасно Герберт Кандербль пытался объяснить, что мистер Корнейв должен разговаривать с Россией, с Москвой.

Наконец слово «Москва» подействовало. Степана торжественно понесли к стеклянной будке и поставили на ступеньки лестницы. Толпа продолжала реветь. Вдогонку Степану неслись телеграфные ленты, выполнявшие по традиции роль серпантина. Кандерблю едва удалось закрыть двери.

Степан разговаривал с Николаем Николаевичем лишь несколько минут, зажимая ухо, чтобы не слышать свиста и шума ликовавшей на перроне толпы. Люди с открытыми записными книжками дрались за право получить автограф победителя.

Наконец из стеклянных дверей показался Герберт Кандербль. Его длинное лицо было торжественно и в то же время мрачно. Он остановился у двери, заложив руки в карманы. За ним вышел Степан, подавленный, поникший, с растерянными бегающими глазами. Он едва держался на ногах.

Но ликующая толпа не замечала этого. Героя дня подхватили снова на руки и понесли по перрону. Это был подлинный триумф. Почести, которых он так добивался, воздавались ему. Но он безучастно смотрел по сторонам.

Вместе со своей ношей толпа направилась по наклонному туннелю, ведущему на поверхность земли. Распевая песни, выкрикивая хвалу Стэппену Корнейву, они несли победителя, передавали его с рук на руки. Вспышки фотолампочек молниями освещали путь. Снаружи, где собралась многотысячная толпа, слышались глухие раскаты грома. Цветы и телеграфные ленты сыпались непрерывным дождем. Степану воздавались почести, выпадавшие на долю немногих американцев. Он был кумиром толпы, больше того-кумиром американских газет, экстренные выпуски которых были заполнены сообщениями об Арктическом мосте.

Об этом ли мечтал Степан?

Если бы американцы могли приглядеться к человеку, которого несли, они заметили бы испуганное выражение, с каким он смотрел на протянутые к нему руки, на сыпавшиеся телеграфные ленты и цветы.

– Час сорок семь минут двенадцать секунд!

– Человек, пересекший Ледовитый океан в рекордное время!

– Мистер Корнейв! Сто тысяч долларов за гастроли в кинотеатрах перед сеансом. Человек – подводный метеор! Хэлло, сэр!

– Сверхрекордсмен!

– Гарантирую вам получение завтра двенадцати тысяч любовных записок!

– Жокей, оседлавший электричество!

– Участвовали ли вы прежде в автомобильных гонках?

– Правда ли, что вы никогда не были женаты?

– Гип, гип, ура мистеру Корнейву – победителю подводных электрогонок!

Когда Степана вынесли на поверхность земли, он стал прислушиваться ко всем выкрикам. Страдальческое выражение исказило его лицо. Он слышал крики «ура» в честь рекордсмена, в честь эффектного гонщика. Но никто ни разу не назвал его «строителем» или «автором» Арктического моста. Ни разу!..

Степан пытался освободиться от несущих его людей. Он отталкивал их, кричал, ругался. Он требовал, чтобы его оставили в покое, размахивал руками и ногами.

Американцы сначала смеялись и продолжали засыпать его цветами, но скоро необычное поведение героя показалось им странным и непонятным. Кончилось дело тем, что, дотавив Степана до прибрежной полосы, люди спустили его на землю. Некоторое время любопытные еще продолжали фотографировать и восхвалять победителя, но на почтительном расстоянии.

Степан стоял, повернувшись лицом к морю. На шее его вздулись жилы. Наконец он опустился на холодный камень и, обхватив голову руками, сидел не шевелясь. Напрасно люди, осмелев, совали ему записные книжки для автографов, напрасно умоляли дать интервью или согласие на выступление в цирке с рассказом о гонке...

Вдруг в толпе разнеслась весть, что скоро должен прибыть второй поезд, который выталкивается воздухом, выпущенным через воздушные шлюзы станции Мурманск.

Толпа отхлынула от Степана. Он сидел одиноко на набережной и воспаленными глазами смотрел перед собой.

«Всем все уже известно... – Горькие складки легли у губ. – Отстранен... отстранен... отстранен от руководства».

Задумчиво бросил он камень в воду, потом бросил второй, уже с силой. Камень упал, высоко подняв фонтанчик воды.

«Они встречают теперь его, автора проекта плавающего туннеля».

Степан вскочил, твердыми шагами пошел по набережной. Ему показалось, что какие-то люди хотят подойти к нему. Он ускорил шаги.

Но никто не преследовал его. Далеко от вокзала, у голых, покрытых кое-где мхом скал, опустился он на камни и пустым, невидящим взором уставился в морскую даль.

Несколько часов просидел Степан, ни разу не пошевелившись. Глаза его были пусты и сухи. Когда начало темнеть, он услышал, что его ищут, но ни разу не откликнулся.

Стало совсем темно. Море и небо слились в серую пелену северных сумерек. Зябко ежась, Степан Григорьевич сидел у скалы, не прикасаясь к ней спиной.

О чем он думал?

Изредка он упрямо мотал головой и скрипел зубами. Видимо, даже перед самим собой Степан не хотел сознаться в своей неправоте.

«Отстранили... Без меня хотят обойтись... Следственную комиссию назначили...»
Передернув плечами от ночного холода, он встал.

«Без меня... без меня...»

Низко опустив голову и скрестив руки на груди, он стал ходить меж камней...

Только когда рассвело, побрел он назад по набережной, с силой толкая ногой попадавшие камни. Силуэты домов едва проступали из тумана. Десятиэтажное здание офиса Туннель-сити казалось высокой скалой.

Встречавшиеся рабочие узнавали и вежливо приветствовали его. Степан отвечал угрюмым взглядом, не поднимая опущенной головы.

– Мистер Корнейв, хэлло! Наконец-то я нашел вас! Я только что хотел зайти к вам на квартиру, мистер Корнейв, как обычно... Я никак не ожидал, сэр, что вы так рано проснетесь и сами придете на место подрывных работ.

Степан Григорьевич непонимающе посмотрел на говорившего.

Толстый десятник в синем комбинезоне в возбуждении размахивал руками. Блестели перстни на коротких толстых пальцах.

– Еще вчера, без вас, мы наметили место взрыва, но не подрывали. Ведь вы отсутствовали, сэр, и наши работы задержались. Но теперь все будет о'кэй! Старый Том постарается нагнать упущенное и получить премию. Я подготовил заряд покрупнее. Сегодня мы сделаем за один раз то, что обычно делали за три!

Степан Григорьевич нахмурился. Толстяк раздражал его, хотя он сам приказывал производить подрывные работы только в своем присутствии. Для того чтобы удалить скалы с будущей набережной, нужно было провести ряд подрывных работ, и Степан Григорьевич опасался повреждения дренажного слоя, который предохранял подземные сооружения вокзала от подпочвенных вод. Неудачно проведенный взрыв мог повредить слой и открыть дорогу даже водам океана. Раньше Степан Григорьевич приходил на место и сам утверждал величину и размещение зарядов. Как заботливый отец, оберегал он от всякой случайности свое любимое детище – Арктический мост.

– О'кэй, мистер Корнейв! Сегодня мы славно плюнем камнями этим облакам прямо в рожу! Прошу вас, сэр, рабочие ждут заместителя начальника строительства.

– Оставьте меня в покое! Я не заместитель начальника строительства, – хрипло проговорил он.

– Как так, сэр? – опешил десятник. – Кто же даст мне указания?

– Убирайтесь к черту! – вдруг закричал Степан Григорьевич, теряя самообладание.

– Слушаюсь, сэр, – попятился десятник, моргая белыми ресницами. – Слушаю, сэр... Но, если мы задержимся с работами еще и сегодня, мы не получим премиальных.

Степан Григорьевич побагровел:

– Я не служу больше на вашем строительстве, понимаете ли вы это? Мне нет больше никакого дела до ваших премиальных!

И, резко повернувшись, Степан Григорьевич зашагал в сторону.

Отстранили? Ну что ж! Пусть сами теперь заботятся обо всем. Он больше ни за что формально не отвечает, имеет право отойти в сторону. Хватит! Да-да, хватит!

Он помнит все, ничего не забыл. Светлорецк, первый проект Андрея, который он, Степан, отверг, гонения на Андрея, разрыв с ним, потом свое собственное крушение и возвращение к руководящей работе через ставший актуальным Арктический мост, наконец случай в Нью-Йорке, когда репортеры назвали автором проекта его, Корнева-старшего. Всей дальнейшей работой он старался доказать, что, вопреки прошлому, он имеет на это право! Вот, например, на последнем этапе строительства после гибели дока начальником стал Седых. Степан удовлетворился вторым местом только потому, что считал себя ответственным за технику, за идею Арктического моста, носителем которой по праву мог считать только себя.

А теперь? Ну что ж... Теперь пусть делают все без него...

«Однако где это копошится старый болтун-подрывник? Уж не собирается ли он в самом деле взорвать эту черную скалу? Ведь это же...»

Степан Григорьевич порывисто обернулся. Глаза впились в большую черную скалу, около которой возились подрывники. Мысленно он старался представить себе расположение

изоляционного слоя.

«Да, конечно, скала непосредственно примыкает к дренажу!»

Тело Корнева задрожало, как от озноба. И чем сильнее напрягал он мышцы, тем мучительнее, нестерпимее была эта дрожь.

– Холод... сырость... – прошептал он одними губами, все еще боясь сознаться самому себе.

Раздался пронзительный свисток. Люди побежали от скалы, бикфордов шнур был зажжен.

В Степане Корневе произошла резкая перемена. Со скованным лицом, твердыми шагами направился он прямо на черную скалу, силуэт которой резко вырисовывался на бледном небе.

Увидев приближающегося инженера, десятник закричал:

– Сэр, теперь уже поздно! Никому уже не добежать до шнура! Не ходите туда, сэр!

Корнев измерил взглядом расстояние до черной скалы и, видимо, приняв решение, чуть изменил направление, зашагав к подземному вокзалу.

Он даже не вздрогнул, когда в нескольких десятках метров от него с оглушительным взрывом взметнулся фонтан черного дыма и камней. Камни со свистом пролетели над ним, но он не пригнул головы. Он шел прямо к вестибюлю, расположенному на площади, уровень которой был несколько ниже поверхности моря.

Осколки с грохотом сыпались перед Степаном Григорьевичем, но он не замедлял шага и не ускорял его. Лицо его окаменело в невероятном напряжении и в первый момент могло показаться спокойным.

– Там, внизу, могут быть люди, – громко сказал он, хотя около него никого не было.

«Что, если вода в самом деле, проникнув через поврежденную подпорную стенку, затопит привокзальную площадь и все помещения вокзала?.. И не только помещения...»

Степан Григорьевич вдруг неуклюже побежал, но тотчас сдержался и, нарочито замедляя шаг, подошел к вокзалу.

Сторожа почтительно пропустили его в павильон станции «Туннель-сити».

«Скорее к лифтам! Надо опуститься на сто метров. Может быть, вода еще не проникла туда или хоть не повредила электропроводки».

Лифт камнем падал вниз, но Степану казалось, что он еле движется.

И когда он наконец резко остановился, у Степана Григорьевича подогнулись колени.

«Так и есть!»

Осторожно открыл он дверь. Лифт не опустился до конца. Степан Григорьевич отер платком лоб, потом стал на колени и, заглянув вниз, в щель между лифтом и стенкой шахты, облегченно вздохнул. Осталось всего лишь метра полтора. Пришлось лечь и, протянув руку, достать до затвора внешней двери. Наконец двери открылись.

Степан Григорьевич тяжело спрыгнул на пол. Нога немного подвернулась; резанула неожиданная боль, но он не поморщился. Так же твердо ступая на ушибленную ногу, как и на здоровую, пошел он к перрону. Несколько ступенек вниз...

Холод пробежал у него по спине, словно вода лилась ему за ворот, а не струилась по узорному полу. Лоб стал влажным, даже брови стали мокрыми.

Нигде никого не было. В воде, залившей пол, отражались бесчисленные лампочки. Вокруг – пусто.

Еще несколько ступенек вниз. Здесь вода была уже по щиколотку. Потoki сбегали по ступенькам, как по камням порогов.

Вот и подземный перрон. На ярко освещенной мозаичной платформе он сразу увидел всех.

Андрей и Седых спокойно разговаривали с Кандерблем. Поодаль Коля Смирнов и Сэм Дикс возились с открытыми люками в воздушном шлюзе. Видимо, они только что заметили исчезновение тока. Поезда на рельсах не было.

«Значит, тока уже нет, люков не закрыть. Вода... Теперь не только подземный вокзал –

туннель также будет затоплен и погибнет неизбежно».

Степан с неожиданной для него быстротой запер на ключ все двери, соединявшие подземный перрон с лестницами. Потом спустился вниз и остановился, наклонив вперед голову и глядя исподлобья на заметивших его людей. Протянув руку, крикнул:

– Я запер двери! Вода прорвала дренажный слой! Вверху взорвана черная скала! Вода затопит вокзал в короткий срок!

Лишь на одно мгновение недвижно застыли пораженные его словами люди, невольно повернув голову к зиявшим темными отверстиями трубам Арктического моста.

Глава восьмая ВОДА

– Эй, слушай мою команду! – загремел под сводами вокзала раскатистый, как в былое время, бас Ивана Семеновича Седых.

Старик выпрямился, снова поразив гигантским ростом. Брови его, похожие на клочья медвежьей шерсти, сошлись.

Коля Смирнов и Сэм Дикс вздрогнули, оглянулись и непроизвольно схватили друг друга за руки. Вода расплывалась по платформе, ручейками стекала вниз на рельсы.

– Смирнов! Дикс! В аварийную кладовую марш!.. Кандербль, выберите им брезент!.. Корнев! Немедленно закрыть все ходы и выходы на платформу! Необходимо опустить водонепроницаемую переборку в наклонном туннеле.

– Есть!.. Есть! – послышались короткие ответы.

Люди мгновенно разбежались. На платформе остался только один старик Седых. Он снял фуражку и провел рукой по коротко стриженным изжелта-седым волосам, потом крикнул и огляделся. В стеклянной будочке, где стояли аппараты связи, он увидел фигуру Степана.

– Иван Семенович, – послышался голос Андрея, – электрический привод водонепроницаемой переборки не действует.

– Есть так, – отозвался Седых. – Иду к тебе, бородач. Вместе закроем вручную.

И он неуклюже побежал по платформе. Вода стекала по наклонному туннелю осязательным потоком.

– Лифты работают? Ты не пробовал? – спросил быстро Седых, стараясь вместе с Андреем вручную опустить водонепроницаемую переборку.

– Пробовал, Иван Семенович. Не работают, – ответил Андрей, тяжело дыша.

– Так... так... Давай, давай спускай... Ты знаешь, что делаем?

– Знаю, Иван Семенович: закрываем воде доступ в туннель.

– Не только, брат, воде доступ, но и людям выход. Иван Семенович проницательно посмотрел на Андрея.

Лицо Андрея залилось юношеским румянцем. Он открыл было рот, но Седых остановил его.

– Знаю, знаю, что скажешь, – улыбнулся он.

После дружных усилий Седых и Корнева переборка была закрыта. Теперь люди уже не могли выйти из подземного вокзала.

Перрон отделялся от остальных помещений вокзала, в частности от лифтов, стенкой, в которой было несколько тяжелых двустворчатых дверей. Сейчас они были закрыты Степаном, но вода тонкими струйками все же вытекала на платформу.

Андрей оглянулся и увидел, что его брат, выйдя из стеклянной будки, неторопливо прыгнул на рельсы и исчез в отверстии туннеля.

Андрей удивленно посмотрел на Седых.

– Двери-то у нас водонепроницаемые, – покачал головой старик, не отвечая на его немой вопрос и глядя, как вода начинает хлестать из щели.

Запахавшись, подбежали Коля и Сэм. Они принесли несколько кусков брезента.

– Заклеивай двери! – крикнул Седых. – А вы, товарищ Кандербль (Седых впервые назвал американца «товарищем»), попробуйте связаться с Вандермайером.

– Иес, сэр!

Кандербль побежал к стеклянной будке; оттуда уже слышались настойчивые звонки.

– Эй, Сэм, за склеивающим составом, бегом! – скомандовал Иван Семенович.

Андрей и Коля натягивали брезент. Видимо, вода быстро наполняла вокзальные помещения; дренажный слой с каждой секундой размывался все больше, двери уже гнулись под напором воды. Вся платформа была теперь покрыта водой, быстро стекавшей в трубы Арктического моста.

– Плохо, – проворчал Седых. – Скорее надо! Эй, живее, Сэм!

Американец и так бежал со всех ног.

– Что ты принес? Мало здесь состава.

– Больше нет, – пояснил запыхавшийся Дикс.

Седых и Андрей переглянулись. Остановить воду нечего было и думать.

Бегом приближался Кандербль.

– Ну? – вскинул брови Седых.

– Иес, сэр. Звонил товарищ Вандермайер. (Кандербль тоже впервые назвал своего помощника «товарищем».) Он сообщает, что несчастье очень велико. Взорвана скала у набережной, разрушена дренажная стенка.

– Почему взорвана? – мрачно спросил Седых.

– Подрывники не имели разрешения, но ссылаются, что при взрыве присутствовал мистер Стэппен Корнейв, – сухо сказал Кандербль и опустил голову.

Все молча принялись заклеивать дверь.

– Состава тратьте поменьше, берегите на все двери. Пусть вода немного проникает. Выдержим как-нибудь...

Из переговорной будки опять неслись звонки. Кандербль, скользя, побежал по платформе.

Послышался треск. Одна половина двери, не выдержав могучего потока, внезапно распахнулась. Оттуда с ревом хлынула вода. Она обрушилась на платформу, запрыгала каскадами по ступенькам и наконец сорвалась вниз на рельсы. По дну воздушного шлюза, устремляясь в туннель, мчался пенящийся поток.

Все переглянулись. Перехватив взгляд Андрея, Седых покачал головой:

– Нет, Андрюшка, без электричества воздушный шлюз нам не закрыть.

Появился Кандербль.

– Товарищи! – крикнул он. – Вандермайер только что сообщил мне, что привокзальная площадь вся затоплена водой.

– Воды сто метров над головой! – проговорил Коля.

– А ты не хнычь! – закричал на него Седых. – Берись, ребята, за большой брезент! Законопачивай большую пробоину. На судне и не такие дыры заdraивали.

Андрей, Коля и Сэм взялись за брезент с одной стороны, Седых и Кандербль – с другой. Дружно ринулись они под огромную, с силой бьющую струю. Голос Ивана Семеновича заглушал рев воды. Он приказал сначала склеивать верх брезента с притолокой двери. Добраться до притолоки было почти невозможно. Тогда Иван Семенович вошел в струю, прочно уперся ногами, ухватился руками за косяк и приказал Коле лезть к нему на спину. Вода, разбиваясь о плечи старика, вздымалась фонтанами, но не могла сдвинуть эту словно чугунную фигуру.

– Есть! – крикнул Коля, спрыгивая на пол.

Пять человек, напрягая все силы, стали охватывать струю брезентом.

– Дружно, крепко, разом! – кричал Седых.

– Есть разом! – отзывался Андрей.

Наконец удалось приклеить особым, не растворимым в воде и быстро схватывающим составом еще одну сторону. Вода надувала пластырь, стараясь сорвать его. Била она теперь

со все возрастающей силой, не прямо, а вкось.

Неравная борьба с водой двух американцев и трех русских длилась около часа.

Брезент выглядел теперь безобразно вздувшимся пузырем, из-под которого все же хлестала вода.

Едва люди закончили свою работу, как затрещали вторые двери. Они тоже были готовы вылететь под напором воды.

– Тащи сюда выломанные створки, подпирай ими! – Седых подбежал к дверям и уперся в них плечом.

Использовали изломанную половину первой двери как подпорки.

– Андрей, в случае чего передаю тебе команду, – сказал Седых. Потом обратился к Кандерблю: – Как Вандермайер?

– Я сообщил ему, что у нас слишком мало склеивающего состава. Но нам едва ли можно ждать от него помощи. Он сказал, что мы должны продержаться несколько суток. – Углы губ американца опустились. – Может быть, трое, а может быть, четверо... Он поднял весь город, но ни за что не ручается.

– Не продержимся, – спокойно сказал Седых. – Вот он, напор-то... Все увеличивается. Двери выломает, заклеивать нам нечем...

– Да, пожалуй, это верно, – согласился Андрей.

Кандербль перевел их слова Сэму. Тот молча кивнул головой.

Все впятером стояли посредине платформы, и эти минуты бездеятельности казались людям странными после отчаянных попыток остановить воду.

Вода все текла и текла, исчезая в туннеле.

– Пойди свяжись с Москвой! – приказал Седых Андрею.

В тот же момент что-то затрещало. Все бросились к дверям, грозившим открыться. Снова Седых уперся плечом, но дверь подпереть больше было нечем. Кандербль беспомощно оглядывался по сторонам; на мгновение он задержал свой взгляд на черных отверстиях туннеля.

– Какое замечательное сооружение! – с горечью сказал он и хлопнул Андрея по плечу. – Не верится, что удалось его достроить.

Андрей улыбнулся и крепко пожал американцу руку.

– В этой гигантской работе, как и во второй мировой войне, Америка и Россия еще раз объединили свои усилия.

– О'кэй, Эндрью! – еще раз ударил Андрея по плечу Кандербль и обнажил свои крупные ровные зубы.

Андрей так и не успел позвонить в Москву. Затрещали четвертые двери; их пришлось держать Кандерблю и Андрею.

Вода, проникая через слои земли, все еще обладала значительным напором; но, может быть, маленького усилия человеческих мышц было достаточно, чтобы помочь замкам сдерживать наполнявшую соседнее помещение воду.

Это было единственное, на что могли рассчитывать люди.

Седых послал к шестым дверям, внушавшим опасения, Колю и Сэма.

– Вандермайер сообщил в Москву? – спросил Андрей, вытирая мокрую бороду.

– О да! Но разве это поможет? До Мурманска около четырех тысяч километров, а электрического тока в туннеле нет. Авария на подстанции может быть ликвидирована не раньше чем через два дня. Автомобилю, чтобы доехать до Аляски, потребуется больше суток... да и вода в туннелях...

Помолчали.

– Сколько времени мы продержимся, товарищ Кандербль?

Американец прикинул в уме:

– Я полагаю, не больше трех – четырех часов.

– Пожалуй, меньше...

Снова замолчали. Слышалось шипение прорывающихся струй.

– О чем вы думаете, Эндрию? – спросил Кандербль.

– Об одной женщине. А вы?

– Знаете, я тоже думал о женщине.

– Как ее зовут?

– Анна. А вашу?

– Тоже Анна.

Оба переглянулись и улыбнулись друг другу.

В этот момент с грохотом открылись соседние двери, и струя с силой ударила в противоположную стену перрона.

– Теперь, пожалуй, меньше, чем три часа, – заметил Кандербль. – Весь вопрос в том, как быстро заполнится труба и пойдет на дно.

– Дверь выломана – теперь легче будет остальные держать, – с удивительным спокойствием отозвался Андрей.

Больше не говорили: все было понятно без слов.

Зачем же держали двери эти люди, если все равно были уверены, что ничто не поможет? И, словно в ответ на этот немой вопрос, который каждый был вправе задать самому себе, Иван Семенович крикнул:

– Дер-жать!

– Есть!

– Иес, сэр!

Не раз кто-либо из державших падал на колени, но спешил снова подняться. Шеи у всех вздулись, глаза налились кровью. Седых, подпирая своим громадным телом дверь, выполнял работу двоих. Створки дрожали, готовые сорваться с петель.

Но усилия людей были напрасны. Одна за другой, выламывая затворы, открылись три двери. Коля безнадежно махнул рукой и сделал движение, которое Иван Семенович понял как желание отойти от дверей.

– Куда? Назад! – загремел он.

Коля испуганно повернулся к нему.

– Есть стоять! – неуверенно крикнул он.

Седых кивнул головой. Лицо старика было багровым от напряжения. Он чувствовал, что замок его двери может сдать каждую секунду.

Никто не знал, сколько времени прошло. Вода с грохотом врывается через пять открытых дверей, устремляясь в отверстия туннеля.

И вдруг все обратили внимание, что как-то по-особенному стала вздыматься пена. Вода забурилась, как в водовороте, до людей стали долетать брызги. Было похоже, что над водой закрутился вихрь. Люди ничего не понимали. Мокрые, они не чувствовали, лишь видели косой летящий дождь.

– Ветер, – первый определил Коля Смирнов. – Откуда?

– Ветер, – повторил Андрей и взглянул на Кандербля.

Тот пожал узкими плечами.

Седых совсем изнемогал. Кандербль и Андрей видели, как теряет он последние силы. Вдруг он выпрямился и, обращаясь к Андрею, прохрипел:

– Принимай команду!

Двери, которые он держал, открылись. Струя сбросила старика на пол и поволокла по платформе. Андрей ринулся к нему на помощь. Кандербль, прикусив от напряжения губу, продолжал один сдерживать напор.

Андрей оттащил обессиленного старика к своим дверям и, продолжая вместе с Кандерблем упираться а створки, придерживал одной рукой Ивана Семеновича, чтобы его не унесло водой.

Никто больше не обменивался ни словом. Всем было ясно, что скоро конец, но никто не бросал своего поста. Люди продолжали бороться.

– А все-таки это ветер, – отрывисто сказал Кандербль. – Ветер из трубы.

В полной темноте неторопливой, уверенной походкой шел по туннелю Степан.

О чем думал этот человек?

Всплески от шагов Степана гулко отдавались в вогнутых металлических стенках, подчеркивая подводную тишину.

Не думал ли он о своей величественной гибели вместе с сооружением?

Нет! Степан Корнев шел в гибнущий туннель потому, что не мог простить себе ошибки, и думал только о том, что позволил сам себя обмануть... Разве испытание нового мотора хотел он провести? Он желал триумфа!.. Он сделал первый ложный шаг и покатился... одно следовало за другим... И вот в решительную минуту он оказался стоящим спиной к тому, что должен был оберегать... И даже пытался обосновать это какими-то рассуждениями...

Никто еще не взвешивал поступков Степана Корнева. Он судил себя сам. Он болтал когда-то о недоверии, даже роптал на это. Но доверия, коммунистического доверия он не заслужил. Не тем оказался человеком.

Давно уже исчезла крохотная звездочка – освещенное устье туннеля. Степан ни разу не обернулся назад.

Вдруг какой-то странный гудящий звук достиг его слуха. На мгновение он остановился, прислушался и облегченно вздохнул, словно ждал этого звука, зная, что он должен появиться.

Не движется ли воздух в туннеле?

Степан нагнулся, чтобы зачерпнуть в ладонь воды, но потерял равновесие и упал на колени. Поднявшись, он смочил щеки. Странно! Он ощущал ветерок, но лишь повернувшись назад. Степан твердо знал, что ветер должен был бить ему в лицо. Значит, только что упав и снова поднявшись, он потерял ориентировку.

Степан стал лицом к ветру и снова пошел.

Ветер все крепчал. Трепетали волосы и полы одежды, приходилось немного наклоняться вперед.

Наконец ветер стал ураганным. Он затруднял дыхание, вздымал перед Степаном стену воды.

Но, твердо сжимая губы, упорно наклонив голову, шел Степан навстречу ревущей, бьющей в лицо темноте.

Степан не замедлял шага, но никак не мог отделаться от впечатления, что ревущая, наполняющая туннель нестерпимым грохотом лавина надвигается на него сзади...

Ветер усиливался. Андрей и Кандерболь видели, что воздух действительно вырывается из одного отверстия туннеля и уходит в другое. Он закручивался вихрем перед воздушными шлюзами обоих туннелей; он останавливал воду в одном туннеле и гнал в другой. Ураган почти опрокидывал людей, которые крепко держались за ручки дверей. Но они уже поняли, что это был за ветер.

Только Сэм и Коля еще ничего не знали. Подойти к ним было нельзя, а слов они при реве струй и свистящем ветре все равно услышать не могли.

Ветер! Ветер! Желанный ураган! Спасительный вихрь.

Надежда и уверенность вселялись в сердца людей. Вода на платформе стала прибывать, подниматься скорее, чем прежде, а люди радовались.

При свете аварийных электрических ламп, питавшихся от специальной аккумуляторной батареи, люди видели, как из трубы, вздымая буруны, вырывалась вода. Вода мчалась из туннеля, словно какая-то сила вытесняла ее оттуда.

– Ура! – крикнул Коля, поняв все, и на мгновение выпрямился.

В следующую секунду струя выломала дверь, сбив Сэма. Коля помог подняться своему товарищу. Не говоря ни слова, они бросились к следующей двери, чтобы удержать хотя бы ее. Вода доходила до пояса и продолжала быстро подниматься.

– Что же будет? – спросил Сэм, опасливо глядя на прибывающую воду.

Но слов его никто не мог услышать. Они заглушались теперь не только шумом воды и

воям ветра, – новые звуки наполняли подземный вокзал. Это был глухой, все нарастающий рев.

Люди с надеждой прислушивались к нему. Рев все приближался. Он грубо врывается в уши, гудел, казалось, в самой голове; он рос с каждой секундой, превращаясь в невообразимый грохот, похожий на канонаду.

И вдруг из наполненного пенящейся водой туннеля вырвался луч прожектора, а следом за ним появилась какая-то огромная масса. Она засверкала влажным полированным металлом и остановилась, словно подошедший к перрону поезд.

– Ракетный вагон! Ура! – крикнул Коля.

– Мисс Седых! – сказал радостно Кандербль.

– Аня... – прошептал Андрей.

Аня стояла перед ним. Сияющая, сильная, она ласково улыбалась ему, протягивая обе руки.

Мимо Андрея из вагона вихрем вырывались люди с брезентами. Они бросались в ревущие струи, на мгновение скрываясь под водой. Аня давала короткие, отрывистые указания:

– Пластыри... клей... к дверям... Врача... Носилки... Нет, не надо носилок...

Яркий свет прожектора ракетного вагона заливал теперь полузатопленный перрон подземного вокзала. Андрей восторженно смотрел на Аню, явившуюся ему в ослепительном свете и оглушающем грохоте.

Вокруг все смеялись, похлопывая по плечу Андрея, Кандербля, Колю, Сэма.

Андрей, ни на что не обращая внимания, с силой схватил Аню и привлек ее к груди. И она нежно прижалась к нему, вдруг сразу ослабев. Ему показалось, что не было ничего в жизни: ни разрыва, ни разлуки, ни метеора... Была одна Аня, прежняя Аня, которую он всегда любил.

Кандербль отвернулся. Отойдя к ракетному вагону, он оперся о его блестящую обшивку. Николай Николаевич подошел к американцу и тронул его за плечо. Инженер попытался улыбнуться.

Некоторое время они простояли молча, потом Волков спросил:

– А где же Степан Григорьевич Корнев?

Кандербль нахмурился.

– Почему я его не вижу? – продолжал Николай Николаевич. – В трудную минуту он все же оказался на высоте.

Кандербль вопросительно посмотрел на него.

– Ведь это он сообщил нам о грозящей катастрофе и предложил прислать сюда ракетный вагон. Мы лишь выполнили его план, который, может быть, не пришел бы так скоро нам в голову.

– Мистер Корнейв предложил прислать ракетный вагон? – переспросил Кандербль.

– Да, он просил, чтобы ракетный вагон был послан по левому туннелю... Но где же он?

– Мистер Корнейв ушел в левый туннель, по которому сам прибыл сюда, – мрачно произнес Кандербль и отвернулся. – Он пошел к вам навстречу, – глухо добавил он.

Волков посмотрел в лицо подошедшему Ивану Семеновичу Седых. Тот снял мокрую фуражку. Николай Николаевич последовал его примеру.

– Позвольте, – вдруг сказал Волков, – но ведь мы прибыли не по левому туннелю, а нормально – по правому!

Все переглянулись. Седых крикнул и снова надел фуражку.

– Какое счастье, – продолжал Николай Николаевич, – что Степану Корневу не удалось все-таки совершить свою последнюю ошибку! Теперь он сможет убедиться, что мы умеем и понимать и помогать.

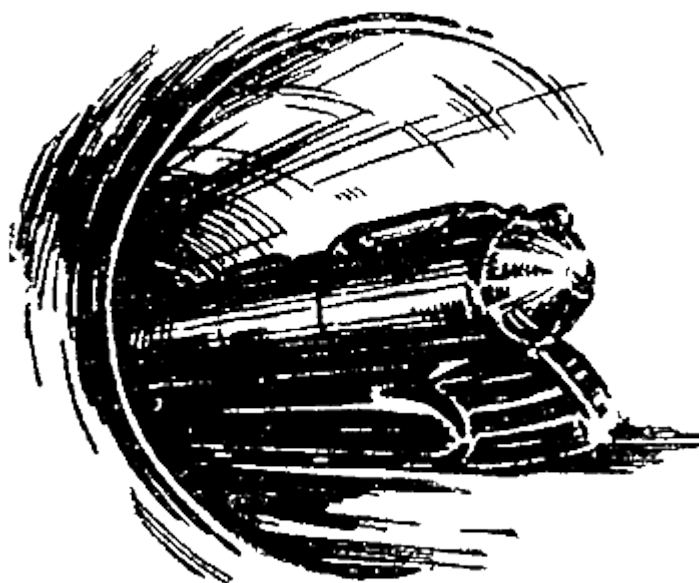
– О'кэй! – сказал Кандербль и направился к Ане и Андрею.

Они держались за руки, возбужденные и веселые. Кандербль подошел к ним. На лице его застыла горькая улыбка. Он крепко пожал им руки и сказал, обращаясь к Ане:

– Леди, подарите теперь мне это кольцо. Оно будет мне памятью о вас обоих, – и он указал на палец Ани.

Аня взглянула на Андрея и молча сняла кольцо. Кандербль еще раз пожал ей руку и, круто повернувшись, зашагал к переговорной стеклянной будке, откуда снова слышались настойчивые звонки.

Звонил Вандермайер, которому удалось восстановить связь. Он сообщил, что весь мир напряженно ждет известий о судьбе плавающего туннеля, моста дружбы континентов, как называли его теперь повсюду.

Эпилог

Девушка, юная и застенчивая, с нежным овалом лица и тонким профилем, с удивительной волной русых волос, которые она простым и небрежным движением закладывает обычно в тяжелый узел на затылке, возьмет в руки эту книгу, возьмет осторожно, боясь, что листки ее рассыплются в прах... С трудом поверит она глазам, что перед нею книга, написанная столько тысяч лет назад!.. Это ее находка, волнующая археологическая находка, которая, быть может, добавит хоть каплю в море человеческого знания о незабвенном периоде древности... Можно ли представить большее счастье, чем то, что выпало на долю девушки, носящей древнее имя Эльга, влюбленной в прошлое, живущей мысленно в былых веках, когда люди страдали, говорили на разных языках, порой даже не то, что думали, бились друг с другом, боролись за счастье, за будущее, изображали свои мысли странными неэкономичными знаками, некоторые из которых означали цифры, например год... Здесь стоит 1957 год! Неужели? Давно забытый календарь...

XX век!.. Прославленный век небывалых бурь и потрясений, взрывоподобного развития человеческой культуры, любимый ее век! Несомненно, эта книга не принадлежит к числу классических произведений, ее не хранили в музеях, ее не пересказывали, не изучали... Вероятно, это самая обычная книга, каких много издавали в ту таинственную пору... О чем же она? История неведомого народа? Картинки из жизни далеких времен... или, может быть, мечта? Ведь люди древности тоже мечтали, они мечтали о том времени, в котором живет сейчас она, или о пути к нему, мечтали точно так же, как думает сейчас она о минувшем, разглядывая чудом сохранившуюся обложку и листки из странного непрочного вещества, которое в незапамятные времена выделявали, губя для этого живые деревья... Счастливые раскопки, благодатная игра природы, оставившая без губительного света и доступа кислорода этот естественный грот – остаток грузного строения тех времен, когда люди жили большими скопищами в огромных зданиях, ездили по тесным улицам в смехотворно неуклюжих машинах, передвигающихся еще по земле, или, что еще забавнее, на дрессированных животных...

Кто читал эту книгу, кто писал ее, как выглядели эти люди? Это можно представить себе, разглядывая иллюстрации...

Ах, эти трогательные зарисовки без современных приборов, прямо рукой человека, обладающего феноменально развитым глазомером!.. У детей, словно повторяющих пройденные человеком ступени, сохраняется тяга к этому... Потому, быть может, кажется все таким наивным, детским в этой ископаемой книжке... На каком же древнем языке написана она, о каких народах, о вражде или дружбе?

Девушка Эльга, влюбленная в историю, может и не знать одного из древних языков, который странной речью зазвучал бы с сохраненных капризом времени страниц, зазвучал бы из далекого века революций, великого строительства будущего, воплощаемой мечты...

Во времена Эльги, в позднее тысячелетие человеческой зрелости, люди давно привыкли пользоваться непостижимо умноженными способностями мозга, которому так же верно будут служить электронные устройства, как мускулам с глубокой древности служат машины. Электронные клеточки искусственного мозга способны с помощью миллионов попыток в секунду не только решить невероятной сложности математические задачи, но и расшифровать любые письма, угадать значение слов неведомых языков, облечь их в будущие понятия и представления. Подобные машины мышления всегда найдутся в галерее изучения древности...

Эльга, смущаясь, искоса глядя вокруг, пойдет к заветной галерее, прижимая свою находку к груди. Эльге покажется, что она своей находкой принесет людям ту пользу, о которой будет мечтать в ее время каждый... А ведь сколько горя, разочарования, порой отчаяния будет у тех, кто не оправдает своих собственных надежд, кому покажется, что он не отдает обществу всего того, на что способен!.. Именно этим всегда будет мучиться и Эльга, такая же неумная и требовательная к себе, как и все люди тех времен.

Старый человек, еще статный, широкоплечий, с шишковатой голой головой, который

еще сто лет назад прославился знаменитыми расшифровками древних писем, встретит Эльгу, свою ученицу, и возьмет из ее дрожащих рук старую книжку. Бережно положит он находку на стол, перелистает страницы, вздохнет и скажет:

– Это русский язык, моя Эль. Язык страны, где впервые начали строить новые отношения между людьми, столь привычные нам теперь... То было время бурь и революций, выдающихся научных открытий, время, когда создавалось будущее, в котором мы живем.

И девушка с зеленоватыми глазами, откопавшая древнюю, не прочитанную еще книгу, вдруг заплачет, припав к широкой груди старого хранителя древних текстов.

– О чем ты плачешь, Эльга? – спросит могучий старец.

И Эльга ответит ему:

– Я плачу потому, что не могла сама прочесть книгу... я плачу потому, что мне жаль, бесконечно жаль, что я не живу в то время...

Он погладит ее, плачущую, вздрагивающую худеньким телом, погладит по густым русым волосам и подумает, что, быть может, в былые далекие времена жили девушки, которые не променяли бы ни на что то старое, беспокойное время, не променяли бы его даже на более счастливое...

– Один поэт древности говорил, что люди никогда не ощущают счастья в достигнутом. Подлинное счастье всегда было в движении, в стремлении достигнуть большего. В ту далекую пору, о которой ты грустишь, люди стремились к лучшему неистово... И в этом, быть может, было высшее счастье!

– Когда я могу узнать эту книгу? – спросит Эльга.

Она скажет «узнать» потому, что в ее усовершенствованное время не будет понятия «прочесть». Процесс узнавания книги будет неисчислимо быстрее ее чтения. Каждый человек тех времен будет знакомиться с неизмеримо большим числом произведений, чем человек читающий. Ассоциации, возникающие в его мозгу, и безукоризненная электронная память мыслящих машин, всегда имеющих в его распоряжении, позволят ему при малейшей надобности восстановить любое произведение во всех подробностях.

Немного времени понадобится Эльге, чтобы «узнать» найденную книгу, но то недолгое время, которое потребуется электронным машинам, чтобы расшифровать книгу, покажется Эльге невыносимо длинным.

Она будет приходить к своему учителю, вместе с ним просматривать черновые выводы электронной машины, перестраивать ее, задавать ей все более точную программу расшифровки...

И вот придет час, когда незаметная, рядовая для своего времени книга, которой лишь посчастливится сыграть роль черепка глиняной посуды, извлеченного при раскопках городища, будет «узнана» Эльгой и старцем хранителем.

В глубокой задумчивости выключат они послушную машину, достанут из ее недр наивную книгу древних и долго будут молча смотреть на нее.

– Океанский мост, – скажет девушка.

Так машина расшифрует название книги – пожалуй, более точно, чем в подлиннике, отражая существо написанного.

– Океанский мост... Неужели кто-то мог сомневаться в их время в том, что его надо строить?

– Чтобы прийти к этому выводу, людям пришлось понять многое. На расстоянии все яснее, моя Эль. Из нашего тысячелетия хорошо видно, как средства сообщения, меняясь, отражали высоту человеческой культуры.

Эльга мечтательно задумается, перенесется на тысячелетия назад. Когда-то человек ходил только пешком. Но как мало он мог пройти! Естественно, что племена, жившие далеко друг от друга, развивались обособленно, говорили по-своему и враждовали между собой. К концу своего младенчества человек приручил животных. Появились дрессированные звери, на которых ездили и перевозили грузы. Как это было красиво и романтично! Эльга многое отдала бы, чтобы хоть раз в жизни, наполненной машинами, проехать верхом на лошади,

проскакать по степи, чтобы травы били коня по животу, чтобы свистел ветер в ушах и развевалась, задевая лицо, жесткая грива! Какое счастье ощущать под собой сильного, послушного коня, теплого, живого, порой капризного, но благородного, повинующегося малейшему твоему желанию!

Дороги сблизили людей, живущих далеко друг от друга, помогли взаимопроникновению культур, но не изменили, конечно, отношений между народами. История человечества шла своим чередом. Средства сообщения лишь отражали ее.

Еще одна страница истории – и перед взглядом Эльги на фоне бурного моря встает белокрылый корабль с надутыми парусами. Ветер, могучий ветер, сконцентрировавший в себе солнечную энергию, подчинился человеку, погнал по его воле корабли в чужие страны, к неведомым землям. Ах, если бы можно было взобраться на рею, повиснуть над водой, описывая в воздухе дугу от гребня одной волны до гребня другой! Почувствовать бы себя сильнее моря!

Человек покорила ветер и море. Далекие народы узнали о существовании друг друга. Разделенные океаном, они становились соседями более близкими, чем государства, разделенные горой или лесом. Однако слияние народов в единое человечество произошло после победы человека над сушей, после появления движущихся машин и дорог. Они были забавны, смешны, эти машины, на взгляд людей позднего тысячелетия, но они непрестанно менялись, как бы жили, развивались, совершенствовались, затрачивая все меньше энергии для передвижения со все возрастающими скоростями. Пути бегущих машин пересекли материки, столкнулись разные языки, смешались народности. Границы между государствами стали ощущаться как наследие чего-то давно прошедшего. Однако сколько тысячелетий понадобилось для того, чтобы стерлись эти границы, перерезанные несчетными путями по суше, по морю, наконец по воздуху! Менялись социальные системы, все сплоченнее жили люди, все меньше значили расстояния. Люди уже умели летать с очень большими скоростями, но еще зависели от энергии, которую затрачивали, должны были экономить ее.

Очевидно, именно тогда появились плавающие в морях и проложенные в выемках по земле трубы-туннели, в которых не было мешающего движению воздуха, и поезда в них почти не затрачивали энергии, ибо трение качения при огромных скоростях ничтожно. Эти трубы частой сетью пересекли континенты и океаны. Эльга вспомнит, что она даже видела остатки таких труб в ископаемом городе на берегу ушедшего моря. Два отверстия были отчетливо видны в скалистом склоне, обрыве берега...

Во времена Эльги люди, овладев тайнами вещества, умея превращать в энергию не ничтожную его часть, как в первый атомный век древности, а полностью всю массу и получать при этом несметную энергию, навеки забыли об энергетическом голоде прошлого. В условиях новой жизни не надо было экономить, можно было не останавливаться перед тратой энергии, для того чтобы оторвать от земли все виды транспорта, сделать основной трассой движения воздух, где доступны все направления. Старые туннели были забыты. Но все же они, эти туннели прошлого, плавающие или зарытые в землю трубы, по которым мчались когда-то допотопные вагоны, эти тысячекилометровые трубы были в свое время протянуты с материка на материк руками, которые в дружеском пожатии сделали далеких соседей близкими, человеческую культуру общей для всего земного шара, стремительно растущей, позволившей достигнуть всего того, чем гордится позднее тысячелетие человеческой зрелости. Эти трубы-мосты стали символом единения всего человечества, слияния воедино народов, выбравших после всех социальных катаклизмов высшую общественную формацию – коммунизм, принявших общий всем язык...

Эльга будет думать обо всем этом, изредка касаясь руки старца и взглядывая на него. Между ними установится непосредственное общение мыслей, которое в нашем, древнем для них времени известно лишь в редчайшие минуты между близкими людьми. Людям позднего тысячелетия слова нужны будут лишь для передачи мыслей новых, не известных собеседнику.

Старец хранитель, проследив вместе с Эльгой картины прошлого, скажет:

– В древние века транспорт служил связью в трех измерениях. Археологическая находка, будь то черепок горшка, меч или даже книга, как свидетель и современник прошлого, переносит тебя, моя Эль, в четвертом измерении – во времени.

– О да! Конечно, так! – скажут загоревшиеся глаза девушки. – Какой-то миг я жила среди людей прошлого, боролась вместе с ними, любила, даже ненавидела... Ведь мне всегда было очень, очень жаль что я не родилась в их время.

– Вижу, ты счастлива. Счастлива как историк, счастлива как дитя мечты, как подруга людей с древними именами Андрея, Анны, Дениса, Степана...

– Как бы я хотела написать последнюю главу!

– Последнюю главу?

– Главу о сбывшейся мечте... Написать историю человечества с тех самых времен... Ту главу, в которую все они так верили.

– Более того, – скажет историк. – Они, люди далекой культуры, от которой попал нам с тобой в руки неприглядный черепок, современники бурь и революций, не только верили в эту главу, – они еще и строили сами эту новую главу истории, строили по собственному своему замыслу, которому обязаны и мы с тобой всем нашим временем, нашей судьбой.

– Ах, если бы они могли прочесть эту главу истории об их будущем!..

– Глава эта так же естественна, как и мечта их о мире и сближении. В мечтах своих каждый из людей того древнего времени читал твою главу, девушка их будущего...

Девушка прижмет свою находку к груди и мысленно перенесется в далекий наш век, всей душой стремясь к нам, людям нашего времени, чтобы вместе с нами говорить о нашем будущем, известном ей как славные страницы любимой ею истории.

И это будет история сбывшейся мечты.

*Нью-Йорк – Москва
1939–1946–1957 гг.*